

ОРГАНИЗАТОРЫ:

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РЕРИХОВСКИЙ ЦЕНТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«РЕРИХОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

ПОСВЯЩАЕТСЯ 300-ЛЕТИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «РЕРИХОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

ВОСТОК – ЗАПАД НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

Часть первая

Санкт-Петербург
Рериховский центр
Санкт-Петербургского государственного университета
2007

ББК 70

Редакционный совет:

А.А. Бондаренко, Ю.Ю. Будникова, Л.С. Конова, С.В. Медведев,
В.Л. Мельников, К.И. Новосельский, Е.А. Трофимова,
В.Н. Троян (председатель), Ю.А. Ушаков, М.Н. Чирятьев,
Е.П. Яковлева

Ответственные редакторы

А.А. Бондаренко и В.Л. Мельников

ББК 70 **Международная научно-практическая конференция
«Рериховское наследие»: Том III: Восток – Запад на
берегах Невы.** – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. –
Ч. 1. – 576 с.

ISBN **978-5-8108-0307-2**

*РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ БЛАГОДАРИТ Л.С. МИТУСОВУ (Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)
И МУЗЕЙ НИКОЛАЯ РЕРИХА (Г. НЬЮ-ЙОРК) ЗА НЕИЗМЕННУЮ ПОМОЩЬ И СОДЕЙСТВИЕ.*

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 18-я линия, дом 1
Рериховский центр СПбГУ. Тел./факс: +7 812 323-08-85;
<http://www.spbu.ru/Science/Centers/RoerichCenter/>;
<http://www.roerich-heritage.org/>; <http://www.roerich-museum.org/>;
e-mail: info@roerich-heritage.org; office@roerich-museum.org; vm@roerich-museum.org.

© Рериховский центр СПбГУ, 2007

© Санкт-Петербургский государственный Музей-институт семьи Рерихов, 2007

© Международный благотворительный фонд «Рериховское наследие», 2007

ООО НТП «Фактор»

ПРЕДИСЛОВИЕ

III Международная научно-практическая конференции «Рериховское наследие» состоялась в год 300-летия Санкт-Петербурга – родного города семьи Рерихов – и в год 75-летия начала деятельности Гималайского исследовательского института «Урусвати», основанного на севере Индии этой петербургской семьёй, внёсшей выдающийся вклад в сохранение мирового культурного достояния и поиск новых творческих путей, духовное сближение Запада и Востока, рост самосознания и единения людей в мире.

Перед участниками конференции стояли следующие цели и задачи:

- изучение наследия семьи Рерихов, их восточных поисков в свете традиционных российских и петербургских духовных и научных исканий;
- приложение рериховских идей о Культуре и петербургских правовых традиций в области сохранения культурного достояния и миротворчества в условиях глобализации;
- определение приоритетных направлений и практических мер по сохранению и изучению наследия Н.К. Рериха и его семьи в Санкт-Петербурге;
- изучение и использование опыта работы Гималайского исследовательского института «Урусвати» и других научных и культурных учреждений, организованных представителями семьи Рерихов по всему миру;
- обобщение опыта образовательных объединений, этических советов, педагогических обществ и подобных им структур как элементов гражданского общества;
- освещение проблем и достижений в восстановлении петербургских духовных и культурно-исторических традиций в год празднования 300-летия Санкт-Петербурга;
- освещение творческого вклада российской науки и искусства в соединении Востока и Запада.

«Восток – Запад на берегах Невы» – так была обозначена главная тема и девиз конференции, которая проходила **9–11 октября 2003 г.** в Санкт-Петербургском государственном университете.

В рамках разработки рериховских подходов прошли два пленарных заседания и работали секции по следующим основным направлениям:

- история науки;
- философия и естествознание на междисциплинарных перекрёстках;
- искусство и культура;
- воспитание, образование, этика.

Организаторами конференции выступили: Санкт-Петербургский государственный университет, Рериховский центр СПбГУ, Музей-институт семьи Рерихов в Санкт-Петербурге, Международный благотворительный фонд «Рериховское наследие». Поддержку и содействие оказывали: Администрация и Законодательное собрание Санкт-Петербурга, Комитет по культуре и Комитет по науке и высшей школе Администрации Санкт-Петербурга, Межрегиональный научно-общественный центр

«Культурная инициатива», НКО «Фонд поддержки гражданских инициатив», Санкт-Петербургское отделение Международной Лиги защиты Культуры; Тверская региональная общественная организация «Центр духовной культуры», Муниципальный совет округа № 7 Санкт-Петербурга; Вышневолоцкий фонд поддержки и развития образовательной системы «Ирида-прос», а также другие организации.

В работе конференции приняли участие 107 докладчиков и 112 слушателей (участников, гостей) – представители 13 стран. В трудах конференции представлены авторы из Австрии, Германии, Грузии, Италии, Казахстана, Китая, Монголии, России, США, Украины и Швейцарии. На иностранных участников приходилось 18 % выступлений, на россиян – 82 %, в том числе по городам: Санкт-Петербург – 61 %, Москва – 5 %, Вышний Волочёк – 2 %, Белгород, Великие Луки, Великий Новгород, Вологда, Екатеринбург, Казань, Кемерово, Липецк, Нефтекамск, Новосибирск, Петрозаводск, Псков, Тула и Ленинградская область – по одному проценту от общего числа участников.

10 октября 2003 г. в рамках мероприятий конференции состоялось награждение первых Лауреатов **Международной премии имени Николая Рериха**, учреждённой в канун юбилея нашего города Всемирным клубом петербуржцев, Санкт-Петербургским государственным университетом, Музеем-институтом семьи Рерихов, Санкт-Петербургским художественным училищем имени Н.К. Рериха, Международным благотворительным фондом «Рериховское наследие». Торжественная церемония награждения проходила в Петровском зале Санкт-Петербургского государственного университета (Главное здание СПбГУ – Двенадцать Петровских коллегий) под председательством руководителя Оргкомитета премии, профессора М.Б. Пиотровского в присутствии многочисленных гостей, участников конференции и представителей СМИ.

Согласно Положению о Международной премии имени Николая Рериха, она присуждается видным представителям отечественной и мировой культуры и творчески ярким, не обязательно знакомым широкой публике художникам, педагогам, научным и творческим работникам, общественным деятелям, вносящим особый вклад в сохранение и развитие творческих традиций, культурных и нравственных основ. Премия присуждается решением Оргкомитета на основании представлений от организаций вне зависимости от национальной, религиозной или социальной принадлежности кандидатов. Стать лауреатом Премии можно не более одного раза. Лауреаты Премии награждаются Памятным дипломом, медалью «Лауреат Премии имени Николая Рериха»^{*} и денежным призом, сформированным Международным благотворительным фондом «Рериховское наследие» в рамках специальной благотворительной программы на основе пожертвований меценатов и спонсоров. В 2003 г. попечителями данной благотворительной программы были администрация

^{*} Об истоках художественного решения и символике медали Международной премии имени Николая Рериха см.: Мельников В.Л. Николай Рерих: «Медаль выбита во имя мира всего мира...» // Пятая выставка медальеров Санкт-Петербурга: Каталог. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. – С. 126–129. – *Примеч. ред.*

Муниципального округа № 7 Санкт-Петербурга, группа компаний «Конкорд» (г. Москва), АО «Лемкон» (г. Санкт-Петербург) и ряд граждан. Первыми Лауреатами Премии стали:

– в номинации «Достижения в области художественного творчества» – художник **Пётр Тимофеевич Стронский** (г. Москва) – «За вклад в развитие монументальной живописи и верность российским историко-художественным традициям»;

– в номинации «Достижения в педагогике и просветительстве» – бывший директор Санкт-Петербургского художественного училища имени Н.К. Рериха **Сергей Алексеевич Кирпичёв** (посмертно) и методист этого же училища **Энна Моисеевна Романовская** (г. Санкт-Петербург) – «За вклад в сохранение педагогических традиций российского художественного образования и возвращение имени Николая Константиновича Рериха Рисовальной школе Общества поощрения художеств – ныне Санкт-Петербургскому художественному училищу имени Н.К. Рериха»;

– в номинации «Достижения в области сохранения культурных ценностей и миротворчества» – известный меценат **барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн** (княжество Лихтенштейн) – «За большой вклад в дело возвращения России её историко-культурного наследия»;

– в номинации «Достижения в области сохранения Рериховского наследия» – основатель Музея-института семьи Рерихов **Людмила Степановна Митусова** (г. Санкт-Петербург) – «За особый вклад в сохранение наследия семьи Рерихов в Санкт-Петербурге и преемственности традиций петербургской семьи»;

– в номинации «Достижения в деле формирования культурного образа России в мире» – ректор Санкт-Петербургского государственного университета, профессор **Людмила Алексеевна Вербицкая** (г. Санкт-Петербург) – «За большой вклад в дело формирования общеевропейского образовательного пространства и поддержания русского языкового пространства в мире».

В Оргкомитет Международной премии имени Николая Рериха были приглашены уважаемые и известные в Санкт-Петербурге и мире деятели науки и культуры. Индийский меценат и культурный деятель, друг С.Н. Рериха и Девики Рани Рерих, Х.К. Кеджривал (Н.К. Kejriwal) в ответ на приглашение принять участие в торжественной церемонии награждения лауреатов 20 сентября 2003 г. прислал следующий ответ:

«Уважаемый профессор Владимир Троян,

Большое спасибо. Для меня большая честь, что Вы пригласили меня участвовать в церемонии награждения лауреатов Премии имени Николая Рериха, которая состоится 9–11 октября 2003 г. в Санкт-Петербургском государственном университете. Благодаря тому, что у меня были очень близкие отношения с Рерихом и Девикой Рани, я общался с ними в Бангалоре более 25 лет, и у нас в доме собрана большая коллекция живописи обоих, отца и сына. Я очень дорожу воспоминаниями о нашем долгом общении с ними.

С наилучшими пожеланиями, Х.К. Кеджривал».

В рамках культурной программы конференции 9 октября 2003 г., в 19.00, во Всероссийском музее имени А.С. Пушкина на Набережной реки Мойки, 12 состоялась петербургская премьера спектакля **«Лицейская республика»** (инсценированные страницы из жизни юного Александра Пушкина). Исполнитель – Школа-студия драматического искусства некоммерческого образовательного учреждения «Светлые знания» (г. Вологда), неоднократный дипломант и лауреат городских, областных и российских конкурсов детских театров. Художественный руководитель Школы-студии – педагог Марина Семёнова. За этот спектакль в исполнении младшей группы Школа-студия получила диплом Лауреата Вологодского областного этапа конкурса детских коллективов «Классика на русской сцене». В инсценированные страницы вошли ранние произведения А.С. Пушкина и его лицейских друзей. Автор инсценировки – педагог студии Ирина Старостенко, режиссёр спектакля – Татьяна Медведева, режиссер-постановщик – Наталья Воробьёва. Этот удивительный спектакль и его иллюстрированные программки понравились всем участникам конференции, пришедшим на представление.

Также в рамках культурной программы 11 октября 2003 г. состоялась экскурсия по рериховским местам Петербурга и его пригородов Пушкина и Павловска с посещением дачных мест, где в своё время отдыхала семья Рерихов, а также Фёдоровского городка и Фёдоровского Государева собора, в обустройстве которых активное участие принимал Н.К. Рерих.

В адрес Третьей конференции «Рериховское наследие» поступили приветствия от деятелей науки и культуры не только России, но и других стран. Все они были оглашены на пленарных заседаниях. Первым было зачитано приветствие **Российского университета дружбы народов** (г. Москва), подписанное В.М. Филипповым, председателем Попечительского Совета РУДН, министром образования Российской Федерации, и Б.В. Вершининым, директором Музея культуры народов мира РУДН:

«Многонациональный коллектив Российского университета дружбы народов приветствует участников Международной научно-практической конференции «Восток – Запад на берегах Невы», проходящей в старейшем Университете России.

Санкт-Петербургский государственный университет был основан Петром I как часть целостной системы науки и образования России, объединяющей Академию наук, Университет и Гимназию. Первый Университет – это наше общее наследие, наше бесценное сокровище, наш богатейший опыт. На протяжении почти трёх веков образовательной деятельности Университет оказал огромное влияние на развитие отечественной высшей школы, российской науки и русской культуры в целом.

Мы от всей души поздравляем Вас со знаменательным юбилеем – 300-летием Санкт-Петербурга! В истории удивительно красивого города так же, как в нашей национальной истории, как и в душе русского народа, переплелись влияния Востока и Запада. Построенный по лучшим образцам европейской культуры, он имеет название – Северная Пальмира. И в то же время в нём основан единственный на севере

Ректор СПбГУ, профессор Л.А. Вербицкая принимает Международную премию имени Николая Рериха. III конференция «Рериховское наследие». Петровский зал. 10 октября 2003. Слева направо: проректор по научной работе СПбГУ, председатель Оргкомитета конференции, профессор В.Н. Троян, директор Государственного Эрмитажа, председатель Оргкомитета премии, профессор М.Б. Пиотровский, ректор СПбГУ, профессор Л.А. Вербицкая, председатель Правления Всемирного клуба петербуржцев В.Т. Орлова.

ре Европы Буддийский храм, отсюда легенда – Северная Шамбала. Сам Пётр перенёс в город мощи Святого Благоверного Великого Князя, воина-дипломата, первого евразийца – носителя “Русской идеи” Александра Невского, сделав его Небесным Покровителем Северной столицы. Город трёх революций, город В.И. Ленина, город-герой 60 лет назад ценой невероятных, сверхчеловеческих усилий не дрогнул, выдержал 900-дневную блокаду и победил во славу будущего.

В Российском университете дружбы народов стало прекрасной традицией проведение Международного философского симпозиума “Диалог цивилизаций: Восток – Запад”. Инициатором и организатором проведения этого симпозиума являются факультет гуманитарных и социальных наук РУДН и Межвузовский центр по изучению философии и культуры Востока. В работе симпозиума принимают

участие крупные учёные и общественные деятели России и зарубежных стран. Цели симпозиума – конструктивный обмен мнениями по возможным направлениям развития современных цивилизаций, изучение исторических судеб и современного состояния духовных культур Востока и Запада, выработка новой научной парадигмы в понимании общечеловеческой, мировой культуры. Студенты и аспиранты имеют возможность не только присутствовать и слушать выступления, но быть активными участниками форума. В рамках симпозиума проходит Межвузовская научная конференция молодых учёных “Восток – Запад. Диалог культур и цивилизаций”, в которой принимают участие молодые учёные вузов России.

Мы от всего сердца желаем участникам конференции плодотворной работы во благо сохранения мирового культурного достояния и новых творческих путей единения людей в Красоте и Мире!».

В приветствии **Литовского общества Рериха**, подписанного Иреней Залецкене и Нерингой Даргите, сообщалось:

«К сожалению, в этом году представители Литовского общества Рериха приехать на вашу конференцию не смогут, так как в октябре планируется паломническое путешествие путями Рерихов в Индию. Поездка намечается длительная и сложная, потому сейчас идёт серьёзная подготовка.

Ещё раз благодарим за приглашение, тепло вспоминая прошлогоднюю конференцию – её высокий научно-культурный уровень, незабываемые встречи, прекрасную культурную программу и, особенно, Вашу заботливость во время пребывания в Санкт-Петербурге.

С сердечными пожеланиями Света и успеха в ваших трудах».

В своём послании в адрес конференции председатель **Итальянского общества Живой Этики** в Италии Фиоренца Бортоллотти отмечала:

«Надеемся, у нас будет возможность доложить о сотрудничестве разных групп в мире, чтобы придать новую энергию рериховской работе (Гималайский исследовательский институт и другие институты и ассоциации)».

Директор **Музея Николая Рериха в Нью-Йорке** Даниил Энтин прислал следующее приветствие в адрес конференции:

*«Дорогие друзья,
по поручению Совета директоров Музея Николая Рериха в Нью-Йорке я хочу пожелать успеха вашей конференции “Рериховское наследие” 9–11 октября. Мы сожалеем, что не можем быть с вами в этот раз, но мы с вами в духе».*

В адрес конференции поступило приветствие от **семьи Беликовых**, продолжающей дело сохранения и популяризации Рериховского наследия в Эстонии. Специально к открытию конференции А.П. Беликова и Г.К. Беликова подготовили к публикации текст заметок К.П. Беликова о приездах С.Н. Рериха в СССР, которые Кирилл Павлович диктовал, будучи уже прикованным к постели до самого дня своей безвременной кончины.

Также в адрес конференции поступило приветствие от **Ирины Евгеньевны Иванченко** из Нарвы, хранителя традиций семьи известного русского поэта и прозаика Константина Константиновича Случевского (1837—1904). В своём письме И.Е. Иванченко привела интересные генеалогические подробности и поставила важные для понимания родственных связей Рерихов вопросы. В частности, она писала:

«...Меня интересовала Агния Фёдоровна Рерих, по-видимому, сестра Константина Фёдоровича Рериха [отца Н.К. Рериха. – Ред.], но о ней никаких сведений, кроме того, что она являлась второй женой Константина Константиновича Случевского, имела от него дочь Александру, которая в одном из писем, адресованных директору Нарвского городского музея (копия письма есть у меня в архиве), писала, что её мать имеет родственные связи с семьёй художника Рериха. Знаю ещё о том, что Агния Фёдоровна умерла в блокадном Ленинграде в 1942 году. Больше никаких сведений у меня о ней нет, а, действительно, очень жаль... Известно также, что К.К. Случевский был знаком с художником М.О. Микешиным, может, через него познакомился и с Агнией Фёдоровной. Может быть, кто-то что-нибудь подскажет по этому поводу? Буду чрезвычайно признательна и благодарна за помощь и любую консультацию».

В канун конференции на имя ректора Санкт-Петербургского государственного университета, профессора Людмилы Алексеевны Вербицкой поступило приветствие от **Одесского Дома-Музея имени Н.К. Рериха**:

«Уважаемая госпожа Л.А. Вербицкая!

Примите, пожалуйста, наши поздравления в этот Памятный день! Возглавляя Санкт-Петербургский государственный университет, Вы, как настоящий учёный, устремлённый в будущее и почитающий традиции университета, а также память о великих выпускниках (в частности, Н.К. Рерихе), вносите огромный вклад в развитие преемственности науки и высокой культуры. Сотрудники Одесского Дома-Музея имени Н.К. Рериха поздравляют Вас с Днём рождения Н.К. Рериха и приветствуют начало Международной конференции, приуроченной к его 129-летию. Желаем всем участникам конференции творческого сотрудничества и всяческих успехов в её проведении. Е.Г. Петренко».

Чрезвычайный и Полномочный Посол Монголии в Российской Федерации Санжаа Баяр в ответ на приглашение принять личное участие в работе конференции направил письмо на имя директора Музея-института семьи Рерихов, члена Международного Оргкомитета премии имени Николая Рериха А.А. Бондаренко:

«Уважаемый господин А.А. Бондаренко!

Благодарю за приглашение принять участие в открытии конференции и церемонии награждения лауреатов Международной премии имени Николая Рериха, выдающегося деятеля русской и мировой культуры.

Николай Рерих был известен не только как художник, учёный, путешественник, но и как крупный общественный деятель. Предложенный им Пакт по охране культурного достояния народов был поддержан, а впоследствии принят конференцией по вопросам образования, науки и культуры, созданной ООН весной 1954 г. в Гааге.

Исследования Николая Рериха, сделанные во время его путешествий по Центральной Азии, в том числе в Монголии, известны всему миру.

Мир знает не только Николая Константиновича Рериха, но также Елену Ивановну Рерих, Святослава Николаевича Рериха, Юрия Николаевича Рериха. Это поистине знаменитая семья.

Монголия и монголы чтят и помнят Рерихов. Мне приятно упомянуть, что в Монголии также есть Музей семьи Рерихов.

К моему великому сожалению, в виду запланированной командировки на Родину я не смогу принять Ваше приглашение.

Надеюсь встретиться с Вами после возвращения в Москву.

С уважением, С. Баяр».

Конференцию также приветствовали из Москвы: В.В. Надёжин и Н.А. Тоотс (от **Благотворительного фонда сохранения и развития культурных ценностей «Дельфис»**), подчеркнувшие особое значение данного научного форума и выразившие готовность к сотрудничеству; Т.Я. Елизаренкова и Д.Н. Лелюхин (от **Общества востоковедов РАН и Научного совета Мемориального кабинета профессора Ю.Н. Рериха в Институте востоковедения РАН**), в свою очередь, пригласившие всех желающих принять участие в очередных «Рериховских чтениях», состоявшихся 26–27 ноября 2003 г. в Институте востоковедения РАН.

Следующий, 2004-й год являлся годом 130-летнего юбилея Н.К. Рериха, и организаторы конференции и учредители премии призвали ЮНЕСКО объявить его годом Николая Рериха.

На заключительном заседании Оргкомитета конференции была утверждена тема, следующей, Четвёртой конференции «Рериховское наследие»: **Охрана культурных ценностей: петербургские традиции.**

В настоящем издании воспроизведены избранные доклады и выступления, прозвучавшие на конференции **«Восток – Запад на берегах Невы»**. Для удобства издание поделено на две части. В первую часть вошли следующие разделы: «Рерихи и их современники: страницы биографии», «Восток – Запад на берегах Невы», «История науки», «Культура и искусство».

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Сопредседатели:

Б.С. Соколов, академик РАН, советник Президиума РАН, президент Российского палеонтологического общества;

В.Н. Троян, доктор физико-математических наук, профессор, проректор Санкт-Петербургского государственного университета по научной работе.

Члены Оргкомитета:

Н.В. Благово, заведующий Музеем истории школы К.И. Мая;

А.А. Бондаренко (заместитель председателя Оргкомитета), кандидат физико-математических наук, доцент СПбГУ, директор Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге, руководитель Рериховского центра СПбГУ;

Я.В. Васильков, доктор филологических наук;

А.Д. Викторов, доктор технических наук, профессор, председатель Комитета по науке и высшей школе Администрации Санкт-Петербурга;

В.А. Воротников, и. о. председателя Комитета по культуре Администрации Санкт-Петербурга;

А.Ю. Дворниченко, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета СПбГУ;

Ю.И. Елихина, кандидат исторических наук, хранитель отдела Востока Государственного Эрмитажа;

Ю.А. Ендольцев, кандидат педагогических наук, доцент, учёный секретарь Музея истории Санкт-Петербургского государственного университета;

С.Н. Иконникова, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского университета культуры и искусств;

Е.И. Кычанов, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН;

С.В. Медведев, директор Фонда поддержки и развития образовательной системы «Ирида-прос», директор Вышневолоцкого филиала Музея-института семьи Рерихов;

В.Л. Мельников (заместитель председателя Оргкомитета), председатель правления Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие», заместитель директора Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге;

И.Н. Половцев, заместитель председателя Муниципального совета округа № 7 Санкт-Петербурга;

А.М. Решетов, кандидат исторических наук, заведующий отделом Восточной и Юго-Восточной Азии Музея этнографии и антропологии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН;

К.В. Романов, доктор философских наук, профессор кафедры философии образования Санкт-Петербургской академии последиplomного педагогического образования;

Р.С. Салимов, учредитель Нефтекамского культурного центра «Радуга+»;

Т.П. Селиванова, кандидат исторических наук, доцент кафедры индийской филологии восточного факультета СПбГУ;

И.Л. Тихонов, кандидат исторических наук, доцент, директор Музея истории Санкт-Петербургского государственного университета;

Е.А. Трофимова, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института образования взрослых Российской Академии образования;

Ю.А. Ушаков, действительный член Русского Географического общества, член правления Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие»;

Р.М. Юсупов, доктор технических наук, профессор, директор Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН.

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

В.Н. Троян, доктор физико-математических наук, профессор, проректор Санкт-Петербургского государственного университета по научной работе.

Члены Программного комитета:

Н.В. Благово, заведующий музеем истории школы К.И. Мая;

А.А. Бондаренко, кандидат физико-математических наук, доцент СПбГУ, директор Музея-института семьи Рерихов, руководитель Рериховского центра СПбГУ;

Я.В. Васильков, доктор филологических наук;

Б.В. Вершинин, директор Музея культуры народов мира Российского университета дружбы народов;

Ю.А. Ендольцев, кандидат педагогических наук, доцент, учёный секретарь Музея истории Санкт-Петербургского государственного университета;

Б.П. Коваленко, кандидат технических наук, председатель Комиссии истории мировой культуры и ноосферы Русского Географического общества;

Л.С. Конова, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного Русского музея, член Союза художников Санкт-Петербурга;

П.И. Крылов, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге;

Е.П. Маточкин, кандидат искусствоведения, профессор Международной Славянской Академии, старший научный сотрудник Республиканского Алтайского краеведческого музея им. А.В. Анохина (г. Новосибирск);

С.В. Медведев, директор Фонда поддержки и развития образовательной системы «Ирида-прос», директор Вышневолоцкого филиала Музея-института семьи Рерихов;

Основатель Музея-института семьи Рерихов, Лауреат Международной премии имени Николая Рериха Л.С. Митусова среди участников III конференции «Рериховское наследие». Центр культурного и делового сотрудничества СПбГУ. 10 октября 2003. Слева направо: Е.А. Трофимова, Н.Д. Лащенко, Л.С. Митусова, И.И. Огнев. Снимок С.В. Медведева.

В.Л. Мельников, председатель правления Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие», заместитель директора Музея-института семьи Рерихов по научной работе;

К.И. Новосельский, доктор экономических наук, профессор Екатеринбургского государственного экономического университета;

Е.П. Яковлева, доктор искусствоведения, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея.

1. РЕРИХИ И ИХ СОВРЕМЕННОКИ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

К.И. НОВОСЕЛЬСКИЙ

(Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург)

«ГОЛУБИНАЯ КНИГА» КАК КЛЮЧ К ИСТОРИИ РОДА РЕРИХОВ

*Восходила туча сильная, грозная,
Выпала книга Голубиная,
И не малая, не великая:
Долины книга сороку сажень,
Поперечины двадцати сажень.*

.....

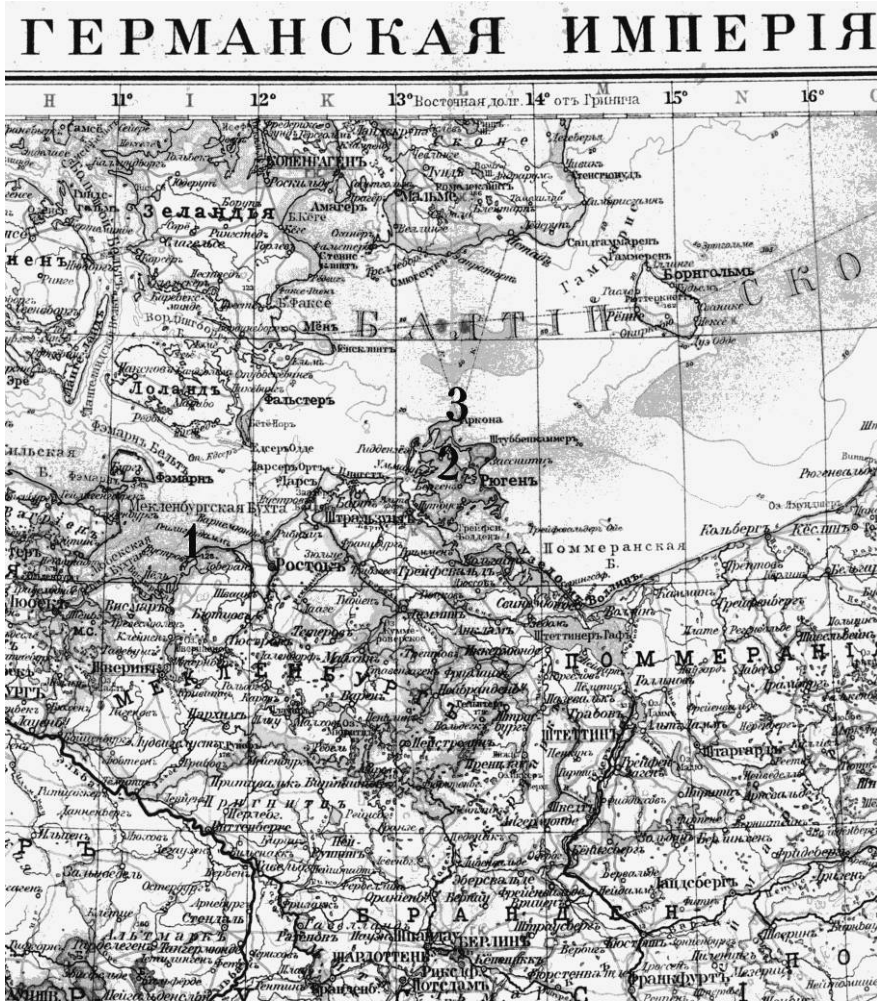
*Никто ко книге не приступится,
Никто ко Божьей не пришатнется.*

Как это уже не раз бывало, к новым изысканиям меня призвала картина Николая Константиновича Рериха. В данном случае это была «Голубиная книга», написанная в 1922 г. в Соединённых Штатах Америки (холст, темпера; 76×103 см; собрание Государственного Музея Востока в Москве), возможно даже, во время научно-художественной экспедиции на плато Колорадо – одно из самых «заколдованных» мест Западного полушария Земли. Но я даже не мог себе представить, что эти поиски реальной основы одного сказочного сюжета выведут меня на столь обширные историко-культурные обобщения, да к тому же проливающие свет на не до конца ясную историю рода самого художника.

Откуда выпала книга?

На первый взгляд, обращение Николая Константиновича к этой теме удивления вызывать не должно. Собственно сюжет был весьма популярен в творческих кругах столетие назад. Из людей, близких Рериху, в литературной форме его использовали в своих произведениях Б.К. Зайцев, Н.А. Заболоцкий и другие. Но для научного исследования наибольшую ценность представляют прозаические произведения на документальной основе, среди которых моё внимание привлёк очерк М.М. Пришвина «Церковь невидимая», написанный в 1909 г. и опубликованный в сборниках «Светлое озеро» и «У стен града невидимого». Вот что он сообщает устами своей собеседницы, «древней старухи» Татьяны Горней: «Господь пожалел город [Китеж] из-за праведников, скрыл от турки. Есть об этом летопись, зашита она в книгу Голубиную. Та книга весом полтора пуда, запирается винтами и лежит меж Нижнего и Козьмодемьянска. Никто из простых людей той книги не видел». Не менее любопытно примечание к

этому фрагменту путевых заметок Пришвина: «Голубиная книга (точнее “Глубинная” – от глубины премудрости) народный духовный стих, в вопросах и ответах, сведения о происхождении мира, людей, сословий, о географии и т. п.».

Северная часть Германской империи. Фрагмент карты № 31 из «Большого всемирного настольного атласа Маркса», подготовленного А.Ф. Марксом, Э.Ю. Петри и Ю.М. Шокальским. Санкт-Петербург, 1905. Масштаб 1:2.750.000.

Цифрами обозначены: Рерик (1), остров Рюген, он же Руяна (2), мыс Аркона (3).

Уже здесь проявляется одно существенное противоречие: сказительница уверяет, что легендарная «книга» имеет вполне реальный вид, внушительные параметры и даже довольно точное географическое месторасположение; комментаторы же

склонны относить сюжет лишь к устному народному творчеству. Достаточно взглянуть на картину Н.К. Рериха, чтобы понять, что художник был сторонником первого толкования. Где же истина? От упоминаний о «Голубиной книге» путь моих поисков вёл к самому тексту, причём этих списков оказалось несколько (фрагмент одного из них приведён в эпитафе) с довольно существенными различиями. Но суть оказалась даже не в деталях текста, а в том, что **ВСЕ** списки – лишь «*Стих* о «Голубиной книге», а не сама книга, то есть в лучшем случае пересказ её истинного (и полностью от нас сокрытого) содержания.

Так была ли всё-таки книга или под этим интригующим названием скрывается одно из народных преданий? Насколько точен был Николай Константинович? Большинство исследователей предпочитают обходить эту проблему, и самым смелым среди них оказался А.К. Серяков, который совсем недавно опубликовал 600-страничное научное исследование всех аспектов этой темы и пришёл к безумному, на первый взгляд, выводу, что «Голубиная книга» была... каменным метеоритом!!! «Ядро этого древнейшего произведения русской духовной культуры сложилось как минимум 5000 лет назад», – уверяет автор. Само явление каменной книги не исключение в истории, достаточно вспомнить Скрижали Завета с заповедями Моисея, рунические камни Скандинавии, или сокровище Эрмитажа – Тмутараканский дорожный камень... Но – испещрённый записями метеорит?! Это, пожалуй, слишком смело даже для научной фантастики...

Однако не будем спешить с отрицаниями. Лучше проверить сравнительно-историческим методом данные «информатора» М.М. Пришвина и подумать, как, когда и – главное – откуда могла попасть священная скрижаль славянского народа в Заволжские леса и болота, в район затопления легендарного града Китежа? Понятно, что такая ценность должна была храниться в одном из сакральных мест древних славян, в относительной недоступности и безопасности, и в то же время внутри ареала их расселения. Именно таким местом в раннем средневековье, по свидетельству историко-географов, была Аркона – святилище верховного бога Солнца западных славян Световита (Святовита, Свантовита, Свентовита). Расположено оно было (сейчас об этом напоминают только археологические раскопки) на северо-западной оконечности острова Рюген в Балтийском море (нынешняя территория Германии).

В ЦАРСТВЕ СЛАВНОГО САЛТАНА

Руяна (Руя, Рана) – древнеславянское название острова Рюген. На Руяне, населённой в древности ранами, племенем балтийских славян¹, находилось святилище языческого бога Свентовита с центром в Арконе. В 1168 г. после упорного сопротивления ранов остров был захвачен датчанами, разрушавшими храмы, насильственно введя христианство. В 1325 г. был присоединён к Западнопоморскому герцогству (Померания), население подверглось постепенной германизации, хотя вплоть до XVI–XVII вв. сохраняло свои обычаи и культуру. Но самое невероятное не в этом: как уверяют нас литературоведы и историки (например, Т.М. Фадеева), сказочный остров Буян и современный Рюген – одно и то же географическое обра-

зование. Оказывается, об этой древнеславянской, а ныне германской, территории писал А.С. Пушкин:

*Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.*

Островом управлял верховный жрец бога Свентовита. Храм этого бога в Арконе описал датский средневековый автор Саксон Грамматик. В полном соответствии с его рассказом, раскопки 1921 г. вскрыли квадратные стены храма (покрытого некогда пурпурной крышей), внутри него – квадрат из четырёх столбов святилища (между ними висели ковровые завесы), внутри – каменное основание статуи четырёхголового бога. Рядом вскрыта площадь народных собраний. Городской вал имел 13 метров высоты и был вполне неприступен. Однако в 1168 г. датский король Вальдемар I разрушил город и храм. Землетрясение 1308 г. вынудило русов сдать остров Рюген датчанам. На этом сакральная история «русского» острова Буяна завершилась, но остался вопрос: куда делись его сокровища, в частности, статуя Свентовита и священный Алатырь-камень, западнославянский Грааль? Есть версия уничтожения неприятелем, есть версия «пленения» и переноса в датские ризницы, есть версия затопления в Балтийском море при приближении врага... Либо – снова самое невероятное предположение: каменная скрижаль была тайно и в то же время торжественно перевезена сначала на варяжских ладьях в новгородские земли, а затем по Волге в Китеж-град, где и ушла под землю (стала невидимой). Тем более что эти критические, поворотные исторические события – разгром Арконы и «гибель» Китежа, разделены лишь считанными годами – периодом, по историческим меркам крошечным!

*«Земля едва видна в тумане, темным-темно вокруг от туч,
Но есть на море-океане, на дивном острове Буяне
Волшебный Камень бел-горюч.
На Камне том Заря-богиня весь мир укрывла под фатой,
Расшитой нитями златыми, сверкает яро в море синем
Алатырь-Камень огневой.
Под Камнем тем сокрыта сила, могучей силе нет конца,
Живой водой ключи забили, переплелись со сказкой были,
Сняла заря фату с лица.
Светло над островом Буяном, нет ходу туче грозовой –
Плыви воздушным океаном, сжигай неправых, окаянных,
И исцеляй у правых раны и воскрешай живой водой,
Алатырь-Камень огневой!»*

(Ольга Ауновская)

Не напоминает ли история Алатырь-камня аналогичные сказания о чудесном камне Востока, так почитательно и трогательно описанном в дневниках Н.К. Рериха?

Н.В. Урикова обобщила сведения о полотне Н.К. Рериха «Сокровище мира» (1924) из литературного наследия художника и его семьи: «Картина из серии произведений, посвящённых Камню – дару Ориона нашей планете. По древней легенде он хранится в Башне Шамбалы в Гималаях, а часть Камня путешествует по миру. Путешествующий Камень приносит иногда новому владельцу совершенно неожиданно и необычным путём. У Камня много чудесных качеств, о нём сложены предания и легенды, написаны трактаты, и ведутся научные изыскания. <...> Им владел царь Соломон, это Горюч-Камень горы Арарат, это Камень, о который разбился новгородский богатырь Василий Буслаев на горе возле Иерусалима (Новгород имел шанс получить Камень, но неверие лишило его дара).

В прекрасных символах старый путник расскажет вам, как в незапамятные времена из других миров упал чудесный Камень – Чинтамани индусов или Норбу Римпоче тибетцев и монголов. И с тех пор часть этого Камня блуждает по земле, возвещая Новую Эру и великие мировые события. Будет сказано, как некий Владыка владел этим камнем и как тёмные силы пытались похитить Сокровище.

Ваш путник, слушая эту легенду, шепнет вам: “Камень этот чёрен, необуздан и пахуч и зовётся Началом Мира. И он шевелится, как одухотворённый. Так завещал Парацельс...” Слушатель спрашивает: “Не этот ли камень на Башне Ригден Джапо? Не он ли даёт лучи, проникающие все океаны и горы на благо людей?”. Рассказчик продолжает: “Чёрный Камень скитается по земле. Знаем, что китайский император и Тамерлан владели Камнем. Знающие люди говорят, что великий Соломон и Акбар владели Сокровищем, давшим им чудесные силы. Сокровище мира – так называется чудесный камень”».

ДВАЖДЫ ПОЗВАННЫЙ

Зададимся вопросом: Н.К. Рерих так подробно трактует легенды о Камне из любви к Востоку? Может быть, есть личная (генетическая) предрасположенность к этим исследованиям? На этот вопрос можно попытаться ответить, лишь углубившись в родословную семьи Рерихов. На эту тему написано удивительно мало! У Елены Ивановны Рерих, урождённой Шапошниковой, по матери Голенищевой-Кутузовой, есть подробное генеалогическое древо, а у её супруга – нет. Большинство источников по биографии членов семьи лишь пересказывают или чуть расширяют сказанное в серии «ЖЗЛ»: «Древний скандинавский род Рерихов обосновался в России при Петре I и дал ей немало государственных и военных деятелей». Наиболее подробно этот вопрос освещён на компакт-диске «Рерих», где помещён следующий текст, являющийся приблизительным переводом того, что сказано в американском исследовании Жана Дювернуа: «В переводе со скандинавского фамилия Рёрих означает “богатый славой”. По семейному преданию, её возникновение относится ко временам викингов. Один из старейших представителей рода в XIII в. возглавлял рыцарский орден Тамплиеров. Другие были политиками, военачальниками, был даже шведский офицер, сражавшийся против Петра I в период русско-шведской

кампании. Впоследствии его потомки, исповедовавшие лютеранскую веру, обосновались на Северо-Западе России. Один из них, К.Ф. Рерих, рос в городе на берегах Балтийского моря (Латвия). В 1860 г. женился на М.В. Калашниковой, чья русская родословная уходит корнями во времена Пскова X века, и поселился с ней в Санкт-Петербурге». Однако в переводе пропущены важные факты – не просто из викингов, а из «исландских и ютландских викингов»², а главой ордена Тамплиеров был Фредерик Рёрих. Здесь следует оговориться, что в литературе (зарубежной и отечественной) наблюдаются существенные различия в написании этой древней фамилии: Roegich, Rerih, Rerik, Рерих, Рёрих, Рорик и другие варианты, в том числе и такие, которые общепринятыми шрифтами трудно отобразить. Но, используя множественный поиск в историко-географических источниках по всем этим вариантам, мне удалось прийти к нескольким любопытным результатам.

1. Одно из ключевых западнославянских племён, проживавшее в раннем средневековье юго-западнее острова Рюген, ближайшие германские племена называли «ободриты», «бодричи», однако их самоназвание не иначе, как «рерики» (!).

2. Один из древнейших городков на Балтийском побережье современной Германии до сих пор носит имя Рерик (см. карту)³.

3. Ведущего северогерманского историка (недавно скончавшегося) звали Фредерик Рерик.

4. В своём творчестве Н.К. Рерих уделяет непропорционально много внимания всего лишь нескольким, отдельным **ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИМ** племенам (см. «*Заморские гости*», «*Лют-Великан*», «*Поморяне. Утро*», «*Поморяне. Вечер*» и т. д.). В очерке «Литва» (1936), Николай Константинович «вдруг» вспоминает: «“Кони Световита” была одна из моих первых картин». К чему бы это? Не упоминая прямо свои корни и родовое имя, не даёт ли Николай Константинович нам недвусмысленный код к расшифровке одной из тайн мировой истории – имена и точную локализацию носителей-вестников космической информации? Для меня ответ очевиден.

Полученные результаты позволяют прийти к следующим выводам (точнее будет сказать – научным гипотезам).

Род Рерихов дважды выполнил космическую миссию по отношению к Земле и Человечеству – являлся носителем тайного знания и распространения его по «доверенным» точкам, занимался «закладкой магнитов». Первый раз (из известных и понятных нам, разумеется) эта миссия состоялась в период IX–XII вв. нашей эры по линии Балтийское Поморье – Прибалтика – Новгородская Русь («Славия») – Среднее Заволжье. Она заключалась в том, что представители западнославянского племени рериков (рюриков), совладельцы космического магнита – Алатырь-камня, предварительно подготовив новую территорию в районе озера Ильмень, перенесли эту сокровищницу и зашифрованные в ней знания (экзотерически известные под условным именем «Голубиная книга») в более безопасные земли своих братьев по крови ильменских словен, а затем при непосредственной угрозе татаро-монгольского нашествия погрузили в районе заволжского Светлого озера – Светлояра – во внутренние области Земли.

Второй раз, уже в XX столетии, семья Н.К. Рериха получила из Западной Шамбалы фрагмент Аризонского каменно-железистого метеорита (известный как Камень Чинтамани), донесла его до Восточной Шамбалы и осватила им основные сакральные места Северного полушария планеты в двух экспедициях – Центрально-Азиатской 1920-х гг. и Кругосветной 1930-х гг. Иными словами, семья Рерихов сделала на наших глазах то, что, может быть, не удалось (или не в полной мере удалось) сделать её родовым западнославянским предшественникам за 1000 лет до этого.

Символическое «возвращение» Николая Рериха прозрел известный писатель А.М. Ремизов, писавший в «Жерлице дружинной» в 1916 г.:

«...Через сколько веков опять показался на Руси, но уже не с моря Варяжского, а из Костромы-города, а сел в Петербурге на Мойке, уже не Рорик, как величали его в Новгороде, а Рерих.

И как когда-то, он построил свой каменный город.

Вспомнил, как сон, и рассказал нам о камнях, о море, о морях, где плавал с дружиной, о великанах, о змее, о нойдах, об ангеле грозном, и как строилась Русь, и как измена русских князей отворила врагу ворота на Русскую землю».

НИКОЛАЮ РЕРИХУ ГЕНЕТИЧЕСКИ ПРЕДНАЧЕРТАНО БЫЛО БЫТЬ ВЕСТНИКОМ.

*«По камням неровным, скользким, острым, по ущельям острым и глухим,
Вдоль обрывов в бездну, осторожной горной поступью идёт один
Белый конь. Несёт он бережливо вниз, во тьму, в густой лиловый мрак
Светоч мира, данный на Вершинах, Камень, заповеданный в веках.
Лики скал дивятся каменело в напряжённой гулкой тишине
Огне-голубому озаренью, проплывающему на коне.
Отблеск зорь грядущего восхода в пламени Сокровища горит
Долгожданного. Во тьму народов послан белый огненный Магнит».*

(Наталья Спирина)

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов П.Ф., Князева В.П. Рерих. – М.: Молодая гвардия, 1973.
2. Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. – СПб., 1874.
3. Град Китеж: [Рассказы, легенды, предания.] – Горький: ВВКИ, 1969.
4. Гудзь-Марков А.В. Индоевропейская история Евразии. – М., 1995.
5. Гудзь-Марков А.В. История славян. – М., 1997.
6. Древний Новгород: [Сборник статей.] – М., 1983.
7. Древности славян и Руси. – М., 1988.
8. Древняя Русь и славяне. – М., 1978.
9. Комарович В.Л. Китежская легенда. – М.–Л., 1936.
10. Короленко В.Г. В пустынных местах // *Собрание сочинений*. – Т. 3. – М., 1953.
11. Любавский М.К. История западных славян. – М., 1918.
12. Перевезенцев С. Древняя Русь. История русского народа с I по IX век. – М.: Белый город, 2005.
13. Ремизов А.М. Жерлица дружинная // *Держава Рериха*. – М.: Изобразительное искусство, 1994.
14. Рерих Н.К. Держава Света. Священный дозор. – Рига: Виеда, 1992.
15. Рудольф. Остров Рюген // *ГДР*. – 1958. – № 8.

16. *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. IX–XIV вв. – М., 1978.
17. *Седов В.В.* Восточные славяне в VII–XIII вв. – М., 1982.
18. *Серяков А.Л.* Голубиная книга. – М.: Алетей, 2001.
19. *Симоненко А.Н.* Метеориты – осколки астероидов. – М: Наука, 1979.
20. *Татищев В.Н.* История Российская: В 2 т. – М., 1963.
21. *Тихомиров М.Н.* Древняя Русь. – М., 1975.
22. *Трубе Л.Л.* Остров Буян. – Горький, 1987.
23. *Урикова Н.В.* По картинам Рериха: [100 картин Н.К. Рериха и 5 картин С.Н. Рериха]. – Электронная рукопись на сайте <http://www.roerich.com>.
24. *Фадеева Т.М.* Античные и кельтские истоки «Сказки о царе Салтане...» // *Петербургский Рериховский сборник*. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – № 4. – С. 162–185
25. *Фамицын А.С.* Божества древних славян. – СПб., 1995.
26. *Хэнкок Г.* Следы богов. – М., 1997.
27. *Чивилихин В.* Память: [Кн. 2] // *Роман-газета*. – № 17. – М., 1982.
28. *Шилов Ю.А.* Прародина ариев. – Киев, 1995.
29. *Duvernois J.* Fragments of a Biography of Roerich. – NYC: Roerich Museum Press, 1933.
30. *Haas A.* Arkona im Jahre 1168. – Stettin, 1925.
31. *Herrmann J.* Die Slawen in Deutschland, Ein Handbuch. – Berlin, 1985.
32. *Lehmann H.* Rügen. Sagen und Geschichten. Schwerin, 1968.
33. *Petzsch W.* Rügen Burgwalle und die slawische Kultur der Insel. – Bergen; Rügen, 1927.
34. *Schuchhardt, Carl.* Arkona – Retra – Vineta. – Berlin, 1926.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вот что по этому поводу говорится в недавно вышедшей книге С. Перевезенцева: «Стало известно, что народ, который мы знали под именем “Русь” в разное время и в разных документах, называется тоже по-разному – русь, русы, росы, рутены, руйи, руйяны, раны, рены. А самое древнее его имя, известное нам, – руги, или роги <...>. Сами руги жили на острове Рюген <...>. Вторжение готов, произошедшее в начале III в., разметало ругов по всей Европе. <...> К VIII в. многочисленные славянские племена заселили южные берега Балтийского моря... Прибалтийские руги и родственный им народ вагров тоже постепенно перешли со своего родного на славянский язык. И в скором времени ругов стали называть русами, руйянами или рутенами. А их остров Рюген начал зваться Руйеном, Руденом, или Руссией. В начале I в. славяноязычные варяги и русы, вытесняемые франками, начали расселяться на восток по побережью Балтийского моря. <...> Общая беда ещё больше сблизила и без того родственные народы. <...> Поэтому через какое-то время на русо-рутеное распространяется общее название “варяги” и наоборот. <...> А вот судьба <...> оставшихся в своих исконных прибалтийских землях, оказалась трагичной. Несколько столетий, вместе с балтийскими славянами они противостояли вторжениям западноевропейских государств – Дании, Германии и других. <...> К XIII в. самобытный мир балтийских славян, русов и варинов-варягов всё-таки был уничтожен. А в XIV в., в 1308 г., остров Рюген-Руйен подвергся страшному землетрясению, и немалая его часть ушла под воду. <...> Последняя славянка – Голицына – умерла здесь в 1402 г. Но русский народ сохранил память о своих далёких предках: ведь сказочный остров Буян – это и есть тот самый остров Руйен-Рюген» (Указ. соч. – С. 4, 8, 13, 34, 38).

² Ютландия (дат. Jylland, нем. Jütland) – полуостров в Европе, между Балтийским и Северным морями. Большая, северная часть принадлежит Дании, южная – ФРГ. Площадь около 40 тыс. кв. км.

³ У С. Перевезенцева находим: «Ободриты – крупное славянское племя <...>. Столица – Велиград (Рерик). <...> Рюрик (Рорик) – имя, известное в Европе с IV в., происходит от названия кельтского племени “руриков”, или “рауриков”. Известно, что князья с именем Рюрик (Рорик) жили в VIII–IX вв. на Ютландском полуострове близ Вагрии» (Указ. соч. – С. 40, 43).

С.В. ИВАНОВ, В.К. РУМЯНЦЕВ, В.К. РУМЯНЦЕВА

(г. Санкт-Петербург)

СТАТИСТИЧЕСКИЙ УЧЁТ ПОГОСТА ГРЫЗОВО В ИЗВАРСКОМ ИМЕНИИ РЕРИХОВ, ПРОВОДИМЫЙ ДУХОВЕНСТВОМ В КОНЦЕ XIX В.

В дореволюционное время в писцовых, кабальных и метрических книгах фиксировались не только итоги, но и перечислялись происходившие рядовые события. Благодаря этому современные исследователи располагают разнообразными данными для комбинированных подсчётов, помогающих выяснить средние размеры и колебания связи явлений, такие, как связь между обежным¹ обложением и размером сенокоса, оброком и урожаем, количеством умерших и войной или неурожаем и т. д. Возможно также подвергать статистическому анализу имена и фамилии. В работах В.Я. Буняковского и А.Н. Колмогорова поставлен и решён ряд конкретных вопросов, имеющих принципиальное значение. Прежде всего, ими обсуждена проблема концентрации населения в некоторых районах Новгородской земли². Исследования свойств цифровых данных также дают интересные результаты³. Как пример назовём определение порядка сбора частновладельческих доходов по кратности цифр дворам или обожам.

Именно применимость этих более тонких методов позволила нам приняться за изучение статистического учёта, проводимого провинциальным духовенством в конце XIX в. Их ценность становится очевидной при изучении писцовых книг, которые, как правило, велись на погостах. Благодаря этим источникам мы смогли провести исследования, связанные с Изварой в современном Волосовском районе Ленинградской области, где прошли детство, отрочество и юность известного художника-гуманиста Николая Константиновича Рериха (1874–1947). А подтолкнули к работе недавние сведения о том, что в Музее Николая Рериха в Нью-Йорке чудом сохранились ранние графические работы, на которых художник запечатлел церковь Петра и Павла в селе Грызово, недалеко от изварской усадьбы родителей, и настоятеля грызовской церкви, нашего предка⁴.

Священник, дважды запечатлённый 11 июня 1893 г. 18-летним Рерихом, это Александр Васильевич Румянцев, сын дьякона, окончивший Санкт-Петербургскую духовную семинарию в 1863 г. и бывший настоятелем местной Грызовской церкви в течение 32 лет до самой смерти, а также работавший в местной церковно-приходской школе законоучителем⁵. Род Румянцевых происходит из белого духовенства, известен с середины XVII в.: первое упоминание было о псаломщике Румянцеве с погоста Ветвеники и Кобылья Городища. Известно также, что Румянцевы состояли в родстве с семьёй священника Ефима Васильевича Орнатского с погоста Лентьево на реке Мологе⁶.

Будучи гимназистом, Николай Рерих не только выполнял портреты грызовского священника, но и записывал рассказанные им предания. Отца Александра в своих

Николай Рерих. Грызовский священник. 11 июня 1893.

«Изварские листы». Бумага, карандаш. В свету: 10,0×9,2. Лист: 24,7×16,2

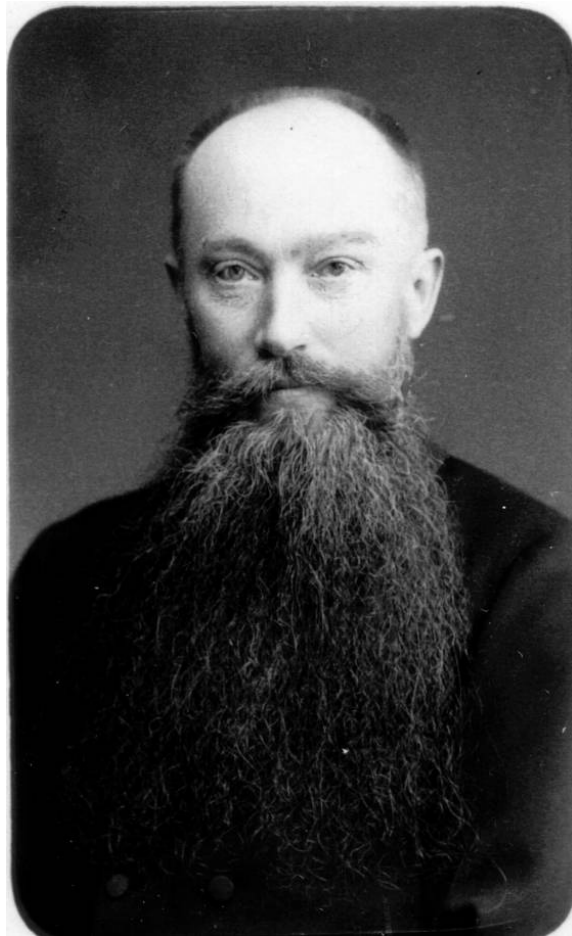
В правом верхнем углу номер: 16. Оригинал в Музее Николая Рериха в Нью-Йорке

записях он называл «словоохотливым попом». Как заметил В.Л. Мельников, прототипом отца Петра в рассказе Рериха «Туземец-археолог», датированном 21 июня 1893 г., является именно священник Александр Румянцев. Будущий художник писал: «Может быть, у вас является мысль: не может ему священник так долго рассказывать, врёт, должно быть. На это я скажу: нет, это сушая правда, и вот почему. Во-первых, потому, что он поговорить любит, а во-вторых, потому, что он должен был сидеть на одном месте, так как я рисовал с него портрет»⁷. Возможно, сведения, полученные от грызовского священника, послужили толчком к началу широкомаштабным археолого-этнографическим исследованиям художника-археолога, принятым им в пределах древней Водской пятины в 90-е годы XIX века⁸.

По преданию, рассказанному отцом Александром Рериху, название села Грызово обязано своим происхождением нескольким страшным битвам, произошедшим в

давние времена, когда местным жителям пришлось «грызться» с противником, защищая родную землю. Вот вариант этого предания в современном переложении:

Погост Грызово, который находился посреди большого поля недалеко от небольшого ручья и малого озера – «островок». К нему ведёт аллея дубов и лип. В центре «островка», всего поросшего сиренью или многовековыми деревьями, полуразрушенная церковь белая. Казалось, время здесь остановилось, лишь только иногда порыв ветра может спугнуть старого ворона или грачей, сидящих на ветвях деревьев, либо на руинах. Взлетая из-под облака, всё видит старый ворон, смотрит поверх высокого тына городка, что торчит на соседнем бугре. Светлой лентой извивается быстрая речка, один берег ровный, покрытый сочной травой и чащевой, другой берег высокий, к реке спуски крутые, обвалы, песчаные и глинистые оползни. В речку впадает студёный ручей, тоже не маленький. Слились они, с двух сторон охватили вплотную продолговатый холм, высота его по откосу сажени 4–5. В редком месте природа создаёт такую искусную защиту. На этом холме и поставили город. Отсчитали от мыса шагов сотни две, перерыли холм канавой-рвом – землю сложили валом; на валу тын поставили из славных рудовых брёвен; концы обтесали, натыкали на них черепа звериные, а то и людские на устрашение врагу. По углам срубы поставили, покрыли их соломой и речным тростником. Состроили вышку – смотреть и наблюдать за вражьими силами, или чтобы поднять на ней высокий шест с привязанным пучком зажжённой соломой, окрестность оповестить об опасном. Город – место военное, в мирное время тут не живут. Видел ворон и другое. Видел, как пылал тын города, шла сечь! Грызлись и резались насмерть! Напрасно варом кипящим обливали нападавшую рать; город пал! Помнил это ворон – пировал он тут. Увидел старый мудрый ворон усталого путника, который, проходя мимо старого погоста, может присесть и отдохнуть в тени лип, проросших на развалинах городка, который был на месте погоста. И если ему повезёт, он увидит невысокого словоохотливого попа, который обязательно расскажет ему какое-нибудь предание, если странник будет внимательно слушать и не перебивать, в виде бесконечных и замысловатых повествований. Да, занятное дело старинное время, всё-то разгадать, всё-то произойти! Как вы полагаете, что такое райское блаженство будет? Это, как вам сказать, вечное беспрепятственное познание, недоступное для нас в настоящей суетной жизни. Одни-то будут познавать-наслаждаться, блаженствовать, а другие-то зубы на полку, что на земле узнали, того и хватит. Коли ваше желание будет, интересное местечко могу я вам указать. Изволите ли вы знать городок подле Селищенской деревни – ну просто скажу, бугор, такой не малый. А рядом с ним и сопочка кругленькая, на восточную сторону. Жил в этом городке задолго когда-то князь не князь, а князёк. Была дочка у него красавица. Красавица такая, теперь таких и не найдёшь! Известное дело, нонче такой народ пошёл – мозгляк! Прежде не то было – богатыри, что твой Илья Муромец. Только, не знаю с чего, возьми заболей красавица эта, да и отдай Богу душу в этом самом городке. Её похоронили знатно. Ведь и тогда, небось, франтихи были, что и теперь. А князёк-то не пожелал больше в этих местах жить. Сопочка-то подле самого бугра, ещё ручей Черченём называется⁹.

Константин Фёдорович Рерих. Санкт-Петербург. Начало 1880-х.
Фотография «Левицкий и сын». Оригинал в Санкт-Петербургском
государственном Музее-институте семьи Рерихов (далее – МИСР).

Хозяин изварского имения, известный петербургский нотариус Константин Фёдорович Рерих (1837–1900), помог организовать в селе школу и детский сад, а после пожара, произошедшего в 1879 г., уничтожившего церковь Петра и Павла, оказал огромную помощь в её восстановлении. Об этом событии настоятель церкви писал в 1884 г. в справке о церкви в восьмом выпуске «Историко-статистических сведений по Санкт-Петербургской епархии»:

«Грызово находится в 92 верстах от Петербурга и в 60 от Царского Села, на небольшой возвышенности, у озера, среди болот, лесов и полей.»

По преданию, церковь была сперва у дер[евни] Озертицы, в 1,5 верстах от нынешней церкви. Церковь построена была здесь в 1759 г. во имя Петра и Павла, деревянная, на каменном фундаменте из местной плиты. В 40-х гг. она обгорела, а в 1879 г. с 10 на 11 февраля – совершенно истреблена пожаром. Прихожане успели вынести из церкви почти всё, кроме шкафа со старинными бумагами. Он стоял под колокольней, а туда от сильного дыма нельзя было пробраться. В это время погиб древний образ Покрова, вместе с пытавшеюся спасти его девицею. В том же году начат новый храм, на который крестьяне деревни Заполья пожертвовали каменный хлебный амбар, стоявший на земле помещика мызы Извара, Константина Фёдоровича Рёриха. Усердием Рёриха, через месяц после пожара, храм был построен и 10 марта освящён благочинным священником Положенским.

Наиболее усердными жертвователями на храм были: помещица Логинова, пожертвовавшая священные сосуды, дарохранильницу, кадило и ризницу в 1810 г.; поручик Фёдоров, пожертвовавший в 1865 г. запрестольный крест, кадило, евангелие и пр.; купец Иванов, устроивший серебряные ризы на местные иконы Спасителя и Божией Матери и люстру; г[осподин] К.Ф. Рёрих и крестьянин Ефим Данилов и пр. Причт помещается в собственных домах. Священник Румянцев купил дом за 400 р. у предместника священника Георгиевского. Рядом с мызой Извара расположен лазарет Воспитательного дома, где живёт окружной врач и сосредоточено управление над питомцами, которых до 6000 человек обоего пола. Рядом с лазаретом живёт казённый лесничий и его помощник. Прихожан мужского пола 1146 и женского 1142. Раскольников беспоповцев до 7 человек обоего пола. Это остатки прежних раскольников. Теперь уже нет здесь прежней отчуждённости от церкви.

Школы в приходе следующие:

- 1) земская школа в здании, построенном на деньги попечительства;
- 2) школа в деревне Лисино, открытая в октябре 1883 г. Петергофским земством;
- 3) ведомства Воспитательного дома – три школы;
- 4) в Грызове, в доме священника, существует приют для малолетних питомцев, и при нём “детский сад”. Всех учащихся в приходе до 253 человек. Из них крестьянских детей 117 человек обоего пола.

Попечительство открыто 11 декабря 1875 г. Председатель его, лесничий, Михаил Яковлевич Севастьянов, много заботился о церкви. По смерти его председателем сделался Константин Фёдорович Рёрих. Он усердно собирает средства на устройство и окончательную отделку храма. За последние 3 года на этот предмет собрано 1533 р.»¹⁰.

Вот такой вид имели прежде историко-статистические сведения, дошедшие до нас благодаря духовенству.

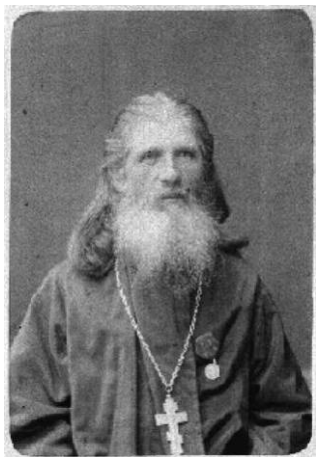
Подсчёты, проводимые духовенством на погостах, послужили развитию статистических исследований на Руси. Духовенство фиксировало различную информацию о корнях той или иной семьи, а также легенды и предания, лежащие в основе возникновения того или иного рода, поместья, города и т. п., и сведения о развитии фамильных кланов на протяжении веков. В центре огромного статистического учё-

Священник Александр Васильевич Румянцев (в центре) с семьёй.
Погост Павлово на Безымянном ручье Гдовского уезда. Начало XX в.
Крайний слева – дьякон К.А. Румянцев, крайняя справа – его жена, А.Е. Орнатская
(дочь священника Е.В. Орнатского), на руках их сын, В.К. Румянцев.
Фотография из архива семьи Ивановых.

та, проводимого в старое время в новгородских пятинах, находился погост, на котором находили упокоение представители различных сословий. Надписи на могильных плитах также дают ценнейшие сведения о состоянии родов в тот или иной исторический период.

Статистика, связанная с семьёй Рерихов в период их проживания в Изваре, велась священником А.В. Румянцевым. В последующие годы потомки А.В. Румянцева тоже служили в церкви и продолжали пополнять историко-статистические сведения. Так, его сын, диакон Константин Александрович Румянцев, начал служить в Воскресенской церкви погоста Павлово на Безымянном ручье Гдовского уезда на месте диакона Анатолия Ефимовича Орнатского, умершего 21 мая 1895 г.¹¹ Второй сын Александра Васильевича, Владимир Александрович Румянцев, был настоятелем Князь-Владимирского собора в Ленинграде в самое трудное время после революции. Внук А.В. Румянцева, Сергей Владимирович Румянцев, репрессированный в 1930-х годах и сосланный на Беломорканал, впоследствии стал настоятелем Спасо-Преображенского собора и секретарём при Ленинградском митрополите.

Настоятель Lentьевской церкви на реке Мологе священник Ефим Васильевич Орнатский. Новгородская губерния. Конец XIX в. Отец А.Е. Орнатской, А.Е. Орнатского, П.Е. Орнатского, З.Е. Орнатского.

Настоятель церкви Исидоровского епархиального училища священник Павел Ефимович Орнатский, сын Е.В. Орнатского. 1909–1910.

Протоиерей Сергей Владимирович Румянцев, внук А.В. Румянцева. 1950-е. В 1934–1937 гг. репрессирован, сослан на Беломорканал. После реабилитации – настоятель Спасо-Преображенского собора в Ленинграде, секретарь митрополита.

Законоучитель В.К. Румянцева священник А.В. Беляев с женой, Н.С. Беляевой. Около 1912. А.В. Беляев был настоятелем церкви Павла исповедника Антониевского духовного училища Александро-Невской лавры. В 1934–1940 гг. репрессированы.

Фотографии из архива семьи Ивановых.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Благово Н.В.* Семья Рерихов в гимназии К.И. Мая. – СПб.: Наука, 2006. – (Серия «Щедрый дар», вып. II).
2. *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX–X веков. – Л., 1978.
3. *Буняковский В.Я.* Основания математической теории вероятности. – СПб., 1846.
4. *Дубов И.В.* И покланяешься идолу камену... – СПб., 1995.
5. *Захарова О.* Честь дороже жизни // *Учительская газета*. – М., 1994. – 15 февраля. – С. 8.
6. *Иванов С.В.* Поможем доброму делу // *Лужская правда*. – Луга, 1995. – 31 октября.
7. *Иванов С.В.* Россия чудный уголок... // *Зелёные страницы*. – 1999. – 1 января.
8. *Иванов С.В., Захаров И.С.* Не выбрасывайте Рериха с парохода современности // *Санкт-Петербургский университет*. – 1999. – 3 декабря. – С. 34–35.
9. *Иванов С.В.* Из истории священства в Изварском имении Рерихов // *Рериховское наследие: Труды конференции*. – Т. I. – СПб., 2002. – С. 493–495.
10. *Известия по Санкт-Петербургской епархии*. – 1904, 1905, 1906.
11. *Историко-статистические сведения по Санкт-Петербургской епархии*. – Т. VIII. – СПб., 1884.
12. *Колмогоров А.Н.* Новгородское землевладение XV века / Предисл. В.Л. Янина; Комментар. Л.А. Бассальго. – М.: Наука, 1994.
13. *Мельников В.Л.* Предания Северо-Запада в научном архиве Н.К. Рериха // *Рериховское наследие: Труды конференции*. – Т. I. – СПб., 2002. – С. 426–433.
14. *Новгородские Епархиальные ведомости*. – Новгород, 1878.
15. *Памятная книга по Санкт-Петербургской епархии* / Под ред. Н.М. Кутепова. – СПб., 1899.
16. *Попов А.И.* Следы времён минувших. – Л.: Наука, 1981.
17. *Рерих Н.К.* Археология: Кн. I: Материалы Императорской Археологической комиссии. – 1892—1918 // *Петербургский Рериховский сборник*. – Вып. II–III. – Самара: Агни, 1999.
18. *Санкт-Петербургский духовный вестник*. – СПб., 1895, 1896.
19. *Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии*. – СПб., 1999.
20. *Скроботов Н.А.* Памятная книга выпускников Духовной семинарии 1811–1895 гг. – СПб., 1896.
21. *Славяно-русские древности*. / Вып. 2. Древняя Русь: новые исследования / Под ред. И.В. Дубова, И.Я. Фроянова. – СПб., 1995.
22. *Энциклопедический словарь* / Под ред. И.Е. Андреевского (до буквы В), К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского: 82 полутома и 4 дополнительных (86 кн.). – СПб., 1890–1907.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ От слова *обжа* – мера пахотной земли, служившая единицей обложения в Великом Новгороде.
- ² См. также: *Памятная книга по Санкт-Петербургской епархии* / Под ред. Н.М. Кутепова. – СПб., 1899; *Попов А.И.* Следы времён минувших. – Л.: Наука, 1981; *Колмогоров А.Н.* Новгородское землевладение XV века / Предисл. В.Л. Янина; Комментар. Л.А. Бассальго. – М.: Наука, 1994.
- ³ *Буняковский В.Я.* Основания математической теории вероятности. – СПб., 1846; *Энциклопедический словарь* / Под ред. И.Е. Андреевского (до буквы В), К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского: 82 полутома и 4 дополнительных (86 кн.). – СПб., 1890–1907; *Колмогоров А.Н.* Указ. соч.; *Иванов С.В.* Поможем доброму делу // *Лужская правда*. – Луга, 1995. – 31 октября.
- ⁴ См. воспроизведение всех «Изварских листов» 1893 г.: *Благово Н.В.* Семья Рерихов в гимназии К.И. Мая. – СПб.: Наука, 2006. – (Серия «Щедрый дар», вып. II). – С. 195–224.
- ⁵ *Скроботов Н.А.* Памятная книга выпускников Духовной семинарии 1811–1895 гг. – СПб., 1896. – С. 160.

⁶ Иванов С.В. Из истории священства в Изварском имении Рерихов // *Рериховское наследие: Труды конференции.* – Т. I. – СПб., 2002. – С. 494.

⁷ Рерих Н.К. Туземец-археолог. – 21 июня 1893 // *Благово Н.В.* Указ. соч. – С. 176.

⁸ Мельников В.Л. Предания Северо-Запада в научном архиве Н.К. Рериха // *Рериховское наследие: Труды конференции.* – Т. I. – СПб., 2002. – С. 426–433.

⁹ См. также оригинальные тексты Н.К. Рериха, соотносимые с этим преданием и с древностями погоста Грызово: *Рерих Н.К.* Раскопка I. Вещи в гимназии Мая. – 3 августа 1892; *Отчёт о раскопках 1896 года в Ямбургском и Петергофском уездах Санкт-Петербургской губернии, произведённых Н. К. Рерихом.* – Извара. 1 июня 1896 // *Петербургский Рериховский сборник.* – Вып. II–III. – Самара: Агни, 1999. – С. 37–38; 60–61; *Рерих Н.К.* На раскопке в Водской пятине (СПб. губ.): Наброски художника // *Новое время.* – СПб., 1899. – 16/28 июня. – № 8368. – С. 2.

¹⁰ *Историко-статистические сведения по Санкт-Петербургской епархии.* – Т. VIII. – СПб., 1884. – С. 436–439.

¹¹ *Санкт-Петербургский духовный вестник.* – СПб., 1896. – № 18. – С. 71.

Н.С. НОВИКОВ

(Член Союза писателей России, г. Великие Луки, Псковская обл.)

ИСКОННО РУССКОЕ ЗВУЧИТ

Жизнь иногда дарует встречи настолько невероятные, что о них не смеешь и мечтать. Ещё в студенческие годы в Ленинграде мне довелось побывать на первой в нашей стране выставке Святослава Николаевича Рериха. Помнится, был поражён волшебными красками и необычностью пейзажа. В этих полотнах, по словам критиков, таилось вечное чудо искусства: «Совершенство духа и власть гения, заставляющие нас стремиться к чистоте, силе и благоустройству собственных помыслов».

На выставке я купил несколько небольших репродукций, одна из них – «*Священная флейта*» – с тех пор висит у меня в квартире. С годами она стала необходимой, как и другие семейные реликвии. На картине изображён индус-флейтист на фоне яркого южного пейзажа. И случаются же чудеса! Мне посчастливилось побывать в Индии. После поездки картина на стене будто ожила, и теперь, по словам индийского поэта Рабиндраната Тагора, «память играет на флейте».

В конце сентября 1980 г. получил письмо от народного артиста СССР, певца Е.Е. Нестеренко: «Посылаю выписки из книги о Рерихе: “Мать художника Мария Васильевна, урождённая Калашникова, была коренной псковитянкой... А жена Елена Ивановна Шапошникова – правнучка полководца М.И. Кутузова, двоюродная племянница композитора М.П. Мусоргского”. Возможно, это всё пригодится».

С особым интересом стал я собирать материалы, связанные с Рерихом. Этот древнескандинавский род обосновался в России ещё при Петре I. Фамилия Рерих-Рёрих переводится как «богатый славой». А прославил её на весь мир Николай Константинович, один из благороднейших сынов России.

Летом 1899 г. Императорское Русское Археологическое общество командировало Н.К. Рериха в Псковскую, Новгородскую и Тверскую губернии для изучения памятников археологии. Во время поездки он остановился в Бологом, в имении

князя П.А. Путятина, известного археолога. Здесь и произошла встреча с Еленой Ивановной, которая вместе с матерью Екатериной Васильевной, вдовой архитектора Шапошникова, гостила у родной сестры – княгини Путятиной. Елена Ивановна, умная и обаятельная, проявляла интерес к искусству, играла на рояле. Их знакомство продолжилось в Петербурге. Осенью того же года Николай Константинович записал в дневнике: «Сегодня была Е[лена] И[вановна] в мастерской. Боюсь за себя – в ней есть очень много хорошего. Опять мне начинает хотеться видеть её как можно чаще, бывать там, где она бывает».

Вскоре Елена Ивановна становится женой художника и до конца дней будет ему верным другом, единомышленником, помощницей в работе. Вместе с мужем она много путешествовала, была участницей почти всех экспедиций, мужественно перенося трудности, проехала на коне всю Азию: «Замерзала и голодала в Тибете, но всегда первая подавала пример бодрости всему каравану». Николай Константинович называл её Ладой – древнерусским именем, означающим «милая, любезная».

В 1903–1904 г. супруги Рерихи совершили путешествие по старинным городам. Побывали в Пскове, Изборске, Печорах. Художник написал у нас 70 этюдов древних церквей, городских стен, башен, монастырей.

«Чтобы полюбить Родину, – писал Николай Константинович, – надо познать её... Сколько изумительных красот в Псковской области...».

У Рерихов было двое сыновей. Старший, Юрий Николаевич, стал историком культуры и востоковедом, младший, Святослав Николаевич – художником и просветителем, прямым продолжателем дела отца.

В 1916 г. Рерихи всей семьёй выехали на лечение в Финляндию. Потом жили в Англии, Франции, Америке, пока окончательно не поселились в Индии. Джавахарлал Неру, долгие годы друживший с семьёй Рерихов, писал о Николае Константиновиче: «Я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческому гению».

Н.К. Рерих создал около 7000 картин, написал более 20 томов литературных трудов. Он же был историком, путешественником, исследователем, выдающимся борцом за охрану памятников. Сейчас очень много говорят и пишут об охране культурного наследия, а ведь именно Рериху принадлежат слова: «Не знающий прошлого не может думать о будущем». Ещё 15 апреля 1935 г. в столице США – Вашингтоне был принят Пакт Рериха – Международный договор по защите культурных ценностей.

Многогранную деятельность отца плодотворно продолжал наш современник, Святослав Николаевич Рерих. Как отец, он призывал людей планеты «к высоте мыслей, к душевной чистоте, к подвигу нравственного восхождения».

А где же соединились Рерихи с Мусоргскими? Я спрашивал об этом у Татьяны Георгиевны Мусоргской (внучатой племянницы композитора), но она ничего не сообщила. Обратился в Москве к правнучке полководца Голенищева-Кутузова – Наталье Михайловне Хитрово-Кутузовой и снова не получил ответа. Позже я узнал, что в Ленинграде живут родственницы Рерихов – сёстры Митусовы. Написал по указанному адресу и сразу же получил ответ: «Я не только извиняю Вас за письмо ко мне, но очень благодарна, что обратились с таким интересным и приятным для

меня вопросом, – писала одна из сестёр, Татьяна Степановна Митусова. – Больше всех из русских композиторов я люблю музыку Модеста Петровича и совсем не потому, что нахожусь с ним в каком-то далёком и до сих пор мне не ясном родстве. Мне очень хочется узнать от Вас как можно больше. А чем могу быть полезна, сделаю всё возможное с удовольствием. Сейчас могу только сказать, что у нас есть старинный портрет какой-то очень близкой родственницы Модеста Петровича. Портрет небольшой, овальный, в тёмных тонах...».

После обмена письмами состоялась встреча в Ленинграде. Я подробно рассказал о своих поисках и узнал от сестёр их биографию. Старшая – Злата Степановна – родилась в 1908 году и умерла в блокаду. Средняя – Людмила Степановна – до войны окончила три курса Академии художеств, работала педагогом. С детства увлекалась музыкой и играла на фортепиано, пела в церковном хоре. Татьяна Степановна училась в балетной школе, танцевала в театре, но в войну пришлось перейти на завод. Заочно окончила техникум и на пенсию ушла инженером.

В войну сёстры потеряли мужей, так и остались одинокими и скромно жили на небольшие пенсии. Когда заговорили о Мусоргском, Людмила Степановна сказала:

– Если бы знали, записывали бы воспоминания отца: он ведь был близок со многими музыкантами, дружил с Римским-Корсаковым.

Младшая сестра достала объёмистую книгу – родословную Митусовых, напечатанную на роскошной бумаге, в красивом переплёте, и мы вместе стали разбирать имена, занесённые

Неизвестный художник.

Портрет Юлии Ивановны Мусоргской, в девичестве Чириковой. Вторая треть XIX в.
Картон, масло. В раме овал 21,0×17,2.
Собрание МИСР

в генеалогическое древо.

– Елена Ивановна Рерих доводилась папе двоюродной сестрой, – сказала Татьяна Степановна. – А наша бабушка происходит из рода Голенищевых-Кутузовых, её звали Евдокией Васильевной. У неё были ещё три сестры: Екатерина, Людмила, Анастасия; Екатерина Васильевна – мать Елены Ивановны, тёща Н.К. Рериха...

Две небольшие комнаты Митусовых походили на музей: старинная мебель, посуда, скульптура, на стенах подлинные картины, в том числе портреты отца и сына Рерихов. В домашней галерее портреты предков. Я не только слушал рассказы о

представителях этого древнего рода, но и видел их изображения. Сёстры показывали и объясняли:

– Это наш дедушка, Степан Николаевич Митусов, он был тайным советником, членом Комитета Общества поощрения художеств. А это папа, Степан Степанович – профессиональный музыкант, дирижёр, хормейстер.

В книге Н.К. Рериха встретилась такая запись: «Вспоминается, как в мастерских Общества поощрения художеств под руководством Степана Митусова гремят хоры Мусоргского. А вот в Париже Шаляпин учит раскольницу петь из “Хованщины”... “Помните же, что вы Мусоргского поёте!” – этим восклицанием великий певец выразил своё отношение к гениальному композитору».

– Папа после революции не уехал за границу, по просьбе Горького и Луначарского давал первые концерты в Смольном для солдат и матросов. Мама, Екатерина Филипповна, была из рода Потоцких, родилась в Олонецкой губернии, куда выслали деда, графа Потоцкого за участие в польском восстании. Вот она, наша бабушка.

На стене висел портрет юной графини, которая поехала на север вместе со ссыльным мужем. Притягивало лицо – очень милое, одухотворённое.

– Отец говорил, что с Мусоргскими мы породнились через Шаховских, – вспоминала Татьяна Степановна, – но точно я не помню. Вот, может, Святослав Николаевич Рерих знает? Хорошо бы вам с ним встретиться...

Звучало это примерно так: «Хорошо бы вам слетать на Луну». Я понимал, что это практически невозможно: ведь Рерих редко бывает в нашей стране, да и только по очень важным делам.

Но чудо продолжалось! В 1984 г. во всем мире отмечали два юбилея Рерихов – 110 лет со дня рождения Николая Константиновича и 80-летие Святослава Николаевича. В Москве специально открыли выставку картин отца и сына, собранных из разных музеев. К юбилею приурочили конференцию, на которую пригласили С.Н. Рериха. Среди участников были известные учёные-рериховеды из Академии наук, Академии художеств, Института искусствознания... Число учёных было достаточно ограниченным: из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Нью-Йорка...

О приезде художника мне по телефону сообщила Татьяна Степановна; она же взялась хлопотать о встрече...

Из жаркой индийской зимы в холодную русскую Святослав Николаевич перелетел на самолёте, не меняя традиционной одежды: в коричневой из легкой ткани «толстовке», простых парусиновых брюках, летних туфлях. Меня удивило, что лицо, высокий лоб были почти без морщин и во всей осанке – подтянутость, бодрость. Взгляд – молодой, любознательный, как у многих художников – цепкий. О возрасте напоминала только седина. Рядом с художником находилась его жена, Девика: смуглая, в ярком сари, с традиционным для индианок цветком в иссиня-чёрных волосах. Девика Рани Рерих – в прошлом известная киноактриса. О её знаменитых портретах, созданных Святославом Николаевичем, искусствоведы писали: «В красоте её облика сквозит душа артистки, изящество чувств и мыслей, благородство и очаровательная женственность».

Девика внимательно слушала русскую речь, стараясь понять суть без перевода. А Святослав Николаевич говорил на родном языке на старый манер, образно, красиво, мягким голосом:

– Родители много читали, любили слушать музыку, но это, как отдых – главное для них был труд. Моя матушка, Елена Ивановна, всю жизнь придерживалась принципа: воспитание нравственности и гражданственности только через красоту, любовь к искусству. По её замыслу в Бангалоре построен комплекс, в котором есть выставочные залы, библиотека, театр, музей, мастерские для занятия прикладным искусством. Со всей Индии тысячи людей приезжают туда приобщиться к Прекрасному. Вход в этот храм культуры бесплатный...

Н.К. Рерих. Палаты Голицына. Эскиз декорации к народной музыкальной драме М.П. Мусоргского «Хованщина». 1919. Картон, темпера. 50,8×76,2. Местонахождение неизвестно. Воспроизведено: A.V. Yaremenko. Nikolai Konstantinovich Roerich, his life and creations during the past forty years. 1889–1929. – New York, 1931. – Plate 66.

Святослав Николаевич заинтересовался новыми сведениями по родословной композитора М.П. Мусоргского, а я подарил ему журнал «Нева» с очерком «Родовая честь Мусоргских». О том, кто конкретно изображён на портрете, хранящемся у Митусовых, художник не знал. Но он подтвердил мнение сестёр: «Родство Мусоргских связано с Шаховскими».

В 1939 году Н.К. Рерих сделал в дневнике такую запись: «Исконно русское звучит во всём, что творил Мусоргский... В нашей жизни это имя прошло многообразно, постоянно встречаясь в самых неожиданных сочетаниях. Может быть, теперь сразу бы поняли, и оценили, и озаботились о лучших условиях для творчества. Мо-

жет быть, и опять не поняли бы, и опять отложили бы признание на полвека, а то и на целый век – всяко бывает».

Н.К. Рерих написал ряд эскизов декораций и костюмов к музыкальным постановкам. В их числе – «*Палаты Голицына*» (1919) к народной музыкальной драме М.П. Мусоргского «Хованщина» для лондонского театра «Ковент-Гарден» (постановка не осуществлена). Подлинник этого эскиза до 1935 г. находился в Музее Николая Рериха в Нью-Йорке. Т.С. Митусова переписывалась с директором этого Музея Даниилом Энтиным, и он прислал ей несколько репродукций к театральным постановкам.

В «*Палатах Голицына*» на сцене «Ковент-Гарден» должен был петь Ф.И. Шаляпин. Недавно этот старейший в Европе театр на Темзе отметил свой 250-й сезон оперой М.П. Мусоргского «Хованщина». Как писала критика, «в затаившем дыхании зале особенно чувствовались значительность и величие Мусоргского».

В последнем письме Т.С. Митусова сообщила, что С.Н. Рерих снова собирается посетить нашу страну и, возможно, привезёт новые сведения о Мусоргском. К сожалению, новой встречи со С.Н. Рерихом и сёстрами Митусовыми не произошло из-за известных перемен в стране, обрекших нашу культуру на нищенское существование.

Л.М. ЗОЛОТНИЦКАЯ

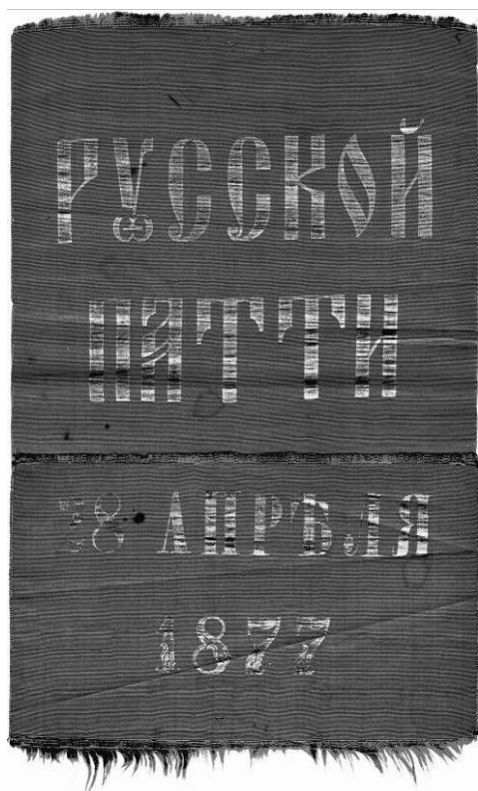
*(Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств;
Санкт-Петербургский музыкально-педагогический колледж,
г. Санкт-Петербург)*

«РУССКАЯ ПАТТИ» И ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕАТР В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В небольшой, но богатейшей по фактологии книжечке В.Л. Мельникова «Князь Павел Арсеньевич Путятин и его Бологовская усадьба», посвящённой дружеским и родственным связям Н.К. Рериха, автору этих строк встретилось любопытное сообщение: 28 апреля 1877 г. жене князя, певице Евдокии Васильевне Путятиной в Париже поднесли венок с лентой, гласившей: «Русской Патти»¹. Надо сказать, вокальная карьера княгини Путятиной была настолько короткой (чуть более пяти лет!), что о певице практически не осталось сколько-нибудь серьёзных высказываний или рецензий; более того, само её имя современным музыкантам неизвестно. Однако, ввиду того, что в доме Путятиных часто гостила племянница Евдокии Васильевны Елена Ивановна Шапошникова – будущая жена Н.К. Рериха – а сам художник был дружен с князем Путятиным и тоже бывал в его доме, образ княгини-певицы приобретает весьма любопытный контекст. С кем же сравнили парижане княгиню Путятину (тогда ещё по первому мужу Митусову, в девичестве Голенищеву-Кутузову), насколько лестным или, напротив, обидным было это сравнение, почему на ум почитателям её таланта пришла именно Аделина Патти – ответом на эти и другие вопросы служит настоящее сообщение.

* * *

С первых лет своей истории Петербург привык к иноземному, в том числе итальянскому присутствию. В юной столице, совсем не случайно прозванной «Северной Венецией», фасады зданий украшал итальянский мрамор, залы Эрмитажа – итальянские скульптуры и живопись, в придворном театре звучала итальянская музыка. Первая итальянская труппа, в составе которой имелись драматические актёры, певцы-кастраты, прекрасные оркестранты, появилась в Петербурге в 1733 г. Артисты разыгрывали при дворе комедии Мольера и Гольдони на итальянском языке, а также небольшие интермедии с музыкальными вставками; зрители следили за представлением по изданным на русском языке переводам В.К. Третьяковского.

«Русской Патти». Фрагменты ленты, поднесённой певице Е.В. Митусовой (во втором браке – княгине Путятиной), на концерте в Париже 28 апреля 1877 г.

Алая ткань, золото. Первый фрагмент 26,2×16,7, второй – 10,2×16,7.

Собрание МИСР.

Первая по-настоящему оперная труппа действовала при русском дворе в 1735 г. Во главе её стоял композитор и дирижёр Ф. Арайя (1709 – около 1770). Прожив в Петербурге до 1759 г., он осуществил за это время постановку около 25 опер, большей частью собственного сочинения. Первая из них – «La forza dell'amore e dell'odio» («Сила любви и ненависти») – стала первой оперой, исполненной в Петербурге (да и вообще в России); её премьера состоялась 29 января 1735 г., в день тезоименитства Анны Иоанновны. Арайе принадлежит и самая первая опера на русском языке «Цефал и Прокрис» на либретто А.П. Сумарокова; дату её премьеры – 3 февраля 1755 г. – можно считать днём рождения русской оперы.

Имя Арайи открыло долгий перечень итальянских придворных капельмейстеров при русском дворе: В. Манфредини, Б. Галуппи, Т. Траэтта, Дж. Паизиелло, Д. Чимароза, Дж. Сартти (правда, ни один из них не оставался в Петербурге на столь же долгий срок). За чередой этих имён стоит, по сути, сама история развития итальянской оперы: так, Арайя, Манфредини и Траэтта прославились как представители оперы *seria* (серьёзной).

Галуппи, Паизиелло и Чимароза, вошли в историю как представители *buffa* (комической оперы). Наиболее ярким из

названных представляется имя Джованни Паизиелло (1740—1816). В Петербурге он, можно сказать без преувеличения, был придворным баловнем. Даже Екатерина II, не слишком интересовавшаяся музыкой и державшая придворную итальянскую труппу ради международного престижа, была в восторге от его сочинений. За годы жизни в Петербурге (1776—1784) Паизиелло осуществил при дворе постановку пятнадцати своих сочинений, причём, в отличие от других придворных капельмейстеров, сочинений новых, то есть написанных именно в Петербурге. В числе таковых, например, «Севильский цирюльник» 1782 г. на либретто придворного же либреттиста Джузеппе Петроселлини по комедии Бомарше. Рождённая в Петербурге, эта опера стала быстро популярна и во всей Европе; когда тридцать лет спустя Дж. Россини также решил обратиться к этому сюжету, он будет вынужден обратиться к Паизиелло с письмом, в котором попросит разрешения на такой шаг (Паизиелло — шёл последний год его жизни — не ответил на запрос).

* * *

Придворная итальянская опера была закрыта в конце 1790-х гг. В начале XIX в. в аристократических кругах Петербурга обсуждался вопрос о воссоздании в столице итальянского театра — но не придворного, как прежде, а общедоступного. Так, возвратившийся в 1817 г. из путешествия по Италии князь Шаховской, один из руководителей Дирекции Императорских театров, сообщил, что сам маэстро Россини готов отправиться в Петербург во главе им же сформированной оперной труппы. Однако, по расчёту Россини, на содержание труппы требовалось 175.000 рублей; Дирекция же изыскивала только 100.000, так что проект остался неосуществлённым. Впрочем, изредка в Петербурге всё же гастролировали (без особого успеха) частные итальянские труппы; приезжали вне трупп и отдельные итальянские певцы — все, правда, уже на склоне своей артистической карьеры. С именем одного из них и связано возобновление в Петербурге итальянской сцены. В 1843 г. Джованни Рубини (1794—1854) спел в пятнадцати спектаклях в составе русской труппы и, плюс к тому, дал несколько сольных концертов. Успех был столь оглушительным, что по окончании гастролей с Рубини заключили контракт, согласно которому он приглашался в Петербург на следующий сезон во главе итальянской труппы. Сформировать оную доверили самому Рубини по его вкусу. С поручением певец справился самым достойным образом, пригласив в Петербург тогда ещё начинающую певицу Полину Виардо (1821—1910), а также находящегося на вершине карьеры Антонио Тамбурины (1800—1876).

Наиболее яркую характеристику итальянской оперы в Петербурге 1840-х гг. дал Н.А. Некрасов. Устами героя поэмы «Говорун» он так отзываяется, например, о Рубини:

*Идёшь ли в канцелярию,
Уходишь ли от дел,
Поёшь невольню арию,
Которую он пел.*

<...>

*Отелло, мавра дикого,
Так чудно он сыграл,
Что им одним великого
Название стяжал.
Когда игралась «Лючия»,
Я пролил реки слёз:
На верх благополучия
Певец меня вознёс².*

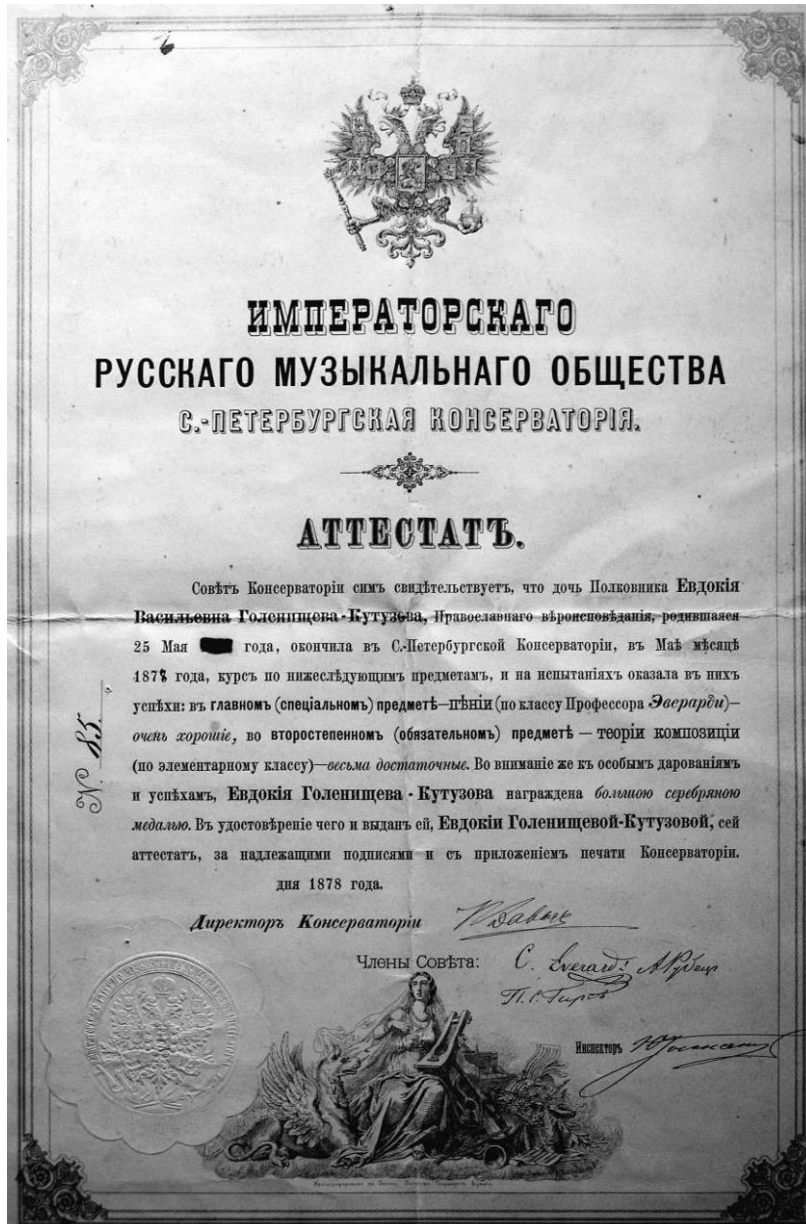
А затем, намекая на Виардо, появляющуюся в I действии «Севильского цирюльника» на балконе, герой продолжает:

*Мотивы итальянские
Мне не дают заснуть,
И страсти африканские
Волнуют кровь и грудь:
Всё грезятся балкончики,
И искры чёрных глаз <...>³.*

Выпускница Санкт-Петербургской консерватории Евдокия Васильевна Голенищева-Кутузова (в первом браке Митусова, во втором – княгиня Путятина). Около 1878. Собрание МИСР.

И в прозе Некрасов также описал охватившую весь Петербург италоманию: «Где бы вы ни были, – всюду слышатся вам имена Рубини и Виардо; во всех концах города раздаются рулады и трели. Всё запело! Вздумается ли вам пройтись по Невскому проспекту: “Уу-на фор-тима лагрима, уу-на...” – раздаётся позади вас; заглянете ли в кофейную – рулада a la Tamburini встречает вас ещё на лестнице; зайдёте ли к знакомому семейству, хоть живи оно на Выборгской, уж непременно посадят там дочку за фортепиано и заставят её пропеть арию “Нормы” <...>. Но каково столкнуться вдруг на улице с человеком, весьма порядочно одетым, который вдруг ни с того, ни с сего поднимет руки к небу, согнёт колени и завопит что есть мочи: “тра-ди-то-о-ре!” или, что ещё хуже, встретить знакомого весьма серьёзного, который на все вопросы ваши отвечает “трёмба!” и потом, приложив губы свои к вашему уху, присовокупляет хриплым голосом: “тра-та, тра-та, та-та, тара-тат-та, тат-тата!”»⁴.

Аттестат об окончании Санкт-Петербургской консерватории на имя Евдокии Васильевны Голенищевой-Кутузовой, выданный в мае 1878 г. Подписали: директор К.Ю. Давыдов, члены Совета консерватории Камилло Эверарди, А.Г. Рубинштейн, П.С. Гирс и инспектор консерватории Ю.И. Иогансен. Собрание МИСР.

В 1840-х гг. основу репертуара итальянской труппы составляли оперы Россини, Беллини, Доницетти. А к началу 1850-х гг. в петербургском итальянском театре одна за другой ставятся оперы Верди: «Набукко», «Риголетто», «Макбет», «Трубадур», «Травиата», «Сицилийская вечерня», «Луиза Миллер», в 1861 г. – «Бал-маскарад». При этом все названные произведения явились вниманию петербуржцев через короткое время после их премьер: так, «Риголетто» – через год, «Сицилийская вечерня» – через два года. И, наконец, итальянскому маэстро была заказана опера специально для петербургской труппы – ею стала «Сила судьбы». В связи с постановкой Верди дважды посетил Петербург. Осенью 1861 г. он познакомился с основными силами итальянской труппы и порекомендовал поменять имевшуюся примадонну на новую – французскую певицу Каролину Барбо (1830–1893), что, разумеется, и было сделано. Второй раз он приехал через год для заключительных репетиций и присутствия на премьере.

Состав труппы в 1850-х гг. почти полностью обновился. Уехали Рубини, Виардо, Тамбурины, но появились другие, не менее яркие артисты, в частности «звездные» супруги Джованни Марио (1810–1883) и Джулии Гризи (1811–1869). Анджолина Бозио (1830–1859) настоящая певица-актриса, особенно проникновенно исполнявшая партии умирающих молодыми героинь (она скончалась от простуды в Петербурге).

А среди певцов последующих десятилетий наибольший успех имела виртуозка Аделина Патти (1843–1919). Слушателей всего мира (а Патти, как и Бозио, гастролировала по всей Европе и в США), приводила в изумление её феноменальная вокальная техника. Критика Петербурга, в частности, сравнивала певицу с машиной, из которой с идеальной ровностью вылетают длинные трели, жемчужные – нота к ноте – пассажи и гаммы. По словам одной из счастливиц, попавшей на спектакль с её участием, «успех её был гигантский, ни с чем до этого не сравнимый! Все были поражены, оглушены, ослеплены этим потоком рулад, трелей, стаккат, которые лились неудержимо, блистая алмазами, рассыпаясь сверкающими искрами, не давая прийти в себя от изумления, снова и снова поражая!»⁵. А когда в «Севильском цирюльнике» Патти-Розина в сцене урока пения по традиции, открытой ещё Виардо, исполнила по-русски «Соловья» Алябьева, овации были такими, что обслуживающий персонал Большого театра всерьёз опасался за прочность ярусов и лож уже достаточно старого зала.

Как правило, певица вводила так ловко удававшиеся ей украшения во все свои партии, не считаясь с замыслом композитора. Естественно, исполнительница такого типа была наиболее удачна в россини-беллини-доницеттиевском репертуаре, впрочем, бралась и за вердиевские оперы. Критика отмечала, что в «Эрнани» она не поняла смысла партии Эльвиры, в «Риголетто» в партии Джильды «для изображения драматичной страсти прибегла к вырыванию волос» и вообще – «когда поёт Патти», то в каждой, даже самой мрачной опере слышится «её всегдашнее раздражающее кокетство». Тем не менее, в 1870-х гг. само её имя было символом итальянского театра. Не случайно М.П. Мусоргский, выведя в сатирической вокальной сценке «Раёк» упомянутого критика Толстого – активного поклонника итальянского театра,

пренебрежительно относившегося к русской опере, вложил в его уста рулады именно *a la Patti* и неумённые восторги в её адрес.

Будучи, как и полагается блестящей оперной примадонне, неизмеримо капризной, Патти своим поведением кормила целую армию петербургских фельетонистов, например, «взбунтовалась» против присутствия в труппе видной французской певицы Марии Констанцы Сасс (1838–1907) – в результате контракт с последней на новый сезон не был возобновлён; затем последовал долгий скандальный бракоразводный процесс Патти с мужем-маркизом, которому она предпочла партнёра по сцене – красавца тенора Эрнесто Николлини (1834–1898). В 1877 г. Патти гордо уехала с Николлини из Петербурга. Могла ли она тогда предположить, что в начале 1900-х, спустя 25 лет, вновь приедет в русскую столицу, чтобы в память о своих былых успехах дать здесь несколько благотворительных концертов, перечислив весь сбор в пользу пострадавших в русско-японской войне!?

Наряду с Патти большим успехом в итальянской труппе этих лет пользовался бельгийский певец Камилло Эверарди (1825–1899)⁶. А.Н. Серов считал его «украшением труппы», а Н.А. Римский-Корсаков – «самым лучшим из певцов». И действительно, по вокальной технике Эверарди ничуть не уступал самой Патти, а как-то, вознамерившись сбить с неё спесь, даже «перепел» её в дуэте из «Севильского цирюльника», продолжая виртуозную трель уже после того, как Патти замолчала (по воспоминаниям присутствующих, после спектакля испуганная примадонна умоляла Эверарди «больше этого не делать»⁷).

В числе других певцов и оркестрантов Эверарди был приглашён А.Г. Рубинштейном на пост профессора пения Санкт-Петербургской консерватории и преподавал здесь с 1870 по 1888 г.⁸ По воспоминаниям его ученика⁹, Эверарди тщательнейшим образом работал над развитием безукоризненной вокальной техники, разработав для этого целую систему особых упражнений. Большое значение придавал он и важности передачи эмоционального состояния героя, раскрытия его души. Из класса Эверарди вышла целая плеяда вокалистов: только самых известных его русских учеников насчитывается более двадцати! Часть из них по окончании консерватории получили диплом на звание «свободного художника»; иные, посещавшие только его

Певица Аделина Патти (1843–1919). Выступала в Санкт-Петербурге в операх «Эрнани», «Жанна Д'Арк», «Риголетто», «Трубадур», «Травиата»

класс и не изучавшие никакие другие предметы, были выпущены с аттестатами. В числе последних назвём и Евдокию Васильевну Голенищеву-Кутузову, окончившую консерваторию по классу Эверарди в 1877 г. с аттестатом и большой серебряной медалью. По воспоминаниям однокурсника, она имела «редкое по красоте и гибкости голоса колоратурное сопрано»¹⁰. Молодая певица обратила на себя внимание петербургской публики, будучи ещё студенткой. Так, после ученического концерта в пользу «Красного Креста» в газете писали: «Наибольшее число оваций выпало на долю г-жи Голенищевой-Кутузовой за прекрасное исполнение арии из “Риголетто”. Г-жа Голенищева-Кутузова обладает, несомненно, большими голосовыми средствами и всеми при этом качествами, могущими составить при дальнейших упражнениях славу первоклассной артистки»¹¹. С этого времени её имя начинает довольно часто мелькать на страницах петербургской и даже иностранной прессы. Именно тогда, в апреле 1877 г., она и дала тот самый концерт в Париже, на котором получила от поклонников алую ленту с вышитыми золотыми буквами словами: «Русской Патти. 28 апреля 1877». В мае того же года она обратила на себя особенное внимание петербургской публики прекрасным исполнением роли Розины в опере «Севильский цирюльник», поставленной учениками консерватории в Большом театре опять-таки в пользу общества «Красный Крест»; после концерта рецензент сообщил, что певица «теперь отправляется для усовершенствования своего дарования в Италию»¹². Через месяц петербургские меломаны узнали, что «г-жа Кутузова, окончившая нынче нашу консерваторию, после удачного испытания в Париже, <...> заключила <...> контракт на пять лет за 25000 франков, с аккомпаниатором, костюмами, путешествиями на счёт антрепренёра <...>». В конце цитируемой заметки неизвестный автор, явно не расположенный к русской труппе, порадовался за молодую певицу: «Мы тем более рады за нашу консерваторскую Патти <...>, так как и по голосу, и по характеру своих способностей, и по направлению развития её техники, она бы мало подходила к требованиям нашей русской оперной сцены»¹³ (полемизируя со злопыхателем, отметим, что ученики Эверарди свободно чувствовали себя как в итальянском, так и в русском репертуаре и славу себе составили именно как представители русской вокальной школы – настолько универсальными были учения, преподанные им замечательным педагогом). Похоже, с лёгкой руки рецензента, к Голенищевой-Кутузовой накрепко пристало прозвище «русская Патти». Однако, несмотря на столь эффектное начало, продолжение её карьеры совсем не походило на карьеру подлинной Патти. Через два года после описанных событий в большой статье «Театральное дело и наши артисты в Италии» о певице сообщили: «Дебют Nordi [такой псевдоним взяла она для сцены. – Л. З.] состоялся; журналы, превозносившие её до небес до дебюта, после него хранили глубокое молчание или отделялись общими фразами, и Nordi не только не утешила парижан в потере дивы [под “дивой” подразумевалась Патти, занятая бракоразводным процессом с маркизом де Ко, и поэтому не выступавшая. – Л. З.], но даже не была ангажирована на весь сезон. В нынешнем году, осенью, Nordi явилась в Милане. Здесь ей также не особенно повезло, несмотря на то, что наша соотечественница привезла с собой целую кипу писем, горячо рекомендующих итальянцам её необыкновенный талант»¹⁴. Возможно,

неудачи так ярко дебютировавшей певицы отчасти объяснялись её сложными семейными делами: имея на руках трёхлетнего сына, как и «настоящая» Патти, она тоже вела бракоразводный процесс, не дававший возможности полностью сосредоточиться на творчестве. В начале 1880-х гг. Евдокия Васильевна, в первом браке Митусова, вернулась в Россию, а в 1882 г., став женой князя П.А. Путятин, дебютировала в Мариинском театре. Впрочем, в прославленной труппе она пробыла совсем недолго: новая аристократическая жизнь вскоре заслонила для неё стезю оперной певицы. Так закончилась карьера единственной русской певицы, которую в прессе решились уподобить прославленной итальянке.

Возвратимся к итальянской труппе. Несмотря на успехи Патти, Эверарди и других замечательных певцов, её история явно шла к закату, ибо силу набрала русская оперная труппа. Показателем спада интереса к итальянской опере стало переселение её на последние сезоны из Большого театра – в менее благоустроенный Мариинский, а русской труппы – на её место (это было вызвано жалобами русских певцов на плохую акустику Мариинского зала). Последним в деятельности итальянского театра стал сезон 1884/1885 гг. Формальным поводом для его закрытия послужило признание помещения Большого театра опасным для спектаклей. В результате русскую труппу вернули на старое место в Мариинский театр, а итальянскую – упразднили. Некоторое время, правда, ещё обсуждался вопрос о постройке для неё нового помещения: специально созданная комиссия предлагала такие места для его возведения, как Новая Голландия или Царицын луг, однако на том дело и остановилось¹⁵.

* * *

С середины 1880-х годов в Петербург стали приезжать частные итальянские труппы, однако этот этап существования итальянской оперы в Петербурге выходит за рамки моего сообщения¹⁶. Что же касается заявленного в названии данного сообщения имени Аделины Патти – оно, как указывалось, стало и символом итальянского театра, и мерилем уровня вокального мастерства, своего рода критерием, с которым ещё долгое время подходили к вокалистам этого и последующего периодов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мельников В.Л. Князь П.А. Путятин и его Бологовская усадьба. – СПб.; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2000. – С. 33. Благодарю бывшего помощника директора Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге Т.К. Кудрявцеву за указание на этот источник информации.

² Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений: В 15 т. – Т. 1. – Л.: Наука, 1981. – С. 399.

³ Там же. – С. 402.

⁴ Там же. – Т. 12. – СПб.: Наука, 1995. – С. 202.

⁵ Иванская С. Былое нашей итальянской оперы // *Колосья*. – 1889. – № 12. – С. 179.

⁶ В итальянскую труппу входили, помимо итальянцев, французы, испанцы, вокалисты других национальностей. Впрочем, по манере пения все они были представителями именно итальянской вокальной школы. Кстати, дирижёр Э. Бавери на самом деле носил фамилию Бауэр и был немцем.

⁷ Назаренко И.К. Искусство пения. – М.: Музыка, 1968. – С. 284.

⁸ После Санкт-Петербургской консерватории он работал также в Киевском музыкальном училище, а затем – до конца своих дней – в Московской консерватории.

⁹ Вайнштейн Л.И. Камилло Эверарди. – Киев, 1924.

¹⁰ Камилло Эверарди. – Киев, 1896. – С. 49.

¹¹ Петербургская газета. – 1876. – 27 октября. – № 211.

¹² Голос. – 1877. – 12 июня. – № 121.

¹³ Петербургский листок. – 1877. – 26 июля. – № 142.

¹⁴ Санкт-Петербургские ведомости. – 1879. – 6 января. – № 6.

¹⁵ РГИА, ф. 468, оп. 44, № 1.

¹⁶ Подробнее см. в статьях: Золотницкая Л.М. Звёзды bell canto в итальянских оперных труппах в России на рубеже XIX–XX вв.; Золотницкая Л.М. Итальянские композиторы в России на рубеже XIX–XX вв. // Русско-итальянские музыкальные связи. – СПб., 2004.

И.С. АНИКИНА

(Музей-институт семьи Рерихов, г. Псков)

«МУЛИЧКА», УРОЖДЁННАЯ ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА

*Облака, облака! – В неземной вышине,
Как мечтанья в бреду, как виденья во сне,
Вы несётесь крылатой толпою,
Безвозвратно скрываясь из глаз без следа,
С неразгаданной тайной: откуда?.. куда?..
В вечном беге за смутной мечтою.*

*Облака, облака! – Где ваш кончится путь?
Где найдёте приют, чтоб в тиши отдохнуть
От недужного к далям стремленья?
Где душа исцелится от бреда мечты,
От безумия веры в обман красоты,
От стыда и от муки прозренья?*

А.А. Голенищев-Кутузов («Облака», 1913)

26 октября (8 ноября) 1913 г. в петербургской газете «Новое время» среди объявлений, заключённых в чёрные траурные рамки, было напечатано следующее¹:

Мать Е.В. Шапошниковой Анна Васильевна Голенищева-Кутузова
(рождённая Азарьева) вместе с внуком Степаном Митусовым.
Около 1882. Оригинал в собрании МИСР.

Умерла Екатерина Васильевна сравнительно рано, не дожив менее двух месяцев до своего 56-летия, и была похоронена на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря, где уже покоился прах её мужа, Ивана Ивановича Шапошникова². В 9-й и 40-й дни после кончины по Екатерине Васильевне были отслужены панихиды и совершена литургия в кладбищенской церкви «Всех скорбящих Радость»³.

*Облака, облака! – Будет кончен полёт
Там, где ветер в безбрежьи небес разнесёт*

*Верениц ваших лёгкие звенья...
И найдёшь ты, душа, возжеланный покой
Там, где вечности бездна сольётся с тобой
В всецелбных объятях забвенья¹.*

«Муля, Мулька, Муличка», – так называли Рерихи между собой мать Елены Ивановны. Биографических сведений о Екатерине Васильевне сохранилось немного, дошедшие же до нас впечатления современников о ней отрывочны и противоречивы. З.Г. Фосдик, основываясь на воспоминаниях Е.И. Рерих о своём детстве, пишет, что в представлении Елены Ивановны её мать была «ограниченной светской женщиной и, когда видела в руках [дочери] книгу по философии, говорила: “У нас в институте только дуры это читали”»; что «мать начала её вывозить в свет на балы с самого раннего возраста <...> и всё настаивала, чтобы она ходила на балы, и у них происходили ужасные драмы», когда дочь отказывалась ехать; что Елена Ивановна рассказывала, «какой недалёкой была её мать, продав все редкие книги отца, <...> и что мать её не любила, а лишь гордилась её успехами в обществе...»⁵.

С другой стороны, Наталия Владимировна Шишкина, хорошо знавшая семью Шапошниковых, напишет в своих воспоминаниях, что Елена после смерти отца «жила с матерью вдвоём. Они обе очень любили друг друга, и мать её, очень добродушная милая старушка, сохранившая свою былую красоту, не могла налюбоваться на свою “Лялечку”, как её тогда все и называли»⁶. И Николай Константинович Рерих, будучи ещё женихом Елены Ивановны, в своих письмах к ней с теплотой отзывался о Екатерине Васильевне, замечая, что она «очень добрая и сердце у неё доброе и хорошее»⁷.

Для нас, потомков, живущих спустя целое столетие после Екатерины Васильевны, её образ остаётся неполным. Как и чем она жила, о чём мечтала, какой жребий был уготован ей Провидением? Попытаемся бережно заглянуть во внутренний мир Екатерины Васильевны, понять, почувствовать её душевные переживания, прочитывая некоторые страницы её биографии.

* * *

13 декабря 1857 г.⁸ в селе Канищево Холмского уезда Псковской губернии⁹ у отставного полковника Василия Ивановича Голенищева-Кутузова и его жены Анны Васильевны родилась дочь. При крещении 22 декабря в местной церкви Тихвинской иконы Божией Матери¹⁰ девочке было дано имя Екатерина¹¹. Отец её в прошлом, подобно большинству мужчин-представителей рода Голенищевых-Кутузовых (генералу-фельдмаршалу Светлейшему князю Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову Василий Иванович приходился двоюродным племянником), верой и правдой служил Отечеству и Государю¹². После выхода в отставку Василий Иванович поселился в своём родовом имении Канищево в Псковской губернии. Через некоторое время он женился на молодой Анне Азарьевой¹³. Василий Иванович и Анна Васильевна нажили семерых детей¹⁴. Екатерина родилась, когда в семье Голенищевых-Кутузовых уже росли сын Иван (род. 1853) и две дочери, Евдокия

Екатерина Васильевна Шапошникова, урождённая Голенищева-Кутузова
Не ранее 1874. Воспроизведено: *Перих Е.И.* Письма. – Т. I. – М.: МЦР, 1999.

(род. 1855) и Анастасия (род. 1856). 11 февраля 1859 г. у них появилась сестра Людмила, а 9 апреля 1861 г. – брат Василий.

Быстро промелькнуло беззаботное деревенское детство Катюши в шумной, весёлой компании братьев и сестёр. В Канищеве она вместе с ними получила домашнее начальное образование, общее и музыкальное. В семье любили музыку, и она часто звучала в доме. Модест Петрович Мусоргский, бывая на своей родине – Псковщине, нередко заезжал в гости к своим дальним родственникам Голенищевым-Кутузовым¹⁵. В Канищеве он работал над эскизами своих произведений, проводил время в кругу детей; своим маленьким кузинам, Евдокии, Екатерине, Анастасии

Иван Иванович Шапошников. 1870-е.
Воспроизведено: *Рерих Е.И. Письма*. – Т. I. – М.: МЦР, 1999.

и Людмиле, Модест Петрович придумал шуточные имена – «Додонский, Катонский, Стасенский, Людонский»¹⁶.

Шли годы, дети Василия Ивановича и Анны Васильевны подрастали, и традиции дворянского рода требовали серьёзного образования их. Такое образование давали столичные учебные заведения, и родители привезли детей в «блистательный Петербург». Старший сын Иван стал воспитанником Императорского Александровского лицея, младший – Василий, после приговорительного отделения Императорского училища правоведения был принят в Первое Павловское военное училище¹⁷. Дочери Евдокия, Екатерина и Людмила – каждая в своё время – стали «смолянка-

Евдокия Васильевна Голенищева-Кутузова
(в первом браке Митусова, во втором – княгиня Путятина)
с Осипом Осиповичем (Йозефом) Палечеком в роли Джильды в опере «Риголетто».
Мариинский театр. Около 1882. Оригинал в собрании МИСР.

ми». Первой в Смольном институте благородных девиц начала обучение в 1867 г. старшая дочь Голенищевых-Кутузовых – Евдокия¹⁸. Пожалуй, Евдокия Васильевна была самой одарённой из сестёр, во всяком случае, в музыкальном отношении. Успешно окончив Смольный институт, она в сентябре 1873 г. была принята «сверхкомплектной ученицей» в Санкт-Петербургскую консерваторию в класс оперного пения профессора Камилло Эверарди¹⁹.

В августе 1868 г. десятилетняя Екатерина Голенищева-Кутузова вслед за старшей сестрой становится «смолянкой». Она была принята «на (казённое) бесплатное

Евдокия Васильевна Голенищева-Кутузова
(в первом браке Митусова, во втором – княгиня Путятина).
Санкт-Петербург. 1880-е. Фотография «Э. Вестли и К°».
Оригинал в собрании МИСР.

содержание» в седьмой (самый младший) класс Императорского Воспитательного общества благородных девиц²⁰. Однако в юбилейном издании, посвящённом истории Смольного института, в списках окончивших его Екатерины Васильевны нет²¹. Действительно, 7 апреля 1876 г. «девица Екатерина Васильевна Голенищева-Кутузова была уволена из второго класса согласно прошению её матери»²². В личном деле Екатерины Васильевны нет документа, объясняющего более подробно причину, по которой она покинула Смольный институт. Мы лишь можем предположить, что она серьёзно заболела и не смогла продолжить своё обучение.

Евдокия Васильевна Голенищева-Кутузова
(в первом браке Митусова, во втором – княгиня Путятина).
Санкт-Петербург. 1870-е – 1880-е. Оригинал в собрании МЦР.

* * *

Екатерину Васильевну с её старшей сестрой Евдокией на протяжении всей жизни связывали не только родственные отношения: Евдокия Васильевна была для неё и лучшей подругой, и задушевной собеседницей, и советчицей в житейских делах, и помощницей в трудные минуты жизни. В юности обе сестры, красавицы с роскошными длинными и густыми волосами²³, как и большинство молодых девушек, любили наряды, ездили на балы и светские вечеринки. Обе они увлекались театром, музыкой, живо обсуждали в кругу друзей последние театральные и музыкальные премьеры. Наверное, Екатерина бывала и на студенческих оперных спектаклях, в которых принимала участие её сестра. У них были и общие друзья, например, братья Самуси. Старший из них, Василий Максимович Самусь, учился вместе с Евдокией Васильевной в консерватории²⁴. Второй брат, Николай Максимович, служил актёром Русской драматической труппы²⁵. Именно они стали «поручителями по невесте»²⁶ при венчании Екатерины, которое и совершалось-то в церкви при Дирекции Императорских театров и Театральном училище²⁷.

В связи с замужеством Екатерины Васильевны возникает ещё один (после ухода из Смольного института) не совсем понятный для нас, потомков, поворот в её судьбе. В то время, когда её старшая сестра Евдокия сдаёт выпускные консерваторские экзамены, Екатерина 11 мая 1877 г. выходит замуж за преподавателя Строительного училища Ивана Ивановича Шапошникова²⁸. Каковы были причины этого «неравного» брака? Неравного хотя бы по двум обстоятельствам. Первое – разное сословное положение невесты и жениха: дочь потомственного дворянина старинного и знаменитого в России рода и младший сын небогатого петербургского купца. Второе – существенная разница в возрасте: невесте шёл 20-й год, а жениху через месяц исполнялось 44 года. Видимо, решающую роль в выборе мужа для Екатерины сыграл её отец, Василий Иванович. Разница в возрасте между будущими супругами его не очень смущала: он сам был на 18 лет старше своей жены. Скорее всего, его беспокоило другое: он опасался, что выбор самой дочери падёт на кого-нибудь из её знакомых или многочисленных поклонников оперного таланта её старшей сестры Евдокии, принадлежащих к обманчивому и непостоянному миру театральной богемы. К слову сказать, сама Евдокия не избежала замужества с одним из таких людей: в 1878 году она обвенчалась со Степаном Николаевичем Митусовым²⁹. С этим «безумным и распутным»³⁰ человеком у неё был короткий и очень неудачный брак, принёсший ей немало страданий и горьких минут.

Возвращаясь к рассказу о Екатерине Васильевне, можно предположить, что и в семье Шапошниковых полного взаимопонимания между супругами не было. Однако необходимо отметить, что Иван Иванович был, безусловно, замечательной личностью; его любили студенты, ценили сослуживцы, уважали окружающие; по воспоминаниям Елены Ивановны, «отец был идеальным человеком, большим мыслителем, гуманистом»³¹. Юная же Екатерина Васильевна, любившая наряды и балы, сама мечтавшая устраивать, как подобает аристократке, светские приёмы, вряд ли была вполне счастлива в своём супружестве. Всю свою любовь, заботу и внимание

Елена Шапошникова, старшая дочь Е.В. Шапошниковой. Санкт-Петербург. Около 1882. Фотография О. Рейзенер. *Фрагмент*. Оригинал в собрании МИСР.

она стала отдавать родившемуся 3 марта 1878 г. сыну Иллариону³². Но не прошло и полугодя с рождения первенца, как Екатерина Васильевна поняла, что снова ждёт ребёнка. Вторая беременность была для неё мучительной и тяжёлой. Об этом периоде жизни матери Елена Ивановна напишет так: «По совету врачей её спешно увезли в поместье родителей в Псковской губернии, где продолжительное время мать оставалась настолько слабой, что не могла ходить и целыми днями лежала на диване в комнате, где висела большая картина “Моление о Чаше”. Она полюбила эту картину и часто впоследствии её вспоминала...»³³.

31 января 1879 г. в семье Шапошниковых родился второй ребёнок – дочь Елена³⁴. Можно себе представить, как нелегко было молодой маме справиться с двумя

Анна Шапошникова, младшая дочь Е.В. Шапошниковой. Санкт-Петербург.
Около 1890. Фотография «Э. Вестли и К°». Оригинал в собрании МИСР.

грудными малютками (Иллариону было всего одиннадцать месяцев), несмотря на помощь няnek и родных... На многие годы жизнь Екатерины Васильевны становится связанной с детьми. И вот в то время, когда, по воспоминаниям Елены Ивановны, мать «обращала исключительное внимание на её маленького брата, ребёнка поразительной красоты»³⁵, Екатерину Васильевну постигает удар: пяти с половиной лет Илларион умирает от дифтерита³⁶. Мать «была долгое время безутешна»...

Однако ей было суждено пережить через семь лет смерть ещё одного своего ребёнка: в пятилетнем возрасте ушла из жизни младшая сестра Елены – Анна (роди-

лась 20 февраля 1885 г.). Какими словами можно выразить горе матери, потерявшей двух малолетних детей?..

*Она пред иконой стояла святою;
Скрестились руки, уста шевелились;
Из глаз её слёзы одна за другую
По бледным щекам жемчугами катились.*

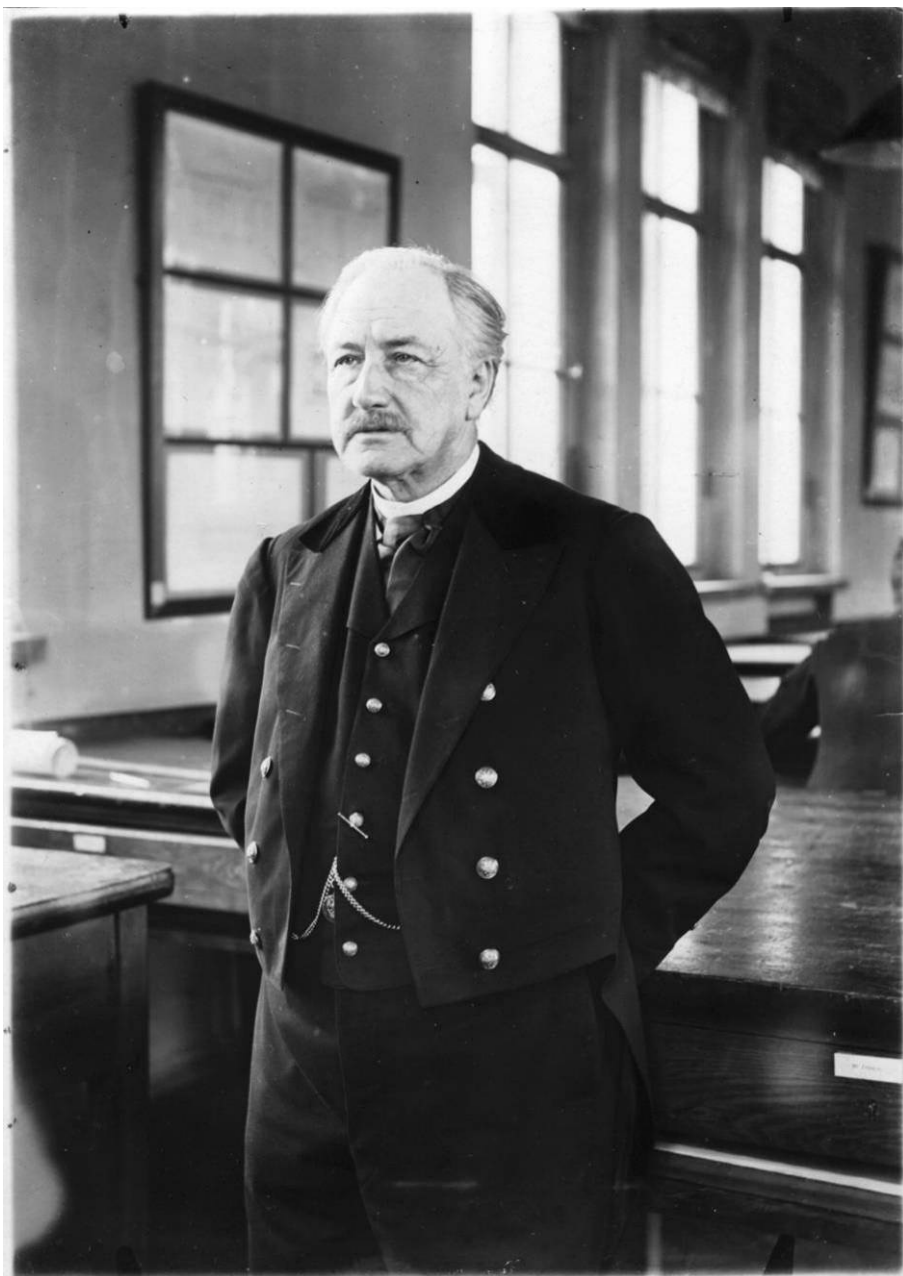
*Она повторяла всё чьё-то название,
И взор озарялся молитвенным светом;
И было так много любви и страданья –
Так мало надежды в молении этом!*

*Она преклонилась и долго лежала,
Прильнув головою к земле безответной,
Как будто в томлени немом ожидала,
Что голос над нею раздастся приветный.*

*Но было всё тихо в молчании ночи,
Лампада мерцала во мраке тревожном,
И скорбно смотрели Спасителя очи
На очи, просящие о невозможном!³⁷*

Для Екатерины Васильевны Елена стала и единственным утешением в жизни, и тяжёлым напоминанием об умерших детях. Частые простуды, «обычные» детские болезни дочери доставляли ей немало переживаний и хлопот. К тому же, Елена росла очень самостоятельной, «была страшно горда, не особенно послушна, <...> не признавала ничего авторитета, любила уходить одна играть в свои игры, думать или же играть с кузенами в дикие воинственные игры (американских индейцев)»³⁸. Екатерина Васильевна очень любила свою «Лялю», но не могла понять, почему обычным играм со сверстниками, поездкам на детские праздники и балы её дочь предпочитает одиночество, чтение книг или же созерцание природы. Необычные видения и переживания, которыми делилась Елена с матерью, предвидение дочерью многих случившихся позже событий пугали Екатерину Васильевну. Она, приписывая эти явления болезненному нервному состоянию Елены, запрещала ей говорить об этом и нередко укладывала её в постель.

Со своими страхами и переживаниями по поводу подрастающей дочери Екатерина Васильевна часто оставалась наедине: Иван Иванович, который лучше понимал Елену, почти всё время проводил в работе³⁹. Чтобы разделить своё беспокойство, поговорить по душам, Екатерина Васильевна ехала к своей сестре Евдокии, у которой рос сын от первого брака Степан⁴⁰, ровесник Елены. В то время Евдокия Васильевна была уже княгиней Путятиной: после развода со Степаном Николаевичем Митусовым она вышла замуж (в 1882 г.) за князя Павла Арсеньевича Путятина⁴¹. И Екатерина Васильевна с Еленой почти каждое лето гостили у Путятиных в их имении в Бологом Новгородской губернии⁴².

Иван Иванович Шапошников. 1890-е.
Оригинал в собрании МИСР.

Елена Ивановна Шапошникова, в замужестве Рерих. Санкт-Петербург. Около 1900.
Фотограф Санкт-Петербургской консерватории. Оригинал в собрании МИСР.

* * *

Как любая мать, Екатерина Васильевна желала счастья своей дочери и хотела устроить её судьбу, выдав замуж за человека с именем и состоятельного. Более выгодному замужеству могло способствовать и более высокое сословное положение дочери. В 1890 г. Ивану Ивановичу Шапошникову за «отлично-усердную и ревностную службу» был пожалован орден Святого Владимира 4-й степени. Этот орден давал право на признание его обладателя в потомственном дворянском достоинстве. Иван Иванович, вероятно, по своей скромности, не спешил воспользоваться этим правом. Лишь в феврале 1897 г. (когда Елене исполнилось 18 лет) он обратился в Правительствующий Сенат с прошением о признании его с женой и дочерью в потомственном дворянстве⁴³. В сентябре этого же года прошение было рассмотрено, и все трое были признаны в дворянском достоинстве с выдачей им соответствующих свидетельств⁴⁴.

Евдокия Васильевна Голенищева-Кутузова
(в первом браке Митусова, во втором – княгиня Путятинна).
Санкт-Петербург. 1900-е. Фотоателье «Boissonnas et Egger».
Оригинал в собрании МИСР.

Елена Шапошникова имела успех в обществе, и у неё было много поклонников. Она была очень хороша собой, всегда прекрасно одета (в чём была, безусловно, заслуга Екатерины Васильевны), и на балах Елену всегда окружала толпа молодых людей. Но она упорно отказывала всем женихам, которые, по мнению матери, подходили Елене в мужья. Как часто бывает, дети не очень-то считаются с желаниями и мнением своих родителей... Когда Елена объявила, что собирается выйти замуж за Николая Константиновича Рериха, Екатерина Васильевна и родные (Иван Иванович к этому времени уже скончался) были против. В доме тётушки, княгини Евдокии Васильевны Путятинной, где жила тогда Елена с матерью, разразился настоящий скандал. 30 марта 1900 г. Николай Рерих писал Елене Шапошниковой: «В первый раз мне страшно к Вам ехать; страшно за то, что не знаю, как примет меня

Е[катерина] В[асильевна]. Ей не понять наших соображений, и она может нарушить наше хорошее время»⁴⁵. А в письме от 26 мая того же года он сообщал ей: «От вокзала я шёл с Беляевым, который предупреждал меня, что против меня (в нашем деле) работает сильная оппозиция в лице Екат[ерины] Вас[ильевны] и княгини...»⁴⁶. Со слов Елены Ивановны, «Н[иколай] К[онстантинович], когда ездил к ним, чтобы никого не обидеть, всем кузинам и тётушкам привозил конфеты, коробок десять, так что приезжал к ним, бывало, весь нагруженный»⁴⁷. Из всех родных лишь кузен Степан Митусов был на стороне своей любимой сестры. Князь Путятин тоже с первых дней симпатизировал молодому Рериху, поддерживая его в археологических и художественных устремлениях⁴⁸.

Только спустя несколько месяцев буря утихла, и Николай Константинович с Еленой Ивановной, пройдя через все испытания, стали женихом и невестой. К свадьбе всем гостям были высланы приглашения – «без позолот, без вензелей, которыми так любят украшать подобные»⁴⁹ вещи:

<i>«Екатерина Васильевна Шапошникова просит Вас пожаловать на бракосочетание дочери ея Елены Ивановны с Николаем Константиновичем Рерих,</i>	<i>Мария Васильевна Рерих просит Вас пожаловать на бракосочетание сына ея Николая Константиновича с Еленой Ивановной Шапошниковой,</i>
<i>имеющее быть 28 октября в 6 часов вечера в церкви Императорской Академии художеств. Санкт-Петербург, 1901 год».</i>	

В первые годы после замужества дочери Екатерина Васильевна жила с Рерихами. Она по-прежнему часто бывала у Путятинных и, видимо, подолгу оставалась в доме своей старшей сестры. Мы не знаем, как жилось ей в эти и последующие годы. Нянчила ли она появившихся вскоре внуков? Разделяла ли взгляды своей дочери на их воспитание? Радовалась ли творческим успехам своего зятя? Из писем Николая Константиновича к Елене Ивановне с немецкого курорта Нейенар мы узнаём, что в 1911 г. Екатерина Васильевна находилась там на лечении сахарного диабета. Сам же Рерих в это время лечился в соседнем санатории и часто сопровождал тещу на прогулках, в походах по магазинам, играл с нею «в кабалу». Николай Константинович нередко сетует в письмах к жене, что Екатерина Васильевна покупает слишком дорогие вещи: «Например, две дорожки на стол по 30 марок. Денег и без того у ней мало, а такие вещи малонужные покупает»⁵⁰. В другом письме к Елене Ивановне он сообщает: «Мулька купила ребятам очень красивых из Явы бабочек и жуков (довольно дорогих)»⁵¹. К сожалению, лечение не дало большого эффекта, и последние два года жизни Екатерины Васильевны были очень тяжёлыми. Как пишет Елена Ивановна, на мать обрушился «ряд несчастий: <...> у неё обнаружилась сахарная болезнь, припадок аппендикса, потери денежные, перелом руки в плече, порванные связки плохо срослись, и рука перестала действовать от плеча; второй припадок ап-

пендикса и воспаление брюшины, операция, страшные страдания от воспаления нервных стволов в ногах, затуманенное сознание с мучительными галлюцинациями...»⁵².

На плечи Елены Ивановны легли выматывающие заботы об уходе за матерью. Несколько выдержек из переписки Рерихов в июне 1913 г. обрисовывают положение дел.

Николай Константинович – жене: «Напиши, как Твои дела, мои-то дела теперь малые, а вот Твои это другое дело. Как Муличка? Ходит ли? Как голова?...»⁵³.

Елена Ивановна – мужу: «Мне так жутко и так странно всё происходящее, что я ловлю себя на мысли, что я сейчас проснусь. Скверное состояние. <...> Вторую ночь вижу себя сумасшедшей – ужасно страдаю, и мне никто не верит. Скорей проходило бы лето!»⁵⁴. «Мне очень больно, что приходится тебя расстроить – дело в том, что не знаю, откуда взять деньги, чтоб расплатиться с докторами и всем больничным персоналом. <...> Заложу серьги, за них дадут 700 рублей, но и этого не хватит. Пожалуй, прибавлю кулон, дадут ещё 200. А дальше на что существовать? <...> Мамина болезнь нас совсем запутала! <...> Верчусь как белка в колесе, не имею совсем свободного времени. <...> Милый, милый Майчик, как я устала физически и нравственно. Ведь никого кругом, кто бы мог помочь, посоветовать»⁵⁵.

Николай Константинович – жене: «Пора и Тебе отдохнуть, ведь скоро $\frac{1}{2}$ года будет Твоему мучению. Шпильдер Тебя очень хвалит, говорит, что Ты обставила Муличку лучшими средствами, что за ней не будет такого ухода. Правда, ведь Ты сделала всё, что могла; лучше обставить операционный режим нельзя – и теперь Ты должна о себе думать»⁵⁶.

Елена Ивановна – мужу: «Как у меня глаза слипаются. Сейчас 1 ч. ночи, а я страшно устаю за день. Ночью к ней не буду ходить. <...> Думаю, что мама тебя очень беспокоить не будет. Зимой же придётся поместить в лечебницу»⁵⁷.

До зимы Екатерина Васильевна не дожидая: через четыре месяца, 24 октября, она скончалась «от паралича сердца»...

* * *

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», но мне бы хотелось, чтобы этот рассказ о Екатерине Васильевне стал ещё одним звеном в памяти потомков, без которой наше настоящее и наше будущее не может, вероятно, полноценно состояться. В заключение приведу слова Арсения Аркадьевича Голенищева-Кутузова, поэта, дальнего родственника Екатерины Васильевны, ушедшего из жизни за девять месяцев до её кончины: «Жизнь человека, как и жизнь каждой былинки, – горение светильника, возжённого природой. Смерть – его угасание. Исчезает пламя, но то, что в нём горело, не уничтожается, а, изменив лишь вид, переходит в иное бытие. Когда и где бытие это вспыхнет снова видимым лучом – тайна...»⁵⁸.

*Псков – Санкт-Петербург – Псков
Ноябрь 2003 г. – октябрь 2004 г.*

**СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ
ЕКАТЕРИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ГОЛЕНИЩЕВОЙ-КУТУЗОВОЙ**

В метрической книге Холмского уезда погоста Канищева Тихвинской церкви
за 1857 год под № 32 сделана следующая запись:

«Декабря 13 дня родилась, а Декабря 22 дня крещена Екатерина. Родители её – села Канищева помещик отставной полковник Василий Иванов Голенищев-Кутузов и законная жена его Анна Васильева, оба православные. Восприемники – села Яхнова помещик отставной генерал-майор Павел Сергеев Владимиров и Торопецкого уезда сельца Димитровского помещика коллежского регистратора Никанора Петрова Карамолина жена Леонида Фёдорова. Таинство крещения совершали священник Иннокентий Соловьёв и дьячок Иван Карзов»⁵⁹.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ЕКАТЕРИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ГОЛЕНИЩЕВОЙ-КУТУЗОВОЙ
ОТ ИМПЕРАТОРСКОГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ**

№ 803

«Девушка Екатерина Васильевна Голенищева-Кутузова, дочь полковника, поступила в Императорское Воспитательное общество благородных девиц 22 августа 1868 года, а уволена из второго класса согласно прошению её матери 7 апреля 1876 года, во время пребывания в заведении она, при очень хорошей нравственности, оказала следующие успехи в науках: в Законе Божиим – очень хорошие, в Русской словесности – посредственные, во Французской словесности – хорошие, в Немецкой словесности – посредственные, в Арифметике – посредственные, в Географии – хорошие, в Истории – хорошие, в Естествознании – посредственные. Как не окончившая курса девица сия не пользуется правом, означенным в § 134 Устава Женских учебных заведений, а если пожелает получить звание домашней наставницы, обязана подвергнуться установленному испытанию.

Санкт-Петербург, Мая 5 дня 1876 года.

Начальница: О. Томилова.

Инспектор классов: К. Тимофеев.

Секретарь Совета: Леонид Бутровский»⁶⁰.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ
ЕКАТЕРИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ГОЛЕНИЩЕВОЙ-КУТУЗОВОЙ**

В метрической книге Троицкой церкви при Театральной дирекции
в Санкт-Петербурге за 1877 год под № 5 сделана следующая запись:

«Мая 11 дня венчались Иван Иванович Шапошников, титулярный советник, преподаватель Строительного училища, 43 лет, православного вероисповедания, и Екатерина Васильевна Голенищева-Кутузова, дочь полковника, девица, 20 лет, православного вероисповедания. Оба первым браком. Поручители жениха – Владимир Ген-

рихович Брадфорт, губернский секретарь, и Константин Дмитриевич Осоргин, титулярный советник. Поручители невесты – Василий Максимович Самусь, дворянин, и Николай Максимович Самусь, актёр Императорских театров (по театру Руднев). Таинство венчания совершали протоиерей Михаил Боголюбов с псаломщиком Василием Дьяконовым»⁶¹.

Опубликовано (в других редакциях):

1. *Стерх-Пятница*. – Псков, 2004. – 31 декабря. – № 111 (86) / Историческая газета «Псковские хроники». – № 12 (69). – С. 2;
2. *Псков*. – Научно-практический историко-краеведческий журнал. – № 22. – Псков: ПГПУ, 2005. – С. 193–205.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Новое время*. – СПб., 1913. – 26 октября (8 ноября). – № 13515.

² **Иван Иванович Шапошников** (02.06.1833—31.03.1898) – потомственный почётный гражданин, архитектор-строитель Санкт-Петербурга, автор целого ряда жилых домов, храмов и промышленных зданий в стиле эклектики. Окончил Императорскую Академию художеств; преподавал в ряде высших учебных заведений столицы. Был человеком широких знаний, обладателем богатейшей библиотеки, знатоком философии, был лично знаком с отцом Иоанном Кронштадтским.

И.И. Шапошников оказал большое влияние на формирование личности своей дочери Елены Шапошниковой, в замужестве Рерих (1879—1955). Подробнее о биографии И.И. Шапошникова, его постройках – в следующих публикациях: *Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века*: Справочник / Под ред. Б.М. Кирикова. – СПб., 1996. – С. 324–325; *Сахаров И.В.* Предки и родня Елены Ивановны Рерих с отцовской стороны: Просопография и генеалогия семейства Шапошниковых и его родственного окружения по архивным документам // *Рериховское наследие*: Труды конференции. – Т. 1. – СПб., 2002. – С. 496–565; *Аникина И.С.* Под сенью преподобного Сергия... // *Там же*. – С. 565–570. Могил Ивана Ивановича и Екатерины Васильевны Шапошниковых в некрополе Воскресенского Новодевичьего монастыря к настоящему времени нам обнаружить не удалось.

³ *Новое время*. – СПб., 1913. – 31 октября (13 ноября). – № 13520; 1 (14) декабря. – № 13551. Каменная церковь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» была построена по проекту архитектора Э.И. Жибера в 1855–1856 гг. Средства на её строительство внесла вдова А.Н. Карамзина (сына известного историка), Аврора Карловна, урождённая Шернваль. В конце 1929 г. церковь была закрыта и вскоре снесена.

⁴ Последняя строфа из стихотворения А.А. Голенищева-Кутузова «Облака», написанного им за несколько дней до смерти и опубликованного в газете «Новое время» в день его похорон 31 января (13 февраля) 1913 г. **Граф Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов** (1848—1913) – обер-гофмейстер, заведующий и секретарь Канцелярии Императрицы Марии Фёдоровны, почётный член Академии наук по разряду изящной словесности, действительный член Академии художеств, русский поэт, коллекционер, близкий друг композитора М.П. Мусоргского. **Николай Константинович Рерих** (1874—1947) хорошо знал Арсения Аркадьевича и ценил как истинного коллекционера, «богатого лишь своим светлым духом, <...> который, работая и радуясь новой красоте и правде, посылает её вновь служить облагораживанию духа человеческого». Подробнее о нём в следующих изданиях: *Новый энциклопедический словарь* / Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1893. – Т. 9. – С. 43; *Новое время*. – 1913. – 29 января (11 февраля). – № 13249; *Русская мысль*. – СПб., 1913. – С. 150–152; *Голенищев-Кутузов А.А.* Сочинения: В 4 т. – СПб., 1914. – Т. 1. – С. III–XXVIII; *Круковский А.В.* Певец безмятежных переживаний. – Воронеж, 1915.

⁵ Фосдик З.Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами: По страницам дневника 1922–1934 годов. – М.: Сфера, 1998. – С. 64–65, 317, 326.

⁶ Беликов П.Ф. Рерих (опыт духовной биографии). – Новосибирск, 1994. – С. 25.

⁷ Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (далее – *ОР ГТГ*), ф. 44, № 163, 169, 202, 210. Автор благодарит петербургского исследователя Ольгу Ивановну Ешалову за подобранные и присланные ею отрывки из писем Н.К. и Е.И. Рерихов, хранящихся в ОР ГТГ.

⁸ Все даты даны по действующему на тот момент стилю.

⁹ В другом написании – село Конищево; ныне это Торопецкий район Тверской области. Сохранилось ли в этом селе что-либо, напоминающее об имении Голенищевых-Кутузовых, нам не известно. В расположенном неподалёку Наумове, в Музее-усадьбе М.П. Мусоргского, на выставке «Уникальные предметы из семей Мусоргских и Чириковых» было впервые представлено около 90 предметов, в том числе «ложка с вензелем Голенищевых-Кутузовых, живших в Канищево (Торопецкий район), опять же связанных родственными узами с семьёй композитора» (*Иванов М.* Уникальные экспонаты представил Музей-усадьба М.П. Мусоргского // *Пламя*. – 2006. – 31 марта. – № 25–26).

¹⁰ В собрании А.И. Палийчука хранится икона Богородицы Тихвинской, на обороте которой имеется надпись: «Храмовой сей С[вя]тый Образ меро[ю] и п[о]добием чудотворных Иконы Прес[вя]тыя Б[огоро]д[и]цы Тихфинския. Погоста Конищева, вновостроенную каменную ц[ер]к[о]вь собственным коштом и издвением приснопамятнаго Ктитора и Господина Полковника Василия Матфеевича Голенищева Кутузова. Приналоженном тож отнего вновь сребренном высокой пробою чеканного работою окладе. Весом состоящаго в двенадцати фунтовъ, поновляя иконическим искусствомъ в Торопце Покрово-Николаевской С[вя]щенникъ Василий Васильевъ Семивской [1780-]го: года М[е]с[я]ца Мая». Как отмечает выявившая этот памятник искусствовед Ирина Леонидовна Бусева-Давыдова, «Василий Матвеевич Голенищев-Кутузов принадлежал к псковской ветви этого дворянского рода, происходившего от Степана Васильевича Голенищева-Кутузова – воеводы, участвовавшего в походе Ивана Грозного на Казань. Погост Конищево (ныне село Канищево Великолукского района Псковской области; церковь снесена) был приобретён Матвеем Ивановичем Голенищевым-Кутузовым в конце XVII века и достался по наследству младшему сыну Василию – родному дяде Михаила Илларионовича Кутузова. Отец великого полководца, Илларион Матвеевич, владел селом Фёдоровским, что неподалеку от Великих Лук и Канищева; в Фёдоровском прошли детские годы Михаила Илларионовича. Можно не сомневаться, что мальчик не раз молился перед этой иконой» (*Бусева-Давыдова И.Л.* «Сим образом благословлен ковровский купеческий сын!»). О чём рассказывают надписи на иконах? // *Антиквариат: предметы искусства и коллекционирования*. – М., 2006. – 3 ноября). То же можно сказать и о Екатерине Васильевне Голенищевой-Кутузовой, будущей матери Е.И. Рерих. Василий Матвеевич Голенищев-Кутузов – её прадед.

¹¹ Государственный архив Псковской области (далее – *ГАПО*), ф. 110, оп. 1, д. 223, л. 332.

¹² **Василий Иванович Голенищев-Кутузов** (29.01.1814—15.11.1879) родился в селе Канищево Холмского уезда Псковской губернии; родители: подпоручик Иван Васильевич Голенищев-Кутузов (род. 1795) и Евдокия Александровна, урождённая Чирикова. В 1832 г. Василий Иванович успешно окончил в Санкт-Петербурге Школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров; в 1834 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в лейб-гвардии Семёновском полку. В декабре 1845 г. подал прошение об отставке по болезни. Рассказ о жизни и боевом пути Василия Ивановича Голенищева-Кутузова, основанный на документах петербургских, московского и псковского архивов, в настоящее время готовится автором к публикации.

¹³ **Анна Васильевна Голенищева-Кутузова**, урождённая Азарьева (1832—8.09.1888); родители: отставной поручик, помещик села Поречье (Паречье) Рютинского прихода Валдайского уезда Новгородской губернии Василий Семёнович Азарьев и Анастасия Ивановна, по данным

Н.А. Ласточкина, Ельчанинова. См.: *Ласточкин Н.А.* Краеведческий справочник Припиросья. – Село Рютино, 2003. – Рукопись в архиве МИСР. – С. 4.

¹⁴ *Шумков А.А.* Себряковы: Свод поколенных росписей. – СПб., 1999. – Вып. 8. – С. 42. По другим сведениям, детей было восемь, и «двое сыновей умерли рано»: *Иванов М.А.* Родословная Елены Ивановны Рерих // *Утренняя звезда*. – М.: МЦР, 1994–1997. – № 2–3. – С. 366.

¹⁵ Через мать Василия Ивановича – Евдокию Александровну, урождённую Чирикову – Голенищевы-Кутузовы состояли в родстве с выдающимся русским композитором **М.П. Мусоргским** (1839—1888), мать которого, Юлия Ивановна – тоже урождённая Чирикова. Родная сестра последней – Елизавета Ивановна Чирикова – была замужем ещё за одним представителем рода Голенищевых-Кутузовых – Фёдором Ивановичем (род. 1806).

¹⁶ *Рерих Н.К.* Мусоргский // *Рерих Н.К.* Зажигайте сердца. – М., 1978. – С. 116–117.

¹⁷ *Шумков А.А.* Указ. соч. – С. 41; *Памятная книжка Александровского лица на 1880 год*. – СПб., 1880.

¹⁸ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – *ЦГИА СПб.*), ф. 2, оп. 1, т. 3, д. 8770, л. 2.

¹⁹ ЦГИА СПб., ф. 361, оп. 2, д. 1618, л. 1–2.

²⁰ ЦГИА СПб., ф. 2, оп. 1, д. 8953, л. 3.

²¹ Имеются сведения об окончании этого учебного заведения только двумя сёстрами Голенищевыми-Кутузовыми – Евдокией (в 1872 г., 40-й выпуск) и Людмилой (в 1876 г., 44-й выпуск): *Черепнин Н.П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. – СПб., 1915. – Т. 3. – С. 589, 597.

²² ЦГИА СПб., ф. 2, оп. 1, д. 8953, л. 6.

²³ Это хорошо видно на сохранившихся фотографических портретах сестёр.

²⁴ **Василий Максимович Самусь** (1848—1903) окончил Санкт-Петербургскую консерваторию по классу пения у профессора К. Эверарди, был награждён большой серебряной медалью и получил аттестат в 1878 г. Более 25 лет, до конца жизни, служил в консерватории: сначала преподавателем, затем старшим преподавателем; в 1886 г. получил звание профессора пения и декламации; в 1889 г. утверждён в должности инспектора консерватории. Был женат на дочери коллежского советника Любви Михайловне Литвиновой; имел сына Владимира (род. 1880). Умер 24 ноября 1903 г., похоронен на Волковском кладбище в Санкт-Петербурге. См.: Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (далее – *РГИА*), ф. 497, оп. 5, д. 2786. Сообщено О.А. Борщовым.

²⁵ **Николай Максимович Самусь** (1851—1910) окончил в 1874 г. Драматические курсы при Санкт-Петербургском Императорском театральном училище. С 1876 по 1880 г. служил актёром Русской драматической труппы под сценической фамилией Руднев; с 1880 г. исполнял должность помощника режиссёра. В возрасте 54 лет женился на дочери метрдотеля бывшего двора Великого князя Константина Николаевича – Надежде Александровне Великановой, 57-и лет. Умер 18 января 1910 г., похоронен на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге. См.: РГИА, ф. 497, оп. 5, д. 2786. Сообщено О.А. Борщовым.

²⁶ В современной традиции – свидетелями на свадьбе со стороны невесты.

²⁷ Церковь во имя Святой Троицы находилась в верхнем этаже здания Театрального училища, где ныне располагается Академия русского балета имени А.Я. Вагановой (СПб., ул. Зодчего Росси, 2). Церковь была освящена 21 ноября 1836 г.; впоследствии была расширена. Большинство икон, находившихся в храме, было подарено бывшими воспитанниками Театрального училища. Закрыта в 1923 г.

²⁸ ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 124, д. 1281, л. 45 об. – 46.

²⁹ **Степан Николаевич Митусов** (15.10.1847 – после 1922, в эмиграции) – потомственный дворянин; окончил Императорское училище правоведения (1868), служил в Канцелярии при Министер-

стве иностранных дел; с 1877 по 1886 г. состоял при русских посольствах в Штутгарте, Вене, Париже. Награждён многими иностранными и русскими орденами. Имел звание камер-юнкера и состоял в придворном штате Его Императорского Величества. Попечитель и благотворитель нескольких Санкт-Петербургских приютов, член Императорского Общества поощрения художеств, в музей которого передал свою коллекцию слоновой кости. С 1911 г. – чиновник Министерства народного просвещения. В 1914 г. получил звание тайного советника. Был трижды женат. Первая жена – дочь полковника Евдокия Васильевна Голенищева-Кутузова; вторая жена – дочь генерал-майора Екатерина Николаевна Роговская; третья жена – княжна Вера Валентиновна Гагарина. От первого и второго браков имел сыновей: Степана (род. 1878) и Степана (род. 1891). Издал в 1914 г. в СПб. за свой счёт книгу «Родословие дворян Митусовых» (автор В.К. Лукомский). См.: РГИА, ф. 1343, оп. 25, ч. 2, д. 4501, л. 103–112.

³⁰ Из письма К.П. Победоносцева Е.Ф. Тютчевой от 10 января 1882 г. Цит. по: *Мельников В.Л.* Указ. соч. – С. 33.

³¹ *Фосдик З.Г.* Указ. соч. – С. 326.

³² ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 124, д. 1306, л. 241–242.

³³ *Рерих Е.И.* Сны и видения // *Рерих Е.И.* У порога нового мира. – М.: МЦР, 2000. – С. 43.

³⁴ О рождении и детстве Е.И. Рерих см.: *Аникина И.С.* Указ. соч. – С. 565–570; *Рерих Е.И.* Указ. соч. – С. 41–57.

³⁵ *Фосдик З.Г.* Указ. соч. – С. 700.

³⁶ 11 сентября 1883 г.: *Петербургский некрополь.* – СПб., 1913. – Т. 4. – С. 503.

³⁷ *Голенищев-Кутузов А.А.* Указ. соч. – С. 127.

³⁸ *Рерих Е.И.* Указ. соч. – С. 58, 63.

³⁹ Кроме преподавания в двух институтах (Гражданских инженеров и Технологическом) Иван Иванович служил архитектором в Главном инженерном управлении военного ведомства, активно занимался проектированием и строительством новых зданий в Санкт-Петербурге и его пригородах, а также брал подряды на реконструкцию и ремонт существующих построек.

⁴⁰ **Степан Степанович Митусов** (11.09.1878—27.01.1942) – двоюродный брат Е.И. Рерих. Закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1901–1902 гг. занимался у профессора Санкт-Петербургской консерватории А.К. Лядова по теории музыки. Музыкант-педагог, хормейстер. С 1908 г. по приглашению Н.К. Рериха работал помощником инспектора Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств; с 1913 г. – также хормейстером организованного им при школе хора. Близкий друг семьи Римских-Корсаковых; автор либретто оперы И.Ф. Стравинского «Соловей». Умер в блокадном Ленинграде от голода. О нём см.: *Казанская Л.* Степан Митусов // *Музыкальная жизнь.* – Л., 1990. – № 12. – С. 82–88; *Смирнов-Русецкий Б.А.* Творческий путь. – СПб., 1992. – С. 30–31; *Митусова Л.С.* Воспоминания // *Утренняя звезда.* – М.: МЦР, 1994–1997. – № 2–3. – С. 339–351; *Будникова Ю.Ю.* С.С. Митусов и «Мир искусства» // *Петербургский Рериховский сборник.* – СПб., 2001. – № 4. – С. 458–482; *Будникова Ю.Ю.* С.С. Митусов – «Человек эпохи» // *Рериховское наследие: Труды конференции.* – Т. I. – СПб., 2002. – С. 268–276; *Митусова Л.С.* О прожитом и судьбах близких: I. Воспоминания. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: Изд-во «Ирида-прос», 2004 / Отв. ред. акад. Б.С. Соколов. – (Серия «Щедрый дар». – Вып. I).

⁴¹ **Павел Арсеньевич Путятин** (04.10.1837—06.01.1919) – князь, предводитель Вышневолоцкого уездного дворянства, археолог и антрополог, член Императорского Русского Археологического общества и Русского Антропологического общества, участник экспедиций Петербургского Археологического института, автор целого ряда научных статей и докладов по археологии и палеоэтнологии, краевед, коллекционер, собиратель одной из лучших специальных библиотек, создатель усадебного музея в Бологом. О нём см.: *Мельников В.Л.* Князь Павел Арсеньевич Путятин и его Бологовская усадьба. СПб. – Вышний Волочёк, 2000; *Он же.* Н.К. Рерих и князь П.А. Путятин //

Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Одесса, 2001. – С. 6–32; *Он же*. Предтеча российской астроархеологии князь П.А. Путятин и семья Рерихов // *История и культура Востока Азии: Материалы международной научной конференции*. – Новосибирск, 9–11 декабря 2002 / Отв. ред. С.В. Алкин. – Т. I. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 196–202; *Он же*. Вклад князя П.А. Путятина в археологию и этнографию (к постановке вопроса) // *Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. научных трудов*. – Омск, 2003. – С. 12–17; *Он же*. Частные усадебные музеи конца XIX – начала XX века на примере музея князя П.А. Путятина в Бологом: к постановке проблемы // *Триумф музея?* – СПб., 2005. – С. 432–455; *Он же*. Частные усадебные музеи в России во второй половине XIX – начале XX века (на примере усадебного музея князя П.А. Путятина в Бологом). – Автореф. диссертации ... канд. культурологии: 24.00.03. – СПб., 2006.

⁴² Именно в имении князя П.А. Путятина в селе Бологое Валдайского уезда Новгородской губернии в августе 1899 г. произошла первая встреча Николая Рериха с его будущей женой Еленой Шапошниковой.

⁴³ РГИА, ф. 1343, оп. 36, д. 27464, л. 1.

⁴⁴ Там же, л. 10 – 10 об.

⁴⁵ ОР ГТГ, ф. 44, № 153.

⁴⁶ ОР ГТГ, ф. 44, № 157.

⁴⁷ Фосдик З.Г. Указ. соч. – С. 66.

⁴⁸ Мельников В.Л. Князь Павел Арсеньевич Путятин и его Бологовская усадьба. СПб. – Вышний Волочёк, 2000. – С. 34.

⁴⁹ Полякова Е.И. Рерих. – М., 1973. – С. 61.

⁵⁰ ОР ГТГ, ф. 44, № 315.

⁵¹ ОР ГТГ, ф. 44, № 371.

⁵² Рерих Е.И. Указ. соч. – С. 63.

⁵³ ОР ГТГ, ф. 44, № 382.

⁵⁴ ОР ГТГ, ф. 44, № 1217.

⁵⁵ ОР ГТГ, ф. 44, № 1216.

⁵⁶ ОР ГТГ, ф. 44, № 383.

⁵⁷ ОР ГТГ, ф. 44, № 1211.

⁵⁸ Голенцев-Кутузов А.А. Сочинения: В 4 т. – СПб., 1914. – Т. 4. – С. 330.

⁵⁹ ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 223, л. 332.

⁶⁰ ЦГИА СПб., ф. 2, оп. 1, д. 8953, л. 6.

⁶¹ ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 124, д. 1281, л. 45 об. – 46.

Н.Ю. СЕРЕБРЯКОВА

(Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург)

О НЕСОСТОЯВШЕМСЯ ДАРЕ МУЗЕЮ РУССКОГО ИСКУССТВА

В сентябре 1915 г. по инициативе Н.К. Рериха при Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств (далее – *ИОПХ*) был учреждён Музей русского искусства. Его создание объяснялось потребностью Школы в наглядных образцах отечественного искусства, а именно – в произведениях живописи, рисунка,

И.Е. Репин. Портрет С.П. Крачковского. 1907. Бумага тонированная, акварель.
41,3×32,3. Справа внизу подпись, дата и надпись: *И. Репинъ. 1907. Куоккала.*

Собрание Рыбинского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

гравюры и скульптуры. Комплектованием собрания и отбором произведений для будущего музея занялся Совет музея, созданный под председательством Рериха.

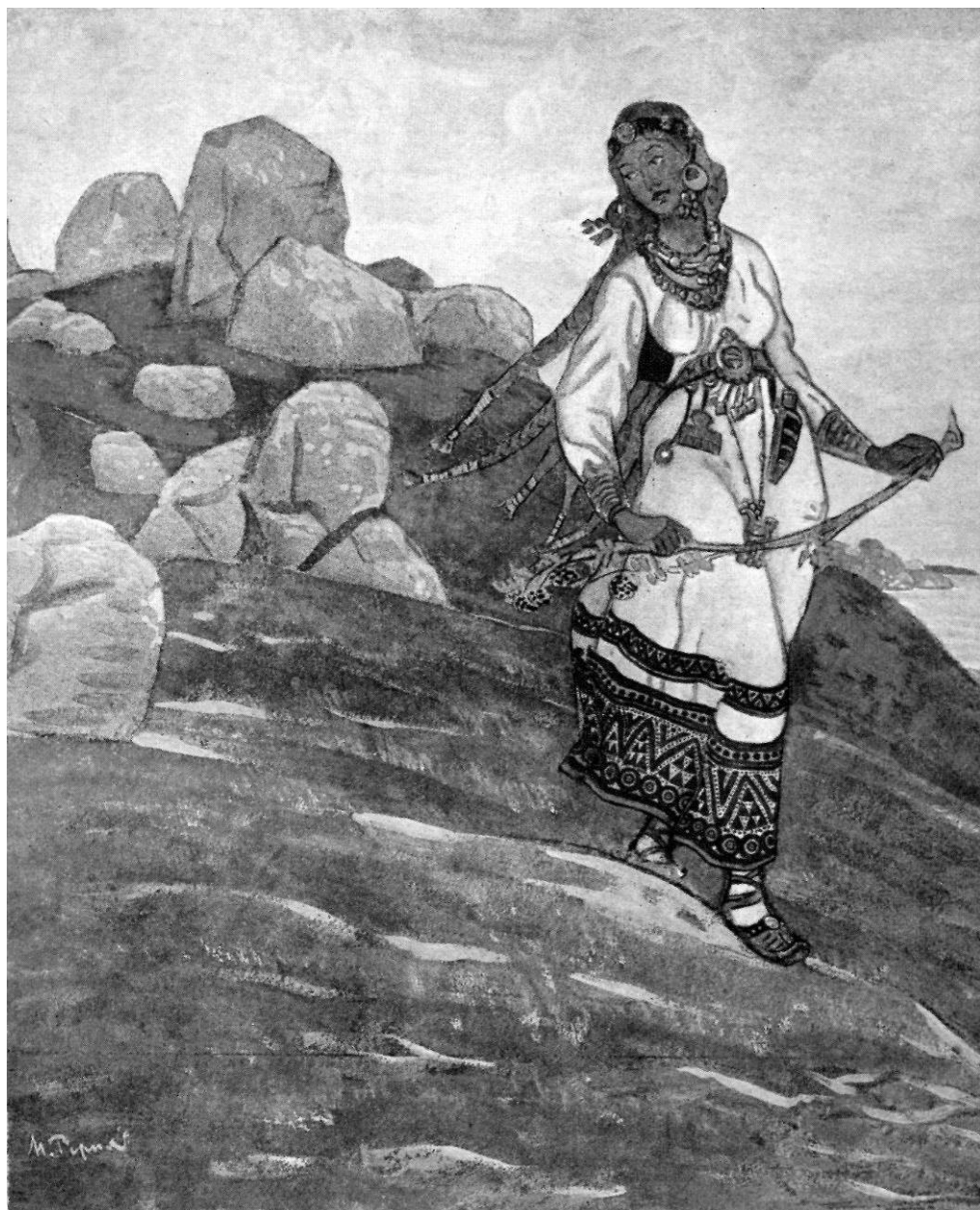
По замыслу организаторов, фонды музея должны были составить «произведения искусства, пожертвованные коллекционерами, учреждениями и художниками»¹. Уже в ноябре 1915 г. петроградская газета «Биржевые ведомости» сообщила: «Прекрасная затея академика Н.К. Рериха устроить при Обществе поощрения ху-

дожеств музей русской живописи и скульптуры осуществляется с редким успехом. Откликнулись на его призыв дать материал для музея и художники-авторы, и коллекционеры. Уже насчитывается налицо до 130 полотен, в числе которых прислали свои произведения академики: Зарубин, Рылов, Волков, художники: Химона, Бобровский, Яремич, Наумов и др., а из коллекционеров г-жа Тёрнер отдала 19 картин Ционглинского и г. Руманов – работы Сомова, Врубеля и др. Обещали дать свои картины академики Кардовский, Лансере, Вл. Маковский и др. Коллекционеры Бурцев и Жевержеев предложили Н.К. Рериху выбрать из их собраний то, что наиболее заинтересует его <...>². Сам же Рерих, по словам корреспондента этой газеты, принёс в дар музею «две автолитографии: “Кладбище” и пейзаж к картине “Мехески – лунный народ” <...>, акварель и три рисунка И.И. Шапошникова, два рисунка В.Я. Чемберс, гипсовый бюст Н.К. Рериха работы Стеллецкого и весьма ценный архитектурный рисунок Гонзага <...>»³. Кроме того, писали «Биржевые ведомости», «со смертью коллекционера С.П. Крачковского, музей унаследовал его художественное собрание. Этот ценный и крупный дар ещё не поступил в музей и заслуживает быть отмеченным особо»⁴.

Действительно, дар Крачковского заслуживает особого внимания. Степан Петрович оказался коллекционером, пожертвовавшим музею не только всё своё художественное собрание, но также все средства и имущество. «На моё предложение помочь новому музею, <...> – писал Рерих, – Крачковский глубоко трогательно ответил завещанием, отдавая музею всё своё собрание и всё своё достояние. Он так радовался искусству, что захотел, чтобы его радость передалась многим преданным этому делу. Свою радость, радость тяжело добытую, но тем светлую, он завещал русской учащейся молодёжи <...>»⁵.

Так кем же был Степан Петрович Крачковский? Полковник царской армии и коллекционер художественных произведений, он родился 22 июля 1866 г. в городе Конотопе. Первоначальное образование получил в духовной семинарии, потом учился в Чугуевском юнкерском училище. С 1905 по 1912 г. в чине капитана пехоты служил сначала в Кишинёве, затем в Житомире. Уже тогда стал активно интересоваться искусством, являлся членом Бессарабского общества любителей искусств и начал приобретать художественные произведения. Вот как писал Рерих об увлечённости Крачковского искусством: «Подумайте: офицер удалённых армейских полков весь горит искусством и знанием. Далёкая провинция не только не тушит порыва его, но ещё как-то обостряет»⁶.

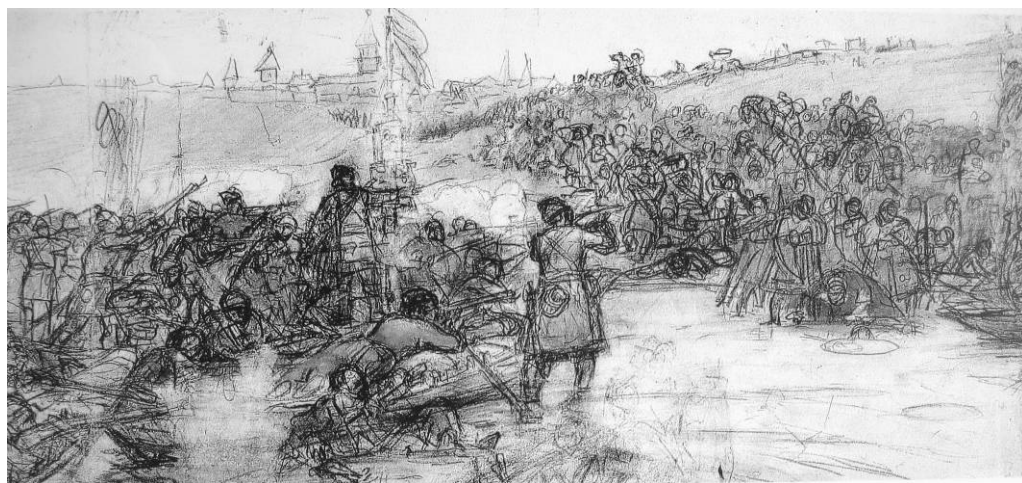
Все свои душевные силы и скромное жалованье Степан Петрович отдавал делу собирательства. Каждое приобретение давалось ему с трудом, но доставляло огромную радость. Только в 1913 г., за полтора года до войны, выслужив небольшую пенсию, Крачковский поселился в Петербурге, в доме № 126 по набережной Фонтанки. Он целиком посвятил себя любимому делу: регулярно посещал выставки, аукционы, мастерские художников, общался с коллекционерами и занимался пополнением своей коллекции. Однако с началом Первой мировой войны Степан Петрович вновь был призван на военную службу. Он командовал дружиной на Карпатском фронте, был награждён несколькими орденами, а в 1915 г. получил чин полковника.

Н.К. Рерих. За морями земли великие. 1910. Картон, гуашь, пастель. 53×45. Слева внизу:
Н. Рерих. Собрание Новгородского государственного объединённого музея-заповедника.

О.Э. Браз. На веранде. Этюд. Холст, масло. 43,5×59,5. Справа внизу подпись: *И. Бразъ*.
Собрание Саратовского художественного музея им. А.Н. Радищева.

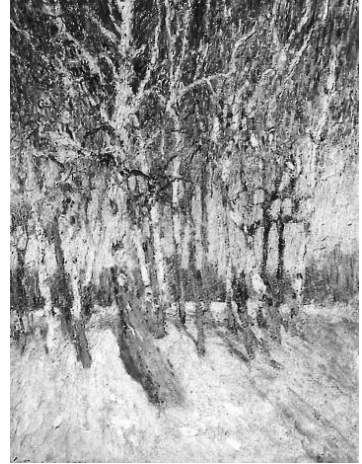

В.И. Суриков. Покорение Сибири Ермаком. Около 1891. Эскиз композиции.
Бумага, акварель, графитный карандаш. 22,0×46,3. Справа внизу подпись: *В. Суриковъ*.
Собрание Государственного Русского музея.

К тому времени его художественная коллекция, оставшаяся в Петербурге, насчитывала свыше ста произведений. В результате длительных поисков удалось установить, что в неё входили работы современных русских художников преимущественно реалистического направления. Помимо Н.К. Рериха это были произведения И.Е. Репина, В.Д. Поленова, А.П. Рябушкина, В.А. Серова, М.А. Врубеля, И.И. Левитана, М.В. Нестерова, И.Э. Грабаря, К.А. Сомова, И.С. Куликова и многих других. В коллекцию входили также эскиз В.И. Сурикова к картине «*Покорение Сибири Ермаком*»⁷, картины Н.К. Рериха «*Варяжский путь*» и «*За морями земли великие*»⁸, пять рисунков И.Е. Репина⁹, работы И.Э. Грабаря «*Зима*»¹⁰ и В.А. Серова «*Новобранец*»¹¹, этюд О.Э. Бразы «*На веранде*»¹² и другие. Будучи обычным офицером, Крачковский был ограничен в средствах, поэтому не имел возможности приобретать большеформатные полотна. Его коллекцию составляли главным образом эскизы, этюды, рисунки и наброски, что придавало ей определённое своеобразие.

Маленькая квартира собирателя на Фонтанке стала своего рода музеем современного искусства. Именно эта коллекция, как уже говорилось выше, согласно завещанию владельца после его смерти целиком должна была перейти в новый Музей русского искусства при Рисовальной школе Общества поощрения художеств. Однако внезапная смерть Крачковского от разрыва сердца на фронте в июле 1916 г. и последовавшие вскоре революционные события 1917 г. помешали воплощению этого благородного замысла, а пожар в Петроградском окружном суде уничтожил завещание.

Судьба художественной коллекции Крачковского сложилась трагично. После смерти владельца вплоть до 1918 г. его квартира оставалась запертой. В 1918 г. «при занятии квартиры Крачковского красноармейцами коллекция была разрознена и вывезена в разные места»¹³. Потом частями стала поступать в хранилища Государственного Музейного фонда, куда в то время свозились ценности из большинства частных собраний. Некоторые произведения были утеряны, но небольшая часть коллекции поступила в Русский музей.

И.Э. Грабарь. Зима. 1904.

Этюд для картины «Февральская лазурь». 75,2×55,0. Слева внизу подпись и дата: *Игорь Грабарь, февраль 1904 года*. Собрание ГРМ.

В.А. Серов. Новобранец. 1906. Бумага на картоне, пастель, акварель. 37×25. Внизу подпись и дата: *Серовъ. 906 г.* Собрание ГРМ.

Как известно, в 1920-е – 1930-е гг. многие произведения из дореволюционных частных коллекций, национализированные советской властью, передавались в различные музеи страны. Тогда-то и были заложены фонды многих современных художественных музеев. Среди отправленных в региональные музеи были и произведения, принадлежавшие Крачковскому. Так, написанный Репиным акварельный портрет собирателя находится ныне в Рыбинском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, этюд Браза – в Саратовском художественном музее, а часть произведений, некогда входивших в коллекцию и выявленных благодаря обнаруженной в архивах переписке собирателя с художниками, всё ещё не найдена. Но их поиск продолжается. Реконструкция коллекции полковника Крачковского может явиться важным шагом по изучению истории российской культуры и сохранению памяти о замечательном русском собирателе.

Следует отметить, что имя Степана Петровича Крачковского не забылось во многом благодаря Рериху. Николай Константинович неоднократно задавался вопросом: «где собрание полковника Крачковского – прекрасная коллекция эскизов?»¹⁴. Сегодня отчасти можно ответить на этот вопрос. Научно-исследовательская работа, проводимая автором этой статьи¹⁵, позволила уточнить факты биографии Степана Петровича Крачковского, благодаря сохранившимся отзывам современников – узнать о личности собирателя, но, самое главное, – выявить состав и судьбу его художественной коллекции, так и не поступившей в Музей русского искусства при Рисовальной школе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Конова Л.С. Музей русского искусства при Школе Общества поощрения художеств // *Журнал любителей искусства*. – СПб., 1997. – № 4–5. – С. 63–68.

² Искусство и художники // *Биржевые ведомости*. – Пг., 1915. – 21 ноября. – Вечерний выпуск. – № 15224. – С. 4.

³ Там же.

⁴ Музей русского искусства при школе И. О. П. Х. // *Биржевые ведомости*. – Пг., 1916. – 26 октября. – Утренний выпуск. – № 15885. – С. 5.

⁵ Рерих Н.К. С.П. Крачковский // *Биржевые ведомости*. – Пг., 1916. – 3 августа. – Утренний выпуск. – № 15717. – С. 2.

⁶ Там же.

⁷ В.И. Суриков. Покорение Сибири Ермаком. Около 1891. Эскиз композиции. Бумага, акварель, графитный карандаш. 22,0×46,3. Справа внизу подпись: В. Суриковъ. На обороте беглый набросок той же композиции. Собрание Государственного Русского музея (далее – ГРМ), р-13393.

⁸ Н.К. Рерих. За морями земли великие. 1910. Картон, гуашь, пастель. 53×45. Слева внизу:

Н. Рерих. Поступила в 1926 г. из Ленинградского хранилища Государственного Музейного фонда в Новгородский государственный объединённый музей-заповедник, где и хранится по сей день.

⁹ И.Е. Репин. 1. Христос у Марфы и Марии. 1890. Бумага, графитный карандаш. 29,8×41,2. Слева внизу дата и подпись: 1890 И. Репинъ. Собрание ГРМ, р-7864; 2. Мужской портрет (в восточном уборе). 1898. Бумага, графитный карандаш. 23,5×22,0. Слева внизу подпись и дата: И. Репинъ. 1898 г. Собрание ГРМ, р-13380; 3. Дуэль. 1912. Эскиз. Бумага, графитный карандаш. 21,9×35,6. Посередине внизу подпись: И. Репинъ. Собрание ГРМ, р-7863; 4. Казак Голота. 1908. Бумага, тушь, перо. 16,5×10,5 (в свету). Внизу под изображением авторские надпись, дата и подпись: Ко-

зак *Голота. Не боится ни огня, ни меча, ни болота. 17 ноября 1908. И Репинъ*. Собрание ГРМ, р-7855; 5. *Искушение (Адам и Ева). 1891. Бумага, графитный карандаш, цветной карандаш. 28,6×40,4. Слева внизу подпись и дата: И. Репинъ. 1891.* В 1931 г. передано из ГРМ в Хабаровский (ныне Дальневосточный) художественный музей, № 78.

¹⁰ И.Э. Грабарь. *Зима. 1904. Этюд для картины «Февральская лазурь» 1904 г., находящейся в собрании ГТГ. Холст, масло. 75,2×55,0. Слева внизу подпись и дата: Игорь Грабарь, февраль 1904 года.* Собрание ГРМ, Ж-2219.

¹¹ В.А. Серов. *Новобранец. 1906. Бумага на картоне, пастель, акварель. 37×25. Внизу подпись и дата: Серовъ. 906 г. На обороте – наклейка: Рекрутъ В.А. Серова изъ собрания Ст. П. Крачковского в Петербурге. Оценка – тысяча рублей. В Москву на выставку не даю. Сфотографировать не разрешаю. Справка: адрес владельца картины: Серпуховская, 32. Тел. 72-80.* Собрание ГРМ, р-13449.

¹² О.Э. Браз. *На веранде. Этюд. Холст, масло. 43,5×59,5. Справа внизу подпись: И. Бразъ. В 1928 г. передан из ГРМ в Саратовский художественный музей им. А.Н. Радищева, Ж-311.*

¹³ Письмо [сотрудника] Художественной комиссии по охране памятников искусства и старины Н.Д. Ермакову от 11/14 октября 1918 г. // Архив Государственного Эрмитажа (далее – ГЭ), ф. 4, оп. 1, д. 541, л. 31.

¹⁴ Рерих Н.К. *Листы дневника.* – М.: МЦР, 1996. – Т. III. – С. 68.

¹⁵ См. публикации о С.П. Крачковском и его коллекции: *Серебрякова Н.Ю. История одной коллекции // Антик-Respect.* – СПб., 2003. – Май – июнь. – С. 63–64; *Она же. К истории частного собирательства в России. О взаимоотношениях коллекционера с художниками // Культурологические исследования '04: Сборник научных трудов.* – СПб.: Астерион, 2004. – С. 246–249; *Она же. И.Е. Репин и коллекционер С.П. Крачковский (по материалам переписки 1905–1916 гг.) // Репинские чтения: Материалы конференции.* – СПб.: НИМ РАХ, 2004. – С. 50–58; *Она же. Неизвестный корреспондент Бориса Кустодиева // Традиции художественной школы и педагогика искусства.* – Вып. 1: Сборник научных трудов / Под ред. Е.П. Яковлевой. – СПб.: Фонд поддержки образования и творчества в области культуры и искусства, 2005. – С. 129–138; *Она же. О некоторых произведениях из коллекции С.П. Крачковского в собрании ГРМ // Конференция по итогам научно-исследовательской работы ГРМ за 2005 г.* – СПб.: ГРМ, 2007. – С. 227–235.

П.И. МЯГКОВ

(Академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина,
г. Санкт-Петербург)

СОБРАНИЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЖИВОПИСИ НИКОЛАЯ КОНСТАНТИНОВИЧА РЕРИХА

Рерих – вообще явление особенное, до того не похожее на всё, что мы знаем в русском искусстве, что его фигура выделяется ослепительно ярким пятном на остальном фоне моих воспоминаний о жизни и делах художников давно минувших лет.

И.Э. Грабарь.

Одной из примет нашего времени стало возросшее внимание к коллекционированию произведений искусства в дореволюционной России. И это не случайно, ибо,

изучая историю коллекционирования, мы не только воздаём должное накопителям художественных сокровищ, ставших сегодня нашей гордостью, людям, благодаря которым мы можем любоваться шедеврами мирового искусства, но и дополняем историю отечественной культуры. Но, тем не менее, и сегодня остаются имена, в силу тех или иных причин забытые. Причём речь идёт не о второстепенных собирателях, а о людях, сыгравших огромную роль в истории отечественного коллекционирования. Об одном из таких «забытых» коллекционеров, Н.К. Рерихе, и пойдёт речь.

Николай Константинович Рерих за рабочим столом в своём кабинете в квартире на набережной реки Мойки (дом 83). 1908. Фотограф К.К. Булла. Оригинал в собрании Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

Имя Николая Константиновича Рериха (1874—1947) не требует специального представления. Его вклад в сокровищницу мировой культуры и науки значителен, многогранен и глубок. Природа щедро одарила его талантом, и перед потомками он предстаёт теперь как выдающийся живописец, глубокий знаток древнего и современного искусства Запада и Востока, писатель-философ, автор более 20 книг и сотен статей, археолог и неутомимый путешественник, активный общественный деятель, озабоченный сохранением мира, охраной культурных ценностей, пропагандой достижений культуры. Его научно-художественное и культурное наследие – достойный объект самого пристального и многостороннего исследования. Мы попытаемся осветить ещё один немаловажный аспект деятельности Рериха – коллекционирование им произведений западноевропейской живописи.

Н.К. Рерих относился к тому типу собирателей, «которые сохраняли цветы искусства не для роста капитала, не для имени своего, а именно из любви, выросшей свободным сознанием»¹. Его увлечение собира-

тельством началось ещё в юности, и уже к 1905 г. была собрана довольно большая коллекция предметов каменного века, составленная из материалов собственных археологических раскопок. Примерно в это же время началось коллекционирование картин старых западных мастеров, превратившееся в настоящую страсть Рериха и его жены, Елены Ивановны, урождённой Шапошниковой (1879—1955). Их знали в Петербурге как неутомимых собирателей, коих часто можно было видеть в антикварных магазинах и на аукционах. Собрание картин у Рериха увеличивалось столь стремительно, что уже в 1914 г. К.А. Сомов, посетивший квартиру коллекционера, записал в

своём дневнике: «У Рериха чудесные старинные картины»². Современные Рериху искусствоведы упоминали его собрание в одном ряду с крупнейшими хранилищами произведений искусства, таких как Музей Императорской Академии художеств или Большой Царскосельский дворец. Например, в 1912 г. журнал «Старые годы» опубликовал статью А.А. Трубникова «Картины Павловского дворца». В ней, в частности, писалось: «Такие же [как в Павловском дворце. – П. М.] прекрасные «Русалочки пещеры» последователей Пуленбурга можно видеть и в собрании Академии художеств, и в Большом Царскосельском дворце и у П.П. Семёнова-Тянь-Шанского, и в коллекции Н.К. Рериха (в Петербурге)»³. В сентябре 1914 г. в журнале «Аполлон» Рерих назван среди «серьёзных собирателей» картин фламандских, французских, английских и польских художников⁴. С 1915 г. издательство Общины Святой Евгении в Санкт-Петербурге выпускало открытки с изображениями полотен из рериховской коллекции⁵.

В архиве художника-учёного сохранились разрозненные списки картин и записи по его коллекции – отмечено около 270 работ, названо более 180 разных мастеров⁶. В его архиве имеются многочисленные образцы подписей западноевропейских художников с аннотациями и указанием годов жизни⁷.

Об этом семейном увлечении Рерих несколько раз упоминает в «Листах дневника», например:

«Были и итальянцы, и французы, а главное, тянуло Е[лену] И[вановну] и меня к примитивам. Это собрание дало нам много радости и перевалило за пятьсот. Где оно? Грабяр уверяет, что оно в Эрмитаже, но некие американцы покупали картины нашего собрания в Вене у антиквара. Бывало и в Париже – чего только не бывало!»⁸.

Ценные указания оставил художник в листе дневника «Собирательство» (1937): «Без конца памятных эпизодов»⁹. Особое предпочтение отдавалось картинам нидерландской школы XVI в. Объясняя это своё пристрастие, Рерих вспоминал:

«Не однажды нас спрашивали, почему мы начали собирать именно старых “нидерландцев”? Но кто же не мечтает о Ван Эйке, Мемлинге, Ван дер Вейдене, Ван

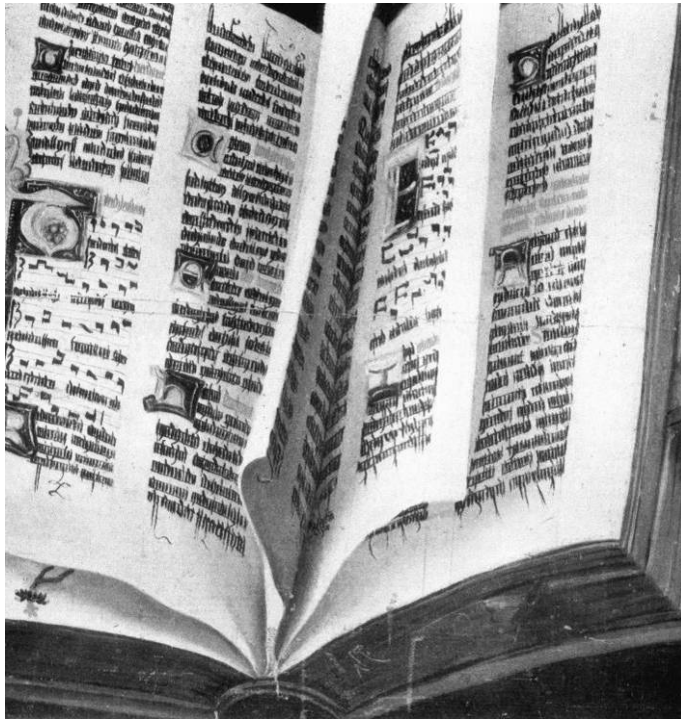
Николай Константинович Рерих среди собранных им предметов искусства в квартире на набережной реки Мойки (дом 83). 1910–1917. Оригинал в собрании Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

Неизвестный немецкий художник XVI в. Милосердие (Charitas).
Дерево, масло. 86×68. Собрание ГЭ. [Каталог, 1. Фрагмент.]

Реймерсвале, Давиде, Массейсе? Кроме того, в каждом собирательстве есть и элемент судьбы. Почему-то одно подходит скорее и легче. Открываются возможности именно в том, а не в другом. Так и было.

Порадовали Блез, оба Питера Брейгеля¹⁰, Патинир, Лука Лейденский, Кранах. За ними подошли Саверей¹¹, Бриль¹², Момпер¹³, Эльсхеймер¹⁴, Ломбард, Аверкамп, Гольциус¹⁵, старший Ван де Вельде, Конинг¹⁶ – и в них было много очарования, щедрости по-

Неизвестный немецкий художник XVI в. Книга.
Дерево, масло. 41×53. Собрание ГЭ. [Каталог, 2. Фрагмент.]

строения и декоративности. Затем неизбежно появились Рубенс¹⁷, Ван Гойен, Остаде¹⁸, Ван дер Нер, Ливенс¹⁹, Неффс²⁰, Тенирс²¹, Рейсдаль... Друзья не удивлялись, что эти славные мастера вошли в собрание по неизбежности. Дело в том, что душа лежала к примитивам с их несравненными звучными красками и богатством сочинений. Елена Ивановна настолько прилежала к примитивам, что вхождение даже самых привлекательных картин семнадцатого века встречалось ею без особой радости»²².

Картины, потемневшие от времени или записанные, расчищала Елена Ивановна, овладевшая мастерством реставратора²³. Многие воспоминания художника связаны с разными эпизодами из коллекционерской практики:

«Много незабываемых часов дало само нахождение картин. Со многими были связаны самые необычные эпизоды. Рубенс был найден в старинном переплете. Много радости доставила неожиданная находка Ван Орлея – картина была с неизвестной целью совершенно записана. Сверху был намазан какой-то отвратительный старик, и Елена] И[вановна], которая сама любила очищать картины, была в большом восторге, когда из-под позднейшей мази показалась голова отличной работы мастера. Также порадовал и большой ковчег Саверея²⁴, где тоже с непонятной целью записан

Себастьян Штоскопф (?). Мужчина с вазой. Холст, масло. 87×84.
Собрание ГЭ. [Каталог, 3. Фрагмент.]

весь дальний план. Мы не успели восстановить Луку Лейденского, в котором осталось записанным всё небо и дальний пейзаж. Вариант этой картины находится в Лувре.

Питер Брейгель был найден совершенно случайно. Распродавалось некое наследство, и меня пригласили купить что-либо. Было много позднейших картин, вне нашего интереса. Продавщица была весьма разочарована. Наконец, высоко над зеркалом в простенке между двумя окнами я заметил какую-то совершенно тёмно-рыжую картинку. Спросил о ней, но продавщица разочарованно махнула рукой: «Не стоит снимать, вы всё равно тоже не купите». Я настаивал, тогда продавщица сказала: «Хорошо, я её сниму, но вы непременно купите и не отказывайтесь, а для верности положите двадцать пять рублей на стол». Так и сделали. Картина на меди оказалась настолько потемневшей, что даже нельзя было распознать сюжет. А затем из-под авгиевых слоев грязи вылутился зимний Брейгель²⁵. Много забот доставил «Гитарист» Ван Дейка²⁶. Просили за него порядочную цену, о которой мы ещё не успели сговориться. Но Е[лена] И[вановна] не дождалась окончания переговоров и начала чистить картину. Можете представить себе наше волнение, когда владелец картины пришёл для окончательных переговоров. По счастью, всё уладилось к обоюдному удовольствию. Был спасён и Блумарт, на котором было записано всё небо с ангелами»²⁷.

Якобус (Джакомо) Викторс. Куры, индюки и морская свинка. Холст, масло. 73×92,5 (овал).
Собрание СОХМ. [Каталог, 9. Фрагмент.]

В статье «Master Virgo inter Virgines», написанной специально для Чикагского Института Искусств, мастер упоминает эти и другие эпизоды «из мира коллекционирования картин» с дополнительными подробностями:

«Вспоминаю несколько случаев из моего собрания. Помню картину Барента ван Орлея, которая была покрыта ужасно написанным портретом старика. Помню, как в картине Абраама Блемарта “Поклонение Пастырей” всё небо было покрыто, очевидно позднее, тяжело написанными облаками, под которыми открылся совершенно неиспорченный, очень колоритный хор херувимов. Подобный вандализм записывания сверху сохранил также характерную картину Ролланда Саверей “Ноев Ковчег”²⁸, которая была записана огромными деревьями, каким-то замком и безобразными хорами вакханок».

И далее Николай Константинович добавляет:

«Другая картина так и осталась скрытой, но она была записана самим Корреджо также сюжетом “Се Человек”. Через краски Корреджо вы могли совершенно

Неизвестный голландский художник XVII в. Семейный портрет на фоне пейзажа.
Холст, масло. 119×159. Собрание ГЭ. [Каталог, 17. Фрагмент.]

ясно различать силуэт мужского портрета сидящего в кресле. Это мог быть портрет Папы или Кардинала, но картина Корреджо была так замечательна, что скрытое сокровище, может быть, ещё более ценное, так и осталось не вскрытым. Эти случаи напоминают нам ещё раз о значении преходящей моды, которая часто загоняла во временное изгнание даже мастерские произведения, закрывая их более модными, но низшими по качеству наслоениями. Но, как видим, это справедливое изгнание послужило многим мастерам лишь во славу, донеся до нас их произведения непопорченными. Конечно, к сожалению, часто рука вандала иногда обращалась безжалостно с закрываемым произведением и предварительно для уравнивания поверхности сцарапывала его. Мы видели несколько таких умышленно сглаженных мастерских произведений, когда только выжженный на обороте знак гильдии Святого Луки напоминал о безвозвратно погибшем сокровище»²⁹.

Ещё в одном очерке художник затронул момент взаимопомощи и сотрудничества между собирателями:

Руланд Саверей, мастерская. Ноев ковчег.
Холст, масло. 111×161. Собрание ГМИР.
[Каталог, 24. Фрагмент.]

Матиас Стомер (Стом). Меняла.
Холст, масло. 121×96. Собрание НКГА.
[Каталог, 25. Фрагмент.]

Неизвестный романский художник I половины XV в.
Святая Екатерина Александрийская. Дерево, масло. 111×35. Собрание ККХМ.
[Каталог, 29. Фрагмент.]

Керстиан де Кейнинк. Пейзаж с Товием и ангелом.
Дерево, масло. 40×63. Собрание ГЭ. [Каталог, 34. Фрагменты.]

Керстиан де Кейнинк. Пейзаж с Товием и ангелом.
Дерево, масло. 40×63. Собрание ГЭ. [Каталог, 34.]

Ян Мандейн. Лот с дочерьми. Дерево, масло. 54×70. Местонахождение неизвестно. Воспроизведение открытого письма из собрания МИСР, выпущенного издательством Общины Святой Евгении в Санкт-Петербурге в 1915 г. [Каталог, 42.]

«Вспоминаю и другой эпизод уже из мира коллекционирования картин. Однажды мне была принесена картина не только по подписи, но и по технике напоминавшая Рембрандта. Сомневаясь в ней, я показал её известному знатоку голландской школы, члену Государственного Совета Семёнову-Тян-Шанскому, который не только признал эту картину за оригинал, но и выразил самое горячее желание купить её. Такое же определение этой картины дал и другой известный собиратель С.³⁰. В то время владелица картины потребовала спешного решения, и, не задумываясь дальше, пришлось картину купить. Но сомнение шевелилось и, произведя ещё раз подробнейший осмотр картины, я пришёл к убеждению, что доска не отвечает времени, да и сама живопись, несомненно, талантливая по существу, не принадлежит имеющейся на картине подписи. Картина не была повешена на стену. Но мои друзья не забыли о ней, и собиратель С. настойчиво спрашивал, где же картина? На что я ему сказал: «К сожалению, она неподлинна». «Отлично, – сказал мне друг, – если вы полагаете, что она неподлинна, то продайте её мне. Ведь я знаю, сколько вы за неё заплатили». «Доска недостаточно стара, – сказал я, – и вообще я не могу продавать картину, если считаю её неподлинной». Мой друг сказал: «Во-первых, картина может быть перенесена на новую доску, а во-вторых, до свиданья, я тороплюсь». Не прошло и двух часов, как явился человек от моего друга с письмом и двумя голландскими картинами. Мой

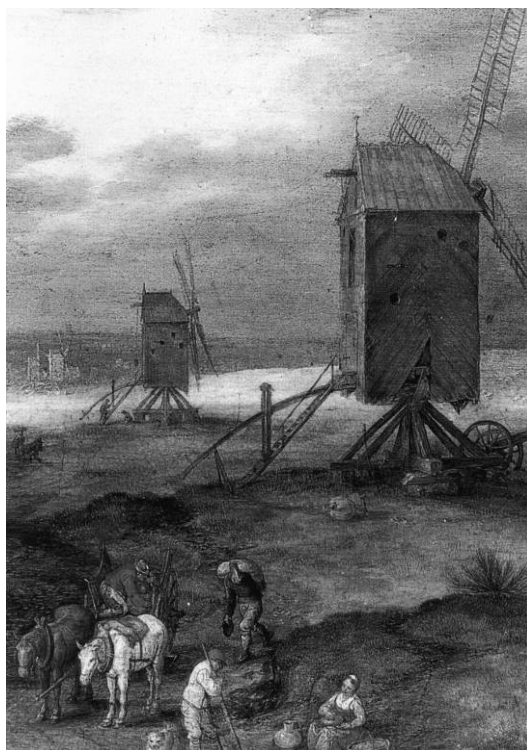
друг писал: “Прошу вас принять от меня в подарок на память две посылаемые при сем картины. Если же вы хотели бы взаимно отдарить меня, то не откажите дать мне ту самую картину, которую вы считаете неподлинной. Я хотел бы иметь лишь этот подарок”. Ничего не оставалось сделать, как исполнить упорное желание, и собиратель очень гордился новым членом своей коллекции, о чём и заявлял всем на собраниях друзей у него. При этом, подмигивая мне, он всегда оповещал: “А эту картину Н[иколай] К[онстантинович] считает неподлинной”, и при этом сожалеательно разводил руками»³¹.

Вместе с тем, не все понимали пристрастие Рериха к коллекционированию именно старонидерландской живописи. Среди таковых был и И.Э. Грабарь, писавший: «...Он начал собирать нидерландцев. Это придавало солидность и вес. К моменту революции ему уже удалось собрать целую галерею первоклассных вещей, попавших вслед за тем в Эрмитаж. Я никогда не мог понять, как мог он искренно собирать именно нидерландцев, искусство которых столь коренным образом чуждо его собственному. Если бы мне сказали, что Клод Моне собирает картины Яна ван Гемессена или Брейгеля Бархатного, я этому не поверил бы. Уж если бы он был склонен приступить к коллекционированию, что вообще для него было противоестественным, я бы скорее ожидал видеть у него на стенах Тернера, Констебля, Добиньи, в крайнем случае, пейзаж Веласкеса, но не маленьких нидерландцев»³².

С недоумением Грабаря, вызванным им по поводу коллекционирования Рерихом нидерландской живописи, сам Николай Константинович был категорически не согласен, о чём писал в своих очерках. В них он указывал на огромное образовательное значение собирательства и высоко оценивал деятельность П.М. Третьякова, который сумел отразить в своей коллекции историю русской живописи. Сам же Рерих, собирая свою коллекцию, стремился, чтобы в ней были произведения, которым была бы присуща яркая декоративность, непосредственная жизнерадостность, простота и безыскусность – всё то, что придаёт очарование картинам нидерландских живописцев. Пропагандируя работы этой школы, Рерих предоставил 37 произведений на проходившую в 1914 г. в Петрограде грандиозную выставку «Искусство союзных народов», председателем комитета которой он был.

К моменту октябрьского переворота 1917 г. собрание картин у Рериха насчитывало более 120 произведений итальянской, нидерландской, фламандской, голландской и немецкой школ живописи. Оно хранилось в квартире дома Императорского Общества поощрения художеств (Большая Морская ул., дом 38 – Набережная реки Мойки, дом 83), которую Рерих занимал как директор школы этого Общества. Побывав в Петрограде в последний раз в январе 1918 года, коллекционер не смог вывезти с собой в эмиграцию столь обширное собрание.

До ноября 1920 г. брошенные картины, хранившиеся в не отапливаемом помещении, не привлекали к себе ничего внимания. Переписка между Обществом поощрения художеств и популяризации художественных знаний Российской Академии материальной культуры и Отделом по охране, учёту и регистрации памятников искусства и старины о необходимости передачи картин в Эрмитаж возымела дейст-

Ян Брейгел I Старший (Бархатный). Четыре ветряные мельницы. 1605.
Медь, масло. 18,3×23,1. Собрание ГМИИ. [Каталог, 61. Фрагмент.]

вие лишь в сентябре 1921 г. – эксперт Отдела В.А. Щавинский, сам владелец большой коллекции картин западных мастеров, составил описание художественных ценностей, хранившихся в квартире Рериха³³. Составленная на скорую руку, эта опись даёт лишь самое общее представление о художественных достоинствах произведений и не может быть полезной при поиске тех картин, которые, после их перевозки в сентябре 1921 г. в Эрмитаж, в дальнейшем были перераспределены в периферийные музеи страны, выданы в Государственный Музейный фонд, Госторг и Всесоюзное объединение «Антиквариат»³⁴ и утратили свою принадлежность к бывшей коллекции художника.

В публикуемом ниже каталоге приводятся сведения о 88 (из 123) разысканных нами картинах из собрания Рериха, из которых местонахождение 21 нам не известно, 24 хранятся в музеях Алупки, Бишкека, Владивостока, Донецка, Еревана, Краснодар, Москвы, Петербурга, Самары, Ульяновска, Харькова³⁵ и только 43 до сих пор входят в собрание Эрмитажа. Будем надеяться, что принятая нами попытка по розыску картин, собранных Н.К. Рерихом, послужит добрым примером для других исследователей, а также высветит ещё одну грань его разностороннего дарования.

КАТАЛОГ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЖИВОПИСИ ИЗ СОБРАНИЯ Н.К. РЕРИХА

(ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)

Каталог построен по национальным школам в алфавитном порядке. В каждом разделе фамилии, имена или прозвища мастеров, под которыми они известны в истории искусства, размещены также в алфавитном порядке. Разночтения фамилий художников в публикуемом каталоге и каталоге выставки «Искусство союзных народов» 1914 г. связаны с атрибуционными изменениями, сделанными за время пребывания произведений в музеях, которым они принадлежат. Картины, местонахождение которых неизвестно, включены в каталог с атрибутами выставки «Искусство союзных народов». Размеры даны в сантиметрах.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

«Антиквариат»	Всесоюзное объединение по экспорту и импорту антикварно-художественных вещей «Антиквариат». Ленинград, 1929–1936 гг.
выставка 1914 г.	Выставка «Искусство союзных народов», устроенная Общиной Святой Евгении в пользу раненых и больных воинов в залах Императорского Общества поощрения художеств. Петроград, 1914 г.
г., гг.	год, годы
ГМИИ	Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, г. Москва
ГМИР	Государственный музей истории религии, г. Санкт-Петербург
ГМФ	Государственный Музейный фонд Петроградского отделения Главнауки Наркомпроса РСФСР. Ленинград, 1921–1929 гг.
Госторг	Контора Госторга по реализации антикварных произведений. Ленинград, 1919–1931 гг.
ГЭ	Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург
д.	дерево
ДОХМ	Донецкий областной художественный музей, г. Донецк
инв.	инвентарный
ККХМ	Краснодарский краевой художественный музей им. Ф.А. Коваленко
КНМИИ	Кыргызский национальный музей изобразительных искусств им. Г. Айтиева, г. Бишкек
м.	масло
МИСР	ГУК «Музей-институт семьи Рерихов», г. Санкт-Петербург
НКГА	Национальная картинная галерея Армении, г. Ереван
пост.	поступление

ПГКГ	Приморская государственная картинная галерея, г. Владивосток
собр.	собрание
СОХМ	Самарский областной художественный музей, г. Самара
СНКР	Собрание Николая Константиновича Рериха
г.	темпера
УОХМ	Ульяновский областной художественный музей
ф. «Б»	В отличие от фонда «А» – хранилище не разобранных и научно не обработанных картин Отдела истории западноевропейского искусства Государственного Эрмитажа.
х.	холст
ХОХМ	Харьковский областной художественный музей, г. Харьков

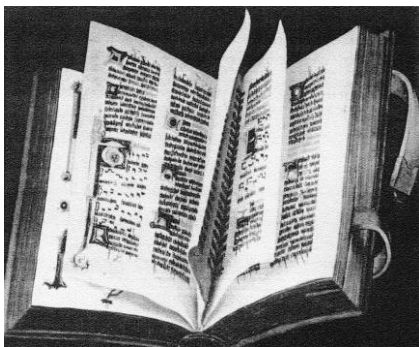
ГЕРМАНИЯ

1.

НЕИЗВЕСТНЫЙ НЕМЕЦКИЙ ХУДОЖНИК
XVI в. Милосердие (Charitas). Д., м.
86×68. Собр. ГЭ. Инв. № 6180.
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

2.

НЕИЗВЕСТНЫЙ НЕМЕЦКИЙ ХУДОЖНИК
XVI в. Книга. Д., м. 41×53. Собр. ГЭ. Инв.
№ 6209.
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

3.

СЕБАСТЬЯН ШТОСКОПФ (?) (1597—1657).
Мужчина с вазой. Х., м. 87×84. Собр. ГЭ.
Инв. № 6201.

Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

4. АДАМ ЭЛЬСХЕЙМЕР (ADAM ELSHEIMER) (1578—1610), КРУГ. Апостол Павел на
острове Мальта. Д., м. 52×89. Собр. ГЭ. Инв. № 6200.

Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

ГОЛЛАНДИЯ

5.

АБРАХАМ ВАН БЕЙЕРЕН (1620/21—1690).
Натюрморт. Х., м. 80,5×104,0. Собр.
НКГА. Инв. № 482.

Происхождение: пост. в 1928 г. из ГЭ. Инв.
№ 6206. Ранее – СНКР (до 1921 г.).

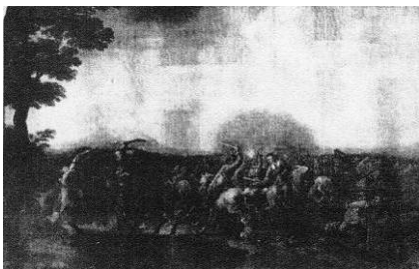
6. КВИРИН ГЕРРИТС ВАН БРЕКЕЛЕНКАМ (QUIRINGH GERRITZ VAN
BREKELENKAM) (1620—1668). Кузница. Д., м. 57×82. Собр. ГЭ. Инв. № 196.

Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

7. БАРТОЛОММЕУС БРЕНБЕРГ (?) (1599/1600—1657). Диана и нимфа в гроте. Д.,
м. 60×84. Собр. ГЭ. Инв. № 6203.

Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

8.

ПИТЕР ВАУВЕРМАН (1623—1682). Битва конницы. Х., м. 53×80. Собр. НКГА. Инв. № 480.

Происхождение: пост. в 1928 г. из ГЭ. Ранее – СНКР (до 1921 г.).

9.

ЯКОБУС (ДЖАКОМО) ВИКТОРС (1640—1705). Куры, индюки и морская свинка. Х., м. 73,0×92,5 (овал). Собр. СОХМ. Инв. № Ж-1051.

Происхождение: пост. в 1964 г. из ГЭ. Инв. № 6183. Ранее – СНКР (до 1921 г.).

10. АДАМ ВИЛЛАРТС (1577—1664). Корабли в бурю. 1646. Д., м. 26,5×42,0. Собр. ГЭ. Инв. № 4789.
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 172: «Виллартс, Адам. Марина с сюжетом из Ветхого Завета».
11. ХЕНДРИК ГОЛЬЦИУС (HENDRIK GOLTZIUS) (1558—1617). Триумф Посейдона. Д., м. 19×24 (овал). Местонахождение неизвестно.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 78.
12. ДИРК ВАН ДЕЛЕН (1604/05—1671). Вид комнаты с фигурами. Д., м. 69×109. Собр. ГЭ. Инв. № 6184.
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.
13. АНТОНИ ДЕ ЛЮСТ (?) (работал в середине XVII в.). Натюрморт с синей вазой. Х., м. 47,0×36,5. Алушкинский Дворец-музей. Инв. № ж-290.
Происхождение: пост. в 1957 г. из ХОХМ (инв. № 50), до 1929 г. в ГЭ. Ранее – СНКР (до 1921 г.).
14. КАРЕЛЬ ВАН МАНДЕР I (1548—1606). Избиение младенцев. 1600. Д., м. 77×170. Собр. ГЭ. Инв. № 6141.
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 102.

15. НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОЛЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК НАЧАЛА XVII в. Горный пейзаж с Товием и ангелом. Х., м. 65×133. Местонахождение неизвестно.
Происхождение: с 1934 г. в «Антиквариате»; до 1934 г. в ГЭ (инв. № 6197).
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 78.

16.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОЛЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК СЕРЕДИНЫ XVII в. Портрет супругов с дочерью на фоне пейзажа. Х., м. 54×74. Собр. ГЭ. Инв. № 6204.
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

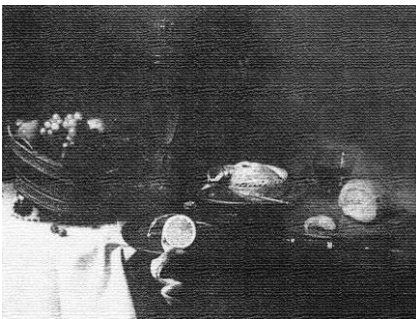
17.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОЛЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК XVII в. Семейный портрет на фоне пейзажа. Х., м. 119×159. Собр. ГЭ. Инв. № 6947.
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

18. НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОЛЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК XVII в. Деревенская улица с всадниками. Д., м. 50×65. Собр. ГЭ. Инв. № 6147.
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

19.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОЛЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК XVII в. Натюрморт с разрезанным лимоном. Д., м. 61,0×76,5. Собр. ПГКГ. Инв. № Ж-446.
Происхождение: пост. в 1930-е гг. из ГЭ. Инв. № 6127. Ранее – СНКР (до 1921 г.).

20.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОЛЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК XVII В. Битая птица. Х., м. 37×47. Собр. КНММИ. Инв. № 978/419-ж.

Происхождение: пост. в 1947 г. из ГЭ. Инв. № 6210. Ранее – собр. П.В. Деларова (до 1916 г.); СНКР (до 1921 г.).

21. АДРИАН ВАН ОСТАДЕ (ADRIAEN VAN OSTADE) (1610–1685), КРУГ. В таверне. Д., м. 39×58. Собр. ККХМ. Инв. № 471.

Происхождение: пост. в 1931 г. из ГЭ. Инв. № 6145. Ранее – СНКР (до 1921 г.).

22.

ЭГБЕРТ ЛИВЕНС ВАН ДЕР ПУЛЬ (1621–1664), ПОДРАЖАНИЕ. Ночной пожар. Д., м. 67×80. Собр. ККХМ. Инв. № 377.

Происхождение: пост. в 1931 г. из ГЭ. Ранее – СНКР (до 1921 г.).

23. РУЛАНТ САВЕРЕЙ (ROELANT SAVERY) (1576–1639). Скалистый пейзаж со святым Иеронимом. Медь, масло. 54×72. Собр. ГЭ. Инв. № 5584.

Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

24.

РУЛАНТ САВЕРЕЙ (ROELANT SAVERY) (1576–1639), МАСТЕРСКАЯ. Ноев ковчег. Х., м. 111×161. Собр. ГМИР.

Происхождение: пост. в 1930 г. из ГЭ. Инв. № 6345. Ранее – СНКР (до 1921 г.); собр. Императорского Эрмитажа (до 1854 г., продана с аукциона).

Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 134: «Саверей, Рулант».

Литература: Врангель Н. Искусство и государь Николай Павлович // *Старые годы.* – СПб., 1913. – Июль – сентябрь. – С. 104. – № 324.

25.

МАТИАС СТОМЕР (СТОМ) (около 1600 – 1672).
Меняла. Х., м. 121×96. Собр. НКГА. Инв. № 596.
Происхождение: пост. в 1930 г. из ГЭ. Инв. № 6185.
Ранее – СНКР (до 1921 г.).

26. АБРАХАМ СТОРК (1635–1710). Гавань с кораблями. Д., м. 71×106. Собр. ГЭ.
Инв. № 6126.

Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

27. ТОМАС ХЕРЕМАНС (работал в 1660–1697 гг.). Набережная города. Х., м. 45×65.
Собр. ГЭ. Инв. № 6146.

Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

ИСПАНИЯ

28. ХУАН ФЕРНАНДЕС РОДРИГЕС, КРУГ. Снятие с креста. Д., м. 67×50. Собр. ГЭ.
Инв. № 6208.

Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

ИТАЛИЯ

29.

НЕИЗВЕСТНЫЙ РОМАНСКИЙ ХУДОЖНИК I ПОЛОВИНЫ XV в.
Святая Екатерина Александрийская. Д., м. 111×35. Собр. ККХМ.
Инв. № 457.

Происхождение: пост. в 1931 г. из ГЭ. Инв. № 6189. Ранее –
СНКР (до 1921 г.).

31.

ВИНЧЕНЦО ФОППА (VINCENZO FORPPA) (1427/30—1515/16). Святой Стефан. Створка полиптиха. Д., т. 89×34. Собр. ГЭ. Инв. № 7772. Парная к ГЭ, инв. № 7773. *Происхождение*: пост. в 1921 г. из СНКР. Ранее – собр. Полковника Можардини во Флоренции.

32.

ВИНЧЕНЦО ФОППА (VINCENZO FORPPA) (1427/30—1515/16). Архангел Михаил. Створка полиптиха. Д., т. 91×34. Собр. ГЭ. Инв. № 7773. Парная к ГЭ, инв. № 7772. *Происхождение*: пост. в 1921 г. из СНКР. Ранее – собр. полковника Можардини во Флоренции.

НИДЕРЛАНДЫ

33. МАРТИН ВАН ВАЛЬКЕНБОРХ (1535—1612). Вавилонское столпотворение. Д., м. 52×95. Местонахождение неизвестно.

Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 157.

34.

КЕРСТИАН ДЕ КЕЙНИНК (около 1560 — около 1635). Пейзаж с Товием и ангелом. Д., м. 40×63. Собр. ГЭ. Инв. № 6188. *Происхождение:* пост. в 1921 г. из СНКР. *Выставки:* Каталог выставки 1914 г., № 100.

35.

КЕРСТИАН ДЕ КЕЙНИНК (около 1560 — около 1635). Фортуна. Д., м. 51×90. Собр. ГЭ. Инв. № 6192. *Происхождение:* пост. в 1921 г. из СНКР.

36. КЕРСТИАН ДЕ КЕЙНИНК (около 1560 — около 1635). Пейзаж с Ильёй Пророком. Д., м. 38×57. Местонахождение неизвестно.

Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 99.

37.

КЕРСТИАН ДЕ КЕЙНИНК (около 1560 — около 1635), ПРИПИСЫВАЕТСЯ. Дьявол сеет плевелы. Д., м. 39×54. Собр. ККХМ. Инв. № 491. *Происхождение:* пост. в 1931 г. из ГЭ. Инв. № 6187. Ранее — СНКР (до 1921 г.). *Выставки:* Каталог выставки 1914 г., № 83: «Гриммер, Якоб³⁶. «Притча о плевелах»».

38. МАРТИН ВАН КЛЕВЕ (VAN CLEVE) (1527—1581). Освящение брачного ложа. 1580. Д., м. 79,0×112,5. Собр. ГМИР. Инв. № А-1002-111.

Происхождение: пост. в 1930 г. из ГЭ. Инв. № 6346. Ранее — СНКР (до 1921 г.).

39.

МАРТИН ВАН КЛЕВЕ (MARTIN VAN CLEVE) (1527–1581). Пирушка. Д., м. 75,8×71,5. Собр. ГЭ. Инв. № 5585.
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

40.

ЯН ДЕ КОК (около 1480 – 1527), ПРИПИСЫВАЕТСЯ. Пейзаж с фигурами святых. Д., м. 84,5×76,0. Собр. ГЭ. Инв. № 5575.
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР. Ранее – собр. П.В. и К.В. Охочинских в Санкт-Петербурге.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 21: «Блес, Херри Мет де»³⁷.

41.

ПИТЕР КУК ВАН АЛЬСТ (VAN AELST) (1502–1550), МАСТЕРСКАЯ (?). Святой Иероним в пустыне. Д., м. 81,5×95,4. Собр. ГЭ. Инв. № 5587.
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 138: «Скорель, Ян (1495–1562)»³⁸.

42.

ЯН МАНДЕЙН (JAN MANDYN) (1502 – 1560). Лот с дочерьми. Д., м. 54×70. Местонахождение неизвестно.

Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 103.

Литература: Открытое письмо, изданное издательством Общины Святой Евгении в Санкт-Петербурге в 1915 г., № 5945.

43.

НЕИЗВЕСТНЫЙ НИДЕРЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК XVI В. (МАСТЕРСКАЯ МАСТЕРА БЛУДНОГО СЫНА (?)). Илья Пророк. Д., м. 110×149. Собр. ГЭ. Инв. № 6193.

Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

44. НЕИЗВЕСТНЫЙ НИДЕРЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК СЕРЕДИНЫ XVI В. Мучение святого Стефана. Х., м. 101×119. Собр. ГЭ. Инв. № 6182.

Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

45. НЕИЗВЕСТНЫЙ НИДЕРЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК СЕРЕДИНЫ XVI В. Чудесное насыщение пятью хлебами. 1552. Д., м. 67,5×53,0. Собр. ГЭ. Инв. № 9389, ф. «Б».

Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР. С 1929 по 1931 г. в «Антиквариате».

Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 197: «Неизвестный художник».

46. НЕИЗВЕСТНЫЙ НИДЕРЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК КОНЦА XVI В. Горный пейзаж с кающейся Марией Магдалиной. Д., м. 81×112. Собр. ГЭ. Инв. № 6199, ф. «Б».

Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 37: «Бриль, Пауль (1554–1626)³⁹, фигура писана А. Караччи⁴⁰».

47. НЕИЗВЕСТНЫЙ НИДЕРЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК КОНЦА XVI В. Зимний пейзаж. Д., м. 75×107. Собр. ГЭ. Инв. № 7118, ф. «Б».

Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР. С 1929 по 1931 г. в Госторге.

48. НЕИЗВЕСТНЫЙ НИДЕРЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК XVI В. Иоанн Креститель в пустыне. Д., м. 31×41. Собр. ГЭ. Инв. № 6186.

Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

Неизвестный нидерландский художник XVI в.
Смеющаяся женщина (фрагмент бытовой сцены).
Дерево, масло. 27,7×37,3. Собрание ДОХМ. [Каталог, 53.]

49. НЕИЗВЕСТНЫЙ НИДЕРЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК XVI в. Оплакивание Христа. Д., м. 88×70. Собр. ГЭ. Инв. № 6205, ф. «Б».
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР. С 1929 по 1931 г. в «Антиквариате».
50. НЕИЗВЕСТНЫЙ НИДЕРЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК XVI в. Битва среди гористого пейзажа. Д., м. 93×123. Собр. ГЭ. Инв. № 6413.
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 116: «Момпер, Иос де (1564–1635)⁴¹, фигуры написаны Брейгелем, Яном Младшим (1601–1678)⁴²».
51. НЕИЗВЕСТНЫЙ НИДЕРЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК XVI в. Передача города епископу. Д., м. 56×115. Собр. ГЭ. Инв. № 6851.
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.
52. НЕИЗВЕСТНЫЙ НИДЕРЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК XVI в. Страшный суд. Д., м. 93×68. Собр. ГЭ. Инв. № 9273, ф. «Б».
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР. С 1929 по 1931 г. в Госторге.

53. НЕИЗВЕСТНЫЙ НИДЕРЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК XVI В. Смеющаяся женщина (фрагмент бытовой сцены). Д., м. 27,7×37,3. Собрание ДОХМ.
Происхождение: пост. в 1931 г. из ГЭ. Инв. № 9295. С 1929 по 1931 г. в «Антиквариате». Ранее – СНКР.
54. НЕИЗВЕСТНЫЙ НИДЕРЛАНДСКИЙ ХУДОЖНИК НАЧАЛА XVII В. Проповедь Иоанна Крестителя. Д., м. 72×122. Собр. ГЭ. Инв. № 9241, ф. «Б».
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР. С 1929 по 1931 г. в Госторге.
55. ЯН ВАН СКОРЕЛЬ (JAN VAN SCOREL) (1495–1562), КРУГ. Поклонение волхвов. Д., м. 74×56. Собр. ГЭ. Инв. № 6191, ф. «Б».
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР. С 1929 по 1931 г. в «Антиквариате».

56. ФРАНС ФЛОРИС (1519/1520–1570), КОПИЯ. Старик и молодая женщина с книгой. 1542. Д., м. 61,0×48,5. Собр. УОХМ. Инв. № 794.
Происхождение: пост. в 1964 г. из ГЭ, ф. «Б». Инв. № 9261. С 1929 по 1931 г. в «Антиквариате». Ранее – СНКР (до 1921 г.). Инв. № 1181.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 175а: «Ваутерс, Ян (прозванный Стап) (1599–1663)⁴³ “Церковное пение”».
Литература: Верещагина Т.Ф. Картина из коллекции Н.К. Рериха в Ульяновском областном художественном музее // *Усадьбная культура Поволжья конца XVIII – начала XX века: Сборник докладов II Поливановских чтений (24–25 апреля 2002)*. – Ульяновск: УОХМ, 2002. С. 112–114⁴⁴.
57. ФРАНС ФЛОРИС (1519/1520–1570), КОПИЯ С ГРАВЮРЫ. Избиение младенцев. Д., м. 43,0×134,5. Собр. ГЭ. Инв. № 9232, ф. «Б».
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР. С 1929 по 1931 г. в «Антиквариате».

58. МАРТЕН ВАН ХЕМСКЕРК (ХЕЕМСКЕРК) (МАЕРТЕН ВАН НЕЕСКЕРСК) (1498–1574), ШКОЛА. «Се человек». Д., м. 115×74. Собрание ККХМ. Инв. № 467.
Происхождение: пост. в 1931 г. из ГЭ. Инв. № 6198. Ранее – СНКР (до 1921 г.).
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 124: «Ноорт, Ламберт ван (1520–1570)⁴⁵».

ФЛАНДРИЯ

59. ДЕНИС ВАН АЛСЛОТ (DENIS VAN ALSLOOT) (1570—1626). Зимний пейзаж. Д., м. 33×50. Местонахождение неизвестно.

Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 12.

60. ЖАН ПЬЕР ВАН БРЕДАЛЬ II (1683—1735). Охота. 1711. Х., м. 75×92. Собр. ГЭ. Инв. № 6202.

Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

61.

ЯН БРЕЙГЕЛЬ I СТАРШИЙ (БАРХАТНЫЙ) (JAN BRUEGEL DE OUDERE; ТАКЖЕ BRUEGHEL ИЛИ BREUGHEL) (1568—1625). Четыре ветряные мельницы. 1605. Медь, м. 18,3×23,1. Собр. ГМИИ. Инв. № 4640.

Происхождение: куплена в 1991 г. у К.С. Барыгина (Москва). Ранее – СНКР.

Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 466: «Брейгель, Ян (Бархатный). Пейзаж с мельницами. Фигуры писаны другим мастером».

62. ЯН БРЕЙГЕЛЬ I СТАРШИЙ (БАРХАТНЫЙ) (JAN BRUEGEL DE OUDERE; ТАКЖЕ BRUEGHEL ИЛИ BREUGHEL) (1568—1625). Сошествие во ад. Д., м. 34×47. Местонахождение неизвестно.

Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 45.

63. ЯН БРЕЙГЕЛЬ I СТАРШИЙ (БАРХАТНЫЙ) (JAN BRUEGEL DE OUDERE; ТАКЖЕ BRUEGHEL ИЛИ BREUGHEL) (1568—1625), КРУГ. Пейзаж. Медь, м. 20×30. Местонахождение неизвестно.

Происхождение: с 1932 г. в «Антиквариате»; до 1932 г. в ГЭ. Инв. № 6207. Ранее – СНКР (до 1921 г.).

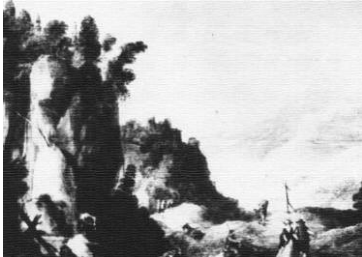
64.

ЯН БРЕЙГЕЛЬ I СТАРШИЙ (БАРХАТНЫЙ) (JAN BRUEGEL DE OUDERE; ТАКЖЕ BRUEGHEL ИЛИ BREUGHEL) (1568—1625) и ХЕНДРИК ВАН БАЛЕН СТАРШИЙ (HENDRIK VAN VALEN) (1575—1632), вольная копия НЕИЗВЕСТНОГО ФЛАМАНДСКОГО ХУДОЖНИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. Аллегория Земли. Парная к № 66. Д., м. 41×58. Собр. ККХМ. Инв. № 380.

Происхождение: пост. в 1929 г. из ГЭ. Ранее – СНКР (до 1921 г.).

Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 52: «Брейгель, Ян II (1601—1678). Земля».

65. ПИТЕР БРЕЙГЕЛЬ II МЛАДШИЙ (АДСКИЙ) (PIETER BRUEGEL) (1564/65—1637/38). Зимний пейзаж. Медь, м. 31×39. Местонахождение неизвестно.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 51.
66. ЯН БРЕЙГЕЛЬ (JAN BRUEGHEL) II МЛАДШИЙ (1601—1678). Вода. Парная к № 64. Д., м. 41×59. Местонахождение неизвестно.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 53.
67. КАРЕЛЬ БРЕЙДЕЛЬ (1678—1744). Битва. Парная к № 68. Д., м. 12×18. Местонахождение неизвестно.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 30.
68. КАРЕЛЬ БРЕЙДЕЛЬ (1678—1744). Битва. Парная к № 67. Д., м. 12×18. Местонахождение неизвестно.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 31.
69. СЕБАСТЬЯН ВРАНКС (1573—1647). Охота в лесу. Д., м. 47×60. Собр. ККХМ. Инв. № 379.
Происхождение: пост. в 1929 г. из ГЭ. Ранее — СНКР (до 1921 г.).
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 80: «Говартс, Абрахам (1589—1626)⁴⁶. Фигура писана С. Вранксом».
70. СЕБАСТЬЯН ВРАНКС (1573—1647). Нападение разбойников. Д., м. 31×70. Местонахождение неизвестно.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 169.
71. НИКОЛАС ВАН ВЕРЕНДАЛЬ (1640—1691). Цветы. Д., м. 35×25. Местонахождение неизвестно.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 160.
72. ЛУИС ДЕ КОЛЕРИ (до 1582 — 1621/22), КРУГ. Сад с фигурами. Д., м. 50×73. Собр. ГЭ. Инв. № 6194.
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 84: «Гриммер, Абель»⁴⁷.
73. ИООС (ИОДОКУС) ДЕ МОМПЕР II МЛАДШИЙ (IOOS или IODOCUS DE MOMPER II) (1564—1635). Пейзаж с фигурами. Д., м. 48,7×64,3. Собр. НКГА. Инв. № 468.
Происхождение: пост. в 1928 г. из ГЭ. Ранее — СНКР (до 1921 г.).
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 115.

74. ИООС (ИОДОКУС) ДЕ МОМПЕР II МЛАДШИЙ (IOOS или IODOCUS DE MOMPER II) (1564—1635), ПРИПИСЫВАЕТСЯ. Жизнь первобытных людей. Д., м. 88×86. Собр. Собр. ККХМ. Инв. № 493.
Происхождение: пост. в 1931 г. из ГЭ. Инв. № 6181. Ранее – СНКР (до 1921 г.).
75. НЕИЗВЕСТНЫЙ ФЛАМАНДСКИЙ ХУДОЖНИК XVII В. (АНТОНИС ВАН ДЕЙК (SIR ANTHONY VAN DYCK) ? (1599—1641)). Портрет мужчины с гитарой. (Гитарист). Х., м. 97×82. Собр. ГЭ. Инв. № 6143.
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.
76. НЕИЗВЕСТНЫЙ ФЛАМАНДСКИЙ ХУДОЖНИК XVII В. Внутренний вид церкви. Д., м. 70×87. Местонахождение неизвестно.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 196.
77. ПЕТЕР НЕФФС II МЛАДШИЙ (1620—1675). Внутренний вид церкви. Д., м. Данных о размерах нет. Местонахождение неизвестно.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 123.
78. ПИТЕР ПАУЛЬ РУБЕНС (PETER PAUL RUBENS) (1577—1640). Битва Амазонок (эскиз). Д., м. (гризайль). 29×29. Местонахождение неизвестно.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 128.
79. ЖАК СМЕЙЕРС (1657—1732). Пейзаж. Медь, м. 27×34. Местонахождение неизвестно.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 141.
80. ПИТЕР СТЕВЕНС II (ОКОЛО 1567 — ПОСЛЕ 1629). Поклонение пастухов. Медь, м. 56,2×73,0. Собр. ХОХМ. Инв. № 25.
Происхождение: пост. в 1929 г. из ГЭ. Ранее – СНКР (до 1921 г.).
81. ДАВИД ТЕНИРС I СТАРШИЙ (DAVID TENIERS) (1582—1649), КРУГ. Испытание святого Антония. Х., м. 62×73. Собр. ГЭ. Инв. № 6143.
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 147: «Тенирс, Давид старший».
82. ДАВИД ТЕНИРС II МЛАДШИЙ (DAVID TENIERS) (1610—1690). Сатира на суд над великим пенсониарем Олденбарневельтом в 1619 г. Д., м. 38×49. Собр. ККХМ. Инв. № 485.
Происхождение: пост. в 1931 г. из ГЭ. Инв. № 6142. Ранее – СНКР (до 1921 г.).

83. КАРЕЛЬ ВАН ФАЛЕНС (VAN FALENS) (1683—1773). Сцена у корчмы. Д., м. 28,0×31,5. Местонахождение неизвестно.
Происхождение: до Великой Отечественной войны в Украинской картинной галерее в Харькове (инв. № 280); до 1929 г. в ГЭ. Ранее – СНКР (до 1921 г.).
84. ФРАНС ФРАНКЕН II (FRANS FRANCKEN) (1581—1642). Аллегория случая. 1627. Х., м. 111×161. Собр. ГЭ. Инв. № 6144.
Происхождение: пост. в 1926 г. из ГМФ. Ранее – СНКР (до 1921 г.).
85. ДАНИЕЛЬ ВАН ХЕЙЛЬ (1604—1662). Вид города. Д., м. 24×32. Местонахождение неизвестно.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 85.
86. ЛУКАС ВАН ЮДЕН (LUCAS VAN UDEN) (1595 – 1672). Пейзаж. Медь, м. 48×72. Местонахождение неизвестно.
Выставки: Каталог выставки 1914 г., № 154. «Юден, Лукас ван. Фигура написана Корнелиусом Схютом»⁴⁸.

ФРАНЦИЯ

87. НЕИЗВЕСТНЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ХУДОЖНИК КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX В. Голова Париса. Х., м. 73×62. Собр. ГЭ. Инв. № 6190.
Происхождение: пост. в 1921 г. из СНКР.

88. НЕИЗВЕСТНЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ (?) ХУДОЖНИК XVIII–XIX ВВ. Пейзаж (этюд). Д., м. 11,7×18,8. Собр. МИСР.
Происхождение: Происходит из Мемориального собрания С.С. Митусова, который вывез эту работу около 1922 г. из квартиры Рерихов на Мойке, 83. Ранее – СНКР.
Литература: Николай Рерих и другие. Художники XIX – XXI веков в собрании Музея-института семьи Рерихов: Каталог / Составители Ю.Ю. Будникова и В.Л. Мельников. – СПб., 2005. – С. 24. – № 75.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия / Под ред. М.Т. Кузьминой. – М., 1974. – С. 323.

² К.А. Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников. – М., 1979. – С. 135.

³ Старые годы. – СПб., 1912. – № 10. – С. 20. Из художников, прямых учеников Корнелиса ван Пуленбурга (1586—1667), бывших представленными в коллекции Н.К. Рериха, нам известен только Бартоломмеус Бренберг [Каталог, 7]. «Работавший в Амстердаме Бренберг был из них [учеников Пуленберга. – П. М.] самым талантливым. Его “Жертвоприношение” (1631) и “Пророк

Илья и сарептская вдова” (1656) – картины, отмечающие начало и конец творческого пути, – выказывают высокие художественные качества: острый рисунок и холодный тонко сгармонизированный колорит» (*Кузнецов Ю.И. Живопись италянизирующего направления // Голландская живопись XVII–XVIII вв. в Эрмитаже. – М.: Искусство, 1984*).

⁴ *Аполлон. – Пг., 1914. – № 9. – С. 61. О коллекции Н.К. Рериха писали и другие его современники: Эрнст С.Р. Н. Рерих. – Пг.: издательство Общины Св. Евгении, 1918. – С. 100–101; Ростиславов А.А. Н.К. Рерих. – Пг.: издательство Н.И. Бутковской, 1918. – («Современное искусство». Серии иллюстрированных монографий). – С. 27–28; Selivanova N. The World of Roerich. – New York: Corona Mundi International Art Center, 1922. – P. 71–72; Лухтман М.М. Николай Рерих и наука / Перевод Ю.Ю. Будниковой // *Петербургский Рериховский сборник. – СПб., 1998. – Вып. 1. – С. 187–188; Рерих С.Н. Стремиться к Прекрасному. – М.: МЦР, 1993. – С. 54, 68. Современные авторы тоже затрагивали эту тему: Короткина Л.В. Рерих в Петербурге – Петрограде. – Л.: Лениздат, 1985. – С. 126; Мокина Т.М. Картины из коллекции Н.К. Рериха в Государственном Эрмитаже // *Петербургский Рериховский сборник. – СПб., 1998. – Вып. 1. – С. 205–207; Мельников В.Л. Примеч. в кн.: Петербургский Рериховский сборник. – Самара, 1999. – Вып. 2–3. – С. 318.***

⁵ *Аполлон. – Пг., 1915. – № 6–7. – С. 97.*

⁶ ОР ГТГ, ф. 44, № 23, 25–27.

⁷ ОР ГТГ, ф. 44, № 25, л. 1–5; № 26, л. 1а, 3, 4. Всего 9 листов.

⁸ *Рерих Н.К. Листы дневника. – М.: МЦР, 1996. – Т. III. – С. 283.*

⁹ *Рерих Н.К. Из литературного наследия / Под ред. М.Т. Кузьминой. – М., 1974. – С. 97–99.*

¹⁰ См.: *Каталог, 65.*

¹¹ См.: *Каталог, 23 и 24.*

¹² См.: *Каталог, 46.*

¹³ См.: *Каталог, 50, 73 и 74.*

¹⁴ См.: *Каталог, 4.*

¹⁵ См.: *Каталог, 11.*

¹⁶ Очевидно, имеется в виду Керстиан де Кейнинк. См.: *Каталог, 34–37.*

¹⁷ См.: *Каталог, 78.*

¹⁸ См.: *Каталог, 21.*

¹⁹ См.: *Каталог, 22.*

²⁰ См.: *Каталог, 77.*

²¹ См.: *Каталог, 81–83.*

²² *Рерих Н.К. Указ соч. – С. 97–98.*

²³ «Бывало, возвращаешься поздно после какого-нибудь заседания и видишь, как ярко освещены два окна. Значит, Е[лена] И[вановна] до поздней ночи возится с картинами. Наверно знаешь, что найдено что-то интересное» (*Рерих Н.К. Листы дневника. – М.: МЦР, 1996. – Т. III. – С. 283*). Мастерству реставратора супругу научил сам Николай Константинович, знавший не понаслышке многие приёмы ещё со времён преподавания курса «Художественная техника в применении к археологии» в Петербургском Археологическом институте. См. об этом: *Мельников В.Л. Предания Северо-Запада в научном архиве Н.К. Рериха // Рериховское наследие: Труды конференции. – Т. I. – СПб., 2002. – С. 427.*

²⁴ См.: *Каталог, 24.*

²⁵ См.: *Каталог, 65.*

²⁶ См.: *Каталог, 75.*

²⁷ *Рерих Н.К. Из литературного наследия / Под ред. М.Т. Кузьминой. – М., 1974. – С. 98.*

²⁸ См.: *Каталог, 24.*

²⁹ *Рерих Н.К. Держава Света. Священный дозор. – Рига: Виеда, 1992. – С. 58–59.*

³⁰ Очевидно, здесь Николай Константинович имеет в виду Николая Фёдоровича Селиванова, искусствоведа, историка искусства, члена-сотрудника Императорского Общества поощрения художеств, в котором на рубеже XIX-XX вв. читал лекции по истории искусства. Две из них были опубликованы в журнале «Искусство и художественная промышленность»: «Антонис ван Дэйк (1599—1641 гг.)» и «Веласкец (“памятка” по поводу 300-летней годовщины дня его рождения)». Коллекционер, который «толкнул к собирательству старинных картин» (*Рерих Н.К.* Листы дневника. – М.: МЦР, 1995. – Т. II. – С. 112). О нём Рерих вспоминал с неизменной теплотой.

³¹ *Рерих Н.К.* Закрытый глаз. – Гималаи. – 1932 // *Рерих Н.К.* Твердыня пламенная. – Рига: Виеда, 1992. – С. 35–36.

³² *Грабарь И.Э.* Моя жизнь. Автобиография. – М., 1937. – С. 172–173.

³³ Архив ГЭ, ф. IV, оп. 2, д. 78 за 1921 г., л. 20–24.

³⁴ Там же, л. 10–19.

³⁵ Составитель каталога искренне признателен заведующей Отделом живописи Кыргызского государственного музея изобразительных искусств им. Г. Айтиева Т.П. Поповой, главному хранителю Приморской краевой картинной галереи Н.М. Ковалевич, заведующей Отделом графики Национальной картинной галереи Армении В.Г. Бадалян, заведующей Отделом зарубежного искусства Краснодарского краевого художественного музея им. Ф.А. Коваленко А.А. Забгаевой, главному хранителю Самарского областного художественного музея Т.Ф. Алексушиной, заместителю директора по научной работе Ульяновского областного художественного музея Т.Ф. Верещагиной, заведующей Отделом зарубежного искусства Харьковского художественного музея Т.Е. Прокатовой, заместителю директора по научной работе и хранению Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге В.Л. Мельникову, предоставившим инвентарные данные о картинах и фотоматериалах для публикации.

³⁶ **Якоб Гриммер** (1526—1590), нидерландский живописец, продолживший брейгелевские традиции пейзажной живописи. На своих идиллических по настроению, маленьких по размерам картинах он запечатлел сельские пейзажи окрестностей Антверпена. Для его композиций характерны простота и сжатость. Свои картины, излучающие интимное настроение повседневной действительности, Гриммер строил весьма экономно, используя лишь небольшое число мотивов. Он стремился к целостной организации пространства, к гармоничности красок и подчёркивал настроение своих пейзажей тем, что давал почувствовать изображённые на них атмосферные явления.

³⁷ **Херри Мет де Блес (Herri Met de Bles)**, нидерландский живописец-пейзажист. Родился около 1480 г. в Бувины ле Динанте, умер около 1550 г. в Ферраре. Развивался под влиянием Патинира. Работал, вероятно, в Антверпене. В его творчестве традиционные черты ренессансного пейзажа переплетаются с маньеристической фантастикой, подчёркивающей субъективно-эмоциональное отношение художника к миру.

³⁸ **Ян ван Скорель (Скорел) (Jan van Scorel)** (1495—1562), нидерландский живописец. Представитель романизма. Получил разностороннее гуманистическое образование; живописи учился в Утрехте у Я. Госсарта (с 1516 г.). В 1518–1524 гг. путешествовал по Германии, Швейцарии, Италии, посетил Палестину, был хранителем античных памятников Бельведера в Риме. Лучшие произведения Скореля отличаются звучностью колорита, поэтичностью пейзажных фонов; исполнил также ряд реалистических портретов.

³⁹ **Пауль Бриль (Paul Bril)** (1556—1626), фламандский художник. Писал пейзажи – фрески и маслом. В отличие от своих предшественников Бриль стремился к единству освещения на своих картинах и тем самым значительно развил искусство пейзажа под влиянием итальянских мастеров. Цветовая гамма его картин, в основном, осталась по-голландски холодной с преобладанием голубых и зелёных оттенков. Писал картины на религиозные темы, пейзажи, в том числе морские, батальные сцены, аллегории; занимался гравюрой.

⁴⁰ **Карраччи (Carracci)**, семья итальянских живописцев: **Лодовико (Lodovico)** (1555—1619) и его двоюродные братья, **Агостино (Agostino)** (1557—1602) и **Аннибале (Annibale)** (1560—1609). Братья Карраччи были основателями болонской «Академии вступивших на правильный путь» (основана около 1585 г.); изучали произведения Рафаэля, Корреджо и венецианских мастеров XVI в. Они практиковали тщательное изучение натуры, основ рисунка и композиции, стремились вернуться к принципам ренессансной живописи.

⁴¹ **Иоос (Иодокус) де Момпер II Младший (Ioos или Iodocus de Momper II)** (1564—1635), внук живописца Иодокуса де Момпера I (1516—1559), произведения которого не дошли до нас. А.Н. Бенуа писал: «Достоверно неизвестно, совершил ли Момпер далёкие путешествия и, в частности, был ли он в Италии (ряд приписываемых ему рисунков 1592 г. в Альбертине изображают виды Рима), но едва ли допустима мысль, что прекрасные горные виды, изображённые на большинстве картин художника, единственно плоды его фантазии или подражания картинам товарищей, бывших в Тироле и в Швейцарии»; «...Его картины предназначались главным образом для украшения стен, а не для отдельного любования» (Бенуа А.Н. Истории живописи всех времён и народов. – Т. III. – СПб.: Шиповник, 1913–1914. – С. 185). Историками искусства достоверно установлено, что художник ездил в Италию и Швейцарию. Фигуры на многих его пейзажах написаны Яном Брейгелем Старшим. С 1581 г. работал в Антверпене.

⁴² **Ян Брейгель (Jan Brueghel) II Младший** (1601—1678), фламандский живописец, сын художника Яна Брейгеля I Старшего (Бархатного) (1568—1625), внук художника Питера Брейгеля I Старшего (Мужичконого) (около 1525 — 1569). Работал в манере своего отца.

⁴³ **Ян Ваутерс, прозванный Стап** (1599—1663), голландский художник, работавший в Амстердаме. Писал жанровые сцены, портреты, композиции на библейские темы, сознательно подражая живописи художников второй половины XVI века – Ф. Флорису, Я. Массейсу, Я.-С. Гемессену, искусно имитируя творческий почерк мастеров, живших за сто лет до него.

⁴⁴ Выводы данной публикации таковы: «На основании рассмотренных документальных свидетельств и анализа памятника можно предположить, что автором картины “Церковное пение” является голландский художник Ян Ваутерс Стап. Это утверждение обогащает и делает более сложным представление о западноевропейском искусстве в собрании музея, но не является истиной в последней инстанции. Следует напомнить, что произведение не подвергалось комплексному технико-технологическому исследованию» (Верещагина Т.Ф. Указ. соч. – С. 114).

⁴⁵ **Ламберт ван Ноорт (Lambert van Noort)** (1520—1570), голландский художник из Гаммерфорта, упоминаемый Джорджио Вазари в труде «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев».

⁴⁶ **Абрахам Говартс** (1589—1626), нидерландский живописец, чьё творчество развивалось в русле двух выдающихся пейзажистов эпохи – Гиллис ван Конинкслоо и Яна Брейгеля I Старшего (Бархатного). Он использовал их мотивы, композиционные решения и колоризм, но повышенная динамичность, углубление тона, резкость противопоставления света и тени ещё сильнее подчёркивали романтическое и лирическое настроение его пейзажей. Метод письма Говартса не столь детализирован и подробен, как у Яна Брейгеля, мазок более смел и энергичен, а в изображении флоры он иногда достигает живописности, напоминающей Рубенса.

⁴⁷ **Абель Гриммер (Abel Grimmer)** (1570—1619), фламандский художник. Сын голландского художника Джекоба Гриммера (Jacob Grimmer). В 1592 г. стал мастером гильдии художников св. Луки в Антверпене. Он известен своими маленькими картинами на тему жизни деревни, на библейские темы, которые часто входят в серии картин, посвящённым временам года или месяцам. Некоторые из его картин были навеяны, а иногда даже скопированы, с картин Питера Брейгеля Старшего или Ханса Боля (Hans Bol), картины которых оказали даже более сильное влияние на творчество Абеля Гриммера, чем картины его отца, которые также были важным источником вдохновения художника.

⁴⁸ **Корнелиус Схют**, антверпенский художник, ученик П.П. Рубенса.

В.Л. МЕЛЬНИКОВ

(Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург)

О ВОСТОЧНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ Н.К. РЕРИХА (к постановке вопроса)

Где хорошие японцы и китайцы?

Н.К. Рерих. Письмо брату Борису.

Нью-Йорк. 3 июля 1922 г.

Вопрос Н.К. Рериха, помещённый здесь в качестве эпиграфа, может быть отнесён ко всем рериховским восточным коллекциям, собранных на двух континентах – в Европе, в России, в США и в Индии. До сих пор о них не существует ни одного сколько-нибудь полного исследования. Описания коллекций, упоминания о конкретных предметах в письменном наследии Рерихов, да и сами собранные экспонаты рассеялись по всему миру. Николай Константинович и члены его семьи собирали произведения искусства Востока и предметы быта восточных народов не столько для себя, сколько для созданных и поддерживаемых ими научных и культурных учреждений: Музея Допетровского искусства и быта в Санкт-Петербурге, Мастер-Института Объединённых Искусств и Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, Гималайского исследовательского института «Урусвати» в индийском Наггаре и некоторых других. О мотивах этого собирательства красноречиво свидетельствует следующее изречение Н.К. Рериха, относящее к началу XX века: «Каждому представляется, что в теме о началах русского искусства прежде всего придётся услышать о глубококом Востоке, Индии, Монголии, Китае»¹.

Ещё в Санкт-Петербурге Н.К. Рерих собирал произведения японского искусства, о чём свидетельствует краткая опись, сохранившаяся в его архиве: «Японская коллекция состоит: Какемоно² – 242. Ширм рисованных – 4. Хокса³: 1) рисунков от руки – 265; 2) гравюр – 2860; 3) иллюстраций в книгах – 640. Различных художников: 1) Оригинальных рисунков – 1850; 2) отдельных репродукций – 6000; 3) эстампов в книгах – 10000; 4) эстампов в два листа – 300; 5) эстампов в три листа – 200. Систематизированных художественных раскрашенных фотографий – 1300. Для России стоимость 75000 рублей»⁴. К 1906 году относится рукопись художника «На Японской выставке. I» в архиве Музея-института семьи Рерихов (фонд МСССМ), где, в частности, есть такие слова:

«Вершины искусства, часто чуждые нам, преобразились в японском искусстве. <...>

Все наши пороги искусства, о них спотыкаемся, старый японец попирает смело. Аристократизм искусства, народность, романтизм, символика, сюжетность, историчность, этнография – всё нам и милое и чуждое, всё сочеталось в старом японце, и всё претворилось красивым. <...>

Ил. 1. Неизвестный мастер. Киот со скульптурным изображением бодхисаттвы, принадлежавший Е.И. Рерих. Китай. XIX в. Высота скульптуры 15,5 см, высота киота 18,5 см. Дерево, резьба, левкас, роспись, металл, золочение, гравировка. Собрание МИСР.

Где как не в Японии такое количество собраний искусства? Где иначе настолько почётно назваться собирателем художественных произведений?

И рождённый такую страну художник имеет высокое право веры в себя; и безмерное его трудолюбие и бесчисленность творений его – не ярмо работы, а незаметные ему самому следы стремительного блестящего порыва»⁵.

Так написать о японском искусстве мог лишь человек, знакомый с ним не понаслышке, знающий все основные его течения и имена творцов, тонкий ценитель.

Образованию китайской коллекции много способствовало намечавшееся участие Н.К. Рериха в оформлении оперы И.Ф. Стравинского «Соловей», создававшейся в течение 1908–1913 гг. по либретто его близкого друга, сотрудника и родственника по линии жены С.С. Митусова на основе одноимённой сказки Х.К. Андерсена. Вот что писал С.С. Митусов И.Ф. Стравинскому из Санкт-Петербурга 24 июля 1913 г.: «Видел Рериха. Писать декорации к “Соловью” будет он. <...> Да, материалы китайские действительно очень интересны (Рерих накопил всякой китайщины), по крайней мере, то, что я видел, а видел я меньше половины»⁶.

И китайская и японская коллекции могли также пополняться через аукционы Императорского Общества поощрения художеств, организация которых долгое время была в ведении Н.К. Рериха. Например, 30 октября 1916 г. в залах ИОПХ «состоялся аукцион старинных лубочных картинок, по преимуществу французских и итальянских, гравюр в красках японских мастеров и всевозможных старых репродукций». Неизвестный обозреватель сообщал: «Наиболее удачно были проданы цветные японские гравюры Кунисада, Тайскуни и Хорошиге, некоторые из коих пошли до 25 рублей за лист»⁷.

Буддийская часть коллекции включала не только купленные в антиквариате вещи. В середине 1910-х гг. за участие в «Комитете для руководства постройкой» в Петербурге Буддийского храма Николай Константинович получил от его настоятеля Агвана Доржиева ценный подарок, а также знак внимания от самого Далай-Ламы XIII-го – «священный хадак»⁸. Возможно, с этого же времени в семье Рерихов появился киот со скульптурным изображением бодхисаттвы, принадлежавший, по преданию, Е.И. Рерих (ил. 1). Ныне этот предмет украшает центральную экспозицию Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге.

Следы дореволюционных восточных коллекций Н.К. Рериха ныне затерялись. Возможно, свет на их судьбу смогут пролить документы из архивов Государственного Эрмитажа и Государственной Третьяковской галереи. Одно несомненно: уже в «русский» период жизни Н.К. Рерих собирал не только предметы западно-европейского искусства, артефакты каменного века, найденные в европейской части России, или, скажем, нумизматические редкости Российского престола, но и формировал обширную восточную коллекцию, в которой были прекрасные образцы графики и предметов быта.

После путешествий по Азии в 1920-е – 1930-е гг. Н.К. Рерих сформировал вторую восточную коллекцию, величина и качество которой были несоизмеримо выше первой. Часть этой коллекции была показана на выставке в Нью-Йорке уже в 1929 г.⁹ К сожалению, её постигла та же участь. Ныне она рассеяна по всему миру. Её фрагменты можно встретить в Нью-Йорке (в двух местах), Москве (в четырёх местах), Бангалоре, Кулу, Санкт-Петербурге, Изваре, Барнауле, Новосибирске и в других культурных центрах мира. Увы, ничего неизвестно о местонахождении целой буддийской библиотеки – Ганджура и Танджура, вывезенной из Срединной Азии, бывшей в 1929–1935 гг. настоящим украшением Музея Н.К. Рериха в Нью-Йорке (ил. 2). Исследований на тему второй восточной коллекции по-прежнему крайне мало. До 1960 г. об экспедиционных сборах Н.К. Рериха писал только он сам,

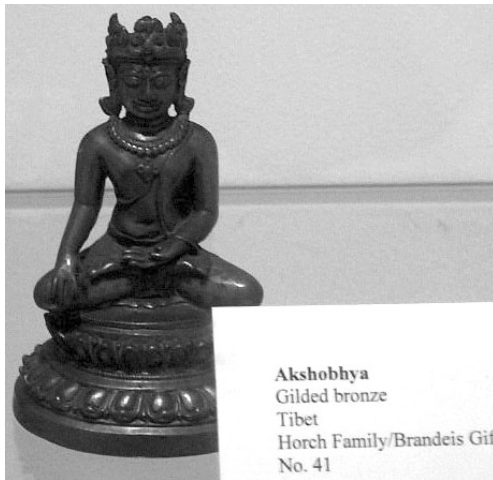
Ил. 2. Буддийская библиотека, переданная Музеем Н.К. Рериха в Нью-Йорке после Центрально-Азиатской экспедиции 1924–1928 гг. Фото из архива этого музея.

его сын, известный тибетолог и монголовед Ю.Н. Рерих и директор Музея Н.К. Рериха в Нью-Йорке З.Г. Фосдик. Лишь единичные предметы из восточной коллекции Н.К. Рериха известны по изданиям О.В. Румянцевой, Л.В. Шапошниковой, В.А. Росова и некоторых других. Информативны последующие публикации Ю.И. Елихиной, Е.Д. Огневой и А.Л. Барковой, касающиеся коллекции тибетских тхангов, систематизированной Ю.Н. Рерихом. Воспроизведения нескольких предметов из восточной коллекции Н.К. Рериха по фотографиям из архива Музея Н.К. Рериха в Нью-Йорке, предоставленными Гвидо Трешей, опубликованы нами в первом томе конференции «Рериховское наследие» (в статье А.М. Решетова о Н.К. Рерихе как этнографе).

Зачастую современные обладатели предметов, собранных когда-то рериховскими экспедициями, и не подозревают об их предыдущих владельцах. Во время недавнего нашего визита в Нью-Йорк сотрудник рериховского музея Аида Тульская сообщила о выставке в «Тибетском Доме» Роберта Турмана, на которой фигурировали прекрасные образцы буддийского искусства – мелкая пластика и тибетские тханги, и передала их фотографии. Этикетаж свидетельствовал о принадлежности целой серии вещей к собранию Хоршей (ил. 3–9), но ничего не пояснял о том, как у Хоршей оказались эти редкие предметы. А ведь когда-то их кропотливо подбирал и с огромным трудом вывез из глубин Азии Н.К. Рерих, всемирно известный собиратель и охранитель всего лучшего, что дала миру Культура!

The Fifth Dalai Lama
Tibet, 17th Century
Gilt bronze
Horch Family/Brandeis Gift

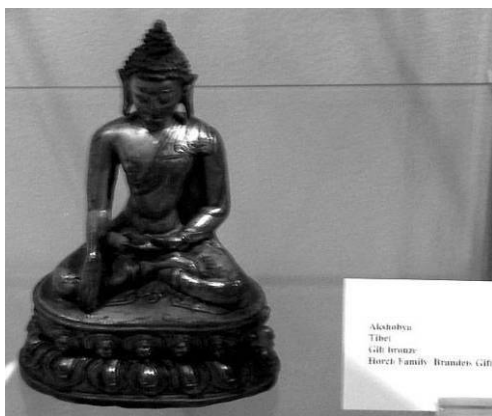
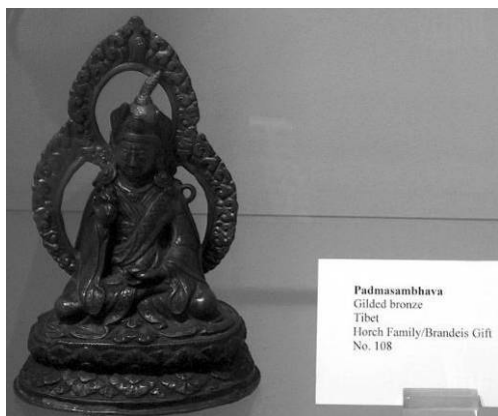
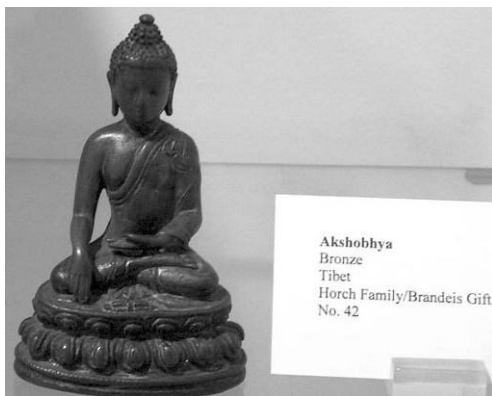

Akshobhya
Gilded bronze
Tibet
Horch Family/Brandeis Gift
No. 41

Simhanadaivalokitesvara
Tibet
Gilt bronze
Horch Family/Brandeis Gift

Ил. 3–5. Тибетская позолоченная бронза XVII–XVIII вв. из коллекции Н.К. Рериха.
Далай-Лама V (3), Будда Акшобхья (4), Симханадавалокитешвара (5).
В настоящее время находится в университете Брандайс (Бостон, США).
Съёмка Аиды Тульской.

Ил. 6–9. Тибетская бронза XVII–XVIII вв. из коллекции Н.К. Рериха. Ямантака с шакти (6), Будда Акшобхья (7, 9), Падмасамбхав (8). В настоящее время находится в университете Брандайс (Бостон, США). Съёмка Анды Тульской.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ОР ГТГ, ф. 44, № 46, л. 2.

² Настенная картина на шёлке или бумаге в виде вертикально развёрнутого свитка (япон.).

³ Имеется в виду **Хокусай Кацусика** (1760—1849), японский живописец и рисовальщик, выдающийся мастер цветной ксилографии, представитель школы укиё-э (завершающего периода её развития). Имел около 50 псевдонимов, что свидетельствует о напряжённой творческой работе и упорном поиске собственного стиля. Многие свои произведения Хокусай подписывал – «Художник, одержимый рисунком».

⁴ ОР ГТГ, ф. 44, № 1557, л. 1–2.

⁵ Опубликованный вариант этого очерка под названием «Японцы» см.: *Рерих Н.К. Собрание сочинений.* – Кн. I. – М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1914.

⁶ Фрагменты из переписки С.С. Митусова и И.Ф. Стравинского. 1909–1925 гг. / Публикация. Ю.Ю. Будниковой и В.Л. Мельникова // *Утренняя звезда*. – М.: МЦР, 1994–1997. – № 2–3. – С. 326.

⁷ *Вечернее время*. – Пг. – 1916. – 31 октября. – № 1648.

⁸ *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. – Кн. I: Великий План. – СПб.: Алетейя; М.: Ариаварта-Пресс, 2002. – С. 24.

⁹ *Exhibition of Tibet paintings, sculpture and art objects*: Collected by the Roerich Central Asian expedition. – New York: Earle Press, 1929. – 14 p., ill.

Ю.И. ЕЛИХИНА

(Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург)

ДВЕ ТХАНГКИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ АВАЛОКИТЕШВАРЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Ю.Н. РЕРИХА, ХРАНЯЩЕЙСЯ В ЭРМИТАЖЕ

Тибетское буддийское искусство представляет собой набор символов и знаков, которые хорошо понятны для каждого адепта. Божество, его поза и жесты – всё имеет определённое значение, предписанное иконографическим и иконометрическим канонами. Такими специфическими признаками наделено любое средневековое искусство, помогающее адепту постичь окружающий мир через познание божества путём духовных практик.

Коллекция Юрия Николаевича Рериха (1902–1960), хранящаяся в Государственном Эрмитаже, насчитывает 44 тхангки¹. На двух из них представлен бодхисаттва Авалокитешвара, одно из самых популярных божеств тибетского буддизма, олицетворяющее милосердие и сострадание. Бодхисаттва – существо (санскр. *sattva*), стремящееся к достижению просветления (санскр. *bodhi*) и соблюдающее четыре обета: 1. Добиться освобождения от океана сансары (нашего мира) для всех живых существ, сколь бы многочисленными они ни были; 2. Добиться очищения от всех собственных пороков, сколь бы многочисленными они ни были; 3. Изучить все слова Будды, сколь бы неисчислимы они ни были; 4. Достичь степени Будды, сколь бы бесконечным ни было просветление.

По мнению буддийских философов, бодхисаттвы представляют собой высшие существа, духовно возрастающие на десяти уровнях (бхуми), путешествующие по различным мирам, где они выслушивают наставления Будды о том, как помочь всем земным существам спастись от бесконечной череды перерождений.

«Авалокитешвара-сутра» (III в.) описывает все жизненные ситуации, когда следует обращаться к помощи божества. К функциям бодхисаттвы Авалокитешвары относится, в первую очередь, освобождение от страданий: «Если неисчислимы сотни, тысячи, десятки тысяч, миллионы живых существ, подвергающихся страданиям и мучениям, услышав о бодхисаттве, все назовут его имя, то он, вняв их мольбам, приведёт их всех к освобождению». Здесь Авалокитешвара наделяется титулом Саммантамукха, т. е. «Всевидающий». Он спасает людей от меча и кандалов, огня и водной стихии, от злых духов и болезней. В сутре перечислены восемь напастей, от которых избавляет бодхисаттва Авалокитешвара. К этим восьми напастям относятся: нападения

демонов, насылающих болезни или разбойников; взбесившиеся слоны; дикие львы; змеи; пожары; заключение в тюрьму по ложному обвинению; различные случайности при переправе через реку. Вот как это описано в сочинении: «Если какой-нибудь человек будет хранить в памяти имя бодхисаттвы, то, когда он вступит в великий огонь, благодаря величественным божественным силам этого бодхисаттвы огонь не сможет его сжечь. Если какого-нибудь человека понесут великие воды, то, как только он назовёт имя бодхисаттвы, он сразу же достигнет мелкого места». Авалокитешвара наделён способностью даровать потомство: «Если какая-нибудь женщина захочет иметь сына, будет почитать бодхисаттву и делать ему подношения, она родит сына. Если она хочет дочь, то родит дочь». Авалокитешвара наделён различными обликами, которые он может проявлять: «Если в какой-нибудь земле живые существа могут быть переправлены на тот берег [в нирвану], с помощью того, кто обладает телом Будды, бодхисаттва сразу же появится в теле Будды и станет проповедовать для них Дхарму». Затем следует перечисление всевозможных его проявлений, наиболее ярко эти формы представлены в следующем высказывании: «Если могут быть переправлены на тот берег с помощью тех, кто обладает телом бога, дракона, якши, гандхарвы, асуры, гаруды, киннары, махароги, человека, не-человека и других существ, бодхисаттва сразу же появится во всех этих телах и станет проповедовать для них Дхарму». Кроме имени бодхисаттвы Авалокитешвары в «Саддхарма-пундарике» «Внимающий Звукам Мира» используется и другое имя – «Дарующий Бесстрашие». Главная функция бодхисаттвы сформулирована следующим образом: «Внимающий Звукам Мира может избавить живых существ от всех страданий». «Когда человек подумает о силах бодхисаттвы, злые существа не осмелятся причинить человеку вред», и ещё одна функция божества: «Если соберутся облака и загремит гром, засверкают молнии и польёт великий дождь, то когда люди подумают о силах бодхисаттвы, небо прояснится, тучи рассеются». «Живые существа всегда будут нуждаться в бодхисаттве и почитать его. Его незамутнённый, чистейший взгляд – Солнце мудрости, устраняющее тьму. Он может усмирять ураганы и пожары, устранять беды»².

Сквозная тема сутры посвящена ключевой доктрине Махаяны – достижению освобождения от страданий. В сутре действующими лицами названы бодхисаттвы Майтрейя, Манджушри, Авалокитешвара и другие безымянные и бессчётные. Кроме того, в ней повествуется о вещах, популярных среди простых верующих, например, о чудесах, творимых Авалокитешварой.

«Амитаюрдхьяна-сутра» описывает Авалокитешвару как космического бодхисаттву, чья мандала, диаграмма, изображающая модель Вселенной, содержит пятьсот Будд со свитами из бодхисаттв и многочисленных божеств.

Култ этого бодхисаттвы настолько популярен, что существует более ста восьми его иконографических форм, которые встречаются в произведениях буддийского искусства. Одна из наиболее распространённых форм Авалокитешвары-Шадакшари, в которой он представлен с телом белого цвета, с четырьмя руками, основные руки сложены перед грудью в жесте анджали-мудра (поднесения драгоценности), в правой руке он держит чётки, в левой – лотос.

Ил. 1. Авалокитешвара-Шадакшари. Тибетская тхангка из коллекции Ю.Н. Рериха.
Размер без обрамления 51,5×35 см. Собрание ГЭ, инв. № КО-997.

Ил. 2. Авалокитешвара-Шадакшари. Бутанская тхангка из коллекции Ю.Н. Рериха.
Размер без обрамления 74×49 см. Собрание ГЭ, инв. № КО-998.

Именно в такой форме божество представлено на двух тхангках из коллекции Ю.Н. Рериха, хранящейся в Эрмитаже (*ил. 1, 2*).

Первая тхангка написана в Тибете, в конце XVIII – начале XIX в., в стиле «новый менри» (её размер без обрамления 51,5×35 см, инв. № КО-997)³. Наиболее характерными признаками стиля являются радужное сияние, исходящее от божества и сине-зелёная цветовая гамма. Авалокитешвара изображён со свитой, перед его престолом в чашах расставлены подношения для пяти органов чувств. Слева сверху показан Будда Амитабха⁴, справа – Будда Акшобхья, внизу слева бодхисаттва Манджушри в форме Арапачана⁵, справа внизу – дхармапала⁶ Ваджрапани. Авалокитешвара является эманацией Амитабхи, а Манджушри и Ваджрапани – милостивой и гневной, соответственно, эманациями Будды Акшобхьи.

На тхангке представлена триада: Авалокитешвара, Манджушри и Ваджрапани – три божества-покровителя Тибета, символизирующие милосердие, мудрость и мужество. В коллекции Эрмитажа имеются также и скульптурные изображения, на которых эти три божества представлены вместе.

Земными воплощениями Авалокитешвары почитаются Далай-Ламы Тибета и ламы-перерожденцы школы кармапа. Авалокитешваре посвящено много различных сочинений, он упоминается в «Сукхавативьюха-сутре», «Саддхарма-пундарике», «Самадхираджа-сутре», «Карандавьюха-сутре» и других сочинениях.

Далай-Ламы также писали различные сочинения, связанные с культом Авалокитешвары. В одном из сочинений Пятого Далай-Ламы Агвана Ловзана Джамцо (1617–1682), посвящённом ритуалам и подношениям «царской» форме Авалокитешвары (особая форма 11-ликого божества, когда большая часть лиц гневные), описан именно Авалокитешвара-Шадакшари: «...Произносим слог “хри”, и на этом месте появляется белый лотос, возникает сияющий свет и [появляется] великий милосердный [Авалокитешвара], с телом белого цвета, одноликий и четырёхрукий. Божество шестислоговой мантры⁷ имеет милостивый облик, драгоценные украшения и шёлковые одеяния»⁸. Далай-Ламы являются воплощениями именно этой формы Авалокитешвары.

Тхангка хорошей работы, с элементами пейзажа. У лотосового престола в озере плавают птички. Художник мог проявлять свою индивидуальность в изображении, в первую очередь, элементов пейзажа, украшений и орнаментов. Всё остальное строго регламентировалось канонами.

Обрамление тханжки выполнено из тёмно-синего китайского шёлка XVIII в. с крупным тканым облачным орнаментом. Красная полоса также из шёлка с крупным облачным орнаментом, жёлтая из гладкого шёлка, эти полосы символизируют радужное сияние, исходящее от образа.

Вторая тхангка написана в Бутане, в XVII в., в стиле «новый менри» (её размер без обрамления 74×49 см, инв. № КО-998). Эта тхангка относится к типу нагтан – живописи золотым контуром по чёрному фону с добавлением синего и красного цвета в данном случае. В центре тханжки изображён бодхисаттва Авалокитешвара-Шадакшари. Божества, представленные на тхангке, имеют тела золотистого цвета, за исключением гневного Ваджрапани. Сверху показаны бодхисаттва Манджушри,

Будда Амитабха и бодхисаттва Амитаюс⁹. Ниже, на одном уровне, находятся бородатый бутанский лама и Будда Шакьямуни, так как лама является проповедником учения Будды на земле, но его фигура значительно меньше по размеру. Они оба восседают в *падмасанах*¹⁰, правые руки в жесте *бхумиспаршамудра*¹¹, в левых руках – *патры*¹². Только для бутанской живописи характерно изображение бородатых лам, поэтому тхангка легко атрибутируется.

Под ними изображены Церингма (главная из богинь долголетия) и знаменитый тибетский поэт Миларепа (1040–1123), который выполнял практику пяти богинь долголетия. Миларепа относился к линии воплощений школы кагьюпа. В Бутане господствующее положение занимало ответвление другпа-кагьюпа. Поэтому на бутанских тхангках часто изображаются святые традиции кагьюпа, среди которых Миларепа является одним из наиболее почитаемых.

В самом низу находятся Акшобхья в виде бодхисаттвы¹³, дхармапала Ваджрапани и Ади-Будда Ваджрасаттва¹⁴, Ади-Будда традиции школы кагьюпа.

Это единственная тхангка в эрмитажной коллекции Ю.Н. Рериха, относящаяся к типу нагтан.

Обрамление из светло-бежевого китайского шелка XVII в. Справа тканая китайская надпись синего цвета. Низ обрамления шит из шёлка с тканым орнаментом в виде медальонов с драконами. В центре снизу шит синий прямоугольник с ткаными жёлтыми пионами, сверху такой же прямоугольник и завеса из тонкого жёлтого шёлка.

Тхангка представляет собой блестящий образец бутанской живописи, является одним из лучших памятников в коллекции Государственного Эрмитажа и отличается тонкостью письма, большим количеством позолоты, на ней присутствуют элементы пейзажа.

Таким образом, бодхисаттва Авалокитешвара в форме Шадакшари представлен на двух тхангках из коллекции Ю.Н. Рериха, хранящейся в Эрмитаже. Одна является типичным тибетским живописным памятником, а вторая представляет собой блестящий пример бутанской живописи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. также статьи Ю.И. Елихиной о коллекции Ю.Н. Рериха: «Некоторые тхангки из коллекции Ю.Н. Рериха, хранящиеся в Эрмитаже» (*Рерих Ю.Н. Тибетская живопись*. – Самара: Агни, 2000. – С. 121–131. – Ил. XXVI–XXVIII) и «Тхангки из коллекции Ю.Н. Рериха в Эрмитаже: новые исследования» (*Рериховское наследие: Труды конференции*. – Т. II. – СПб. – Вышний Волочёк, 2005. – С. 134–149. – Ил. 1–6).

² *Игнатович А.Н.* Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о цветке лотоса чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы всеобъемлющая мудрость. – М., 1998. – С. 282–288.

³ Аналогии: *Бадмажанов Ц-Б.* Буддийское искусство Бурятии. – Улан-Удэ, 1995. – С. 95; *Chakraverty A.* Sacred Buddhist painting. – New Delhi, 1998. – P. 36, 82; *Art of Thangka: from Hahn's collection*. – Seoul. – Vol. 1. – 1997. – P. 145. – Vol. 3. – 2001. – P. 139. – 2001.

⁴ Будда Амитабха и Будда Акшобхья являются двумя из пяти Дхьяни-Будд, образующими мандалу – космическую модель Вселенной. Каждому из них соответствует свой цвет и направление (четыре стороны света и центр). Так, Амитабха изображается красного цвета, а Акшобхья – синего.

⁵ Каждый бодхисаттва может иметь много различных форм.

⁶ Дхармапала – гневное божество, хранитель и покровитель буддизма. Основных дхармапал в тибетской традиции насчитывается восемь.

⁷ Шестислоговая мантра Авалокитешвары-Шадакшари «ом–мани–падме–хум» является самой популярной в тибетском буддизме. Наиболее распространённый её перевод «Да будет благословенна драгоценность в лотосе». Она практикуется для созерцания бодхисаттвы Авалокитешвары.

⁸ *rGal-lugs-kyi thugs-rje chen-po'i las byang nyi-ma snying-po bzhugs-so*. – Сочинение 1: «Сердечные подношения Авалокитешваре в царской форме». – «Сум-бум» Пятого Далай-ламы. – Ксилограф. – Тибетский фонд СПб. филиала Института востоковедения РАН, шифр В-8597/3, л. 46 – 5а.

⁹ Амитаюс является бодхисаттвой долголетия и здоровья.

¹⁰ Падмасана – поза лотоса, особое положение ног, характерное для медитации.

¹¹ Бхумиспаршамудра – жест касания земли. По традиции его использовал Будда Шакьямуни, когда его искушал демон Мара и он призвал в свидетели землю.

¹² Патра – чаша для сбора подаяний. По буддийским представлениям, монах, как учил Будда Шакьямуни, должен жить только пожертвованием.

¹³ Такое изображение связано с философской концепцией буддизма о трёх телах Будды: теле абсолюта (Дхармакайи), блаженства (Самбхогакайи) и явленном теле (Нирманакайи), т. е. каждый Будда может иметь различные формы.

¹⁴ Ади-Будда – верховный, космический Будда, создающий, эманурующий из себя различные бесконечные миры. В тибетском буддизме, в разных школах, почитаемы три Ади-Будды: Ваджрасаттва, Ваджрадхара и Самантабhadра.

К.В. ГИЛЕВИЧ

(Дом-Музей имени Н.К. Рериха, г. Одесса)

«ЦВЕТЫ МОРИИ» НИКОЛАЯ РЕРИХА И «ГИТАНДЖАЛИ» РАБИНДРАНАТА ТАГОРА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ

Эта небольшая статья имеет своей целью оформить размышления о некоторых фрагментах поэтического творчества великого русского художника, учёного, путешественника, общественного деятеля, писателя и поэта Николая Рериха и великого индийского поэта, писателя, общественного деятеля и художника Рабиндраната Тагора, чтобы показать те общие тенденции, которые характерны для поэзии обоих авторов.

Существует немногочисленный ряд работ, в которых авторы указывают на особую связь поэзии Рериха и Тагора – об этом неоднократно упоминает в своих трудах П.Ф. Беликов (например, в статье «Николай Рерих и Индия») и также В.М. Сидоров в своей статье «Стихи Николая Рериха». Большой интерес представляет статья «Рабиндранат Тагор и Николай Рерих» доктора филологических наук, исследователя и переводчика Рабиндраната Тагора с бенгальского языка А.П. Гнатюка-Данильчука. В этой статье автор приводит ряд ранее неопубликован-

ных писем Тагора и Рериха. Эта статья отражает глубокую духовную связь и большую сердечную дружбу между этими великими творцами. Уве Бетъен в своей монографии «Поэтическая структура и идейное содержание “Цветов Мории” Н.К. Рериха» посвящает отдельную главу сравнительному анализу стихотворений Рериха и песен-молитв Тагора из сборника «Гитанджали». В ней речь идёт не только о биографических фактах, переписке Рериха и Тагора, их высказываниях об искусстве, но также предлагается сравнительный контекстуальный анализ поэтических образов в поэзии обоих авторов.

Поскольку поэтическое творчество Рериха и Тагора имеет не только художественную и эстетическую ценность, но, прежде всего, несёт в себе определённую духовную весть, вызывает особый интерес анализ содержательной стороны поэзии двух авторов в контексте идей теософии и Учения Живой Этики.

Представляя себе наш мир как единое пространство, каждый атом которого проникнут всеначалай или божественной энергией, мы можем прийти к заключению, что нет ничего во Вселенной, что не было бы частью этой энергии – она есть Великое Всё. Следовательно, все мысли и идеи тоже являются её неотъемлемой частью. А значит, ни один земной творец или мыслитель, сколь бы велик он ни был, не может претендовать на «своё» открытие или творение, ибо оно будет только отражением той или иной мысли или идеи, вечно живущей в космическом пространстве.

Мысль о единстве всего сущего, также как и идея об отсутствии понятия собственности, в том числе собственности интеллектуальной, прекрасно отражена в Учении Будды. В «Основах буддизма» Е.И. Рерих пишет: *«Будда постоянно учил, что самостоятельного “Я” нет, что нет и обособленного от него мира. Нет самостоятельных предметов, нет обособленной жизни – всё лишь неразрывные корреляты. Раз нет отдельного “Я”, то мы не можем сказать – моё то или другое, и этим самым уничтожается зачаток понятия собственности».*

Это открывает широкий ряд вопросов и проблем, связанных и с научными открытиями, и с этикой в научном мире, которые как никогда остро встали сейчас перед человечеством. Не вдаваясь во всестороннее обсуждение этих вопросов, можно отметить, что единственной задачей любого учёного или творца должно стать осознание путей и целей развития как его самого, так и человечества в целом. Принятие законов эволюции приведёт к заключению, что самым большим достижением мыслителя, художника или поэта будет отражение божественных идей и образов красоты в своём творчестве. А этого, в свою очередь, оказывается возможным достичь только благодаря духовному самоусовершенствованию человека, очищению, утончению и приведению в гармонию его мыслей и чувств, бесконечному устремлению к красоте. Или, говоря образно, истинное искусство возможно лишь тогда, когда в сердце, очищенном трудом и подвигом, зажжётся огонь творчества, а ум, просветлённый самоотречением и молитвой без ухода от действительности, устремится к божественным сферам. И тогда, в минуты высшего вдохновения, в мир проливаются божественные образы, воплощенные в иконах Андрея Рублёва, музыке Рихарда Вагнера, картинах и стихах Николая Рериха, в песнях-молитвах Рабиндраната Тагора.

С этой точки зрения каждый земной творец будет иметь эволюционную ценность в зависимости от того, насколько смог очистить свои мысли и чувства, поднять все свои вибрации до «огненного» состояния, чтобы без искажений запечатлеть в своём уме и сердце образы Мира Горнего и передать их в своём творчестве. Сказано: *«Постоянность подобна лестнице огненной»*, поэтому это качество будет также одним из определяющих в оценке творчества того или иного мастера – предстоял ли он всегда перед миром мужественным в своём служении (жил ли он постоянно в любви-бхакти), или же это были минуты высшего вдохновения, когда душа творца соприкасалась с божественными сферами в моменты молитвенного экстаза и потом запечатлевала их в своём творчестве.

Подходя именно с такой точки зрения к творчеству Рериха и Тагора, можно с уверенностью сказать, что оба творца внесли огромный и неоценимый вклад в сокровищницу достижений человеческого духа.

Изучая многотомное литературное наследие Н.К. Рериха, его супруги Е.И. Рерих, их сыновей Ю.Н. Рериха и С.Н. Рериха, а также их обширную переписку с учёными, художниками, деятелями культуры и искусства, многочисленными учениками, можно с уверенностью утверждать, что вся жизнь и творчество Н.К. Рериха являют миру чистое проявление его духа, постоянное предстояние перед Высшим и отражение в своём творчестве образов и мыслей Мира Горнего. И в этом принципиальная особенность творчества Н.К. Рериха от творчества других художников, писателей или поэтов. Подтверждение этому можно неоднократно встретить в записях бесед Е.И. Рерих с Великим Учителем, которые легли в основу книг Учения Живой Этики. Имя Учителя раскрывается в названии поэтического сборника Н.К. Рериха «Цветы Мории», книги, которая занимает особое место среди его духовного наследия, являясь, по сути, предтечей и введением в Учение Живой Этики.

Стихи, вошедшие в сборник «Цветы Мории», были написаны между 1909 и 1921 гг. В жизни семьи Рерихов это был период не только большой творческой работы, но и время бесконечных духовных поисков и взаимодействий, которые привели к встрече в 1921 г. в Лондоне с Великим Учителем. Здесь стоит отметить, что вряд ли случайно выбор пал на Лондон, так как именно там 12 августа 1851 г. произошла встреча Учителя Мориа с другой нашей великой соотечественницей Е.П. Блаватской, впоследствии основательницей Теософского общества, и именно в Лондоне в Британском музее по сей день находятся письма Махатмы Мориа с его факсимиле своим ученикам – подлинные свидетельства истории тех лет.

Принимая во внимание факт сотрудничества Н.К. Рериха и Е.И. Рерих с Великими Учителями, можно предположить, что сборник «Цветы Мории», являясь частью из Высокого Источника, в символической форме отражает этапы пути духовного восхождения – мистерию, которая проигрывалась на земном пути семьи Рерихов. Следовательно, содержание стихов выявляет то сокровенное действие, которое происходит не на физическом плане, но на плане души человека. Отсюда – высокая степень иносказательности, присущая этим стихам.

В сборнике нашли отражение не только внутренние духовные искания и стремления Н.К. Рериха, но в стихах впервые возникает образ Учителя, в аллегоричной форме описаны опыт общения, моменты внутренних встреч и взаимодействий. Как один из примеров можно привести следующее стихотворение.

УВОДЯЩИЙ
Приходящий в ночной тишине,
говорят, что Ты невидим,
но это неправда.
Я знаю сотни людей,
И каждый видел Тебя
хотя бы один раз.
Несколько бедных и глухих
не успели твой лик разглядеть,
изменчивый многообразно.
Ты не хочешь нас испугать
и приходишь в тишине и молчанье.
Глаза Твои могут сверкать,
голос может греметь.
И рука может быть тяжела
даже для черного камня.
Но Ты не сверкаешь,
Ты не гремишь
и не дашь сокрушенья. Знаешь,
что разрушенье ничтожней покоя.
Ты знаешь, что тишина
громче грома. Ты знаешь,
в тишине приходящий и
уводящий.

Надо отметить, что аллегория и символизм скрыты не только в отдельных образах, но прослеживаются на уровне и целых стихотворений, и всего сборника. Недаром многие авторы замечали особую композицию сборника «Цветы Мории». В.М. Сидоров в своей статье замечает, что «уже сама композиция книги как бы символизирует восходящее по ступеням движение и развитие человеческого духа, призванного к творчеству». С.А. Малыш, «взглянув на стихи Рериха глазами музыканта», не только высказывает точку зрения, что «общее композиционное строение всего произведения повторяет классическую музыкальную структуру сонатно-симфонического цикла», но и блестяще доказывает это, подтверждая идею о синтетическом характере поэзии Н.К. Рериха.

Мы же, с другой стороны, можем предположить, что понимание идеи композиции сборника даст ключ к пониманию этапов внутренней духовной жизни семьи Рерихов в период написания стихотворений. Учитывая то, как внимательно относи-

лись все члены семьи к датам, видится необходимым в будущем подробно изучить и сопоставить годы написания картин и стихотворений, а также соотнести их с датами в переписке и дневниковых записях Н.К. Рериха и Е.И. Рерих.

Сравнивая «Цветы Мории» с поэтическим творчеством Тагора, мы, несомненно, обратимся к сборнику стихов «Гитанджали». Помимо отмечаемого многими авторами сходства на уровне формальных и эстетических характеристик, интересным представляется проникнуть в глубину их внутреннего содержания и попытаться выявить то, что же связывает их с этой точки зрения.

Но для начала необходимо отметить, что духовный опыт Тагора, истоки которого ведут в детство великого писателя, будет, несомненно, играть главенствующую роль в его творчестве. Отец Тагора, Махариши Дебендранат Тагор, был одним из основателей и руководителей известного индийского общества «Брахмо Самадж», автором известной книги «Брахмо Дхарма», которая стала своего рода библией для членов общества. Рабиндранат с детства находился под большим влиянием отца, что естественно привело его в «Брахмо Самадж»: поэтический гений Р. Тагора, умноженный на богатый духовный опыт, способствовали созданию множества песен-гимнов, которые он сам неоднократно исполнял на службах в обществе. Вероятно, поэтому для Рабиндраната Тагора никогда не стоял вопрос о поиске духовного водителя – высокий пример отца всегда был перед его глазами. Но, несмотря на большое влияние на Тагора отца, идей «Брахмо Самадж», других философских и религиозных традиций, сам поэт не являлся последователем какой бы то ни было из них, наоборот, по мнению многих востоковедов и исследователей творчества Тагора, он был создателем своей собственной традиции, духовным центром которой стал Университет в Шантиникетоне. Но здесь неизбежно возникает вопрос об Источнике вдохновения для такой серьёзной задачи. Исходя из свидетельств и высказываний самого Тагора, возможно с большой долей уверенности предположить, что таким Источником для него будет незримый идеал, названный самим поэтом *Джибон дебото* – *Божество жизни*.

Божество жизни незримо пронизывает всю религиозную лирику поэта, и в этом творчество Тагора находит свои очевидные параллели с поэзией Рериха. В различных стихотворных сборниках, вышедших первоначально на родном языке Тагора, бенгали, а затем в авторских английских версиях, Тагор прорывает завесу в Мир Горний – его дух парит, запечатлевая в сердце поэта вечные образы красоты. Н.К. Рерих писал о «Гитанджали» в переводе Ю.К. Балтрушайтиса следующее: *«Как радуга засияла от сердечных напевов, которые улеглись в русском образном стихе Балтрушайтиса <...>. “Гитанджали” явилось целым откровением <...>. Таинственно качество убедительности. Несказуема основа красоты, и каждое незагрязнённое человеческое сердце трепещет и ликует от искры прекрасного света <...>. Все поверили и верят, что Тагор принадлежит не к земному миру условных фактов, но к миру великой правды и красоты...»*.

Таким образом, читатель «Гитанджали» становится свидетелем и участником уже другой мистерии – перед нашими глазами встаёт внутренняя духовная жизнь самого Тагора, его внутреннее общение с тем высшим идеалом, который поэт в сти-

хах называет Богом, Учителем, Мастером, Царём, Поэтом-Наставником или Возлюбленным.

*Это он, сокровеннейший, побуждает моё существо
своими глубокими затаёнными прикосновениями.
Это он очаровывает глаза и радостно играет на струнах
моего сердца, чередуя сладость с горечью.
Это он влетает в ткань майи мимолётные оттенки
серебра и золота, лазури и зелени, и в их складках
видны его ноги, и я забываюсь, касаясь их.
Проходят дни и проходят века, и всегда, во многих
именах, во многих видах, во многих порывах радости и
горести, он властвует над моим сердцем.*

Тагор называет свои стихи – «жертвенные песнопения», что отвечает и внутреннему настрою, и многоплановости этих песен-молитв. С одной стороны, сами песни являют собой дары-жертвы, принесённые поэтом на алтарь своего высшего Я, с другой стороны, они олицетворяют жизнь поэта как непрестанную духовную жертву; само понятие «песнопение» отражает происхождение этих песен-молитв, которые в оригинале на бенгали предполагают исполнение в музыкальном сопровождении. Сохранились также воспоминания современников Тагора, которые описывают, как поэт сам исполнял свои песни удивительным и неповторимым голосом.

Касаясь композиции, можно отметить, что хотя «Гитанджали» и не являют собой такого внутреннего композиционного единства, как «Цветы Мории» Рериха, поскольку первые являются сборником стихотворений, написанных в разное время, тем не менее, в них заложен единый внутренний стрезень: все стихотворения символически отражают моменты взаимодействия Тагора с его Идеалом, его *Джибон дебото*. Таким образом, мы снова приходим к выводу, что события в «жертвенных песнопениях» происходят на плане души поэта, повествуя иносказательно о вехах на его пути восхождения – что неизбежно наводит на мысль о связи «Гитанджали» со сборником «Цветы Мории».

В заключение хотелось бы отметить, что даже общий сравнительный анализ некоторых аспектов содержания сборников «Цветы Мории» и «Гитанджали» в предложенном контексте даёт достаточно оснований утверждать следующее:

1. Оба сборника выявляют огромную эволюционную значимость, когда духовный опыт авторов, их внутренняя культура и глубокое проникновение в основы бытия позволяют запечатлеть и выразить в поэтической форме образы и понятия Мира Надземного;

2. Особое содержание сборников, присущий им символический и иносказательный характер, находят множественные параллели в стихах обоих авторов – это и сходство тематических мотивов, персонажей и образов; очевидная взаимосвязь в по-особому представленной системе «пространство и время» и т. д.

Также хотелось бы особо подчеркнуть, что предлагаемый нами подход к оценке творчества в контексте идей теософии и Учения Живой Этики позволяет найти и

раскрыть в произведениях глубинную первооснову (ср.: санскр. *дхвани*), которая явится пробным камнем в оценке того или иного произведения искусства в целом и его места в мировой культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное издание книг Учения Живой Этики, или Агни Йоги. – Самара: Рериховский Центр духовной культуры, 1992.
2. *Беликов П.Ф.* Николай Рерих и Индия // *Страны и народы Востока*. – Вып. XIV. – М., 1974.
3. *Блаватская Е.П.* Тайная Доктрина. – М., 1992.
4. *Гнатюк-Данильчук А.П.* Рабиндранат Тагор и Николай Рерих // *Утренняя звезда*. – М.: МЦР, 1997. – № 2–3.
5. *Крипалани К.* Рабиндранат Тагор. – М., 1983.
6. *Мальши С.А.* Наедине с музыкой. – Одесса, 2003.
7. *Письма Махатм (1880–1884)* / Пер. с англ. – Самара: ТГРО, 1993.
8. *Рерих Е.И.* Письма. – Т. I. – М.: МЦР, 1999.
9. *Рерих Н.К.* Цветы Мории. – М., 1988.
10. *Рерих Н.К.* Из литературного наследия / Под ред. М.Т. Кузьминой. – М., 1974.
11. *Рокотова Н. [Рерих Е.И.]* Основы буддизма. – Таллинн, 1990.
12. *Сидоров В.М.* Стихи Николая Рериха // *Рерих Н.К.* Цветы Мории. – М., 1988.
13. *Тагор Р.* Гитанджали. – Самара, 1993.
14. *Brahmo Darma*. – Calcutta, 1992
15. *Tagore R.* Gitanjali. – New-Delhi, 1974.
16. *The English writings of Rabindranath Tagore*. – Vol. I: Poems. – Delhi, 1994.
17. *Betjen Uwe.* Poetische Structur und Ideengehalt in N.K. Rerichs «Cvety Morii». – Wiesbaden, 1995.

Ю.Ю. БУДНИКОВА

(Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург)

О ПОЭЗИИ С.С. МИТУСОВА

(По материалам Мемориального собрания С.С. Митусова в Санкт-Петербурге. К 125-летию со дня рождения)

Имя Степана Степановича Митусова (1878–1942) в последние годы всё чаще звучит в контексте разговора о культуре Серебряного века. О нём пишут, прежде всего, как о музыканте, друге И.Ф. Стравинского, музыкальном педагоге, многолетнем сотруднике Н.К. Рериха в Школе ИОПХ на посту инспектора и секретаря. Двоюродный брат Е.И. Рерих, он до конца жизни сохранял подлинное духовное родство с семьёй Рерихов. Его имя много раз упоминается в письмах и дневниках Елены Ивановны, в частности, там есть такая запись-воспоминание о юных годах: «Окружавшая девочку так называемая “золотая молодёжь”, за редкими исключениями, ничего не могла дать ей. Единственным огоньком тогда явился двоюродный брат Стёпа Митусов, спутник её детства. Он приносил некоторые неплохие книги модных поэтов и мыслителей и знакомил с новыми веяниями в искусстве, главным образом в музыке»¹.

Стихи С.С. Митусова не основной труд, а изящная виньетка в книге его жизни, «воображение игры», говоря его же словами. И всё же... Мы делаем их предметом

самостоятельного исследования, и поводом к тому служат два обстоятельства: они обладают оригинальным стилем, т. е. *особенны*, что есть неперемнное условие подлинного искусства вне зависимости от его объёма, и, во-вторых, поэзия по своей сути есть отношение лирического субъекта к вещам, своего рода экспозиция жизненных ценностей, а потому внимания заслуживает каждая строчка, написанная рукой человека, жизненный подвиг которого хочется по достоинству оценить в год его 125-летия.

Не размах литературного дарования, а неподдельная человечность покоряет в его ироничных, романтических, философичных стихотворениях. Тепло его личности, его ум и драма его жизни в драгоценных, точно вымеренных дозах проступают сквозь мастерски срифмованные строки дошедших до нас поэтических опытов, разбросанных по листкам и десятилетиям. Жизнь его отдана была служению искусству, но как мало, в сущности, мы знаем о ней, как старательно он всегда отходил в тень. Оттого каждое «чистосердечное признание» нам важно, и чем сдержаннее оно, тем достовернее. И всё-таки, разумеется, не документальность, а артистизм пленяет нас в весёлых и совсем не весёлых сочинениях этой бесконечно творческой природы, одарённой в высочайшем виде искусства – в искусстве жить искусством. Попробуем же сказать о Степане Степановиче Митусове то, о чём умалчивал он по природной своей скромности, попробуем прочесть «между строк» немного более того, что сохранили о нём воспоминания его современников, и сумеем уловить скользкую в точно подобранных словах живую обаятельную улыбку.

Если мы займёмся традиционным делением поэтического наследия на периоды, то в отношении митусовских стихов сделать это будет несложно – граница напрашивается сама собой: до и после революции. Основное же отличие заключается в частичном изменении стилистики и в смене тона, который становится более грустным (даже в шуточных стихотворениях: нет более того веселья без оглядки), срываясь однажды на безысходность, зато приходит мудрость, дающаяся победой духа над горестями. А на рубеже исторических эпох появляется многозначительный и необычный цикл «Петрушина Гора», в стихах которого впервые и единожды зазвучал подлинный пафос, не характерный в общем для Митусова в силу камерности, а часто просто «домашности» его поэзии. С помощью поэтического языка – высшей формы языка – Митусов определяет основные ценности человеческой (прежде всего своей, конечно) жизни посреди колеблющихся устоев мира. По концентрированности мысли и содержательности образов, по пути, проделанному в рамках одного небольшого стихотворного произведения – от настроения момента до осмысления бытийной роли духовной культуры – это наибольшее достижение митусовской поэзии. То, что эти стихи стоят особняком среди прочих, обусловлено, конечно же, временем их создания. Ф. Степун в статье «Трагедия и современность», написанной в 1922 г., замечает: «Эпохи великих исторических катастроф – эпохи возвращения жизни к себе на родину, на свои метафизические вершины... Они принуждают к последней ставке, требуют рассекающего выбора и безотлагательного решения... Чем жили все эти последние годы те, что сейчас действительно живы, а не прикидываются живыми? Своим самым последним, самым заветным. Той подлинной сердце-

виной своих мыслей и чувств, утверждаясь в которых человек неизбежно подымает свою жизнь на её вершины»².

На вершины, действительно, взобраться было необходимо, потому что все последующие годы вплоть до мученической кончины в блокадном Ленинграде были испытанием на прочность, прежде всего духовную. Только надышавшийся горним воздухом мог без потери памяти и искажений сознания, как у большинства обывателей, пережить тот спуск в адские бездны, в которые вверглась наша страна. И какова же была реакция Митусова на то, что свершалось? Злоба, страх?.. – Насмешка, это чутьё гениальной души. В.В. Набоков писал, что насмешливый огонёк в писательских глазах карает преступника и тирана вернее, чем револьвер заговорщика. Ироничное отношение лишает ничтожность дутой значительности, разоблачая её лучше политических прокламаций. (Дочь Степана Степановича, Людмила Степановна Митусова*, вспоминала, что отец никогда при детях открыто не критиковал власть, Сталина, боясь навредить им этим, но по тому тону, каким он звал их к радиоприемнику: «Идите слушать, Папа говорит!» – они чувствовали всё.)

Насмешливость, шутливость, но, главное, самоирония – спутники митусовской лиры во все времена. Всё познается в сравнении, а потому вспомним, что в русской поэзии (оставляя в стороне поэзию сатирическую) эта нота едва ли не чаще всего звучала у Владимира Соловьёва, мыслителя и духовидца. Кажущийся парадокс объясняется тем, что то были маска и щит, скрывавшие особую тонкость и глубину натуры. Шутливый тон позволяет к тому же избегать смешных крайностей в выражении чувств, спасает от заумности и самолюбленности, одним из проявлений которой является жалость к самому себе. Че-

Степан Степанович Митусов в гостях у Римских-Корсаковых в их петербургской квартире на Загородном проспекте, дом 28. 1906–1910. Оригинал в собрании МИСР.

* Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность Л.С. Митусовой за возможность познакомиться с творческим наследием её отца.

тыре десятилетия спустя тотальная ирония, доводящая до ощущения абсурдности своего объекта, становится литературным направлением и оружием в борьбе со штампами, в ловушку которых постоянно рискует попасть наше сознание и в которые порой превращается сама наша жизнь. Речь идёт об обэриутах, и вот «совпадение» (под которыми часто таится высшая закономерность): Степан Митусов и Даниил Хармс были друзьями*.

Степан Степанович с двух лет воспитывался в доме своего отчима, князя Павла Арсеньевича Путятина (1837–1919), выдающегося учёного-антрополога, создателя домашнего музея в своей усадьбе в Бологом, большого поклонника литературы и искусства. Князь оставил после себя множество стихотворений, которые являются, по сути, лирической исповедью тонко чувствующей души или размышлениями о человеческой природе, о современном обществе, а иногда и довольно едкими шутками. Не вызывает сомнений, что традиция передавать чувства и мысли, часто иронические, в поэтической форме – семейная. Самые ранние поэтические опыты Митусова, наверное, относятся к периоду музыкальных сред в доме Римских-Корсаковых (1895–1907 гг.). Любопытные замечания о стиле тогдашних шуточных опусов сделал Владимир Николаевич Римский-Корсаков в дневниковой записи от 15 декабря 1942 г.: «Это очень забавно, хлётко и метко, а по внешности приближается к нашим семейным и приятельским шуткам, процветавшим у нас в доме, когда я был студентом и постоянно общался со Степаном Митусовым, И. Стравинским и другими друзьями. Там более или менее коллективно были сочинены такие звуко-подражания как:

*Не сти с занозой
В спине, Спиноза.*

*Вот она
Дочь Вотана.*

Это уже совсем в роде Маяковского. Потом были многосложные рифмы, переданные Степой:

*Сей боб натри иначе ты, Ревекка,
Хватило чтоб на три и на четыре века.*

И другие. Думаю, что С. Митусову Маяковский должен был нравиться, т. к. ко всему талантливому С. С. был очень чуток»³.

Время работы в Рисовальной школе ИОПХ (1908–1916 гг.) – «поэтический диалог» с художником Иваном Яковлевичем Билибиным. Это – упражнения в остроумии, бурлеск, добрая шутка тех, у кого «рассудок юн и не прочь поиграть» (слова

* Л.С. Митусова вспоминает, что Даниил Хармс был частым гостем в их доме в конце 1920-х гг. Скорее всего, поэт познакомился с Митусовым в Кружке друзей камерной музыки, где Степан Степанович со своими учениками давал концерты, а Хармс выступал на поэтическом вечере (как минимум одном, о котором сохранилась дневниковая запись от 9 января 1927 г.; возможно, были и другие). Возможно также, что знакомство состоялось через Рене Рудольфовну О’Коннель, близкого друга семьи Митусовых, знавшую Хармса.

А. Франса). К этой игре, а также к игре Степана Степановича с детьми (именно так начиналась «Петрушина Гора») следует отнестись очень внимательно, так как это не просто времяпрепровождение, а образ жизни и мыслей. Игра есть элемент культуры и как таковая противопоставляется демагогии – фальшивой серьёзности, фальсифицированным ценностям⁴.

Ироничность тона в митусовской поэзии возрастает соразмерно трагичности обстоятельств. При помощи смеха ум борется с унынием, а в поздних стихах – с отвратительным ликом действительности, с сумерками бытия, в которых ему приходится существовать.

Но существовала и другая сторона поэтического таланта С.С. Митусова – лирическая; чувство юмора – не единственное достоинство его музыки. К середине второго десятилетия XX в. относятся два стихотворения этого жанра – «Октавы» и «Ты соткана из вдохновения...». Первое, можно предположить, было написано в рождественские дни и открывает нам неожиданные глубины внутренней жизни автора – это своего рода подготовка к интенсивной духовной работе последующих десятилетий. Второе – в стиле посвящений «В альбом красавице» – выражение искренней симпатии к прекрасной женщине, Рене Рудольфовне О'Коннель, большому другу Степана Степановича, бывшей тогда женой И.Я. Билибина.

Есть ещё одна область, где Митусов дал себе волю в выражении нюансов настроений и чувств. Это так называемая переводная лирика и стилизация. Первая подразумевает переводы с французского и немецкого («Два стихотворения Поля Верлена» для романсов на музыку И.Ф. Стравинского и тексты романсов Ф.П. Шуберта⁵), а вторая – либретто к опере «Соловей» И.Ф. Стравинского, написанное в духе японской и китайской лирики. Здесь перед нами вдумчивый, изящный художник, знаток «жизни души», и жаль, что это знание и этот опыт воплотились в очень немногочисленных оригинальных произведениях.

Лирика Митусова обнаруживает также философский склад ума автора. Это выражается не в абстрактных рассуждениях (что характерно для плохой литературы), а в созерцательном отношении к жизни или, во всяком случае, в способности отстранённого взгляда на вещи.

В тревожное для России время писались притча и пьеса (от которой сохранились стихотворные отрывки) из уже упоминавшегося нами цикла «Петрушина Гора» (включавшего также рисунки), и чем больше сгущалась тьма, тем притягательнее становилось для автора царство добра и гармонии, тем вернее искал он опоры в духовной реальности.

*Когда мой дух усталый стонет
Под небом мрачным Петрограда,
Когда в туманах зимних тонет
Моя любовь, моя отрада,
Когда один в толпе враждебной
Брожу я с раннего утра,*

*Надеждой озарит целебной
Меня Петрушина Гора.*

<...>

*Что в том, что денег нет в кармане,
Что в том, что в сапоге дыра? –
Лишь виден был бы, хоть в тумане,
Твой Свет, Петрушина Гора!*

<...>

*Мужайтесь, други, близок час:
Придёт весенняя пора!
Ведь в сердце каждого из нас
Живёт Петрушина Гора!*

<...>

*Друзья, не вешайте голов
Под звуки песен ноября.
Минует время мрачных снов,
Взойдет желанная заря!*

Не случаен в пьесе излюбленный Пушкиным четырёхстопный ямб. «Придёт весенняя пора», «Взойдет желанная заря!» – парафраз строки знаменитого пушкинского стихотворения. Да и сам зимний Петроград, из которого мы вдруг так неожиданно переносимся на Петрушину Гору, сродни *городу пышному, городу бедному*, в котором «скука, холод и гранит». «Брожу я с раннего утра» относит нас к «Брожу ли я вдоль улиц шумных». Всё пропитано Пушкиным. Это присяга на верность пушкинскому духу; музам и разуму. Присяга на все времена, верность которой Степан Степанович доказал своей жизнью, пройдя сквозь мрак нищеты, опасностей, гонений и не изменив себе до последнего дня*. Вызываемое в сознании митусовскими строками стихотворение Пушкина удивительно легко накладывается на исторический контекст большевистского режима, при котором Россия постепенно становилась одной большой каторгой и одним большим интеллектуальным подпольем. Это всё то же противостояние свободы и насилия, духа и мертвящей косности:

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.*

* О том, какую важную роль в жизни Митусова играл Пушкин, говорит, между прочим, и тот факт, что своих дочерей Людмилу и Татьяну Степан Степанович назвал именно в честь пушкинских героинь.

*Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придёт желанная пора...*

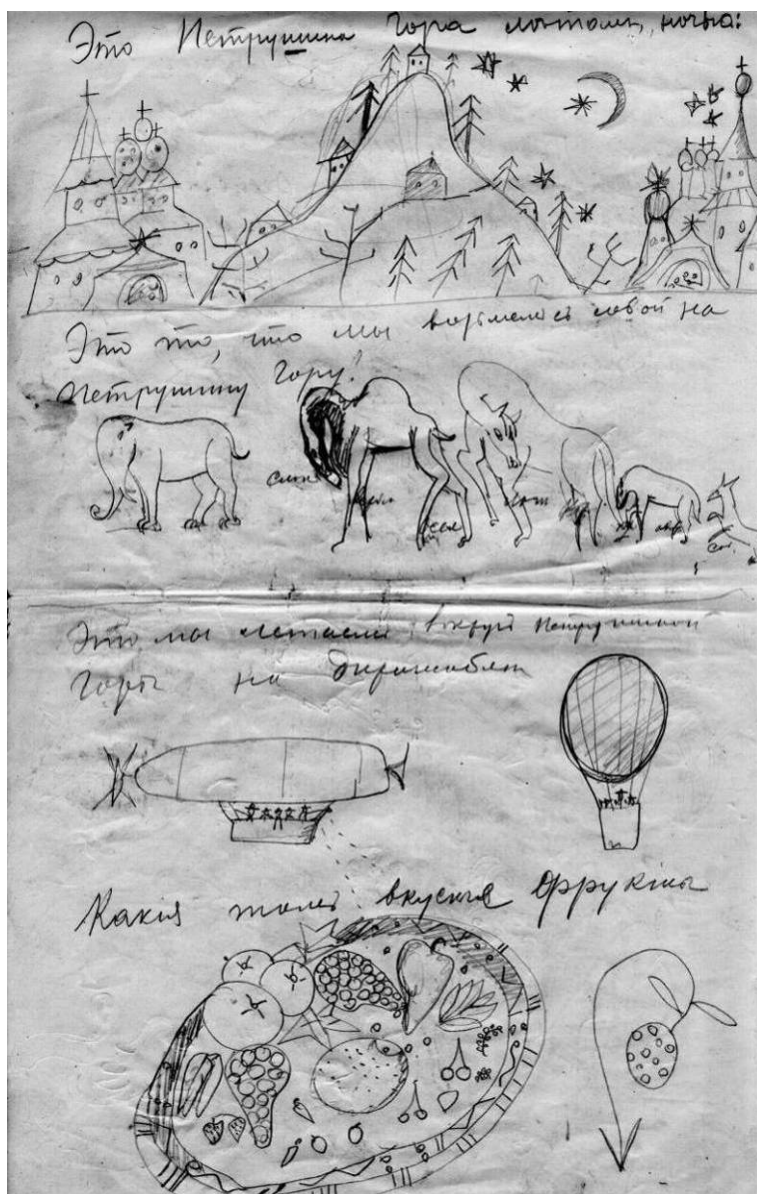
Надеждой живёт Митусов среди *мрачных снов*, чая весеннего солнца, пред которым *скроется тьма*. И как тут не вспомнить ещё одно *дитя добра и света*, выразителя той эпохи и среды, к которой принадлежал и Митусов, Александра Блока:

*Пушкин, тайную свободу
Пели мы вослед тебе,
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе.*

Приходят на ум воспоминания Нины Берберовой о том времени: «В феврале 1921 года в Петербургском Доме литераторов был устроен один из последних свободных литературных вечеров. Он был посвящён Пушкину. Это был тот именно вечер, на котором выступил Александр Блок со своей знаменитой (и столь пророческой) речью о поэзии и черни, той черни, которая собирается задушить поэзию. В этот же вечер выступавший Ходасевич пошёл ещё дальше в своих словах: он сказал, что наступит время, когда “в надвинувшемся мраке нам предстоит аукаться: – за неимением возможности свободно выражать свои мысли, а потому необходимо предварительно условиться, каким словом давать о себе знать, что избрать “паролем” для поэтов, которых вот-вот приведут к молчанию. Условимся аукаться именем Пушкина, – сказал тогда Ходасевич, – чтобы найти друг друга в той страшной пустыне, в которой мы скоро окажемся”»⁶. Митусовым этот выбор уже был сделан, он уже говорил этим «условным языком» и, не колеблясь в своих симпатиях – как многие деятели русской культуры – неизменно был в стане *бессмертного солнца ума*.

Степан Степанович вообще по сути своей был очень солнечным, гармоничным, «ренессансным» человеком. Его сознание в каких-то удивительно верных пропорциях сочетает «области заочны» с ясной трезвостью. Ему никогда не изменял тот драгоценный здравый смысл, который Лидия Гинзбург хорошо определила как «верное чутьё на масштабы и иерархию вещей»⁷. Очень пушкинским является у него отношение к достижениям мировой культуры как к универсальному дому, где живёт творческий дух. Бердяев говорил, что в Пушкине «было что-то ренессансное, и в этом на него не походит вся великая русская литература XIX в., совсем не ренессансная по духу. Элемент ренессансный у нас только и был в эпоху Александра I и в начале XX в.»⁸. Круг смыкается. И, наверное, не случайно, что с одним из наиболее «античных»^{*} по образному строю поэтов Серебряного века, Осипом Мандельштамом, десятилетие спустя у Митусова совпадёт эволюция поэтического сознания и художественного выражения.

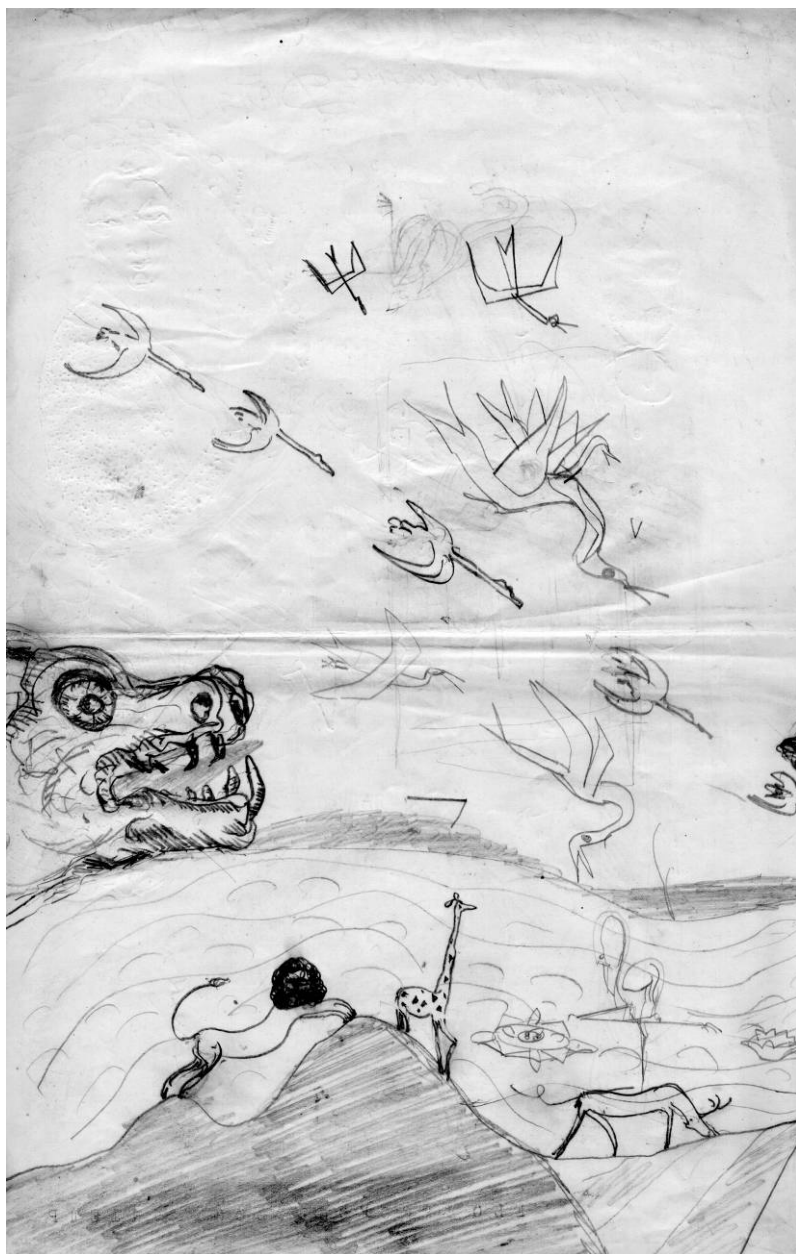
^{*} А ведь Ренессанс и есть Возрождение античности.

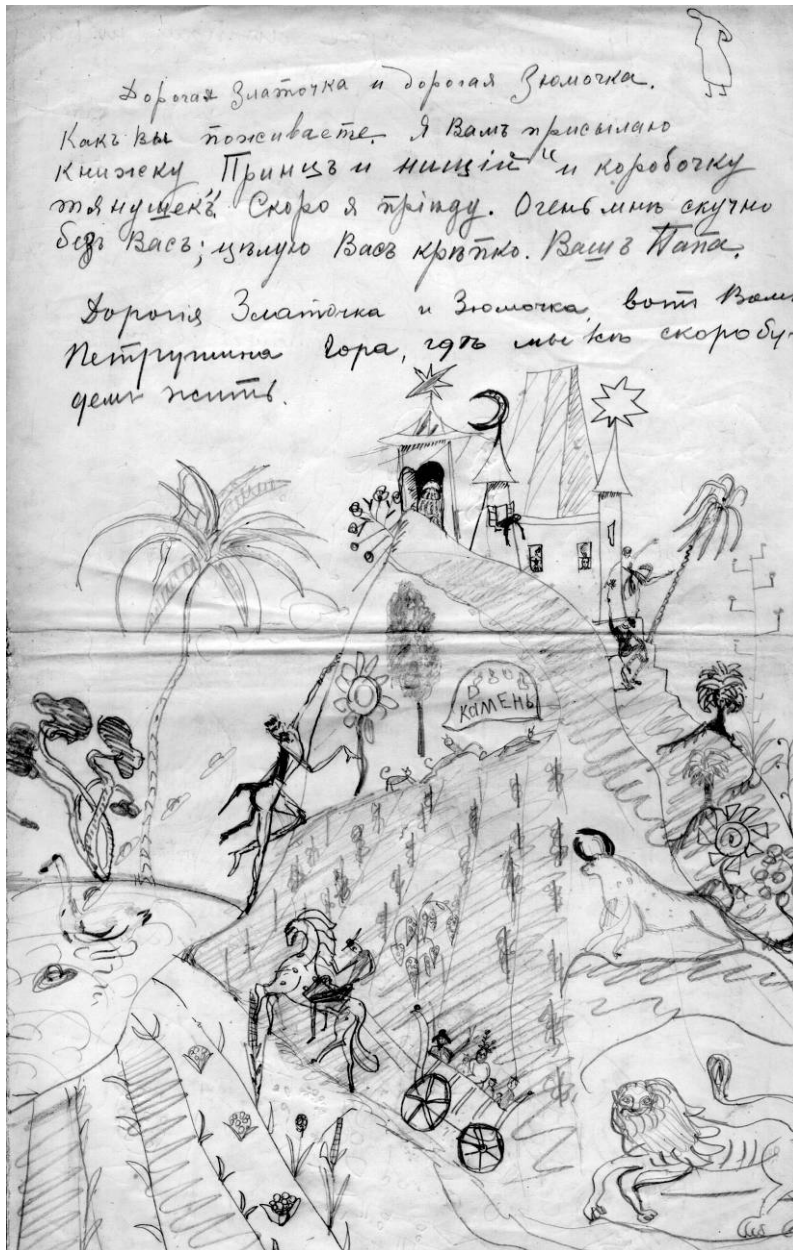
С.С. Митусов. Рисунки к «Петрушиной Горе» для дочерей Златы и Людмилы. Это Петрушина Гора летом, ночью. Это то, что мы возьмём с собой на Петрушину Гору. Это мы летаем вокруг Петрушиной Горы на дирижабле. Какие там вкусные фрукты. 1916–1917. Бумага, карандаш. 35,5×22,0. Собрание МИСР.

С.С. Митусов. Рисунки к «Петрушиной Горе» для дочерей Златы и Людмилы.
Шаржи: Дядя Коля (Н.Ф. Потоцкий), Папа (С.С. Митусов), И.Ф. Стравинский, Пупа
(А.В. Щекатихина-Потоцкая). 1916–1917. Бумага, карандаш. 35,5×22,0. Собрание МИСР.

С.С. Митусов. Рисунки к «Петрушиной Горе» для дочерей Златы и Людмилы. Петрушина Гора, где мы все скоро будем жить. (Левая половина). 1916–1917. Бумага, карандаш. Разворот 35,5×44,0. Собрание МИСР.

С.С. Митусов. Рисунки к «Петрушиной Горе» для дочерей Златы и Людмилы. Петрушина Гора, где мы все скоро будем жить. (Правая половина). 1916–1917. Бумага, карандаш. Разворот 35,5×44,0. Собрание МИСР.

* * *

Мы говорили, что поздние стихи Митусова характеризуются изменением стиля. Это, в сущности, свидетельствует об изменившемся мироощущении. Тут требуется отступление в область литературной теории. В книге «О лирике» знаток русской поэзии, литературовед Лидия Гинзбург пишет: «В 30-е годы проблема лирической личности, проблема выражения авторского сознания в современной лирике была актуальной и важной для будущего её развития»⁹. Поэтические традиции размывались, происходила деканонизация в лирике, связанная с освоением новых для последней областей человеческого опыта. Какой же новый лирический герой рождается в результате? Гинзбург пишет об О.Э. Мандельштаме, может быть, самом гениальном из живших тогда в России поэтов, логика жизни которого совпадала с логикой и законами искусства: «Позиция зрелого Мандельштама в этом смысле самая антиромантическая, ибо, несмотря на его концепцию творчества как величайшей жизненной ценности и силы, ему совершенно чуждо “понимание жизни как жизни поэта”. Человек, о котором говорит Мандельштам, – это человек, живущий по общим для всех законам»¹⁰. Отсюда – изменение художественных приёмов: полное или почти полное отсутствие метафоричности, когда слова означают лишь конкретные предметы, не порождающие ассоциаций (керосин, примус, трамвай), отказ от традиционно поэтических слов, подчёркнутый бытовизм, употребление «эпохальных» слов типа «Москвошвей». Подобные пути ищут также Пастернак и Заболоцкий. Самые талантливые поэты интуитивно чувствуют, что в этом новом поэтическом сознании – художественная правда, так же, как и простая человеческая солидарность и ощущение общей судьбы. А теперь внимательно посмотрим на стихотворения Митусова «И тридцать пятый, и Торгсин...» и «Элегия». Те же особенности поэтической речи, даже тот же керосин – символ и основание тогдашнего быта. И эпоха Торгсина как аналог «эпохи Москвошвей»*. Согласимся, нужен большой дар, чтобы непрофессиональному поэту так быстро уловить сдвиг в художественном восприятии действительности, новые плодотворные тенденции и тут же их органически усвоить. (Это при том, что упоминаемые поэты и их произведения были тогда труднодоступны, так что новую эстетику Митусов отчасти создавал для себя сам, беря, так сказать, то, что носилось в воздухе). Но недаром хорошо знавшие Степана Степановича отмечали, что он был очень чуток ко всему новому и жизненному в искусстве. «Элегия» – большая поэтическая удача. Воспользуемся ещё раз формулировкой Л.Я. Гинзбург, заметившей, что «если лирика создаёт характер, то не столько “частный”, единичный, сколько эпохальный, исторический; тот типовой образ современника, который вырабатывают большие движения культуры»¹¹. Разве не типовой образ современника лирический герой «Элегии»? Чего стоит одно желание *утопить сознание!* В чём мы его только не топим последние 80 лет! Перед нами, безусловно, настоящая поэзия.

* Помним, как у Мандельштама: «Я человек эпохи Москвошвей, / Смотрите, как на мне топорщится пиджак...».

«Снова, как прежде, один»,
 А на дворе уж весна.
 Пучки моих зимних седин
 Грустно торчат из окна.
 Грустно гляжу я на дворик:
 С метлой в белом фартуке дворник.

Жиреют на кустиках почки.
 Прёт с лестницей водопроводчик.
 Хозяйка в халатике синем
 Бутылку несёт с керосином.
 Я же, как прежде, один.
 На что мне теперь керосин?

Нырнуть бы в небытие,
 Утопить чтоб сознание.
 Целую тебя горячо.
 А за сим – до свидания.

И конечно, поверх всех поэтических находок, изумляет человеческое мужество писавшего открытым текстом в 35-м году: «Сердца и женщин и мужчин / От скорби кровию облились». Наверное, хватит пальцев одной руки, чтобы перечислить всех тех, кто в те годы называл своими именами происходящее (пусть в стол, но *написанное пером*, как известно, *не вырубишь топором*, да и материальной уликой этой оставалось в любом случае) посреди охватившего страну нравственного паралича. Осознание пришло гораздо позже, когда об этом стало можно говорить и заговорили все, а тогда, как верно отметила этот феномен изменения сознания Л.К. Чуковская, творящийся ад стал восприниматься нормой, «исторической необходимостью», «новым социальным опытом». Конечно, Степан Степанович понимал, что опасно передавать свои чувства бумаге, но он был настолько свободен внутренне, что страх не парализовывал его руку, он позволял себе роскошь делать то, что говорит ему сердце и разум – *«увольте, я ещё поэт»*, как выразился другой истинный творец, тоже никогда не издавший на своей лире ни одного звука в угоду обстоятельствам или конъюнктуре, а не своему гению*.

Одно из последних стихотворений С.С. Митусова, содержащееся в письме к дочери Татьяне, неожиданно возвращает нас к мироощущению «Петрушиной Горы». За бредом эмпирической действительности, несмотря ни на что, брезжит тайна и стройность. Чем гуще мгла, тем ярче звёзды.

«Пишу тебе Poësie – мой сон. (5-тистопный анапест).

* Речь идёт о В.В. Набокове. – *Примеч. ред.*

*Вот в саду на зелёной скамеечке в позе мечтательной
В острой шапочке маг и волшебник сидел замечательный.
Начертил на песке пред скамеечкой маг заклинание,
И сияет пред ним никому не доступное знание.
Тишина. Летний зной. Аромат от цветов сногшибательный.
Так сидит маг в саду на скамеечке в позе мечтательной.*

Папа Митусов, 7/1 – 35 г.».

Стихотворение построено по тому же принципу, что и стихи о «Петрушиной Горе». Снова шутливость и фантазия сочетается с сокровенным значением. Как видим, Митусов всю жизнь избегал открытого и широкого употребления сакральных слов. Это довольно характерная реакция многих культурных людей того времени, прекрасно выраженная Осипом Мандельштамом, который сказал: «...русский символизм так много и громко кричал о “несказанном”, что это “несказанное” пошло по рукам как бумажные деньги»¹². Николай Гумилёв подобный запрет на слово выразил так:

*Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число*¹³.

У Митусова это маг и волшебник. Если волшебник ещё принадлежит сказочному миру, то с магом дело уже серьёзнее (хотя и сказка – дело серьёзное), так как маги, они же волхвы – зороастрийские «мобеды»¹⁴, священники Агурамазды, составлявшие в тогдашней Персии священную коллегия – привезли с собой в Вифлеем золото, ладан и смирну, чтобы подарить их Царю и Первосвященнику – Младенцу Иисусу. Маги оказались зорче всех людей в мире, они первыми узнали и исповедали Спасителя.

Ещё одно удивительное совпадение: у последователей Зороастра есть «Предание о Великой Горе», в котором многие символические образы, а главное, подразумеваемая высшая реальность ассоциируются с митусовской Петрушиной Горой. «Среди ярких звёзд, на недоступной человеческой мысли высоте, в раю, расположенном в середине звёздного неба, высится, одна над другой, горная гряда <...> Выше самых высоких облаков белоснежная вершина Горы»¹⁵. И что ещё интереснее, в древнем Предании странники перед входом в Рай отвечают ангелам так: «Мы учились мудрости, которую преподали нам отцы. Видите эти знаки, которые мы можем **начертать на песке** – читайте слова, составляющие священную надпись»¹⁶ [выделено мною. – Ю. Б.]. И после этого ангелы открывают им райские врата...

Кого на самом деле изобразил Митусов в этом стихотворении (и видел во сне), откуда он черпал образы для своих произведений – мы можем только гадать. Он сам напоминает такого мудреца, который знает некий секрет жизни, несущий освобождение и радость поверх страдания и мрака. Поэзия Митусова обладает, независимо от художественного, чисто человеческого очарованием, и очень трудно, а в данном

случае, наверное, и не нужно, отделять её от её создателя. Будем же благодарны Степану Степановичу за никогда не изменявший ему вкус к подлинно Прекрасному, и поучимся благородной тонкости, с которой он воспринимал жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Рерих Е.И.* У порога нового мира. – М.: МЦР, 1993.

² *Ступени.* – Альманах. – № 4. – СПб., 1994.

³ Воспроизводится по выписке из семейного архива Татьяны Владимировны Римской-Корсаковой, сообщённой мне В.Л. Мельниковым, за что приношу ему искреннюю благодарность. Также благодарю В.Л. Мельникова за помощь в подготовке к публикации всех без исключения представленных здесь текстов из МСССМ и других государственных и частных архивов.

⁴ См. у С.С. Аверинцева: «Даже библейская Премудрость и та, как известно, называет себя “художицей” и говорит о своих играх “на земном кругу” перед лицом Бога (Книга притчей Соломоновых, 8, 30–31). Самые большие и классические традиции, самые здоровые и сбалансированные эпохи человечества делали игру одной из центральных своих универсалий... Некогда Платон в «Законах», набрасывая распорядок жизни идеального государства, охарактеризовал всю эту жизнь на определённом уровне и в определённом смысле как игру... культура честно обнажает в акте романтической иронии свою игровую сущность» (*Аверинцев С.С.* Поэты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 344–345).

⁵ Для романсов, разучивавшихся его учениками, в основном Шуберта и Шумана, Митусов сделал немало переводов, которые постепенно вошли в употребление в исполнительской среде без указания имени переводчика. В его Мемориальном собрании хранится много таких переводов, часто сделанных прямо на нотных листах. В качестве образца в приложении приводятся записи из рабочего блокнота педагога – «Роза» и «Орешина».

⁶ *Неизвестная Берберова.* – СПб.: Лимбус Пресс, 1998. – С. 146.

⁷ *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. – М., 1999. – С. 112.

⁸ *Бердяев Н.А.* Русская идея // *Русская идея.* В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. – Т. II. – М.: Искусство, 1994. – С. 224.

⁹ *Гинзбург Л.Я.* О лирике. – Л., 1974. – С. 396.

¹⁰ *Там же.*

¹¹ *Там же.* – С. 8.

¹² Цит. по: *Аверинцев С.С.* Указ. соч. – С. 219.

¹³ *Там же.* – С. 220.

¹⁴ В книге Ю.К. Терапиано «Маздеизм» читаем: «*Mobedh* (“мобед”) – маг; *Mobedhan-mobed* (“мобедхан-мобед”) – верховный маг, глава корпорации магов в исторические времена. “Маг” означает “могущий”. Маги не составляли особого сословия у древних персов. Магом мог сделаться всякий. Для этого надобно было отличиться чистотой жизни и изучить священное писание (Авесту), молитвы и священные гимны. Маги носили длинное белое одеяние, высокие шапки и длинные посохи» (*Терапиано Ю.К.* Маздеизм: Современные последователи Зороастра. – М.: Сфера, 1993. – С. 14).

¹⁵ *Терапиано Ю.К.* Указ. соч. – С. 94.

¹⁶ *Там же.* – С. 95.

С.С. МИТУСОВ
ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

1. Биль и Бин. (И.Я. Билибину)

*Биль и Бин друзьями были.
Ах, связал их тесно Р. О. К.
С колыбели вместе жили
И друг друга так любили,
Что ни Биль один не мог
Жить без Бина, ниже Бин
Быть без Биля день один.*

*Горький пьяница безбожник,
Биль – гуляка, весельчак,
Бин – поэт, большой художник,
И в музыке не сапожник.
Не могли они никак
Рисовать без Биля Бин,
Биль без Бина пить один.*

*Так друзьями вместе жили
Биль и Бин: связал их Р. О. К.
Рисовали, пели, пили
И друг друга так любили,
Что ни Биль один не мог
Жить без Бина, ниже Бин
Быть без Биля день один.*

2. * * *. (Р.Р. О'Коннель)

*Ты соткана из вдохновенья.
Ты так воздушна и светла.
 И для красы
 В твои власы
 Судьба вплела
Златые нити наслажденья
Заместо блёсток мишуры.
Ты вся, ты вся как отраженье
Воображения игры.*

3. ОКТАВЫ

* * *

*Однажды видел я чудесный сон:
Лежал младенец дивный в колыбели.
В волненьи биться сердце перестало,
И что-то мне таинственно шептало:
«Всего тебе дороже будет он!»
И чувства непонятные кипели
В груди моей. Я слышал тихий звон.
И где-то, вдалеке, как будто пели.*

* * *

*И с трепетом я пламень голубой
Увидел над челом младенца ясным.
И так дитя спокойно улыбалось
В счастливом безмятежном сне: казалось,
Слетелись здесь безмолвную толпой
Мечты людей о счастье напрасном
И замерли с восторгом и мольбой,
С молитвою немой о прекрасном.*

* * *

*Виденьем поражённый я стоял,
Как зачарованный. И с тихим звоном
Душа моя неслась к волшебной зыбке,
К нему, навстречу сказочной улыбке.
Но, вдруг, исчезло всё, и мрак настал,
И движимый неведомым законом
Вокруг себя я женщину искал...
Но тут проснулся я в слезах со стоном.*

4. * * *. (Т.С. МИГУСОВОЙ)

*И тридцать пятый, и Торгсин,
И все надежды провалились;
Сердца и женщин и мужчин
От скорби кровию облились;
Над всем царила неудача;
Провал и встречи, и гаданий,
И не хватало только плача;*

*Ничто не клеилось без Тани¹.
Мы здесь, а изверги в Лесном²,
И не приехал Долговязый³,
А ты уж, верно, крепким сном
Спала в обители заразы.
Но мы гадали, как умели:
Отсчитывали в книгах строчки,
Желанья жгли, на тень смотрели.
А у тебя болели почки.*

5. ДИКАЯ РОЗА (ИЗ И.В. ГЁТЕ)

*Розу мальчик увидал,
Розу в чистом поле,
Цветик был так нежно ал,
Лепестков его коралл
Расцветал на воле.
Роза, роза, ал цветок,
Роза в чистом поле.*

*Мальчик молвил: «Я сорву
Розу в чистом поле».
Отвечал цветок ему:
«Только тронь, я уколою
Ты не стерпишь боли».
Роза, роза, ал цветок,
Роза в чистом поле.*

*Но сорвал, сорвал злодей
Розу в чистом поле.
Что ж, колись теперь больней,
Не поможет, слёзы лей.
Роза, ты в неволе.
Роза, роза, ал цветок,
Роза в чистом поле.*

¹ Имеется в виду младшая дочь С.С. Митусова Татьяна, находившаяся тогда в инфекционной больнице с воспалением почек.

² Имеется в виду компания старших сестёр Митусовых, Златы и Людмилы, включавшая несколько их друзей и подруг, находившаяся во время болезни Татьяны на отдыхе в посёлке Лесном на окраине Ленинграда.

³ Возможно, имеется в виду В.Н. Римский-Корсаков, близкий друг С.С. Митусова.

6. ОРЕШИНА (ИЗ Р. ШУМАНА)

*Орешина у окна стоит,
В дрёме сладкой тихо зелёной листвою шумит.
Покрыта цветами стоит она,
Дивных, лёгких звуков листва её полна.
Внимаю я шум густых ветвей,
Нежный шёпот листьев о счастье прошлых дней.
Шепчут листья о милой, что плачет, вздыхает, не знает о чём,
Грезит и ночью и днём.
И шепчут, всё шепчут, ах, кто же таинственный шум поймёт,
Шепчут, что счастье и к нам придёт, и к нам придёт.*

В.Л. МЕЛЬНИКОВ

(Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург)

Н.К. РЕРИХ И В.Д. ЗАМИРАЙЛО: НЕСЛУЧАЙНЫЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Посетив однажды старейшего петербургского коллекционера Бориса Николаевича Васильева, я спросил его о художниках из окружения Н.К. Рериха в его «петербургский» период. В ответ Борис Николаевич сразил меня длинным перечислением тех мастеров, чьи работы представлены в его собрании. И закончил он своё перечисление вопросом: «А Замирайло Виктор Дмитриевич входил в круг Рериха?» Я ответил, не задумываясь: «Конечно!». И пообещал при следующей нашей встрече передать подборку высказываний Рериха об этом самобытном художнике. В глазах Бориса Николаевича вспыхнул огонёк искреннего интереса.

На следующий день, засев за базу данных нашего Музея-института, я погрузился в поиск. Оказалось, что тема «Н.К. Рерих и В.Д. Замирайло» при всей кажущейся произвольности сопоставления может быть весьма полезной для понимания художественной жизни Петербурга и Москвы в начале XX века.

Имена двух художников постоянно возникали рядом на страницах самых авторитетных художественных изданий. Порой воспроизведения их работ украшали иллюстративный ряд одной книги. Такой пример отметил маститый мастер слова Константин Бальмонт в рецензии для московского журнала «Весы» (в рубрике «О книгах для детей»), посвящённой книге Александра Яковлевича Острогорского (1868—1908) «Живое слово»: «Нарядно изданный большой том, в 368 страниц, почти целиком состоит из несомненных образцов родной словесности; каждое стихотворение, каждый прозаический отрывок снабжены очень интересными синонимными истолкованиями; почти каждая страница украшена оригинальными рисунками и снимками с картин Билибина, Рериха, Кардовского, Замирайло, Левитана, Переплётчикова, Серова и многих других. Не могу не отметить также, что этот большой красивый том стоит всего 90 копеек, — эту книгу может купить и бедняк, считающий каждый грош» (март

1908 г.)¹ [выделено мною. – В. М.]. Популярность этой «книги для изучения родного языка» была такова, что уже после смерти автора она выдержала около 20 изданий (последнее вышло в 1922 г. в Праге издательстве «У.М.С.А. Press»).

Кроме издательской сферы, творческие пути Рериха и Замирайло многократно пересекались в обществе «Мир искусства» и на театральных постановках.

Возглавив в 1910 г. возрождённый «Мир искусства», Рерих поддержал идею более широкого представления на выставках этого общества художников молодого поколения – Н.С. Гончаровой, М.С. Сарьяна, Н.Н. Сапунова, К.С. Петрова-Водкина, С.В. Чехонина и других. Для проведения этой линии по инициативе Рериха в жюри московских выставок были избраны, кроме старых членов, В.Д. Замирайло, П.В. Кузнецов и А.В. Щусев. Сведения об этом содержатся в письмах и телеграммах Рериха К.В. Кандаурову, которому он передал всю работу по организации выставок «Мира искусства» в Москве². Таким образом, будучи жителями двух разных городов – Москвы и Петербурга, Рерих и Замирайло всё-таки тесно контактировали по выставочным делам. Даже в голодном и трагичном 1918 г. они продолжали соучаствовать в делах «Мира искусства». В каталоге петроградской выставки объединения, состоявшейся в Академии художеств, опубликован список членов общества «Мир искусства», где их имена запечатлены в ряду выдающихся мастеров изобразительного искусства: Н.И. Альтман, Б.И. Анисфельд, А.А. Арапов, Л.С. Бакст, А.Н. Бенуа, И.Я. Билибин, К.Ф. Богаевский, О.Э. Браз, А.Ф. Гауш, А.Я. Головин, А.С. Голубкина, Н.С. Гончарова, Б.Д. Григорьев, М.В. Добужинский, И.В. Желтовский, **В.Д. Замирайло**, А.Е. Карев, С.Т. Коненков, П.П. Кончаловский, Е.С. Кругликова, В.В. Кузнецов, П.В. Кузнецов, А.В. Куприн, Б.М. Кустодиев, Е.Е. Лансере, А.В. Лентулов, Е.К. Лукш-Маковская, А.Т. Матвеев, И.И. Машков, Н.Д. Милиоти, А.И. Мильман, Д.И. Митрохин, Е.И. Нарбут, А.П. Остроумова-Лебедева, К.С. Петров-Водкин, В.А. Покровский, В.Ю. Пурвит, М.С. Пырин, **Н.К. Рерих**, В.В. Рождественский, А.И. Савинов, М.С. Сарьян, З.Е. Серебрякова, Л.Н. Сологуб, Д.С. Стеллецкий, С.Ю. Судейкин, А.И. Таманов (Таманян), Н.А. Тархов, Н.П. Ульянов, П.С. Уткин, В.Д. Фалилеев, Р.Р. Фальк, И.П. Феофилактов, И.А. Фомин, С.В. Чехонин, князь А.К. Шервашидзе, В.И. Шухаев, В.А. Щуко, А.В. Щусев, А.Е. Яковлев, Г.Б. Якулов, С.П. Яремич³.

Наиболее продуктивно Рерих и Замирайло сотрудничали на почве театрально-декорационного искусства. Замирайло был хорошим помощником при создании декораций по эскизам Рериха. Об их совместной работе в 1912 г. по постановке пьесы «Пер Гюнт» в Московском Художественном Театре Николай Константинович сам рассказал корреспонденту «Биржевых Ведомостей»:

*«...Я много работал над “Пер Гюнтом” для Московского Художественного Театра, который пойдёт 2-го октября, для чего мне придётся несколько раз ещё побывать в Москве. “Пер Гюнт” в объёме, задуманном сейчас, пойдёт в 14 картинах. Мне и моим помощникам: **Замирайло**, Яремичу, барону Клодту, Наумову, Петрову, Земляничной пришлось много работать. Сам я с большим интересом ожидаю первого представления, так как в России “Пер Гюнт” идёт впервые, и мне никогда не приходилось*

слышать во всём объёме музыку Грига.

Ставит пьесе Марджанов. В его работе столько красивых исканий, столько задумчивых глубин. Приятно работать. Впрочем, художественники не любят, когда говорят раньше времени»⁴ [выделено мною. – В. М.].

По многочисленным свидетельствам современников, постановка получилась очень удачная. Все критики отмечали высокое качество рериховских декораций, в чём была заслуга и Замирайло.

После этой работы общение между художниками не прекращалось, о чём свидетельствуют два письма Замирайло Рериху в архиве последнего, хранящегося в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи⁵.

Ещё одним свидетельством их тесного сотрудничества стала полная поддержка со стороны Замирайло важнейшей инициативы Рериха в сфере музейного строительства предреволюционных лет. Речь идёт о создании «Музея Русского Искусства» при Рисовальной школе ИОПХ. Для того чтобы представить весь контекст этого культурного начинания, приведём объёмную выдержку из «Записки Директора» (т. е. Рериха) по этому поводу, единогласно поддержанной как Педагогическим Советом школы, так и Комитетом ИОПХ:

«15 сентября 1915 г., по предложению и при ближайшем почине Директора Школы Императорского Общества Поощрения Художеств Н.К.Рериха, Педагогический Совет постановил учредить при Школе Музей Русского Искусства, ставящий своей целью, во-первых, представить художественную деятельность лиц, причастных к Школе и Обществу, а во-вторых, собрать произведения русских художников всех направлений без исключения и тем самым способствовать, как поднятию эстетического развития учащихся, так и делу собирания и сохранения памятников отечественного художества. В настоящее время, благодаря отзывчивости художников и коллекционеров, которым здесь приходится искренняя признательность за их доброе отношение к возникающему хранилищу, Музей обладает уже многими ценными произведениями, как современного, так и старинного русского искусства, что и позволяет ему выпустить свой первый каталог, заключающий 186 номеров, поступивших в Музей за первые 7 месяцев его существования, причем в ближайшее время ожидаются ещё новые поступления. Делами Музея ведает особый Совет в составе Председателя Н.К. Рериха, Хранителя Музея С.П. Яремича, Членов Совета: Г.И. Бобровского, А.А. Рылова, Н.П. Химона и помощников Музея Д.Д. Бушена и С.Р. Эрнста.

*В состав собрания вошли произведения: Н.И. Алексеева, М.И. Антокольского, Ф.Ф. Баганца, Л.С. Бакста, П.В. Басина, А.К. Беггрева, А.Е. Бейдемана, В.А. Беклемишева, А.Н. Бенуа, Альб. Ник. Бенуа, И.Я. Билибина, Г.М. Бобровского, А.П. Боголюбова, М.П. Боткина, Ф.И. Братского, К.П. Брюллова, В.П. Белкина, А.Ф. Белого, Ф.А. Васильева, А.И. Вахрамеева, Е.А. Вахтер, К.А. Вещилова, М.Я. Виллие, Е.Е. Волкова, К.К. Врублевского, М.А. Врубеля, А. Галлена, Э.К. Гаугегер, А.Ф. Гауша, Д. Гваренги, Н.Н. Ге, К.Д. Герца, Н.А. Гоголинского, А.Г. Горавского, К.Ф. Гуна, И.И. Эндогурова, С.И. Эндогурова, М.И. Железнова, **В.Д. Замирайло**, В.И. Зарубина, Е.З. Земляничной, Е.А. Ивановой, А.А. Иванова, А.Д. Кайгородова, О.А. Кипренского, бар. М.П. Клодта-фон-Юргенсбурга,*

И.Н. Крамского, Е.С. Кругликовой, Ф. Крюгера, А.И. Куинджи, И.С. Куликова, Б.М. Кустодиева, Л.Ф. Лагорио, В.Н. Левитского, А.Э. Линдеман, Э.К. Липгарта, Н.Е. Маковского, В.М. Максимова, И.А. Малеванной-Зарецкой, Г.И. Мальшева, В.В. Матэ, А.И. Мещерского, Д.И. Митрохина, К.А. Молдавского, А.И. Морозова, В.И. Навозова, П.С. Наумова, неизвестного русского художника 70-х гг. XIX в., неизвестного художника 40-х гг. XIX в., Т.А. Неффа, Н.В. Пирогова, В.А. Плотникова, Е.Д. Поленовой, Л.О. Премацци, А. Прокофьева, **Н.К. Рериха**, А.А. Ростиславова, А.А. Рылова, А.П. Рябушкина, А.К. Саврасова, В.П. Садовникова, З.Е. Серебряковой, П.Ф. Соколова, А.И. Сомова, К.А. Сомова, К.А. Стабровского, П.А. Суходольского, В.А. Серова, В.Ф. Тимма, Н.М. Фокина, В.Н. Федоровича, кн. Е.Н. Хилковой, Н.П. Химоны, Я.Ф. Ционглинского, П.М. Шамшина, А.И. Шарлемана, В.К. Шебуева, В.И. Шишкина, А.В. Щусева, В.В. Эмме, А.А. Юдина, М.Н. Яковлева, С.П. Яремича.

Жертвователи Музея были: С.П. Яремич, М.Т. Басина, М.Ф. Ционглинский, **Н.К. Рерих**, И.Я. Билибин, Г.И. Бобровский, Е.Н. Боткина, кн. П.А. Путьятин, В.П. Белкин, А.Ф. Белый, А.И. Вахрамеев, К.А. Вещилов, Е.Е. Волков, К.К. Вроблевский, А.А. Врубель, А.В. Руманов, А.Ф. Гауш, П.П. Вейнер, кн. М.И. Путьятин, бар. Н.А. Типольт, **В.Д. Замирайло**, В.И. Зарубин, Е.З. Земляничина, Е.А. Иванова, Е.Н. Боткина, С.В. Пиленко, М.М. Горелов, Е.С. Кругликова, Общество имени А.И. Куинджи, И.И. Лазаревский, Б.М. Кустодиев, В.И. Левитский, И.А. Малеванная-Зарецкая, В.В. Матэ, Д.Ш. Митрохина, П.С. Наумов, В.Г. Петров, Н.И. Пирогов, В.А. Плотников, О.Д. Машукова, А. Прокофьев, А.А. Ростиславов, А.А. Рылов, В.А. Фролов, К.И. Степанов, З.Е. Серебрякова, кн. В.Н. Аргутинская-Долгорукова, К.А. Стабровский, Н.П. Химона, Э.Г. Тернер, А.И. и Р.И. П., А.А. Трубникова, П.П. Гнедич, В.В. Эмме, А.Н. Юдин, В.А. Щавинский, Альб. Н. Бенуа, Е.А. Вахтер, А.Д. Кайгородов, А.З. Линдеман, В.И. Навозов, В.Н. Федорович. К концу отчётного года составилось собрание из 186 произведений.

Сверх того изъявили согласие принести в дар Музею художественные произведения следующие лица: А.Н. Бенуа, гр. А.А. Бобринский, Е.Н. Боткина, А.Е. Бурицева, Ф.Ф. Бухгольц, Ф.В. Дмоховский, М.В. Добужинский, М.Н. Дубовский, С.М. Дудин, Л.М. Жевержеева, Д.Н. Кардевский, С.П. Крачковский, Е.Е. Лансере, В.Е. Маковский, Е.И. Нарбут, К.Ф. Цейдлер, К.С. Петров-Водкин, К.А. Сомов, О.А. Шарлеман, кн. М.К. Тенишева, Е.А. Фабрициус, В.А. Щуко, А.Е. Яковлев, И.И. Ясинский и А.М. Арнштам»⁶ [выделено мною. – В. М.].

Вот в какой масштабной рериховской инициативе проявил себя Замирайло как жертвователь произведений отечественного искусства.

Не удивительно поэтому, что в самом конце жизни Рерих вспоминает Замирайло среди тех, «кто был духовно близок»⁷. 5 ноября 1946 г. Николай Константинович сетует в письме к своему последователю А.П. Хейдоку: «Грабарь сообщает о многих кончинах: Лансере, Богаевский, Билибин, Самокиш, Лукомский, Яремич, **Замирайло** – жаль, хорошие мастера»⁸ [выделено мною. – В. М.]. И, наконец, однажды Рерих упоминает одну известную особенность художественного творчества Замирайло, часто близкого образному строю М.А. Врубеля: «Не забудем, что иногда

некоторые художники без желания подделать очень близко подражали кому-либо. Так, например, **Замирайло** мог чудесно подражать Врубелю⁹. И в этом рериховском «чудесно» отразилось восхищение перед талантом художника.

Подборка из рериховских высказываний и другие материалы, вскоре полученные от меня, побудили Б.Н. Васильева сделать ответный жест творческой щедрости: он передал для публикации воспоминания Е.Г. Михайловой о художнике В.Д. Замирайло, сопровождаённые его вступительным словом. Этот интересный «документ эпохи» публикуется здесь в приложении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Весы*. – Москва, 1908. – № 3. – Март. – С. 84.

² Письма Н.К. Рериха к К.В. Кандаурову хранятся в РГАЛИ, ф. 769, оп. I, № 162. См.: *Коротки-на Л.В.* Н.К. Рерих на выставках «Мира искусства» // *Петербургский Рериховский сборник*. – СПб., 2001. – № 4. – С. 423.

³ *Князева В.П.* Краткая хроника деятельности «Мира искусства». 1897–1927 // *Петербургский Рериховский сборник*. – СПб., 2001. – № 4. – С. 409.

⁴ *Биржевые ведомости*. – 1912. – 17 сентября. – Вечерний выпуск. – № 13147.

⁵ *Замирайло В.Д.* Письмо Н.К. Рериху. – 26 октября 1913 г. // ОР ГТГ, ф. 44, №790; *То же*. Без даты. // ОР ГТГ, ф. 44, №791. – 2 листа.

⁶ ЦГИА СПб., ф. 448, оп. 1, д. 1703, л. 1–2. Ср.: Отчёт о деятельности общества за время с 1 сентября 1915 г. по 1 сентября 1916 г. // *Там же*, д. 1704, л. 3–4. Пользуясь случаем, благодарю Юлию Будникову и Татьяну Кудрявцеву за выписки из этих дел.

⁷ *Рерих Н.К.* «Вивите форте». – 15 февраля 1945 г. // *Рерих Н.К.* Листы дневника: В 3 т. – 2-е изд. – М.: МЦР, 2002. – Т. III. – С. 256.

⁸ *Рерих Н.К.* Сотруднику (А.П. Хейдоку). – 5 ноября 1946 г. // *Там же*. – С. 455.

⁹ *Рерих Н.К.* Подделки. – Без даты. // *Там же*. – С. 564.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Е.Г. МИХАЙЛОВА

ВОСПОМИНАНИЯ О ХУДОЖНИКЕ ВИКТОРЕ ДМИТРИЕВИЧЕ ЗАМИРАЙЛО (1868–1939)

ПУБЛИКАЦИЯ Б.Н. ВАСИЛЬЕВА

Философия творчества. Этот вопрос волновал меня всегда. Почему именно эту манеру штриха или гамму красок в данной работе выбрал художник? Какова роль каждого предмета в созданной композиции? Что влияло или кто влиял на настроение художника в тот или иной период творчества? Если я находил ответы, увиденные работы становились более понятными, а творчество близким.

Мне интересно читать воспоминания художников о художниках, ещё интереснее общаться с ними или людьми знавшими их близко. Ряд воспоминаний я записал для памяти...

В начале 1980-х гг. я познакомился с Еленой Григорьевной Михайловой. Ей было уже за восемьдесят. С 1920 по 1929 г. она работала натурщицей в Академии художеств. Позировала художникам Б. Кустодиеву, В. Лебедеву и В. Замирайло. Она много рассказывала о тех годах. Её живое лицо и глаза хорошо передавали тонкости поднятых из прошлого чувств. Это придавало эпохе 20-х – 30-х гг. нежный аромат конкретных человеческих переживаний.

В первую очередь меня интересовали её встречи с В.Д. Замирайло, очень самобытным художником, чей образ так напоминал сказку о существовании среди нас гамсуновского Нагеля. Художника-поэта, чьё творчество незримо связано с Гойей и Доре. Создав серию работ «Каприччио», он заполнил её своими фантастическими сюжетами. В. Замирайло работал с художником М. Врубелем, расписывая церкви в Киеве. Вероятно, находясь под влиянием этого замечательного художника, он создал много работ к «Демону». Очень много работал над обложками и иллюстрациями к книгам, как для детей, так и для взрослых. Придумывал разных великанов с двумя головами и летающих людей с крыльями. Его фантазия исходила из него самого, не повторяя никого. О нём много писали. Воспроизводились его работы в журналах «Лукоморье», «Мир искусства», «Петроград» и др.

Ни одной монографии об этом интересном художнике не было написано, кроме небольшой книжки С. Эрнста «В. Замирайло» (Издательство «Аквилон», 1921 г.). У меня есть эта книжка, именной экземпляр В. Замирайло, с надписью: «Виктору Дмитриевичу Замирайло от преданного ему В. Замирайло». Такой автограф я встретил впервые в жизни.

Очень странно, что более 50 лет после его смерти не было ни одной выставки, ни одного послевоенного описания его творчества. Исключая однодневную выставку в ЛОСХе небольшой части его работ.

Поэтому, я думаю, будет интересно прочесть воспоминания Е.Г. Михайловой о незаслуженно забытом, талантливом художнике. Он достоин и серьёзной монографии, и хорошей выставки...

Б.Н. Васильев

* * *

Работая натурщицей в Академии художеств, я стояла в классе, руководимом Осипом Бразом и Аркадием Рыловым. Кроме этого, по просьбе некоторых художников я заходила позировать и в индивидуальные мастерские. Так, по просьбе Бориса Михайловича Кустодиева в последние зимние месяцы 1924 г. я стала ходить к нему на дом. Он в то время уже был прикован к креслу. В те вечера Борис Михайлович приглашал к себе и других художников «порисовать новую модель». В один из таких вечеров я впервые и увидела Виктора Дмитриевича Замирайло. Он был одет в драповое пальто, подпоясанное верёвкой, поверх этого пальто была накинута пелерина, застегивающаяся у ворота на пряжку с двумя львиными головами, на голове шапка из чёрных барашковых шкурок (собственного изготовления, со слов Виктора Дмитриевича). Седые, длинно подстриженные волосы, баки (которым всю жизнь завидовал Владимир Васильевич Лебедев, у которого баки не росли), красивое бри-

тое лицо, голубые внимательные глаза придавали Виктору Дмитриевичу черты благородного немолодого героя диккенсовских романов.

В 1924 г. ему было 56 лет. Своей старомодной галантностью и изяществом Виктор Дмитриевич напоминал француза. Очевидно, как говорил он сам, где-то осталось от нашествия Наполеона, на это указывала и встречающаяся в его родословной фамилия Сабо.

Кирилл, сын Кустодиева, рассказывал, что Виктор Дмитриевич в 1918 г. заболел цингой, которая и в 1924 г. ещё не оставила его – болели суставы, плохо слушались ноги, шатались зубы. И ещё он рассказывал, что Замирайло нелюдим, живёт в мрачной квартире, в которой всюду нарисованы всякие листочки-веточки, и даже почтовый ящик на дверях чёрный, а квартира имеет 13-й номер.

Мне очень тогда хотелось проникнуть к нему, войти в его жизнь, помочь ему.

Как-то уже ранней весной случилось нам с Виктором Дмитриевичем выйти от Кустодиева вместе. И я попросилась к нему в гости. Так и сказала: «Виктор Дмитриевич, я хочу к Вам в гости». На что и получила ответ: «Не смею Вам отказать, но стоит ли заходить в такую берлогу». Я настояла и вскоре пришла к нему. Он жил на Васильевском острове, угол Малого проспекта и 10-й линии (в доме № 51 по 10-й линии). Это была квартира на третьем этаже из двух комнат с кухней, в которой была ванна и деревянная плита. Четыре окна в квартире выходили на Малый проспект. Действительно, листики и веточки попадались на глаза то тут, то там. Они были синие и чёрные, сыпались гирляндой по треснувшему стеклу кухонного окна, украшали водяной бачок в туалете, шли чёрным орнаментом по комнатной печке. Окна без всяких занавесей. Но квартирка была вовсе не мрачная, так же как и хозяин её не был нелюдимым, а только застенчивым и скромным. Окна в квартире не мылись, наверное, несколько лет. На плите, на развёрнутом газетном листе была рассыпана в большом количестве сваренная и высохшая гречневая каша. По мере надобности, хозяин накладывал эту кашу в кастрюльку, заливал водой, ставил на примус и через 10 минут имел еду. Так вот он и питался «без затраты времени и труда». Благодаря такому питанию в нём и держалась цинга. Это был человек крайне не приспособленный к бытовой стороне жизни. Не покупал мяса потому, что его варить долго, а керосин – потому что в очереди стоять тошно. Дрова ему тогда доставались с трудом, вязанками и дорогого.

Увидев всё это, с места в карьер я побежала на ближайший рынок, что был неподалёку на Малом проспекте. Приобрела там мясной фарш, лук, яблоки, картофель. В магазине купила сахар, масло, хлеб, соль. Вернувшись к Виктору Дмитриевичу, завела у него своё хозяйство под тихие его вопли и сопротивление. Когда были готовы поджаристые котлеты, в которые я не пожалела лука, отварной очищенный картофель и яблочный супчик, мы сели с ним обедать. Обедая, он приговаривал: «Это просто чудо! И как быстро можно сделать! А как же смачно!!» Вот с этих обедов, ставлю себе это в заслугу без лишней скромности, и начал поправляться наш Виктор Дмитриевич.

Поначалу я думала, что просто буду помогать ему материально. Натурщицы и теперь, и тогда зарабатывали хорошо. Я решила, что он не только болен, но и нужда-

ется. Вережка, которой он был подпоясан, ввела меня в заблуждение. Оказалось, что деньги у него водились, хотя и небольшие. Он брал заказы от книжных издательств. Поэтому не допустил никаких моих на него трат.

Кстати, недавно перебирая небольшой архивчик, оставшийся у меня после смерти Виктора Дмитриевича, я наткнулась на одно его письмо-черновик (он без черновиков не писал) к Александре Васильевне Щекатихиной, которое, с одной стороны, расстроило сердце, а с другой стороны, позволило глазами Виктора Дмитриевича взглянуть на моё поведение. Очевидно, на её вопрос, не женился ли он, так как до неё за границу дошли слухи, что он стал франтом, оделся в новое зимнее пальто, часто появляется в обществе с какой-то молодой особой, он ответил: «Как-то года два тому назад зашёл я к Кустодиеву, а он срисовывал для какой-то своей картины некое юное создание». Кстати, мне был тогда 21-й год. «Уходя, оно напялило на себя какие-то дохлые пиджаки, какие-то старые вязаные платки, затем декорировало всю эту печаль (пальто не назовёшь, а чем-то рыжим, подбитым ветром). Затем оно как-то попросилось ко мне в гости и держалось у меня потрясающей милочкой: делало уборку, жарило котлеты, варило изумительные супчики и всё это с такой заботливостью. Мог ли я не утвердиться в своём самаритянском решении. Не супчики, разумеется, меня расстрогали, а эти усилия помочь не далёкому от гибели Замирайло».

Вот и получилось у нас с Виктором Дмитриевичем что-то перекликающееся с рассказом О'Генри «Дары волхвов». Я пожалела его, а он ещё добрее пожалел меня. Я стала позировать ему для руки, ноги, какого-то поворота, но почти никогда обнажённой. Все мои уборки, нападения на его беспорядки он терпел, потом как-то и совсем приручился. Стал брать больше заказов, появилось у него желание больше зарабатывать. Он любил цирк, кататься на лодке по Неве, кинематограф, бродить по кладбищам. Во всех этих мероприятиях я стала постоянной его спутницей. Сегодня, оглядываясь на наши встречи, я понимаю, что нас связывала прекрасная чистая дружба. Виктор Дмитриевич, даже, пожалуй, и любил меня, но почтительно и старомодно. Так, как теперь и не объяснишь никому.

Частенько Виктор Дмитриевич называл меня Потанькой. Это прозвище он мне дал после одной из первых встреч у Кустодиева. В один из рисовальных вечеров у Кустодиева я заставила долго ждать Бориса Михайловича, Виктора Дмитриевича, а также Кирилла и его друзей Шульца и Башинского. Затерялся ключ от моей комнаты, и я его долго искала, потом он вдруг нашёлся в домашней туфле. Стоя на позе, я им всё это рассказала в оправдание своего опоздания, и фантазировала, что водится у меня такой Потанька – он маленький с хвостиком, в шерсти с копытами только без рожек. Он-то и прячет нужные мне вещи, и пока не скажешь: «Потанька, Потанька, покажи, куда девал», – он не отдаст. Так, говорю, и с ключом сегодня было. Я только не вспомнила сразу, что нужно к Потаньке обратиться, потому так долго и провозилась с поисками. Вот эта моя болтовня Виктору Дмитриевичу и понравилась. И я от него приобрела не для многих понятное имя.

При наших встречах Виктор Дмитриевич иногда вспоминал эпизоды жизни из своего детства. Когда он был пяти лет от роду, ему кто-то подарил картину батального содержания: лошади, всадники, сражения. Всё это поразило его, но картина

была не в красках. Ложась спать, маленький Витя, или Виткишня, как называли его домашние, попросил: «Ангел Божий, раскрась картинку», – и положил её себе под подушку. Наутро прежде всего посмотрел на картинку, но она осталась не раскрашенной. «Ну, что тебе стоило!» – сказал мальчик. Наверное, Ангел знал, что со временем он и сам будет хорошо раскрашивать картинки, поэтому и не раскрасил...

Как-то лет пяти тоже, на купании Витя спросил маму: «Мама, почему все женщины похожи на гитары, а дяди нет?».

Была у Виктора Дмитриевича очень короткая и очень гордая молитва: «Благодарю тебя, Создатель, что я не похож на своих современников».

Я очень боялась сообщить ему, что собираюсь выходить замуж. Считала, что это огорчит его, в какой-то мере обездолит. Но он это признание принял просто, мудро и душевно. Продолжал быть таким же другом.

Очень много фантастических эскизов сделал Виктор Дмитриевич в период с 1924 по 1929 г. на пожелтевшей и легко истлевшей бумаге. Не ценил себя.

Он был щедр, когда делился со мной и моей семьёй своими заработками. Например, как-то раз моя бабушка, получившая пенсию, пришла домой в ужасном расстройстве. Все деньги у неё вытащили. Бывший у нас в тот момент Виктор Дмитриевич об этом услышал. Вечером того же дня пришёл к бабушке посылный с письмом от Виктора Дмитриевича. В конверте лежала вся её пенсия и записка: «Многоуважаемая Ольга Ивановна, мне удалось разыскать похитителя Ваших денег и отнять их у него. Искреннейше уважающий Вас В. Замирайло».

А однажды он зашёл к нам, зная, что у нас туговато с деньгами, но никого не застал кроме крепко спавшей бабушки. Мы жили в коммунальной квартире, он просто открыл дверь в её комнату. Увидев, что она крепко спит, будить её не стал, а просто обсыпал её всю энным количеством трешёк и ушёл. Бабушка, проснувшись как Даяна под золотым дождем, долго не могла прийти в себя от изумления, радости и благодарности!

В одну из ночей 1929 г. с Виктором Дмитриевичем произошёл удар. Он стал плохо видеть – поражены были зрительные нервы. Лучшие врачи города (у кого мы только не перебивали с ним) сказали, что болезнь его необратима. Тогда детей у меня ещё не было, и мне пришлось проводить с ним больше времени, пока он не привык к своему искалеченному зрению. Страшно было, что попадёт под транспорт, оступится. Со временем он привык, сам стал ездить в столовую при Союзе художников. У меня обедать не захотел. Он вообще почти никогда ни у кого не ел и не пил.

Свирепел, досадовал на свою болезнь, легко впадал в раздражительность. Но не угасал в нём интеллект. Приспособился читать и читал много. Полуслепой бывал у меня часто, я у него тоже.

В 1938 г. его уплотнили. Вселили громогласную особу с дочкой. В этом же году ЛОСХ, пойдя ему на встречу, взамен одной оставшейся его комнаты, поместил его в приют. В приюте ЛОСХа ему было удобно – кров и пища. Но это привело к сидячележащему образу жизни. Это стало причиной его быстрого одряхления, ведь ему было уже 70 лет.

В 1939 г. в ЛОСХе делали большой ремонт, столовую закрыли. Я взяла Виктора Дмитриевича к себе. У меня была комната в 23 квадратных метра. Так мы и жили вместе около двух месяцев, Виктор Дмитриевич, я и мои уже двое детей.

Летом мне нужно было уехать с детьми на дачу к мужу в Вязьму. Без меня за Виктором Дмитриевичем ухаживала моя мать, бабушки уже не было. А ЛОСХ в это время хлопотал для Виктора Дмитриевича о привилегированном доме престарелых. И вот, когда меня ещё не было, художник Воинов и какое-то административное лицо, Сольников, увезли Виктора Дмитриевича в этот самый дом в Старый Петергоф. Вернувшись 30-го августа, я сразу же поехала к Замирайло, но там, куда его поместили первоначально, Виктора Дмитриевича не оказалось. Мне сказали, что он перевезён в филиал. Там было ужасно. В солнечной душной палате, где находился Виктор Дмитриевич, жили вместе с ним спившиеся дворники, ломовики и прочая знать. Палата гудела тысячами мух. Возле Виктора Дмитриевича стояла кружка с питьём, вся липкая, тёмная и обсиженная мухами. Когда я её вымыла под краном с мылом и песком, она оказалась белой и потекла. Он лежал, не вставая с постели, руки его были испачканы Бог знает чем, ногти на ногах и руках не острижены. Руки, которые подарили нам столько тончайших прелестных произведений, я привела в порядок. Скрывая слёзы, я сказала ему, что возьму его к себе не позже 2-го сентября. Виктор Дмитриевич обрадовался и сказал, что будет терпеливо ждать этого. 31-го августа я опять навестила его уже с детьми. 1-го сентября отвела дочку в первый раз в школу. Приготовила ему угол у себя и 2-го сентября поехала опять к нему. Приехав, увидела его кровать пустой. Мне сказали, что он умер в ночь с 1-го на 2-е сентября. И косвенной причиной этой смерти была я. Как мне рассказали больные, когда медперсонал этого филиала узнал, что у больного Замирайло кто-то появился, и что на ужасную грязь и скверное содержание больного могут пожаловаться, то они решили за ним поухаживать. Сделали ему ванну, но горячее, чем ему можно было; он кричал, потерял сознание и вскоре скончался...

Зная его 15 лет, мне было тяжело осознавать, что я не была с ним в последний час, не попрощалась и не выслушала последних его слов. Это было горестно и долгие годы меня волновало. Виктор Дмитриевич был человеком исключительно чистым, красиво-добрым, благородным и нежным, высоко порядочным, требовательным к себе и другим. Я уверена, что этот прекрасный художник будет достойно оценён в будущем...

Сентябрь 1984 г.

* * *

Елена Михайловна говорила, что это ещё не всё то хорошее, что надо было бы вспомнить о Викторе Дмитриевиче Замирайло. Ведь, к сожалению, возраст и время берут своё. Но есть работы, которые с годами скажут более красивые и правильные слова за творца, их создавшего. За Виктора Замирайло.

Б.Н. Васильев

И.Н. ЕГОРОВА

*(Академический институт живописи,
скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, г. Санкт-Петербург).*

**СЕРГЕЙ МАКОВСКИЙ: МАТЕРИАЛ К ЛЕКЦИЯМ
ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ИСКУССТВА В РИСОВАЛЬНОЙ
ШКОЛЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВ (1906–1907 гг.)**

Сергей Константинович Маковский (1877–1962) вошёл в историю русской культуры как поэт, литературный и художественный критик, историк искусства. В художественной критике он начал пробовать свои силы с конца 1890-х гг., как историк искусства дебютировал в 1907 г. в Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств (далее – *РШ ИОПХ*).

С.К. Маковский родился в семье известного живописца К.Е. Маковского и его второй жены Ю.П. Летковой. С детства он был знаком с артистическим миром столицы, и именно искусство, по собственному признанию, знал и любил более всего на свете.

В студенческие годы¹ он увлекался философией и посещал собрания художественного объединения «Мир искусства», где сблизился с Н.К. Рерихом. Николай Рерих в лице Сергея Маковского приобрёл благожелательного критика и безусловно-го сторонника своего искусства, единомышленника. Маковский же, увлечённый творчеством молодого живописца, испытал влияние его художественных и философских идей, а главное, нашёл товарища в деле просвещения общества в вопросах искусства и сохранения традиций.

Осуществлять общие задачи художник и критик начали в «Журнале для всех»² (1903–1904 гг.). В 1905 г. они основали издательство «Содружество»³, в 1907 г. приняли участие в журнале «Старые годы»⁴. Их сотрудничество привело к созданию Маковским ежемесячника «Аполлон»⁵, что явилось, пожалуй, самой значительной вехой творческой биографии критика. Для Рериха «Аполлон» стал крупным изданием, у истоков которого он стоял и в котором публиковался.

После революции 1917 г. пути Маковского и Рериха разошлись. Критик эмигрировал в Прагу, затем в Париж. В Праге его талант искусствоведа и организатора художественных выставок получил не менее яркое выражение, чем в «аполлоновский» период. В 1920-е гг. увидели свет такие значимые его книги по искусству как «Последние итоги живописи»⁶, «Народное искусство Подкарпатской Руси»⁷, «Графика Добужинского»⁸, «Силуэты русских художников»⁹. В парижский период Маковский сосредоточился на литературной критике и собственной поэзии. Проблем изобразительного искусства он лишь касался на страницах своих воспоминаний «На Парнасе “Серебряного века”»¹⁰ и «Портреты современников»¹¹. Искусство Рериха не вызывало у Маковского прежнего восторженного отклика, однако критик признавал его значение в развитии отечественной живописи, благодаря увлечению

Рериха национальным, уважению к традиции. Именно последнее обстоятельство Маковский считал критерием ценности творчества того или иного художника. Такой вывод он сделал ещё в начале 1900-х гг. при подготовке лекций для РШ ИОПХ. И это убеждение стало первой и одной из основных черт его художественной критики.

Следует уточнить, что традицию Маковский понимал широко – как развитие мирового искусства в целом, включая достижения прошлого и современности, наследовать которые невозможно без глубокого их постижения. Сам он начал пристальное изучение мирового искусства, ещё находясь на службе в Государственной канцелярии и сотрудничая с «Журналом для всех». В это время особое значение для молодого критика приобретали отпуска, когда была возможность целиком посвятить себя искусствознанию.

Так, результатом поездки в Германию (август 1903 г., июль 1904 г.) явились публикации в «Журнале для всех» – «Франц Штук»¹² и «Макс Клингер»¹³; в Бельгию (конец июля 1904 г.) – статья о Константине Менье¹⁴. Посещение Франции (начало октября 1903 г.) способствовало написанию для журнала «Искусство» статьи об Эжене Карьере¹⁵. В Вене (осенью 1905 г.) Маковского впечатлило «новое художественное движение» (сецессион – *И. Е.*). В Испании критик пробыл более месяца (август-сентябрь 1904 г.) «в таинственном общении с фантастическим реализмом Веласкеса и Гойи»¹⁶. Он серьёзно изучил искусство Веласкеса и даже собирался писать историю испанской живописи¹⁷. А пока на основе собранного материала Маковский готовил публикацию «Веласкес и современный импрессионизм» для «Журнала для всех»¹⁸, не состоявшуюся из-за разрыва отношений с редактором издания. К счастью, он своим стремлением «понять путь от Веласкеса»¹⁹ сумел заинтересовать Рериха, которому часто писал, комментируя собственные искусствоведческие находки. И Рерих пригласил молодого критика прочесть доклад о Веласкесе в Императорском Обществе поощрения художеств в конце ноября 1904 г.

Доклад не был опубликован целиком, но его основные моменты вошли в текст статьи о выставке «Союза русских художников»²⁰ и нашли отражение во втором томе «Страниц художественной критики»²¹. Перечислим их. Во-первых, это убежденность Маковского, что именно искусство Веласкеса начало период нового искусства. Во-вторых, оно, по мнению критика, дало понимание реализма как «способности воплотить на плоскости всю природу, то есть иллюзию её непостижимой сложности»²². И главное, Маковский в докладе о Веласкесе ввёл термин «дематериализация природы», которым стал пользоваться и в дальнейших критических работах. «Дематериализация природы», по Маковскому, есть «ценный результат острого утончённого отношения к искусству»²³. Все три вывода легли в основу лекций по истории искусства в Рисовальной Школе ИОПХ.

Настойчивое предложение преподавать критик получил от Рериха летом 1906 г.²⁴ Художник стремился привлечь к работе в руководимой им школе молодых талантливых сотрудников. И Маковский начал интенсивную разработку курса лекций. Он приобретал для ИОПХ книги и пособия по искусству, перебрал (по собственным словам) громадный материал и, сославшись на болезнь, неожиданно отка-

зался от предложения Рериха. Болезнь, однако, и об этом Маковский писал матери, была лишь предлогом. Сильнее его беспокоила необходимость «невыносимой» службы в Государственной канцелярии и желание именно писать, а не преподавать. Он просил Рериха устроить ему место библиотекаря в школе Общества с тем, чтобы закончить книгу о русской живописи (имея в виду второй том «Страниц художественной критики»), одновременно готовясь ко Всеобщей истории искусства. Критик полагал, что рассказать историю искусства в 25-ти лекциях труднее, чем написать том по специальному вопросу²⁵.

Всё же Маковский начал преподавать: в ноябре 1906 г. он писал матери о своём намерении вести в Эрмитаж своих учеников и учениц. А в течение зим 1907 и 1908 гг. им был окончательно разработан и прочитан в РШ ИОПХ цикл лекций по темам «История искусства в связи с эстетикой», «Задачи современного искусства», «Искусство Средних веков и Возрождения», «Значение искусства в истории народов»²⁶. Поэтичные по форме лекции Маковского отличала внутренняя логика и обязательное обращение к крупным проблемам искусства. Так, например, блок из 29-ти лекций «История искусства в связи с эстетикой» был основан на понимании красоты. Критик считал, что служение художника красоте есть служение самой жизни, поскольку «красота нужна действию, великому действию эпохи, государства, народа». Красота религии, подчёркивал он, переживёт религию, ведь «творческое слово – несомненное Бога»²⁷.

Ценным свойством Маковского-преподавателя было стремление говорить о явлениях искусства, не опираясь на чужие выводы. Поэтому лекции, посвящённые значению искусства в истории народов, а также искусству Средних веков и Возрождения, критик создал на материале, собранном во время зарубежных поездок. В частности, посещение Греции (летом 1907 г.) «перевернуло» его представление об античном искусстве, знакомом лишь по книгам. Кроме того, Маковский собирался отправиться в Константинополь и Малую Азию: «я приобщусь к святыням византийского искусства», – писал он Рериху, «построю мои лекции по новому плану и, с твоей [Рериха. – И. Е.] помощью, может быть удастся издать хоть часть курса в течение будущей зимы [1908 г. – И. Е.]»²⁸.

Это намерение переросло, по воспоминанию И.Э. Грабаря, в одержимость идеей «создать что-то вроде краткой истории искусств в издательстве Кнебеля»²⁹. Предполагалось, что сам Грабарь напишет введение, а перу Маковского будет принадлежать раздел «Декоративное искусство» (начиная с древнейшего периода). Однако, рассчитанное на двенадцать выпусков издание из-за разногласий Маковского

С.К. Маковский

и Кнебеля не состоялось. Очевидно, что выбор раздела краткой истории искусств не был для критика случаен. «Декоративное искусство» он мог бы посвятить чрезвычайно интересовавшей его проблеме традиции. Для этой работы полезен был и анализ народного искусства Руси (осуществленный им в альбоме «Талашкино» 1905 г.³⁰) и непосредственное знакомство с искусством Древней Греции и Византии.

«Я никогда не думал», – писал Маковский Рериху, «что Древняя Греция ещё так трепетно жива в мраморных обломках, совсем “по-другому” представляется многое, но приятно сознание, что “великое общее” было угадано верно»³¹. Угадать «великое общее» – несомненный талант критика. Его Маковский проявил и годом ранее, когда благодаря «счастливой случайности»³² оказался в Америке. Около десяти дней он провёл в США и Канаде, но в письме Рериху уже счёл необходимым дать характеристику американского искусства. Вот что он писал: «Америка превосходит все ожидания. Новый мир. Новые люди. <...> Америка нарождается. <...> Вот почему в Америке нет искусства (действительно нет, воздух чист!), но есть бессознательное тяготение к своеобразной эстетике, – не к нашей европейской утонченности, сквозящей слабонервным мистицизмом и пресыщенными мечтами, но к эстетике новой жизни, – жизни больших промышленных центров, громадных фабрик, гигантских мостов и гостиниц в тридцать этажей. От типичности этой жизни человечество отказаться не может. Вопрос только в том, как применится к ней новое искусство». Маковский подчеркнул, что в результате знакомства с культурой Америки в его мыслях о «путях» красоты произошёл положительный переворот. И продолжил: «Одно из двух: или истинного искусства больше не будет, а будут только одинокие мечты бесплодно тоскующих о “лучших временах”, – или искусство родится здесь, среди молодой, отважно-энергичной, красивой, варварски-прямолинейной расы “янки”»³³.

Размышления о путях искусства составили проблематику лекций на тему «Задачи современного искусства». В них Маковский противопоставил культуру Нового Света и Европы, обосновал свой взгляд на развитие европейского изобразительного искусства как на постепенную «дематериализацию» природы; рассмотрел то, как уроки, усвоенные искусством России (а именно примитивизм, стилизм, импрессионизм, реализм), проявляются и трансформируются в творчестве отечественных художников.

Судьба материалов по истории мирового искусства, собранных Маковским в период 1903–1907 гг. сложилась по-разному. Они были частично опубликованы в «Журнале для всех», журналах «Перевал» и «Искусство», вошли в 1-й и 2-й тома «Страниц художественной критики» (1906–1909 гг.), а отголоски доклада о Веласкесе были слышны даже в начале 1920-х гг. в книге «Последние итоги живописи». Часть материалов составила лекции для РШ ИОПХ. Многие рассеяны в письмах.

Подготовка курса лекций сформировала Маковского как историка искусства. Она дала необходимый опыт систематизации знаний, позволила развить аналитический подход к проблемам мировой культуры. Кроме того, он обрёл ещё одну характерную черту своей критики – понимание целостности искусства, логики его разви-

тия. А также утвердился во мнении, что художник должен сознавать искусство в его непрерывном движении по пути красоты.

Результат работы Сергея Маковского в РШ ИОПХ замечательно прокомментировал Николай Рерих: «от лекций Сабанеева все разбегались, а когда я пригласил Маковского, аудитория ломилась от слушателей. Молодёжь хочет живое и ценит живой зов»³⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С.К. Маковский в 1900 г. окончил естественнонаучное отделение физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета.

² Об этом см.: *Егорова И.Н.* Н.К. Рерих и С.К. Маковский в «Журнале для всех». 1900-е гг. // *Н.К. Рерих и его современники*. Коллекции и коллекционеры. – Одесса, 2001. – С. 33–47.

³ Об этом см.: *Яковлева Е.П.* Н.К. Рерих и философско-эстетический кружок «Содружество» (1900-е гг.). Тезисы // *Юбилейные Рериховские чтения*: Материалы Международной общественно-научной конференции. 1999. – М., 2000. – С. 189–191.

⁴ «Старые годы» (1907–1916 гг.) – ежемесячник для любителей искусства и старины. Основан В.А. Верещагиным. Издатель П.П. Вейнер.

⁵ «Аполлон» (1909–1917 гг.) – ежемесячное литературно-художественное издание.

⁶ *Маковский С.К.* Последние итоги живописи. – Берлин, 1922.

⁷ *Народное искусство Подкарпатской Руси* / Автор вступительной статьи С.К. Маковский. – Прага, 1925.

⁸ *Маковский С.К., Нотгафт Ф.Ф.* Графика М.В. Добужинского. – Берлин, 1922.

⁹ *Маковский С.К.* Силуэты русских художников. – Прага, 1922.

¹⁰ *Маковский С.К.* «На Парнасе "Серебряного века"». – Мюнхен, 1962.

¹¹ *Маковский С.К.* Портреты современников. – Нью-Йорк, 1955.

¹² *Маковский С.К.* Франц Штук // *Журнал для всех*. – 1903. – № 12. – С. 1411–1412.

¹³ *Маковский С.К.* Макс Клингер // *Журнал для всех*. – 1904. – № 3. – С. 161–167.

¹⁴ *Маковский С.К.* К. Менье // *Журнал для всех*. – 1904. – № 7. – С. 416–422; № 8. – С. 482–498.

¹⁵ *Маковский С.К.* Портреты Карьера // *Искусство*. – 1905. – № 5/6/7. – С. 75.

¹⁶ *Маковский С.К.* Письмо В.С. Миролубову. – 16/29 августа 1904 г. // ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, д. 754.

¹⁷ *Маковский С.К.* Письмо матери, Ю.П. Маковской. – 22 августа 1904 г. // ИРЛИ, ф. 230, д. 616.

¹⁸ *Маковский С.К.* Письмо В.С. Миролубову. – 18 сентября 1904 г. // ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, д. 754.

¹⁹ *Маковский С.К.* Письмо Н.К. Рериху. – 20 июня 1904 г. // ОР ГТГ, ф. 44, д. 940.

²⁰ *Маковский С., Трубников А.* На выставке «Союза русских художников» // *Перевал*. – 1907. – № 4. – С. 48–51.

²¹ *Маковский С.К.* Страницы художественной критики. – СПб., 1909. – Т. 2.

²² *Маковский С., Трубников А.* Указ. соч. – С. 49.

²³ *Маковский С.К.* Страницы художественной критики. – СПб., 1909. – Т. 2. – С. 87.

²⁴ Об этом известно из писем С.К. Маковского матери, Ю.П. Маковской, от 24 августа 1906 г. и 20 сентября 1906 г. // ИРЛИ, ф. 230, д. 616.

²⁵ Об этом известно из писем С.К. Маковского Н.К. Рериху от 6 и 28 сентября 1906 г. // ОР ГТГ, ф. 44, д. 946 и 947.

²⁶ Рукописные наброски лекций хранятся в ОР ГРМ, ф. 97, №532–550.

²⁷ *Маковский С.К.* Страницы художественной критики. – СПб., 1906. – Т. 1. – С. 17.

²⁸ *Маковский С.К.* Письмо Н.К. Рериху. – 23 сентября 1907 г. // ОР ГТГ, ф. 44, д. 951.

²⁹ *Грабарь И.Э.* Письма. 1891–1917. – М., 1974. – С. 182.

³⁰ *Талашкино*. – СПб., 1905.

³¹ *Маковский С.К.* Письмо Н.К. Рериху. – 23 сентября 1907 г. // ОР ГТГ, ф. 44, д. 951.

³² Об этом в письме С.К. Маковского матери, Ю.П. Маковской, от 24 августа 1906 г. // ИРЛИ, ф. 230, д. 616.

³³ *Маковский С.К.* Письмо Н.К. Рериху. – 21 августа 1906 г. // ОР ГТГ, ф. 44, д. 945.

³⁴ *Рерих Н.К.* Из литературного наследия / Под ред. М.Т. Кузьминой. – М., 1974.– С. 431.

Э.М. РОМАНОВСКАЯ

(*Санкт-Петербургское Художественное училище имени Н.К. Рериха*)

БУДЕМ ТВОРИТЬ И ВЕРИТЬ

*...Вы несли нам знания незапылённые,
с любовью устремлялись к истокам
человеческой мысли...*

*Вы учили нас работать, и мы помним
это, работаем и учим...*

*Из письма Н.К. Рериха учителю
гимназии Карла Мая
А.Л. Литовскому.*

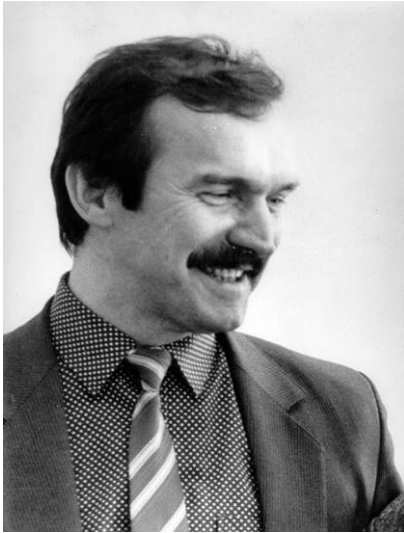
Н.К. Рерих любил повторять: «Всегда верю, что наиболее идеальное является и наиболее практичным». – И добавлял: «Если кто-то будет указывать, что начинание слишком идеалистично и потому стоит вне жизни, скажите ему: “Ошибся, милый, это начинание нежизненно, потому что оно недостаточно высоко”» («Культура и цивилизация»).

В этой на первый взгляд парадоксальной мысли, как мне кажется, заложены основные тенденции педагогических исканий и творческого педагогического опыта Н.К. Рериха, требующего серьёзного исследования.

Ещё задолго до столь желанного назначения директором Школы Императорского Общества поощрения художеств, в 1904 г., в журнале «Весы» художник писал: «Для создания усовершенствованного, справедливого общества надо формировать совершенного человека – надо просвещать его, обогащать его духовно».

Руководство Школой и педагогическая деятельность молодого директора были высоко оценены современниками. Художник и историк искусства, соученик по гимназии Карла Мая, Александр Бенуа отмечал: «На старом, прогнившем, дуплистом пне вдруг появились зелёные ростки, и возникает надежда, что пень снова может вырасти в дерево... Это чудо произошло благодаря энергии одного человека, одного художника – Рериха, заслуживающего всё большее и большее уважение за ту последовательность, с которой он борется за живое искусство против мертвечины и казёнщины».

Всеволод Иванов в эссе «Рерих-мыслитель» восторженно восклицает: «Рерих – ученик Куинджи! Какие имена! Учительство одного по отношению к другому не было простой выучкой. Оно было наставлением в главнейшем, ведущем к тому, что-

Директор Санкт-Петербургского Художественного училища имени Н.К. Рериха **Сергей Алексеевич Киршичѳв**, награждённый посмертно в 2003 г. званием Лауреата Международной премии имени Н.К. Рериха за «за вклад в сохранение педагогических традиций российского художественного образования и возвращение имени Николая Константиновича Рериха Рисовальной школе Общества поощрения художеств – ныне Санкт-Петербургскому художественному училищу имени Н.К. Рериха».

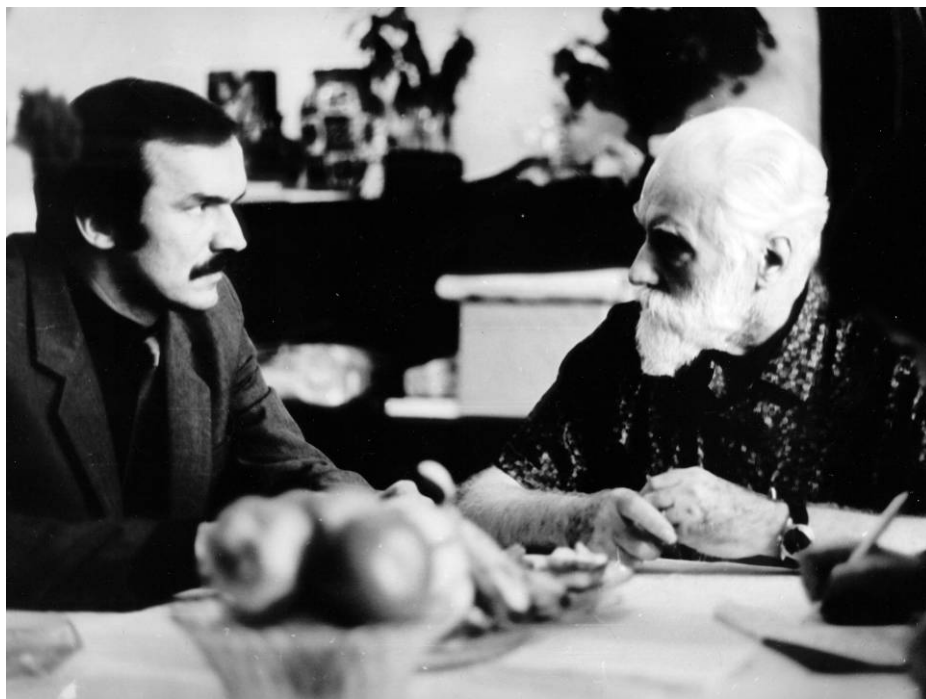
бы выявить внутреннюю сущность художника-ученика. По-моему, главное значение художественного образования заключается в том, чтобы учащимся открыть возможно широкие горизонты и привить им взгляд на искусство как на нечто почти неограниченное».

Это убеждение было близко Рериху. «Человеческий дух похож на электрическую лампочку, её смысл – горение... её нужно включить в живую сеть некоего вселенского тока...» – горячо утверждает он в очерке «Культурность».

Что значит «живая сеть вселенского тока»? Как включить «лампочку» воображения, сострадания, сопереживания, ответственности за то, что происходит вокруг нас и с нами? Эти вопросы волновали Николая Константиновича, ищем ответы на них и мы, наследники Школы Общества поощрения художеств.

Приведу некоторые примеры из опыта педагогической работы по формированию личности и обучению профессиональному мастерству студентов Художественного училища имени Н.К. Рериха.

Память как эмоционально-нравственная категория в развитии творческого потенциала художника имеет ведущее значение, особенно когда она сопряжена с конкретным, реально воплощаемым заданием. На протяжении пятнадцати лет юные скульпторы под руководством художников-педагогов работали над эскизами мемориального комплекса, посвящённого памяти расстрелянных фашистами детей в де-

С.А. Кирпичёв и С.Н. Рерих. Москва. 1984. Фотография из архива автора.

ревне Кирково Волосовского района. В 1985 г., в юбилей сорокалетия Победы над фашизмом, группа студентов защищала диплом непосредственно на объекте, представив государственной комиссии выполненные в дереве и металле памятники мемориала. Работа скульпторов была отмечена премией ленинградского комсомола. Прошли десятилетия, сосна от времени потемнела, как старое серебро, кованные из чугуна журавли всё также рвутся в небо, не давая забыть военные годы лихолетья.

Хочется вспомнить ещё об одном задании. Спустя десять лет, к знаменательной дате пятидесятилетия Победы в Великой Отечественной войне, на скульптурном отделении был выполнен почётный заказ: траурная урна для священной земли Пискарёвского мемориала, где покоятся сотни тысяч жителей блокадного Ленинграда. Сегодня эти памятные урны из обожжённой керамики с барельефом Матери-Родины и словами «Никто не забыт, ничто не забыто» можно встретить в музеях Великой Отечественной войны, памяти жертв Холокоста, в городах ближнего и дальнего зарубежья – от Лондона до Тель-Авива.

С интересом, увлечённо работали студенты над мемориальной доской, посвящённой 120-летию Н.К. Рериха, которая была торжественно в юбилейные дни установлена на доме, где родился и жил художник. Каждый год 1 сентября мы организуем для первокурсников, посвящая их в студенты, автобусные экскурсии по городу, связанные с историей и адресами Школы, подъезжаем и к дому на Университетской

набережной, 25, чтобы возложить цветы к мемориальной доске из красного гранита, с бронзовым барельефом художника и мыслителя – Николая Константиновича Рериха.

Размышляя о природе педагогического труда, Рерих писал: «Сами мы, вспоминая школьные и университетские годы, особенно приветливо оборачиваемся к тем учителям, которые преподавали ясно и просто, будь то высшая математика, или философия, или история».

«Ясно и просто», но, пожалуй, нет ничего сложнее. На занятиях по эстетике я предложила студентам написать «Воспоминание о прошлом» – о войне, используя непосредственные, личные, живые впечатления. Не скрою, что встретила некоторое замешательство. «Что мы можем помнить?» – спрашивали студенты, пожимая плечами и переглядываясь друг с другом. Тогда и возник разговор о памяти чувств, свойственной только человеку, определяющей во многом его нравственные принципы, убеждения, творческую одарённость, о том, что такое любовь, дружба, долг, верность, ответственность... Вспоминали примеры из жизни родителей, бабушек, дедушек, друзей семьи, да просто знакомых.

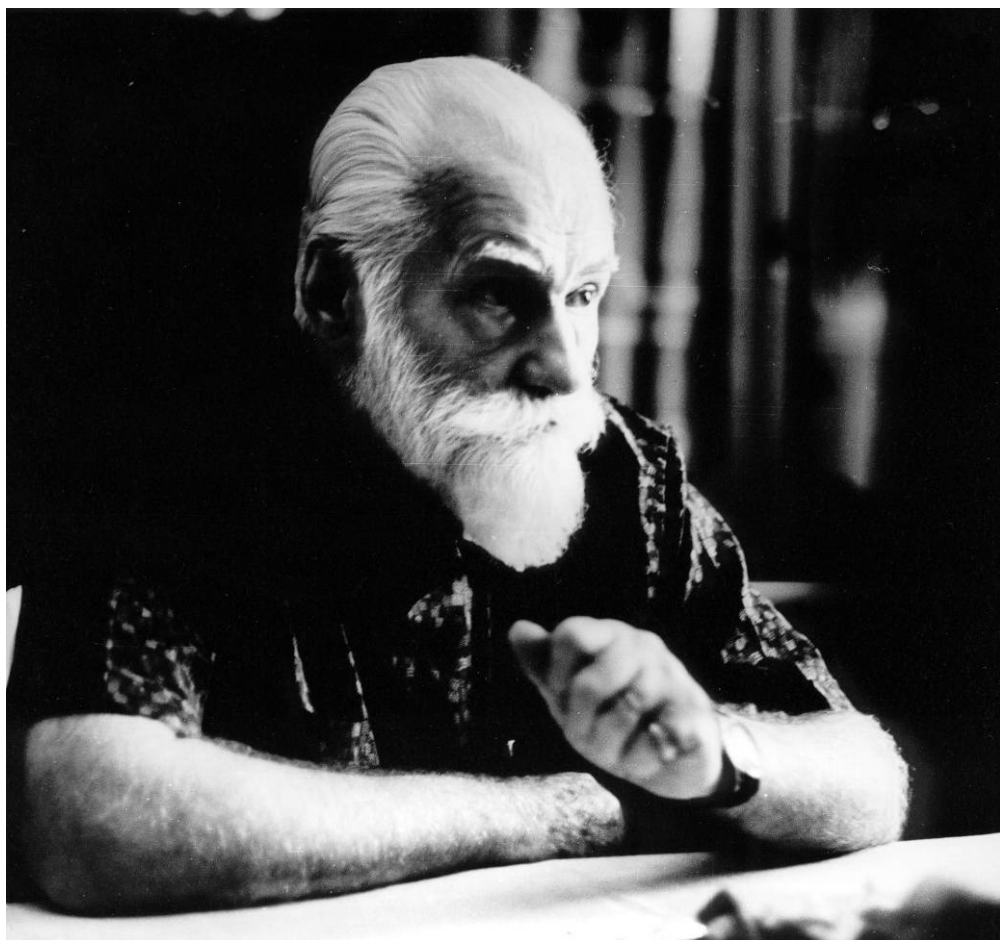
Размышления студентов, мне кажется, могут представлять интерес как штрихи к портрету поколения начала XXI века. «Уходит эпоха тех людей – свидетелей и участников войны, – пишет Таня Жукарина. – Цивилизация вступает в новый век, с огромной скоростью несётся вперёд. Не знаю, туда ли? Мы растём в достаточно сво-

С.Н. Рерих, Э.М. Романовская и С.А. Кирпичёв. Москва. 1984.
Фотография из архива автора.

бодном мире, где есть и добро, и зло... Бомбёжки в Югославии, Афганистане, Чечне... Террористические акты... За этими политическими распрями стоят люди, их смерть, увечье... Вспоминаю слова моей бабушки: «Живите в мире». Это она говорила нам, нашей семье, но я думаю, что они могут быть обращены ко всем людям от имени того поколения, которое пережило войну».

«Для нашего поколения Вторая мировая война – это урок истории, который необходимо высидеть и, по возможности, запомнить даты, имена героев, сражавшихся в главных битвах, – с горечью замечает Полина Борденко. – Мы даже не задумываемся, что все эти бабушки и дедушки, которые превратились в тени улиц, собирающие пивные бутылки, или просто бредущие с авоськой неизвестно куда, и

С.Н. Рерих на встрече с преподавателями Художественного училища имени Н.К. Рериха Москва. 1984. Фотография из архива автора.

Педагоги и ученики Санкт-Петербургского Художественного училища имени Н.К. Рериха у мемориальной доски на доме, где родился Н.К. Рерих (Университетская набережная, 25).

есть те самые герои, что отстаивали нашу страну в годы войны. Именно они сражались и отдавали свои жизни чёрному омуту страха и голода. Они превращались в убийц, чтобы не быть убитыми. Они коверкали свои судьбы, прокладывая трупами дорогу в «счастливое будущее»... А сейчас непрерывная война в Чечне, и умирают мальчишки, которые ещё вчера ходили в школу и дёргали девочек за косички... Ни одно животное, ни одна тварь на земле не убивает себе подобных! Почему же мы, люди – высшие существа, не подчиняемся истинному закону природы?»

«Война – это хаос, убийство человека в самом себе, – с горечью и гневом утверждает Михаил Гладышев. – Чистота полированного металла, которая ржавеет от нескончаемого потока крови».

Какие они, молодые люди конца XX, начала XXI столетия? Что им дорого, что они ценят, «с кого» готовы строить свою судьбу? Ответы на эти вопросы не прямо, а косвенно прозвучали в сочинениях на тему «Красивый человек». С искренним волнением студенты писали о родных, учителях, друзьях, их достоинствах, уме, доброте, душевной чуткости.

Поразило глубиной восприятия многогранности природы человека сочинение Алёны Яковлевой, которая рассказала о живущем в их семье душевнобольном брате отца, её дяде. «Он живёт у нас недавно. За это время я к нему почти привыкла. Привыкла к его хаотичным, беспрерывным движениям, к его высокомерному, строгому выражению лица, к этой вьёвшейся в лоб складке между бровями, к узкой, беспомощной щели рта, заросшей щетиной. И ещё к этим двум звериным, пустым, не выражающим абсолютно ничего глазам. Последние несколько лет он совсем не жил, а только спал, пил таблетки и ел то, что ему давали. Теперь у нас он хоть живёт нормально: выходит из своей комнаты, общается с нами, интересуется открытками, которые лежат у него на столе... В глаза его проскальзывает что-то мученическое. Кажется, будто он с рождения несёт на себе крест за кого-то. Особенно когда он руками с кем-то разговаривает, глядя наверх. С кем ты беседуешь? Я знаю, ты меня не слышишь, ты наполовину ТАМ, ты знаешь больше, чем мы, ты ниже нас, но ты и выше нас! У него очень интеллигентные руки, вытянутые, длинные и очень аккуратные, словно бы предназначенные для какой-то работы, которую он так никогда и не совершит».

Думаю, не требуют комментария эти удивительно добрые и тонкие размышления девушки.

Отдельно хочется остановиться на теме «Мой город». В училище был объявлен творческий конкурс, посвящённый 300-летию Санкт-Петербурга.

В многообразии тем, волнующих живописцев, можно определить три основных направления: «Век нынешний и век минувший», «Блокада» и «Искусство» («Блестящий Петербург», «Бал», «Перед балом»), а рядом сегодняшние будни – «Калинкин мост», «Рабочее утро».

Очень интересно была представлена графика: городские сюжеты, словно чужинное кружево, открывали поэзию Петербурга. В скульптурных композициях, выполненных в разных материалах – гипс, шамот, глазурь, терракота, керамика, эмаль – особое место занимали портреты-медали художников, чьё творчество связано с архитектурой города: Растрелли, Стасов, Старов, Росси, Камерон; убедительно представлено пластическое решение военной темы: «За хлебом», «Похоронка», остро и выразительно выполнены работы на современную тему: «Метро», «Зенит-Чемпион»... Многие из этих работ экспонировались на городской выставке «Традиции и современность» в выставочном зале «Смольный», посвящённой 300-летию Санкт-Петербурга.

Завершить разговор о педагогическом наследии Н.К. Рериха хотелось бы цитатами из сочинений студентов на тему «Мой город», опубликованных 29 мая 2002 г. в газете «Невское время» под общим заголовком «Вечно юный город-щёголь».

Интересную деталь в фонетическом своеобразии речи петербуржцев отметила Ирина Волле: «Алё, это – Питер! Вы через “ч” или через “ш”? Мы – було-Ч-ная, яи-Ч-ница”. Наша буква “Ч”. Мы – чёткость, гранит. Вечный огонь – холодный, стылый... Застывшие кружева блокадных страниц...».

Во многих сочинениях звучит боль за город, который пытается за «театральным блеском» скрыть растущую в нём нищету, неухоженность, одиночество стариков, беспризорность детей.

«Петербург – карнавал, на котором лица героев прикрыты масками благополучия, – пишет Юлия Соколовская, – но за кулисами открывается совсем другой Питер: нищеты, бомжей, грязи, мусора». Но сознание болезни города не умаляет любви к нему.

Поколение молодых «выбирает Петербург». Он – их город: юный, со своей 300-летней историей и своим будущим. «Питер – щёголь, – пишет Анна Родионова. – Он одет в лучший гранитный костюм, у него самое изящное и дорогое кружево, пёстрые шапки-сборы».

«Люди очень часто не отдают себе отчёта насколько ценно само запечатление добрых знаков... – пишет Н.К. Рерих. – Противники всякого энтузиазма хотели бы приучить людей ни на что не отзываться, никак не реагировать и быть к добру и злу постыдно равнодушными. В наши смутные дни особенно много таких серых жителей. В значительной мере именно на них лежит ответственность за глубоко вососавшуюся в общественный строй смуту... Смута, смущённость недалеко от извращённости, сомнительности и боязливости... Если люди попытаются вычеркнуть из бытия своего иногда ими осмеянное слово ЭНТУЗИАЗМ или восторг, то чем же они заполнят эту страшную пустоту в своём сознании? Зброшенный дом. Будем радоваться каждому добру. Ведь оно уже рассеивает чьё-то смущение и заменяет безобразие красотой».

Этот завет Н.К. Рериха, жизнь и творчество которого явились доказательными аргументами его убеждений, лежит в основе просветительских традиций, которые изучает, развивает и исповедует педагогический коллектив Художественного училища, наследника Школы Императорского Общества поощрения художеств – «любимого детища» Н.К. Рериха.

А.Л. МИТРОХИНА

(Студия документального кино «LALvideo», издательство «АСТ», г. Москва)

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТАТАГУННИ **Паломничество 30 лет спустя**

Светлой Памяти Леонида Митрохина посвящается.

Документальный фильм «Возвращение в Татагунни» – последняя работа Леонида Васильевича Митрохина, известного индолога, дипломата и журналиста, который более 38 лет своей жизни посвятил укреплению и развитию культурных и научных связей между Россией и Индией. Л.В. Митрохин – автор книг и статей по истории российско-индийских отношений, истории общественной мысли в Индии, христианства на Востоке, проблемам рериховедения, за свои научные и публици-

стические труды в 1985 г. был награждён правительством Индии Международной премией имени Джавахарлала Неру.

В 1964 г. он познакомился со Святославом Рерихом и Девикой Рани, с которыми его долгие годы связывали дружеские отношения. Л.В. Митрохину было суждено открыть новый этап в развитии мирового рериховедения, которое во многом благодаря его усилиям стало опираться на твёрдую научную основу. Будучи профессиональным историком и специалистом в архивном деле, он не один год занимался научными поисками в Индийском Национальном архиве, где обнаружил уникальные документы Британской разведки о ходе Центрально-Азиатской экспедиции Николая Рериха. Впоследствии он передал их для публикации Л.В. Шапошниковой.

До последних дней своей жизни Л.В. Митрохин изучал наследие семьи Рерихов, опубликовал неизвестные ранее письма Е.И. Рерих к президенту США Ф.Д. Рузвельту, ряд статей о Н.К. Рерихе, работал над документальным фильмом, посвящённом столетию со дня рождения Ю.Н. Рериха, который не успел закончить.

В декабре 2001 г. вместе со своей дочерью он совершил последнюю поездку в Индию, во время которой посетил Бангалор и имение Татагунни, где он не раз бывал в гостях у Святослава Рериха и Девики Рани. Результатом этой поездки стал документальный фильм, который запечатлел драматическую страницу истории наследия этой великой семьи, период безвременья, когда имение Рерихов находилось под арестом индийских властей и постепенно приходило в упадок. Отснятые в этот период кадры ныне превратились в документальное свидетельство ушедшей эпохи – прежний облик скромных могил Девики и Святослава сохранился только на видеопленке.

Предлагаем вниманию читателей текст-сценарий фильма, премьера которого прошла 9 октября 2002 г. в Санкт-Петербургском государственном университете в рамках культурной программы конференции «Рериховское наследие» уже после кончины автора.

Итак, автор сценария – Леонид Митрохин, оператор и режиссёр – Анна Митрохина, монтаж – Юрий Линкевич, производство студии документального кино «LALvideo», 2002 г.

Леонид Митрохин:

«Столицу южно-индийского штата Карнатака, один из самых красивых городов Индии – Бангалор – я посещал многократно. На этот раз я прилетел сюда, чтобы поклониться могилам выдающегося русского художника Святослава Николаевича Рериха и его супруги Девики Рани Рерих, с которыми мы дружили в годы моего пребывания в Индии.

Наш визит начался с посещения великолепного здания Карнатака Читракала Паришатх – Академии изобразительных искусств штата Карнатаки. Нас принимали старые коллеги Святослава, который сам был одним из основателей этого центра культуры. Здесь его помнят по сей день как русского гуру. А я хочу поделиться тем, что открыл для себя. Правительство, меценаты Бангалора создали картинную гале-

рею Николая и Святослава Рерихов, которая могла бы стать украшением любого, самого престижного музея мира.

Профессор Нанджунда Рао, Генеральный секретарь Карнатака Читракала Паришатх, любезно согласился рассказать об истории создания Рериховской картинной галереи. Он дружил со Святославом и Девикой Рани более тридцати лет и поделился своими воспоминаниями о том, как собиралась, картина за картиной, эта уникальная коллекция.

“Святослав Рерих, – рассказывает профессор Нанджунда Рао, – не пропускал ни одного мероприятия, ни одного заседания правления Читракала Паришатх, активным членом которого он являлся. Он был истинным советчиком и наставником для тех людей, которые создавали эту галерею, и мы называли его своим гуру и принципиально следовали его указаниям и советам. Святослав Рерих неустанно повторял: всегда стремитесь к Прекрасному, – продолжает профессор Н. Рао. – Это был величайший художник современности. Он создал множество полотен высочайшего художественного уровня”.

Гордость профессора Рао понять можно: в бангалорской галерее собраны лучшие произведения Святослава Рериха, и посетители Бангалора имеют счастье любоваться прекрасными оригиналами, а не репродукциями в дорогостоящих альбомах.

“Мы мечтали создать картинную галерею Николая и Святослава Рерихов в 1965 г., – говорит Нанджунда Рао. – Но только в 1991 г., когда Девика Рани и Святослав Рерих, будучи не совсем здоровыми, проживали в отеле «Ашока», мы, наконец, получили возможность перевезти картины в нашу Академию художеств, что, нужно сказать, далось нам не без труда. Заинтересованные в наследии Святослава и Девики Рани лица предлагали забрать картины как-нибудь позже. Но я сказал тогда, что без картин не уеду”.

Святослав Рерих, следуя по стопам своего отца, представил миру красоту Индии во всей её полноте. Индия Святослава воплотилась в образе прекрасной Девикки, его жены и подруги. Этот облик вдохновлял его на протяжении всей его долгой творческой жизни.

“Мое счастье, – говорит Нанджунда Рао, – в том, что я получал от них духовное руководство. Я каждую субботу посещал их имение в Татагунни”.

Дорога из Бангалора в Татагунни, имение Девикки и Святослава Рерихов, ничем не отличается от тысяч индийских дорог, по которым мне довелось путешествовать. И вот мы у заветных ворот. Правда, теперь нельзя проследовать через них без разрешения местной полиции. Длившийся многие годы процесс в Верховном суде Карнатаки завершился уже после нашего возвращения из Индии. А пока целая группа претендентов рассчитывала на собственную долю наследства этой семьи – некогда процветавшего имения – Татагунни Истейт. По решению властей имение было на время опечатано и находилось под охраной дюжины полицейских констеблей, представителей местного лесничества. Они круглосуточно следят за тем, чтобы некогда известному всему миру Рериховскому центру искусства не был нанесён ущерб.

Вспоминаются впечатления об этих местах. Трудно узнать уголок, где Девика выращивала свои любимые орхидеи. Теперь здесь скромный некрополь – единственное новшество в этой до боли знакомой усадьбе.

Более тридцати лет назад Девика Рани взяла меня за руку и подвела к небольшому святилищу под гигантским баньяном. Мне и сейчас как будто слышится её голос: “Иди и назови имена богов Шивы и Парвати, а потом позвони в колокол несколько раз и загадай заветное желание. И ты увидишь – всё исполнится!”

К этому священному месту Девика приходила каждое утро, принося цветы и фрукты Шиве и Парвати, поклоняясь небесному единению этих божеств. Возможно, она думала в эти минуты о своём земном союзе. Её избранником был человек из далёкой России, рождённый в православной семье и посвятивший свою жизнь и творчество её родине. Необычен был этот союз, представлявший синтез двух древнейших культур!

Священная индуистская служба – пуджа – ежедневно проводится в святой святой как гигантских, так и небольших храмов Индии многие тысячи лет. Для нас пуджу проводил господин Раджу, сотрудник Карнатака Читракала Паришатх в Бангалоре. Представитель высшей брахманской касты, он исполнял на первый взгляд простой и непритязательный ритуал с достоинством истинного жреца, ибо искусство поклонения богам издревле передаётся в религии индуизма от поколения к поколению.

Очищающие звуки колокола, вкушение плодов, освящённых присутствием богов... Вот, наконец, мы чувствуем, что готовы пойти поклониться могилам ушедших друзей.

Святослав Николаевич Рерих был похоронен в соответствии с православным обрядом. Здесь же место кремации, или самадхи, Девика Рани. Время поистине безжалостно! Кто мог вообразить в те годы, когда они впервые встретились, а затем скрепили свой брачный союз, что место их погребения будет недостижимо для многих миллионов их поклонников и друзей, а уж тем более, что несколько лет оно будет находиться под полицейским арестом!

Стражи порядка следовали за нами повсюду. Бдительные охранники сначала с интересом следили за нашими передвижениями и суетой, но через несколько часов это их перестало развлекать.

В этой скромной обители семья Рерихов день ото дня трудилась на благо культурного сближения России и Индии. Время и равнодушие не пощадили даже дом и мастерскую. На ступенях главного входа охранники готовят свой скромный обед. Мне страшно хотелось заглянуть внутрь здания: что осталось от того, что напоминало бы о моих прежних визитах? Охранники не препятствовали. Надеюсь, что я не злоупотребил гостеприимством властей штата Карнатака, которые делают всё, чтобы не допустить дальнейшего разорения имения и сохранить его для будущих поколений как настоящее достояние.

Помнится, что в этой мастерской Святослав Николаевич собственноручно показывал мне свои картины. Более ста полотен в тяжёлых рамах, одно за другим, он сам ставил на мольберт.

Сюда гостей не приглашали – здесь была спальня. Обеденный зал невозможно узнать. Помню, здесь, где сейчас царит беспорядок и запустение, меня принимали с русско-индийским гостеприимством. Девика обожала московский шоколад и могла уничтожить коробку привезённых в подарок конфет за какие-нибудь полчаса. Спиртное было не свойственно этому дому, но в особых случаях здесь поднимали стакан вина в честь приезда друга.

Гибель имения Святослава и Девики следует остановить немедленно, и уже имеется проект его восстановления. Редкой породы деревья, производящие особую разновидность эфирных масел, используемые в парфюмерной промышленности, нуждаются в постоянном уходе. Фабрика, некогда производившая ценную продукцию, практически развалилась. Когда-то Святослав Николаевич очень гордился своим творением. Теперь его состояние мало кого тревожит.

А это складское помещение использовали для хранения плодов деревьев. Когда их набиралось достаточное количество, их переносили на фабрику и загружали в специальные металлические ёмкости. Вода подавалась из этого колодца. Под давлением пара драгоценное масло собиралось в оцинкованные бочки, их заваривали и отправляли на заводы Индии и в зарубежные страны, включая Францию.

Живописное озеро в центре имения окружено лесом. Оно привлекает прижившееся здесь стадо слонов. Однажды, совершая утреннюю прогулку, мы со Святославом Николаевичем наблюдали их на водопое. Они никогда не приближались к жилым помещениям, но теперь, как пожаловался нам лесничий Сиддалига Мурти, они подходят по ночам прямо к дому, и единственный способ их остановить – это предупредительные выстрелы в воздух.

Но вот другие божьи твари – белые муравьи, или термиты – медленно и уверенно меняют ландшафт имения, воздвигая разрушительные для него красного цвета сооружения – термитники. Менее опасны и гораздо более забавны обезьяны, которые чувствуют себя хозяевами имения. Их никто не беспокоит, и они чувствуют себя в полной безопасности, играя и перепрыгивая с дерева на дерево. Мы уже собирались уезжать, но не смогли не заснять на плёнку собиравшуюся совершить сестру молодую обезьяну, на которую заезжие иностранцы не производили никакого впечатления.

Итак, прощай, Тагагунни! Всё-таки я рад встрече с тобой. “Вновь я посетил тот уголок земли”, где жили необыкновенные люди, с которыми было счастье общаться, переписываться и даже строить планы на будущее. Прощайте, дорогие русскому сердцу могилы! Не знаю, встретимся ли вновь.

Шумные улицы города и дружелюбные лица бангалорцев уводят нас от философских раздумий. Бурлящая, насыщенная событиями деятельность Карнатака Читракала Паришатх возвращает нас к жизни. Здесь она воистину бьёт ключом. Всевозможные конференции, творческие мастерские, празднование юбилейных дат – всё это, словно поток, увлекает посетителей, людей творчества и активистов художественного центра. И за всем этим чувствуется рука неутомимого директора – профессора Нанджунды Рао. Он-то и пригласил нас принять участие в сессии очередного симпозиума.

Человек, сидящий в президиуме, оказался старинным другом Святослава и Девики, его имя Кишор Кеджривал. Это крупный промышленник, потомственный коллекционер, тонкий ценитель искусства, подлинный энтузиаст дела сохранения и пропаганды наследия Рериха в Бангалоре. Устоять перед магией этой личности невозможно. Мы стали друзьями сразу, едва обменявшись несколькими фразами. Про себя я окрестил его “индийским Третьяковым”.

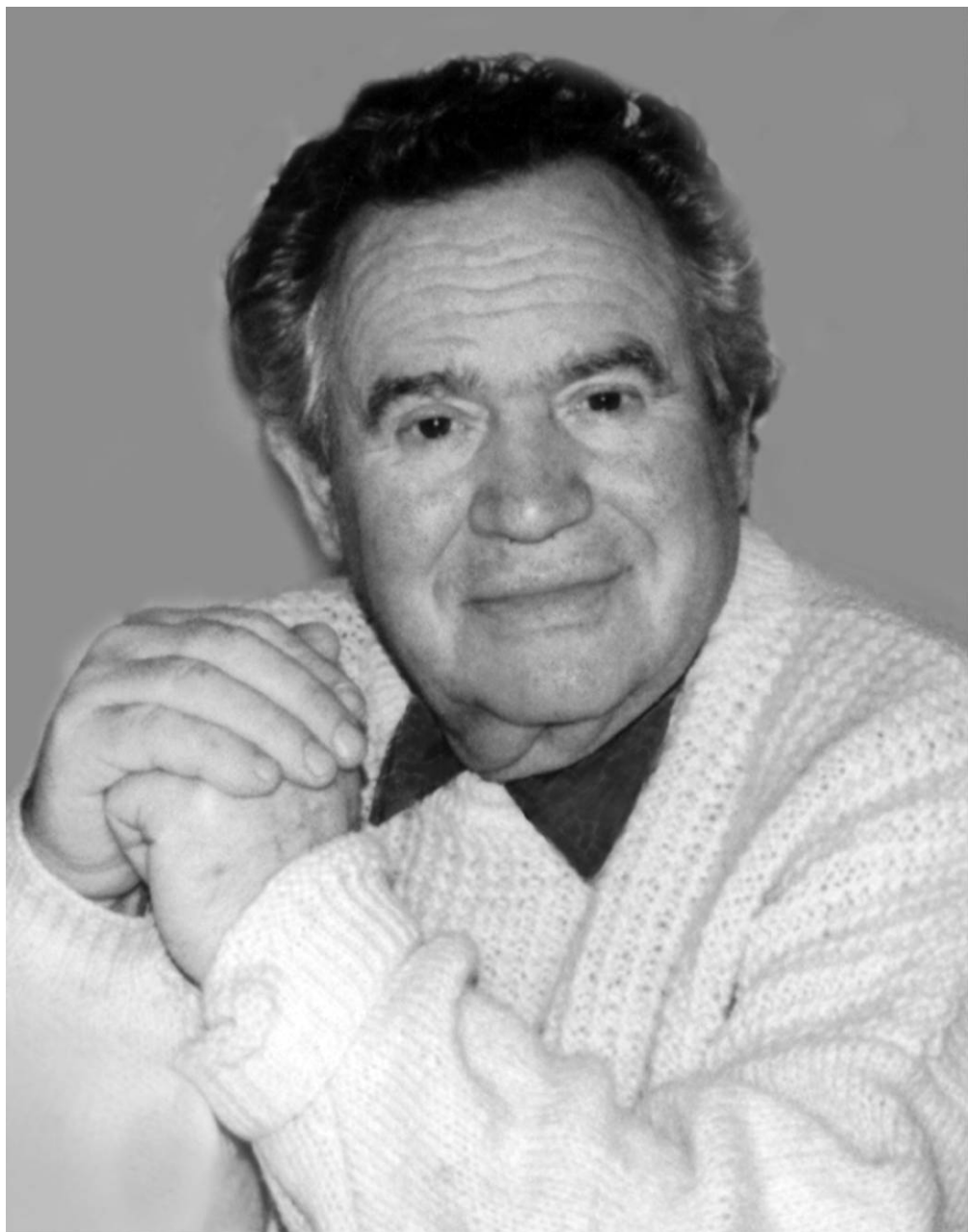
“Между прочим, – похвастался он, – у меня дома двадцать четыре картины Рериха”.

Несколько коллекций из его несравненного частного собрания выставлены для постоянного показа в залах Карнатака Читракала Паришатх, одним из основных персональных спонсоров которой он является. Он пригласил нас к себе домой, и вот мы очутились в царстве Кеджривала, наполненном экспонатами, которым позавидовал бы любой музей мира.

“Святослав поделился со мной идеей создать художественный центр, – рассказывает Кишор Кеджривал. – Серьёзное дело я всегда готов поддержать. Тогда Читракала Паришатх помещалась в двух-трёх небольших комнатах. Он познакомил меня с Нанджундой Рао, которому я сказал, что вижу смысл только в создании большого центра искусств. В любом случае, я готов был поддержать это начинание. На этом мы и порешили. Я обратился за помощью к тогдашнему Главному министру штата, а также к моему большому другу, который занимает этот пост сегодня. Они и помогли нам приобрести подходящий участок земли. Я был его первым владельцем. Главный министр сказал, что такой грандиозный проект требует больших вложений, а денег было всего 500 тысяч рупий. Это был 1971-й год. И он добавил ещё 100 тысяч рупий. Я со своей стороны тоже оказывал материальную поддержку, и мы начали строительство здания художественной галереи, которая построена в стиле традиционной архитектуры штата Карнатаки IX века. Вскоре здание было готово. Но кто пойдёт смотреть на пустые стены? И мы наполнили новые залы картинами и предметами искусства из моего фамильного собрания. Так была создана коллекция Кеджривала, которая составляет основу экспозиции галереи. Каталог с предисловием Главного министра штата имеет внушительный вид, а мы работаем, продолжая дело, которое начинали со Святославом”.

Залы, где выставлены произведения Николая и Святослава Рерихов, посещают студенты, любители искусства, простые люди – словом, тысячи посетителей Карнатака Читракала Паришатх. Быть может, и эти деловитые школьницы по дороге домой заглянут сюда, чтобы посмотреть на творения русского художника, который всю жизнь рисовал Индию. Впрочем, как и эти девочки – ученицы Шри Ауробиндо Мемориал Скул, во главе которой стоит замечательная женщина по имени Адити, называющая себя ученицей Святослава Рериха.

Я познакомился с госпожой Адити около 25 лет назад. Я преклоняюсь перед её талантом педагога и руководителя одного из лучших образовательных учреждений Карнатаки. Она поделилась воспоминаниями о последних часах жизни человека, который был дорог нам обоим.

Российский индолог, журналист-международник, писатель, кандидат исторических наук
Леонид Васильевич Митрохин.

“Мы вели со Святославом дискуссии, беседы, – рассказывает госпожа Адити. – И это гораздо больше обогащало мои представления о мире, чем дальние странствия. Таким уж человеком был Святослав – утончённым, знающим! Так случилось, что я много раз давала ему свою кровь, у меня был очень высокий уровень гемоглобина, около 14–15 единиц. В последний день его жизни мне снова позвонили, и я приехала в Манипал-госпиталь ещё утром. У меня взяли очередную порцию крови, и я осталась лежать, как и полагается после подобной процедуры. Половина порции уже была введена Святославу. Около него находилась Тереза, очень внимательная, заботливая медсестра. Я отдыхала в соседней комнате. Тереза позвала меня, сказав, что он закрывает глаза. Я подошла к нему. Он был тих и умиротворён. Таким он ушёл из этой жизни.

Однако наш последний разговор состоялся днём раньше. Это было подлинное общение, которое только возможно между двумя человеческими существами. Он взял мои руки в свои ладони, вот так. Его взгляд выражал покой и просветление... После смерти тело Святослава было перевезено в госпиталь Сент-Джон, это было в субботу, да-да, субботу. Я сопровождала тело в карете скорой помощи. Потом тело было доставлено в Читракала Паришатх и установлено в фойе. Над гробом поместили картину, на которой изображен Иисус Христос – «Возлюби ближнего своего». Тело было покрыто национальным флагом Индии. Множество людей пришло проститься со Святославом – посол России Александр Кадакин, госпожа Шапошникова, много других русских. Гроб отвезли в церковь, где произошло отпевание. Тело Святослава привезли в имение Татагунни, был дан салют из ружей, гроб опустили в землю. Я ясно помню этот день, будто это было вчера. Так закончилась великая жизнь великого человека.

А потом возникла необычайно сложная, запутанная ситуация, – продолжала свой рассказ госпожа Адити. – В ней появилось множество подводных течений, причём с самых разных сторон – индийской и российской. Российская сторона не проявляла персональных притязаний, она стремилась сохранить Рериховское наследие. И я считаю это правильным. Иначе мы не имели бы того, что имеем сейчас. Думаю, со временем проблемы разрешатся. То, что происходило после смерти Святослава, не должно было происходить! Но никто не управлял событиями, они развивались стремительно. Сегодня мы можем оглянуться назад, а тогда не могли предугадать, что самое худшее ещё впереди. Положение вещей на самом деле было ужасающим: были времена, когда встретиться с Рерихом было практически невозможно! Однако это объяснимо. Ведь все мы люди. Каждый из нас действует в соответствии со своей природой, а она у всех разная. Если у вас чистая душа – это Божье благословение. Это значит, что вы всегда будете поступать правильно, ибо Господь руководит вами. Поэтому необходимо развивать в себе доброе начало. Это очень важно. Так я говорю своим ученикам”.

Мы не сомневаемся, что под руководством директора Адити учащиеся этой школы постигнут идеи Рериха о красоте окружающего мира, о благородстве, о любви к своей стране, о взаимопонимании между народами.

Впитывают красоту произведений Рерихов, величие их искусства практически с молоком матери смотрительницы залов Николая и Святослава и эта крохотная девочка, которая пытливо смотрит на нас с экрана. Она, несомненно, будет знать и понимать их творчество по-настоящему глубоко, и сумеет рассказать о нём грядущим посетителям галереи, где хранятся работы русских художников, запечатлевших красоту её родины...».

Это текст отец не успел закончить. Светлая ему Память!

В.Л. МЕЛЬНИКОВ

(Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург)

«ВСЁ ХРАНИТСЯ И ДЕЛАЕТСЯ, КАК ПРИ ОТЦЕ»

*Светлой Памяти Кирилла Беликова
посвящается.*

К сожалению, день 19 сентября 2003 г. продолжил список невосполнимых потерь – ушёл из жизни преданный друг и сподвижник семьи Рерихов – Кирилл Павлович Беликов. Эта скорбная весть прилетела к нам от его дочери и жены из Таллинна, где всю жизнь прожил Кирилл Павлович.

Став достойным продолжателем дела своего отца, Павла Фёдоровича Беликова, известного писателя, собирателя и хранителя уникального архива документов о семье Рерихов, Кирилл Павлович был для нас воплощением совести и чести Рериховского движения. В последние годы из-за болезней ему не всегда удавалось твёрдо держать светильник своего сердца, но он непрерывно светил всем, кто обращался к нему за советом, подсказкой, материалами.

Всю свою жизнь К.П. Беликов был правой рукой своего отца – выдающегося человека, бывшего для него во всех отношениях идеалом. И когда в 1982 г. отца не стало, К.П. Беликов подхватил его работу по мере сил.

Он продолжил общение Беликовых с великой семьёй Рерихов, с которой глава семейства был связан ещё с начала 1930-х гг. Дружеские слова поддержки в трудное время перестройки его жизни незамедлительно прилетели из Индии – в письме супруги Святослава Николаевича Рериха Девики Рани. С лета 1982 г. на старый адрес в эстонском посёлке Коце-Ууэмыйза продолжали идти письма Рерихов, только теперь их получателем стал Кирилл Павлович:

«Нет никакой необходимости людям, называющим себя мистиками, участвовать в работе, посвящённой Святославу Николаевичу и Николаю Константиновичу... Я чувствую, что ты не должен смешиваться с ними. Книгу и библиотеку твоего отца никто не должен видеть и трогать, если только он не был связан с его работой. Исключения могут быть сделаны для выдающихся людей и его учеников. Его наследие никоим образом нельзя разделять. Если твоя мать пожелает, она может его перевести на твоё имя, и ты сможешь делать то, что считаешь необходимым и лучшим для продолжения работы отца.»

Я тебя очень люблю, но всё же больше люблю и восхищаюсь твоим отцом, и поэтому всё, что связано с ним, должно быть цело и неделимо. Конечно, я пишу это тебе как другу. Ты должен это передать своей матери» (письмо Девикки Рани Рерих К.П. Беликову 15 июня 1983 г.).

«Я надеюсь, ты продолжаешь работать в библиотеке Павла Фёдоровича и понимаешь, что эти материалы нельзя передавать в какой-либо институт или частному лицу» (письмо Девикки Рани Рерих К.П. Беликову 28 октября 1983 г.).

Эти слова поддержки определили многое в дальнейшей жизни Кирилла Павловича. В целом момент ухода отца – поворотный пункт в его биографии. Огромная ответственность легла на его плечи. Это он почувствовал сразу, ибо непрерывный поток корреспонденции, обращений, инициатив и т. д., стекавшийся к отцу, теперь нуждался в его постоянном внимании. И он заступил на место Павла Фёдоровича, помня о его доброжелательном отношении к вновь приходящим исследователям, зная особый стиль его работы – чёткий, конкретный и вместе с тем широкий, масштабный.

Сначала робко, а затем в полный голос он откровенно делился со Святославом Николаевичем и Девикой Рани всеми новостями и сокровенными думами. И здесь он всецело следовал отцу, который переписывался с Рерихами без малого 45 лет.

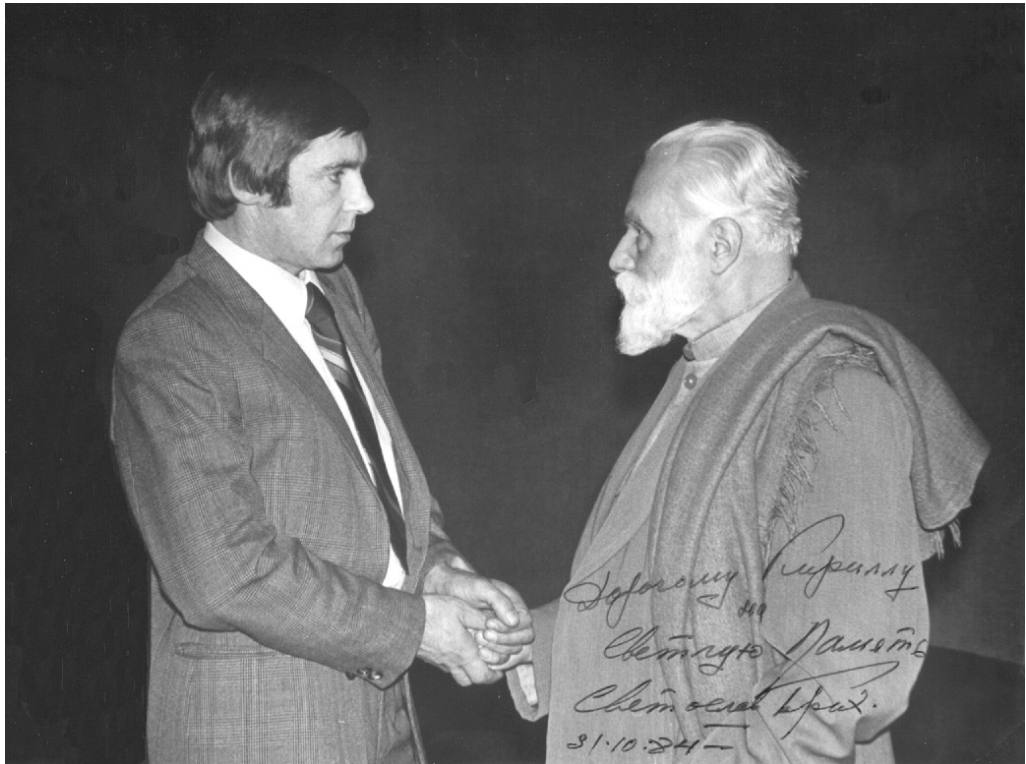
Вскоре Святослав Николаевич и Кирилл Павлович повидались в Москве. И с новой силой и полной ясностью вспыхнула в его сознании решимость следовать по выбранной им дороге духовного поиска и развития культуры сердца. Он всегда был честен и открыт. Видимо, поэтому Святослав Николаевич и Девика Рани доверяли ему свои переживания и волнения о судьбах наследия своей семьи на Родине, как прежде и его отцу.

Однажды при встрече в Москве в 1982 г. Святослав Николаевич спросил Кирилла Павловича: «Почему дела с общественными начинаниями в России так медленно продвигаются?» Кирилл Павлович не нашёл быстрого ответа, ибо был по своей природе правдив. Он никогда не объяснял то, в чём сам до конца не разобрался, и никогда не искал виноватых, обвиняя во всяком негативном явлении окружающей жизни прежде всего самого себя. Ответ он послал позже. В письме Святославу Николаевичу 6 июня 1983 г. он писал:

«Не хватает деловых людей? Возможно. Но и деловым людям мешают фанатики, которые от жизненного понятия идей Живой Этики ударяются в мистику и какое-то сектантство, связывая это с именем Рерихов. Конечно, такие действия не поощряются и вносят всевозможные разногласия и затруднения.

В последнее время и у нас появилось много “яснослышащих”, занимаются медитациями, сами понимаете, на каком “уровне”. К сожалению, упоминают имена Учителей, и всё это плохо отражается на правильных путях. Почему-то много людей со слабой психикой стараются прикоснуться к Великому и толковать на свой лад».

Имея такие ясные убеждения, позволяющие ему безошибочно отличать «зёрна» от «плевел», Кирилл Павлович никогда не рвался в «лидеры», держался в стороне

К.П. Беликов и С.Н. Рерих. Москва. 1982. Фотография из архива семьи Беликовых с надписью: «Дорогому Кириллу на Светлую Память. Святослав Рерих. 31.10.84».

от склок и прочих негативных явлений внутри Рериховского движения. «Святослав Николаевич, Вы знаете, что никакой выгоды или “первенства” я не ищу. – Писал он в письме 15 августа 1987 г. – Ко всем стараюсь относиться дружелюбно... Естественно, я не имею авторитета, и со мною не принято считаться». Так трезво он оценивал себя, и эту трезвость ценили Рерихи. По их просьбе и по примеру отца он продолжал сообщать им об обстановке в Рериховском движении. При этом он внутренне всегда чувствовал себя свободным, не признавал никакого давления, действовал не по указке отдельных лиц, а по зову собственного всегда искреннего сердца.

Он был очень совестливым человеком, глубоко переживающим моральную нечистоту того или иного сотрудника. В его письмах много таких искренних переживаний. Он твёрдо знал, что «“передразги” вокруг имени Николая Константиновича ни к чему хорошему не приведут» (письмо Л.С. Митусовой 18 июля 1983 г.). Соглашался, что духовность не имеет национальности: «...Духовность или “есть”, или “нет”. Знаю со слов Святослава Николаевича, что были и раньше сложности во взаимоотношениях сотрудников, но их надо преодолевать мирным путём, подходить с позиции канона “Господом Твоим”. Конечно, люди такого уровня, как Рери-

хи, встречаются на нашей земле очень редко. Они не способны обижаться на нас грешных – прощают наши несовершенства и недостатки, стоя выше этого. А когда мы, прикоснувшись к высоким понятиям, остаёмся мелочными, – виноваты сами» (письмо Л.С. Митусовой и В.Л. Мельникову 4 января 1997 г.).

«Всё хранится и делается, как при отце», – за этими словами в письме Рерихам 15 августа 1987 г. стоит много созидательных усилий. Он не только продолжал систематизировать материалы, собранные отцом, но и сам активно пополнял архив и библиотеку, порой весьма ценными экспонатами. Например, зимой 1985 г. ему удалось приобрести редкую монографию «Рерих», изданную в 1916 г. в петроградском издательстве «Свободное искусство». Этой радостью он сразу поделился со Свято-славом Николаевичем и Девикой Рани: «Её не было в архиве, и я доволен, что он как-то пополняется. Всё-таки многие люди, занимающиеся наследием Вашей семьи, приезжают сюда и находят нужное для души и работы» (письмо 10 декабря 1985 г.). Постепенно он привёл архив и библиотеку в более доступное для исследователей состояние – составил подробные описи, каталоги всех папок. Много работал и над перепиской отца, ибо находил в ней много ценного. «Вижу, как ознакомление с перепиской отца хорошо действует и воспринимается людьми, которым я давал читать её», – сообщал он С.Н. Рериху и Д.Р. Рерих в том же письме. Об этом же он писал Рерихам через год: «Вообще чувствуется проявление широкого интереса людей к Учению. Понимание необходимости культуры, внутренней готовности, а не просто удовлетворения любопытства. Часто приезжают сюда. Стараюсь помочь им литературой. Хорошо воспринимаются записи отца, они как бы связующая нить нашей повседневной жизни с Учением» (8 декабря 1986 г.).

Но прежде работы над письмами после ухода отца он занялся подготовкой к изданию его опубликованных и неопубликованных трудов и, особенно, последнего его сочинения – «Рерихи. Опыт духовной биографии». Поначалу много опасений у К.П. Беликова вызывало бесконтрольное копирование рериховцами этой по сути незавершённой рукописи. В письме к Людмиле Степановне Митусовой 30 ноября 1983 г. он писал: «Надо всё-таки осторожнее с этой книгой. Может принести вред в отношении имени отца в официальных кругах. Да и не все “свои” её правильно понимают. Отец писал её, конечно, для чтения и давал её многим для ознакомления. А мне теперь кажется, что ещё рано она распространилась. Сокровенное будут возводить в какой-то “ранг” секретности». В дальнейшем эти слова Кирилла Павловича в полной мере оправдались. До конца своих дней он работал над редактированием этой книги. Главное, что он стремился достичь в этой работе, – это максимально сохранить ход мысли отца, знания которого были основаны не только на архивных документах, но и на личном контакте с Рерихами. Отец был воплощением устной традиции высокого ученичества, и К.П. Беликов, перенявший многие отцовские наставления, эту традицию продолжал. В полной мере это проявилось и в подготовке к изданию рукописи отца о творчестве С.Н. Рериха при участии А.Н. Анненко и Р.Б. Рыбакова.

Особым было его отношение к друзьям Павла Фёдоровича, которые остались и его друзьями. Здесь нельзя не упомянуть о его трепетном отношении к Людмиле

Степановне Митусовой, общением и дружбой с которой он очень дорожил. «Все очень хорошо к Вам относятся, уважают, любят и желают только добра... Перечитал письмо – какое-то несвязное, в душе всё по-другому. “А душу можно ль рассказать?”» (письмо Л.С. Митусовой 30 ноября 1983 г.). Эти и подобные им слова были не раз посланы Людмиле Степановне в трудные годы её одиночества и невзгод для поддержки. «Надо стараться думать о чём-то Вечном (помнить об Учении, о Елене Ивановне). Это как бы провести более длинную линию, которая “умалит” (сделает меньше, проще) наши преходящие неурядицы. Конечно, “говорить легко”, в жизни всё сложнее. Но от всей души желаем Вам спокойствия Духа, оно помогает во всех наших затруднениях» (письмо Л.С. Митусовой 8 мая 1984 г.).

Кирилл Павлович продолжил развитие многих ответственных начинаний, связанных с наследием семьи Рерихов в новейшее время. Музеи и мемориальные кабинеты в Москве, Барнауле, Изваре, Верхнем Уймоне, Санкт-Петербурге и т. д. не остались без его участия и помощи. «Мне писали из Бологого. – Сообщал он Рерихам в Индию 8 декабря 1986 г. – Там хотят создать экспозицию в бывшем имении Пуятинных (место встречи), посвящённую Николаю Константиновичу и Елене Ивановне». И это далеко не единичный случай такой отзывчивости и помощи.

Именно К.П. Беликов снабдил Кеннета Арчера ценными материалами для воссоздания «Весны священной» Игоря Стравинского – Николая Рериха – Вацлава Нижинского на театральных подмостках Лос-Анджелеса и Нью-Йорка осенью 1987 г. Об этом он с удовлетворением «отчитался» перед Святославом Николаевичем в письме 21 февраля 1987 г. Вообще, многие его письма Рерихам 1980-х гг. похожи на отчёты, порой весьма подробные и содержательные. Чувствуется, как эти письма-отчёты дисциплинировали его волю и сознание. В каком-то смысле они являются образцовыми для составления характеристик участников событий и обобщения результатов сделанного.

В конце 1980-х гг. Кирилл Павлович подступился к труднейшей задаче – дальнейшему сбору и систематизации литературного наследия Н.К. Рериха, включая письма. В этом деле ему много помогал москвич Д.Н. Попов, о котором 22 января 1988 г. он писал Рерихам: «Добросовестный и работоспособный человек».

Волновала его и судьба квартиры Ю.Н. Рериха в Москве. В этом вопросе К.П. Беликов руководствовался прямыми указаниями Святослава Николаевича, на встречи с которым в Москве он буквально «прилетал» из Таллинна. А когда вновь наступало расставание, преисполненный глубочайшей благодарности, он писал: «Большое Вам спасибо за встречи. Хотя спокойно поговорить и посоветоваться с Вами в гостиничной суете не удаётся, но, находясь рядом, воспринимаешь Ваше мудрое отношение к делу, людям. Это обогащает и помогает многое осмыслить и понять глубже» (письмо С.Н. Рериху и Д.Р. Рерих 15 августа 1987 г.).

Слова, сказанные при этих встречах или по телефону, навсегда врезывались в память. Воспоминаниями о Рерихах он щедро делился со всеми, а порой побуждал к такому «даянию» и своих современников, знавших эту семью. Например, Л.С. Митусовой он писал: «Людмила Степановна, Вы так близко к сердцу принимали, чувствовали Юрия Николаевича, что просто необходимо оставить какие-нибудь

записи о нём. Вы рассказывали при встрече, но знаете, как многое потом “теряется” в потайных уголках нашей, увы, несовершенной памяти» (21 декабря 1983 г.). Будучи уже безнадежно больным, не в силах записывать самостоятельно, незадолго до кончины он надиктовал своей жене Алле Павловне воспоминания о встречах со Святославом Николаевичем и Девикой Рани, выполнив тем самым до конца свой долг памяти перед семьёй Рерихов (см. в приложении).

Неслучайно, уже в самом конце жизни С.Н. Рериха, в 1992 г., он удостоился чести быть приглашённым в члены авторитетного Международного Мемориального Рериховского Фонда, учреждённого в Бангалоре под руководством С.Н. Рериха. Письмо от самого Святослава Николаевича, в котором К.П. Беликов приглашался в члены упомянутого Фонда, свидетельствует о высшей оценке его личного вклада в сохранении и изучении наследия семьи Рерихов и той бессмертной культурной традиции, которой они следовали.

Для нас особенно драгоценны были встречи с Кириллом Павловичем в феврале 1998 г. в Коце-Ууэмыйза, когда он потратил столько сил, чтобы поддержать всеми возможными материалами организуемый в Санкт-Петербурге Музей-институт семьи Рерихов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К.П. БЕЛИКОВ

ЧЕРНОВЫЕ ЗАПИСИ О ПРИЕЗДАХ С.Н. РЕРИХА В СССР

ПУБЛИКАЦИЯ А.П. БЕЛИКОВОЙ И Г.К. БЕЛИКОВОЙ

Наконец-то мы можем выслать заметки Кирилла Павловича о приездах Святослава Николаевича. Он надиктовал их А.П. Беликовой, своей жене и моей матери, буквально в последнюю неделю жизни. Откорректировать и проверить не успел. Поэтому прошу не взыскивать строго в случае выявления неточностей в датах, мероприятиях, фамилиях и прочих сведениях.

Родные Кирилла Павловича считают эти заметки не просто мемуаристикой, а памятью о последних днях жизни отца. Поэтому публикацию этого текста хочется сделать как можно доступнее и обширнее. В местной эстонской прессе заметки тоже выйдут в сокращённом варианте в материале, посвящённом отцу.

Галя Беликова

Мой отец, Павел Фёдорович Беликов (1911—1982), встретился со Святославом Николаевичем Рерихом (1904—1993) в 1960 г., во время его первого приезда в Советский Союз. Заочно они хорошо знали друг друга, а с этой встречи началась постоянная переписка. Перед каждым приездом на Родину, отец подробно информировал Святослава Николаевича о состоянии дел, интересующих Святослава Николаевича, что было совершенно необходимо для пребывания его в СССР.

У Святослава Николаевича с отцом было настолько единое мнение по всем вопросам, что они понимали друг друга без длинных обсуждений.

Большую часть переписки занимала тема составления библиографии работ Николая Константиновича Рериха (1974–1947), а в дальнейшем – работа Павла Фёдоровича над книгой о Н.К. Рерихе.

О каждом своём приезде Святослав Николаевич извещал Павла Фёдоровича телеграммой или письмом. Павел Фёдорович почти неотлучно находился со Святославом Николаевичем во время его визитов. В 1974–1975 и 1981-м гг. я вместе с отцом ездил в Москву и Ленинград для встреч со Святославом Николаевичем и Девикой Рани Рерих.

В 1974 г. впервые в Союзе широко отмечался юбилей Н.К. Рериха. В Москву приехали Святослав Николаевич с Девикой и Зинаидой Григорьевной Фосдик. Состоялся Торжественный вечер в Большом театре. Открылась рериховская выставка в Третьяковской галерее. Там меня и представили Святославу Николаевичу. Он сразу спросил: «Какое впечатление от выставки?». Прямой, с красивой сединой, во всём облике – благородство. Его сразу же окружили посетители музея. Кто-то сказал: «Прямо царь-батюшка!». На выставку Святослав Николаевич приходил каждый день, в течение одного – полутора часов отвечал на вопросы. Люди окружали его плотным кольцом, бывало, приходилось сдерживать натиск толпы.

Обычно Святослав Николаевич и Девика Рани останавливались в гостинице «Советская». Святослав Николаевич не любил современных интерьеров и в гостинице «Россия» чувствовал себя неуютно.

Святослав Николаевич сохранил красивый русский язык. Девика Рани по-русски не говорила, но кое-что понимала. Владела немецким, отдельные фразы знала по-фински, так как, будучи киноактрисой, снималась в Финляндии. Между Девикой Рани и Павлом Фёдоровичем сложилась своеобразная манера общения – Павел Фёдорович знал кое-что по-немецки и по-фински. Святослав Николаевич, слыша их разговор, показывал рукой на потолок (так в те времена указывали на подслушивающие устройства) и посмеивался: «Там им непросто будет расшифровать ваши диалоги».

В гостиницу «Советская» доступ был только по гостиничной карте. Для гостей также выписывали карточку. Избегая лишней волокиты, Девика Рани Рерих давала Павлу Фёдоровичу свою карточку – её пропускали и так. Но однажды Девике остановили и попросили предъявить пропуск. Девика ответила по-русски: «карточка – это чепуха!» (сделав ударение на последнем слове) и, не останавливаясь, прошла мимо. Интересно, что как раз накануне Святослав Николаевич объяснял Девике, как трудно найти эквивалент некоторым русским словам в английском языке, например, слову «чепуха». Урок не прошёл даром, Девика совершенно верно и к месту употребила это слово.

Святослав Николаевич и Девика Рани привлекали всеобщее внимание: Святослав Николаевич в светло-сером или бежевом строгом костюме типа френча, Девика всегда в сари и по индийским обычаям на несколько шагов позади мужа. Несмотря на возраст, она была очень привлекательна. В годы своей кинематографической карьеры она носила титул «первой леди индийского кино».

В конце 1974 г., после юбилейных торжеств, прямо из Москвы Святослав Николаевич и Девика поехали в Европу, где пробыли два месяца: навестили в Швейцарии Катрин Кемпбелл-Стиббе, в Англии – В.А. Шibaева, а также уладили личные дела в Париже. Из Европы, не возвращаясь в Индию, они снова приехали в Советский Союз.

В начале 1975 г. мы с отцом приехали в Ленинград на открытие выставки Святослава Николаевича в Эрмитаже. Директор Эрмитажа Б.Б. Пиотровский предоставил свой кабинет для встреч Святослава Николаевича с общественностью. Святослав Николаевич лично руководил развеской полотен. Картину «Сын Человеческий» чиновники посоветовали не показывать широкому зрителю, опасаясь ненужных вопросов. В течение всей экспозиции эта картина находилась в кабинете. Святослав Николаевич изредка показывал её знакомым, зачитывая древние записи с описанием облика Христа. Кабинет находился на первом этаже, выставка – наверху в Николаевском зале. Несколько раз в день Святослав Николаевич поднимался наверх и как всегда час – полтора беседовал с посетителями музея.

Запомнились такие вопросы. «Почему на ваших картинах такое ярко-голубое небо?». – Святослав Николаевич, показывая в окно на серое ленинградское небо: «А разве оно не голубое?». «Как совершенствовать себя?». – Святослав Николаевич: «Начинайте с простого. Старайтесь сделать лучше, чем вчера то, что Вам предстоит сделать сегодня. Например, надо пришить пуговицу – пришивайте лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня. И так во всём».

Из бесед в более узком кругу.

О Рембрандте: «Каждый мазок отражает его чувства, мысли и будет жить для тех, кто сможет в них включиться».

«Шамбала – необходимое место, где духовный мир сочетается с материальным. Дверь в Шамбалу открывается с той стороны».

«Интуиция – это когда человек, не задумываясь, включается в сложнейшие токи».

«Дордже – воплощение Миларепы».

«Понятия о вечности и бесконечности ускользают от анализа». И добавил с долей юмора: «Советую не углубляться в рассуждения о вечности и бесконечности, а то можно раствориться в них полностью и не вернуться обратно».

«Не беспокойтесь об определённых сроках – всё должно быть жизненно».

«Если искусственно ограждать себя от неприятностей, то можно превратиться в парниковое растение».

«Учение Живой Этики расширяет сознание для будущего».

«Молитва – не есть прошение» (или «не есть просьба»).

Святослав Николаевич повторял неустанно как одну из десяти заповедей, и это всегда было к месту: «Самое главное – наш внутренний рост, внутренние устремления, направление мысли».

* * *

В 1982 г. я встречал Святослава Николаевича в Шереметьево уже без отца. Святослав Николаевич выразил соболезнования. Он попросил меня приходить в гостиницу к 7 утра принимать телефонные звонки. Святослав Николаевич вставал очень рано, ждал деловых звонков из Индии, Швейцарии, но подойти к телефону он практически не мог – из-за обилия неофициальных звонков и желания людей лично пообщаться со Святославом Николаевичем. Обычно я отвечал: «Святослав Николаевич занят утренним туалетом», записывал, кто звонил. Святослав Николаевич был гостем Советского правительства, и Министерство культуры на время визита предоставляло Святославу Николаевичу помощника и одновременно переводчика для Девика Рани – Генриетту Михайловну [Беляеву. – *Ред.*], которая приходила в гостиницу к девяти утра. Я передавал ей просьбы желающих встретиться со Святославом Николаевичем, и Генриетта Михайловна искала для них подходящее время в промежутках между официальными встречами. Когда Святослав Николаевич с Девикой уезжали на официальные встречи и переговоры, я также оставался в номере и принимал телефонные звонки.

В гостинице «Советская» Святослав Николаевич и Девика занимали номер из трёх комнат: гостиная, кабинет и спальня. На завтрак Девика обычно заказывала яйца всмятку и кашу. Приходилось помогать Святославу Николаевичу съедать кашу – он её не любил и старался незаметно от жены положить большую порцию в мою тарелку.

Иногда, после 18.00, лёгкий ужин заказывали в номер. Вечером оставались наиболее близкие люди: Л.С. Митусова, А.М. Кадакин, Макульские, Р.А. Григорьева, Б.А. Смирнов-Русецкий, Поблоцкая из Гамбурга (член Рериховского общества, которая специально к пребыванию Святослава Николаевича приехала в Москву по туристической путевке) и некоторые другие.

Однажды, получив в Москве гонорар за публикацию своей статьи, Святослав Николаевич пригласил на обед в ресторан гостиницы «Советская» (бывший «Яр») всех, кто в это время был в номере: врача, профессора медицины Ю.С. Николаева с супругой, Татьяну Шевелёву, меня с отцом и других, всего человек десять. Были заказаны как вегетарианские, так и мясные блюда, на сладкое – мороженое. Зашёл разговор о гостиничном сервисе разных стран. Святослав Николаевич сказал, что мясные блюда можно допускать во время путешествий или истощения – для поддержания физических сил. Сам Святослав Николаевич употреблял мясо в очень ограниченных количествах, предпочитая пропаренную, а не жареную птицу.

Каждый день визита был насыщен до предела, это видно по моим кратким записям в 1981 г.

8 июня

9.00 Барабаш (заместитель Демичева).
10.00 Болгарская выставка.

16.00 Кабинет Ю.Н. Рериха.
Встреча с болгарским кинематографистом Георгием Стефановым.

9 июня

10.00 А.П. Александров.
13.15 Обед с А.М. Кадакиным.
16.00 К.А. Молчанова, Н.М. Сазонова.
19.00 Ужин в посольстве Индии.

10 июня

9.00 Студенты.
10.00 Е. Примаков.
12.00 Выставка «Москва – Париж».
15.00 Валентин Сидоров.
16.00 Академия художеств – В.С. Кеменев.
18.00 Криотика? Кристина?

11 июня

9.00 Ферруфино.
11.00 Монгольская выставка.
13.15 Генрих Попов.
15.00 Л.В. Шапошникова.
16.00 Дом Дружбы.
18.00 Открытие Международного балетного конкурса.

12 июня

9.30 АПН.
11.00 Т. Шевелёва.
13.15 Лонг, Фирибюн.
15.00 П.Н. Демичев, М.А. Макульский.
16.00 К.А. Молчанова.
17.00 Окулов.
19.00 Леопольд Цесюлевич.

13 июня

9.00 Блюм, Балашов.
10.00 Орлов.
11.30 Б.А. Смирнов, М.Н. Егорова.
12.00 Ю.С. Николаев (врач).
14.30 М.М. Богуславский.
15.30 В. Сидоров.
18.30 Н. Сазонова, К. Молчанова, Зелинский.
19.00 Интервью на радио.

14 июня

10.00 Болгарская выставка.
 12.30 Л.В. Шапошникова.
 13.30 Т. Шевелёва.

Каких только вопросов не приходилось решать Святославу Николаевичу.

В области медицины он обсуждал с известным офтальмологом Святославом Фёдоровым возможность создания в Индии передвижной глазной клиники (клиника-автобус).

Кинематографисты предлагали Святославу Николаевичу дать согласие на экранизацию биографии Николая Константиновича. С предложением приходил Родион Нахапетов. Я читал план сценария. В нём в хронологическом порядке перечислялись места, где будут проходить съёмки: Карелия, США, Индия, Англия и т. п. Святослав Николаевич не приветствовал создание художественного фильма и вежливо отклонил это предложение. Трудно было в художественном фильме представить себе истинные образы Николая Константиновича и Елены Ивановны.

Всегда сердечными были встречи с режиссёром и сценаристом Р.А. Григорьевой. Документальный фильм «Николай Рерих» студии «Киевнаучфильм» был снят Р.П. Сергиенко по совместному сценарию Р.А. Григорьевой и Л.В. Шапошниковой.

Из кинематографистов посещали Святослава Николаевича также Наталья Бондарчук с Николаем Бурляевым, снимавшая в то время фильм «Бэмби»; Н. Величко с оператором, снимавшая Святослава Николаевича.

Интервью для «Литературной газеты» брала И. Мамаладзе, для журнала «Наука и религия» – В. Позилова (интервью напечатали в журнале в сокращённом виде). Всевозможные фотосессии, киносъёмки и интервью происходили постоянно.

С представителями Русского музея и издательства «Аврора» обсуждалась подготовка к изданию альбома репродукций Николая Константиновича.

С директором музеев Ленинградской области Г.И. Вавилиной и сотрудниками музея «Извара» велись обстоятельные беседы о тематике экспозиции в Изваре, подбор фотоматериалов. Святослава Николаевича очень беспокоил вопрос о состоянии дел в Изваре и планы открытия музея на Мойке. Открытие музея в Изваре продвигалось медленными темпами, а музей на Мойке, вопрос о котором поднимал ещё Юрий Николаевич, так и не был реализован.

Приветливо Святослав Николаевич принимал Т.И. Вараксину – представителя Барнаульского краеведческого музея, организовавшую экспозицию о Н.К. Рерихе и его пребывании на Алтае.

Святослав Николаевич очень ценил энтузиастов, он говорил, что один такой человек заменяет целый коллектив.

Святослав Николаевич с большим уважением относился к истинным профессионалам в своей области, всегда приветствовал их приближение.

К.П. Беликов, Л.С. Митусова и Р.А. Григорьева в Москве. 1980-е.
Фотография из архива семьи Беликовых.

Часто приходили целые группы. Запомнилась встреча с Сибирской молодёжью (конечно, к ним примкнули не только сибиряки). Всего человек двадцать. Из номера вынесли лишнюю мебель, принесли стулья, а на единственной пустой табуретке примостились Девика и Генриетта Михайловна, подошедшие позже.

Иногда гости разделялись на группы: кто-то беседовал со Святославом Николаевичем в кабинете, а другие в гостиной с Девикой Рани.

Это далеко не весь перечень официальных встреч, визитов, выставок, личных бесед и прочего во время приездов Святослава Николаевича.

* * *

В личных беседах со Святославом Николаевичем мы много говорили о том, кто может закончить рукопись отца «Жизнь и творчество С.Н. Рериха». В 1982 г. было решено передать её Алексею Анненко, на которого отец возлагал большие надежды, и на что было получено согласие Святослава Николаевича. Через два года А. Анненко признал, что очень сложно закончить труд, начатый Павлом Фёдоровичем, должным образом. В 1984 г. было предложено продолжить эту работу Р.Б. Рыбакову, но и этот вариант не нашёл завершения.

Святослав Николаевич не раз повторял мне, что я должен сохранить наследие отца в одном месте.

* * *

В Москве я всегда останавливался на квартире у Григорьевых. Остановился у них и в 1982 г. Ренита Андреевна и Юрий Валентинович очень поддержали меня после ухода отца.

У них дома, 10 ноября 1982 г., я узнал о кончине Л.И. Брежнева. Официального заявления в тот день сделано не было. Рано утром, когда я ехал в гостиницу к Святославу Николаевичу, то обратил внимание, что по эскалатору метро двигалось очень много людей в военной форме. В гостинице вместо швейцара стояли два стройных молодых человека в штатском. Они проводили меня до администратора, который выписал пропуск, а затем проводил до дверей номера. В дальнейшем выяснилось, что гостиница «Советская» принимала высоких зарубежных гостей, прибывших на похороны генерального секретаря. Я сказал Святославу Николаевичу о случившемся. На что он спокойно ответил: «Это можно было ожидать». Мы поняли, что все официальные встречи будут отложены. Телефон звонил, как всегда, москвичи ещё не знали, что произошло. Валентин Сидоров в тот день, с раннего утра ожидал встречи со Святославом Николаевичем в редакции журнала «Москва», а когда я ему сказал, что, видимо, встреча не состоится, был разгневан, посчитав, что это мои происки, и требовал отвезти Святослава Николаевича в редакцию.

Хочу отметить, что в Святославе Николаевиче чувствовалось глубокое внутреннее равновесие и необыкновенное самообладание. Когда пришло известие о трагической гибели Индиры Ганди, я увидел неподдельную скорбь на его лице, он ушёл в спальню и через некоторое время вышел собранный, сдерживая свои эмоции.

* * *

Желающих встретиться со Святославом Николаевичем лично было очень много, удовлетворить все просьбы было невозможно. Иногда чувствовался нездоровый ажиотаж, навязчивое желание узнать от него «сокровенное». Получить некие тайные записи. Не раз приходилось слышать такие вопросы: «Мы прочитали все книги Живой Этики, что же нам читать дальше?». Мой отец, Павел Фёдорович Беликов, в течение всей жизни перед сном полчаса читал книги Живой Этики. Считал, что сон – это сосуществование в Тонком мире, во сне происходит расширение сознания, во сне мы продолжаем творческую работу, а книги Живой Этики настраивают на эту волну. Книги Живой Этики способны напитать сознание нескольких земных воплощений.

Главной заботой Святослава Николаевича было возвращение наследия Рерихов в Россию. Он искал различные пути для осуществления этой мечты. Кое-что стараниями Святослава Николаевича удалось осуществить: в Институт востоковедения была передана научная библиотека его брата, Юрия Николаевича, а после возвращения в Москву картин и мемориальных вещей Николая Константиновича

(дар Катрин Кемпбелл-Стиббе) появилась надежда на создание многогранного центра-музея, который мог бы принять наследие Рерихов.

Но часто суета вокруг Святослава Николаевича во время его визитов была лишь видимостью деловой активности, на самом деле неспособной пробить бюрократический аппарат и благополучно затихающий после его отъезда.

Святослав Николаевич не раз высказывал сожаление по этому поводу. А ведь он ставил конкретные цели. Например, передать в ведомство Академии наук законсервированные исследования Гималайского института «Урусвати». По словам Святослава Николаевича, академик А.П. Окладников, будучи в Индии, положительно отнёсся к этой идее, но, к сожалению, его смерть приостановила эти начинания.

Близкие отношения Святослава Николаевича с министром культуры Болгарии Людмилой Живковой, её заинтересованность Живой Этикой и исследованиями института «Урусвати» позволили болгарским сотрудникам начать работы в Кулу. Но после скоропостижного ухода Людмилы Живковой интерес болгарских официальных лиц к этой теме угас.

И только в нынешнее время, благодаря инициативам А.М. Кадакина, устремления Святослава Николаевича по сохранению усадьбы и института «Урусвати» получили дальнейшее развитие. А наследие Рерихов, благодаря усилиям доверенного лица Святослава Николаевича Л.В. Шапошниковой, теперь в России.

В шестидесятые – семидесятые годы чиновники даже не утруждали себя сообщать Святославу Николаевичу маршрут его передвижной выставки, годами путешествующей по Союзу (Святослав Николаевич намеренно задерживал её возврат в Индию, желая чтобы она осталась на Родине).

Мой отец фактически оставался единственным связующим звеном, и по просьбе Святослава Николаевича, полностью доверявшего ему, освещал положение дел в Союзе: маршруты выставки, отзывы о ней, Извара, квартира Юрия Николаевича, комиссия по наследию с планом организации музея Николая Константиновича, «Рериховские чтения» и т. д.

В мае 1987 г. Святослав Николаевич ждал встречи с М.С. Горбачёвым. Ни точного дня, ни часа не оговаривалось. За день до отъезда, 14 мая, пришёл представитель и сообщил, что Святослава Николаевича и Девиду Рани ждут Михаил Сергеевич и Раиса Михайловна Горбачёвы. Я остался один в номере и стал ждать их приезда. Девика Рани изучала хиромантию и рассказала, что попросила Михаила Сергеевича дать ей его руку. Он отнёсся к этому с недоверием, но всё же руку протянул...

2. ВОСТОК – ЗАПАД НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

А.В. ГНЕЗДИЛОВ

*(Научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева,
г. Санкт-Петербург)*

БАШЕННОЕ БРАТСТВО В КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГА

Эта история, произошедшая в начале 70-х гг. уже прошлого века, кажется невероятной. В наш дом, где находилась скульптурная мастерская моей матушки, Слободзинской Нины Конрадовны, приходил некий фотограф Стрекалов. Он фотографировал готовые работы и рассылал фотографии заказчикам. Однажды в разговоре выяснилось, что у нас есть общее увлечение – эстетика вееров. Посмотрев мою коллекцию, он сказал, что хочет пригласить меня к себе домой, чтобы показать веер особо редкой работы, которого я никогда не видел и, может быть, никогда не увижу. Я последовал приглашению, и он показал мне действительно уникальный веер из слоновой кости, инкрустированный перламутром, с выдавленными профилями на гардах. Полотно изображало сцены из дворцовой жизни XVIII в. работы Буше. Это оказался веер Марии Лещинской, французской королевы, жены Людовика XV.

Я не успел восхититься, как Стрекалов сделал мне второй сюрприз: «Я хочу подарить Вам столовый гарнитур – старинные кресла, стулья и раздвижной стол, который ранее имел крестообразную форму». Я запротестовал, заявляя, что подарок слишком дорог, но Стрекалов заметил, что выполняет завещание одного общества, в котором эта мебель носила ритуальный характер и должна была находиться в мансардном помещении.

Далее он рассказал странную историю, более похожую на сказку. Суть её заключалась в том, что в начале XX в. в Петербурге существовало «Башенное братство». Оно объединяло людей, живших в мансардах. В основе его организации лежала одна петербургская легенда: якобы в устье Невы находилось проклятое место, где были найдены следы от стопы дьявола. В дальнейшем, чтобы нейтрализовать это место, там построили храм – Смольный собор. Если следовать определённым фактам, то именно в том месте, где был Смольный, зародилась братоубийственная революция. Храм был осквернён ещё до открытия, так как в нём повесился священник. И бури, которые налетают на Петербург, например, в последние годы, снесли крест именно со Смольного собора.

Первое здание Петербурга (Петропавловская крепость) было построено в форме креста. Далее, если соединить все храмы и церкви, которые были и есть по периметру единой линией, то получится второй крест. А третий крест был намечен при основании Петербурга; он получается, если соединить Кронштадт с Лисьим носом, Сестрорецком, Петергофом, Ораниенбаумом, Стрельной и т. д. Все эти кресты должны были защищать сердце Петербурга.

Члены Башенного братства создавали четвёртый крест из своих мансард. Потому ритуальная мебель располагалась вокруг крестообразного стола и переносилась из мансарды в мансарду, где происходили их встречи. Детали их ритуалов трудно воспроизвести, но известно, что они выходили на крышу и общались через зеркала солнечными зайчиками. Известно также, что Вячеслав Иванов, чья башня над Таврическим садом была посещаемая всей литературной элитой Петербурга в начале XX в., состоял какое-то время членом этого братства. Таким образом, это была мебель, на которой сидели Ахматова, Цветаева, Блок, Бальмонт, Белый, Кузьмин, Иванов. Интересно, что в дальнейшем мне удалось встретить человека, жившего по соседству с Ивановым в том же доме, который удостоверял, что мебель, которую Стрекалов подарил мне, он видел в доме Вячеслава Иванова.

Прошло несколько лет. Я узнал, что Стрекалов умер. Но появилась книга из частных собраний коллекционеров Петербурга, где я встретил знакомый веер французской королевы¹. В заголовке было сказано, что веер принадлежал коллекции князя Владимира Владимировича Оболенского (Стрекалова).

По-видимому, можно считать, что история Башенного братства не выдумка досужего ума, но реальность, такая же, как существование этой мебели в означенном доме.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

26 июля 2001 г. в телеэфире программы «Информ ТВ» прошёл репортаж корреспондентов Екатерины Фисенко и Игоря Сергиенко, имеющий прямое отношение к выдающимся петербуржцам, о которых сообщил на конференции профессор Андрей Владимирович Гнездилов. Репортаж шёл под заголовком: «Памятник Августе Сараевой-Бондарь». Здесь мы приводим его полный текст:

«На Волковское кладбище пришли сегодня близкие и родственники петербургского искусствоведа и историка Августы Михайловны Сараевой-Бондарь. Здесь, на Литераторских мостках, ей открыли памятник.

Теперь Августа Михайловна и её муж, известный фотограф и художник Владимир Стрекалов-Оболенский, покоятся под одной гранитной плитой с надписью «Вечная память любви нашей».

Год назад Августа Михайловна Сараева-Бондарь ушла из жизни, однако незадолго до смерти успела передать Шереметьевскому дворцу огромную коллекцию своего мужа. Владимир Стрекалов-Оболенский происходил из дворянской семьи, и всю жизнь собирал предметы интерьера русского дворянства. В поисках мебели, картин, книг и посуды он обошёл немало комиссионных магазинов. В их двухкомнатную квартиру на Васильевском острове нередко заходили художники, писатели и артисты. И каждого в музее-квартире ждал обед, приготовленный Августой Михайловной.

Первым о великолепном подарке городу узнал губернатор. В тот день он пришёл в гости к Августе Михайловне.

Перед тем, как передать городу две тысячи предметов, стоимостью в тысячи долларов, Августа Михайловна попросила лишь сначала отреставрировать Шереметьевский дворец. Здесь Августа Михайловна в течение 10 лет вела экскурсии. Залы дворца привели в порядок, а в гостиной на Васильевском острове остался лишь телевизор».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Сараева-Бондарь А.М. Дворянское собрание: Люди и произведения искусства в доме Владимира Владимировича Стрекалова-Оболенского: [Альбом]. – СПб., 1992. – 207 с.; Она же. Портрет Любви / The Portrait Of Love: [Альбом в память фотографа В.В. Стрекалова-Оболенского]. – СПб., 1996. – 416 с. – *Примеч. ред.*

С.В. КРИВОНДЕНЧЕНКОВ

(Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург)

ТЕМА ВОСТОКА В ТВОРЧЕСТВЕ ЗАБЫТОГО ХУДОЖНИКА Н.Н. ГРИЦЕНКО (1856–1900)

Произведения Николая Николаевича Гриценко хранятся в Русском музее и Третьяковской галерее, во многих других отечественных музеях, картинных галереях и частных коллекциях. В каталогах художественных собраний можно нередко встретить перечисление его работ. В основном в поле зрения исследователей попадают живописные произведения, и не охваченным остаётся в десятки, если не в сотни раз превышающий их по объёму графический материал. Причём огромное творческое наследие художника, которому судьба отвела всего 44 года жизни, по-своему уникально. Значительная часть произведений была создана за границей. Соединив в своём творчестве лучшие достижения русских маринистов второй половины XIX в., Гриценко создавал самобытные картины природы и быта как Запада, так и Востока. Наряду с интересными наблюдениями жизни народов европейских стран особый интерес представляют многочисленные произведения, посвящённые именно Востоку. Это подтверждает хотя бы тот факт, что Гриценко входит в первую пятёрку (его называют четвёртым) русских художников, посетивших Индию. Чтобы понять специфику работ на эту тему, следует вспомнить страницы творческой биографии забытого мастера.

Слово «забытый» приходит на ум не случайно. За последние десятилетия произведения Н.Н. Гриценко отдельным блоком экспонировались, пожалуй, только в составе сборной выставки 2000 г. с названием «Айвазовскому вослед» в Центральном военно-морском музее, где было представлено 14 картин и акварелей художника. А предыдущая выставка произведений мастера состоялась в 1902 г., через два года после его смерти. Она насчитывала 805 экспонатов. Современники единодушно положительно отзывались о работах Гриценко, отмечая его «симпатичное дарование» и «замечательную продуктивность». Также его называли «поэтом моря», «портретистом кораблей», автором «географических» картин и «интимного быта

русских моряков». Особого внимания был удостоен альбом в собственности Его Императорского Величества Государя Императора, сделанный Гриценко во время сопровождения по морю и по суше тогда ещё наследника русского престола Николая Александровича, совершавшего путешествие на Восток. На посмертной выставке альбом был представлен в полном виде и отличался «своей художественностью и колоссальным художественным материалом». Ведь с июля 1890 по август 1891 г. великокняжеский кортеж посетил Грецию, Египет, Индию, острова Цейлон и Ява, Японию, Дальний Восток России. Эти «путевые заметки» представляли собой преимущественно акварели, смонтированные по несколько изображений в крупноформатные картонные листы, многие из которых сейчас хранятся в собрании Государственного Русского музея. Плавание происходило на фрегате «Память Азова», поэтому не случайно судно изображено многократно в самых разных ракурсах. Это подтверждают названия акварелей: «С полубака фрегата “Память Азова”», «У борта фрегата “Память Азова”», «Лампа в кают-компании на фрегате “Память Азова”» и т. д. Другие изображения фрегата нередко начинаются словами «Фрегат “Память Азова” на рейде». Гриценко умело справлялся с изображением кораблей любой сложности. Не случайно в 1894 г. он был назначен художником Морского министерства.

Посвятить же себя морю художник решил ещё в юности. В 1875–1880 гг. он учился в Кронштадтском морском училище. Затем последующие 14 лет состоял на службе в военно-морском флоте в 4-м флотском экипаже, что не мешало ему два года (1885–1887) заниматься в Императорской Академии художеств у Л.Ф. Лагорио, известного своими изображениями побережий. В должности инженера-механика Н.Н. Гриценко плавал на военных кораблях, совмещая эту работу с увлечением живописью. Так, он привёз немало произведений из кругосветного плавания 1880–1883 гг. на клипере «Крейсер». «Ввиду крупного дарования поморской живописи» художник был направлен после Петербургской Академии учиться в Париж к известному маринисту и пейзажисту А.П. Боголюбову. Именно благодаря советам Боголюбова произведения Гриценко приобрели строгий рисунок мельчайших деталей морских судов. Там же в Париже художник в свободное время посещал мастерскую и пользовался советами Фернана Кормона. Благодаря французскому мастеру у Гриценко появилась «сочность мазка, стал писать колоритнее, мягче и научился компоновать жанровые сценки». Это легко прослеживается в изменениях изображений моря. Первоначально волны передавались в духе Айвазовского изумрудными и прозрачными. В восточных акварелях уже можно отметить «всевозможные тончайшие нюансы капризного изменчивого моря». Также отметим акварели «Залив Филэро», «Перед штормом в Бискайском заливе», «Берега Красного моря», «Адонский берег», «В Японском море» и др.

Колористическое дарование художника проявлялось и в изображениях материковой части. Художник внимательно передавал специфику лесных пейзажей далёких стран, например, в работах «Вход в тропический лес» или «В лесу близ слоновой охоты». Необходимо отметить, что в отличие от изображений слонов в рисунках А.Д. Салтыкова, первого из русских художников, посетивших Индию, в работах

Н.Н. Гриценко эти животные уже изображались не просто как диковинка, а выбирались необычные моменты из их жизни. В частности, Гриценко неоднократно передавал свои впечатления от слоновой охоты.

Н.Н. Гриценко. Рисунок в письме Л.Е. Дмитриеву-Кавказскому.
Индия. 1890. Оригинал в СР ГРМ.

При знакомстве с листами альбома Н.Н. Гриценко создаётся впечатление, что художник старался ничего не упустить и всё запечатлеть на бумаге. Это он делал не только с палубы корабля, но также в то время, когда ходил пешком или ехал по же-

лезной дороге. По названиям акварелей восстанавливаются маршруты художника: «Из окна вагона по дороге из Калькутты в Бомбей», «Из окна вагона между Нандгоун и Бомбеем», «На пути из Гонконга в Кантон», «По сторонам железной дороги у Калькутты» и др.

Страсть к путешествиям и любознательное отношение к природе развились у Николая Гриценко ещё в детстве. Он родился в Сибири, в Томской губернии, и бескрайние лесные массивы с меняющимися ландшафтами остались в его памяти навсегда. Вместе с отцом, занимавшимся врачеванием, мальчику приходилось ездить в самые удалённые и глухие места. По прошествии многих лет долгие служебные и творческие командировки были ему не в тягость, и только усиливали желание изучать новые страны. В одном из писем Гриценко Л.Е. Дмитриеву-Кавказскому с острова Цейлон от 3 февраля 1891 г., хранящемся в Секторе рукописей Государственного Русского музея, на нескольких листах подробно и с интересом описываются отдельные фрагменты путешествия на Восток. В частности, рассказывается о содействии А.П. Боголюбова назначению Гриценко на должность сопровождающего художника наследника Николая Александровича. Также в письме можно найти информацию об особенностях быта, о повседневном распорядке и регламенте, о посещениях городов, о природе и географической специфике страны и о работе над акварелями. Как следует из документального и художественного материала, творческий процесс начинался с зарисовок типичных ландшафтов. Таковы акварели «Горы близ Бомбея», «В долинах острова Ява», «С Пирейских холмов» и др. Конечно, не проходили мимо взора художника необычные и поэтические уголки природы, будь-то «Серная почва кратера Попрадайя» или «Поворот реки Нила». «Какой-нибудь бесхитростный мотив, – писал в 1902 г. Н. Брешко-Брешковский в статье посвящённой посмертной выставке художника, – но чувствуется движение чувств, трепетание жизни». Эти слова можно отнести как к жанровым, так и к пейзажным акварельным наброскам Гриценко.

Не вызывает сомнений тот факт, что особую ценность акварели имеют как документальные источники. На многочисленных листах запечатлены достопримечательности Бомбея, Джейпора, Калькутты, Девлетабада и других городов. Иногда это протокольные зарисовки наподобие акварелей «Башня в Дели», «Дворец раджи в Ульворе», «У дворца в Калькутте», «В аллорских развалинах (Парути)», «Дворец губернатора в Сайгоне» и др. Поэтичностью отличаются работы с изображением объектов при необычном освещении. Особенно часто Гриценко любил передавать вечерние пейзажи и панорамы с иллюминационными подсветками.

После возвращения из путешествия по Востоку Н.Н. Гриценко в 1891 г. вновь едет в Париж к А.П. Боголюбову. Там с большим успехом прошла выставка восточных этюдов молодого художника. Дальнейшая же его жизнь была тесно связана с французской столицей. Среди множества вернисажей произведений Гриценко на Парижских Салонах следует отметить объёмную выставку 1896 г. и Всемирную выставку 1900 г., когда за акварельные работы он был награждён бронзовой медалью. Также следует отметить активное участие Гриценко в художественной жизни России. Помимо персональной выставки 1894 г. в Петербурге, живописец и рисоваль-

щик принимал участие в выставках Академии художеств, Московского общества любителей художеств, Санкт-Петербургского общества художников, Общества русских акварелистов, Товарищества передвижных художественных выставок и др.

Несмотря на продолжительное пребывание Н.Н. Гриценко за границей, он всегда испытывал особые чувства к родной стране. Это чувствуется во многих работах, подобных акварели «Первые открывающиеся берега России», созданной при возвращении из путешествия с наследником престола. Помимо Сибири художник совершил поездки в Поволжье, Крым, на Кавказ и т. д. Патриотические порывы являлись неотъемлемой частью натуры художника. Не случайно А.П. Боголюбов в письме П.М. Третьякову 1894 г., размышляя о женитьбе Гриценко на дочери знаменитого московского коллекционера – Любови Павловне Третьяковой, отмечал в своём ученике не только талантливую натуру, но также «его религиозно-нравственные качества». Это подтверждают и письма самого Николая Николаевича, написанные мелким почерком, но несущие самые глубокие размышления об искусстве, о судьбе России. В заключении хочется привести одно из таких высказываний Гриценко, произнесённое им как заклинание ещё на заре становления таланта художника: «Россия! Верую в тебя! Верую в твоё искусство, равного которому нет нигде».

А.Г. ХАНЕВСКАЯ

(Филологический факультет Кемеровского государственного университета, г. Кемерово)

ПРАВОСЛАВНОЕ И ВОСТОЧНОЕ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ МИРЕ И.А. БУНИНА

Выросший среди бескрайних степных просторов хутора Бутырки Орловской губернии, с детства наделённый неутолимой жаждой познания окружающей природы, И.А. Бунин приобретает острую наблюдательность, исключительную способность к различению звуков, запахов, оттенков цвета. Последняя позволяет ему окутать красотой собственного видения весь окружающий мир, к которому он испытывает созерцательно-пытливое отношение.

Вместе с тем, одиноко пребывая в «великой глуши», он обращается внутрь самого себя, ища ответы на вопросы о смысле человеческого бытия во Вселенной.

Врастая таким образом в мир – центробежно и центростремительно – художник проходит процесс становления в онтологической системе: «Человек – Природа – Социум – Вселенная», определяя для самого себя и своего творчества неизменные, основанные на контрастах законы мироздания. Формируя, согласно последним, трагическое, но не лишённое оптимистических тонов мировосприятие, Бунин, с одной стороны, на протяжении всей творческой жизни остаётся в основе своей статичным, не изменяющим «капитальные особенности», с другой стороны, оказывается во все времена в высшей степени прогрессивным.

Так, культурный кругозор писателя, наделённого поразительной способностью чувствовать глубинную связь с людьми и богами всех стран, вбирает в себя различ-

ные религиозно-культурные основания. Сам И.А. Бунин пишет об этом так: «Я жажду жить и живу не только своим настоящим, но и всей прошлой жизнью и тысячами чужих жизней, современных мне и прошлых, всей историей всего человечества со всеми сторонами его».

Выросший в лоне бесконечной, пронизанной языческими токами русской земли, с молоком матери впитавший полученное из Византии у истоков культурного бытия Руси православие, внутренне же тяготеющий к мудрости Востока, обращающийся на протяжении всей творческой жизни к Библии, Корану, Талмуду, санскритским сутрам, египетской и греческой мифологии и др., художник сочетает в своём творчестве природно-языческое, православно-христианское и даосско-буддистское понимание законов мироустройства, тем самым всецело постигая путь человека во Вселенной.

Последний, особым образом определённый художником в его повести «Деревня» и романе «Жизнь Арсеньева», – раскрывается во многом сквозь призму воспринятых писателем философских, религиозных, эстетических и этических ценностей России и Востока, что оказывается наиболее ярко и выпукло представленным посредством метафор, выступающих в качестве узлов, связующих язык с мышлением и культурой народа.

Так, путь человека, изначально рассматриваемый И.А. Буниным в рамках отечественной религиозной традиции с точки зрения православия, включает в себя земной и потусторонний уровни. Причём первый, представленный художником сквозь призму метафор как имеющий временные (*день, век, жизнь* ‘период существования кого-л.’, *заря* ‘начало зарождения, ранняя пора чего-л.’, *полдень* ‘середина жизненного пути, конец молодости’ и т. д.) и пространственные координаты (*чаша жизни, смертная сень, поток жизни, путь, поле, житейское море, земля* ‘земное существование человека, ограниченное во времени’, *исток дней моих* ‘начало существования человека’, *начало жизни, юности* ‘первый момент, первый период чего-л., протекающего во времени’, *пора жизни* ‘преддверие, начало чего-л., рубеж’, *исход в мир* ‘начало взрослой самостоятельной жизни’, *переход из детства в отрочество* ‘начало взросления’, *вступление в совершеннолетнюю жизнь* ‘начало самостоятельной взрослой жизни’, *конец жизни* ‘смерть’), оказывается, с одной стороны, лишь *сном* ‘о чём-л. иллюзорном, призрачном, неправдоподобном’, с другой – *служением, подвигом* – ‘исполненное испытаниями, трудностями земное существование человека, призванное изменить его к лучшему, приблизить к Богу’ – важным для потустороннего, вечного существования души.

Последнее художник метафорически мыслит как *жизнь* – ‘по религиозным представлениям наступающее или ожидающее человека после его смерти существование’ – которая протекает уже за пределами временного бытия в некоем вечном духовном пространстве, представляемом человеком с помощью земных пространственных категорий, таких, как *иной мир, вышний мир, страна блаженная, царство Божье, потусторонние пределы, место злачно и блаженно, вечные и блаженные обители, вечный дом, дворы Бога, недра Авраама*.

Вместе с тем православное осознание пути человека во Вселенной оказывается дополненным даосско-буддистскими представлениями, согласно которым путь человека – это космический процесс вечного бытия человеческой души, проходящей через безмерную *цепь* воплощений: ‘непрерывное следование одного за другим, последовательный ряд каких-либо явлений, событий’. Причём каждое земное воплощение включается в долгий *путь*: ‘все последовательные воплощения человеческой души в материальном теле’. Именно потому человек не помнит своего *начала*: ‘первое воплощение души в материальном теле’ – и не знает о своём *конце*: ‘последнее воплощение человеческой души в материальном теле’ – но он, призванный ‘*блюсти* чистоту, непрерывность крови, породы’, ‘сохранять всё то божественное, что есть в человеке, совершенствуясь, приближаться к Абсолюту’, должен осуществить *уход* из цепи: ‘прекращение последовательности земных воплощений человеческой души путём достижения нирваны и растворения в ней’.

Таким образом, представляя в своём творчестве как православное, так и восточное религиозное понимание пути человека во Вселенной, И.А. Бунин сосредотачивает своё внимание на самом ценном и необходимом для любой религии в целом для каждого человека – на нравственном, духовном совершенствовании.

В.А. БОГДАНОВ

(Факультет психологии Санкт-Петербургского государственного университета)

БОГ АГНИ И «ПРОМЕТЕИ» РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Всякие настоящие стихи, по словам Андрея Вознесенского, «как и любой живой организм, излучают ауру энергетического биополя. Без этого поля стихи мертвы». Но откуда же оно возникает? Как учит Агни Йога, «получает психическую энергию дух, готовый к принятию её»¹. Функции психо-космического духа, по убеждению Шри Ауробиндо, совпадают с функциями ведического бога огня. Называя Живую Этику именем бога Агни, Н.К. Рерих и Е.И. Рерих тем самым отмечали её значение для обновления и возрождения человеческого духа. Действительно, «прометеи» всех стран и народов (как бы их ни называли), вместе с украденным с небес огнём приносили от «богов» тайную мудрость и нередко выступали прародителями своего этноса. Такую роль подчас пробуют примерить на себя субъекты творчества. Так, Станислав Гроф говорит о прометеевском импульсе вдохновения, Антуан де Сент-Экзюпери – об оплодотворении небесным огнём, а писатель М.М. Пришвин называл творчество «прометеевым делом», волей к ритмическому преобразению Хаоса и полагал, что излучает чувство жизни в пространство.

Понятно, что это пространство не обычное, физическое и трёхмерное. Именно для ориентации в нём возникает нечто вроде внутреннего радара, «монитора ин се» в терминах Антонио Менегетти. Память поэта озаряется сильным эмоциональным импульсом, и в ней оживают эпизоды древней религиозной практики и конкретные эпизоды из жизни предков. В такие моменты мы уже не индивидуальные существа, а связующие каналы между земной динамикой физического мира и угаданной в

прозрениях древних Вечностью, многомерным пространством. В этом мире одиннадцати измерений (1 + 3 + 7) принципиально нет различий между сегодняшним днём и моментом возникновения Вселенной; между метagalacticкими структурами, куда «вложены» Млечный Путь и наша солнечная система, и глубинными уровнями человеческого подсознания; между уникальными взлётами индивидуальной мысли и смысловым полем живого вещества планеты. Эту психоэнергетику творчества тонко ощущают настоящие поэты.

Вячеслав Иванов понимал гениальность как космическое сопереживание: «Гений – ипостась солнечности, проводник и носитель солнечной силы в человеке». По мнению Нины Берберовой, у самого Вячеслава Иванова «божественная электрическая энергия шла от Диониса», т. е. носила характер языческого опьянения. Однако демона А.Н. Скрябина он описал как «одного из тех огнеликих духов, чей астральный вихрь мимолётом рушит вековые устои, и недаром знаменовался мятежным знаменем древнего Огненосца». Возможно, подмеченное сходство между изначальными ролями Люцифера и Прометея обусловлено непредсказуемостью, неожиданностью творческих порывов. Л.Н. Гумилёв в беседе с филологом сравнивал поэта с «громоотводом, через который время от времени проскакивает молния от столкновения туч в окружающей поэта действительности». По его мнению, творчество – такое же природное явление, как и явления погоды, климата, землетрясения или жизнь этноса, ибо подлинный художник вмещает никем не регулируемые стихийные силы, и его «талант прорывается столь же неожиданно, как энергия скрытого до поры до времени под толщей океанских вод вулкана».

В книге В.Ф. Овчинникова «Творческая личность в контексте русской культуры»² понятие пассионарности определено как мера возбудимости, как признак, возникающий вследствие пассионарного толчка и образующий внутри популяции некоторое количество людей, обладающих «повышенной тягой к действию». Такие люди выбирают из окружающей среды больше энергии, чем им необходимо, формируя отношения с людьми, которые позволяют им инстинктивно применять эту энергию в любом из выбранных направлений. В Агни Йоге, впрочем, звучит надежда: «Мы услышим шаги стихии огня, но будем уже готовы управлять волнами пламени»³. Впрочем, управляет ли волной пловец, стремящийся удержаться на её гребне?

Можно вспомнить об известной регулярности потоков биокосмической энергии. Бог Огня, к которому обращаются Константин Кинчев или поэт Серебряного века Михаил Зенкевич: «Пылай и вечно не иссякни, / Струи эфирный лёгкий ток, / Агура-Мазда, древний Агни, / Предвечный и пречистый бог!», открывает весенний сезон. День Ахурамазды в месяце Фравардине (21 марта) в «Авесте» выступает как дата вторжения дьявола, обрушившегося на мир и сделавшего его тёмным, как ночь. Но это и начало Зодиака, а иначе говоря, начало Света, согласно Книге Бытия породившего Землю. Любопытно это различие конфессиональных позиций: что для одних Свет, для других – тьма.

Карл Юнг полагал естественной структуру порядка Вселенной, при которой в точке Самости взаимодействуют две независимые системы, связанные между собой функционально и управляемые законом «трёх ритмов», что чередуют именно четы-

ре стихии, четыре первичных качества. Вот потому-то Юнг полагал, что и наглядные модели физиков, и догмы теологов основаны на тех же архетипах, что и древняя психология четырёх темпераментов. Ревностный критик юнгианских интерпретаций Рене Генон следует той же архаической традиции, напоминая о соотношении холодного лунного света с дискурсивным разумом или рассудком, а тёмного сердечного тепла – с интуитивным разумом. Мозг, согласно его взглядам, играет роль «передатчика» и «трансформатора» мыслей от Мирового Разума, находящегося в Сердце Мироздания. Но его включение и точность работы зависит от человеческого сердца, если угодно – особого, нерефлектирующего монитора в многомерном пространстве высших измерений. Именно на этой роли сердечного центра сосредоточена Агни Йога, описавшая её в доступной широкой аудитории форме и к тому же намного ранее, чем Генон. Характерно, что в академических кругах с пиететом относятся к неудобочитаемым текстам принявшего ислам Генона, но доныне противятся признанию Учения Живой Этики, сохранившей уважение к традиции России. Видимо, причина такого положения дел коренится в разной ориентации при осмыслении одних и тех же архетипов нашего бессознательного. Ответ на вопрос, какая из этих ориентаций правильная, будет зависеть от контекста. Но понимание таких архетипов поэтами зачастую много ближе к традиции своего народа, чем у психологов, воспитываемых на современных инокультурных шаблонах.

Отношение рассудка и сердца психологи перенесли в схему чередования активности недавно возникших слоёв психики и её древних элементов. Энергия попеременно насыщает сознание и бессознательное. После фазы напряжённого мышления мы испытываем «эмоциональный голод». Энергия начинает «течь» от мыслительной функции к эмоциональной, усиливается интерес к видимому миру. Напрашивается сопоставление такого явления с круговоротом стихий в натурфилософской картине природы. Переход воды в огонь празднуют в весеннее равноденствие 21 марта. Праздник перехода огня в землю отмечают 22 июня. Если, по А.Л. Чижевскому, суть жизни в пропускании сквозь себя потоков энергии, то критические даты отличают пронизывающую нас энергию не просто интенсивностью. Меняются векторы этой энергии и, возможно, точки её приложения. И не только «компасом», но и живым «стрелочником» в этом процессе выступает человеческое сердце – аналог бога Агни в микровселенной.

Юнг допускает, что смена направления энергетических потоков имеет место и в истории, и во Вселенной. В истории народов мы наблюдаем более или менее регулярную смену периодов бурь и спокойствия, работы интеллекта и чувственных переживаний, разрушения и творчества. Напомнив о библейской модели сотворения чувственного Космоса из четырёх стихий и скрепления их Благодатью – универсальной пси-энергией или квинтэссенцией, Юнг уточняет в другом месте, что вода размножения есть Хронос. Когда Библия говорит о Духе, носившемся до творения над водами, уместно истолковать его как квинтэссенцию над пространством Хроноса. На второй день сотворён огонь (Шеол), на третий – земля, на четвёртый – небо как стихия воздуха. Таким образом, перечислены все натурфилософские стихии.

Агни Йога утверждает: «Психодинамика толкает развитие всего сущего и координирует все комбинации. Психодинамика соединяет разобщённые атомы и есть та сила, которая ручается за самые высшие проявления Космоса в формах стихий и в их энергии в духе человеческого»⁴. В борьбе Зевса (символа нашей мотивации) с Хроносом произошло как бы расщепление огня на свет и тепло, и в нашем корпусе сердце, равное Времени и Огню, находится под землёй и под водой. При метании Перуна – молнии, т. е. отсылке луча, последний тянется назад языком пламени как бумерангом. Время, бьющее сердцем пламя, и есть снедающий нас, как жертву Бытию, огонь. Таковы рассуждения ряда современных герменевтиков (и астрологов), хотя я только что приводил мнение Юнга, отождествлявшего течение времени с водой. Мы сталкиваемся вновь с «некоммутативностью» наших мыслей о причинах и следствиях, с их зависимостью от психоментальной ориентации субъекта. Античный спор философов – вода или огонь начинают круг стихий, по сути, продолжается. А иначе и быть не может, поскольку кто-то из нас читает справа налево, а кто-то – слева направо. И согласие обсуждающих подобные темы авторов ограничено признанием Овна самой стихийной точкой в Зодиаке, дающей точку отсчёта неподвластной нам энергии, выходящей за рамки обустроенного человеком мира.

Овен вселяет в людей горение энергией подвига. Что-то мы сжигаем в себе, чтобы гореть, и для катализации процесса титан Прометей вместе с огнём подарил людям и огненную воду. Не случайно кара богов намекала на болезнь печени – цирроз. Любопытно, что Карлос Кастанеда, автор книги «Внутренний огонь», скончался от рака печени. Желчь, выделяемая печенью, связана с Огнём и признаками соответствующих психотипов. Прометей – сын богини Афины Паллады, одним из символов мудрости которой была змея. Поэтому он близок Меркурию, курирующему рассудок. Но в матрице мифологических ассоциаций он связан и с созвездием Овна, а через него с планетой, курирующей агрессию, – Марсом. Будто в его генах соединились доминанты качеств отца и бабушки по матери. Французский психолог Гастон Башляр считал обладателями комплекса Прометея тех, кто хочет и может быть умнее отца, учителя, своего Духовного наставника. Здесь должны присутствовать две составляющие: повышенная тяга к действию (пассионарность) и умение соотносить собственные достижения с идеалом, с гениями прошлых поколений.

Марина Цветаева акцентировала первый компонент, говоря, что «состояние творчества есть состояние сновидения, когда ты вдруг, повинувшись неизвестной необходимости, поджигаешь свой дом». Таким неизвестным и закономерным импульсом может выступать, как я полагаю, некий регулярный космобиоритм. В состоянии бодрствования человек так же индивидуален, как субатомная частица типа фотона. В состоянии сна – цельность тела и психики индивида подчинены волновой природе надчеловеческой трансперсональной общности. Сверка с ритмами всех других явлений мира происходит именно во время сна.

Обычно замечают лишь околосуточные, околосесячные и сезонные периоды. Но существуют и более долгопериодные естественные косморитмы. Их пики, стимулирующие психическую энергию, неожиданны лишь для того, кто вообще игнорирует ритмичность природы. Грешили этим и христианская церковь, и классиче-

ская наука. Первая трактовала «инсайт», интуитивный скачок в мышлении, как следствие «кайроса», исключительного момента во временном процессе, когда «вечное врывается во временное, потрясая и преображая его и производя кризис в глубине человеческого существования» (Пауль Тиллих). Для второй удобнее показалось возвысить роль случая. Допуская исключительные моменты, не следует игнорировать возможность регулярной трансформации (сублимации, возгонки) материи четырёхмерного пространства в тонкую энергию высоких измерений. Как учат современные японские интерпретаторы восточных учений, «когда мы перевоплощаемся, начинается разрушение элементов Земли, Воды, Огня и Ветра». Однако своего рода микроперевоплощение происходит и во всякий момент, который древние отмечали как перемену стихии. Кризисный характер этих дат подчёркивали языческие празднества.

Каждая стихия представляет основной вид энергии сознания, который действует в каждом из нас. Есть резкое отличие в эмоциональной сфере между земными и водными знаками. Люди с сильной доминантой водной стихии настроены на контакт со своими чувствами и на их нюансы, которые другие люди даже не замечают. Мощным воздействием на этот психотип обладает поэзия, поскольку её ритмическая артикуляция способствует его стремлению пережить мистический опыт иных измерений. Разумеется, эта специфика порождает и интуитивный тип мышления вообще. По сходному критерию Фридрих Ницше условно разделил субъектов творчества на психотип Аполлона – жрецов просвещения, и психотип Диониса – энергизирующих, расширяющих сознание, художников сна и опьянения. В реальной жизни и тот, и другой признаки в той или иной степени присущи каждому автору и произведению. Стимуляция косморитмами вовсе не исключает возможность аperiодичного творчества. В русской культуре признаки дионисийского типа близки языческой поэзии скоморохов, а псалмы монашеского православия предназначены гасить огонь, возгоревшийся от занесённой прометеей искры.

Для лиц, рождённых под знаками стихий Огня и Воздуха, специфично различие между чувством, выходящим на поверхность, и чувством, хорошо контролируемым, хотя субъект глубоко доверяет значимости его контакта с Вечным. Отметим, что и Н.К. Рерих, и Е.И. Рерих рождены под знаком Воздуха. Итак, по вдохновению рождённое стихотворение близко к сновидению по стихийным прорывам личного подсознания. Однако его содержание (образы, символы, связи) запечатлено в отличие от легко забываемого, внешне не подтверждаемого, не воспроизводимого сновидения. Подвергая произведения поэтов контент-анализу, можно установить и частотные характеристики сугубо индивидуальных тем, и встречаемость архетипических символов. Конкретно эту задачу решали в 2003 г. студенты факультета психологии СПбГУ, анализируя творчество поэтов Серебряного века, в основном вошедших в антологию русской лирики, изданную в 1925 г.

Как установила бакалавр Е.А. Анисимова, в этой группе среди рождённых под знаками стихии Земли преобладают эмоционально нестабильные лица (12 против 2). Среди 19 поэтов, рождённых под знаком Воды, напротив, нестабильных оказалось только 4. У ещё 30 авторов, отнесённых по месяцу рождения к иным стихиям,

подобных тенденций выявлено не было. Но, как правило, у них выявлялось различие доминанты воли или любви при типологии по годам рождения (по восточным знакам).

Л.Л. Войдак в своём дипломном исследовании проанализировала тексты 68 авторов, у которых было взято одинаковое число стихов (стрóf), фиксируя упоминания 91 оттенка цветов. Например, частые упоминания красного цвета фиксировались в стихах В. Нарбута, В. Иванова, С. Городецкого, А. Безыменского. Частотность белого цвета выше в поэзии А. Белого, И. Бунина, Г. Адамовича. Отношение частоты красного цвета к частоте белого равно для А. Белого 1:3, для В. Маяковского 2:6, для А. Безыменского 3:0, для И. Эренбурга уже 4:0. Чем более явно автор «по жизни» стремился к власти, тем выраженнее тенденция. Перечень авторов был поделён также на группы, родившихся на пике («акме») 11-летнего цикла солнечной активности по А.Л. Чижевскому, на минимуме («катаболе») и в периоды средние между крайними значениями активности. Оказалось, что рождённые при максимуме солнечной активности значимо отличаются по введённым нам частотным индикаторам словоупотребления. По частоте употребления в образах красного цвета поэты, рождённые под знаком Огня, также резко отличаются от рождённых под знаком Земли. Но как ни парадоксально, именно эмоциональные вдвое реже земных прагматиков употребляют алый цвет тревоги (8,5 против 15,25). Последние не скрывают свои эмоции. А вот архетипичный подсознательный огонь (знак Прометея) как раз скрывается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Учение Живой Этики (Агни Йога)*. Агни Йога. § 553.

² *Овчинников В.Ф.* Творческая личность в контексте русской культуры. – Калининград, 1994.

³ *Учение Живой Этики (Агни Йога)*. Агни Йога. Предисловие.

⁴ *Учение Живой Этики (Агни Йога)*. Беспредельность. Ч. I, § 65.

О.Ю. ШИЛИНА

(Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), г. Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ЗАПАДНОЙ ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ ЗВУЧАЩЕЙ ПОЭЗИИ XX В.

Как известно, поэзия изначально существовала в единстве с мелодией и предполагала устное, звучащее исполнение. Современная форма звучащей поэзии – авторская песня – как явление сформировалась более 40 лет назад. Сначала появилась простая потребность как-то его определить, обозначить, назвать. Позднее возникли споры о различных традициях и влияниях в этом новом социокультурном феномене. Однако при всей своей кажущейся новизне это явление далеко не новое и тем более не инородное для русского искусства в целом. Новым его можно считать лишь в отношении формы бытования – эстрада, магнитофон, грамзаписи. Что же касается распевания стиха, придания поэзии адекватной музыкальной формы, а также его

синкретичности, то тут авторская песня находится в русле традиции, уходящей далеко в прошлое. Однако при установлении «родства» необходимы разумные пределы, иначе, как остроумно заметил профессор В.И. Новиков, «можно добраться и до древнегреческой поэзии, исполнявшейся, как известно, под аккомпанемент кифары (предшественницы гитары)»¹. Говоря о традициях, следует учитывать, что авторская песня, во-первых, имеет как фольклорные, так и литературные корни, а во-вторых, что она восходит не только к русским, но и к зарубежным источникам. Но если отечественные источники изучены достаточно подробно², то зарубежные нуждаются в некоторой проработке. В своём докладе мы попытаемся в общих чертах их обозначить.

Прежде всего, попробуем представить, каким был взгляд «со стороны» на русскую звучащую поэзию и её авторов. Российскую авторскую песню на Западе называли то «песнями протеста», то «гитарной поэзией», а авторов-исполнителей – то «бардами», то «баллаdistами», таким образом, как бы улавливая самую её сущность: оппозиционность, синкретичность и балладное начало. Не углубляясь в средневековую традицию бардов, менестрелей и миннезингеров, мы сосредоточимся на более близких по времени и потому очевидных влияниях французского шансона и зонгов Бертольда Брехта.

Среди продолжателей традиций французского шансона наиболее яркими, несомненно, являются Александр Вертинский и Булат Окуджава с характерным для них романсово-лирическим началом, которое проявилось во всём: в мелодраматической тематике произведений, в их мелодике и манере исполнения.

А.Н. Вертинский первым разрушил канон, создавая свою эстетику эстрады: маска Пьеро, необычный для того времени распев стиха, необыкновенный артистизм, подчёркнуто театральный жест. Его мелодиям присуща некоторая декламационность, почти речитативность, что роднит их с французским шансоном. Думается, что Вертинский, продолжая традиции классического французского шансона, в какой-то степени даже предвосхитил появление таких знаменитых французских шансонье XX века, как Ив Монтан, Шарль Азнавур и других с характерной для них речевой выразительностью и пластикой. У Вертинского это качество было вызвано, с одной стороны, необходимостью донести текст, так как поэтической стороне он отводил главенствующую роль³, а с другой – своеобразием поэтики начала XX века – и в первую очередь, «усилением в новой поэзии речевой, пластической выразительности»⁴. Наверное, это и позволило Фёдору Шаляпину назвать Вертинского «великим сказителем земли русской».

Вообще, «русский вокализм, по природе своей более бледный, чем, например, французский» (Б.М. Эйхенбаум)⁵, был заметно усилен именно в произносительном отношении в поэзии начала XX века. Певческая декламационность вообще была очень характерна для поэзии того времени: известно, что Андрей Белый записывал стихи нотами, Анна Ахматова при чтении почти переходила на пение, Сергей Есенин читал напевно, подчёркивая музыку стиха, Илья Сельвинский, по словам Л. Озерова, «отлично читавший свои стихи, иногда напевавший их, <...> с неизмен-

ным успехом выступал... на эстраде. В этом он был предшественником современных бардов. Стих тянулся к мелодии, мелодия шла навстречу стиху»⁶.

Песни Вертинского сразу стали невероятно популярны, настолько они вошли в резонанс с эпохой – эпохой «жеманства, манерности, мечтательной усталости, внутренней расшатанности и балованного снобизма»⁷. Основой творческой установки Вертинского было обращение одновременно «и к уму, и к сердцу» слушателя, по его собственному выражению: «Мой жанр не всем понятен. Но он понятен тем, кто много перенёс, пережил немало утрат и душевных трагедий, кто, наконец, пережил ужасы скитаний, мучений в тесных улицах города, кто узнал притоны с умершими духовно людьми, кто был подвержен наркотам и кто не знал спокойной, застылой “уютной жизни”»⁸. Термина для обозначения этого жанра найдено не было, но часто в печати фигурировал такой – «жанр настроений»⁹. Юрий Олеша вспоминает: «Он пел то, что называл “ариятками Пьеро” – маленькие не то песенки, не то романсы: вернее всего, это были стихотворения, положенные на музыку, но не в таком подчинении ей, как это бывает в песенке или в романсе: “ариятки” Вертинского оставались всё же стихотворениями на отдалённом фоне мелодии. Это было оригинально и производило впечатление»¹⁰.

Вертинский, ощущавший себя с самого начала больше поэтом, чем актёром, пошёл, по его словам, «по нелёгкой дороге новаторства, создавая свой собственный жанр», исходной точкой которого была «влюблённость в русскую речь, воспетую тогда Бальмонтом, и протест против рутины, царящей 200 лет в русских романах. <...> Все эти суррогаты, приготовленные из слюны и сахара, возмущали меня. Неужели нельзя петь о чём-нибудь более интересном? Ведь вокруг огромная жизнь с её горем и страданиями, радостью и весельем – тысячи тем, тысячи сюжетов»¹¹. Вертинский пытается «вдохнуть жизнь» в изживший себя жанр русского романса, эпатажуя подчас публику новыми, смелыми темами и образами («девушка в горжеточке», «кокаинетка», «прапорщик Володя» и др.): «я стал писать песенки-новеллы, где был прежде всего сюжет. Содержание. Действие, которое развивается и приходит к естественному финалу. <...> А публика, не подозревавшая, что обо всём этом можно петь, слушала их с вниманием, интересом и сочувствием»¹².

Однако при всей невероятной популярности попытка Вертинского вывести песню на театральные подмостки в то время не имела последователей. Самому Вертинскому причина этого виделась в том, что «нужно сразу соединить в себе четыре главных качества: быть поэтом, композитором, певцом и артистом. Пусть даже не в большой мере, но все эти данные необходимы»¹³.

Это стало возможным лишь в середине XX века, когда на эстраде с гитарой в руках появился Булат Окуджава, а вслед за ним – целая плеяда поющих поэтов.

В одном из интервью Булат Окуджава сказал, что он «очень быстро воспринял законы эстрады...». В какой-то степени это справедливо, ведь эстрада как вид искусства требует от выходящего на сцену некоторого артистизма, необходимого для создания образа. Окуджава, безусловно, вобрал в себя то лучшее, что присуще эстраде, ломая при этом стереотипы. Он так же, как и Вертинский, разрушал каноны и тут же создавал свои, утверждая новую эстетику эстрады и отвергая при этом такой её

важнейший компонент, как *зрелищность*: джинсы и кожаная куртка вместо концертного костюма, мягкая, доверительная манера исполнения, близкая к проговору, – вместо профессионально поставленных голосов эстрадных певцов. В конце концов, Окуджава создал свой собственный стиль, отличительной чертой которого является естественный, природный артистизм, во многом берущий своё начало в традициях французского шансона, и органичную манеру исполнения, основа которой – текучесть мелодии, образов:

*Ты течёшь, как река. Странное название!
И прозрачен асфальт, как в реке вода.
Ах, Арбат, мой Арбат,
ты – моё призвание.
Ты – и радость моя, и моя беда¹⁴.*

Интересно, что этой текучестью сглаживается и отрывочность мысли (сходство с рекой – «странность» названия – эмоциональное восприятие и отношение поэта), и необычная аллитерация этого текста – значительное присутствие звука [р], хотя традиционно плавность достигается использованием [л] в сочетании с [р].

Есть ещё одно качество, которое роднит творчество Вертинского и Окуджавы с французским шансоном и русским романсом, – это смелое использование банальности и шаблона, ведь, как известно, банальность – это «многократно закреплённая закономерность», а умение «оживлять в банальности её изначальную небанальность» (С. Бирюкова) и позволяет создавать подлинные шедевры – произведения искусства. Однако, продолжая шансонно-романсовую традицию, Б. Окуджава обнаруживает и некоторое родство с брехтовской отстранённостью через открытость и непосредственность своей творческой манеры, в основе которой лежит «театральность как выстроенность, строгое следование ритуалу и раскрепощённость»¹⁵.

Однако наиболее ярко брехтовская традиция проявилась в творчестве таких поющих поэтов, как Александр Галич и Владимир Высоцкий. Прежде всего, она выразилась в драматичности, социальной остроте и оппозиционности их произведений, хотя эти два художника по своей природе весьма отличны друг от друга.

По мнению исследователей, Галич как актёр, драматург и постановщик своих песен шёл «брехтовскими путями», следуя духу времени, ибо «эпический театр был одним из знаков современности»¹⁶. Главное отличие эпического театра от драматического, по Брехту, состоит в особой игре артиста, который рассказывает о происходящих событиях, *изображает, показывает* персонаж, не перевоплощаясь в него, не сливаясь с ним: «Ни на одно мгновение нельзя допускать полного превращения актёра в изображаемый персонаж»¹⁷. Основной принцип Галича – это представление и рассказ, а не перевоплощение. Он хотя и «играет» свои песни, но делает это всегда *отстранённо*, т. е. *показывает* происходящие события и персонажи. Между автором и героем всегда есть дистанция, даже если он говорит от первого лица – «я».

Характерен для Галича и такой брехтовский приём, как *очуждение*, который он использует, возможно, интуитивно. Часто он предваряет песню комментарием, который напоминает ремарку к драматическому произведению или титры, которые

Брехт применял в «Трёхгрошовой опере». В качестве примера приведём комментарий к песне «Снова август», посвящённой памяти А.А. Ахматовой, из цикла «Литераторские мостки»:

*Анна Андреевна очень боялась и не любила месяц август,
считала этот месяц для себя несчастливым и имела к этому
все основания, поскольку в августе был расстрелян Гумилёв
на станции Бернгардовка, в августе был арестован её сын Лев,
в августе вышло известное постановление о журналах
«Звезда» и «Ленинград» и т. д.*

«Кресты» – ленинградская тюрьма, Пряжка – район в Ленинграде¹⁸.

По мнению Брехта, комментарии полезны, ибо «они отделяют стихи друг от друга, осуществляя эффект очуждения, и ставят их на почву реальности»¹⁹.

Кроме того, песни Галича обнаруживают родство с зонгами Брехта и социально-политической заострённостью тематики, и установкой скорее не на эмоциональное, а на интеллектуальное воздействие, и стремлением «внушить зрителю аналитическое, критическое отношение к изображаемым событиям»²⁰.

Совсем иначе продолжает традицию брехтовских зонгов Владимир Высоцкий, который делает это уже не интуитивно, а вполне осмысленно, ибо Театр на Таганке, где он работал с 1964 г. как актёр, широко использовал приёмы и эстетику брехтовского театра. Как известно, Брехт требовал от актёра диалектического подхода: с одной стороны, изображать на сцене другого человека, а с другой – показывать зрителю своё отношение к нему. Иными словами, взгляд актёра на изображаемый персонаж должен быть «стереоскопическим»: изнутри и снаружи одновременно. Именно это брехтовское начало воспринял, творчески переработал и развил Владимир Высоцкий. В своих песнях он является демонстратором и рассказчиком одновременно, сочетая «перевоплощение в другого с выражением своего отношения к нему»²¹.

Это качество – «двуединость» (Н.А. Богомолов) – во многом определило его индивидуальность, неповторимость, что делает его отличным и от Галича, и от других собратьев по «цеху» – авторской песне. Кроме того, слово Высоцкого направлено не на убеждение, а на «пробуждение» – не на интеллектуальное, а на эмоциональное воздействие, точнее – и на интеллектуальное, и на эмоциональное одновременно. Его творческая задача виделась ему в том, чтобы, по его собственному выражению, песни входили «в уши и души одновременно».

Интересно, что брехтовский опыт Высоцкого, поэта и актёра, был востребован в кинематографе режиссером М.А. Швейцером, снявшим в 1974 г. фильм «Бегство мистера Мак-Кинли» по одноимённой киноповести Л.М. Леонова²². Он сыграл там уличного певца Билла Сиггера. Надо заметить, что такого персонажа в оригинале не было, но его введение было продиктовано необычностью и сложностью леоновского материала. В связи с этим была реализована такая идея: «авторскую мысль, авторский текст сделать в виде такой песенной прослойки, по-брехтовски, чтобы мысль-песня шла как бы снизу, из самой гущи жизни»²³. Этой авторской установке как нельзя лучше соответствовали баллады Высоцкого, которые он написал специально

для этого фильма. К сожалению, в результате вместо предложенных девяти баллад в фильм вошли только две, и то в сокращенном варианте («Баллада о манекенах» и «Баллада об уходе в рай»), но и они прекрасно справились с поставленной задачей, и фильм был отмечен зрителями и критикой как несомненная удача его авторов. На наш взгляд, одна из наиболее «брехтовских» баллад из всего цикла – «Баллада о маленьком человеке», в которой Высоцкий одновременно представляет нам главного героя и выражает к нему своё отношение:

*Сказку, миф, фантасмагорию
Пропую вам с хором ли, один ли, –
Слушайте забавную историю
Некоего мистера Мак-Кинли –*

*Не супермена, не ковбоя, не хавбека,
А просто маленького, просто человека²⁴.*

Взгляд автора «очуждён», что подтверждается не очень характерным для поэзии Высоцкого в целом, обращением *ты*, и предельно обобщён: образ Мак-Кинли и конкретен, и типичен одновременно. Это достигается постоянными «переключениями» с *ты* на *вы*:

*Для созидания
в коробки-здания
Ты заползаешь, как в загоны на закланье.
В поту и рвении,
в самозабвении
Ты создаёшь, творишь и рушишь в озарении. <...>*

*Будь **вы** на поле, у станка, в конторе, в классе, –
Но **вы** причислены к какой-то серой массе.*

*И в перерыв – в час подлинной свободы –
Вы наскоро жуёте бутерброды. –
Что ж, эти сэндвичи – предметы сбыта.
Итак, приятного **вам** аппетита!*

*Нелёгкий век стоит перед **тобой**,
И всё же – гутен морген, дорогой!²⁵*

[Выделено мной. – О. Ш.]

Итак, мы видим, что русской звучащей поэзией XX века были продолжены и творчески развиты некоторые западные традиции – французского шансона и брехтовского театра. Поющие поэты внесли в них национальный колорит, особенности своей эпохи и индивидуальные черты. Таким образом, Александр Вертинский и авторская песня не только продолжили традиции, ставшие неким «символом культурной памяти», но и обогатили их собственным поэтическим опытом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Новиков В.И. Авторская песня как литературный факт // *Авторская песня*. Книга для ученика и учителя. – М., 1997. – С. 7.
- ² См., например: Соколова И.А. Формирование авторской песни в русской поэзии (1950–1960-е гг.). – Автореферат диссертации... канд. филологических наук. – М., 2000; Шилина О.Ю. К вопросу об истоках современной авторской песни // *Русская литература XI–XX веков*. Проблемы изучения: Тезисы докладов научной конференции молодых учёных и специалистов ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. 29–30 апреля 1992 г. – СПб., 1992. – С. 47.
- ³ «К своему творчеству я подхожу не с точки зрения артиста, а с точки зрения поэта. Меня привлекает не только одно исполнение, а подыскание соответствующих слов и одевание их в мои собственные мотивы» (Вертинский А. За кулисами. – М., 1991. – С. 185. – Библиотека авторской песни «Гитара и слово»).
- ⁴ Лианская Е.Я. А.Н. Вертинский и предистория бардовской песни: взгляд музыканта // *Мир Высоцкого*: Исследования и материалы. Альманах. – Вып. III. – Т. 2. – М., 1999. – С. 396.
- ⁵ Эйхенбаум Б.М. О поэзии. – Л., 1969.
- ⁶ Озеров Л. Илья Сельвинский, его труды и дни // *Илья Сельвинский*. Избранные произведения: В 2 т. – М., 1989. – Т. 1. – С. 6.
- ⁷ Там же. – С. 114.
- ⁸ Там же. – С. 66.
- ⁹ Пётр Пильский называл его песни «интимными исповедями», а Всеволод Иванов – «морально-философскими и житейски-умными трактатами».
- ¹⁰ Вертинский А. Указ. соч. – С. 247.
- ¹¹ Там же. – С. 125.
- ¹² Там же. – С. 37.
- ¹³ Там же. – С. 187.
- ¹⁴ Окуджава Б. Избранное. – М., 1989. – С. 35.
- ¹⁵ Бирюкова С. Спасите наши души: Окуджава, Высоцкий, бард-рок. – Тамбов, 1990. – С. 26.
- ¹⁶ Свиридов С.В. «Литераторские мостки». Жанр. Слово. Интертекст // *Галич*. Проблемы поэтики и текстологии. – М., 2001. – С. 104–105.
- ¹⁷ Брехт Б. Театр: Пьесы; Статьи; Воспоминания: В 5 т. – Т. 5. – Ч. 2. – М., 1965. – С. 194.
- ¹⁸ Галич А. Возвращение: Стихи. Песни. Воспоминания. – Л., 1990. – С. 63.
- ¹⁹ Брехт Б. Театр: Пьесы; Статьи; Воспоминания: В 5 т. – Т. 5. – Ч. 1. – М., 1965. – С. 247.
- ²⁰ Там же. – С. 102.
- ²¹ Богомолов Н.А. Чужой мир и своё слово // *Мир Высоцкого*. – Вып. 1. – С. 157.
- ²² См. об этом: Кастрель Д.И. Баллады из первоисточника. Цикл к «Бегству мистера Мак-Кинли» // *Мир Высоцкого*. – Вып. 3. – Т. 1. – М., 1999. – С. 116–132; Шилина О.Ю. Из истории постановки киноповести Л. Леонова «Бегство мистера Мак-Кинли» // *Леонид Леонов и русская литература XX века*. Материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л.М. Леонова. – СПб., 2000. – С. 143–150.
- ²³ Владимир Высоцкий в кино. – М., 1990. – С. 123.
- ²⁴ Высоцкий В. Сочинения: В 2 т. – Екатеринбург, 1997. – Т. 2. – С. 213.
- ²⁵ Там же. – С. 214.

О.А. ЖАРКОВСКАЯ, В.П. ТЮКИН

(г. Санкт-Петербург)

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ КОННЫЙ МОНУМЕНТ: ОТ КУЛЬТУРЫ ВОСТОКА К ВОСПРИЯТИЮ ЗАПАДНЫХ ФОРМ ИСКУССТВА

Взаимодействие восточной и западной культур на берегах Невы наиболее ярко осуществлялось в годы зарождения здесь новой столицы Российской империи – Санкт-Петербурга. Если в допетровское время Русь развивалась в основном в русле азиатских традиций, ассимилируя и присущий им общекультурный менталитет, и архитектурные формы, и такие характерные элементы восточного быта, как фарфор, бумага, чай, порох, компас, растительные красители (индиго, басма) и прочее, то интенсивное привнесение в Россию европейских знаний началось лишь в начале XVIII столетия благодаря реформам Петра I. Размышляя о перемене, произошедшей в русском искусстве на рубеже столетий, Э.Э. Виолле-ле-Дюк полагал, что до XVIII в. оно было поклоном Востоку, а с XVIII – Западу. И если применительно к искусству в целом это суждение кажется односторонним и необоснованным, то в отношении такого его вида, как монументальная скульптура, имеет смысл.

В допетровской Руси из-за церковного запрета, наложенного на круглую пластику как самостоятельный вид творчества, она продолжала развиваться лишь в глубоких провинциях, на Севере и Востоке страны, а «москвитяне, – по замечанию И.Г. Корба, – воздавали честь только писаным иконам, а не изваянным»¹. Восточная же скульптура долго носила исключительно культовый характер. Фигуративные монументы большого общественно-политического звучания, предназначенные для крупных городских ансамблей, отсутствовали и в России, и в странах Востока – тогда как в Европе традиция создания светских статуй сложилась ещё в эпоху Античности² и была возрождена мастерами Ренессанса. И лишь благодаря преобразованиям первого российского императора с Запада в Россию была привнесена сугубо европейская форма светского монумента, что дало повод современникам Петра I (Г. Бужинскому, Ф. Лопатинскому, Ф. Прокоповичу) уподобить пореформенную Россию статуе, а самого императора ваятелю³.

Первый созданный в России монумент («Пётр I» К.-Б. Растрелли, *ил. 5*) и первый установленный на её территории («Медный всадник» Э.-М. Фальконе, *ил. 7*) – оба общественно-значимых светских памятника основателю Петербурга являют собой единую иконографическую форму – всадника. Причём оба они были исполнены не отечественными, а европейскими мастерами, что в дальнейшем стало традиционным для нашего города. Рассмотрим вопрос о взаимодействии «Востока» и «Запада» на берегах Невы в связи с типом конного памятника, обобщим очевидные и постараемся выявить некоторые косвенные «западные» влияния на становление в России иконографии монументального всадника – типа, который за три столетия

своего существования в нашей стране стал не только пластическим символом Петербурга и многих других городов империи⁴, но также одним из символов России⁵.

* * *

Желая увековечить память о «деле всей своей жизни» – Северной войне, не случайно из многочисленных известных жанров монументальной скульптуры Пётр I избрал именно иконографию всадника. Опирающаяся на обширную традицию Античности, конная статуя Нового времени, в отличие от популярной в петровской России аллегорически-обезличенной формы триумфальных ворот, не уступала ей по степени репрезентативности. Однако, будучи фигуративной формой, она способна запечатлеть образ конкретного героя (в данном случае – самого «Отца отечества») в наиболее долговечной в сравнении с материалами иных видов искусства форме. К тому же, монументальный всадник, хоть и изготовленный из бронзы – материала, чуждого допетровской деревянной и глиняной пластике, композиционно представлял собой хорошо знакомую христианскому сознанию иконографию конника. Ибо в допетровской Руси образ всадника ассоциировался, прежде всего, со святым Георгием Победоносцем, о широком почитании которого свидетельствуют его изображения на иконах и церковной утвари, монетах и княжеских гербах. С конца XIV столетия вошедшее в состав российского герба изображение всадника-змееборца являлось одним из символов государственности (в 1730 г. в описании рисунка герба всадник впервые был назван святым Георгием Победоносцем), что не могло не сказаться на выборе Петром I иконографии конника как наиболее действенного дидактического пособия, способного выразить идею мощи и силы Российской империи⁶.

Таким образом, в кардинально новую пластическую форму («новое» искусство как воплощение идеи обновлённой европеизированной России) была облечена традиционная для Руси иконография конника (с присущей ей символикой высокочтимого святого Георгия), что во многом и обусловило популярность типа конного монумента. Так, в 1710-е гг. французский скульптор-декоратор Николя Пино разрабатывал проект конного памятника Петру I⁷. Созданию «Медного всадника» предшествовала идея И. Бецкого представить в образе бронзовой всадницы Екатерину II⁸ (эту идею разрабатывали М. Ломоносов и Р. Штелин). В 1814 г. в Париже О. Монферран преподнёс императору Александру I альбом своих работ (ныне в собрании ГЭ), в котором среди прочих проектов было изображение конной статуи самодержца. Во второй половине 1870-х гг. М.М. Антокольский создал проекты конных групп «Ярослав Мудрый», «Дмитрий Донской», «Пётр I» для украшения Литейного моста⁹. На проводившийся в 1911 г. конкурс на памятник Александру II на Михайловской (Искусств) площади было представлено две модели, запечатлевших императора в образе всадника¹⁰. Ни один из этих проектов не был осуществлён, однако и без них за три столетия петербургской истории в городе появилось восемь конных памятников.

Ил. 1. Дж. да Болонья. Монумент Козимо I Медичи. Флоренция. 1594.

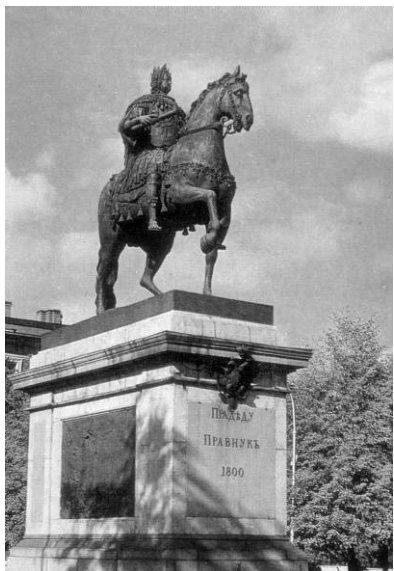
Ил. 2. Франсуа Жирандон (Fransua Jirardon). Памятник Людовику XIV. Модель статуи. Собрание ГЭ.

Ил. 3. Х. Ле Сюэр. Памятник Карлу I. Лондон. 1674.

Ил. 4. Г. Шмидт-Кассель. Памятник Петру I. Рига. 1910.

Ил. 5. К.-Б. Растрелли. Памятник Петру I. Санкт-Петербург. 1800.

Ил. 6. А. Шлютер. Монумент Фридриха-Вильгельма. Берлин. 1703.

Ил. 7. Э.-М. Фальконе. Медный всадник. Санкт-Петербург. 1782.

Ил. 8. Н. Винахе. Памятник Августу Сильному. Дрезден. 1730.

Вряд ли, заказывая К.-Б. Растрелли первый в отечественном искусстве монумент, Пётр I мог предвидеть в своей столице сравнимое с европейскими масштабами обилие монументальных всадников. Тем не менее, путешествуя по Европе, особым вниманием император отмечал именно конные памятники, коих имел возможность видеть около десятка. Можно предполагать, что во время «Великого посольства» Пётр I видел знаменитого «Коллеони» работы А. Верроккьо¹¹ и лондонского «Карла I»¹² Х. Ле Сюэра (в 1698 г.) (*ил. 3*); в 1712 г. в Берлине – «Великого курфюрста» Ф. Шлотера; а в 1716 г. – копенгагенского «Христиана V»¹³ работы А.-Ц. Ламорекса.

Об интересе Петра I к конным памятникам или о посещении тех мест, где российский император мог их видеть, свидетельствуют воспоминания современников. Так, в записке «О пребывании Петра Великого в Париже в 1717 г.» герцог де Сен-Симон сообщает, что «во вторник, 11 мая... царь осматривал площади Королевскую, Побед и Вандомскую»¹⁴. Скорее всего, в тот день Пётр I видел двух монументальных всадников: «Людовика XIII»¹⁵ работы Д. Рикарелли да Вольтерра и П. Биарамладшего на Королевской площади и находившегося в центре Вандомской площади «Людовика XIV»¹⁶ работы знаменитого Ф. Жирардона.

Видимо, в память о парижском voyage император приобрёл полотно Хендрика Моммерса (1624–1693) «Вид Нового моста в Париже»¹⁷, в центре которого изображён конный монумент Генриха IV¹⁸ работы скульпторов Дж. да Болонья и П. Такка.

По сообщению де Сен-Симона, Пётр I «осмотрел весь Версаль»¹⁹, где имел возможность лицезреть знаменитую мраморную статую Людовика XIV²⁰, изваянную Дж.-Л. Бернини; уменьшенную бронзовую копию монумента с Вандомской площади; а также мраморный рельеф «Людовик XIV» работы А. Куазевокса (1677 г.) в зале Войны.

Ещё в начале своих парижских путешествий, 30 апреля 1717 г., Пётр I посетил Арсенал, «где льют медные всякие статуи»²¹. Известно также, что в одном из своих писем в Италию император просил Рагузинского «сыскать... мастеров таких, которые могут вылить лошадь медную против той, каковая там есть в Кампидолии, Марка Аврелия, и говорить с теми мастерами, в какую цену такая лошадь станет со всем в отделку и в какое время может совсем отделана быть», а также написать «в Рим Микетти, чтобы он подрядил сделать вощаную модель с мраморной статуи Константина Великого, которая там есть, и прислал бы её сюда»²². Эти указания свидетельствуют о том, что, выбирая из всех известных пластических форм иконографию всадника, Пётр I осознавал, сколь сложна такая скульптура по глубине и многогранности трактовки образа и сколь высоким профессионализмом должен обладать исполняющий её мастер – талантливый портретист и анималист одновременно. Такой мастер был найден – им стал приглашённый в Петербург итальянский скульптор Карло Растрелли, родившийся и получивший профессиональную подготовку во Флоренции. В отечественной историографии отсутствуют сведения о его учителях, однако можно предполагать, что Растрелли учился у флорентийского скульптора и архитектора Дж.-Б. Фоджини (1652–1725), работавшего при дворе Фердинанда II и Козимо III. Во Флоренции Растрелли видел конные памятники Козимо I (*ил. 1*) и Фердинанду I работы Дж. да Болонья – мастера, благодаря кото-

рому тип конного монумента из первоначального центра – Италии – был привнесён во Францию («Генрих IV» Дж. да Болонья и П. Такка, 1614 г.), Испанию («Филипп III» Дж. да Болонья и П. Такка, 1613 г.; «Филипп IV» П. Такка, 1640 г.) и Великобританию («Карл I» Х. Ле Сюэра, 1674 г., *ил. 3*). Пётр I не посещал Флоренцию, но у него была возможность увидеть флорентийское наследие – первый французский и первый британский конные памятники.

* * *

Решение Петра I оставить память о победе русских войск над шведами в собственной прижизненной триумфальной статуе свидетельствует о принципиальном изменении в первые десятилетия XVIII в. прежнего «русско-азиатского» мировоззрения: ибо, задумав посвятить первый российский монумент «делу всей своей жизни» – Северной войне, – Пётр I впервые в отечественной пластической традиции «осмелился» запечатлеть для потомков не мифический образ своего небесного покровителя, но собственную персону – реального героя-победителя. Типологические истоки подобных прижизненных изображений имеют аналогии и в русском искусстве (например, иконописные изображения ктиторов), однако семантика первого отечественного конного монумента восходит уже к сугубо европейской традиции.

Автором идеи памятника традиционно принято считать самого исполнителя государева заказа – К.-Б. Растрелли. Однако известно, что в Европе Растрелли с формой конного монумента не экспериментировал, но, приехав в Россию, в одночасье решился ваять российского самодержца в образе всадника – пластической форме, с которой прежде работали лишь признанные мастера, такие как Донателло (Дonato ди Никколо ди Бетто Барди) и А. Верроккьо, Дж. да Болонья и Дж.-Л. Бернини. Не следует ли полагать, что сам заказчик, руководствуясь личными впечатлениями от европейских памятников, предложил Растрелли именно такое решение скульптуры? Однако в этом случае возникает сомнение в том, что Пётр I изначально намеревался поручить исполнение столь важной миссии К.-Б. Растрелли, который, скорее всего, даже не помышлял о создании иконографической формы столь сложной по глубине и насыщенности идейного содержания.

Попытаемся реконструировать этапы развития истории первого российского конного монумента.

В 1713 г. в Россию для застройки новой столицы в числе многих иностранных мастеров прибыл и выдающийся королевский берлинский архитектор и скульптор Андреас Шлютер (1664–1714). Примечательно, что, составляя с ним контракт, как с «обер-директором над всеми строениями», Яков Брюс особо отметил, что А. Шлютер ещё и знаменитый скульптор, автор бронзовой статуи «предка нынешнего короля»²³, т. е. автор конного монумента Фридриха-Вильгельма, который был установлен в Берлине в год основания Петром I новой столицы и который российский император мог видеть там в 1712 г. (*ил. 6*). Кроме того, Пётр I знал, а в 1717 г. имел возможность лично оценить художественные достоинства парижского всадни-

ка «Людовика XIV», созданного учителем А. Шлютера – Франсуа Жирардоном (ил. 2). На Родине Шлютер отчасти успел реализовать свой талант – и в Россию привёз огромный потенциал «скульптора, который не прочь бы все стены сплошь занять скульптурой»²⁴. К несчастью, спустя год после приезда в Петербург талантливый ученик французского классициста умер. Текст его контракта с Петром I не сохранился²⁵, поэтому сейчас остаётся лишь предполагать, что, возможно, памятуя о берлинском всаднике, император первоначально намеревался поручить создание конного памятника А. Шлютеру, и лишь в виду скорой кончины скульптора предложил осуществление замысла приглашённому в 1716 г. К.-Б. Растрелли. Известно, что по пути на русскую службу Растрелли на месяц останавливался в Германии для закупки зимних вещей и, конечно же, видел шлютеровского «Великого курфюрста»²⁶. Этот факт дал основания говорить о чуть ли не прямых цитатах Растрелли не только монумента Шлютера, но также «Людовика XIV» работы его учителя Ф. Жирардона и рельефа с изображением Людовика XIV А. Кузевокса²⁷.

Быть может, в этом и состоит пресловутая «историческая справедливость»: смерть А. Шлютера дала К.-Б. Растрелли возможность, основываясь на пластическом решении «Фридриха-Вильгельма», создать первый российский конный монумент. Аналогично этому сложилась и судьба самого А. Шлютера – автора первого германского конного монумента. Идею создания памятника великому курфюрсту²⁸ он заимствовал у немецкого мастера Б. Эггерса, который скончался в 1692 г., так и не успев осуществить свой замысел общественно значимого государственного монумента²⁹. А проживи Эггерс чуть дольше, быть может, он, а не Шлютер, стал бы автором первого конного памятника Германии³⁰, равно как проживи дольше Шлютер, ему, а не Растрелли, Россия была бы обязана возникновением своего первого монумента.

Однако история распорядилась иначе: по приезде в Россию, полный европейских впечатлений, К.-Б. Растрелли принялся за изготовление конной статуи, коей не только увековечил своё имя, подобно А. Шлютеру в Берлине, но и установил достаточно высокий профессиональный и образно-тематический уровень для всей последующей скульптурной традиции России. Таким образом, русское пластическое искусство обязано своим возникновением самой знаменитой скульптурной школе Европы – флорентийской. А отведи судьба А. Шлютеру более лет на воплощение его таланта, отечественное искусство круглой пластики отсчитывало бы свою историю от традиции немецкой скульптуры. И всё же, косвенным образом посредством стилистических заимствований, немецкие влияния сказались в первых монументальных конниках России. Так, если в растреллиевом памятнике прослеживаются черты берлинского «Великого курфюрста», то второй по времени создания и первый по времени установки конный монумент империи – «Медный всадник» Э.-М. Фальконе – имеет композиционное сходство с дрезденским «Золотым всадником» – «Августом Сильным» работы Н. Винахе³¹ (ил. 8). Хотя документальных свидетельств о маршруте передвижения Фальконе из Парижа в Петербург не сохранилось, сравнение «Золотого» и «Медного» всадников наводит на предположение, что путь французского мастера пролегал не через Берлин, что является наибо-

лее коротким маршрутом, а через Саксонию, где его как руководителя скульптурной мастерской Севрской фарфоровой мануфактуры вполне могли заинтересовать знаменитые изделия из фарфора. В этом случае Э.-М. Фальконе имел возможность видеть конструктивного предшественника своей будущей статуи – дрезденского «Августа Сильного».

* * *

Итак, создавая первый российский конный монумент, представитель флорентийской школы Растрелли опирался на творчество французского академика А. Куазевокса и автора первого немецкого конного монумента А. Шлютера (соединившего мастерство француза Ф. Жирардона с германской идеей «Великого курфюрста» Б. Эггерса). Э.-М. Фальконе, чей монумент стал первым установленным на территории нашей страны конным памятником, следовал своему учителю Ж.-Б. Лемуану и, возможно, Н. Винахе. Вторичные итальянские влияния на конную скульптуру Петербурга оказал автор памятника Николаю Николаевичу Старшему³² П. Каноника, а также учившийся в Италии П. Трубецкой – создатель монумента Александра III³³. Третий конный памятник Петру I (*ил. 4*)³⁴, открытый 28 мая 2003 г. перед Константиновским дворцом в Стрельне, также создан немцем Г. Шмидтом-Касселем³⁵. Ожидается прибытие в город ещё одного памятника Петру I – работы сербского мастера Н. Живорадовича (статуя станет подарком Белграда к 300-летию Петербурга). И лишь П. Клодта, создавшего монумент Николая I³⁶, и В. Козенюка – автора открытого 9 мая 2003 г. памятника Александру Невскому перед Александро-Невской лаврой³⁷ можно считать национальными мастерами.

Несмотря на то, что в России традиция установки конных статуй отставала от европейской более чем на два с половиной столетия³⁸, теперь на территории СНГ насчитывается около сотни конных монументов, статуй, а также моделей и неосуществлённых проектов³⁹. Своей популярности в России тип конного памятника обязан «скульптурной реформе» Петра I, проводимой им в своей новой столице. Продолжившаяся в Санкт-Петербурге традиция установки конных памятников подтвердила значимость иконографии скульптурного всадника для нашего города, делящего с Будапештом, Венной, Мюнхеном и чилийским Сантьяго седьмое место в мире⁴⁰ по количеству (8) монументальных конников⁴¹.

Санкт-Петербург стал воротами, через которые конный монумент начал своё триумфальное шествие из Европы в Россию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Корб И.Г. Дневник поездки в Московское государство. – М., 1867. – С. 267.

² Известно о существовании двух десятков античных конных статуй. Наиболее ранний из сохранившихся памятников – мраморный «Всадник Рампина» (ок. 560 г. до н. э., Афины, Музей Акрополя). IV в. до н.э. датируется мраморная скульптурная группа конных дружинников Александра Македонского работы Лисиппа. Чуть позже появилось выполненное из известняка изображение всадника, повергнувшего великана (Эпинале). К 300-м гг. до н. э. относятся три конные статуи работы

Софоклеса (Олимпия). Первым столетием датируются мраморный «Консул Бальб» (ныне в Национальном музее Неаполя) и колоссальная конная статуя императора Домициана (Римский форум). Мастеру Аполлодору приписывают создание в 109–113 гг. бронзовой позолоченной статуи императора Траяна (Рим, форум Траяна). В 161–180 гг. был создан наиболее известный из античных конных памятников – «Марк Аврелий», установленный в 1537 г. Микеланджело на площади Капитолия в Риме. Ко II в. относится бронзовый всадник из Помпей, к первой половине VI в. – бронзовый всадник «Император Юстиниан». Сохранились фрагменты бронзовой статуи Октавиана на Августа. Известна неаполитанская «Амазонка на коне», «Кентавр с виллы Боргезе» (ныне в Лувре) и три римских конных статуи (две из них с форума Нервы).

³ Прокопович Ф. Слово на похвалу блаженные и вернодостойные памяти Петра Великого. – 1726 // *Панегирическая литература петровского времени*. – М., 1979. – С. 298.

⁴ В Санкт-Петербурге – «Медный всадник» Э.-М. Фальконе, в Ереване – «Давид Сасунский» Е. Кочара, в Тбилиси – «Вахтанг Горгосали» Э. Амашукели.

⁵ Распространённая интерпретация скульптурных коней как образа России.

⁶ В скульптуре идея отождествления государственности с образом Георгия Победоносца проявилась спустя полтора столетия в творчестве Н.С. Пименова, в 1855 г. создавшего вариант модели конной группы для Георгиевского зала Кремлевского дворца в Москве (не осуществлён).

(Шмидт И.М. Пименов. – М., 1953).

⁷ «В начале XVIII века о конной статуе Петра думал Н. Пино – два его рисунка-эскиза дошли до нас. В гравюре Б. Торелли был изображён Пётр перед зданием Двенадцати коллегий, скачущий на коне, подобно монументу и в полный рост, венчаемый Славой. Изображён Пётр на карте Ингерманландии и Карелии, гравированной Гриммелем» (Боженкова М. Кумир на бронзовом коне. – СПб., 1997. – С. 97–98).

⁸ «Бецкой предлагал установить статую Екатерины на постаменте, украшенном рельефами и надписями. Статуя, по его мнению, должна быть конной и обязательно отлитой из бронзы» (Каганович А. «Медный всадник». – Л., 1975. – С. 12).

⁹ Кузнецова Э.В. М.М. Антокольский. Жизнь и творчество. – М., 1989. – С. 171–172.

¹⁰ Проект скульптора А.Л. Обера (1911 г.) и проект скульпторов Л.А. Дитриха и В.В. Козлова и архитектора М.М. Перетятковича (1912 г.) (*Ежегодник общества архитекторов-художников*. – СПб., 1916. – Вып. 11. – С. 76).

¹¹ Памятник кондотьеру Коллеони установлен на площади Сан Джованни э Паоло в 1493 г. Опровергнув сложившееся в историографии мнение, доктор искусствоведения С.О. Андросов доказал, что Пётр I посещал Венецию в 1697 г.

¹² Памятник установлен в Лондоне между Чаринг-Кросс и Трафальгар-сквер в 1674 г.

¹³ Памятник установлен на Новой Королевской площади Копенгагена в 1688 г.

¹⁴ *Пётр Великий*. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. – СПб., 1993. – С. 145.

¹⁵ Первоначально Д. Рикарелли да Вольтерра готовил памятник Генриху IV, однако исполнил лишь статую коня. В силу изменившихся обстоятельств было решено создать памятник сыну Генриха IV – Людовику XIII. В 1639 г. монумент, доделанный П. Биаром-младшим, был установлен на Королевской площади (ныне Вогезов). В 1739 г. памятник был уничтожен, а в 1829 г. восстановлен в мраморе мастерами Л.-М. Дюпати и Корто.

¹⁶ Памятник был открыт в 1699 г. В 1792 г. – уничтожен.

¹⁷ Собрание ГЭ, инв. № ЭРЖ-1830.

¹⁸ Памятник открыт на Понт-Неф в 1614 г. В 1792 г. демонтирован и переплавлен. В 1818 г. восстановлен скульптором Ф. Лемо.

¹⁹ Известно, что впервые в Версаль Пётр I приехал вечером 24 мая 1717 г. По сообщению де Сен-Симона, 3 июня «он отправился ночевать в Версаль, который ему хотелось ещё раз осмотреть с

большим досугом» (О пребывании Петра Великого в Париже в 1717 году. Из записок герцога де Сен-Симона // *Пётр Великий*. Указ. соч. – С. 148.).

²⁰ Статуя установлена в парке Версаля в 1677 г.

²¹ *Павленко Н.И.* Пётр Великий. – М., 1990. – С. 379.

²² Цит. по: *Андросов С.О.* Пётр I и его современники: вкус к скульптуре // *Мировая скульптура: традиция и современность*. – М., 1991. План Николо Микетти по «вылитию» копии с конного монумента Марка Аврелия так и не был реализован, а вскоре, в 1722 г., Синод ввёл запрет на постановку круглых статуй в православных храмах.

²³ *Prof. P. Walle.* Schluters Wirken in Petersburg. – Berlin, 1901. Письмо Брюса из Берлина от 8 мая 1713 г. к кабинет-секретарю. Государственный архив РФ, Кабинет Петра Великого.

²⁴ *Gurlitt Cornelius.* Andreas Schluter // *Грабарь И.И.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. – СПб., 1994. – С. 50.

²⁵ *Тарасова И.Ю.* Андреас Шлютер и барельефы Летнего дворца Петра I // *Петербургские чтения*. 1998–1999. – СПб., 1999. – С. 150–153.

²⁶ «Этот великолепный образец монументальной пластики северного барокко произвёл сильное впечатление на Растрелли. Он видел статую “Великого курфюрста” в 1716 г., по пути из Парижа в Петербург», – писал В. Петров в книге «Конная статуя Петра I Карло Растрелли» (Л., 1972. – С. 178).

²⁷ *Боженкова М.* Кумир на бронзовом коне. – СПб., 1997. – С. 103.

²⁸ Зародившаяся у Эггерса на исходе XVII в. идея создания репрезентативного образа всадника – великого курфюрста оказалась в Германии чрезвычайно востребованной. Масштабные, государственного значения конные памятники Фридриху Вильгельму установлены в Клеве (П. Бреуер, 1909 г.), в Бранденбурге (Л. Манцел, 1921 г.), в Эрлангере.

²⁹ *Thieme-Becker.* – Kun-Lex. – Т. 10. – 1914.

³⁰ К XVIII столетию в Германии сложилась традиция создания конных статуй, которая стала основой для создания в истории немецкого искусства первого конного монумента. Так, в 1220–1230 гг. появился знаменитый Бамбергский всадник, а в 1240-е – Магдебургский. На крыше собора святых Мартина и Стефана в Майнце был установлен конник «Святой Мартин» («Карл Великий»). XVI столетием датируются статуи святого Георгия, всадники «Карл V» и «Фердинанд I» работы скульптора Келса, «Густав Адольф» Г. Швейггера и др.

³¹ Отлит кузнецом-оружейником Л. Видеманом по проекту скульптора Н. Винахе и установлен на Новой рыночной площади в 1730 г.

³² Установлен в 1914 г. на Манежной площади в Санкт-Петербурге. Демонтирован в 1918 г. В музее Каноника в Риме (вилла Боргезе) находится отливка статуи.

³³ Установлен в 1909 г. на Знаменской площади в Санкт-Петербурге. В 1938 г. демонтирован и перевезён на склад на Лиговской улице. В 1953 г. перенесён во внутренний двор ГРМ. С 1994 г. во дворе перед Мраморным дворцом.

³⁴ Рига, 1910 г. Спустя пять лет во время неудачной эвакуации в Петербург затоплен на дне Балтийского моря. Установлен в воротах Рижского замка. С приходом советской власти хранился на складе канатной фабрики. В 2003 г. копия памятника, установленного в одном из городских ансамблей Риги, подарена Санкт-Петербургу (Стрельна).

³⁵ В Петербурге есть ещё один «дубль» конного памятника – скульптурная группа «Василий Чапаев» (1944 г.) работы М. Манизера в сквере перед Академией связи (оригинал находится в Самаре, 1932 г.).

³⁶ Открыт в 1859 г. на Исаакиевской площади Санкт-Петербурга (скульптор П. Клодт, архитектор О. Монферран).

³⁷ Открыт 9 мая 2002 г. перед Александро-Невской лаврой в Санкт-Петербурге. После смерти автора памятника В. Козенюка работу продолжил его ученик Пальмин.

³⁸ Началом европейской традиции конного монумента «Нового времени» принято считать время установки памятников Гаттамелате в Падуе (Донателло, 1453 г.) и Коллеони в Венеции (Верроккьо, 1479–1488 гг., открыт в 1496 г.).

³⁹ Территория СНГ среди европейских регионов занимает четвертое место по количеству конных памятников после Германии (более трёхсот памятников), Франции (более полутора сотен), Италии (около полутора сотен).

⁴⁰ На I месте Париж (22), на II – Лондон (18), на III – Вашингтон и Нью-Йорк (17), затем Берлин (13), Филадельфия и Турин (10), Мадрид и Буэнос-Айрес (9).

⁴¹ Данные о конных монументах, находящихся ныне либо некогда наличествовавших в ансамблях указанных городов, взяты из коллекции одного из авторов статьи Владимира Петровича Тюкина, чьё собрание представляет собой картотеку на тысячу с лишним объектов и постоянно пополняется.

А.И. ОРАЗБАЕВА

(Евразийский университет имени Л.Н. Гумилёва, г. Астана, Казахстан)

КАТЕГОРИЯ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» КАК МЕТОД СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ

Восток и Запад присущи каждой вещи.

Гегель.

Доподлинно не известно, в связи с чем и когда начала иметь место дихотомия «Восток – Запад» – то ли со времён возникновения античных государств (Древней Греции и Рима) в I тыс. до н. э., то ли она является достижением научной мысли – но как бы то ни было, такое понятие не исчезло до настоящего времени, наоборот, закладываемые значения в смысл этого соотношения всё более расширяются.

Ещё со времён Геродота, Аристотеля, Платона, а также Конфуция и Лао-Цзы, индусских и буддийских мыслителей происходило осмысление «другой», «иной», «варварской» культурной традиции.

Первые представления о различиях между Западом и Востоком поначалу в почти подсознательной форме сложились в европейской науке об обществе ещё в средневековье. Особенно отчётливо эта мысль выражена, например, в «Персидских письмах» Ш. Монтескьё, в «Идее к философии истории человечества» Г. Гердера, ставших важной вехой в признании многообразия человеческих культур.

До возникновения понятия Востока и Запада как особых социальных систем их внешние различия и идентификация были связаны, прежде всего, с факторами социально-экономического характера. Так, ассоциирование Востока с «всеобщим рабством» совсем до недавнего времени было присуще нашему историческому сознанию.

По мере утверждения идеи научного прогресса рассуждения о вечности двух типов общества постепенно сменялись представлением об их исторической преемственности: «Запад» начал рассматриваться как форма, возникающая на определённом этапе исторического развития, и, соответственно, более прогрессивная по сравнению с «Востоком», а «восточные» общества – как отставшие от западных в развитии. Тогда как на самом деле: «Мир искони делился на две части – Восток и Запад. Это не только

географическое деление, но также и порядок вещей, обусловленный самой природой разумного существа: это – два принципа, соответствующие двум динамическим силам природы, две идеи, объемлющие всё устройство человеческого рода»¹.

Несмотря на более развитую формулировку определения дихотомных моделей в некоторых работах социальных философов XVIII и первой половины XIX в., представления такого рода стали, бесспорно, господствующими. Значительный интерес к Востоку нашёл отражение в творчестве таких европейских мыслителей как Гегель, Шеллинг, Шопенгауэр, Ницше, Хайдеггер, Фромм, Юнг, Маркс, Энгельс и других, имевших своеобразный взгляд на обозначенную проблему и предложивших оригинальные разработки многомерного сопоставления высоких культур.

Бурное развитие со второй половины XIX в. ориенталистики, религиоведения, регионоведения и других специальностей, изучающих разнообразие культур, в частности, антропологии, создавшей огромную базу детального их понимания, в корне не изменило картины. В интерпретации данной схемы всё также срабатывала установка не на познание их внутреннего многообразия, раскрытие ценностей, а, скорее, на отстаивание идей западоцентризма, с одной стороны, с другой – закономерно вызванная таким отношением западников реакция восточных стран, азиатских обществ на колониальную систему.

В XX в. дихотомия «Восток – Запад», переосмысленная в категориях «традиционного» и «современного», считалась уже основным различием в социальной теории. Однако успех теории модернизации не означал утраты научной актуальности идеи противопоставления «Запад – Восток», весьма близкой первоначальному свойству. Она по-прежнему присутствует в дискурсе современной социологии применительно к цивилизационным аспектам изучения общества.

На рубеже XX–XXI вв. диалог культур Запада и Востока, несмотря на влияние модернистической идеи о Третьем мире и выдвижение новых эпицентров Север – Юг, продолжает оставаться животрепещущей проблемой социально-философского и культурно-исторического познания. На смену дихотомичному представлению о несовместимости «традиционного» и «современного» постепенно приходит научно-обоснованное, более глубокое понимание непрерывности взаимодействия и взаимное уважение культур. Благодаря процедуре идеальной типизации становится возможным преодоление многообразнейшей культурно-этнической и хронологически-исторической дифференциации как Запада, так и Востока. Кроме того, опыт культурного обобщения обусловлен реальностью исторического развития данных регионов, позволяющей определить доминанты развития социокультурного процесса.

Так как отмечаемая идеологема в дальнейшем будет рассмотрена в рамках цивилизационной теории, особо выделим работы основателей данной научной парадигмы, отличающихся от вышеуказанных, прежде всего, критическим отношением к такому дуалистическому противопоставлению: Шпенглера, Тойнби, Сорокина, Ясперса, Швейцера. Так, например, если Освальдом Шпенглером отвергается устоявшаяся схема истории и типологии, и сами понятия «Запад» и «Восток» считаются безосновательными, то Питирим Сорокин, сводя утверждение сходности и различия цивилизаций к принципам локальности социокультурной регуляции, отмечает:

«Основной недостаток рассматриваемых теорий состоит в том, что все они не идут дальше некоторых общих утверждений относительно природы выделяемых ими социокультурных систем или единиц... Совокупность этих соображений и эмпирических свидетельств показывает несостоятельность дихотомного разделения на ведущие и отстающие элементы. В лучшем случае они повторяют знакомую ошибку, изображая частный факт как универсальное правило»².

Однако в теории цивилизации в категоричной форме не отрицается сравнительное изучение специфики Востока и Запада. Отказавшись, прежде всего, от идеологизированной подачи, цивилиографы продолжают исследования особой роли духовного и человеческого факторов в социальной регуляции, придерживаясь заложенного ещё «Анналами» принципа исторического анализа движений больших обществ, особое внимание при этом уделяя расхождению путей цивилизационной динамики Востока и Запада. Позволительно даже констатировать тот факт, что сегодня категория «цивилизация» выступает инструментом одного из признанных методов исследования и сравнительного анализа двух обозначенных общественных систем.

Прежде чем перейти к характеристике цивилизационных типов устройства обществ Востока и Запада, определимся с теоретико-методологической частью проблемы.

Итак, где и как соприкасаются понятия «цивилизация», «общество», «общественные системы»? Как один из вариантов значения слова «цивилизация», которое сложилось в настоящее время в научной среде, в качестве достаточно содержательного выступает следующее определение: «цивилизация – и есть общество (при всём разбросе значения этого слова), а значит, она сочетает в себе все компоненты, необходимые для существования общества. Правда, это сложное общество – в отличие от простого, а значит, включающее различного рода подсистемы, прежде всего, политическую, экономическую, культурную и социальную»³. Данное утверждение даёт основание определить как главный объект изучения теории цивилизации общество и, соответственно, общественные системы, в широком смысле содержащие совокупность исторически сложившихся способов взаимодействия и форм объединения и совместной деятельности людей, в которых выражается их всесторонняя зависимость друг от друга, в узком смысле – структурно или генетически определённый тип (род, вид, подвид и т. п.) социальной системы, представляющий как исторический определённую целостность или относительно самостоятельный элемент (аспект, момент) этой устойчивой целостности⁴. При этом следует учесть опыт двух направлений изучения цивилизаций. Во-первых, цивилизация рассматривается как общность, основанная на социокультурной системе, имеющей в себе «центральный принцип» или «большую идею», которые и формируют «большую культурную традицию» – предмет изучения историков мировых религий и культур. Этот подход получил классическое выражение в работах Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Д. Нидэма, Ш. Эйзенштадта, В. МакНейла, С. Хантингтона, С. Ито и др. Второе направление рассматривает цивилизации как сеть социокультурных отношений между различными группами и общностями разного уровня и функциональной принадлежности (М. Сингер, Н. Элиас, Ф. Бродель, Р. Уилкинсон).

И если в первом случае предметом пристального внимания являются, скорее, символы, ценностные и идеологические системы, нежели социальные практики, скорее, религия или миф, чем экономика; то во втором, социологическом, институциональном подходе акцент делается на господствующие социальные практики вплоть до символических структур. Но в обоих подходах предметом цивилизационного анализа служит сочетание крупных социальных институтов и символических структур, выходящих за рамки локальных обществ, в свою очередь позволяющих нам сравнительное рассмотрение социокультурных феноменов как Востока, так и Запада. Тем более что сведённые воедино характеристики учёных разных отраслей науки, различных периодов, изучавших определённые аспекты онтологии Восток – Запад по экономическим, социальным, политическим, культурным параметрам облегчают нашу задачу в раскрытии доминирующих установок и выведении некоторых универсалий двух обозначенных общественных систем.

На наш взгляд, необходимо уделить особое внимание нижеследующим аспектам данной методологии:

- Категория «цивилизация» как метод выявления общего и особенного в этносоциальном развитии общественных организмов;
- Категория «цивилизация» как метод исследования генезиса, распространения и типологии явлений духовной культуры стран и народов;
- Категория «цивилизация» как метод исследования формирования историко-этнографических ареалов и их взаимодействий.

Все без исключения цивилизации объединяет единство их происхождения. Возникшие на базе достижений «неолитической бифуркации», следовательно, «неолитической революции», древнейшие очаги мировой цивилизации: египетская, шумерская, древнекитайская, древнеиндийская зародили «традиции-цивилизации»⁵, на раннем этапе своего развития особо не отличавшихся друг от друга. Однако в ходе дальнейших эволюционных процессов, «традиции-цивилизации» выработали свой специфический механизм самосохранения, способствовавший сложению особых исторических типов и социальных систем.

В основе их качественных различий лежит проблема взаимодействия между человеком и обществом, факторы социально-экономического характера, а также так называемые параметры второго ранга: религиозно-культурные ориентации и стереотипы и соответствующие им формы социально-семейной организации, быта, поведения, взаимоотношений и т. д. Согласно теории цивилизации, таковые «цивилизационные характеристики общества» могут быть раскрыты, прежде всего, посредством жизнедеятельности человека. Так, Н.Я. Данилевский, выделяя основание культурной типологии, всю социокультурную человеческую деятельность подразделяет на четыре не сводимых один к другому разряда⁶:

1. Деятельность религиозная, объемлющая собою отношение человека к Богу: «народное мировоззрение... как твердая вера, составляющая живую основу всей нравственной деятельности человека»;

2. Деятельность культурная в узком смысле этого слова (собственно культурная), объемлющая отношение человека к внешнему миру. Это, во-первых, теорети-

чески-научная деятельность, во-вторых, эстетически-художественная, и, в-третьих, технически-промышленная деятельность;

3. Деятельность политическая, включающая в себя как внутреннюю, так и внешнюю политику;

4. Деятельность общественно-экономическая, в процессе которой создаются определённые экономические отношения и системы.

На наш взгляд, сравнительно-сопоставительное изучение именно этих аспектов через призму человеческой деятельности даст возможность обозначить наиболее существенные элементы цивилизационной специфики Западного и Восточного типов общественного устройства.

Итак, отмечая особенности представителей различных цивилизаций в первом типе деятельности, религиозно-идеологическом, необходимо отметить следующее.

Одно из стержневых положений всей цивилизационной теории связано с ролью религии в цивилизационном устройении общества. Религия формируется в период кризиса и надлома цивилизации в качестве ответа на «вызов». Её важнейшей функцией является объединение «под одной крышей» «нетворческого большинства», столкнувшегося с непониманием роли государства и воспринимающим его как чужеродное и репрессивное начало. Тойнби рассматривает религии в качестве «каналов спасения», направленных на осуществление условий человеческого существования и подразделяет их на два типа: «В религиях одного типа Закон возвышается над Богом, а в другом типе Бог возвышается над Законом... подчёркивание Закона характерно для правящего меньшинства, тогда как религии внутреннего пролетариата склонны подчинять силу Закона всемогуществу Бога»⁷.

Как Западные, так и Восточные общественные системы свой цивилизационный облик обрели именно благодаря религии, несмотря на то, что своим происхождением, будь то христианство в Европе, ислам на Ближнем Востоке, буддизм и индуизм в Индии и Индокитае, конфуцианство, даосизм и буддизм на Дальнем Востоке, они обязаны Востоку. Каждой из этих религиозных систем соответствуют определённые традиционные цивилизации: «западная и православно-христианская с ветвью православного христианства в России через христианскую церковь восходят к эллинистической цивилизации; дальневосточная цивилизация и её ветвь в Корее и Японии через махаяну связаны с древнекитайской цивилизацией; индуистская цивилизация связана через индуизм с индской, а иранская и арабская – через ислам с древнесирийской»⁸.

Берущие своё начало от мифов древности религии выполняли необходимые для человеческой жизнедеятельности компенсирующую, интегрирующую, регулирующе-контролирующую, экзистенциальную и политическую функции. И если посредством одних из них человек компенсировал свою слабость и ограниченность перед всемогуществом природных явлений, познавал самого себя, окружающий мир, то посредством других ему удалось интегрироваться в определённую общность и выработать нормы религиозной морали, основы духовных и этических ценностей.

Полагаясь на сравнительное религиоведение, на теоретическую базу, разработанную в работах таких учёных, как Л. Васильев, М. Померанц, М. Степанянц, Г. Шпажников и других, религии можно подразделить на теистические и нетеисти-

ческие, монотеистические и политеистические, законнические и космические, мировые и этнические, и взять для их сопоставления либо «изначальные образцы», либо «мировоззренческие основы», либо «священные» образцы. Такая компаративистика помогает раскрыть своеобразие содержания компонентов религиозных систем: типы основателей, генезис, источники, институты и т. д. Сложность заключается в выявлении цивилизационных особенностей религиозной идентичности общественных систем Запада и Востока. Казалось бы, религиозно-культурная традиция, представленная единой, мировой, монотеистической, богооткровенной религией – христианством, в котором религиозный менталитет носителей связан человекоподобным Богом, раскрывающимся как Отец и Сын, спасители от людских грехов, более удобопонятна индивиду. Для европейца Бог субъективен, жив и личностен, он во всём и всё в нём, он сам и есть Закон. Так было до тех пор, пока европейский человек не уподобил себя Богу и не объявил себя источником нравственного Закона. Таким образом, причисляя, согласно Тойнби, религию Запада к первому типу (Закон над Богом), можно полностью согласиться с мнением учёного А.В. Виноградова, чётко уловившего роль религии в цивилизационном устройении западных обществ: «Три начала европейской культуры (греческий логос, римское право и иудео-христианская религиозность) формируют целостную цивилизационную матрицу, указывая обществу цель (социальный идеал) – иудео-христианская религиозность, средства достижения – римское право; способ их формирования и механизм функционирования – греческий логос»⁹.

Чем же отличен от него более религиозный Восток? Наверняка, прежде всего тем, что в данном мире человеку предоставлена альтернатива национально-религиозных традиций, сочетание Бога, Закона и Этики. Религиозные установки-ориентации всех трёх восточных традиций-цивилизаций, несмотря на расхождение путей их реализации, были направлены не на конкретных членов общества, как на Западе, а на коллектив-государство. Так, ключевая установка ислама направлена на покорность человека воле Аллаха и его пророка Мухаммеда, в индо-буддийской традиции-цивилизации – на занятого мыслями о высшей ценности небытия члена общины и касты, в китайско-конфуцианской – на вооружённый идеалом меритократии, придерживающийся высоких этических норм социум. То есть мы имеем дело с религией более близкой и понятной широким слоям населения, охраняющей непоколебимость социальной структуры, тесно переплетённой с народной культурой, в противоположность европейской религии, зачастую преследовавшей народное мирозерцание, Бога объективного, и безличностного. В данном контексте мы полностью согласны с мнением востоковеда Л.С. Васильева о том, что: «Все три восточные традиции-цивилизации не были ориентированы, как то было с европейской, на частнособственнические, частнопровные, индивидуалистические нормы и ценности. И напротив, благо социума либо государства воспринималось здесь как вершина системы ценностей. Отсюда и традиционный акцент на сохранение существующей веками выработанной жёсткой нормы, на страже которой стоит жёстко сфокусированный механизм отбора и адаптации инноваций, гораздо более суровый, нежели в европейской традиции-цивилизации»¹⁰.

Придерживаясь обозначенной схемы, остановимся теперь на различиях во втором типе деятельности – культурной деятельности – представителей Востока и Запада. Отмечаемая Н.Я. Данилевским теоретически-научная, эстетически-художественная и технически-промышленная культурная деятельность вытекает из желания человека познать мир. В цивилизационном контексте под культурой принято понимать внешнее проявление внутреннего строя души народа, стремление коллективной души народа к самовыражению. В этом смысле культура не тождественна разуму, она возникает из устремления к «космичности», что передаётся в «такте», «ритме», «тональности» переживания коллективной души. По мнению Освальда Шпенглера, каждой культуре, каждой душе присуще первичное мироощущение, свой «первосимвол», из которого и проистекает всё богатство её форм; вдохновленная им, она живёт, чувствует, творит. «Каждая из великих культур обладает тайным языком мироощущения, вполне понятным только тому, кто к этой культуре принадлежит. Чтобы понять культуру Индии, нужно иметь душу брахмана»¹¹. Так, для «фаустовской» души европейской культуры «первосимволом» выступает только ей свойственный способ переживания пространства и времени – «устремлённость в бесконечность», которого не знали другие великие культуры. Идея бесконечности в естествознании, одержимость НТР, перспектива в живописи – все эти явления разного порядка есть не что иное, как проявление этого «первосимвола». Вот почему, познавательное отношение к миру на Западе связано с восприятием природы в качестве «служанки» человечества, её противопоставление человеку и идея независимости человека от среды обитания. Тогда как в основе восточного отношения к познанию мира лежит понимание мира как единого целого, частью которого является человек. Например, по представлениям даосов, приверженцев концепции невмешательства в ход естественного течения природных событий, нарушения закона естественности: «Для человека образец – Земля. Для Земли образец – Небо. Для Неба образец – Путь. Для Пути образец – самопроизвольная естественность»¹².

Можно отметить и характерные особенности научной деятельности. В западно-европейской науке издавна существовали чёткие разграничения между гуманитарными и естественными науками, тогда как в восточных обществах такого разделения не прослеживается, хотя гуманитарные знания играли главенствующую роль во всякой науке, развивавшейся в русле религиозно-этических доктрин. Например, философия никогда не выделялась в самостоятельную науку, она являлась составной частью всех наук, скажем, медицины и алхимии, а также этики и психологии. На Востоке наука развивалась ни ради развития науки, а ради развития самого человека, т. е. познаваемый мир оставался неизменным, тогда как познающий его человек изменял свои представления о нём. Возможно, поэтому руководствующийся в первую очередь практическими задачами Западный мир выглядит рационалистическим, динамичным, позитивным, техногенным, секулярным, разобщающим человека и мир, превращающим их в субъект и объект познавательного процесса, разобщающим людей посредством глубоко индивидуалистической морали, а Восток, где моральные основы являются коллективистскими и патерналистскими, духовен, со-

зерцателен, сакрален, интуитивно-мистичен, недеятелен¹³. Принцип гармонического сосуществования человека и природы там – верховный закон социального бытия.

Перейдём к совокупному анализу следующих тесно взаимосвязанных друг с другом видов деятельности – политической и социально-экономической деятельности человека в рассматриваемых общественных системах.

Изначальные различия в географическом факторе определили разницу между экономической, социальной и политической подсистемами обществ западного и восточного типов. Затрагивая их, мы невольно вынуждены коснуться проблем государственного устройства как самого наглядного и бесспорного признака цивилизации в институциональном подходе.

Наследнице античной эпохи, европейской цивилизации, был присущ такой политический тип государства как демократия – сложившаяся в Греции и Риме. Признание прав частной собственности в качестве «естественных, прирождённых прав человека» создало основу для превращения демократического государства сначала в либеральное правовое, а в дальнейшем – в государство, принципом которого становится плюралистическая демократия.

Интенсивная организация экономической подсистемы обществ западного типа привела к возникновению нового типа социальных систем, отличающихся от экстенсивного «восточного типа». «Западная матрица характеризуется базовыми институтами рыночной экономики, началами федерации в политическом устройстве и доминированием индивидуальных ценностей в идеологической сфере, а восточная, соответственно, – нерыночной экономикой, унитарной государственностью и приоритетом коммунитарных, надличностных ценностей»¹⁴.

Так как научный мир располагает солидной базой исследований, раскрывающих сущность антично-капиталистической структуры, её установок, направленных на материальный успех индивида, личности, на господство частнособственнических отношений с характерными для неё политико-правовыми и социальными нормами, мы ограничимся лишь некоторыми соображениями.

Несмотря на критическое отношение современных учёных к концепциям марксизма о восточных обществах, Маркс был одним из первых, кому удалось уловить сущность азиатской структуры: слабость индивида перед государством, ограниченность частного сектора и товарно-денежных отношений. Ведь именно государственный способ производства явился первоосновой принципиальной структурной разницы между Востоком и Западом. Ассоциирующаяся с «восточной деспотией», «поголовным рабством» централизованная государственная власть, стоявшая над восточными сельскими общинами, являлась классическим образцом предельной концентрации политической власти и собственности в руках одного лица – обожествлённого деспота, монарха, его аппарата, и полного его отчуждения от остальной массы населения. Однако это не означало того, что при данном типе государства не существовало ни права, ни упорядоченной системы правосудия и что в древневосточных государствах индивиды были бесправными и не обладали свободой. Напротив, в сфере гражданско-правовых отношений они располагали не меньшей свободой, чем индивиды в западных странах. Если на Западе в качестве инструмента регули-

рования поведения индивида внутри общества выступает Закон, то на Востоке правил сам человек, руководствующийся моралью и привычкой, сословно-правовой статус которого, как правило, не совпадал, а чаще всего расходился с его социально-экономическим положением. При том не его принадлежность к определённой социальной категории, не материальное благосостояние, не наследственно-генетические данные, а сила, способности, авторитетность и внутренняя культура служили основанием для уважительного отношения к нему в обществе.

Подробно проанализировав способы действия социальных регуляторов в европейской и восточной культуре, учёные приходят к заключению, что они отличаются не на функциональном уровне, а на этическом. Для не представлявшего себя вне корпоративных связей индивида, связанного кровнородственными отношениями, добром считалось то, что основано на незыблемой привычке, на сохранении традиций: «...злом воспринимались постоянно меняющиеся внешние факторы, разрушающие устоявшиеся нормы поведения. Европейская инновационная модель общественного развития поставлена перед необходимостью решать новые проблемы, разрушающей существующий мир, подавляя неизбежное зло. В результате там, где доминирует закон, всегда господствует зло. При этом зло является необходимой средой для существования и эффективного функционирования общества, построенного на законе механизма социальной регуляции. Именно поэтому существование Запада невозможно вне конфликтной среды, противоречий и борьбы во внешней и внутренней политике»¹⁵. И потому, возможно, на Западе исторический процесс происходил путём революционных действий, а на Востоке слабая классовая дифференцированность и связанная с ней второстепенная роль классовых антагонизмов изначально сулили выбор пути эволюционных преобразований, т. е. переход от одних общественно-экономических формаций к другим осуществлялся эволюционным путём.

Стойкая многоукладность, историческая преемственность социальных, политических, правовых форм и институтов, господствующей религиозной идеологии дают основания определить в качестве главной отличительной черты древневосточных обществ их традиционность. Хотя, конечно, общие закономерности развития древневосточных многоукладных традиций-цивилизаций не могут перечеркнуть конкретных особенностей каждой из них, связанных как с доминирующим положением того или иного уклада и различными формами их взаимодействия, так и с особенностями их социальных и политических институтов, со специфическими чертами их культурно-цивилизационного развития, с особенностями быта, миропонимания людей, их способов религиозной ориентации.

Таким образом, «восточная деспотия» характеризует лишь специфику отношения населения к политической власти в обществе, к объединяющему политическому началу, а не особенности отношения индивидов друг к другу. Своеобразие положения индивидов в древневосточных странах состояло в том, что во взаимоотношениях с властителем они были бесправными, ибо полнота политической власти и собственности народа переносилась на личность властителя: «...не общество свободных граждан-индивидов должно навязывать свою волю существующей системе, а, наоборот, система должна безусловно господствовать над людьми»¹⁶.

Как видим, согласно теории цивилизации, принципиальные различия восточного и западного путей развития заключались не только в способе производства, базисе и надстройке, горизонтально-вертикальной социальной структуре, внешне-политических показателях, а в факторе духовном, в жизнедеятельности человека – творца цивилизации, в самопознании, во внутренне-духовной организации и культуре человека, в воспитании самого себя соответственно окружающему его миру. Потому правомерно употребить понятия восточная культура и западная культура как самостоятельные, специфические феномены человеческого бытия. Хотя конечная миссия и функция представителей и той, и другой цивилизации заключается в сохранении единства и целостности мира. Это процесс взаимосвязи цивилизаций, диалектика национального и интернационального, единичного и общего, закономерно направленный на формирование единой мировой цивилизации, сливающейся с одной общечеловеческой культурой. Выражаясь словами одного из корифеев, «в мудрости Востока и Запада мы видим... не враждебные борющиеся силы, но полюса, между которыми раскачивается жизнь»¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. – М., 1991. – Т. 1. – С. 529.
- ² Сорокин П.А. О дихотомных типологиях культуры // *Сравнительное изучение цивилизации*: Хрестоматия. – М.: Аспект, 2001. – С. 256, 260.
- ³ *Сравнительное изучение цивилизации*: Хрестоматия. – М.: Аспект, 2001. – С. 19.
- ⁴ *Современная западная социология*: Словарь. – М.: Политиздат, 1990. – С. 233.
- ⁵ Васильев Л.С. Исторические типы цивилизации (традиции-цивилизации) // *Цивилизация и исторический процесс*. – М., 1983. – С. 28.
- ⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991. – С. 471.
- ⁷ Тойнби А. Роль религии в цивилизационном устройении общества // *Сравнительное изучение цивилизации*: Хрестоматия. – М.: Аспект, 2001. – С. 130.
- ⁸ Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – С. 518.
- ⁹ Виноградов А.В. Философия Восточноазиатского региона (Китай, Япония, Корея) и современная цивилизация / Материалы конференции 14–15 мая 1999 г. Института Дальнего Востока РАН // *Восток*. – 1999. – № 5. – С. 157.
- ¹⁰ Васильев Л.С. История религий Востока. – М.: Высшая школа, 1988. – С. 27.
- ¹¹ Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск, 1993. – Т. 1. – С. 255.
- ¹² Лао-Цзы. Дао-Дэ Цзин // Антология даосской философии. – М., 1994. – С. 36.
- ¹³ Список приводимых учёными парных реципрокных признаков «Восток – Запад» можно было бы продолжить.
- ¹⁴ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – М.: ТЕИС, 2000. – С. 28.
- ¹⁵ Главева Д.Г. Философия Восточноазиатского региона (Китай, Япония, Корея) и современная цивилизация / Материалы конференции 14–15 мая 1999 г. Института Дальнего Востока РАН // *Восток*. – 1999. – № 5. – С. 157.
- ¹⁶ Васильев Л.С. История религий Востока. – М.: Высшая школа, 1988. – С. 392.
- ¹⁷ *Паломничество Германа Гессе в страну Востока* // *Восток – Запад*. Исследования. Переводы. Публикации. – М., 1982. – Вып. 1. – С. 217.

М.А. УСМАНОВ

(Казанский государственный университет, г. Казань)

АХМАД ДОНИШ (1827—1897) КАК ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Ахмад Дониш является крупнейшим просветителем таджикского народа и родоначальником просветительского движения в Центральной Азии. Он был поистине выдающимся выразителем прогрессивных идей, который проложил путь с Запада на Восток.

Основоположник современной таджикской литературы С. Айни сравнивал А. Дониша с утренней звездой на тёмном бухарском небосклоне¹. Он впервые предложил, чтобы наряду с исламскими дисциплинами в медресе преподавали и светские науки. Во всех произведениях А. Дониша чувствуется двойное влияние, которое он испытывал на себе: с одной стороны это были многовековые идеологические традиции Бухарского эмирата и всей культуры Востока, а с другой России. Следовательно, как справедливо отмечает А. Мирзоев, научно-литературное наследие А. Дониша нужно изучать в контексте истории развития общественно-политической мысли и жизни России и Средней Азии².

Наследие А. Дониша по своей тематике многогранно. Это продиктовано тем, что область знания А. Дониша охватывает не только исламское право и литературу, но и историю, политику, этнографию и географию. Его труды «Наводир ул-вакоеъ» («Редкостные собрания»), «Рисола» («Трактат»), «Номус ал-Аъзам» («Критерий веры»), «Ар-рисола фи аъмол ул-кура» («Трактат о пользовании глобусом»), «Манозир ул-кавокиб» («Созерцание звёзд») служат доказательством тому.

«Редкостные события» и «Политический трактат» – главные работы А. Дониша и посвящены проблемам истории и государственного управления. В них автор попытался сравнить политические институты и государственное устройство Запада и Востока на примере России и Бухарского ханства, доказывая преимущество западного образа развития общества.

В другом своём произведении «Краткая история мангитских эмиратов Бухары» А. Дониш, будучи знатоком русской культуры, охарактеризовал принципы организации общественной жизни и государственного управления с точки зрения соотношения прогрессивного и реакционного.

Сочинение «Мера благочестия» является религиозно-философским и поэтическим трудом А. Дониша. В нём он рассказал о сущности разногласий между различными религиозными учениями и сектами, преимущественно, таких как сунниты и шииты.

В работе по астрономии «Созерцание звёзд» А. Дониш, критикуя геоцентрическую концепцию, одновременно обосновывал систему гелиоцентрическую. Он писал о шарообразности Земли, о движении планет, о возможности предвидения затмений Солнца и Луны и попытался найти причину этих явлений в самой природе, а не вне её.

Несмотря на то, что изучению наследия А. Дониша посвящены труды С. Айни, Е. Бергельса, Х. Мирзо-заде, С. Улуг-заде, З. Раджабова, И. Брагинского, Р. Хади-заде, А. Мирзоева, М. Шукурова и других, тем не менее, оно ещё полностью не собрано и не изучено до конца. Наука располагает самыми общими сведениями о жизни учёного и просветителя.

А. Дониш родился в 1827 г. в Бухаре, основное население которой составляли таджики. Его отец Носир был муллой. Вся его семья была образованной. Поэтому его с детства приобщили к наукам. Уже в раннем возрасте А. Дониш обучился мусульманским наукам, в том числе Корану. Большой интерес проявлял к историческим и естественным дисциплинам. Учёба в медресе сыграла значительную роль в

Таджикский писатель, философ Ахмад Дониш (в центре)
в составе Бухарского посольства в Петербурге. 1874.

его духовном развитии. Кроме официальных дисциплин, он самостоятельно изучал историю, литературу, астрономию, изобразительное искусство, музыку, хорошо знал быт и культуру своего народа. Кроме того, с детства он увлекался каллиграфией и рисованием. По просьбе друзей и знакомых он переписывал для них поэтические диваны, оформляя их изящными заставками и рисунками.

Когда А. Донишу исполнилось 25 лет, его слава каллиграфа дошла до самого эмира Бухары, который пожелал иметь его при себе. Поначалу, как писал сам А. Дониш, он выполнял при дворе обязанности каллиграфа и художника. Однако вскоре в придворном кругу стало известно о больших знаниях и способностях Ахмада и в других науках, что ещё больше прибавило ему уважения.

Видимо, это обстоятельство позволило эмиру Бухары включить А. Дониша в состав делегации, которую он в 1855 г. по случаю коронации Александра II отправлял в Санкт-Петербург. Эта делегация, имевшая полномочия посольства, должна была начать переговоры о расширении и укреплении торговых связей между Россией и Бухарой.

Следует отметить, что между Россией и Центральной Азией и раньше были торговые связи. Например, по свидетельству некоторых источников, ещё на рубеже VII–VIII вв. начинается торговля славян со Средней Азией³. Об этом свидетельствуют дирхамы – денежные единицы среднеазиатских государств, найденные на территории обитания славян. Тогда торговый путь проходил по Волге и Волжской Булгарии, а далее через Хазарию в Среднюю Азию.

По свидетельству мусульманского историка Масуди, писавшего во второй четверти X в. в Хорезме, пришедшие с севера купцы имеют свои постоянные склады и «живут в одной половине города, имеют своего судью, который судит по закону разума»⁴.

Известно, что киевский князь Владимир для установления дипломатических отношений между Русью и Хорезмшахами отправлял послов в Хорезм. Во многих русских городах можно было встречать бухарских и хивинских купцов. В течении XVI в. из Средней Азии в русские владения были направлены 8 посольств. В XVII в. Россию посетили 12 хивинских, 12 бухарских посольств, из России в Среднюю Азию были направлены посольства Ивана Хохлова (1620), Ивана Федотова (1699), братьев Бориса и Семёна Пазухиных (1670), Даудова и Касымова (1675)⁵. Если в XVIII в. в среднем через каждые 5–6 лет прибывали торговые посольства Бухары, Хивы в Москву, Петербург, Оренбург и другие русские города, то в XIX в. экономические связи между Россией и Средней Азией укрепились и приобрели особое значение.

А. Дониш в 1855 г., как было упомянуто выше, вошёл в состав посольства в Петербург в качестве секретаря. Кроме того, по личному поручению эмира он должен был изучить жизнь и государственное устройство России.

Первое знакомство с Петербургом в составе делегации, которая прибыла в этот город 9 января 1857 г. (и оставалась там до 11–12 января 1858 г.), поразило А. Дониша. Глазам А. Дониша открылся совершенно неизвестный мир.

Бухарские послы за время пребывания в Петербурге, кроме участия в официальных встречах и переговорах с министрами и российскими правительственными чиновниками, осмотрели многие достопримечательности столицы, в том числе Технологический институт, Императорскую Александровскую мануфактуру, только что открывшийся после окончания строительства Исаакиевский собор, Императорский Фарфоровый завод, Императорский Ботанический сад, Музей Императорской Академии Наук, Пулковскую астрономическую обсерваторию, Монетный двор, Царское Село и другие памятные места.

А. Дониш видел, какой высокой степени технического и культурного развития достигли русские, как много они добились в овладении силами природы, как велико и могущественно их государство по сравнению с Бухарским эмиратом.

У А. Дониша уже во время этой поездки зародилась мысль, что по возвращении на родину он обязательно расскажет обо всём эмиру и убедит его принять меры к переустройству страны по русскому образцу. Однако, несмотря на то, что сам эмир просил А. Дониша больше узнать о жизни и достижениях русских, к рассказам А. Дониша тот отнёсся совершенно равнодушно. Это было полное крушение надежд А. Дониша. Тем не менее, он не опустил руки и попытался повлиять на сына эмира Насрулло Музаффару, взошедшему в 1860 г. на Бухарский престол. Однако правление этого невежественного и слабОВОЛЬНОГО человека ознаменовалось ещё большим экономическим ослаблением государства и дальнейшим ухудшением положения народа. Это были времена, когда образованные люди отказывались от государственной службы и предпочитали жить подальше от двора.

А. Дониш, хотя и не занимал определённой государственной должности, продолжал числиться при дворе эмира. Опираясь на свой авторитет и общественное положение, он по-прежнему старался склонить эмира к реформам, прежде всего в области науки и просвещения. В одной из своих касыд А. Дониш недвусмысленно намекает главе государства, если он желает блага стране, то он должен окружить себя образованными людьми, учёными, литераторами, врачами, художниками, а не подлецами и тиранами:

*«Мне говорил один мудрец, что шаху
Приличествует, по его размаху,
Дворцовые открыть широко двери
Для тех, кто сведущ в красоте и вере:
Философу, во-первых, ибо он
Глубинами познаний умудрён;
Врачу затем, чья колдовская сила
Одним дыханьем счастье приносила.
Затем за врачом идет
Провидец будущего – звездочёт;
Потом певец, которого мы ценим
За то, что душу облегчает пеньем
И, наконец, тот, кто дивной песней
Нас приобщает к высоте небесной.
Наличие любого из людей,
Подобно этим украшенью царства.
Властитель! Их душою овладей –
И ты добьёшься возвышенья царства»⁶.*

Однако эмир не прислушался к советам А. Дониша о переустройстве государственной власти. Развитие событий привело вместо дружбы к войне с Россией, которую бухарский правитель позорно проиграл.

В 1869 г. эмир Музаффар направляет в Петербург своё посольство. Это посольство, в состав которого входил и А. Дониш, должно было выразить императору Александру верноподданнические и дружественные чувства эмира Бухары. Одно-

временно оно должно было попросить императора вернуть эмиру некоторую часть его территории, отошедшей к России по мирному договору 1868 г.

Второе посещение А. Донишем Петербурга продолжалось более одного месяца. За это хотя и короткое время он успел ещё лучше и глубже познакомиться с политической, экономической и культурной жизнью России. Вместе с делегацией он посетил сельскохозяйственный, геологический и транспортный музеи, Пулковскую обсерваторию, Экспедицию заготовления государственных бумаг, казну Государственного банка, стекольный и фарфоровые заводы, кораблестроительные верфи, крепость Кронштадт, побывал на спектаклях: слушал оперу, посмотрел балеты «Конёк-горбунок» и «Корсар», присутствовал на торжественной церемонии при закладке памятника Екатерине II и т. д. Во время своего пребывания в Петербурге А. Дониш подружился с драгоманом министерства иностранных дел России А.К. Казимбеком, который, по словам А. Дониша, был весьма образованным человеком.

А. Дониш также выделялся своей образованностью и эрудицией среди других членов посольской делегации, особенно её главы – Абулкасим-бия, и поэтому правительственные круги России отнеслись к нему с особым уважением и вниманием.

Это оценил и эмир Музаффар, который пожаловал ему почётный придворный титул «Урак». Кроме того, эмир предложил А. Донишу государственный пост, однако последний под благовидным предлогом отказался от этого предложения. А. Дониш знал, что без коренной перестройки всей системы управления, только одним личным своим участием в государственных делах, немислимо добиться общего улучшения положения страны.

Наконец, третья и последняя поездка А. Дониша в Петербург состоялась в 1873 г. в связи со свадебными торжествами по случаю бракосочетания дочери Александра II. Эмир Бухары с подарками отправил в Петербург делегацию посланников во главе с Абдулкадыром Додхо. А. Дониш в этой поездке был назначен первым заместителем посла.

В российской столице А. Дониш встретился со своим старым другом А.К. Казимбеком. В одну из встреч он предложил А. Донишу по случаю торжественного события сочинить несколько хвалебных байтов-стихотворений. А. Дониш не только сочинил акростих, посвящённый дочери Александра II Марии и её жениху Альфреду, но и большое стихотворение, посвящённое Петербургу. Оно было переведено А.К. Казимбеком:

*«Петербург – твоя столица.
Теперь я знаю, как выглядит рай.
То не земля, а подобие неба,
Где на каждом шагу сверкающий луч звезды.
В этом городе свет дня отступает перед сверканием улиц,
Из-за обилия [звёзд] красота мира изумительна.
От мелькания фонарей в тёмные ночи
Земля подобна небу, [а] небо мрачно»⁷.*

Во время этой поездки А. Дониш завоевал ещё большее уважение царского двора. Сам император в одной из своих бесед с А. Донишем особо подчеркнул: «Мне очень хвалили тебя... как человека образованного, дважды или трижды бывавшего в этом краю». В знак почёта и уважения А. Донишу были преподнесены подарки: астрономическая труба, компас, бинокль, глобус и другие предметы.

А. Дониш с большой симпатией относился к России и её культуре, понимал необходимость овладения русским языком. Посещая Петербург, он сравнивал Бухарское ханство с Россией и мечтал, что когда-нибудь Бухара также станет такой же культурной страной, как и Россия. Он стремился при посещении Петербурга ознакомиться с как можно большим количеством её достопримечательностей, её достижениями в различных областях.

Однажды император откровенно спросил А. Дониша, почему он не выучился русскому языку, хотя неоднократно бывал в России, на что А. Дониш ответил: «Всякий раз, как мне случается приехать в твою страну, меня день и ночь водят по городу, в театры и на заводы. Сердце не даёт мне отказать от прогулок и зрелищ и заняться изучением азбуки. Я всё думаю, а вдруг мне не удастся больше побывать здесь и осмотреть диковинки твоего города»⁸.

Одной из таких диковинок, по мнению А. Дониша, является Кунсткамера, где «зародыши различных животных и даже образцы человеческого плода, рождённого преждевременно или выкинутого, которые заключены в стеклянные сосуды со спиртом, чтобы не разлагались»⁹.

Посещение оперного театра привело А. Дониша в восторг. Он дал описание всех красот самого театра, но особенно сильное впечатление произвели балерины: «А луноликие девы, принявшие облик ангелов, одни раскинули крылья и подняли головы вверх, будто взлетают в небо, другие с опущенными крыльями, склонили головы так, словно нисходят на землю... Воображение не в силах описать подобной красоты, что подумать об этом изяществе и грации? Принадлежат ли они человеческому существу или фее, ангелу, духу?

Все красавицы одеты в чёрное, а ликом подобны луне.

Словно Бог поместил в черноту воду жизни.

Все искусные стрелки, в охоте за сердцем,

Всюду пускающие стрелы из засады луноликой красоты».

Хотя А. Дониш был поражён красотой и искусством русских танцовщиц, но он с ещё большим удивлением описывал сам Петербург, его дворцы и памятники. Он с восторгом описывал Зимний дворец, Дворцовую площадь, разведённые мосты и т. д. Вот как он отзывался о Дворцовой площади: «Северной стороной здание царского дворца примыкает к реке, а с юга от него расположены, соединённые аркой, крылья здания военного ведомства и широкая просторная площадь, на которой могут маршировать и гарцевать на лошадях 50 тысяч солдат. Неподалёку от ворот дворца воздвигнута высокая колонна из цельного куска цветного гранита. Под камнем – восьмигранный бронзовый пьедестал, украшенный барельефами. На вершине колонны

стоит статуя ангела, поднявшего крылья, будто в ожидании пришествия Христа, тоже из сверкающей бронзы»¹⁰.

А. Дониш также восхищался Невой и её великолепными мостами. Он проявил большую наблюдательность, отмечая, что по Неве ходит много пароходов, которые прибывают из Турции и Европы. О Невском проспекте он писал: «Так, был я на Большой улице Петербурга... Здесь высятся пяти- и шестиэтажные здания, отделанные позолотой. По обе стороны вдоль стен домов устроены возвышения. По ним в обе стороны идут пешеходы. За возвышениями проходит дорога для экипажей. Все нижние этажи этой улицы занимают лавки и магазины, где продаются разнообразные европейские товары и ткани.

В каждой лавке столько дорогих товаров, что если закупить их на десять тысяч динаров, всё равно останется так много, словно ничего и не брали. Если, например, выберешь и купишь тысячу серебряных табакерок, то выставят десять тысяч других, ещё лучше»¹¹. Далее он заметил: «С трёх часов утра до заката солнца и с вечера до полуночи по этой улице идут пешеходы, всадники, экипажи и повозки. День и ночь здесь толпы народу, как в праздничный день, когда все идут на молитву... И никто не толкает друг друга – это неприлично. Разговаривают со спутниками негромко»¹².

О нравах населения Петербурга конца XIX – начала XX в. (предреволюционный период) А. Дониш писал: «Я выходил на эту улицу [Невский проспект. – М. У.] наблюдения ради, но видел там всех огорчёнными и опечаленными. Я видел, что жена Зайда¹³ сидит с кавалером в экипаже, запряжённом шестёркой лошадей, в дорогом наряде и украшениях ценной до десяти тысяч динаров, а сам экипаж с лошадьми стоит около десяти тысяч русских танга. В это время жена Амра правит экипажем, запряжённым только парой лошадей. На шее и груди у неё украшения стоимостью в тысячу танга. Зато у неё красивый возлюбленный, а у жены Зайды невзрачный, привлекающий её силою золота. Жена Амра завидует её экипажу, коням, наряду, а жена Зайда пылает страстью к её кавалеру. И ясно, что обе недовольны своей участью... При всей пышности и великолепии убранства их мужчины и женщины постоянно желты и бледны, страдая от зависти друг к другу. И так было со всеми: и малыми и большими той страны»¹⁴.

Воспитанный в исламских традициях А. Дониш сразу не мог разобраться в традициях и нравах петербуржцев. Многие в их поведении для него казались диковинным и непонятным. Поэтому он на всё увиденное находил свои ответы.

А. Дониш писал: «На пиру у императора во время празднества, где собралось столько народу, что и представить себе трудно – оно, можно сказать, не уступало ни одному из пиров властителей прошлого и настоящего... Даже здесь я видел людей расстроенных и опечаленных, потому что по их закону мужчинам не дозволено иметь больше одной жены, а женщины не могут получить развод и вступить в брак, пока не умрёт муж. Но незаконно жена может иметь отношения с кем хочет, а муж может пойти к какой захочет, потому что у них нет обычая носить покрывало. Но такие отношения являются тайными...

Я не видел человека, чьё сердце не терзалось бы горем и кто не испускал бы тяжёлых вздохов. Я не встретил никого, кто был бы спокоен и беспечален, ни в торговых рядах, ни на базарах, ни в зрелищных домах»¹⁵.

Однако все эти внешние проявления жизни российской столицы не затмили истинного состояния атмосферы, царившей в Петербурге. Так, подробно описывая заседания Сената, А. Дониш писал: «В западной части дворца тянется длинная улица, на этой улице имеется дом инженеров [видимо, Сенат – М. У], где общество учёных людей всегда в сборе, и они советуются между собой по вопросу благосостояния страны и государства». Всё это производило большое впечатление на любознательного гостя и наводило его на размышления. Он всегда пытался осмыслить увиденное.

Поэтому после своего возвращения в Бухару А. Дониш долго и терпеливо пытался убедить эмира и его приближённых в необходимости упорядочения государственного управления, в первую очередь посредством привлечения на правительственные должности образованных, знающих людей. Ему не давали покоя увиденные во время пребывания в Петербурге и Москве культурные ценности русского народа, а он видел так много, что по его словам, его ум был не в состоянии всё это освоить. Он полагал, что в Бухаре тоже можно таким путём навести порядок, достичь хотя бы некоторой стабилизации экономического положения края и тем самым способствовать процветанию страны и улучшению материальной жизни народа.

Под влиянием экономической и политической жизни России А. Дониш пришёл к мысли, что без значительного преобразования существующего строя Бухарского эмирата вряд ли возможно достичь цели. Воспользовавшись тем, что эмир Музаффар неоднократно предлагал ему занять ответственный пост в государственном аппарате, А. Дониш выдвинул эмиру свои условия и предложения о коренной реформе государственного управления. С этой целью А. Дониш издал специальный труд под названием «Трактат об устройстве государства и взаимоотношениях людей».

В предисловии этого трактата о своих условиях вступления в государственную службу он писал: «Благодаря некоторым своим достоинствам и знаниям, имел деловые связи с правителями и военачальниками. Я видел, что их окружали льстецы, ищущие подачек, поэтому служить там было очень трудно, и я сторонился общения с ними.

Когда меня пригласили на службу, я написал, что служить так, как это делают другие, я не могу. Если эмир пожелает, чтобы я оставил научные занятия и поступил на службу в государственный аппарат, необходимо ввести в государственное управление определённую систему, как в других государствах»¹⁶. Под другими государствами А. Дониш подразумевал Россию и некоторые европейские страны, где рабочее время ограничено. «Если, – писал далее А. Дониш, – они станут действовать в соответствии с моим трактатом, где будут изложены принципы государственного управления эмирата и стран Европы, я ежедневно буду являться ко двору и работать там по четыре-шесть часов, делая то, что в моих силах. А если не согласны с этим, пусть простят меня, ибо коню простительно, что ему не посильна ноша слона»¹⁷.

Однако не следует забывать, что автор этих строк жил в отсталой феодальной стране, где в условиях глубокого религиозного фанатизма любое проявление инакомыслия считалось дерзостью. Неудивительно, что смелость автора трактата крайне разгневала правителя Бухары. Он не только отказался от мысли привлечь А. Дониша к государственной службе, но решил больше не посылать его в Россию.

Действительно, А. Дониш о государственном устройстве России знал достаточно много. Он видел в нём гораздо больше системы и порядка, чем у себя на родине, по его мнению, русские решают дела на основании определённых порядков. Как он считал, их закон не основан на насилии, и они не смеют нарушать установленных порядков¹⁸.

А. Дониш считал, что чем больше он расскажет о России, тем больше принесёт пользы современникам. «В России, – писал он, – я видел много удивительных вещей, описание которых хотя и выходит за рамки этого сочинения, но очень полезно и занимательно, так как повергает в изумление разумных мужей»¹⁹.

А. Дониш мечтал, чтобы в Бухарском эмирате его дети жили в правовом государстве, где согласно мнениям греческих и европейских мудрецов все люди должны поровну делить покой и труд, счастье и злосчастье, так как все они – потомки одного Отца. Никто не имеет права на преимущества и исключительности в чём бы то ни было. Богатство и положение должно соответствовать уровню знания и способности личности. А от государства каждый должен требовать свои права. У правителя, как у всех, должно быть жалованье, ему не позволялось бы вмешиваться в судебные дела.

Под влиянием русской культуры, излагая свои идеи утопического плана, А. Дониш советовал своим детям не стремиться к государственной власти, пока существует старый строй.

Вопреки существующей системе обучения в бухарских медресе, А. Дониш настойчиво пропагандировал изучение светских наук. По его мнению, система университетского образования, которая существует в России, позволяет сделать большие открытия в изучении загадок природы, в подчинении её сил интересам человека.

В одном из своих рассказов А. Дониш высмеивал некоторых исламских учёных в религиозной замкнутости, считавших грехом изучение естественных и исторических наук. Устами главного персонажа этого рассказа – английского губернатора он говорил: «Мы [то есть англичане. – М. У.] созданы, для того чтобы благоустраивать мир, разрабатывать залежи полезных ископаемых, овладевать тайнами чудес, скрытых в природе. Мы призваны изучать все народы мира и отличать истину от лжи... Каждый человек доказывает чистоту и истинность своей религии, и это надо исследовать. Когда же будет установлена истина, мы будем следовать ей. Многие народы на свете приобретают богатства, но не пользуются ими, и мир в результате этого пришёл в упадок, а жить стало очень трудно. Разве ты не знаешь, что виноградная лоза, если не ухаживать за ней, с каждым годом будет давать всё меньше плодов и, наконец, засохнет? Вы же поедаете плоды лозы и не о чём более не заботитесь, если даже корни той лозы будут съедены червями, а верхушка погибнет от мороза. Поэтому предвечный и пресвятой Владыка мира велел нам освободить мир-

сад от невежественных садовников и очистить землю от бурьяна, мешающего земледелию, чтобы она могла приносить пользу»²⁰.

В другом своём рассказе А. Дониш, называя Бухарский эмират страной солончаков, где не гнездится даже зловещий филин, вороны почитают себя павлинами, в краю, где обитают хищники, а голос шакала звучит нежным перезвоном колокольчика, писал:

*«Покуда отдаёшь себя в заклад лавке и дому
Никогда, о неискушённый, не станешь ты человеком.
Иди в Мир, насладись зрелищем его,
Прежде чем настанет день, когда ты покинешь его».*

Одним из этих зрелищ, по рассказам А. Дониша, являются особые дома, устроенные по всей Европе для избранных – Фарамушхона («дома забвения»). Тех, кто вступает в эти дома, прозывают Фарамушхони – франко-масонами. Они собираются два раза в неделю. Вступив в тот дом, человек выходит из него через два-три часа обновлённый духовно и нравственно²¹.

А. Дониш, судя по его рассказу, был довольно хорошо знаком с масонством, с его организационными структурами и принципами, с нравственно-философской программой. Это свидетельствует о том, что, будучи в России, он познакомился с нею.

Видимо, на формирование мировоззрения А. Дониша огромное влияние оказал русский востоковед П.И. Пашино, с которым, согласно источникам, неоднократно он имел беседы.

До опубликования статьи К. Айни в литературе об А. Донише оставался невыясненным чрезвычайно важный вопрос о том, каким путём, не владевший русским языком А. Дониш, узнал об идеях русского просветительства – социал-утопистов и франко-масонов.

На этот вопрос проливает свет недавно обнаруженный документ, свидетельствующий о знакомстве А. Дониша с русским ориенталистом П.И. Пашино, примыкающим к кругу литераторов, сотрудничавших в «Современнике», состоявшим в переписке с Н.А. Добролюбовым и Н.А. Некрасовым²². Он работал в Туркестанском генерал-губернаторстве в штате драгомана, и его рассуждения были особенно интересны впечатлительному А. Донишу.

Согласно сведениям документа, П.И. Пашино довольно хорошо знал язык, так как выступал в качестве переводчика во встречах Бухарского посольства с представителями Туркестанского генерал-губернаторства Струве. Они встречались неоднократно, отдельно вдвоём и вместе с высокопоставленными чиновниками России, Бухары, Ташкента и Коканда.

Следствием этих контактов и являются, на наш взгляд, некоторые идеи П.И. Пашино, получившие отражение в трудах А. Дониша.

Так, по его мнению, франко-масоны сыграли значительную роль в достижении европейцами таких успехов в новейших производствах, в стремлении благоустроить мир. Цель их существования как раз в том и состоит, чтобы благоустроить эту землю, открыть тайны бытия материи. «...И действительно, с помощью астрономиче-

ских наблюдений они доказали существование гор, впадин, родников и живых организмов на Луне, Юпитере и Сатурне. А ещё они готовятся полететь к звёздам и попытаются разгадать тайны земли и морей, ставя опыты во всех областях и проверяя их результаты на практике»²³.

А. Дониш был убеждён, что подобное постижение этих премудростей вовсе не представляется европейцам странным, ибо они овладели всем, что есть в подлунном мире из земных и водных, воздушных и огненных сокровищ, всё испытали и опробовали на опыте и практикой.

Главный тезис А. Дониша состоял в том, что путь познания бывает двоякого рода: первый – это духовный, когда необходимо предаться самосозерцанию, второй – это приложить свои усилия к предметам и орудиям практического значения. Мусульмане считали, что если тратить жизнь на предметные знания, то они не достигнут искомой цели, и, может статься, жизнь оттого не будет счастливее, а сами они так и останутся далёкими от совершенства. Путь самосозерцания совершеннее и ближе к Истине, нежели путь предметного познания. И волей-неволей, писал А. Дониш, они предпочли путь созерцания и религиозного бдения, решительно отказавшись от предметного познания²⁴.

Как А. Дониш понимал развитие истории, греки отдали жизни многих поколений предметному познанию, которые доставили человеку всё, что тот хотел. Результатом этих достижений позже воспользовались европейцы.

Из дальнейших суждений А. Дониша следует, что его симпатия была на стороне практических наук и светского мышления. Отсюда и интерес А. Дониша к России и другим европейским странам.

Говоря о творчестве А. Дониша, академик Б.Г. Гафуров отмечал: «Ахмад Дониш последователен в своей решительной ориентации на Россию, как на единственную страну, которая сумеет помочь освобождению народов Бухарского ханства. “Хотя по национальности и религии русские отличаются от нас, но в дружбе, искренности и человечности они выше нас”, - писал А. Дониш»²⁵. Можно солидаризироваться с оценкой А. Дониша таким крупным знатоком истории среднеазиатских стран, каким был Б.Г. Гафуров. Слова Б.Г. Гафурова, на наш взгляд, не потеряли своей актуальности и в наше время.

А. Дониш умер в 1897 г. и был похоронен в Бухаре. В надгробных речах и скорбных элегиях его учеников – прогрессивных поэтов и писателей – нашли своё отражение и глубокая горечь утраты, и великое уважение к А. Донишу.

С кончиной А. Дониша просветительство в Бухарском ханстве не умерло. Наоборот, его дело продолжили его ученики, прогрессивно настроенные поэты, учёные и музыканты, воспринявшие его просветительские идеи, в том числе Шамсиддин Шохин, поэт Музтариб и Мир Атаджан-тамбурист. Это были люди, которые сумели понять и по настоящему оценить идеи великого мыслителя и способствовали их распространению.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авезбоева Р.* Ахмад Дониш о прогрессивном характере русской культуры // *Маданияти Тоҷикистон («Культура Таджикистана»)*. – 1958. – № 1. – С. 13–14. – (На тадж. яз.).
2. *Айни К.* Встречи Ахмада Дониша с П.И. Пашино // *Народы Азии и Африки*. – 1963. – № 6. – С. 144–146.
3. *Айни К.* Свежие документы из императорского архива России о путешествии А. Дониша в Петербург // *Шарки сурх («Красный Восток»)*. – 1960. – № 12. – С. 58–66. – (На тадж. яз.).
4. *Ахмад Дониш.* Путешествие из Бухары в Петербург. Избранные произведения Ахмада Дониша. – [Перевод с тадж. М.Н. Османова, Л.Н. Демидчик; подготовка текста, составление, вступительная статья и примечания Р. Хади-заде]. – 2-е перераб. и доп. изд. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 280 с.
5. *Беленицкая И.А.* Русские учёные об Ахмаде Донише // *Таджикистан*. – 1960. – № 12. – С. 14–15. – (На тадж. яз.).
6. *Бертельс Е.Э.* Рукописи произведений Ахмада Каллэ // *Труды Таджикостанской базы АН СССР*. – Т. III. – М.-Л., 1936. – С. 9–28.
7. *Брагинский И.С., Раджабов С., Ромодин В.А.* К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России // *Вопросы истории*. – 1953. – № 8. – С. 21–22.
8. *Гаркави А.Я.* Сказание мусульманских писателей о славянах и русских. – СПб., 1870. – 165 с.
9. *Гафуров Б.Г.* История таджикского народа. – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1953. – Т. I. – 450 с.
10. *Искандаров Б.И.* Прогрессивная роль присоединения Средней Азии к России в распространении русской культуры // *О дружбе таджикского народа с другими народами СССР*. – Душанбе, 1967. – С. 32–47. – [Об А. Донише на с. 45].
11. *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году: [С маршрутом от Ташкента до Бухары]. – СПб., 1871. – 107 с.
12. *Лукин Б.В.* Из комментариев к Петербургской поездке Ахмада Дониша в 1874 году // *Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР*. – 1965. – Вып. 1/39. – С. 53–61.
13. *Препелицина Л.А.* О влиянии культуры русского народа на культуру народов Туркестана // *Труды САГУ*. – Вып. I. – 1954. – С. 88.
14. *Раджабов З.Ш.* К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1954. – 85 с.
15. *Раджабов З.Ш.* О политическом трактате Ахмада Дониша: [Краткий очерк] / Под ред. чл.-корр. АН Тадж. ССР Г.А. Ашурова. – Душанбе: Дониш, 1976. – 126 с.
16. *Трактат Ахмада Дониша «История Мангитской династии»* / Перевод, предисловие и примечание И.А. Наджафовой. – Душанбе: Дониш, 1967. – 142 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Раджабов З.Ш.* О политическом трактате Ахмада Дониша: [Краткий очерк] / Под ред. чл.-корр. АН Тадж. ССР Г.А. Ашурова. – Душанбе: Дониш, 1976. – С. 4.

² *Трактат Ахмада Дониша «История Мангитской династии»* / Перевод, предисловие и примечание И.А. Наджафовой. – Душанбе: Дониш, 1967. – С. 17.

³ *Раджабов З.Ш.* К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1954. – С. 5.

⁴ *Гаркави А.Я.* Сказание мусульманских писателей о славянах и русских. – СПб., 1870. – С. 129–130.

⁵ *Брагинский И.С., Раджабов С., Ромодин В.А.* К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России // *Вопросы истории*. – 1953. – № 8. – С. 21–22.

- ⁶ Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Избранные произведения Ахмада Дониша. – [Перевод с тадж. М.Н. Османова, Л.Н. Демидчик; подготовка текста, составление, вступительная статья и примечания Р. Хади-заде]. – 2-е перераб. и доп. изд. – Душанбе: Ирфон, 1976. – С. 18.
- ⁷ Там же. – С. 40.
- ⁸ Там же. – С. 29.
- ⁹ Там же. – С. 30.
- ¹⁰ Там же. – С. 37.
- ¹¹ Там же. – С. 49.
- ¹² Там же. – С. 50.
- ¹³ Зайд и Амр – арабские имена, приводимые автором условно.
- ¹⁴ Там же. – С. 50.
- ¹⁵ Там же. – С. 35.
- ¹⁶ Там же. – С. 21.
- ¹⁷ Там же. – С. 22.
- ¹⁸ Там же. – С. 221.
- ¹⁹ Там же. – С. 203.
- ²⁰ Там же. – С. 65.
- ²¹ Айни К. Встречи Ахмада Дониша с П.И. Пашино // *Народы Азии и Африки*. – 1963. – № 6. – С. 144–146.
- ²² Айни К. Указ. соч. – С. 146.
- ²³ Ахмад Дониш. Указ. соч. – С. 158.
- ²⁴ Там же. – С. 106.
- ²⁵ Гафуров Б.Г. История таджикского народа. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1953. – Т. I. – С. 416.

Е.И. КЫЧАНОВ

(Восточный факультет СПбГУ,

Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, г. Санкт-Петербург)

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ АКАДЕМИИ НАУК – МОСТ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Нет нужды говорить, что Россия в разные эпохи поворачивалась лицом то к Европе, то к Востоку, но Восток всегда был подле неё, и Россия была и остаётся государством, находящимся между Востоком и Западом. И это её географическое положение во многом определяло и определяет её судьбу. «Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку», – как писал П.Я. Чаадаев, и с этим до сих пор ничего не можем поделать. Наше евразийство не выдуманно, оно следствие и нашего географического положения, и нашей истории.

Хорошо известно, что древнерусский и производные от него великорусский и украинский этносы сложились при активном контакте с этносами тюркскими. Князь Русской Земли, хотя, возможно, только в контактах с тюрками, именовался каганом. В некоторых своих чертах древнерусское государство обнаруживает сходство с государственностью центральноазиатской и дальневосточной. Так, следы «антропоморфной концепции государства, в соответствии с которой князь и подданные – одно тело, в котором князь – голова»¹ имеют сходство с учением древних

китайцев о том, что государь – голова, а подданные – «руки и ноги» тела государства. Трёхчленная структура Русской Земли прямо корреспондирует с многовековым делением государств Центральной Азии на центр и восточную (левую) и западную (правую) части. Диархия «парное княжение» на Русской Земле во второй половине IX – первой половине X в.: Аскольд и Дир, Олег и Игорь, Ольга и Святослав напоминает наличие совместного правления двух каганов в Хазарском каганате. Диархия существовала и у венгров.

Немало известно о влиянии тюрков на обыденную жизнь Русской Земли. А.Н. Кононов предполагал наличие «русско-тюркского двуязычия, язык тюрков знал князь Всеволод Ярославович, отец Владимира Мономаха»².

Восточное влияние на Русь возросло после монгольского нашествия. Не рассматривая не решённый наукой вопрос о том, были ли древние татары монголоязычными или тюркоязычными, отметим как бесспорный факт то, что население Китая в X–XIII вв., население Средней Азии и Ближнего Востока именовали всё население территории Монголии татарами. Китайские дипломаты, которые первыми уяснили, что монголы неравнозначны татарам, ввели в употребление этноним «монголо-татары» (мэн-да), который чуть позже в том же Китае был заменён этнонимом «монголы». Для населения Средней Азии, Кавказа, Ближнего Востока, Руси, Европы завоеватели остались татарами.

Татарами именовалось население Золотой Орды, смешанное по своему составу. Из тюркско-кыпчакского, болгарского, оставшегося от Волжско-Камской Булгарии, из монгольского и пришлых с завоевателями других этносов и древних местных финно-угорских этносов здесь сложилась постепенно современная татарская народность, хотя эти татары с древними татарами, населявшими восточную часть Монголии, ничего общего, кроме названия, не имеют.

Специалисты указывают на многочисленные примеры влияния Золотой Орды на русскую государственность и быт складывавшегося в это же время великорусского этноса. Сношения с Каракорумом и Золотой Ордой имели следствием «азиатский характер» приёма посольств на Руси. Под 1536 г. в «Царёвой книге» сказано, что «жена казанского хана Шигалей Фатма-Салтан была на приёме у шестилетнего великого князя Ивана [позднее царя Ивана IV. – *Е. К.*] и его матери [Елены Глинской, вдовы Василия III. – *Е. К.*]: князь великий молвил царевне: “Табугсалам” и с нею карашевался». «Табугсалам»: тюркское «табуг» – «поклон», арабское «салам» – «привет». Глаголом карашеваться, происходящем от тюркского глагола «караш» – «глядеть друг на друга», «переглядываться», обозначалась часть ритуала при встрече высоких особ: принимающее лицо с ними «карашеввалось» при их входе в приёмный зал³.

Одним из ярких выражений влияния «монгольских» институтов на Русское государство явилось перенесение ямской службы. Мы поставили слово «монгольских» в кавычки, поскольку это не было монгольским изобретением. Ямская почтовая служба была целиком заимствована монголами из Китая через ямскую службу у киданей и чжурчженей. Если это не простое совпадение, знак своего времени, то можно говорить и о схожести порядка следования посольств на Руси, с тем, который был принят в Китае, скажем, в предмонгольскую эпоху. К числу сходств относится

совмещение посольства и торгового каравана. Достигнув границы Русского государства, посол отправлял в ближайший город гонца с известием о своём прибытии и ждал решения. Посол сообщал своё звание, состав посольства, цель прибытия. Если посла принимали, то ему высылали «встречу». «Встреча» и посол беседовали, спешившись, и если посольство было экстренным и важным, оно ехало дальше, пользуясь ямской службой. При этом посольство освобождалось от всяких путевых издержек. Неподальёку от Москвы посольство встречали придворные сановники, а в Москве при встрече посольства на улицы выгоняли народ⁴.

В относительно простом устройстве аппарата управления Московского государства, как в государстве монголов, не было «строгого различия между делом государевым и делом государственным»⁵. Нехитрый центральный аппарат управления в XVI в. – окольныхчий (советник государя), казначей, дворецкий, кравчий, постельничий, гонцы и наличие дворцовой гвардии стрельцов напоминает, как это ни покажется странным, аппарат управления монгольского государства времён Чингисхана. Любопытное исключение составляет «контролёр», должность, которой не было у монголов, но которая имела в китайском государственном аппарате – Юйшитай (Цензорат). В XV в. на Руси были в обращении куски серебра наподобие китайских ланов (динов). В русский язык, как раз в процессе его становления, вошло много тюркской и частично монгольской лексики⁶. Много заимствований, естественно, было и в быту⁷. Иностранные наблюдатели в XV–XVI вв. отмечают много восточных черт в характере власти московского великого князя и царя⁸. Н.И. Костомаров указывает на типично иностранные черты отношения к женщине в то время (их не допускали за общий стол во время званых обедов, считалось предосудительным без нужды вести с женщинами разговор, в зажиточных домах «женский пол находился взаперти, как в мусульманских гаремах»⁹). Вряд ли стоит сомневаться в том, что жестокое пьянство пришло на Русь из глубин Центральной Азии. Мы знаем китайские тексты и поучения Чингисхана, которые первые отмечают одобряемый общественной моралью обычай напиваться до потери сознания, особенно при приёме гостей. Чингисхан, род которого был поражён алкоголизмом, установил, что если не вмоготу, то можно напиваться не чаще трёх раз в месяц. И на Руси в XVI в. «хозяин величался тем, что у него всего много на пиру – гостьба толстотрапезная! Он старался напоить гостей, если возможно, до того, чтобы отвезти их без памяти восвояси, а кто мало пил, тот огорчал хозяина. Пить следовало полным горлом, а не прихлебывать, как делают куры, кто пил с охотой, тот показывал, что любит хозяина»¹⁰.

Если к этому прибавить, что в ту эпоху у русского человека, кроме того имени, которым крестили, было ещё второе, которое знал лишь узкий круг людей, и, в добавок к этому, широко известное прозвище, то как тут не вспомнить Восток, тот же Китай.

При достаточно традиционной антипатии к исламу, воспринятой вместе с греческой православной верой и усиленной ордынским господством, известны случаи, когда в зоне соприкосновения русские принимали ислам. Нормы ислама отразились, например, в бытовавшем тогда порядке хоронить умершего, особенно летом, в течение суток, и нередко «скончавшийся утром был уже погребён при захождении солнца»¹¹.

XVI–XVIII вв. ознаменовались колониальным разделом мира. Если для Испании, Португалии, Англии, Франции это были заморские колонии, то на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке этот мировой процесс ознаменовался расширением владений таких государств, как Китай, Россия, Иран, Османская империя. Фактически к концу XVIII в. не было неподелённых территорий. Границы Китая, Ирана, Османской империи и России столкнулись на землях, которые были заселены иными народами, и для этих народов часто было безразлично, под чью власть они попадали (может быть, за исключением единоверцев, например, Грузия и Россия). Со второй половины XVII и в XVIII в. отношения России со странами Востока вышли на новый качественный этап. С Востоком не только торгуют, поддерживают дипломатические отношения. *Восток начинают изучать*. Постепенно из востоковедения практического – необходимости знать языки и обычаи стран общения, возникает и востоковедение как особая отрасль гуманитарных знаний и гуманитарной науки. Востоковедение рождается и в процессе собирания предметов быта, культуры и книг.

Книги дарили царскому двору, их покупали и привозили купцы и дипломаты для своих личных и иных частных собраний. Важным этапом было в начале XVIII в. осознание необходимости сформировать специальную библиотеку книг на восточных языках для нужд и интересов специалистов и государства.

Первым таким учреждением, государственным учреждением, в котором были собраны книги, в том числе рукописи и старопечатные книги на восточных языках, стала Кунсткамера Петра Великого (1714) в полном смысле слова мать музеев и библиотек российских. С 1714 г. ведёт своё начало и Библиотека Академии наук. С 1722 г. в Кунсткамере имелось специальное помещение для книг, в 1724 г. библиотека Кунсткамеры была соединена с Библиотекой Академии наук. «Начало учёных коллекций, вошедших в состав его [будущего Азиатского музея. – Е. К.], – писал столетие спустя академик Б.А. Дорн, – относится к первой четверти прошлого столетия, когда Пётр Великий основал Академию, обратил внимание своё и на изучение Востока. В его царствование положено начало коллекциям китайских, мунджурских, японских, монгольских и тибетских сочинений, а также и... мухамеданских рукописей. <...> Всё это сохранялось тогда и впоследствии временно в построенной им Кунсткамере. <...> С тех пор <...> подобного рода приобретения не прекращались... Хотя предметы эти поступали постепенно, однако если представить себе их в совокупности и собранными воедино, то можно положительно сказать, <...> из них можно было составить Азиатский музей»¹².

Образование в составе Академии наук Азиатского музея связано с именем графа С.С. Уварова, автора несостоявшегося «Проекта Восточной Академии»¹³. 11 ноября (23 ноября по новому стилю) 1818 г. в Комитет правления Академии наук в связи с предстоящей покупкой восточных рукописей у Ж. Руссо им было направлено письмо об образовании Восточного кабинета в дополнение к Азиатскому, имевшемуся с 1815 г. при Академическом музее:

*«От Президента Императорской Академии Наук
В Комитет Правления при оной Академии.*

В Музее Императорской Академии Наук доселе находилось немало книг и рукописей восточных, а с ожидаемым теперь из Марсели, купленным для сей Академии с Высочайшего соизволения у Г. Руссо собранием сия часть значительно приумножится. Сверх того хранилась и богатая коллекция восточных медалей.

По случаю чего представляя я Г. Министру Духовных дел и Народного просвещения о необходимости устроить при Кунсткамере Академии особое отделение для медалей, рукописей и книг восточных под названием восточного кабинета и хранителем оного определить Г. Академика Френа с производжением ему за сей труд к получаемому им жалованию прибавочных по 400 рублей в год из экономических средств Академии.

Ныне Г. Министр дал мне знать, что по внесённой им записке Комитет Г. Министров утвердил такую прибавку жалования Г. Академику Френу, полагая производство оной с 1-го января будущего 1819 г.»¹⁴.

Академик Дорн считает дату 11 (23) ноября 1818 г. датой основания Азиатского музея.

Все рукописи хранились в это время в Кунсткамере, и было решено для Азиатского музея выделить отдельное помещение:

«Выписка из журнала Комитета Правления Императорской Академии Наук Ноября 15 дня 1818 года.

Господину Академику Коллежскому Советнику Крестьяну Мартыновичу Френу. Вследствие предложения Его Превосходительства Г. Президента Академии Сергея Семёновича Уварова за № 1818, с коего имеете вы уже копию, принять Вам от Его Превосходительства Г. Академика Действительного Статского Советника и Кавалера Фёдора Ивановича Шуберта все находящиеся ныне в Кунсткамере в ведении Его Превосходительства восточные рукописи, монеты и медали, кои и устроить вам в восточном Кабинете, когда назначенная на сей предмет в Кунсткамере комната совершенно будет отделана. А на основании Регламента Академии § 129-го Комитет просит Вас предоставить оному подробный каталог всем вышеозначенным предметам, которые будут вами приняты.

Секретарь Яковлев № 2134, ноября 28 дня 1818 г.»¹⁵

Как ни странно, не очень ясно, когда стало употребляться и официально было закреплено за новым академическим учреждением наименование Азиатский музей. Возможно, это произошло по личной инициативе Христиана Даниловича (Христиана Мартина) Френа, и уже в декабре 1818 г. будущий Азиатский музей стал именоваться «Восточным кабинетом Азиатского Музея»¹⁶. В докладе Конференции Академии наук от июня 1819 г. Х.Д. Френ именуется вверенное ему учреждение Азиатским музеем. Наименование «Азиатский музей», несмотря на некоторую неясность – когда, кем и каким документом оно было введено – осталось за этим учреждением Академии наук вплоть до 30 апреля 1930 г.

Как мы видели из вышецитируемого документа, первоначально музей размещался в одном из помещений Кунсткамеры. С июля 1819 г. Азиатский музей был

открыт всем желающим для научных занятий без прохождения формальностей. С момента своего основания Азиатский музей выдавал для временного пользования восточные рукописи в учебные заведения, библиотеки и научным работникам, высылал их в другие города (например, Казань) и даже за рубеж. Практика выдачи рукописей для работы в иные учреждения и учёным на дом продолжалась до начала 20-х гг. XX в. С момента основания музея была поставлена задача инвентаризации, описания и введения в научный обиход хранимых Азиатским музеем рукописей, а также издание наиболее ценных из них на языке оригинала, то, что позже стало именоваться «издание факсимиле». В 1849 г. появляется журнал Азиатского музея на французском языке – «Азиатские заметки» («*Melanges asiatiques*»). Надо заметить, что всё делопроизводство музея в течение всего XIX в. и в начале XX в. велось на немецком языке, реже на французском. Как показывает архив музея и все сохранившиеся материалы, фонд рукописей сложился из закупок и дарений государственных учреждений и частных лиц. Азиатский музей привлекал к себе как единый государственный центр хранения восточных рукописей, гарантировавший их сохранность и использование для научных и практических целей.

Академик Б.А. Дорн, преемник Х.Д. Френа на посту директора Азиатского музея, хранимые в музее богатства иначе как «сокровищем» не называл. Давая общую характеристику Азиатского музея, он писал, что сокровища музея «в значительной степени умножались от покупок и приношений»¹⁷. Это были «грузинские рукописи, оставшиеся после царевича Теймураза» (1847), «мухаммеданские рукописи, принесённые в дар Секине-Ханум» (1852), библиотека академика Х.Д. Френа (1852), Гейсера коллекция санскритских рукописей (1855), рукописи и книги скончавшегося академика А.М. Шёгрена (1862), рукописи, поступившие от Ханькова (1850–1860), рукописи из Персии и с Кавказа, поступившие от академика Б.А. Дорна, рукописи от П.И. Лерха из Бухары (1859). Как отмечает Б.А. Дорн, «в каталогах восточным рукописям явились новые отделы Киргизский, Афганский, Мазандеранский, Гилянский, Талишский, Татский, Сиамский и т. п. При этом весьма отраднo заметить, что начиная от высших присутственных мест Империи до частных лиц всюду обнаруживалась величайшая готовность содействовать <...> обогащению музея»¹⁸. На 1863 г. в Азиатском музее насчитывалось около пяти тысяч рукописных книг, книг-ксилографов и фрагментов рукописей. В традиции Азиатского музея было приравнивать старопечатную книгу (книги, напечатанные с досок, ксилографы – Китай, Япония, Тибет, Монголия) и книгу, тиражированную с помощью литографии (Иран, Индия) к рукописям. Первые два отдела музея составляли:

а) библиотека («книги или собственно библиотека»);

б) «восточные рукописи, а также китайские, японские и другие ксилографы».

После открытия в 1855 г. в Санкт-Петербургском университете факультета восточных языков востоковедные исследования в столице Российской империи значительно расширились. Фонды Азиатского музея стали существенно пополняться за счёт покупки книг от дипломатических представительств и российских дипломатов в странах Востока, от иностранных подданных, за счёт дарений учёных, научных экспедиций, поступлений от путешественников и т. п. Несмотря на наличие коллек-

ций восточных рукописей и старопечатных книг в других библиотеках – Публичной библиотеке, библиотеке восточного факультета университета и т. п. – Азиатский музей оставался центральным хранилищем восточных рукописей страны. «Можно положительно сказать, – писал академик Б.А. Дорн, – что Азиатский Музей вполне соответствует той цели, с которою он основан. Не только члены Академии находят в нём в изобилии литературные пособия для учёных своих занятий, но и посторонние учёные, профессора, студенты и любители постоянно посещают Музей и беспрепятственно пользуются его бесчисленными сокровищами». Как мы уже отмечали выше, читательский актив не ограничивался только лицами, проживающими в Санкт-Петербурге. «Многим русским учёным были высылаемы по просьбе их разные литературные пособия во внутренние губернии России». «Музей наш <...> ссужает и иностранных учёных своими сокровищами с величайшей готовностью и радушием, что и оценено надлежащим образом учёными других стран»¹⁹.

70-е годы XIX в. положили начало международным конгрессам востоковедов (первый в 1873 г. в Париже, второй в 1874 г. в Лондоне). Третий конгресс было рекомендовано провести в России. В Санкт-Петербурге в 1876 г. Азиатский музей должен был участвовать в выставке при съезде. С самого начала выставка была ориентирована на этнографию Сибири, Средней Азии и Кавказа. Тяжёлая болезнь организатора выставки П.И. Лерха помешала завершению работ, «никто в России из равных с ним [П.И. Лерхом. – Е. К.] по учёным силам и не взялся бы за это трудное и скучное дело с тем бескорытием и самоотвержением, какие отличали бывшего товарища нашего»²⁰. Судя по всему, Азиатский музей как учреждение, хранящее огромные рукописные богатства, на конгрессе не прозвучал, хотя и предполагал организовать раздел выставки «Рукописи и старинные документы на восточных языках».

В конце XIX – начале XX в. музей пополняется рукописями и дарами российских консулов из новообразованной китайской провинции Синьцзян (Восточный Туркестан), материалами экспедиций П.К. Козлова и С.Ф. Ольденбурга, пополнившими коллекции музея уникальными рукописями и старопечатными книгами из Хара-Хото и Дуньхуана. С учётом этих и иных приобретений после 1917 г. собрание восточной рукописной и старопечатной книги Азиатского музея становится одним из крупнейших в мире специализированных хранилищ такого рода, подлинной сокровищницей культур народов Востока на берегах Невы.

Таким образом, собрав в своих хранилищах большую коллекцию восточных рукописей, книг на восточных языках, отпечатанных способом ксилографии и литографии, открыв свои богатства для научных занятий учёным России и Западной Европы, Азиатский музей в XIX – начале XX в. стал своеобразным мостом между Востоком и Западом. В научный и культурный обмен через Азиатский музей были вовлечены все видные российские востоковеды, востоковеды Европы, дипломаты, военнослужащие, путешественники. Многие из них пользовались его рукописными собраниями и библиотекой – самой крупной специализированной востоковедной библиотекой России. Авторитет Азиатского музея как специализированного востоковедного учреждения был велик и оставался таковым до преобразования его в Институт востоковедения АН СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Толочко А.В. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. – Киев. 1992. – С. 15.
- ² Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. – Л., 1982. – С. 24.
- ³ Там же. – С. 12–13.
- ⁴ Ключевский В. Сказания иностранцев о Московском государстве как исторический источник. Пг., 1918. – С. 42–48.
- ⁵ Там же. – С. 80.
- ⁶ См. об этом: Кононов А.Н. Заметки тюрколога на полях словаря русских народных говоров // *Известия АН СССР*. – Серия литературы и языка. – Т 25. – Вып. 3. – 1966. – С. 226–229. – Т 28. – 1969. – С. 531–538.
- ⁷ Ключевский В. Указ. соч. – С. 74–75.
- ⁸ Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. – М., 1992.
- ⁹ Там же. – С. 193, 200.
- ¹⁰ Там же. – С. 227.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Дорн Б.А. Азиатский музей Императорской Академии Наук // *Записки Императорской Академии наук*. – 1864. – Т. V. – Вып. 2. – С. 25–28.
- ¹³ См. об этом: Бертельс Д.Е. Введение // *Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР* / Редакционная коллегия: А.П. Базиянц, Д.Е. Бертельс (отв. секретарь), Б.Г. Гафуров, А.Н. Кононов (председатель), Е.И. Кычанов, И.М. Оранский, Ю.А. Петросян, Э.Н. Тёмкин, О.Л. Фишман, А.Б. Халидов, И.Ш. Шифман. – М.: Наука, 1972. – С. 12.
- ¹⁴ Архив Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (далее – СПбФ ИВ РАН), ф. 4, оп. 2 (1818), № 52, л. 12–13.
- ¹⁵ Архив СПбФ ИВ РАН, ф. 152, оп. I, № 16.
- ¹⁶ *Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР*. – Указ. соч. – С. 15. – Сноска 60.
- ¹⁷ Дорн Б.А. Указ. соч. – С. 26.
- ¹⁸ Там же. – С. 27.
- ¹⁹ Там же. – С. 29–30.
- ²⁰ *Труды Третьего международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге*. – Т I. – СПб., 1879–1880. – С. СХVIII.

Е.П. МАТОЧКИН

(Международная Славянская академия,
Республиканский Алтайский краеведческий музей им. А.В. Анохина, г. Новосибирск)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И ИСКУССТВО НАРОДОВ СИБИРИ

Изобразительное искусство коренных народов азиатской России – важная, хотя и малоизвестная страница мировой художественной культуры. Древние самобытные традиции народы Сибири бережно хранили и передавали из поколения в поколение, преодолевая испытания истории и обретая силу вечности во времени и в пространстве. Между тем, в изучении искусства Сибири сложилась такая ситуация, когда исследованием художественных памятников, в том числе и наскальными рисунками, занимаются археологи. Этнографы изучают народное творчество, существ-

вовашее на рубеже XIX–XX вв. Искусствоведы же, сосредоточенные в музеях и картинных галереях, работают в основном над произведениями российских художников или над современным станковым и декоративно-прикладным искусством народов Сибири.

Обособление музейной искусствоведческой работы привело к тому, что историко-художественный процесс стал рассматриваться в ограниченном хронологическом интервале. В итоге, в искусствознании до сих пор нет сводных монографий об искусстве этой огромной территории планеты, в вузах страны нет соответствующих курсов. Тем не менее, огромный материал, накопленный археологами и этнографами за последние десятилетия, несомненно, нуждается и в искусствоведческом осмыслении. Назрела необходимость изучать искусство определённого региона или народа в полном объёме – от его возникновения до наших дней. Только такой подход поможет вскрыть преемственные связи, выявить в современном творчестве глубину памяти, живущую в художественном сознании народа и проявляющуюся в произведениях наших дней.

Среди исследователей, изучавших искусство народов Сибири, большая роль принадлежит деятелям науки и культуры Санкт-Петербурга или ученикам Санкт-Петербургских учебных заведений. Трудно в одной небольшой статье поимённо назвать всех тех, кто принимал участие в гуманитарном открытии Сибири, художественной культуры её народов. Наш первый опыт такого синтетического взгляда на историю изучения искусства народов азиатской России не претендует на полную летопись имён и исследованных феноменов и обрисовывает их лишь в самых общих чертах.

* * *

Открытие искусства народов Сибири произошло в XVII в., когда сложилось занятие «бугровщиков». Пётр I, заинтересовавшись находками из раскопанных курганов, поручает разыскивать и доставлять ему диковинные вещицы. Так сложилась уникальная, известная теперь на весь мир первоклассная коллекция золотых изделий скифо-сибирского звериного стиля. Поначалу коллекция собиралась в Кунсткамере, а с 1859 г. она хранится в Эрмитаже.

В конце своей жизни Пётр I снаряжает первую научную экспедицию в Сибирь 1719–1727 гг. под руководством Даниила Готлиба Мессершмидта (1685–1735). Помимо обширных исследовательских задач, этого немецкого учёного интересовали среди «могильных всяких древних вещей шейтаны медные и железные, и литые образцы человетческие и звериные, и калмыцкие литые зеркала»¹. Участник экспедиции Филипп-Иоганн Страленберг (1676–1747) впервые изучает наскальные рисунки у деревни Писаной на Томи².

В 1725 г. в столице России была создана Петербургская (Российская) Академия наук. В XVIII в. Академия организовала несколько экспедиций в Сибирь. В них участвовали крупные учёные Герард-Фридрих Миллер (1705–1783), Пётр Симон

Паллас (1714–1811), Иоганн-Георг Гмелин (1709–1755), оставившие описания археологических памятников Сибири.

В XIX в. в России появился журнал «Сибирский вестник» (позднее «Азиатский вестник»). Его основал член-корреспондент Петербургской Академии наук Григорий Иванович Спасский (1783–1864). В ряде своих публикаций особое внимание Г.И. Спасский уделял петроглифам и изваяниям³.

С середины XIX в. в Сибири стали создаваться музеи. При Томском университете Археолого-этнографический музей открыл в 1882 г. выпускник Петербургской Медико-хирургической академии Василий Маркович Флоринский (1833–1899).

Избранный в 1884 г. в состав Российской Академии наук Василий Васильевич Радлов (1837–1918) по заданию Императорской Археологической комиссии стал издавать «Сибирские древности». В Сибири он открыл немало интересных памятников искусства, раскопав более сотни курганов. Особенно блестящими находками прославились алтайские курганы в Катанде и Берели. Однако вскоре известность их потускнела, поскольку в мировой и русской археологической мысли утвердилась панъевропейская концепция мировой истории, в которой не было места для самостоятельных и ярких древних культур в азиатских степях. Понадобятся ещё десятилетия, чтобы в термин «скифский звериный стиль» была внесена вторая часть – «скифо-сибирский»⁴.

Из больших патриотов Сибири нельзя не отметить Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894), вольнослушателя Петербургского университета. Его работы в области истории культуры были освещены идеей освобождения Сибири от колониальной зависимости. Также обучавшийся в Петербургском университете Дмитрий Александрович Клеменц (1848–1914) увлекался изучением петроглифов и каменных изваяний. Его известная книга «Древности Минусинского музея»⁵ написана на основе тщательной обработки археологических коллекций.

Александр Васильевич Адрианов (1854–1920) окончил Петербургский университет по естественнo-историческому отделению физико-математического факультета. Им раскопано более 150 курганов, в том числе на Алтае, на реке Майэмир и на реке Бухтарме с памятниками раннего железного века. Он первый обнаружил погребальные таштыкские маски с поразительными орнаментальными узорами и цветовой раскраской. Научным подвигом следует признать подвижнический труд А.В. Адрианова по разысканию, копированию и изучению писаниц Саяно-Алтайского нагорья⁶. Он обследовал такие известные памятники искусства, как Боярская, Шалаболинская, Копенская писаницы, наскальные рисунки на горах Тепсей и Оглахты. Прожив около 10 лет в Минусинском уезде, А.В. Адрианов в своём отчёте «Писаницы Енисейской губернии» признавал, что «...убедился в таком обилии и разнообразии памятников древности, которого мы не встречаем не только ни в одной другой части Сибири, а может быть, и нигде в России, нигде во всём мире в настоящий момент...»⁷.

То же отделение физико-математического факультета окончил и Иван Тимофеевич Савенков (1846–1914). В 1914 г. вышел его солидный труд о наскальных рисун-

ках и каменных изваяниях Сибири. Это было первое исследование в отечественной литературе, посвящённое первобытному искусству, в частности петроглифам.

Крупный исследователь каменного века Прибайкалья Бернгард Эдуардович Петри (1884–1937), погибший в застенках НКВД, до революции работал в Музее антропологии и этнографии. Не находя среди поселений древнекаменного века на Ангаре и Енисее каких-либо произведений искусства, он высказал мрачную мысль «о лишённости художественной одарённостью» палеолитических охотников Сибири⁸. Ситуация резко изменилась, когда в 1928 г. Михаил Михайлович Герасимов (1907–1970) открыл стоянку Мальта, давшую замечательные образцы искусства, в том числе скульптуру и гравюру.

К концу XX в. в связи с многочисленными открытиями памятников искусства разных эпох высказанная когда-то Б.Э. Петри мысль отпала сама собой. Академик Алексей Павлович Окладников (1908–1981) писал: «Археологические экспедиции 1950–1970-х гг. обнаружили в Сибири такие сокровища, которые сразу же сняли вопрос о неспособности населяющих её народов к самостоятельному творчеству». Их духовный мир, как выяснилось из анализа этого творчества, был «несравненно более сложный и богатый, чем можно было ожидать». В своих последних работах А.П. Окладников, радуя за сохранение своеобразного эстетического мира коренных сибиряков, в то же время отстаивал принципиальную точку зрения, что прошлое, принесённое народностями Сибири в наш век, «представляет собой огромный культурный пласт, не чуждый влияниям современности»⁹.

Пожалуй, наиболее блестящие открытия XX в., как и 200 лет назад, были связаны с искусством скифо-сибирского звериного стиля, с раскопками Пазырыкских курганов.

Михаил Петрович Грязнов (1902–1984), с 1922 г. студент Петроградского университета, затем сотрудник Этнографического отдела Русского музея, с 1937 г. – Государственного Эрмитажа. Проводил исследования курганов в Шибе, Пазырыке, Яконуре и др. Большое место в его деятельности заняли памятники Минусинской степи. Его ученики – Г.А. Максименко, Я.А. Шер, М.Н. Пшеницына, М.Д. Хлобыстина впоследствии стали известными исследователями Сибири. Уже в поздние годы жизни, в 1970-е, М.П. Грязнов исследовал уникальный комплекс раннескифского времени – курган Аржан в Туве¹⁰. Его раскопки проводились в течение ряда лет и по количеству введённого в науку материала не имеют себе равных в Сибири среди подобных работ.

Сергей Иванович Руденко (1885–1969) обучался на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета. В 1920-е гг. он вместе с А.Н. Глуховым исследует могильник Кудергэ на Алтае, где были выявлены великолепные гравировки древнетюркского времени. С 1947 по 1954 г. С.И. Руденко продолжил изучение пазырыкских курганов, принёсших мировую славу алтайским скифам – геродотовым «стерегущим золото грифам». На фоне этих блестящих открытий остались мало заметными его раскопки в Усть-Канской пещере, где среди находок оказалось самое раннее произведение искусства на Алтае – костяная пластина с гравировками.

Уже упомянутый академик А.П. Окладников до 1960 г. работал в Институте истории материальной культуры РАН в Ленинграде. К концу 1920-х – началу 1930-х гг. относятся его первые исследования наскальных рисунков Восточной Сибири. С 1961 г. А.П. Окладников возглавил работы по проблемам истории, филологии и философии в Сибирском Отделении РАН. Он развернул широкий фронт археологических работ на всей территории Азиатской России и воспитал целую плеяду известных теперь учёных: А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.Е. Ларичев, Р.С. Васильевский, В.Д. Кубарев и других.

Одним из постоянных направлений его деятельности было изучение изобразительного творчества древнего человека. А.П. Окладников – автор обобщающих исследований по палеолитическому и неолитическому искусству. Им открыты и изучены первобытные наскальные изображения на берегах Лены, Ангары, в Приамурье, на Алтае. В 1960-е гг. он вместе с А.И. Мартыновым изучает писаницы на Томи, известные со времён Ф.-И. Страленберга. Красочные рисунки лосей крупных размеров на реке Бие вблизи Турочака А.П. Окладников назвал выдающимся памятником Северной Азии. Турочакскую писаницу он датировал, как и основной массив томских петроглифов, выполненных в скелетном стиле, неолитическим временем¹¹. Однако после нашего открытия второй Турочакской писаницы все они были отнесены к эпохе бронзы¹².

На Нижнем Амуре в районе Сакачи-Аляна А.П. Окладниковым изучалась замечательная неолитическая культура, богатая наскальными рисунками с масками-личинами, антропоморфными фигурками на сосудах. Здесь им обнаружена уникальная глиняная женская скульптура, названная амурской Нефертити.

Ученица А.П. Окладникова Зоя Александровна Абрамова выделила искусство человека древнекаменного века как особое направление в сибирском палеолитоведении. В своих работах она рассматривала произведения искусства далёкой первобытности на широком евразийском фоне¹³.

Заметным явлением в российской науке стало открытие Глебом Алексеевичем Максименковым и Эльгой Борисовной Вадецкой окуневской культуры в Хакасско-Минусинской котловине. И хотя загадочные каменные изваяния были известны давно, но только в связи с проведёнными раскопками могильника Черновая VIII выделенная окуневская культура эпохи бронзы обрела своё характерное лицо¹⁴. Памятники окуневской культуры поражают своим фантастически богатым образным миром и необычайно развитой стилистикой.

В конце 1970-х гг. в Туве Александр Данилович Грач (1928–1981) проводил в Улуг-Хоруме раскопки необычного монументального сооружения раннего железного века. Он изучал также тагарские захоронения, исследовал скифскую и средневековую культуру¹⁵.

В последние годы интересные археологические исследования проводят петербуржцы Леонид Сергеевич Марсадолов – сотрудник Эрмитажа и Дмитрий Глебович Савинов – специалист по средневековой археологии. Д.Г. Савинов изучал оригинальные художественные произведения – гравированные гальки из древнего поселения Хакасии Торгажак.

С новыми смелыми идеями о смысле произведений древнего искусства выступает выпускник Ленинградского государственного университета Виталий Епифанович Ларичев. В памятниках мобильного искусства – ачинском жезле, бляхах из Мальты, женских статуэтках древнекаменного века и окуневской культуры, во многих других, а также в особых сооружениях древности он видит интерес первобытного человека к астрономическим знаниям. В синкретичных образах искусства палеолитических охотников он выделяет строгие числовые закономерности. Будучи расшифрованными, они помогают глубже проникнуть в духовную сферу их создателей. Благодаря исследованиям В.Е. Ларичева интеллектуальный мир древних сибиряков предстал значительно более богатым, чем это казалось ранее.

* * *

Сибири посвящена одна из первых в мире специальных этнографических работ – книга Г.И. Новицкого о хантах («Краткое описание о народе остяцком...»). Она была написана в начале XVIII в.

Тогда же, в XVIII в., участник Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. Степан Петрович Крашенинников (1711–1755), академик Петербургской АН, оставил ценное «Описание земли Камчатки» (1751). Многочисленные сведения этнографического характера принесли Академические экспедиции 1768–1774 гг. Собранные к тому времени материалы дали возможность Ивану Ивановичу Георги (1729–1802) создать обобщающий четырёхтомный труд: «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, одежд, жилищ и прочих достопамятностей» (1776–1780).

В Сибири большую научно-собираТЕЛЬскую работу вели ссыльные революционеры (В.Г. Богораз, Л.Я. Штернберг, В.И. Иохельсон, Г.Н. Потанин и др.).

Григорий Николаевич Потанин (1835–1920) – русский географ, этнограф, публицист и фольклорист. В 1859–1862 гг. учился в Петербургском университете. Участвовал в длительных и многочисленных экспедициях. Большую ценность представляют собранные Г.Н. Потаниным материалы по культуре, народному творчеству и по истории эпоса многих тюркских и монгольских народов Сибири и Центральной Азии. Потанин был организатором Общества по изучению Сибири и инициатором ряда сибирских экспедиций. Он был «душой» «областничества» и «центром притяжения» для многих деятелей науки и культуры Сибири. Работы Г.Н. Потанина имеют большое значение для понимания образного мира древнего и традиционного искусства Сибири.

Владимир Ильич Иохельсон (1855–1937) – исследователь народов Крайнего Севера. В Санкт-Петербурге в начале XX в. изданы его труды по языку, культуре и фольклору коряков, юкагиров, алеутов.

Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927) – профессор Ленинградского государственного университета. Известен классическими трудами по первобытной религии (1936). Более семи лет провёл на Сахалине, уже после смерти были опубликованы его изыскания – «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны» (1933).

Владимир Германович Богораз (1865–1936) – сотрудник Музея антропологии и этнографии, инициатор создания Института народов Севера. Научные интересы и экспедиционная деятельность связаны с народами крайнего Северо-востока Азии. Его основной труд – «Чукчи» (1934–1939).

В 1929–1930 гг. Государственный Русский музей подготовил большую экспозицию «Искусство народностей Сибири» и к её открытию издал сборник с одноимённой статьёй Евгения Робертовича Шнейдера (1897–1937). В ней автор представил «интереснейшее искусство многоплеменной многоязычной Сибири», которое «остаётся до сих пор слишком мало известным не только широкой публике, но также художникам и искусствоведам». Скульптура, рисунок и орнамент народностей Сибири по лингвистическим признакам разделены на пять групп: тунгусо-маньчжурскую, турецкую, монгольскую, угро-самоедскую и палеоазиатскую. Е.Р. Шнейдер подчёркивает традиционность их художественного мышления, передающегося из поколения в поколение. В то же время Шнейдер выражает тревогу по поводу того, что за последние десятилетия целый ряд племён «утратили своё национальное искусство», и призывает найти способы его сохранения и развития¹⁶.

Огромная роль в деле изучения искусства народов Сибири принадлежит выдающемуся учёному-этнографу Сергею Васильевичу Иванову (1895–1986). После окончания Петроградского университета он связал свою жизнь с Музеем антропологии и этнографии. Участвовал в экспедициях по Дальнему Востоку и Сибири. Его самые известные публикации довоенных лет: «Искусство в родовом обществе» (1932), «Изучение национального изобразительного искусства в СССР» (1934), «Сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита» (1934), «Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура» (1937).

Более 20 лет работал С.В. Иванов над своим главным трудом – «Материалами по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.» (1954). Это капитальное исследование – первое в мировой науке, посвящённое изобразительному творчеству всех народов Сибири и Дальнего Востока. В монографии «Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.)» (1963) исследуется декоративное искусство.

Две монографии С.В. Иванова отражают его многолетние исследования старинной скульптуры коренных народностей Севера и народов Южной Сибири. Это «Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в.» (1970) и «Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. XVIII в. – первая четверть XX в.» (1979). Альбом с цветными листами «Маски народов Сибири» (1975) вскрыл дотоле малоизвестную область декоративно-прикладного искусства чукчей, эскимосов, коряков, хантов, манси, ненцев, эвенков, удэгейцев, кумандинцев, шорцев, тувинцев и бурят.

В целом работы С.В. Иванова – неоценимый вклад в изучение народного художественного творчества коренных жителей Сибири. Учёный систематизировал огромный материал многих музейных собраний, личных наблюдений, проанализировал и опубликовал свои изыскания с большим количеством иллюстраций. Сегодня его книги стали настольными для всех, занимающихся искусством Сибири. Благо-

даря его трудам современные народы азиатской России предстали носителями богатого эстетического мира, развитых художественных традиций и глубокой культурной памяти¹⁷.

В 1975 г. вышло первое издание, посвящённое буддийскому искусству Бурятии. Его автор – известный этнолог, окончивший ЛГУ, Лев Николаевич Гумилёв (1912–1992). Он опубликовал ламаистские иконы и скульптуру из Агинского дацана, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии¹⁸.

В довоенные и послевоенные годы велись активные работы этнографов по изучению народного искусства в Южной Сибири Леонидом Павловичем Потаповым (1905–2000) («Алтайский шаманизм», 1991), в Туве – Севьяном Израилевичем Вайнштейном (род. 1926). Его «История народного искусства Тувы» (1974) – уникальный труд, подобного которому, к сожалению, для других народов Сибири ещё не написано.

Заметный вклад в изучение искусства народов Сибири вносят Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) и Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Большую работу проводит Государственный Эрмитаж, снаряжая учёных в экспедиции по Сибири, публикуя их работы, показывая лучшие образцы искусства в своих залах. Интересные выставки и экспозиции устраивает Российский Этнографический музей в Санкт-Петербурге. Там в Мраморном зале в 1986 г. прошла замечательная выставка детского творчества, на которой были представлены работы со всех регионов Сибири.

* * *

Ранее у коренных народов Сибири не существовало станкового изобразительного искусства. Первым профессиональным художником из их среды стал алтаец Григорий Иванович Чорос-Гуркин (1870–1937). Легенда сибирского искусства, первоклассный живописец он был репрессирован и расстрелян. В конце XIX в. Г.И. Гуркина, тогда молодого иконописца, убедил ехать обучаться мастерству на берега Невы ученик Певческой капеллы Петербурга Андрей Викторович Анохин (1874–1931), в будущем знаменитый исследователь шаманизма, этнограф и композитор. Г.И. Гуркин не был принят в Академию художеств, однако Иван Иванович Шишкин предложил ему работать в своей мастерской. Известно, что Иван Иванович умер на руках у своего алтайского ученика.

В своём творчестве Г.И. Гуркин впервые пытался решать проблемы синтеза мифопоэтического мышления, присущего алтайцам, с системой изобразительности, перенятой от петербургских учителей. Стремление изобразить Алтай «живым, говорящим, смотрящим» сказалось в глубоком проникновении, обострённом видении всех элементов природы, подмеченных с почти языческим пониманием её состояния. Для Г.И. Гуркина-живописца было важно не только достоверное соответствие зрительной правде, но и следование представлениям и образам, которые исторически сложились и жили в народном художественном сознании. Эта образная ассоциативная реальность требовала своего изобразительного языка, своей внутренней

гармонии. Поиски приводили его к живописным экспериментам, в которых видимая реальность надлена скрытым этнокультурным подтекстом и сочетаются академическая школа и традиции национального художественного мышления.

Очень интересно сопоставить живопись Г.И. Гуркина с искусством его современника – Андрея Осиповича Никулина (1878–1945) – русского художника, окончившего Центральное училище технического рисования барона А.Л. Штиглица в Петербурге. Алтай увиден им глазами просвещённого, романтически мыслящего человека, прошедшего искус современному западного модернизма. Алтай предстаёт у него краем девственной чистоты, красочного великолепия природы и загадочного прошлого. Творчество А.О. Никулина, хотя и в меньшей степени, но всё же оказало заметное влияние на многих художников Сибири.

В 1926 г. в Ленинграде был организован северный факультет Восточного института имени А.С. Енукидзе. Для этой цели на северный факультет командировали «туземцев» почти из всех, даже самых отдалённых уголков советского Севера. В 1929 г. на северном факультете обучалось 292 человека, представлявших собою 24 национальности северных и восточных окраин. Помимо северного факультета было ещё отделение, где обучались буряты и тувинцы. Для студентов Восточного института были организованы классы живописи и скульптуры. В тридцатые годы художественной мастерской руководили художник А.А. Успенский и скульптор Л.А. Месс.

Студенты-северяне, не имевшие никакого представления о европейских художественных течениях, поражали своих учителей высокой изобразительной культурой и пониманием современных задач искусства. Более того, они демонстрировали тонкую восприимчивость к свойствам материала. Учителя же стремились уберечь студентов от копирования природы и утери того свободного образного мышления, которое присуще народному искусству. Всё это дало повод искусствоведу Н.Н. Пунину говорить о том, что северным народностям Сибири «принадлежит историческая роль: положить начало новым традициям в европейском рисунке»¹⁹.

В 1934 г. открылась художественная мастерская при Институте народов Севера. Одним из первых руководителей художественной мастерской Института был Пётр Иванович Соколов. Из студентов успешно творили нанец Б. Ходжер, чукча Вуквол, якут С. Винокур, тунгусы П. Дьячковский и Н. Яковлева, вогул Л. Вахрушев, самоеды К. Талева и М. Яннэ, коряк Кичигин и П. Беляев, удэ О. Амуленка и другие. Особенным талантом отличался ненец Константин Панков (1910–1942), художники-северяне Ижимбин, Натускин, Лампай, Киле-Пячка, Терентьева. Работами студентов был украшен Северный павильон Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, а в 1937 г. и Советский павильон Международной выставки в Париже. Жюри выставки высоко оценило творчество северян и присудило им золотую медаль «Гран-при».

20 июня 1931 г. в теперешнем Горно-Алтайске была открыта Ойротская художественная школа. Она стала первым художественным учебным заведением среди национальных автономий Сибири. В начальный период её педагогами были Г.И. Чорос-Гуркин и Н.И. Чевалков. С 1933 г. в школе появился молодой препода-

ватель Алексей Алексеевич Луппов (1908—1964). В 1930 г. он окончил Ленинградский Высший художественно-технический институт (бывшая Академия художеств) по живописному факультету как художник-монументалист. Он привнёс в художественное преподавание сугубо академическую школу. Это недолго существовавшее педагогическое трио имело в лице первого выпуска многообещающие плоды.

А.А. Луппов до конца своих дней вёл преподавательскую деятельность в Горном Алтае в Доме культуры и в Доме пионеров и стал наставником многих современных художников. Не имевший ни семьи, ни своей квартиры, он всё своё сердце отдавал многочисленным ученикам.

Весной 1934 г. состоялся первый выпуск Ойротской художественной школы. Из общего числа окончивших было 9 алтайцев и 5 русских. Выпускники получили рекомендации для работы «педагогами ИЗО неполных средних школ, сотрудниками государственного издательства, п/просветбазы». Второй выпуск школы в количестве 25 человек состоялся в 1937 г. В 1940 г. была предпринята реорганизация школы в художественное училище с пятилетним сроком обучения. Однако этому начинанию не суждено было сбыться, так как началась Великая Отечественная война.

Среди алтайцев первого выпуска были талантливые художники, погибшие на фронте – Александр Каланаков, Геннадий Бекин. Один из выпускников школы – Николай Васильевич Шагаев затем обучался живописи у М.А. Асламазян в Ленинградском художественно-педагогическом училище. Он вместе со своими соучениками по школе А.А. Танышем и П.С. Чевалковым продолжал после войны заниматься искусством и передавать свой опыт молодёжи. Русский живописец Н.В. Шагаев стал наставником молодого алтайца И.И. Ортоңулова, теперь Заслуженного художника России. Уже в послевоенное время Ленинградскую Академию художеств окончили двое алтайцев – В.П. Чукуев и В.С. Торбоков. Их высокий профессионализм сегодня во многом определяет лицо алтайского искусства.

Если начинающим сибирским живописцам не были известны послереволюционные работы Николая Константиновича Рериха (1874—1947), петербуржца, увлечённого Востоком, то в последние годы его искусство всё более привлекает современных мастеров своими достижениями в соединении изобразительных традиций Запада и Востока. В поисках «нового стиля» Рерих обращался не только к художественным ценностям национального средневековья, античности или Возрождения, но и к памятникам каменного века и архаических культур Севера Азии, где живёт, как он писал, «наследие высокохудожественных сибирских древностей». Николая Константиновича восхищали «изысканнейшие формы» и богатая «животнообразная орнаментация» скифских древностей: «Великие кочевые народы оставили по себе целое сокровище, так близкое художественной концепции нашей современности»²⁰.

В проектах фриза для майолики «Каменный век. Север» (1904), в картине «Заклятие земное» (1907) Н.К. Рерих ориентируется на образцы наскального искусства далёкой древности, а также на сюжеты и стилистику чукотско-эскимосского искусства гравировки по кости. Поэтическим лейтмотивом полотна «Призыв солнца» (1919) послужили весенние песнопения якутов. Одушевление объектов природы, их антропоморфизация, характерные для традиционного сознания народов Сибири, просле-

живаются и в образной символике картин Рериха. Фольклорные темы, героический эпос народов Сибири определил сюжетную канву его холстов «*Ойрот Алтая*» (1924), «*Гэсэр-хан*» (1941), «*Богатыри проснулись*» (1940) и др. Алтай и его священная вершина Белуха стали символом непобедимости Родины («*Победа*», 1942). Его полотно «*Бум-Эрдени*» (1947) – едва ли не первое живописное воплощение в станковом искусстве монголо-ойратского эпоса. Сама по себе задача воплощения героических сказаний народов Сибири в живописи необычайно сложна. И здесь работы Н.К. Рериха являются высоким ориентиром для всех сибирских художников. Внутреннюю потребность оттолкнуться от живописной системы рериховских картин ощущали в своей работе над олонхо якутские художники (И.А. Потапов, 1978).

В 1920-е гг. семья Рерихов отправляется в Центрально-Азиатскую экспедицию (1923–1928). Одной из важнейших её задач было создание живописной летописи стран и народов Центральной Азии. Часть маршрута экспедиции проходила по территории Сибири, в силу чего Сибирь органично вошла в его живописную летопись как произведениями чисто пейзажного характера, так и глубокого историко-художественного содержания.

Успеху экспедиции немало способствовал старший сын Николая Константиновича – Юрий Николаевич Рерих (1902–1960) – крупный учёный-востоковед. На интересные размышления навели Ю.Н. Рериха антропоморфные изваяния, которые встречаются в Южной Сибири. Эту каменную скульптуру учёный отнёс к категории надгробных памятников вождям. Немаловажный атрибут – горящую чашу в руках – Ю.Н. Рерих расценил как символ, связанный с древним культом огня²¹. К тому же культу огня причастны, по его мнению, и наскальные изображения, которые он связывал с древними формами шаманизма. Важным научным свидетельством являются наблюдения повсеместного высекания петроглифов и в наши дни, поскольку бытует мнение, что в XX в. наскальное искусство прекратило своё существование.

Увлекала Юрия Николаевича и проблема «звериного стиля» в искусстве и его распространения по всей Центральной Азии. Юрий Николаевич считал, что существовал общий источник, из которого черпали своё вдохновение художники Центральной Азии и что центр этой культуры кочевников находится на Алтае.

В Ленинграде учились и многие искусствоведы Сибири, в том числе новосибирец Павел Дмитриевич Муратов (род. 1934) и Владимир Иванович Эдоков (1936–1995) из Горно-Алтайска. П.Д. Муратов проанализировал художественную жизнь Сибири в первое послереволюционное десятилетие, проведение всесибирской выставки общества «Новая Сибирь» в 1927 г. На ней впервые дебютировали художники из коренных народов²². П.Д. Муратову принадлежит также честь открытия забытого замечательного алтайского живописца Николая Ивановича Чевалкова (1892–1937).

Алтаец из рода мундусов Владимир Иванович Эдоков в 1963 г. окончил факультет теории и истории изобразительного искусства Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина. Перу В.И. Эдокова принадлежат монографические исследования о Г.И. Чорос-Гуркине²³ и Н.И. Чевалкове²⁴, а также

«Очерки истории изобразительного искусства Горного Алтая»²⁵. Помимо этого им написано более двухсот статей, посвящённых художникам Алтая.

И сейчас Санкт-Петербург продолжает быть первоклассной кузницей кадров художников и скульпторов, а также учёных – археологов, этнографов, искусствоведов.

Конечно, наш краткий обзор даёт далеко не полную картину участия петербуржцев в изучении древнего, традиционного и современного искусства народов Сибири. Однако и то, что упомянуто, свидетельствует о том, что деятельность лучших представителей российской культуры по глубине внимания к коренным народам Сибири не имеет аналогов в мировой культурной практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новлянская М.Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. – Л.: Наука, 1970.

² *Strahlenberg Ph.* Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia, in soweit... – Stockholm, 1730. – XXII, 438, XVI с. + 8 прил.

³ Спасский Г.И. Собрание исторических, статистических и других сведений о Сибири и странах сопредельных оной. – Ч. 1–4. – М., 1818–1822; *Он же.* Новейшие ученые и живописные путешествия по Сибири. – Ч. 1–2. – СПб., 1819–1822; *Он же.* Изображение обитателей Сибири, или новое и достовернейшее описание некоторых коренных сибирских народов: их местопребывания, образа жизни, нравов, обрядов, веры, наречий и проч. – Т. 1–2. – СПб., 1820–1822.

⁴ Матющенко В.И. 300 лет истории сибирской археологии. – Т. 1. – Омск, 2001.

⁵ Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. – Томск, 1886.

⁶ Адрианов А.В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // *Сибирский торговно-промышленный календарь на 1904 г.* – Томск, 1904. – № 4. – Ноябрь. – С. 25–33; *Он же.* Писаница боярская // *Там же.* – 1906. – № 6. – Декабрь. – С. 53–59; *Он же.* Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г.: (из писем секретарю [Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии]) // *Там же.* – 1908. – № 8. – Март. – С. 37–46; *Он же.* Отчёт по обследованию писаниц Ачинского округа [Минусинского края] // *Известия Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии.* – 1910. – № 10. – С. 41–53; *Он же.* Писаницы по реке Мане // *Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества.* – СПб., 1913. – Т. IX. – С. 1–34.

⁷ См. также: Дэвлет М.А. А.В. Адрианов как археолог: Первый период (1879–1900) // *Очерки истории отечественной археологии.* – Вып. 2. – М, 1998. – С. 167–186.

⁸ Ларичев В.Е. У истоков верхнепалеолитических культур и искусства Сибири (к открытию в Кузнецком Алатау поселения Малая Сыя и скульптурного изображения черепахи) // *Рериховские чтения.* 1976 год. – Новосибирск, 1976.

⁹ Окладников А.П. Исторические корни культур народностей Севера // *Культура народностей Севера: традиции и современность.* – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 14–16.

¹⁰ Грязнов М.П. Аржан. – Л.: Наука, 1980.

¹¹ Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница // *Древние культуры Алтая и Западной Сибири.* – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 11–21.

¹² Маточкин Е.П. Новые петроглифы Бии // *Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока.* – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1986. – С. 20–23; Молодин В.И., Маточкин Е.П. Вторая Турочакская писаница Горного Алтая // *Природа.* – 1992. – С. 80–83.

¹³ Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. – М.-Л., 1962.

¹⁴ Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л., 1980.

¹⁵ Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – Новосибирск, 1977.

- ¹⁶ Шнейдер Е.Р. Искусство народностей Сибири // *Искусство народностей Сибири*: Сб. – Л.: Издание Русского музея, 1930. – С. 57–100.
- ¹⁷ См. о нём: Решетов А.М. Сергей Васильевич Иванов: основные этапы жизни и научного творчества выдающегося этнографа и искусствоведа // *Знаменитые универсанты*: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. – Т. II. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
- ¹⁸ Гумилёв Л.Н. Старобурятская живопись. Исторические сюжеты в иконографии Агинского дацана. – М.: Искусство, 1975.
- ¹⁹ Пунин Н.Н. Искусство примитива и современный рисунок // *Искусство народностей Сибири*: Сб. – Л.: Издание Русского музея, 1930. – С. 34.
- ²⁰ Рерих Н.К. Великое наследие. – Пекин. – 24 декабря 1934 г. // *Рерих Н.К. Врата в будущее*. – Рига: Виеда, 1991.
- ²¹ Roerich G.N. Trails to Inmost Asia. – London, 1931.
- ²² Муратов П.Д. Художественная жизнь Сибири 1920-х гг. – Автореф. диссертации ... канд. искусствоведения. – Л., 1969; *Он же*. Художественная жизнь Сибири 1920-х гг. – Л.: Художник РСФСР, 1974.
- ²³ Эдоков В.И. Г.И. Гуркин – первый алтайский художник. – Автореф. диссертации ... канд. искусствоведения. – Л., 1971. *Он же*. Г.И. Гуркин: Очерк о жизни и творчестве. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1967; *Он же*. Мастер из Аноса. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1984; *Он же*. Возвращение Мастера. – Горно-Алтайск: Чаптыган, 1994.
- ²⁴ Эдоков В.И. Н. Чевалков. Очерк о жизни и творчестве. – Горно-Алтайск: Алтайское книжное издательство, 1971.
- ²⁵ Эдоков В.И. Очерки истории изобразительного искусства Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Алтайское книжное издательство, 1981.

Н.Г. КРАСНОДЕМБСКАЯ

(Отдел Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии
имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург)

ОБ ОПЫТЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИНДОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ (ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТРАДИЦИИ)

Индия издавна привлекала к себе внимание русских своей необычной, экзотической культурой; много легенд и сказок об этой далёкой стране ходило по России уже много веков тому назад. Правители России с давних времён стремились и пытались установить прямые связи с индийскими властителями. Первоначально знания об Индии доходили до Руси через греческие и византийские источники, от арабов, от народов Центральной Азии и Закавказья, упоминания о ней встречались в старинных русских былинах и первых летописях. Замечательным историческим фактом было путешествие в Индию тверского купца Афанасия Никитина в XV в., ещё до того, как Васко да Гама «открыл» европейцам эту страну.

Пётр I придавал большое значение отношениям с Индией, отправлял туда посольства, мечтал даже о торговом пути в Индию через Северный Ледовитый океан. В его личных собраниях, переданных Кунсткамере, были уже предметы индийского ремесла и искусства. С этого времени можно в некотором смысле говорить о научном приобщении русских к индийской культуре в предметных, наглядных образах.

В XVIII в. было совершено несколько путешествий в Индию, в том числе мореплавателей И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского.

XIX и XX века ещё больше «приблизили» друг к другу наши страны, и рассказ об этапах этого приближения заслуживает отдельного рассмотрения. Отметим лишь некоторые эпизоды. В 1836 г. в Санкт-Петербурге, в Университете, началось преподавание санскрита. Вторая половина XIX в. обозначена основанием русской индологической школы, что связано с именем Ивана Павловича Минаева (1840—1890), многие русские уже совершали путешествия в Индию, в том числе и царственные особы. В 1914 г. из стен Петровской Кунсткамеры была отправлена первая этнографическая экспедиция в Индию и на Цейлон. Всем известна роль семьи Рерихов в установлении новых нитей зримых и незримых связей между нашими странами и народами. В наше время Индия ещё более приблизилась к нам: наши соотечественники живут, учатся, путешествуют по Индии, индийцы тоже нередко селятся у нас в России – иногда надолго, иногда и навсегда (по некоторым сведениям, сейчас их у нас проживает около 40.000).

К настоящему времени знания об Индии в нашей стране стали обширны и разнообразны, хотя, разумеется, они расслаиваются на много уровней. Научная индологическая традиция в наши дни поддерживается в таких научных центрах города, как Институт востоковедения, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого, восточный факультет СПбГУ, Институт языкознания, Музей истории религии и некоторых других. Но в этой статье нам хочется поставить актуальный вопрос о научно-популярном уровне и научной популяризации знаний об Индии среди россиян.

С давних времён все русские, кому довелось побывать в Индии, больше узнать о ней, всегда стремились поделиться этими знаниями с соотечественниками, и, как правило, эта информация горячо воспринималась. Так что можно говорить уже о «наработанной» традиции популяризации индологических знаний в России, в которой участвовали разнообразные круги российской общественности – цари, знать, образованные слои населения, врачи, художники, любознательные туристы. Они записывали свои впечатления и наблюдения, публиковали заметки, доставляли в музеи (прежде всего, в Кунсткамеру) любопытные предметы, характеризующие культуру Индии. Большую роль в распространении знаний об индийской культуре сыграл Герасим Лебедев (1749—1817), музыкант, учёный (а также, между прочим, создатель первого в Индии театра европейского типа). Он прожил в Индии 12 лет, изучил индийские языки, познакомился с индийской мифологией, астрономией, литературой. Можно считать, что его деятельность положила начало индоведению в России.

Надо сказать, что тем более наши профессиональные исследователи Индии стремились поделиться своими знаниями с широкой публикой. Основатель русской индологической школы И.П. Минаев, ещё находясь в путешествии по Индии и Цейлону (в 1875 г.), посылал для публикации материалы в популярные издания «Вестник Европы», «Новое время». Свою первую книгу о путешествии на Восток он назвал «Очерки Цейлона и Индии (из путевых заметок русского)» (СПб., 1878).

КАПЛЯ ПО КАПЛЕ... ВУИ И ПОТМКИ
Индийская посольства

Настоящая выставка устроена в ознаменование большого праздника - 50 летия независимости Индии, отмеченного 15 августа, и сама эта выставка - праздник для тех, кому всегда в радость сопоставление с древней, богатой и глубоко одухотворенной индийской культурой.

Индия издавна славилась в России как земля чудес, наши предки мечтали о ней, и до сих пор так в далекой стране остается сада и не прерванными качеством русской души.

Потому вернется в успех выставки "Из индийских коллекций Кунсткамеры", она позволит петербуржцам узнать немало чудесных изделий, сотворенных индийскими мастерами - многие из этих вещей до сих пор хранились в фондах первого русского научно-естественного музея и еще не были показаны широкой публике.

Индийские коллекции Музея антропологии и этнографии сейчас насчитывают около десяти тысяч предметов. Они были собраны любовью многими руками - российскими путешественниками, учеными, художниками, а также и царскими особами. Первым следует назвать самого Петра Великого, для него Кунсткамера ("Палата Чудес"), основанная им в 1714 г., была любимым детищем. Петр I придавал важнейшее значение отношению с Индией, покал пути в ней. Уже в ранние коллекции Кунсткамеры были индийские сосуды, украшения, оружие, монеты.

Значительно пополнились индийские собрания музея в конце XIX - начале XX вв. трудами миссиолога И.П.Миняева, А.С.Тыль-Гольштейна, географа А.И.Краснова, ботаника В.И.Лисского, зоолога М.С.Андерса и др. Около 300 образцов индийских ремесел и искусств были приобретены в путешествии на Восток наследника престола, будущего императора Николая II, в 1890-1891 гг. В 1914-1918 гг. состоялся этнографическая экспедиция в Индию в составе А.М. и Л.А.Мерзарт, обогатившая музей более чем 3000 интереснейшей экспонатов.

Новое оживление в индийских поступлениях МАЭ началось в конце 50-х годов XX в., послеобретения Индией независимости: происходила подарки от культурных организаций от различных обществ, отдельных граждан, от Археологического Департамента Индии. Целый ряд коллекций поступил с выставки сувениров индийской Индии, проведенной в 1959 г. в рамках годовала нашей страны.

Символично и знаменательно то, что в организации выставки объединились ученые петербургских ученых, энтузиастов выставочной жизни нашего города и - индийских дипломатов. Это кажется добрым знаком и, будем надеяться, поможет открыть новые грани в культурном общении между гражданами Индии и России.

Кавалет филологических наук
Всезудный научный сотрудник
Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого
Президиума АН УССР "Маймура"
Нина Георгиевна Краснодемская

Авторский коллектив:

Директор выставки - А.Бухарев (АВИТ)
Куратор выставки - Э.Карпеев (МАЭ)
Компакция
выставки - Н.Краснодемская (МАЭ)
- С.Маретина (МАЭ)
Подготовка
материалов - Л.Левизи (МАЭ)
- А.Терюков (МАЭ)
Обслуживание
выставки - Е.Алесковская (ВМП)
- Е.Огненич (ВМП)
Монтаж - В.Арефьев (АВИТ)
- А.Колесников (АВИТ)
Фотограф - А.Авксентьев (АВИТ)
Цветоделение - С.Калинин (АВИТ)

Мемориальный музей-квартира Н.А.Некрасова
Литейный пр., 36

Уникальная экспозиция музея, открытого в 1946 году, рассказывает о последних 20 годах жизни великого русского поэта.

Музей открыт ежедневно с 11 до 18 часов кроме вторника и последней пятницы месяца.
Телефон организатора экскурсий: 272-01-65

Центр Петербургских Искусств "АВИТ"
Директор Бухарев Александр Борисович
Контактный тел. (812) 531-07-72, факс (812) 526-21-89

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ
АДМИНИСТРАЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО ИНДИИ

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

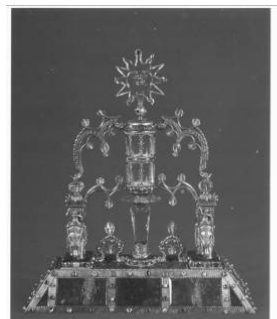
ЦЕНТР ПЕТЕРБУРГСКИХ
ИСКУССТВ "АВИТ"

"КАПЛЯ ПО КАПЛЕ..."
Из индийских коллекций Кунсткамеры

3-31 октября 1997 г.

МУЗЕЙ-КВАРТИРА Н.А. НЕКРАСОВА
Санкт-Петербург, Литейный пр., 36

Чашка для благовоний. XVIII в. Серебро, позолота, горный хрусталь, драгоценные и полудрагоценные камни, дигте, чешанка. Из ранних коллекций Кунсткамеры.

Ларец. XVII-XVIII вв. Черное дерево, слоновая кость, редица. Из ранних коллекций Кунсткамеры.

Четырехликий Шива. XVIII в. Бронза, дигте. Из приобретений российского консула в Индии Г.А.Азмюла.

Фигурка слуги. Конек XIX в. Терракота. Из приобретений ищаревича Николая.

Ваза. XVIII в. Серебро, чешанка, гравировка, чернение. Из ранних коллекций Кунсткамеры.

Катер и ножи. Конек XIX в. Металл, сталь, позолота, бирца. Из приобретений ищаревича Николая.

Буклет временной выставки индийских экспонатов МАЭ РАН «Капля по капле...». Санкт-Петербург. Музей-квартира Н.А. Некрасова. 3–31 октября 1997.

Популяризацией индологических знаний (в числе многих и разнообразных прочих) многие десятилетия занималось Российское географическое общество, имея для этого, в частности, специальные журналы.

Газетные, журнальные, книжные публикации, открытые лекции – вот формы просветительской деятельности, широко принятые на протяжении долгих и долгих лет. Особенностью Петербурга является то, что они дополнялись возможностями музейного экспонирования подлинных артефактов, произведений ремесла, искусства, предметов быта, которые можно было увидеть в первом российском естественнонаучном музее – Кунсткамере, а позднее и в некоторых других музеях.

Существеннейшими и характерными чертами в популяризации научных знаний в области индологии с самого начала были глубина и серьёзность информации, её адекватность и достоверность, а также, безусловно, отсутствие какого бы то ни было высокомерия и пренебрежения в оценке фактов чужой культуры. Традиции такого индологического подхода продолжались и в советский период.

Наши предшественники в индологии давали нам пример трезвости и объективности в оценке явлений своеобразной чужой культуры, хотя, надо признаться, долго, отчасти вплоть до XX в., для русских заветная Индия оставалась мечтой, далёким краем, овеянным дымкой фантазии и чудес. В научно-популярной деятельности мы обращались в основном к аудитории особо заинтересованных слушателей, на чью общую доброжелательную расположенность можно было рассчитывать практически всегда (высказывали мысль, что «любовь к Индии – врождённое качество русских»). А в связи с абсолютной удалённостью предметов, о которых шла речь, учёные могли весьма свободно формулировать собственные оценки, и даже обсуждение некоторых экзотических моментов культуры делать безо всякой оглядки.

Теперь произошло много перемен и в жизни нашей страны, и в странах Южной Азии, в частности, возникли новые отрицательные факторы – прежде всего, в виде обострения межнациональных отношений во многих обществах. Изменились формы общения с изучаемыми народами. Культурный диалог между нашими странами и народами осуществляется уже не только опосредованно (через науку, искусство, литературу), но нередко и в личных контактах. Иными стали общие условия и нравственная обстановка научной и особенно научно-популярной работы. Нам необходимо быть предусмотрительнее и внимательнее относиться к тому, как могут «отозваться» в умах и душах наших сограждан (а также и представителей южноазиатских этносов, присутствие которых возможно теперь при любом публичном выступлении и действии) наше «учёное слово», само изложение и комментарии реалий и фактов культурного бытия народов Южной Азии. Мировой опыт последних десятилетий показывает, что высказывание учёного – тоже оружие, с которым надо обращаться очень осторожно. Мы, как и медики, просто обязаны жить по заповеди «Не навреди!». Поэтому верность факту должна сочетаться с деликатностью интерпретации. Надо помнить, что всё это не только имеет важное научное значение, но приобретает ныне огромный практический смысл и чрезвычайно актуально для разрешения проблемы преодоления культурной отчуждённости. В наше непростое время очень важно взаимно просвещать народы.

Поэтому насущно необходимо расширение научно-просветительской деятельности и создание новых её форм, помимо обычного проведения экскурсий, чтения лекций, создания выставок и т. п. По-видимому, больше должно быть грамотных выступлений по радио и телевидению, материалов в широкой печати. Надо помнить, что своеобразные традиции народов Южной Азии нередко требуют «перевода» с языка одной культуры на язык другой.

Именно в подобных целях, для грамотной пропаганды знаний об Индии в форме эмоционального воздействия, а не только интеллектуального просвещения, в 1994–1996 гг. посетителям Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого была предложена новая форма научной популяризации – научно-художественный цикл лекций-представлений «Уроки индийской культуры» с участием чтеца (этнографа), а также танцовщиков, музыкантов и певцов. С конца 1996 г. (когда индийская экспозиция музея была закрыта на реконструкцию и ремонт), этот показ осуществлялся и вне стен МАЭ (в Музее музыкальных инструментов, Музее политической истории, Музее истории Санкт-Петербурга, Дворце культуры имени Ленсовета, школах города и других просветительных учреждениях).

В целом, данная форма популяризации индологических знаний была воспринята посетителями музея с большим энтузиазмом. Такие темы, как «Древнеиндийское царство», «Раба или богиня», «Времена султанов и падишахов», «Музыка, танец, театр», «Человек и Космос» и другие, позволили в образной форме преподнести слушателям-зрителям блоки информации об устройстве общества в Древней и современной Индии, о семейных устоях и положении женщины в местном обществе, об истории и специфике художественных традиций и т. д. Они вызывали живую реакцию у аудитории, особенно, когда в выступлениях участвовали представители Индии (а в наших спектаклях нередко пели и танцевали индийские студенты и даже

Сцена из лекции-спектакля «Гималайская легенда» в клубе любителей индийской культуры во Дворце культуры имени Ленсовета. Справа от танцующей пары – Н.Г. Краснодарская

Н.Г. Краснодембская отвечает на вопросы из аудитории.

аспиранты), возникало и множество вопросов. Было очевидно, что новый способ подачи просветительской индологической информации очень действенен.

В то же время определилось и несколько разрядов среди слушателей в соответствии с их запросами и восприятием знаний. Есть люди просто любознательные, которые стремятся повышать объём и уровень собственной эрудиции; кроме того, выявился особый разряд интересующихся преимущественно философскими и религиозными вопросами; обнаружился и такой тип, кого наглядное приближение к чужой культуре в известной степени даже «раздражает» и отталкивает. Можно сказать, что в нашем обществе сохраняется глубокий интерес к культуре индийцев. Привлекают как общая её высокая духовность и большие достижения в области философии, так и внешние, нередко, правда, именно экзотические проявления. Некоторые моменты, осложняющие восприятие просветительских мероприятий по индологии, касаются главным образом религиозной сферы: встречаются люди, которые рассказ о чужой культуре воспринимают как пропаганду чужих религиозных воззрений.

Клуб “Майтрипура”
любителей культуры народов
Индии, Непала,
Шри Ланки, Пакистана и Бангладеш
Приглашает
6 апреля 1996 г. в 15 00
на встречу в Лектории Российского Этнографического Музея
(Инженерная ул. д. 4/1, рядом с Русским музеем)
В программе:

1. Доклад “СОВРЕМЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ИНДИИ” прочтет заведующий отделом
Клной и Юго-Восточной Азии Института Востоковедения РАН
АРОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ВАСИЛЬКОВ
2. Видеофильм “Праздничное шествие в ХРАМЕ ЗУБА БУДДЫ” /Шри Ланка/
Концерт “ П Е С Н И Ш Р И Л А Н К И ” /исполняют: С.Сенаратна,
Сагари Рандения, Камал П., Р. Матараре и другие/.

Музей музыкального и театрального искусства
(Исаакиевская пл., д.5)
приглашает
на цикл научно-художественных программ
“ЭТО ЧУДО ИНДИЯ”

Рассказывает – кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник МАЭ РАН (Кунсткамера)
Н.Г.КРАСНОДЕМЬСКАЯ.

Индийские танцы классических и народных стилей
исполняет –
КАМИНИ КУМАРИ.

23 марта 1997 г., в 12.30: Тема “Раба или богиня?”
13 апреля 1997 г., в 12.30: Тема “История царевича”
11 мая 1997 г., в 12.30: Тема “Времена султанов и
падишахов”

Справки по тел.: 314 53 94

Афиши лекций-представлений «Уроки индийской культуры». 1996–1997.

Это открытие, которое трудно было бы сделать на обычной лекции или экскурсии, заставляет думать, что нам необходима более осторожная, тонкая и специфицированная работа с посетителями наших музеев, лекций, с читателями научно-популярных изданий. Эта работа должна быть даже не просто просветительской, но, в известном смысле, и воспитательной. Просвещение необходимо сочетать с воспитанием в людях взаимопонимания и терпимости.

В.Н. МАЗУРИНА

(Государственный музей истории религии, г. Санкт-Петербург)

ЗРИМЫЕ ОБРАЗЫ НЕПАЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Первым из России в Непале, небольшом государстве у подножия Гималаев, побывал русский учёный-индолог И.П. Минаев. В 70-е гг. XIX в. он совершил своё первое путешествие в Индию. Посещение малодоступного королевства было редкой удачей и стало знаменательным событием. И.П. Минаев понимал, насколько важно изучение истории и культуры этой, на самом деле неизвестной, страны. В своих заметках, статьях, публикациях он старался изложить как можно больше сведений о Непале. В книге «Очерки Цейлона и Индии» И.П. Минаев посвятил Непалу целую главу, в которой рассказал об истории страны, многочисленных этнических группах, её населяющих, об обычаях и праздниках.

В Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого непальской коллекции (первой в нашем городе) положили начало предметы из Непала, привезённые именно И.П. Минаевым. В основном, это скульптура из металла и барельефы из глины, изображающие персонажей буддийского пантеона.

Непал оставался закрытым для исследователей вплоть до середины XX в. Только с конца 50-х гг. появилась возможность проводить этнографические исследования в этой стране для зарубежных учёных. В 1956 г. были установлены дипломатические отношения и между СССР и Непалом. В гималайское королевство поехали работать специалисты из СССР, а в нашу страну приехали учиться юноши и девушки из Непала.

Появились и некоторые, хотя и ограниченные, возможности и для обретения непальских экспонатов музеями города. Значительное пополнение непальской коллекции МАЭ произошло в 1970–1990-х гг. Это, прежде всего, предметы непальской традиционной одежды – мужской, женской и детской, головные уборы мужчин (топи), женские украшения, модели ритуальных масок. Их удалось получить благодаря помощи граждан Непала Мандиры Раджбахак, Амода Дикшита, Риты Гурунг, Шарара и Каруны Онта, Джамуны и Шамву Ачария, в те годы учившихся в Ленинграде. Многие из предметов, подаренных ими, были взяты ими с собой из дома для личного пользования, но переданы в музей. Позднее они привозили кое-что специально по заказу музейщиков.

Фрагмент экспозиции непальской выставки, приуроченной к 150-летию со дня рождения И.П. Минаева. Санкт-Петербург. Российский Этнографический музей. Январь 1990.

Непальское собрание Государственного Эрмитажа невелико по числу предметов, но содержит достаточно редкие и значительные экземпляры. Вполне вероятно, что вещи из Непала поступали уже в начале XX в. – их следует искать в составе коллекций князя Э.Э. Ухтомского и П.К. Козлова в Отделе Востока. Но известные нам предметы поступили в 70–80-е годы XX в. Среди самых интересных экспонатов следует отметить культовую индуистскую и буддийскую скульптуру, ритуальную утварь и роскошную танку – образец буддийской живописи.

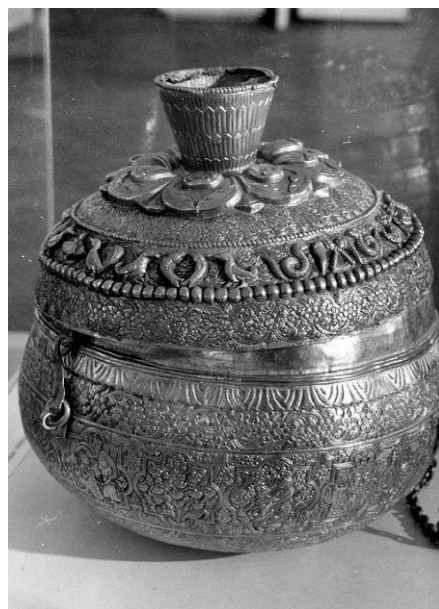
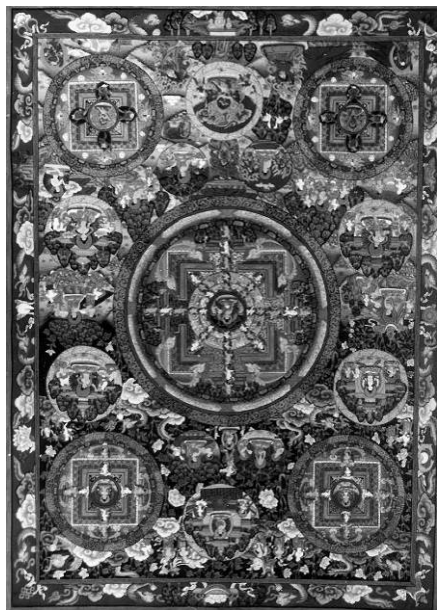
В Государственном музее истории религии непальская коллекция стала собираться нашими усилиями во второй половине XX в. Это вещи из металла, дерева, бумаги. Принадлежности индуистского и буддийского культов отражают особенности религий, которые исповедуют многочисленные этнические группы Непала. Среди интересных и уникальных предметов можно отметить средневековый ритуальный сосуд гуэбата, по всему тулову которого в технике граффити нанесены изображения людей и животных, а на дне имеется надпись с датой изготовления; бубен непальского шамана, приобретенный непосредственно у действующего жреца, который уступил своё «орудие труда», полученное ещё у наставника, в обмен на живого козлёнка, из шкурки которого он мог изготовить замену отданному в музей предмету; сомбар, доску для изготовления ритуального печенья, используемого в буддийских церемониях. Совсем недавно музеем удалось приобрести ещё ряд уникальных предметов из Непала: скульптуру грозной богини дакини, тёмного металла с инкру-

стацией опалами и бирюзой, а также храмовые напольные светильники и резные панели.

В январе 1990 г. в Ленинграде впервые была устроена выставка, посвящённая культуре и традициям Непала. Автор и организаторы приурочили её к 150-летию со дня рождения выдающегося русского индолога, зачинателя непаловедения в России И.П. Минаева. В помещении Российского Этнографического музея выставка работала в течение месяца. Экспонаты для выставки предоставили Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого, Государственный музей истории религии, Государственный музей театрального и музыкального искусства (струнный музыкальный инструмент ситар), Российская национальная библиотека (отдел рукописей, где хранятся непальские рукописи, тоже привезённые И.П. Минаевым) и частные коллекционеры. Существенную поддержку и помощь экспонатами оказала тогда и Ассоциация непальских студентов в Ленинграде.

Экспонаты непальской выставки, приуроченной к 150-летию со дня рождения И.П. Минаева. Санкт-Петербург. Российский Этнографический музей. Январь 1990.

Экспонаты непальской выставки, приуроченной к 150-летию со дня рождения И.П. Минаева. Санкт-Петербург. Российский Этнографический музей. Январь 1990.

Общий характер той выставки, скорее всего, можно назвать этнографическим. Следует отметить, что среди экспонатов было немало предметов и высокой художественной ценности, хотя некоторая скудость и одноплановость материалов всё-таки не позволяла рассказать о стране в абсолютной этнографической полноте. И, тем не менее, судя по отзывам посетителей, определённый образ страны удалось создать.

Во вводном отделе были представлены важные символы непальской духовной культуры: силуэты индуистского храма и буддийской ступы, танка с изображением бодхисаттвы Манджушри, которого почитают как покровителя Непала, ритуальный сосуд калаш и масляная лампа сукунда – обязательные атрибуты многих обрядов и ритуалов непальцев. В отдельной витрине экспонировались рукописи на санскрите и невари из минаевской коллекции РНБ.

Большой раздел был посвящён верованиям непальцев, там выставлялись предметы индуистского и буддийского культов – молитвенные флаги и мельницы, колокольчики и светильники, храмовые накидки индуистов и т. п. В особой витрине были материалы, относящиеся к культу живой богини Кумари.

Материальная культура непальцев, в основном, была представлена одеждой, украшениями разных этнических групп. На выставке демонстрировались образцы традиционных непальских ремёсел – плетения, резьбы по дереву, изделия из металла, ткани. Целью было не только представить уровень развития и оригинальные достижения в этих видах художественных ремёсел, но и расширить представления посетителей выставки об укладе жизни и бытовых привычках непальцев.

В особый отдел были выделены непальские танки (как старинные, так и современные), причём их набор показывал не только связь этого рода живописи со сходным искусством Тибета, Монголии, Китая, Бурятии, но и характерные черты именно непальской школы – прежде всего, своеобразие их колорита, преобладание розово-жёлто-красного тона. Многочисленными и разнообразными образцами было представлено искусство ксилографии (здесь были отпечатки как со старинных досок, так и с современных).

Ритуально-театральные маски (в моделях и подлинные) демонстрировали ещё один вид непальского традиционного искусства, а также иллюстрировали такой важный элемент непальской культуры, как традиционные празднества, которыми так славится эта страна.

В период экспонирования выставки в лектории музея демонстрировались кинофильмы о Непале и читались лекции. Непальские студенты с готовностью рассказывали о своей стране. Так, в один из дней работы выставки в лектории читала свои стихи студентка из Непала, отвечала на вопросы слушателей.

В настоящее время в нашем городе некоторые непальские экспонаты можно увидеть на постоянной обновлённой экспозиции «Народы Южной Азии» в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого.

В начале 1990-х гг. был создан клуб «Майтрипура» (при Дворце культуры имени Ленсовета), призванный объединить всех, кого интересовала культура стран региона Южной Азии. Студенты из Непала активно участвовали во всех его мероприятиях. Вечера, которые устраивала Ассоциация непальских студентов, как пра-

вило, проходили в апреле, когда в Непале наступает Новый год. Запомнился один из концертов, программа которого представляла песни и танцы народов Непала. Сначала девушки и юноши демонстрировали национальную одежду жителей разных районов своей страны. Пришедшие на вечер зрители увидели, как по-разному носят традиционное сари в городе и в сельских районах, на западе и на юге, а также яркие кофты и юбки жительниц восточных районов. Затем последовала музыкальная часть вечера, в которой были представлены песни и танцы разных народов Непала. Ритмичные мелодии песен и танцев населения северного Непала, мелодичные песни жителей юга страны, плавные движения девушек в ярких одеждах, исполняющих танцы под нежные мелодии песен, давали возможность непосредственно познакомиться с культурой и искусством народов Непала. Заключительной частью концерта было изображение одного из эпизодов традиционных празднеств.

Можно сказать, что в нашем городе жители уже в определённой степени приобщились к оригинальной культуре такой далекой и некогда совершенно уединённой страны, как горное гималайское царство Непал.

О.В. ГОРОВАЯ

(Государственный музей истории религии, г. Санкт-Петербург)

АНТОЛОГИЯ БУДДИЙСКИХ ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ МАДХЬЯМИКА И ЙОГАЧАРА

В небольшом собрании центрально-азиатских рукописей Государственного музея истории религии особое место занимает свод текстов на тибетском языке. Рукописная книга первоначально была описана в документах рукописного фонда как тексты Праджняпарамиты (санскр. प्रज्ञापारमिता) или Учения о совершенной мудрости. Сутры Праджняпарамиты, переписанные тибетскими ламами, традиционно оформлялись как парадные книги. Их писали на чёрной лаковой бумаге, многоцветными красками, с использованием творёного золота и серебра.

Тибетская рукопись из собрания ГМИР написана парадным уставным шрифтом на многослойной чёрнолаковой бумаге. Каждая строка текста изящно выписана серебром, киноварью, золотом и синими и зелёными красками, которые создавались художниками на основе растёртых в порошок лазурита и малахита. Каждая страница текста ограничена рамкой из творёного золота. Лицевая сторона листа имеет специальную отбивку кратким названием текста и порядковым номером листа.

Авантитул первого текста написан золотом и обрамлён узкой золотой лентой. Справа и слева от начальных строк, которыми открывается рукопись, оставлены пустые клейма. Структура оформления подобных рукописей класса Праджняпарамиты предполагает размещение на первой и последней странице рукописного блока миниатюр с изображением бодхисаттвы Манджушри, собственно Праджняпарамиты, иногда – Будды Шакьямуни на титульном листе. Завершали такие книги миниатюры с образами трёх дхармапал – охранителей буддийского Учения. В рукописи из собрания ГМИР миниатюры отсутствуют, что свидетельствует о незавершённом

ности оформления рукописи. Сверх того, на титульном листе свода рукописей отсутствует полное название книги. Тибетские мастера полное название книги обычно воспроизводили в билингве на санскрите и на тибетском языке, если тексты были переведены с санскрита.

В силу этого обстоятельства основанием для первоначального определения содержания рукописи послужила выделенная размером и цветом первая строка текста, которая была принята за название всего текста и обозначена как полный авантитул. Начальные строки на первом листе рукописи выделены твёрдым золотом. На всех последующих страницах строки иллиминированы красками различных цветов, в полном соответствии с классической схемой оформления тибетских книг. Рукопись структурирована в стиле древних санскритских книг типа «шотхи» (бабочка), продолговатые листы, оформленные как единый блок, не сброшюрованы. Две деревянные дощечки, обтянутые шафранным шёлком, представляют собой своеобразную обложку.

Рукописная книга из фондов ГМИР является собранием шести различных текстов. Из них только первый текст принадлежит собственно к классу литературы по доктрине Праджняпарамиты. Он является комментарием, или наставлением к «Абхисамаяаламкара-сутре» – сочинению главы буддийской философской школы йогачара Асанги (IV в.). Буддийские мыслители традиционно связывают возникновение этого текста с именем Асанги и, в равной степени, с именем Майтрейи. Как последователи школы мадхьямика (основатель Нагарджуна, I–II вв.), так и адепты философского направления йогачара признают сочинение Майтрейи-Асанги «Абхисамаяаламкара-сутра» основополагающим комментарием на сутры Праджняпарамиты. Таким образом, шастра, открывающая наш компендиум философских текстов, подтверждает толерантность обеих духовных систем по отношению к доктрине Праджняпарамиты.

Второй текст из рукописного свода, именуемый «Махаяна-сутраланкара-нама-карика», является самым объёмным. Сочинение занимает 20 листов, имеет полное и краткое название (тиб. Мдо-де-кьян). В колофоне карики приведены имена переводчиков с санскрита на тибетский язык – индийского пандита Шакьясимхи и тибетского лоцзавы Жучена.

«Махаяна-сутраланкара-нама-карика» – метрический комментарий на труд Майтрейи-Асанги «Махаяна-сутраланкара». Он посвящён анализу важнейших положений Махаяны: Учению о бодхисаттве и доктрине Праджняпарамиты.

Следующие далее третий и четвёртый тексты нашего сборника являются краткими метрически организованными разъяснениями о природе дхарм: небольшой текст «Дхарма-дхармата-карика», а также сочинение «Мадхьяма-тапи-бхамга-карика», развивающее идеи учения о единстве «середины и предела» в трактовке Нагарджуны.

Пятый текст, входящий в сборник рукописей из фондов ГМИР, принадлежит представителю поздней мадхьямики философу Стхирамати. В своём сочинении («Махаяна-уттара-шастра») Стхирамати исследует и комментирует элементы концепции Татхагатагарбхи. В философии позднего буддизма Индии возникает и раз-

вивается теория познания «природы Будды». Стхирамати рассматривает эту доктрину с точки зрения философа-мадхьямика. Как считают некоторые исследователи, тенденция включения доктрины Татхагатагарбхи в общий корпус философских идей буддизма, привела к синтезу духовных доктрин школы йогачара и концепции «гарбхи» (санскр. корень: «основа», «зародыш»). Следствием этого процесса стало появление субшколы, дистанцирующейся от йогачара и выступающей под самоназванием «читтаматра» (санскр.: «только мысль»).

Шестой текст компендиума невозможно идентифицировать, поскольку в своде рукописей все листы из этого текста, кроме предпоследнего. Собрание сочинений и комментариев завершает лист, на котором помещены молитвы с обращением к Будде Шакьямуни, Майтreyе, Трём Драгоценностям буддизма (Будда, Дхарма, Сангха), к двум великим Учениям и Трём телам Будды.

Краткий предварительный анализ содержания рукописного собрания сочинений буддийских философов из фондов ГМИР свидетельствует о стремлении создателей сборника подобного типа представить философскую литературу различных школ. Авторы рассматриваемых текстов принадлежат к двум основным философским направлениям буддизма Индии, автор последнего текста, Стхирамати, демонстрирует приверженность к концепциям, ведущим к дальнейшему развитию философского дискурса. Таким образом, классическая парадная рукопись является репрезентативной по своей сути и может быть охарактеризована как своеобразная антология буддийских текстов.

Е.П. ЯКОВЛЕВА, НИН БО

(Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена)

**ЛИ ТЯНЬСЯН – ВЫПУСКНИК
ЛЕНИНГРАДСКОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ И.Е. РЕПИНА
(К ВОПРОСУ О СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ)**

Традиции дореволюционной русской художественной школы в советский период российской истории нашли продолжение в творческой и учебно-педагогической деятельности Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина. Одарённую молодёжь, желающую получить высшее художественное образование, Институт привлекал своими традициями, крепкой школой, отработанной методикой преподавания, высококвалифицированным и опытным профессорско-преподавательским составом. В 1950–1980-е гг. наряду с советскими студентами и аспирантами там обучались представители других стран – ГДР, Польши, Болгарии, Вьетнама, Китая и т. д., в результате чего это головное (базовое) учебное заведение, находившееся в ведении Академии художеств СССР, стало одним из центров учебно-художественных международных связей. Обучение иностранных студентов продолжается и в настоящее время, вот только Институт

(как и город, и страна) изменил название: теперь это Санкт-Петербургский академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина Российской Академии художеств.

Помимо Института имени И.Е. Репина в историческом здании на Университетской набережной размещаются Научная библиотека и Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств. В разные годы там учились, преподавали и выставлялись многие известные отечественные и зарубежные мастера изобразительного искусства.

История русской художественной школы, непосредственно связанная с этим зданием, насчитывает два с половиной столетия. Её начало восходит к Академии «трёх знатнейших художеств», учреждённой в России в 1757 г. Последователи – учебные заведения Императорской (до 1917), советской (1930–1980-е) и Российской (с 1991) Академии художеств – сохранили преемственность развития достижений культуры прошлого и, прежде всего, русского классического искусства. Так в России сложилась регламентированная система профессиональной подготовки художников, построенная на единстве принципов методико-педагогического, художественно-пластического и идейно-эстетического традиционализма.

Основу этой системы во все периоды её развития составляло воспитание у учащихся творческого отношения к природе и её верное отображение в произведениях искусства. Постигание профессионального мастерства достигалось за счёт опоры на природу, развития композиционного мышления, повышенного внимания к рисунку и колориту и, что важно, ориентира на мировую классику. Обязательным всегда было копирование с оригиналов, позволявшее осваивать технику и приёмы старых мастеров. Академическая система учила будущих художников воплощать в произведениях изобразительного искусства авторский замысел, подчиняя ему выразительные средства. Всё вкуче было нацелено на достижение гармонии содержания и формы.

Российская система художественного образования всегда была нацелена на воспитание в учащемся творческой индивидуальности. Несмотря на различные художественные течения, меняющиеся в изобразительном искусстве, и реформы самой Академии, школа неизменно базировалась на преемственности профессиональной художественной традиции, и в этом заключается её уникальность¹.

История российского художественного образования состоит из нескольких основных периодов. Один из них – советский – длился свыше семидесяти лет. Как никакой другой он был окрашен партийной идеологией, что находило отражение в учебных планах, включающих соответствующие дисциплины (курсы лекций по истории КПСС, основам марксистско-ленинской философии и эстетики), в выставочной деятельности, в тематике и образном решении создаваемых произведений. По существу, единственным творческим методом являлся метод так называемого социалистического реализма, главный принцип которого, по определению тех лет, заключался в «исторически конкретном изображении действительности в её революционном развитии». Политика государства в области литературы и искусства была направлена в сторону «коммунистического» или, иначе, «идейно-эстетического воспитания масс». То же самое характеризовало и политику образовавшейся в 1949 г.

Китайской Народной Республики. Не случайно уже в начале 1950-х гг. КНР направила на учёбу в СССР первых студентов. Все они являлись членами Компартии Китая, все могли изъясняться по-русски, поскольку изучали язык на родине, а некоторые даже окончили Институт русского языка в Пекине.

Отметим, что первые китайско-советские культурные организации возникли в Китае ещё в 1936 г., а после провозглашения КНР 1 октября 1949 г. в Пекине было создано всекитайское общество китайско-советской дружбы во главе с Лю Шаоцы. Основная цель общества заключалась в развитии и укреплении дружбы и сотрудничества между КНР и СССР. К середине 1953 г. общество насчитывало без малого 70 млн. человек и 200 организаций. Одной из наиболее популярных форм его деятельности стала организация школ и курсов по изучению русского языка. Члены общества устраивали лекции под лозунгами «Крепи китайско-советскую дружбу!» и «Учись у Советского Союза!». В Китае выходила газета «Китайско-советская дружба». Такая активность и масштабы вполне объяснимы, ведь КНР и СССР имели близкие цели, в том числе создание «социалистической нации нового типа». Для этого обеим странам требовались идеологические рычаги, которыми и должны были стать произведения искусства, а это значит, оба государства нуждались в людях творческих профессий.

В 1950-е гг. на живописном, графическом и скульптурном факультетах Института имени И.Е. Репина обучалось не менее двадцати представителей КНР. В 1959–1962 гг. и, после перерыва, в 1966 г. только на живописном факультете защитили дипломные работы тринадцать китайских студентов. На протяжении шести лет они учились в Институте наряду с советскими студентами, правда, получали в отличие от них повышенную стипендию – 500 рублей в месяц без взимания платы за обучение. Жили китайские студенты в институтских общежитиях. По завершении учебного года выезжали на летнюю практику в разные регионы СССР и на родину. Там, соприкасаясь с жизнью и природой, изучали архитектурные и исторические памятники, много рисовали и писали красками. Работая на «живой» природе, закрепляли навыки, полученные в Институте. По справедливому замечанию профессора Б.С. Угарова, впечатления, полученные студентами во время летней практики, не могли не оставить глубокого следа «на всём формировании их и как художников, и как граждан»². Возвращаясь к занятиям в Институте, студенты обязательно отчитывались летними работами – картинами, эскизами, этюдами – на ежегодных выставках в академических залах.

Китайские студенты не только усиленно занимались, но и отдыхали – в домах отдыха, на Академических дачах в Крыму и Тверском крае. Они специально ездили в Москву, чтобы посмотреть павильоны ВДНХ, художественные музеи и выставки, в том числе интереснейшую выставку произведений Дрезденской галереи. В Москве общались со студентами второго академического вуза – Московского художественного института имени В.И. Сурикова.

На факультете живописи Института имени И.Е. Репина китайские студенты занимались в мастерских станковой, монументальной и театрально-декорационной живописи под руководством профессоров В.М. Орешникова, Б.М. Иогансона,

М.П. Бобышова, А.Д. Зайцева, Ю.М. Непринцева, А.А. Мыльникова, Е.Е. Моисеенко и В.В. Соколова.

Первого китайского студента взял под своё руководство Виктор Михайлович Орешников (1904–1987). Выпускник ленинградского ВХУТЕИНа (так назывался Институт имени И.Е. Репина в 1925–1930 гг.), аспирант И.И. Бродского – любимого ученика И.Е. Репина, Орешников начал преподавательскую деятельность в институте в 1930 г., а учебную мастерскую фактически возглавил в середине 1940-х гг., когда она ещё числилась за И.Э. Грабарём – известным живописцем и историком искусства, но поскольку тот жил в Москве и посещал мастерскую эпизодически, её руководство в 1947 г. полностью перешло к Орешникову. На протяжении сорока лет Виктор Михайлович оставался её бессменным руководителем. За эти годы написал немало живописных полотен – сюжетных композиций, портретов, пейзажей. За картину «В.И. Ульянов (Ленин) на экзамене в Петербургском университете» в 1947 г. был удостоен Государственной премии. Параллельно с руководством персональной мастерской и творческой работой живописца четверть века Орешников являлся ректором Института имени И.Е. Репина (1952–1977). По мнению современников, это был период наиболее стабильного и плодотворного развития российской школы реалистического искусства.

Следует подчеркнуть, что Орешников был убеждённым сторонником реализма в изобразительном искусстве. Он считал, что искусство изображения непременно должно быть реалистическим, а живопись, то есть писание живого, не может существовать без любования реальной жизнью. Именно поэтому школа, по Орешникову, должна основываться на изучении реальной жизни.

Виктор Михайлович много сил отдавал педагогической работе. Среди его учеников немало известных художников, в их числе Б.С. Угаров и П.Т. Фомин – народные художники СССР, академики, после Орешникова сменившие один другого ректоры Института имени И.Е. Репина. Первым из четырёх китайских студентов, выполнявших дипломные работы под руководством профессора Орешникова, стал двадцатипятилетний Ли Тяньсян (род. 1928).

До зачисления в Институт имени И.Е. Репина в 1953 г. Ли Тяньсян уже имел художественное образование: в 1950 г. он окончил Академию изобразительных искусств в Пекине. В Институте учился успешно, на четвёртом курсе даже получил благодарность за высокую успеваемость и отличную дисциплину. Как все студенты, Ли Тяньсян проходил летнюю практику: после первого курса – двухмесячную в Лужском районе Ленинградской области, после второго – на родине, после третьего – в Подмоскowie, после четвертого – в Иркутской области. Материал для дипломной работы собирал на родине, в Китае, куда отправился на несколько месяцев летом 1958 г.

Ли Тяньсян в 1953 г.

Темой диплома Ли Тяньсян избрал жанровую композицию на тему из жизни современного Китая – «Дети в библиотеке в утренние часы». Впоследствии картина получила название «Юные читатели». Жанровая тематика привлекала студента с первых курсов института: в декабре 1954 г. он с интересом делал зарисовки на территории Московского вокзала в Ленинграде. Профессор Орешников признавался, что «всегда испытывал искреннюю радость и удовлетворение» от работы своего ученика.

26 июня 1959 г. дипломную работу Ли Тяньсяна – картину «Юные читатели» – принимала Государственная экзаменационная комиссия под председательством академика Я.Э. Ромаса. На картине, исполненной масляными красками на вытянутом по горизонтали холсте, панорамно были изображены маленькие дети, читающие книги и слушающие чтение. Поясняя свой замысел, автор сказал, что во время пребывания на родине наблюдал, как дети увлечённо читают и рассматривают книги, вспомнил и свои детские ощущения. В картине он стремился передать это состояние юных читателей и окружающую их «радостную атмосферу». Кроме того, по словам Ли Тяньсяна, ему хотелось соединить в работе знания, полученные в Институте имени И.Е. Репина, с традициями национального китайского искусства.

Отметим, что станковая масляная живопись, в технике которой написана картина, появилась в Китае лишь в начале XX в., в то время как живопись на шёлке и бумаге в форме свитков – горизонтальных для рассматривания на столе и вертикальных для украшения стен – широко распространялась уже с IV в. В эпоху Китайской Народной Республики, как уже было сказано, всё искусство было пропитано партийной идеологией, а художники работали исключительно в русле реализма. При этом они опирались как на национальные традиции, так и на опыт советского искусства. В результате в их произведениях получали преимущественное отражение борьба и «трудовые подвиги» китайских рабочих и крестьян и обязательно образы вождей и героев революции.

Представляя своего дипломника экзаменационной комиссии, профессор Орешников заметил, что тот, осваивая «нашу культуру в стенах Института и успешно овладевая ею», сумел сохранить «своё национальное своеобразие и как-то сгармонизировать полученные им знания с той национальной народной изобразительной культурой, которую он прочно в себе несёт»³. Руководитель счёл удачным и замысел картины, и его воплощение. Ему показались интересными полные «удивительного очарования» детские образы, представленные в «музыкально-ритмическом ряду». Одобрил профессор и живописно-цветовое решение холста – гамму «красных, розовых, сиренево-розовых пятен в контрасте с голубым и зелёным цветами». «Всё это решено очень гармонично и красиво», – заключил он, но при этом отметил «некоторое однообразие чёрных пятен», которые «могли бы быть несколько живее», однако тут же поправил себя, сказав, что «эти чёрные пятна, ритмически располагаясь по всему холсту, очень подчёркивают тонкость цветовой гармонии всего полотна».

Рецензировавшая дипломную работу искусствовед Э.А. Пименова обратила внимание на то, что автору хотелось показать в картине «то прекрасное и замечательное, что характерно для сегодняшнего Китая», а именно то, что в деревнях появились библиотеки, и туда потянулись читатели – взрослые и дети. По мнению ре-

Ли Тяньсян. Юные читатели. 1959.

цензента, Ли Тяньсяну удалось «создать убедительный и интересный групповой портрет детишек», «глубоко и тонко раскрыть характер и особенности каждого из них», точно передать их «непосредственность и детское обаяние». Анализируя каждого из персонажей, искусствовед особо выделила девочку в сиреновом – фантазёрку и рассказчицу, вокруг которой собрались малыши. Интересно решён, по её словам, и «образ мальчика, стоящего на коленях» – подвижного и, может быть, даже «хулиганистого». Вслед за руководителем рецензент повторила, что Ли Тяньсян «использовал в своей работе не только знания, полученные за годы учёбы, но и традиции национальной китайской живописи». Так, «декоративность, удлинённость композиции, её стройный ритм, сочетание звучных красочных пятен – всё это по своему характеру очень близко народному китайскому лубку».

Отметим, что искусство лубочной народной картины, известное в Китае с IX в., стало одним из наиболее востребованных в искусстве КНР 1950-х гг., поскольку оно отличалось простым и ярким художественным языком и тематически могло охватывать разные стороны современной жизни, наполняя их «высокой идейностью».

Выражению основной мысли Ли Тяньсяна, по словам Пименовой, способствовали также «мажорный, жизнеутверждающий колорит» и гармония цвета, ритма и силуэта. По мнению рецензента, «для данного решения» автор удачно нашёл «специфическую манеру прорисовки всей вещи». В самом деле, Ли Тяньсяну удалось уловить характерность каждого ребёнка и передать типическое в их поведении. Построение картины свидетельствует о хорошем знании автором национальной традиции и советской реалистической живописи. Наличествующие в картине элементы художественного языка лубка нашли выражение в увлекательности и доходчивости её содержания, чёткости и остроте контура и яркости колорита.

В целом высоко оценив дипломную работу, Пименова высказала три замечания автору «для дальнейшей его работы». Первое касалось утраченной меры условности (в отличие от всей композиции) «в решении голов – как в рисунке, так и в живописи». Второе замечание состояло в том, что «все лица написаны одним цветом» – одни чуть темнее, другие – светлее, хотя «одни могли бы быть золотистее, другие – более зеленоватыми и т. д.». Третье замечание заключалось в том, что «при тонкости и изяществе общего построения картины» красочный слой остался всё же грубоватым, он не стал «драгоценным». Однако «острота восприятия виденного, искренность, правдивость художника», по мнению рецензента, дают основание «считать

картину Ли Тяньсяна очень интересной, а его – несомненно заслуживающим присвоения звания художника с отличной оценкой».

Развивая мысль Э.А. Пименовой об условности, профессор И.А. Серебряный, заметил, что если «молодой художник обращается к условности совершенно сознательно», то это «лучший путь, потому что сама природа живописи на плоском холсте условна, без каких-то условностей трудно обойтись». Но если эта условность эклектичная, то она «не помогает, а мешает восприятию вещи». В картине Ли Тяньсяна «условность, идущая от вековой китайской традиции – от традиции го-хуа, превосходно обостряет образы детей». По словам профессора, «на этих ребяташек» нельзя смотреть без улыбки, и ему особенно дорого то, что «их очарование передано языком живописца».

Иосиф Александрович подчеркнул, что знания, полученные китайскими студентами «от нашей школы», «не прошли мимо, но, в то же время, они не явились ущербом для национальной формы». Профессор назвал «чудесным качеством» то, что, выходя на самостоятельный творческий путь, свои первые шаги молодой художник сделал, опираясь на национальные традиции. «Вещь несёт в себе столько очарования, что я не вижу в ней недостатков, – продолжал Серебряный. – Представить себе иную трактовку формы я просто не могу». Профессор подчеркнул, что он убеждён в том, что у себя на родине Ли Тяньсян «будет высоко держать честь национальной китайской живописи».

Выступивший вслед за И.А. Серебряным молодой профессор кафедры живописи А.А. Мыльников сказал, что, глядя на картину Ли Тяньсяна, он вспомнил собственные впечатления: во время пребывания в КНР он видел «обаятельных и прелестных китайских детей», заинтересованно и аккуратно рассматривавших книжки в книжных магазинах.

Возвращаясь к мысли о том, что «в этой вещи чувствуются традиции китайской живописи го-хуа», профессор высказал предположение, что «новые пути масляной живописи должны столкнуться с великими традициями китайской живописи го-хуа» и с «живущими традициями народного китайского искусства – китайским лубком», элементы которого присутствуют в картине Ли Тяньсяна. Размышляя, Мыльников пришёл к выводу о том, что «связь нового со старыми китайскими традициями есть тот путь, которым и должно идти китайское искусство». В этом отношении «работа Ли Тяньсяна прокладывает новые пути искусства Китая».

Характер обсуждения дипломной работы китайского студента показателен для русской художественной школы, каковой и в советский период оставались академические институты. Несмотря на идейную направленность или, иначе говоря, партийность, пронизывающую изобразительное искусство и художественное образование СССР и КНР 1950-х гг., никто из преподавателей, присутствовавших на государственном экзамене, не касался этой темы в своём выступлении. Каждый говорил исключительно о профессионализме, о национальных традициях и общечеловеческих ценностях, а это главное, что дошло до наших дней из канувшего в Лету советского и китайского социализма.

26 июня 1959 г. Ли Тяньсян получил диплом с отличием, свидетельствующий об окончании Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина АХ СССР по специальности «живопись». Предсказание профессора Орешникова о том, что Ли Тяньсян «сделает хороший вклад в изобразительное искусство нового Китая», сбылось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о феномене художественной школы см.: *Бабияк В.В.* Феномен художественной школы (к постановке проблемы) // *Культурологические исследования* '03: Сб. науч. тр. / Науч. ред. Г.К. Щедрина. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – С. 478–484.

² Цит по: *Яковлева Е.* Познавая белый свет... // *Смена*. – Л., 1985. – 16 марта.

³ Здесь и далее – ссылки на стенограмму заседания Государственной экзаменационной комиссии Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина от 26 июня 1959 г. из НБА РАХ. Авторы выражают глубокую признательность директору НБА РАХ С.Б. Алексеевой и научным сотрудникам архива, позволившим ознакомиться с материалами.

3. ИСТОРИЯ НАУКИ

И.Ф. ПОПОВА

(Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской Академии наук)

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Регионоведение¹ Центральной Азии является тем научным направлением, в котором Россия занимает до сих пор лидирующее положение в мире.

Первым русским учёным исследователем Центральной, Средней и Восточной Азии был выдающийся китаевед Никита Яковлевич Бичурин (отец Иакинф, 1777—1853)², который стал фактически предтечей актуальной современной дисциплины – геополитики. Н.Я. Бичурин осознавал значение взаимной зависимости народов и государств, а также действие исторических факторов в формировании регионально-пространственной картины Средней Азии, Центральной Азии и Дальнего Востока.

В трудах Н.Я. Бичурин впервые достижения европейской, прежде всего российской, науки были обогащены достижениями науки китайской. Всесторонне проработав важнейшие произведения китайской историографии, которая является поистине «золотым вкладом» Китая в развитие мировой духовной культуры, Н.Я. Бичурин в своих работах оценивал и объяснял реальность, основываясь всегда на колоссальном по объёму фактическом материале. Он полагал недопустимым подгонять факты к избранной заранее концепции и, не охватив в своих работах все возможные источники, никогда не переходил к аналитической части исследования. Максимально полный охват материала и непреложность факта на протяжении многих веков оставались главными принципами китайской историографии. Традиционной русской исторической науке, процветавшей в XVIII–XIX вв. и выросшей из летописей и житийных сочинений, было свойственно такое же отношение к факту. В то же время в отечественной исторической науке весьма сильным было философское начало, находившее выражение в обилии обобщающих теорий и многосложных посылок. Н.Я. Бичурину, который задавался вопросами о смысле и методах исторического познания, удалось соединить практическую мудрость и виртуозную мыслительную технику китайского историописания с западной широкой сопоставительной исследовательской манерой. При этом он был первым западным учёным, осознавшим подлинное значение гуманитарной китайской науки и признавшим её наряду с западной. До Н.Я. Бичурин в европоцентристской западной науке существовала, как он сам критически отмечал, «упоительная мечта, что с европейским просвещением сопряжено какое-то высшее знание вещей»³.

В 1848 г. Академия наук поручает Н.Я. Бичурину написать труд по истории народов Средней Азии. В результате было создано фундаментальное сочинение в трёх томах «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», впервые опубликованное в 1851 г. Основано оно было на переводах китайских источников, которые ранее никогда не были представлены западным читателям, не

владеющим китайским языком. На основе работ Н.Я. Бичурина в XIX – первой половине XX в. были написаны «крупные синтезирующие труды» по истории, исторической географии и этнографии Центральной и Средней Азии. Их авторами были выдающиеся исследователи, чьи имена составляют гордость российской и мировой науки: Василий Васильевич Григорьев (1816–1881), Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (1860–1936), Василий Владимирович Бартольд (1869–1930).

Центрально-азиатское направление исследований всегда было одним из приоритетных в нашей стране. Правительство России организовало географические экспедиции в Уссурийский край, Монголию и Китай, которые возглавлялись во второй половине XIX в. Николаем Михайловичем Пржевальским (1839–1888) и в 1906–1907 гг. бароном Карлом Густавом Маннергеймом (1867–1951). В разное время регион посетили археологические и этнографические экспедиции братьев М.М. и Н.М. Березовских, Дмитрия Александровича Клеменца (1848–1914), Василия Васильевича Радлова (1837–1918), Сергея Ефимовича Малова (1880–1957). Выдающиеся результаты принесли комплексные экспедиции Петра Кузьмича Козлова (1863–1935), открывшего в 1907–1909 гг. в пустыне Гоби остатки мёртвого тангутского города Хара-Хото.

В заметке о результатах путешествия Н.М. Пржевальского в южную часть Таримского бассейна (между Черченем и Хотаном) Иван Павлович Минаев (1840–1890) высказался о необходимости снаряжения обстоятельной археологической экспедиции в Восточный Туркестан. Большой вклад в научное освоение региона внёс генеральный консул в Кашгаре Николай Фёдорович Петровский (1837–1908), который активно занимался коллекционированием рукописей, предметов искусства, покупая их у местного населения, а также проводил археологические экспедиции. Собирательской деятельностью этого русского дипломата был охвачен район, лежащий к западу от Кучи и Хотана, вплоть до Кашгара, а также «треугольник, лежащий между Кашгаром, Хотаном и Лехом»⁴.

В 1898 г. Восточно-Сибирским отделом Императорского Русского Географического общества была направлена экспедиция в Индию и Восточный Туркестан под началом Д.А. Клеменца, ознаменовавшаяся сенсационными в научном отношении открытиями. На XII Международном конгрессе востоковедов в Риме в 1900 г. академики В.В. Радлов и Сергей Фёдорович Ольденбург (1863–1934) сделали сообщение об обнаруженных этой экспедицией в Турфане древнеуйгурских и рунических памятниках, а также предметах искусства. В результате была основана Международная ассоциация по изучению Средней и Восточной Азии, задачей которой было исследование этих регионов в географическом, этнографическом и археологическом отношении. Во главе этой ассоциации стал Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, состоявший под покровительством Российского императора. Председателем этого комитета был В.В. Радлов, а товарищем председателя (вице-президентом) С.Ф. Ольденбург. Задачей комитета была организация и содействие русским и иностранным экспедициям⁵. Русский комитет находился в ведении Министерства иностранных дел, имел право направлять своих представителей в места, где ведутся исследования, организовывать экспедиции, издавать бюллетени на рус-

ском и французском языках. Своей главной задачей для изучения Средней и Восточной Азии Русский комитет ставил: «...отправление экспедиций для изучения тех памятников культуры и древнейших народов Азии, которые могут пролить свет на древнейшие культурные связи между различными великими цивилизациями, и содействие всем международным экспедициям»⁶.

В 1900 г. Николай Иванович Веселовский (1848–1918), Д.А. Клеменц и С.Ф. Ольденбург представили на рассмотрение Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества «Записку о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима»⁷. В «Записке» учёные отмечали: «Изучение Таримского бассейна, можно сказать даже открытие его для науки, составляет бесспорную заслугу русских исследователей. Труды Регеля, Пржевальского и его спутников, братьев Грумм-Гржимайло, Певцова и Богдановича, Обручева, Петровского, последней экспедиции Академии наук, в сумме далеко превышают то, что сделано в этой области иностранцами; несмотря на то, что труды экспедиций Форсайта, графа Сечени, Юнгхёсбанда и Дютрейль де-Ренса не таковы, чтобы с ними легко было конкурировать»⁸. Экономическое и торговое развитие региона, в частности, распространение земледелия повлечёт за собой, как указывали авторы «Записки», «беспощадное истребление памятников прошлого: штукатурка стен пойдёт на удобрение полей, здания будут разбираться на постройку жилищ»⁹.

Особо хотелось бы сказать несколько слов о выдающемся исследователе С.Ф. Ольденбурге, который был первым директором Института востоковедения, образованного в Ленинграде на основе Азиатского музея в 1930 г. Будучи по своей первой специальности индологом, С.Ф. Ольденбург выдвинул регионоведческую теорию Сериндии (Новой Индии) – обширного региона, который он определял по общему культурно-религиозному типологическому принципу, а именно – бытованию в нём разновидности буддизма, так называемого *северного буддизма*. В своих научных трудах С.Ф. Ольденбург указывал, что в Сериндии, т. е. в обширном регионе Центральной и Восточной Азии, включая Тибет, Монголию и территорию Северного Китая, так называемый Китайский Туркестан, Синьцзян, на основе северного варианта буддийской религии, пришедшей из Индии, развивалась своя самобытная культура, наука, литература, искусство и техника. Комплексное изучение Сериндии было научной целью археологических экспедиций С.Ф. Ольденбурга 1909–1910 и 1914–1915 гг. Они получили название Русских Туркестанских экспедиций.

Материалы, которые он приобрёл во время этих экспедиций, хранятся сейчас в Государственном Эрмитаже и Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН. Хотелось бы особо упомянуть наличие обширного архива этих экспедиций, так как метод С.Ф. Ольденбурга заключался в том, чтобы при археологическом исследовании пользоваться главным образом точными и ясными фотографическими снимками и хорошо составленными планами. С этой целью в состав его экспедиций всегда входили первоклассные фотографы-художники и инженеры-топографы. В первой экспедиции С.Ф. Ольденбурга работали художник и фотограф Самуил Мартынович Дудин и горный инженер Дмитрий Арсеньевич Смирнов.

В 1909–1911 и в 1913–1914 гг. состоялись поездки С.Е. Малова в Восточный Туркестан и Центральный Китай для изучения языка и быта тюркских народов – уйгуров, жёлтых уйгуров, лобнорцев и саларов. В результате языкам этих народностей Китая было впервые дано научное описание.

Исследования С.Ф. Ольденбурга в 1914–1915 гг. стали последней крупной экспедицией с участием русских учёных-востоковедов в Китае. Больше таковых не проводилось, хотя известно, что после образования Китайской Народной Республики Академия наук СССР, Отделение литературы и языка АН СССР и Институт востоковедения предлагали осуществить комплексную историко-лингвистическую экспедицию в Синьцзян. В плане экспедиций и конференций АН СССР на 1951–1955 гг. руководителями этой экспедиции с советской стороны значились: академик Алексей Павлович Окладников (1908–1981), член-корреспондент АН СССР Сергей Ефимович Малов (1880–1957), профессор Алексей Петрович Баранников (1890–1952). Общая продолжительность экспедиции должна была составить 8 месяцев (3 полевых сезона), в неё планировалось включить 10 научных сотрудников и 5 вспомогательных работников. Цели экспедиции были обозначены следующим образом: «Археологическое исследование, сбор письменных памятников и лингвистическое изучение районов Турфана, Хами и Хотана. <...> Данная экспедиция связана с целью продолжения археологических и лингвистических работ, начатых русскими учёными в Синьцзяне по истории и истории культуры народов Средней и Центральной Азии. Экспедиции проводились Академией наук (ак[адемиком] С.Ф. Ольденбургом, проф[ессором] С.Е. Маловым и др.) в 1909–1915 гг. <...> В 1951 г. проводится подготовка к экспедиции. В 1952 г. два отряда экспедиции (Турфанский и Хотанский) начинают комплексное изучение указанных районов. В 1953–1954 гг. экспедиции будут продолжать начатые работы»¹⁰.

Планы научного экспедиционного сотрудничества СССР с Китаем в Синьцзяне так и не воплотились в жизнь. Но наука в обеих странах, естественно, не осталась стоять на месте, о чём, в частности, свидетельствует бурное развитие российской (советской) и китайской археологии за последние пятьдесят лет.

В СССР в 1969 г. была создана Советско-Монгольская комплексная историко-культурная экспедиция. Организатором и долгое время (1969–1981) научным руководителем экспедиции был А.П. Окладников. За время работы было исследовано огромное число памятников каменного, бронзового и железного веков, открыты новые уникальные памятники средневековой кочевой культуры, древнетюркской рунической письменности, материалы антропологического и этнографического характера. Значительный фактический материал уже введён и продолжает вводиться в научный оборот¹¹. Особую ценность представляют результаты российских археологов по истории кочевых народов; за последние годы был опубликован целый ряд обобщающих трудов пономадоведению, дополнен и уточнён ряд сложившихся представлений по политической и этнической истории Центральной Азии, разработана периодизация культур средневековых кочевников для обширных районов Южной Сибири, Центральной Азии, северного Китая.

В 1940–1990 гг. на территории всего бывшего Советского Союза бурное развитие получила городская археология. В 1947 г. Артемий Владимирович Арциховский (1902–1978) писал: «...Мощные древние напластования среднеазиатских городов пугают сложностью и трудностью раскопок»¹². Тем не менее, именно в сфере городской археологии были получены значительные результаты. Весьма эффективными были раскопки древнего согдийского города Пенджикента (Таджикистан), комплекса с укрепленными стенами, дворцом правителя, жилыми кварталами. Систематическое изучение Пенджикента начато в 1946 г. Александром Юрьевичем Якубовским (1886–1953), продолжено Михаилом Михайловичем Дьяконовым (1907–1954), Александром Марковичем Беленицким (1904–1993) и Борисом Ильичём Маршаком (1933–2006). Сергей Владимирович Киселёв (1905–1962) исследовал в Забайкалье в 1957–1961 гг. Кондуйский дворец, город Хирира и др.; его изыскания подтвердили существование древнемонгольских городов.

Проведение крупномасштабных археологических и историко-лингвистических исследований российскими учёными на большой территории Центральной и Средней Азии, значительный количественный рост научного материала вывели на новый уровень обобщения ряд важнейших исторических проблем, в частности, вопрос о межкультурном и межцивилизационном взаимодействии в регионе. В исследовании этой актуальнейшей проблемы также возможно объединение усилий китайских и российских исследователей. В Центральной Азии было обнаружено много материала, имеющего китайское происхождение, и одновременно в Китае были обнаружены источники центрально-азиатского и ближневосточного происхождения.

На настоящем этапе явно назрела необходимость объединения комплексных экспедиционных археологических и историко-лингвистических исследований, а также дальнейшего совместного изучения и опубликования полученных материалов российскими и китайскими учёными. Такой подход даёт возможность широкого практического восприятия и развития обеими сторонами уникальных достижений и методологии своих научных школ.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Археология, этнография и антропология Монголии*: [Сб. статей] / Отв. ред. А.П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. – Новосибирск: Наука, 1987. – 257 с.
2. Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1089, индекс № 212.
3. *Арциховский А.В.* Введение в археологию. – 3-е изд. – М., 1947. – 219 с.
4. [Бичурин Н.Я.] *Иакинф, о.* Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена // *Москвитянин*. – Учёно-литературный журнал. – 1851. – № 1. – Ч. 2.
5. *Веселовский Н.И., Клеменц Д.А., Ольденбург С.Ф.* Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима // *Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества*. – Т. 13. – Вып. 1. – СПб., 1901. – С. IX–XVIII.
6. *Васильевский Р.С., Волков В.В.* Некоторые итоги работ Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции // *Древние культуры Монголии*. – Новосибирск, 1985. – С. 6–12.
7. *Назирова Н.Н.* Центральная Азия в дореволюционном русском востоковедении (деятельность Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии). – Автореферат диссертации ... канд. исторических наук. – М., 1984.

8. Мясников В.С. Валаамская ссылка Н.Я. Бичурина // *Проблемы Дальнего Востока*. – 1985. – № 1. – С. 115–121. – № 2. – С. 131–138.
9. Мясников В.С. Избрание Н.Я. Бичурина в Академию наук // *Проблемы Дальнего Востока*. – 1996. – № 5. – С. 124–132.
10. Мясников В.С. Творческое наследие Н.Я. Бичурина и современность // *Проблемы Дальнего Востока*. – 1977. – № 3. – С. 168–177.
11. Ольденбург С.Ф. Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 года, снаряжённая по Высочайшему повелению... Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии: Краткий предварительный отчёт. – СПб.: Имп. АН, 1914. – VIII, 88 с.
12. *Регионоведение* / Под. ред. Т.Г. Морозовой. – М., 1998.
13. Щербатской Ф.И. С.Ф. Ольденбург как индианист // *Академик С.Ф. Ольденбург. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932: [Речи в заседании Академии наук 1 февраля 1933 г., посвящённом чествованию акад. С.Ф. Ольденбурга]*. – Л., 1934. – С. 15–23.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под регионоведением мы понимаем всестороннее изучение обширных географических районов, так, как его определяла традиционная российская наука, считавшая регионоведением (краеведением) сложный комплекс естественнонаучных и общественных исследований об определённом регионе.

² О значении научных достижений и деятельности Н.Я. Бичурина см. работы В.С. Мясникова, указанные в списке литературы в конце статьи.

³ [Бичурин Н.Я.] Иакинф, о. Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена // *Москвитянин*. – Учёно-литературный журнал. – 1851. – № 1. – Ч. 2. – С. 182.

⁴ Веселовский Н.И., Клеменц Д.А., Ольденбург С.Ф. Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима // *Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества* (далее – ЗВОИРАО). – Т. XIII. – Вып. 1. – СПб., 1901. – С. XII.

⁵ Впоследствии Ф.И. Щербатской писал: «Во главе предполагавшейся русской экспедиции должен был стать С.Ф. [Ольденбург]. К сожалению, тогдашнее правительство не нашло возможным сразу же ассигновать средства на осуществление этой русской экспедиции, между тем как экспедиции английская, французская, три германских и несколько японских одна за другой избородили Сериндию вдоль и поперёк. Результатом этого было то, что когда, наконец, явилась на место русская экспедиция, значительная часть древностей оказалась увезённой в разные музеи Европы и Японии, а много памятников оказались просто разрушенными при попытке снятия их с места для перевозки. С.Ф. [Ольденбург] не был никогда сторонником такого научного грабежа. Он справедливо полагал, что памятники надо изучать, а не увозить» (*Щербатской Ф.И. С.Ф. Ольденбург как индианист // Академик С.Ф. Ольденбург. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932: [Речи в заседании Академии наук 1 февраля 1933 г., посвящённом чествованию акад. С.Ф. Ольденбурга]*. – Л., 1934. – С. 22).

⁶ Назирова Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном русском востоковедении (деятельность Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии). – Автореферат диссертации ... канд. исторических наук. – М., 1984. – С. 6.

⁷ Веселовский Н.И., Клеменц Д.А., Ольденбург С.Ф. Указ. соч. – С. IX–XVIII.

⁸ Там же. – С. XI.

⁹ Разъясняя эту ситуацию, авторы «Записки» указывали: «И теперь мы видим уже, что целый ряд памятников исчез для науки безвозвратно. В Турфане местные обитатели познали опытом, что штукатурка древних пещер, в истолчённом виде, представляет прекрасное удобрение. Целый ряд пещер и храмов теперь уже ободраны. Отдельные лоскутки сохранившейся штукатурки дают понять, что здесь погибли целые сокровища древней живописи и письменности» (*Там же*. – С. X–XI).

¹⁰ Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1089, индекс № 212, л. 136–137.

¹¹ *Археология, этнография и антропология Монголии* / Отв. ред. А.П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. – Новосибирск, 1987. – С. 3, 6–12.

¹² *Арциховский А.В.* Введение в археологию. – 3-е изд. – М., 1947. – С. 131.

А.М. РЕШЕТОВ

*(Музей антропологии и этнографии
имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург)*

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ И ЕЁ РОЛЬ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ

История деятельности Русской Православной Духовной миссии в Китае, её исключительная роль в установлении диалога культур России и Китая продолжает привлекать пристальное внимание исследователей¹. Как известно, в 1713 г. Пётр I по просьбе албазинцев принял решение отправить в Китай по согласованию с китайским правительством первую официальную Русскую Духовную миссию во главе с архимандритом Илларионом (Лежайским). В вопросе о времени прибытия миссии в Пекин существуют две точки зрения: одни авторы утверждают, что это событие произошло в 1715 г., другие – в 1716 г. Однако это разночтение имеет сугубо историографический интерес. Здесь хотелось бы подчеркнуть другое важное свидетельство, которое, как представляется, имеет весьма существенное значение в общем контексте разносторонних контактов между российскими и китайскими народами. Несомненно, что уже в XVII в. определённым образом между Россией и Китаем сложились торговые и культурные отношения². Это подтверждается фактами. Так, название гладкой хлопчатобумажной ткани разных цветов – *китайка* – впервые упоминается в документах и актах в середине XVI в.³ Известно, что в гардеробе Петра I были одежды, сшитые из китайских тканей. О том, что в XVIII в. китайкой торговали уже на Камчатке, сообщает в своём сочинении российский этнограф, натуралист, академик Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге Иван Иванович (Иоаганн Готлиб) Георги⁴. Особого рассмотрения заслуживают ранние этапы распространения чая в России. Учёные лингвисты сходятся во мнении, что с чаем как напитком и лекарством на Руси были широко знакомы уже в середине XVII в.⁵ Историки свидетельствуют, что в 1638 г. Московскому царю в подарок от монгольского алтын-хана было доставлено четыре пуда чая. Новый напиток произвёл благоприятное впечатление⁶.

Вполне вероятно, что тогда в этом процессе установления и развития торговых отношений активность проявляли представители малых народов России, жившие на восточных и среднеазиатских окраинах государства. В свою очередь, Россия была заинтересована в торговле российскими товарами в Китае. Об этом существует немало свидетельств. Царское правительство не только видело в лице членов Духовной миссии в Китае своих своеобразных дипломатических представителей, но и

торговых агентов. Яркими документами, подтверждающими это положение, являются, например, наставления, данные приставу 12-й миссии в Китае (1840–1849) Н.И. Любимову Министерством иностранных дел России. Помимо обследования общего политического состояния Китайской империи, в особом отделе инструкции под названием «По политической части и по предметам торговли» настоятельно рекомендовалось установить, «есть ли возможность расширить круг действий нашей торговли с Китаем и какие ближайшие и вернейшие к тому средства»⁷. В свою очередь, Министерство финансов отправило в Пекин с миссией «образцы разных изделий российских фабрик, дабы обратить на них внимание китайцев и приохотить их к покупкам оных»⁸. Н.И. Любимову был передан подробный вопросник для сбора необходимых сведений, в частности, ему предлагалось установить, «охотно ли Китайцы будут покупать изделия наших фабрик и мануфактур? Какие из подобных товаров могут иметь успешнейший сбыт? Не нужно ли в форме и виде некоторых материй сделать какие-либо изменения, дабы более приноровиться ко вкусу Китайцев?... Вообще, так как торговля с Китаем составляет важнейший предмет и, можно сказать, главную цель наших политических действий к сему Государству, – то не оставьте собрать, по колику возможно, полнейшие об оной подробности с присовокуплением всяких полезных соображений и замечаний»⁹. Предписывалось и многое другое: узнать о красках, употребляемых на китайских предприятиях для крашения различных материй, согласно их традиционным вкусам, вывести образцы различных шелковичных червей особой породы, которая уже была известна в Европе под названием «син», приобрести соответствующую литературу по различным отраслям сельского хозяйства и мануфактурной промышленности. Российский этнограф С.В. Дмитриев высказывает предположение, что привезённые Н.И. Любимовым по заказу Азиатского департамента МИД семена чая из г. Фучжоу (провинция Фуцзянь) были затем направлены в Батуми, где по распоряжению царского наместника на Кавказе князя М.С. Воронцова производились опыты по разведению чая¹⁰. Таким образом, членов Русской Духовной миссии в Китае можно считать причастными и к истории становления чайного дела в России.

Следует отметить, что такого рода указания давались каждой из четырнадцати миссий до тех пор, пока в 1864 г. не было проведено разграничение деятельности между Духовной и дипломатической миссиями. Исторической заслугой Православной Русской Духовной миссии в Китае, несомненно, является плодотворная многосторонняя деятельность, показавшая китайской стороне, что Российская империя является суверенным государством, не только никогда не входившим в состав Китая, но даже никогда не выказывавшим знаков подчинения китайскому императору. Общеизвестно, что ещё в середине XIX в. китайцы склонны были рассматривать самостоятельные соседние государства как своих вассалов. В обратном убеждали также китайскую сторону поездки их делегаций в Россию, знакомство с Санкт-Петербургом. Из истории деятельности Русской Духовной миссии в Китае известно, что, например, участник 10-й миссии (1821–1830) З.Ф. Леонтьевский перевёл на китайский язык «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина. С этим переводом были знакомы высокие китайские чиновники. Предполагается, что беловой

экземпляр перевода был вручён императору Даогуану. Вполне вероятно, что делались переводы и других сочинений, знакомивших китайское общество с Россией, её государственным устройством. И, конечно, такого рода информация в соответствующих ситуациях давалась и в устной форме. Исследуя историю Духовной миссии, известный петербургский синолог Н.А. Самойлов отмечает: «Сотрудники Российской Духовной миссии сумели внести существенный вклад и в дело ознакомления подданных Цинской империи с русской историей, а также создания у них реального образа России. Занимаясь преподавательской деятельностью в Училище русского языка в Пекине, они познакомили учеников с отдельными фактами из истории и жизни тогдашней России»¹¹. Одно присутствие членов Русской Духовной миссии в Китае, их знакомства и встречи с представителями разных слоёв китайского общества способствовали распространению сведений о России, знаний о культуре и быте россиян. В миссии постепенно накапливался опыт такой работы. Давно замечено, что успеху деятельности миссионера, несомненно, способствует его медицинская практика. Поэтому, начиная с 10-й миссии, в её состав стали включать врачей. Большую известность приобрёл в Пекине, в частности, врач О.П. Войцеховский. Он прибыл в страну в 1821 г., когда в столице свирепствовала эпидемия холеры, и сразу приступил к лечению. Первоначально китайцы неохотно принимали его методы, опасаясь заморского вредного влияния, веря только в силу китайской народной медицины. Но когда появились первые положительные результаты, китайцы потянулись к нему за помощью. Он помогал всем, кто к нему обращался как к врачу. Большой резонанс в китайском обществе вызвало обращение к нему представителей правящей династии. Ведь к нему пришли за помощью от безвыходности: проводившееся другими врачами лечение не давало результатов. Удачно проведённое излечение резко повысило авторитет русского врача. Незадолго до отъезда из Пекина О.П. Войцеховскому была поднесена благодарными пациентами памятная доска, на которой были написаны слова искренней благодарности и глубокой признательности. Начальник 11-й Духовной миссии иеромонах Вениамин (Морачевич), оценивая деятельность О.П. Войцеховского, может быть, с элементом преувеличения, писал: «Одной почти его славе обязана тогдашняя миссия, что после семилетнего своего скромного уединения приведена она, наконец, в известность, что имя русского облагородилось китайцами до того, что значительные люди не только перестали бегать от русских, но начали искать знакомства с ними»¹². Благородное дело О.П. Войцеховского затем успешно продолжили другие врачи, входившие в состав последующих миссий. Имея в виду расширение контактов с китайцами разных слоёв общества, в состав миссий в Пекин наряду с врачами стали включать и художников. В составе 11-й Духовной миссии в Пекин прибыл выпускник Академии художеств в Петербурге А.М. Легашов. Выдающийся историк отечественного Китаеведения П.Е. Скачков писал о нём, оценивая его деятельность в составе миссии: «Он пробыл в Китае десять лет и немало сделал для ознакомления русского общества первой половины XIX в. с Китаем и для упрочения добрососедских взаимоотношений китайского и русского народов, укрепления их культурных связей»¹³. В наставлении, полученном им от Академии перед поездкой в Пекин, ему рекомендовалось

изучать составление и употребление китайских водяных и других красок, писать с натуры типы китайцев и предметы их быта и культуры. А.М. Легашов по заказам китайских сановников, в том числе принадлежавших к высшей элите, написал немало портретов и картин, пользовавшихся большим спросом, китайские художники через его творчество, знакомились с европейскими методами живописи, что, в частности, в 1838 г. отмечалось в «Художественной газете»: «Русские искусства прокрались через стену Китайскую и невидимо помогают новейшему художественному образованию в том крае»¹⁴. Результат деятельности художника А.М. Легашова в составе миссии был признан настолько удачным, что в состав последующих Духовных миссий обязательно включались художники: в 12-й – К.И. Корсакин, 13-й – И.И. Чмутов, 14-й – Л.С. Игорев. «Все они активно продолжали дело, начатое А.М. Легашовым, способствуя распространению в Китае методов и приёмов российской живописи, а шире – внося свой вклад в развитие культурного диалога России и Китая»¹⁵. Очевидно, эти факты до сих пор остаются неизвестными западным исследователям. Как представляется, только этим обстоятельством можно объяснить такие утверждения, как например, следующее: «В течение XVIII и XIX веков китайское искусство было закрыто от внешних влияний»¹⁶.

Однако следует признать, что диалог русской и китайской культур, начатый членами Православной Духовной миссии в Китае, активно развивался ими не только в Пекине. Вернувшись на Родину, они очень много сделали в этом плане и в России, прежде всего в Санкт-Петербурге. С их именами связано становление в XVIII в. и развитие в XIX в. отечественного китаеведения. Начало изучению Китая, маньчжурского и китайского языков в России положил ученик 1-й и 2-й миссий И.К. Россохин. Накопив обширные и глубокие знания о Китае, языках, культуре и быте его народов, он основал в России свою школу, просуществовавшую десять лет (1741–1751). Состоя при Императорской Академии наук, он плодотворно занимался исследовательской и переводческой деятельностью, внося немалый вклад в развитие культурных связей между Россией и Китаем¹⁷.

Основателем российского научного китаеведения по праву принято считать начальника 9-й Духовной миссии (1807–1821) отца Иакинфа, в миру Никиты Яковлевича Бичурина. Его деятельность составила в истории науки целую эпоху. Овладев китайским, маньчжурским, монгольским и тибетским языками, он создал целую серию трудов о Китае и народах, населявших эту страну, которые не потеряли своего значения и в наши дни. Это такие фундаментальные труды, как «Описание Тибета», «Записки о Монголии», «История первых четырёх ханов из дома Чингисова», «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии», «Саньцзыцзин» («Троесловие»), «Описание Пекина», «История Тибета и Хунуна с 2282 г. до Р. Х. до 1227 г. до Р. Х.», «Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени», «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», «Статистическое описание Китайской империи», «Китай в гражданском и нравственном состоянии». И это далеко не полный список его трудов. Во времена отца Иакинфа не было научно-исследовательских институтов. Все эти труды он создал один, попутно занимаясь разной другой работой, в том числе, в Азиатском

департаменте. Его влияние на русское общество было весьма значительным. Он был знаком с В.Ф. Одоевским, А.С. Пушкиным, И.А. Крыловым, И.И. Панаевым, А.В. Никитенко, Н.И. Надеждиным, Н.А. Полевым и многими другими выдающимися представителями русской культуры и науки. Нельзя не вспомнить, что под влиянием его рассказов о Китае А.С. Пушкин выражал желание побывать в этой стране. Имя Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа) было хорошо известно и за рубежом. За свои труды он четырежды – в 1835, 1839, 1842 и 1843 гг. удостоивался престижной научной Демидовской премии. За его трудами следило русское общество. В знак признания его заслуг Императорская Академия наук избрала его в декабре 1828 г. своим членом-корреспондентом по разделу литературы и древностей Востока¹⁸. Исследователь научного творчества отца Иакинфа ленинградский востоковед Д.И. Тихонов написал: «Он сделал доступными обширные китайские источники, ознакомил русского читателя с Китаем, своими статьями и трудами рассеял ошибочные представления о странах и народах Восточной Азии...»¹⁹. Труды Н.Я. Бичурина настолько значимы и в наше время, что они переиздавались неоднократно на протяжении XX в. и переиздаются в XXI в.²⁰ Всё это – свидетельства непреходящей ценности трудов классика отечественного китаеведения, бывшего члена Духовной миссии.

В составе практически каждой Духовной миссии на правах её членов или студентов были значительные личности, своими трудами прославившие российское востоковедение. Ученик 8-й (1794–1807) и начальник 10-й (1821–1830) Духовной миссии П.И. Каменский, автор «Китайско-монголо-маньчжуро-русско-латинского словаря», в 1819 г. был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук по ряду литературы и древностей Востока. Примечательно, что, будучи членом-корреспондентом, он вторично поехал в Китай, но уже во главе миссии. Крупным краеведом стал иеродиакон 12-й (1840–1849) и начальник 13-й (1850–1858) Духовных миссий Палладий Кафаров, оставивший после себя богатое научное наследие. Он, вместе с П.С. Поповым, российским генеральным консулом в Пекине, стал составителем уникального «Китайско-русского словаря»²¹. По инициативе Палладия Кафарова в бытность 13-й Духовной миссии в Китае во главе с ним Азиатский департамент начал издание «Трудов членов Российской Духовной миссии в Китае», знакомивших русское общество с Китаем на высоком научном уровне²². Из среды студентов, посылаемых в составе миссий, вышли такие известные учёные, как З.Ф. Леонтьевский, В.В. Горский, И.И. Захаров, К.А. Скачков, Д.А. Пещуров и др. К 12-й миссии (1840–1849.) был прикомандирован магистр В.П. Васильев, в 1866 г. избранный членом-корреспондентом, а в 1886 г. действительным членом Императорской Академии наук, ставший основателем Санкт-Петербургской научной школы востоковедов²³. Даже простой перечень фамилий известных российских востоковедов, прошедших подготовку в составе Духовной миссии, с бесспорностью свидетельствует о той исключительно большой и активной роли, которую миссия сыграла в формировании и бурном развитии отечественной науки.

Целый ряд бывших членов Духовных миссий в Пекине затем работали в Азиатском департаменте МИД и достигли там высокого служебного положения. Одним из них был З.Ф. Леонтьевский, привёзший из Китая замечательную коллекцию предме-

тов, характеризующих культуру и быт китайцев. Его собрание было тщательно подобрано, классифицировано им самим и выставлялось в качестве первого частного домашнего музея китайской культуры, что способствовало ознакомлению русского общества с Китаем, развитию русско-китайского диалога. Стоит отметить, что его Кабинет китайских редкостей был открыт для всех, желавших ознакомиться с его собранием, и просуществовал с 1831 до 1868 г. З.Ф. Леонтьевский, как и другие члены Духовной миссии, занимался переводами китайской художественной литературы, которые выходили как отдельными изданиями, так и в журналах. Это был один из важных каналов знакомства россиян с Китаем, его народом, обычаями и культурой²⁴. Этой же цели способствовала деятельность некоторых приставов, сопровождавших миссии в Китай и обратно. Среди них особенно выделяются своим интересом к стране и её народам Е.Ф. Тимковский, М.В. Ладыженский, Н.И. Любимов, Е.П. Ковалевский. Им принадлежат интересные публикации о виденном, которые с интересом воспринимались читающей публикой. Здесь уместно вспомнить, что русские газеты всегда охотно публиковали сведения о Китае на своих страницах²⁵. М.В. Ладыженский, пристав 11-й (1830–1840) миссии, собрал значительную и разнообразную по составу коллекцию, которая была преподнесена императору Николаю I, подарившему её затем в 1833 г. Императорской Академии наук. Собрание М.В. Ладыженского поступило в Азиатский музей, поскольку этнографические коллекции тогда входили в его состав. Директор музея академик Х.Д. Френ писал об этом событии так: «Эта коллекция, которую Академия имела счастье получить благодаря милости Его Императорского Величества, является равно как и богатой и разнообразной, так и интересной и содержательной для человека, интересующегося этнографией. Никто не может отрицать отбор [предметов] и понимание, с которым он сделан. Чутким собирателем практически не было пропущено ни одного предмета, который бы не знакомил нас с частной и общественной жизнью китайцев, уровнем их цивилизации, производства, их художественными вкусами и роскошью, их общественным устройством, одеждой, оружием, их играми, мерами и весами, их денежным обращением, их религиозными церемониями и т. д.»²⁶. Академик Х.Д. Френ верно подметил значение этнографических коллекций в российско-китайском культурном диалоге: «Дневники наших путешественников и словари часто могут дать нам очень неполные сведения о жизни, производствах, нравах, верованиях и т. д. других народов. Часто совершенно необходимо иметь вещи перед своими глазами; лишь при непосредственном наблюдении мы можем их представить... Музей должен был собирать и все новые азиатские предметы, которые могут служить для лучшего понимания нами особенностей различных восточных народов в разных жизненных обстоятельствах»²⁷. Представления российского общества о Китае расширились и обогатились благодаря собранию китайских предметов, привезённых в нашу страну приставом 12-й (1840–1849) миссии Н.И. Любимовым. В марте 1842 г. Николай I повелел устроить в Зимнем дворце выставку предметов китайской культуры и быта, привезённых из Пекина Н.И. Любимовым. В дальнейшем вещи этого собрания были распределены между царскими дворцами и музеями. Ряд ценных экспонатов попал в Этнографический музей, в Академию художеств и т. д.²⁸. Часть привезённых предметов собиратель оставил себе, сформировав из них неболь-

шой домашний музей. Некоторые предметы из своей домашней коллекции он в дальнейшем дарил друзьям и знакомым²⁹. Благодаря собирательской деятельности участников Православной Духовной миссии в Пекине формировались фонды Кунсткамеры, Библиотеки Императорской Академии наук, академических музеев, прежде всего, Этнографического и Азиатского³⁰. Печатная продукция членов миссии, привезённые ими китайские книги и предметы культуры и быта знакомили российское общество с его великим соседом³¹.

Интерес к Китаю у России, у россиян возрастал довольно стремительно, и всё больше требовались целенаправленно подготовленные специалисты по этой стране со знанием языков, истории и этнографии. Для удовлетворения этих потребностей в 1837 г. на восточном факультете Императорского Казанского университета была открыта кафедра китайского языка³². Возглавить её был приглашён бывший член 10-й (1821–1830) миссии иеромонах Даниил Сивиллов, после возвращения из Китая проходивший служение в одном из монастырей. Для практических занятий со студентами в 1839 г. был также приглашён бывший студент той же 10-й миссии Алексей Сошницкий. Оценивая это историческое событие, П.Е. Скачков писал: «Открытие первой кафедры китайского языка было большим событием не только для Казанского университета, но и для всей русской науки. Оно знаменовало перенесение изучения Китая из возникавших по инициативе отдельных Китаистов (И. Россохина, А. Леонтьевского, Ант. Владыкина, И. Бичурина) школ в университетские условия»³³. Преемником Д. Сивиллова на посту заведующего кафедрой был врач 10-й Духовной миссии О.П. Войцеховский, знавший не только китайский язык, но и маньчжурский. Он стал первым в России университетским профессором маньчжурского языка. 8 декабря 1850 г. в Казань из Китая вернулся бывший прикомандированный к 12-й (1840–1849) миссии магистр В.П. Васильев, который уже 10 декабря прочитал для студентов вступительную лекцию «О значении Востока и Китая в особенности». 6 января 1851 г. В.П. Васильев был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора китайского и маньчжурского языков восточного факультета Императорского Казанского университета. В 1855 г. состоялось знаменательное событие в истории российского Китаеведения: востоковедение из Императорского Казанского университета было переведено в Санкт-Петербург, и в структуре Императорского Санкт-Петербургского университета появился восточный факультет – факультет восточных языков. 27 августа 1855 г. состоялось его торжественное открытие. Кафедру дальневосточных языков – китайско-маньчжурский разряд – возглавил профессор В.П. Васильев, который, к тому же, в течение первых двенадцати лет работы факультета в Санкт-Петербурге был единственным преподавателем на всех четырёх курсах китайско-маньчжурского разряда. Он вёл не только занятия по этим языкам, но и читал лекции по истории, географии и литературе Китая и Маньчжурии. Хотя он очень много публиковал – он автор фундаментальных трудов – но его рукописное наследие, как оказалось, более чем в два раза превышает опубликованное им. В.П. Васильев – создатель отечественной синологической школы³⁴. В контексте данной темы важно подчеркнуть значение его пребывания в Русской Духовной миссии для становления его как гениального учёного. Академик В.М. Алексеев в 1950 г. говорил о В.П. Васильеве

еве: «Василий Павлович вместе с Бичуриным и Кафаровым составляет знаменитую русскую триаду, которая использовала своё пребывание в Китае достойным образом»³⁵. Если учесть, что на ниве университетского синологического преподавания успешно трудились и другие бывшие члены Православной миссии в Китае, например, Д.А. Пешуров, то значение миссии в процессе становления и развития отечественного синологического университетского образования просто не возможно переоценить. Подчеркну, что миссия способствовала развитию не только синологии, но и других наук, в том числе естественно-технических. Известно, что среди прикомандированных к 11-й (1830–1840) миссии находились ботаник А.А. Бунге и астроном Е.Н. Фус. Таким образом, миссия способствовала развитию самых разнообразных контактов между Россией и Китаем, что благоприятно сказывалось на развитии науки и культуры в обеих странах.

Как уже отмечалось выше, в 1864 г. произошло разграничение деятельности между дипломатической и Духовной миссиями. И, к сожалению, последующему периоду деятельности Духовной миссии в развитии русско-китайских контактов обычно уделяется незначительное внимание, хотя её члены продолжали свою работу. Миссия издавала с марта 1904 г. в течение почти полувека журнал «Китайский благовестник», в котором печаталось много интересных статей, посвящённых истории и культуре Китая. Издательская деятельность Русской Православной Духовной миссии в Китае немало способствовала развитию китайско-русских культурных контактов. Помимо религиозной литературы на китайском языке в типографии Успенского монастыря, находившегося при миссии, печатались многочисленные учебники по китайскому разговорному языку, издавались тексты, написанные официальным китайским языком с русским переводом, учебные хрестоматии для преподавания русского языка в начальных китайских школах. В большинстве случаев автором этих книг являлся выпускник китайско-маньчжурского разряда факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета Я.Я. Брандт, в дальнейшем, российский дипломат, заведующий пекинским отделением КВЖД³⁶. Епископ Иннокентий (Фигуровский), первый епископ Китайской Православной Церкви, составил китайско-русский словарь, переводил на китайский язык богослужебные книги³⁷. При миссии существовала богатая библиотека, в которую считали за честь посылать свои работы отечественные китаеведы. Например, в 1916 г. свою работу «Поэма о поэте» послал в Пекин в адрес миссии будущий академик, тогда приват-доцент Императорского Петроградского университета В.М. Алексеев. В ответе Владыки Иннокентия говорилось: «Ваш капитальный труд “Поэма о поэте”, присланный в дар миссийской библиотеке Петроградской Академией наук, принят мною с величайшей благодарностью. Таким образом, наша библиотека обогатилась ещё одним сочинением по китаеведению»³⁸. Надо иметь в виду, что библиотекой пользовались как русские люди, живущие в Пекине, так и китайцы, прежде всего православные, владевшие русским языком, что, как понятно, способствовало развитию культурных связей между Россией и Китаем. К сожалению, о деятельности Русской Православной миссии в Китае во второй половине XIX – первой половине XX в. нет сколько-нибудь значительных работ. Серьёзным вкла-

дом в проблему явилось издание на средства потомков митрополита Виктора (Святина) – начальника последней миссии, сборника статей «Бэй-гуань. Краткая история Российской Духовной миссии в Китае», составленного внуком Владыки Виктора и сыном К.Б. Кепинг Б.Г. Александровым³⁹.

На протяжении всей своей истории миссия в Китае выполняла важнейшую роль, окормляя и духовно поддерживая российских православных людей, попавших в Пекин с самыми разными целями. Исключительно усилиями членов Русской Православной Духовной миссии в Китае удалось сохранить и укрепить православие в среде потомков российских воинов, доставленных из Албазина в Пекин в конце XVII в. Именно православие явилось основой формирования немногочисленной китаезычной общности албазинцев, сохранивших своё самосознание и веру⁴⁰. За три с лишним века своего существования в Китае албазинцы составили своеобразную небольшую общность – православную по вере, говорящую на китайском языке, знающую историю своего происхождения⁴¹. За годы деятельности миссии в Китае православие принимали и китайцы. Численность православной общины в Китае росла и имела совершенно чёткое конфессиональное самосознание. Показательно, что во время Боксёрского восстания в Пекине в 1900 г. приняли смерть многие православные китайцы. По представлению начальника Духовной миссии архимандрита Иннокентия (Фигуровского) 222 православных китайца, погибших за православную веру, были причислены к лику святых, было решено построить в Пекине храм Святых Мучеников и отмечать ежегодно их память 23–24 июня с крестным ходом к местам избиения православных христиан⁴². Община православных китайцев понесла значительные потери и в 50–70-е гг. XX в.⁴³, но, несмотря на все невзгоды, православие в Китае живо и имеет тенденцию к возрождению в полном объёме своей духовной жизни, как будет сказано ниже.

Исключительно велика была роль Духовной миссии и Православной Церкви в Китае в первой половине XX в., когда в разные города этой страны прибыло немало эмигрантов, бежавших от гражданской войны и неустроенности жизни в революционной России. Особенно следует отметить громадную роль епископа Виктора, ориентировавшего российскую общину на связь с Родиной, с московской патриархией⁴⁴.

Другие иерархи Русской Православной Церкви также поддерживали дух собранности у своей паствы. Епископ Нестор организовал в Харбине Камчатское подворье, Дом милосердия и трудолюбия, сиротские приюты, школы прикладных искусств и ремёсел. В 1934–1935 гг. он состоял почётным председателем Комитета Пакта и Знамени Мира в Харбине, встречался с выдающимся русским художником, учёным и мыслителем Н.К. Рерихом, поддерживал его благородные идеи в защиту мира и сохранения культурных ценностей. Для Музея Рериха в Нью-Йорке он написал статью «Дальний Восток и Япония», к сожалению, оставшуюся ненапечатанной. Русская Православная Духовная миссия в Пекине и вся Русская Православная Церковь в Китае всемерно способствовали сохранению русскими в изгнании национального самосознания, веры в победу российского народа в Великой Отечественной войне.

Николай Иванович Попович и Людмила Степановна Митусова
на встрече со студентами СПбГУ. Старый Петергоф. Общежитие 12. 1992.

Здесь непременно следует отметить громадную и успешную деятельность епископа Виктора по окормлению русской православной общины и распространению христианства среди китайцев. Учитывая, что русская Духовная миссия находилась далеко от центра Пекина – от мест проживания основной массы русского православного населения, по его благословению и заботам на территории Посольского квартала был создан молебельный дом, освящённый во имя иконы Табынской Божьей Матери, где проходили службы при неизменно большом стечении прихожан. Наряду с русским духовенством, в конце 30-х гг. там служил регентом православный китаец Николай Чжан⁴⁵. Его полное китайское имя Чжан Голин, русское – Николай Иванович Попович, личность довольно примечательная. Его отец – китаец, мать – русская женщина. Родился он в феврале 1918 г. в г. Иркутске. Родители с младенцем бежали из охваченной гражданской войной России в Китай и обосновались в Харбине. В феврале 1924 г. мальчика отдали в католический лицей Святого Николая, который он с золотой медалью окончил в 1937 г., оставаясь при этом православным христианином. В 1937–1941 гг. он – студент химического факультета католического американского университета в Пекине. Далее работал в Шанхае в каче-

стве инженера-химика, преподавателя русского языка, переводчика в отделении ТАСС. В 1954 г. он вернулся на историческую Родину. На целине ему не удалось устроиться по специальности, выручил голос – у него был приятный драматический тенор, он стал солистом-исполнителем песен народов мира. В этом качестве он попал в Ленинград, где выступал как артист Ленконцерта, пополняя своё гуманитарное образование (он закончил заочно Свердловский педагогический институт, философский факультет ЛГУ, искусствоведческий факультет Института театра, музыки и кинематографии). Выйдя на пенсию, работал в обществе «Знание», читая лекции о Китае и Японии, успешно выступал не только в Ленинграде, но и во многих городах необъятного Советского Союза, тем самым внося свой посильный вклад в развитие и укрепление дружбы между народами СССР и КНР. Плодотворной была его деятельность и в качестве члена Правления Ленинградского – Санкт-Петербургского отделения Общества Советско-Китайской, а в последние годы Российско-Китайской дружбы*. Умер Н.И. Попович в мае 2000 г.⁴⁶

В Китае православная церковная жизнь до конца 40-х гг. XX в. была весьма насыщенной. Переезд российских православных людей в 50-е гг. из Китая в разные страны мира – от Австрии до Бразилии, способствовал оживлению церковной жизни в местах нового расселения. «Китайцы» – так называли православных россиян, прибывших из Китая – в этих государствах стойко держались своей веры⁴⁷.

Если плодом деятельности равноапостольного Николая Японского стало создание Японской Православной Церкви⁴⁸, то Русская Православная Духовная миссия в Китае, вызывающая гордость и уважение за свои труды, создала условия для формирования и деятельности Китайской Автономной Православной Церкви, Предстоятелем которой ныне является Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексей II, а Управляющий делами – председатель Отдела внешних сношений Московского патриархата, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл⁴⁹.

Суммируя всё вышеизложенное, можно утверждать, что история Русской Православной Духовной миссии в Китае незримо, но ощутимо продолжается и сегодня. Она ощущается и в плодотворном развитии многосторонних российско-китайских отношений, и в современном состоянии отечественного китаеведения, которое ба-

* В 1992 г. Н.И. Попович познакомился с группой студентов СПбГУ, занимающихся изучением наследия семьи Рерихов, организовавшей в дальнейшем в университете Рериховский центр. По просьбе студентов Николай Иванович прочитал несколько лекций, в т. ч. в общежитиях Петродворцового учебно-научного комплекса, о своём поколении и об экономике, культуре и языке Китая. На одной из встреч со студентами Н.И. Попович познакомился с Людмилой Степановной Митусовой, идейной вдохновительницей университетской группы по организации в Санкт-Петербурге Музея-института семьи Рерихов. 26 апреля 1999 г. на 2 заседании культурологического семинара Рериховского центра СПбГУ Н.И. Попович рассказывал о своих дружеских связях с членами Харбинской группы последователей Рерихов в 1930-е – 1960-е гг., главным образом, с учеником Е.И. Рерих Иннокентием Ивановичем Ельцовым, автором сочинений, посвящённых философскому осмыслению Учения Живой Этики. От И.И. Ельцова у Н.И. Поповича хранились письма, рукописи его трудов, книги и фотографии. Незадолго до ухода из жизни все эти материалы Николай Иванович передал инициативной группе по созданию Музея-института семьи Рерихов. –

Примеч. ред.

зируется на прочной основе, заложенной ещё во времена миссии, и в хранительской и выставочной деятельности крупнейших российских музеев и архивов, таких как Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Государственный Эрмитаж, Российская национальная Библиотека, Библиотека Российской Академии наук, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Российский государственный исторический архив и, наконец, в трудах Русской Православной Церкви и её Предстоятеля Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексея II по возрождению Китайской Автономной Православной Церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об этом, в частности, подробнее см.: *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. – М., 1977; *Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной миссии в Китае.* – СПб., 1993. – Вып. 1; *История Российской Духовной миссии в Китае.* – М., 1997; *Самойлов Н.А.* Пекинская Духовная миссия и диалог культур России и Китая // *Православие на Дальнем Востоке.* – СПб., 2004. – Вып. 4. – С. 32–40; *Он же.* Россия и Китай: Исторические вехи и особенности взаимовосприятия // *Имперское возрождение.* – М., 2005. – № 3. – С. 55–70; *Кюннер Н.В.* Памяти Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа). 1777—1853 гг. Значение Иакинфа Бичурина в истории русского китаеведения / Подготовка текста к печати и комментарии А.М. Решетова // *Кюннеровские чтения* (2001–2004). – СПб., 2005. – С. 7–16; *Бэй-гуань.* Краткая история Российской Духовной миссии в Китае. – М.-СПб., 2006. – С. 9–24; *Решетов А.М.* Китайцы в Санкт-Петербурге (фрагменты истории) // *Санкт-Петербург – Китай.* Три века контактов. – СПб., 2006. – С. 9–24.

² Из известной мне литературы отмечу: *Яковлева П.Т.* Русско-китайская торговля через Нерчинск накануне и после заключения Нерчинского договора (1689 г.) // *Международные связи России в XVII–XVIII вв.* (экономика, политика и культура). – М., 1966. – С. 122–151; *Скачков П.Е.* История изучения Китая в России в XVII–XVIII вв. (краткий очерк) // *Там же.* – С. 152–180.

³ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* – М., 1980. – Вып. 7. – С. 142. По другим сведениям, китайской широко торговали на Руси в XVII в. См.: *Фасмер, Макс.* Этимологический словарь русского языка. – М., 1972. – Т. 2. – С. 240. Благодарю А.А. Бурылина за помощь в получении этой справки.

⁴ *Георги И.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. – 1-е изд.: СПб., 1799. – Ч. 1–4. – 2-е изд.: СПб., 2005.

⁵ *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М., 1994. – Т. 2. – С. 373–374.

⁶ *Ахметшин Н.* Чайный путь из Ханькоу в Россию // *Россия и Китай.* XXI век. – 2005. – Ноябрь. – С. 53.

⁷ Цит. по: *Дмитриев С.В.* Этнографическая коллекция Н.И. Любимова и её первоначальное распределение // *Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга* (2.III.1893—27.VI.1972): Материалы конференции. – СПб., 2005. – С. 154.

⁸ *Там же.* В частности, тогда же в Китай была отправлена небольшая партия бумажных и шелковых тканей.

⁹ *Там же.* – С. 154–155.

¹⁰ *Там же.* – С. 162–163.

¹¹ *Самойлов Н.А.* Указ. соч. – С. 36.

¹² *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. – М., 1977. – С. 196.

¹³ *Там же.* – С. 147.

¹⁴ *Художественная газета.* – 1838. – № 3. – С. 91.

¹⁵ *Самойлов Н.А.* Указ. соч. – С. 39.

- ¹⁶ Каролин, Пюэль. Долгий путь современного искусства в Китае // *Политическое искусство в Китае*. Буклет выставки в Третьяковской галерее на Крымском валу. 2 марта – 1 апреля 2007. – С. 1.
- ¹⁷ Об И.К. Россохине и других членах миссий подробнее см.: Скачков П.Е. Указ. соч. – С. 36–88.
- ¹⁸ О Н.Я. Бичурине подробнее см.: Скачков П.Е. Указ. соч. – С. 90–123.
- ¹⁹ Тихонов Д.И. Русский китаевед первой половины XIX века Иакинф Бичурин // *Учёные записки ЛГУ*. – № 179. – Серия востоковедческих наук. – Вып. 4. – Л., 1954. – С. 281–306.
- ²⁰ См., например: Бичурин Н.Я. (о. Иакинф). Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Отв. ред. С.П. Толстов; Редакция текста, вступительные статьи и комментарии А.Н. Бернштама и Н.В. Кюнера. – М.-Л., 1950. – Т. I. – 381 с. – Т. II. – 335 с. – Т. III. – 326 с.; *Китай в гражданском и нравственном состоянии*. – М., 2002. – 423 с.
- ²¹ Кафаров П.И. (о. Палладий), Попов П.С. Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником Пекинской Духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом Императорской дипломатической миссии в Пекине П.С. Поповым. – Пекин, 1888. – Т. I. – 636 с. – Т. II. – 737 с.
- ²² *Труды членов Российской Духовной миссии в Китае*. – 1-е изд.: Пекин, 1852–1866. – Т. I–IV. – 2-е изд.: Пекин, 1909–1910. П.Е. Скачков писал об этом издании: «“Труды миссии” – первый и единственный дореволюционный русский журнал, посвящённый вопросам изучения Китая. Материалы большинства статей “Трудов” до сих пор пользуются вниманием исследователей. В 1858 г. два первых тома “Трудов” были переведены на немецкий язык и изданы в Берлине. В немецком издании объявлено, что “Труды” переводятся на английский язык. Сведений об этом издании нет» (Скачков П.Е. От миссии к университетам // *Проблемы Дальнего Востока*. – 1975. – № 2. – С. 150).
- ²³ Подробнее о деятельности учёных, вышедших из Пекинской Духовной миссии см.: Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. – М., 1977.
- ²⁴ Шубина С.А. Захар Фёдорович Леонтьевский (1799–1874) // *Православие на Дальнем Востоке*. – СПб., 2001. – Вып. 3. – С. 99–112.
- ²⁵ Слатникова Л.А. Сведения о Китае в первой русской печатной газете // *Вопросы истории*. – 1990. – № 10. – С. 171–175.
- ²⁶ *Китайская коллекция полковника Ладыженского*. Извлечение из отчёта г-на академика фон Френа. См.: Кисляков В.Н. Малоизвестная статья в петербургской прессе (1833 г.) о китайской коллекции М.В. Ладыженского, ныне хранящейся в МАЭ // *Кюнеровские чтения (2001–2004)*. – СПб., 2005. – С. 53.
- ²⁷ Там же. – С. 54.
- ²⁸ Об этом см.: Дмитриев С.В. Указ. соч. – С. 161–162.
- ²⁹ Там же. – С. 162.
- ³⁰ Шафрановская Т.К. Из истории китайских коллекций Кунсткамеры (поездка Ф.-Л. Елачица в Китай в 1753–1756 гг.) // *Культура народов Зарубежной Азии и Океании*. – Сборник МАЭ. – Л., 1965. – Т. XXV. – С. 5–23; Ксенофонтова Р.А., Решетов А.М. Китайские коллекции Петербургской Кунсткамеры в собраниях МАЭ // *Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР*. К 100-летию образования первого академического этнографического центра. – Сборник МАЭ. – Л., 1980. – Т. XXXV. – С. 114–135; Кисляков В.Н. Китайские коллекции МАЭ РАН, привезённые членами Российской Духовной миссии в 30-е–40-е годы XIX в. // *Кюнеровские чтения (1998–2000)*. – СПб., 2001. – С. 69–72; Меньшикова М.Л. Рисунки китайских вещей из собрания Кунсткамеры Петра I // Там же. – С. 128–132; Копанева Н.П. Рукописные каталоги Кунсткамеры о китайских коллекциях второй половины XVIII в. // *Санкт-Петербург – Китай*. Три века контактов. – СПб., 2006. – С. 25–35; Кисляков В.Н. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН – одно из крупнейших хранилищ китайских этнографических коллекций // Там же. – С. 43–67; Попова И.Ф. Китайская коллекция Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук // Там же. – С. 68–84.

- ³¹ Решетов А.М. Значение трудов членов Российской Духовной миссии в Пекине для этнографии // *Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае.* – СПб., 1993. – Вып. 1. – С. 106–118.
- ³² Подробнее об этом см.: Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX – 20-е гг. XX в.). – Казань, 2000; Зиангиров Р.Я. Кафедра китайской словесности Казанского университета (1837–1854) // *Наследие Н.Ф. Катанова. История и культура тюркских народов Евразии.* – Казань, 2006. – С. 140–144.
- ³³ Скачков П.Е. От миссии к университетам // *Проблемы Дальнего Востока.* – 1975. – № 2. – С. 151.
- ³⁴ Подробнее о В.П. Васильеве см.: *История и культура Китая: Сборник памяти В.П. Васильева.* – М., 1974.
- ³⁵ Алексеев В.М. Академик В.П. Васильев. Замечания по поводу научного творчества и наследия (К 50-летию со дня смерти) // *Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы.* – М., 1982. – С. 57.
- ³⁶ Спешнев Н.А. Пекин – страна моего детства. Китайская рапсодия. Записки синхронного переводчика. – СПб., 2004. – С. 133.
- ³⁷ О деятельности Владыки Иннокентия см.: Священник Дионисий Поздняев. Российская Духовная миссия в Китае в 1920–1930 гг. // *История Российской Духовной миссии в Пекине: Сб. ст.* – М., 1996. – С. 328–375; Дацзышен А. Епископ Иннокентий (Фигуровский). Начало нового этапа в истории Российской Духовной миссии в Пекине // *Китайский благовестник.* – М., 2000. – № 2. – С. 27–39.
- ³⁸ Епископ Иннокентий (Фигуровский). Письмо В.М. Алексееву // *Китайский благовестник.* – М., 2001. – № 1. – С. 153; Решетов А.М. О письме епископа Иннокентия В.М. Алексееву // *Там же.* – С. 154–157.
- ³⁹ Бэй-гуань. Краткая история Российской Духовной миссии в Китае. – М.-СПб., 2006. – 218 с. См. также: Андреева С.Г. Политические события начала XX в. в Китае и судьба Российской (православной) Духовной миссии в Пекине // *XXXVI научная конференция «Общество и государство в Китае».* – М., 2006. – С. 95–99.
- ⁴⁰ Подробнее см.: Петров В.П. Албазинцы в Китае. – Вашингтон, 1956. – 46 с.
- ⁴¹ Решетов А.М. О русских в Китае (к постановке вопроса) // *Кюнеровские чтения (2001–2004).* – СПб., 2005. – С. 194–200.
- ⁴² Подробнее об этом см.: Кепинг К.Б. Храм всех Святых Мучеников в Бэй-гуане // *Православие на Дальнем Востоке.* – СПб., 2001. – Вып. 3. – С. 113–124. 3 апреля 2007 г. стараниями Б.Г. Александрова в Пекине на территории Посольства Российской Федерации в КНР, где ранее стоял храм в память китайцев, погибших в 1900 г., был установлен православный крест. Чин освящения совершил иеромонах Уссурийской епархии Венедикт (Лимонов).
- ⁴³ Погиб епископ Пекинский Василий, рукоположенный в сан Святейшим Патриархом московским и всея Руси Алексеем I, пострадали многие члены православной общины: 16 декабря 2003 г. на 82-м году жизни скончался протоиерей Александр Ду Ли Фу – последний православный священник, рукоположенный в сан ещё свыше полувека назад архиепископом Виктором (Святым). Он происходил из старинного рода православных пекинцев, основателем которого считался один из албазинских казаков по фамилии Дубинин (отсюда китайская фамилия Ду). Незадолго до своей кончины отец Александр Ду был награждён Московским Патриархом за свои пастырские и миссионерские труды орденом Святого Николая Московского (II степени) и крестом с украшениями. Об этом см.: *Церковный вестник.* – 2004. – № 1–2 (278–279) – С. 10.
- ⁴⁴ Кепинг О.В. Последний начальник Российской Духовной миссии в Китае – архиепископ Виктор: жизненный путь // *Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной миссии в Китае.* – СПб., 1993. – Вып. 1 – С. 91–99.
- ⁴⁵ Спешнев Н.А. Указ. соч. – С. 44.

⁴⁶ Большую часть сведений о жизни Н.И. Поповича я получил от Владимира Ильича Козлова, за что выражаю ему благодарность.

⁴⁷ Об этом, в частности, см.: *Священник Павел Феокистов*. Даже в Бразилии можно прикоснуться к истории России // *Церковный вестник*. – 2006. – № 7 (332) – С. 5.

⁴⁸ *Приветствие Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексея II по случаю открытия в Татианинском храме МГУ выставки, посвящённой равноапостольному Николаю Японскому* // *Церковный вестник*. – 2006. – № 22 (347). – С. 8; *Православие на Дальнем Востоке*. – Памяти Святытеля Николая, апостола Японии. 1836—1912. – Вып. 2. – СПб., 1996. – 188 с.

⁴⁹ Об этом см.: *Игумен Пётр (Еремеев)*, проректор Хабаровской духовной семинарии. *Православие на Дальнем Востоке* // *Церковный вестник*. – 2006. – № 22 (347). – С. 6.

Ю.И. ЕЛИХИНА

(Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург)

КОЛЛЕКЦИЯ НАХОДОК ИЗ НОИН-УЛЫ, ХРАНЯЩАЯСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ

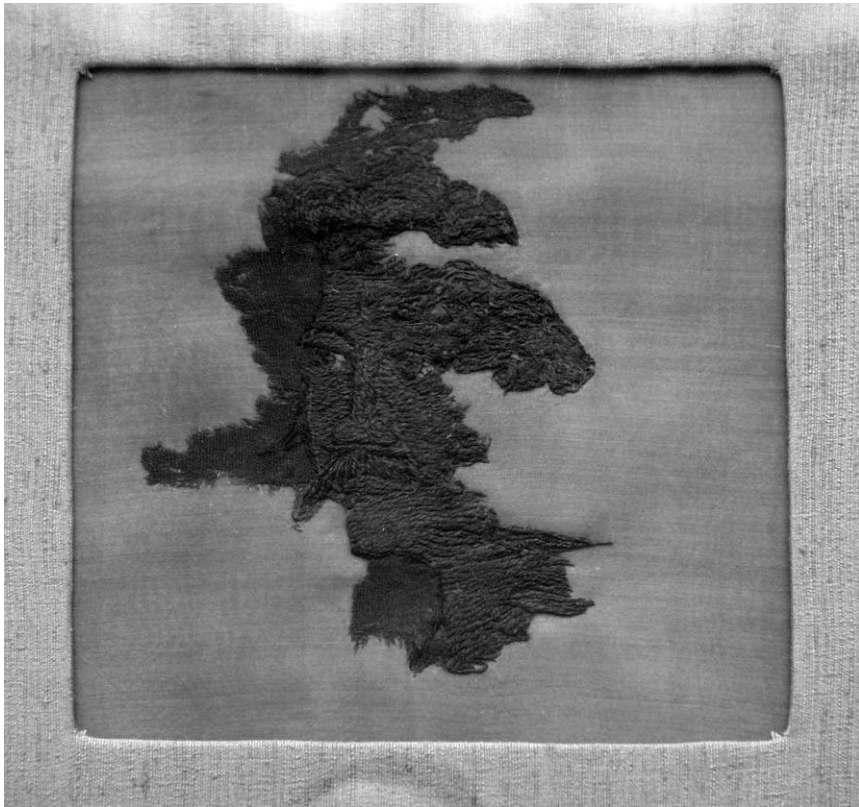
Одними из самых известных археологических памятников азиатских гуннов (сюнну) являются могильники в горах Ноин-Ула на севере Монголии. Они были открыты последней экспедицией 1923–1926 гг. Петра Кузьмича Козлова (1863–1935), выдающегося русского путешественника и исследователя Центральной Азии.

Оценивая результаты экспедиции, П.К. Козлов писал: «В Северной Монголии, в Хэнтэйских горах, открыты и исследованы глубокие могилы двухтысячелетней давности, гуннские погребения. Их раскопки специалисты отнесли к наиболее ценным для археологии памятникам, ставшим известными в первой четверти XX века».

Могильники в горах Ноин-Ула расположены в трёх лесистых впадинах: Гуджиртэ, Цзурумтэ и Судзуктэ. Во всех могильниках Монголо-тибетской экспедицией было учтено 212 курганов¹.

Курганы раскапывались под наблюдением С.А. Кондратьева, за исключением кургана № 12 (24), исследованного С.А. Теплоуховым. Основная часть коллекции получена из восьми курганов: № 1 (Мокрый), № 6, № 23, № 24 (раскапывал С.А. Теплоухов), № 25, а также из Кондратьевского, Андреевского (назван в честь А.Д. Симуква) и Баллодовского. Большинство курганов находилось судзуктэйской группе: № 1, 6, 23, 24 и 25. Андреевский и Кондратьевский входили в дзурумтэйскую группу. В этой же группе находился курган Баллодовский, обследованный в 1912 г. Е. Баллодом.

Конструкция раскопанных курганов в общих чертах сходная. Они имели квадратную насыпь, ориентированную по сторонам света, и квадратную могильную яму глубиной от 6 до 13 м. На дне могильной ямы устилался пол, на котором устанавливалась двойная камера с гробом во внутренней камере. Полы застилали коврами, стены драпировали тканями. В коридорах помещался погребальный инвентарь. Ноин-улинские курганы датируются по надписи на лаковой чашечке из кургана № 6, на которой указана дата изготовления – 2 г. до н. э. Как было отмечено С.И. Руден-

Предмет из Ноин-Улы. Вышивка мужского лица. Курган № 25. Собрание ГЭ.

ко, все раскопанные курганы по конструкции и инвентарю очень близки между собой, и их можно датировать одним и тем же временем². В кургане № 6, по мнению А.Н. Бернштама, был похоронен Учжулю-жоди, умерший в 13 г. н. э.³ Поэтому обычно мы датируем Ноин-улинские памятники рубежом нашей эры.

Отчёты о находках экспедиции писали Г.И. Боровка (1925), С.А. Теплоухов (1925) и П.К. Козлов (1928). Изучением этой коллекции занимались К.В. Тревер (1932), А.Н. Бернштам (1937, 1951), Е.И. Лубо-Лесниченко (1961, 1994 и др.), С.И. Руденко (1962, 1968) и японский учёный Сuedжи Умехара (1960).

По истории гуннов написано большое количество трудов как российскими, так и зарубежными учёными.

Первые сведения о гуннах содержатся в китайских сочинениях, начиная с последних столетий до н. э.⁴ На рубеже III–II вв. до н. э. гунны создали кочевую империю, во главе которой стоял шаньюй. Он являлся верховным правителем, главнокомандующим, судебной инстанцией и жрецом. У гуннов было сильное войско, и они постоянно совершали набеги на соседние территории и держали в страхе Китай.

После десятилетий доминирования в Центральной Азии в I в. до н. э. начался распад державы гуннов. В первую очередь это связано с внутренними междоусобицами и войнами с соседними племенами. В 80 г. до н. э. на сторону Китая перешли усунь, в 72 г. до н. э. восстали динлины и ухуани, в 62 г. до н. э. гунны потерпели поражение от китайцев. В 59 г. до н. э. в державе гуннов с новой силой вспыхнула междоусобная война, окончательно подорвавшая государство. Гунны раскололись на северных и южных, и вождь южных гуннов шаньюй Хухань в 55 г. до н. э. признал себя вассалом китайского императора.

В начале I в. н. э. гунны обрели былую мощь и независимость, с 9 по 48 гг. набеги возобновились, а империя Хань находилась в состоянии кризиса. В 48 г. гуннская держава снова распалась на две части: северную и южную. Последняя находилась в подданстве у Китая. Часть северных гуннов откочевала на Запад. В 93 г. большая часть гуннов вошла в племенное объединение под властью сяньби.

Археологические материалы из Ноин-Улы дают представление о погребальном обряде и хозяйстве гуннов, о жилищах и домашней утвари, об одежде и украшениях, о технике обработки различных материалов, об оружии и военном деле, об изобразительном искусстве, верованиях и о международных отношениях гуннов.

Курганы Ноин-Улы все исследователи относят к категории «царских» и «княжеских». Пристрастие гуннской знати к роскоши, отмеченное китайскими историками, могло удовлетворяться не только сбором ясака с подвластных племён, но и брачными связями с более или менее удалёнными народами. Отсюда понятно то исключительное разнообразие предметов искусства, сохранившихся в Ноин-улинских курганах. Кроме того, при ставках гуннских шаньюев могли быть мастера различных национальностей, которые в своих произведениях сочетали привычную для них технику с мотивами гуннского искусства.

Все курганы были разграблены ещё в древности. С.А. Теплоухов высказал предположение, что гуннские курганы были разграблены ухуанями между 74 и 77 гг.⁵

Большая часть коллекции из Ноин-Улы хранится в Эрмитаже, незначительное число предметов было передано в монгольские музеи, некоторые памятники находятся в Иркутском и Кяхтинском музеях. Сначала коллекция Ноин-улинских памятников находилась в Этнографическом отделе Русского музея, а в 1934 г. была передана в Эрмитаж.

Коллекция насчитывает 1900 предметов. Большую часть составляют ткани – 1150 памятников, фрагменты и изделия из кожи – 50, затем идут вещи из дерева – 205, бронза – 200, железо – 22 и медь – 16, золото – 46, серебро – 7, глиняные сосуды и их фрагменты – 43. Кроме того, в коллекции представлены предметы из нефрита – 13, и отдельные памятники из янтаря, камня, рога, кварцита, стекла и смальты. Экспедиция привезла из раскопок пробы грунта, человеческие кости, волосы – 110, преимущественно косы, локоны и пряди, кусочки угля, семена, птичьи перья и сосновые шишки.

Заслуживает внимания относительно хорошая сохранность вещей из Ноин-улинских курганов. Часть Ноин-улинской коллекции представлена на выставке, ей отведён зал № 367 Зимнего дворца на третьем этаже, часть выставлена в Галерее

Предметы из Ноин-Улы. Вышивки животных. Слева – фрагмент большой настенной драпировки из кургана № 6 с вышитыми тигровыми шкурами. Справа – фрагмент войлочного ковра из кургана № 6 со сценой борьбы яка с рогатым львом. Собрание ГЭ.

драгоценностей и часть находится в фондах Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Погребальный инвентарь, найденный в курганах, можно разделить по происхождению на три группы: гуннская, китайская и среднеазиатско-иранская⁶.

Основную часть предметов китайского происхождения составляют шёлковые ткани и вышивки. Это одежда (халаты, штаны, головные уборы), обувь, votивные знамёна, футляры для кос, окаймления войлочных ковров, части драпировок стен могильных камер, обивка гробов и т. д. В находках представлены почти все известные типы шёлковых тканей эпохи Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.): полихромные с рельефным рисунком, камки, гладкие и узорные газовые ткани, вышивки, выполненные в разнообразной технике. Основную часть находок составляют гладкие безузорные ткани, главным образом, тафта и репс. На выставке представлены так называемые шаровары «с большой мотнёй» из гладкого шёлка (курган № 6). Кроме шаровар, имеются штаны (курган № 6) китайского покроя, состоящие из двух самостоятельно одевающихся штанин. Сшиты они из полихромного шёлка с узором из крылатых козлов и всадников на крылатых конях в облаках. Снизу к штанам пришита войлочная обувь, сверху обшитая шёлком. Именно широкие халаты и шаровары не сковывали движений, не мешали при езде на лошади и способствовали быстрой реакции в бою и стрельбе из лука. Халат (курган № 6) сшит из шёлковой материи песочного цвета на подкладке из стёганого войлока очень слабой катки. Кроме того, в витрине выставлены три головных убора, два мужских (курган № 6) и женский (курган № 24). Одежда из курганов принадлежала знатым людям, но можно предположить, что и простые гунны использовали одежду точно такого же покроя.

По подсчётам Е.И. Лубо-Лесниченко, в Ноин-улинском собрании представлено 18 типов полихромных тканей, 7 типов камчатых тканей, 16 типов вышивок⁷.

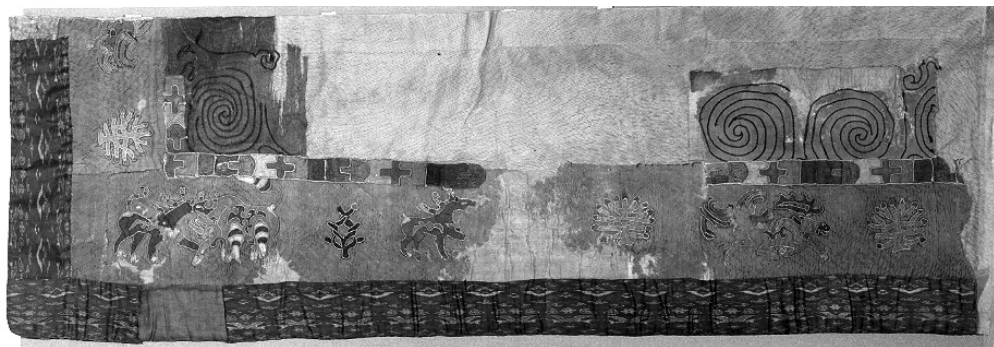
На некоторых памятниках представлены изображения различных животных. Гуннское изобразительное искусство по сюжетам (борющиеся животные, крылатые грифоны и кони) является реминисценцией скифо-сибирского звериного стиля, но более поздней по времени. В памятниках гуннского искусства присутствуют те же сюжеты, набор образов, способы моделировки тел, характерные позы, которые обязательны для скифо-сибирского звериного стиля.

Вышивки поражают высоким мастерством исполнения. Мастер закрывал всю поверхность ткани сложнейшими тщательно выполненными узорами. Излюбленной техникой, употребляемой ханскими вышивальщицами, был тамбурный шов. Эта техника, по-видимому, была широко распространена в древнем мире, т. к. тамбурным швом пользовались и на вышивках античного мира. Также на тканях из Ноин-Улы встречается вышивка стебельчатым швом и техника простой глади. Вышивка (МР-1335) исполнена в технике точечной глади⁸. Эта вышивка происходит из кургана № 24. С.И. Руденко назвал зверя, вышитого на ткани, «птичий грифон»⁹.

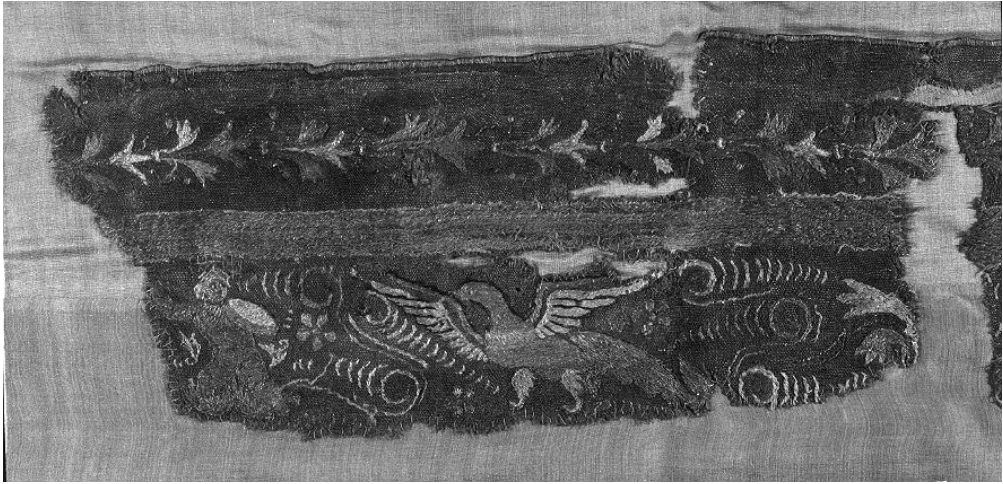
Шерстяные вышивки характерны для среднеазиатско-иранской группы. К ней относятся знаменитые вышивки с изображением всадников (курган № 6) и человеческих лиц (курган № 25). К шерстяным вышивкам относится фрагмент настенной драпировки «Охотник, стреляющий в птицу» (курган № 6).

В коллекции имеется большая настенная драпировка (курган № 6), размером 175×152 см, с вышитыми тигровыми шкурами, черепаками и рыбками. Основой для вышивки служит шерстяная ткань гроденаплевого переплетения, с утком слабой крутки. Вышивка шерстяная и односторонняя, представляет собой распластанную шкуру тигра. Техника разнообразная: наряду с тамбурными стежками контурные линии выполнены простым стежком в виде верёвочки, а пространство между ними заполнено гладью.

Одним из самых знаменитых памятников Ноин-улинской коллекции считается войлочный ковёр и его многочисленные фрагменты (курган № 6), со сценами борьбы яка с рогатым львом и крылатого грифона с оленем. Считается, что такие сцены

Предмет из Ноин-Улы. Половина войлочного ковра из кургана № 6. Собрание ГЭ.

Предмет из Ноин-Улы. Фрагмент настенной драпировки с шерстяной вышивкой «Охотник, стреляющий в птицу». Курган № 6. Собрание ГЭ.

символизируют борьбу: 1. животных за существование; 2. добра со злом; 3. света и тьмы; 4. жизни и смерти.

Подобный сюжет встречается и на нефритовой пластине (курган № 24), но на ней крылатые драконы представлены противопоставленными друг другу.

Среди Ноин-улинских памятников встречаются вещи, связанные с бытом и верованиями гуннов. К ним относятся предметы из бронзы, железа, меди, дерева и камня. Среди них фрагменты нефритовых пластин, янтарные и кварцевые бусины, бронзовые зеркала, бронзовые части колесниц и фрагменты упряжи, бронзовые украшения сбруи, некоторые деревянные предметы из отделки гробницы, глиняные и бронзовые фрагменты сосудов, бронзовые фибулы и другие.

Многочисленные бронзовые изделия, найденные в Ноин-Уле, были изготовлены в основном китайскими мастерами. Исключение составляют несколько пряжек конской сбруи, изготовленных, видимо, в Средней Азии¹⁰. Навершие (курган № 25) представляет собой шестилепестковую розетку, снизу к которой приделана насадка-втулка. Скорее всего, подобные навершия служили для подвешивания флагов на высоких древках. Такие навершия хорошо известны по многочисленным находкам в китайских и корейских погребениях.

Интересен также бронзовый пояс с позолоченными пряжками на ременной основе из (кургана № 6). Все пряжки выпуклые, овальные по форме. Семантика пояса в гуннской традиции может быть различной. Одной из главных функций, по нашему мнению, является изменение социального статуса, в данном случае, переход в загробный мир.

Конечно, коллекция Ноин-улинских памятников требует всестороннего изучения. Особенно интересным нам представляется комплексное изучение этих памятников в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. – Л., 1951.
2. Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на шёлковом пути. – М., 1994.
3. Лубо-Лесниченко Е.И. Древние китайские шёлковые ткани и вышивки. – Л., 1961.
4. Миняев С.С. Бронзовые изделия из Ноин-Улы (по результатам спектрального анализа) // *Краткие сообщения Института археологии*. – М., 1981. – № 167.
5. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. – М.-Л., 1962.
6. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. – Вып. 1. – М., 1967. – Вып. 2. – М., 1973.
7. Теплоухов С.А. Раскопки курганов в горах Ноин-Улы // *Краткие отчёты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П.К. Козлова*. – Л., 1925.
8. Magail J. *Gol Mod: Nouvelles decouvertes en Mongolie 2000-2001*. – Paris, 2002.
9. Trever C. *Excavation in Northern Mongolia*. – L., 1932.
10. Umehara, Sueji. *Studies of Noin-Ula finds in North Mongolia*. – Tokyo, 1960.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Руденко С.И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. – М.-Л., 1962. – С. 8.
- ² Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на шёлковом пути. – М., 1994. – С. 43.
- ³ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. – Л., 1951. – С. 37–38.
- ⁴ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. – Вып. 1. – М., 1967. – Вып. 2. – М., 1973.
- ⁵ Теплоухов С.А. Раскопки курганов в горах Ноин-Улы // *Краткие отчёты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П.К. Козлова*. – Л., 1925. – С. 22.
- ⁶ Лубо-Лесниченко Е.И. Указ. соч. – С. 43.
- ⁷ Лубо-Лесниченко Е.И. Указ. соч. – С. 43–44.
- ⁸ Лубо-Лесниченко Е.И. Древние китайские шёлковые ткани и вышивки. – Л., 1961. – С. 14–15.
- ⁹ Руденко С.И. Указ. соч. – С. 83.
- ¹⁰ Миняев С.С. Бронзовые изделия из Ноин-Улы (по результатам спектрального анализа) // *Краткие сообщения Института археологии*. – М., 1981. – № 167.

К.Н. ЯЦКОВСКАЯ

(Институт востоковедения Российской Академии наук, г. Москва)

АЛЕКСЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Приглашение принять участие в III Международной конференции «Рериховское наследие» «Восток – Запад на берегах Невы» поставило автора статьи перед нелёгкой проблемой выбора темы для сообщения. Возникло естественное желание рассказать об учителях, сыгравших немалую роль в соединении Востока и Запада, прежде всего об учителях-монголооведах, прошедших научную школу в востоковедных центрах на берегах Невы: о Гарме Данцарановиче Санжееве (1902–1982), выдающемся исследователе монгольских языков, о Нине Павловне Шестиной (1898–

1980), замечательной исследовательнице монгольских летописей, кстати сказать, аспирантке академика С.А. Козина, много дней проводившей на Дворцовой набережной – в фондах Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, на Университетской набережной – в хранилище библиотеки восточного факультета Ленинградского государственного университета. Однако в контексте одной из заявленных тем конференции, сформулированной как «Место и роль российской науки в соединении Востока и Запада», автору показалось уместным обратиться к памятным страницам из истории востоковедной науки, той её части, что связана с изучением истории и теории литератур стран Дальнего Востока. Ещё точнее, рассказать о работе конференции «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока», собиравшейся на свои заседания главным образом в Ленинграде, на протяжении четверти прошлого века.

Сорок лет назад, зимой 1964 г. в одной из аудиторий восточного факультета ЛГУ по инициативе ведущих в ту пору китаистов Москвы и Ленинграда состоялась Алексеевские чтения. «Алексеевскими» они были названы в честь академика Василия Михайловича Алексеева (1881–1951). В самом посвящении научной конференции выдающемуся востоковеду В.М. Алексееву был заложен манифест следования традициям классического русского востоковедения и продолжения их в своих трудах. Ученики В.М. Алексеева, ученики его учеников не только чтят память учителя, но и шли по его стопам, неустанно заботились о его научном наследии, во многом остававшемся неопубликованным. В претворении в жизнь этого манифеста, в организации, проведении конференций, участии в них с докладами, в первую очередь, необходимо отметить Л.З. Эйдлина, О.Л. Фишман, Б.Б. Вахтина, Е.В. Завадскую, И.С. Лисевича, М.И. Никитину, В.В. Петрова, а также Т.П. Григорьеву, Л.Н. Меньшикова, С.Ю. Неклюдова, Б.Л. Рифтина, В.Т. Сухорукова, Е.А. Серебрякова и многих других ныне здравствующих известных востоковедов.

Почему на конференции «Рериховское наследие» мы обращаемся к имени академика В.М. Алексеева? В.М. Алексеев, почти ровесник Н.К. Рериха, при том что изначально их отличало разное положение на социальной лестнице – В.М. Алексеев, тоже петербуржец, родился в бедной семье и пробивался в науку из дворницкой на Выборгской стороне. Академик И.Ю. Крачковский, по праву близкого друга, на шестидесятилетии Алексеева сказал, что тот уже в студенческую пору был «человеком, который сам себя создал, без всякой посторонней помощи»¹. Обоих объединяет то, что они – единомышленники, люди Запада, посвятившие себя постижению культуры народов Востока. Они стоят рядом в своей творческой и научной деятельности. Оба своим служением мировой культуре принесли славу российской науке.

На I Алексеевских чтениях было оговорено, что конференция будет созываться раз в два года. Интерес к ней проявили многие исследователи литератур Дальнего Востока. На II чтениях вместе с китаистами результатами своих работ по изучению восточных литератур с древности до наших дней обменивались японисты и корейсты. Тогда же было решено, в связи с расширением круга обсуждаемых проблем, увеличением состава участников, впредь называть этот форум конференцией «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока». Так, на III конферен-

ции, помимо большинства докладов, посвящённых литературе Китая и Японии, прозвучали доклады о корейской, монгольской литературе, о современной поэзии в Индонезии, о развитии драматургии в Бирме, об истории возникновения и развития вьетнамского рассказа. Тезисы докладов, опубликованные к этой конференции, позволяют узнать, что некоторые учёные поделились своими наблюдениями о взаимодействии литератур Востока и Запада. Речь шла о влиянии отдельных произведений французских писателей-натуралистов на формирование японского натурализма, и, наоборот – о присутствии в системе эстетических воззрений братьев Гонкуров следов их увлечения японским искусством; аналитическое прочтение двух стихотворений Басё и Мандельштама позволило обнаружить их сходство в теме, мелодии и отсутствие сходства в разработке, в гармонии стиха; наконец, исследование «Мейерхольд и китайский театр» продолжило ряд наблюдений прихода на Запад азиатского (по терминологии Б. Брехта) театра². Такое направление в современном востоковедном литературоведении получило дальнейшее развитие и стало продолжением штудий В.М. Алексева, которыми он, написав свои сравнительные этюды о китайце III в. Лу Цзи и римлянина I в. до н. э. Горации³, о французе XVII в. Буало и его китайских современниках⁴, обосновывает правомерность сравнения двух далеко отстоящих одна от другой в пространстве и времени человеческих культур.

Связям Запада с Востоком в своё время была посвящена небольшая по объёму и программная по содержанию яркая статья С.Ф. Ольденбурга. Он начинает её со слов: «Связи Запада с Востоком старинные, и к глубокой древности восходит и интерес к Востоку», и далее – всего лишь на трёх с половиной страницах текста – прослеживает связи Востока и Запада от Египта, Персии, Греции, Рима к крестовым походам, к монголам, к миссионерам, к науке XVII, XVIII вв. и, наконец, XIX в. С.Ф. Ольденбург тогда, 80 лет тому назад, свою статью заканчивал мыслью, актуальной и поныне: «Чтобы свершилось, наконец, давно желанное глубокое и настоящее единение Востока и Запада необходимо полное взаимное понимание, к нему мы стремимся и хотим по мере сил ему помочь»⁵. Этой статьёй открывался в 1922 г. первый номер нового журнала «Восток» – журнала литературы, науки и искусства, выпускавшегося в Петрограде издательством «Всемирная литература». В нём со своими статьями, художественными переводами выступали крупнейшие российские востоковеды, в том числе и академик В.М. Алексеев.

Замечательные традиции отечественного востоковедения никогда не прерывались. Их продолжателями были и остаются учёные, собиравшиеся на конференции «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока». Число участников росло от конференции к конференции. Согласно изданным тезисам об участии в III конференции заявили 30 человек, к VIII их было уже 73. Научная конференция «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока», неизменными организаторами которой были Институт востоковедения АН СССР с его отделением в Ленинграде и Ленинградский государственный университет с его восточным факультетом, становится авторитетным собранием учёных и привлекает к себе внимание востоковедов из других научных центров страны. Раскрыв программы заседаний конференций в разные годы, можно увидеть, что на ней, помимо известных вос-

токоведов из Москвы и Ленинграда, выступали учёные, молодые научные сотрудники, аспиранты из Владивостока, Киева, Новосибирска, Ташкента, Улан-Удэ, Элисты. Конференции были открыты как для начинающих специалистов, так и для молодых востоковедов, волей судеб оказавшихся в штате публичных библиотек, разного рода культурно-просветительских учреждений, но не оставивших своего главного дела – изучения литературы одной из стран Востока. Конференции стали весьма престижной школой востоковедного литературоведения и близких к нему направлений науки. Закономерности литературного процесса, вопросы жанров и стилей, устные и литературные традиции героического эпоса, национальные особенности творчества различных писателей и ряд других проблем литературы Дальнего Востока были отражены в научных докладах, звучавших на заседаниях. Учитывая их несомненную ценность, оргкомитет конференции принял решение рекомендовать авторам готовить на основе докладов статьи с целью их дальнейшей публикации. Так, материалы VI конференции вошли в одноимённый сборник. Он открывается статьёй Л.З. Эйдлина, в которой автор раскрывает причины объединения исследуемых дальневосточных литератур. «Дальний Восток в применении к этим конференциям не голое географическое понятие, потому что включаются сюда, конечно, и литературы Юго-Восточной Азии, а прежде всего литература Вьетнама – весь тот Восток, культурные корни которого жили в тесном сплетении со старинной китайской культурой, самобытные литература и искусство которого росли и расцветали в самые давние времена наряду с существованием иероглифической прозы и поэзии (на камбуне, ханмуне, ханване).

Мы находим общие с китайской литературой черты в этих литературах древности и средневековья, точно так же, как при изучении этих литератур нового времени не можем обойтись без взгляда на Запад»⁶.

Начиная с VIII конференции, оргкомитет печатал тезисы и доклады. Таким образом, материалы конференции стали выходить в двух тетрадах. Думается, не будет преувеличением сказать, что конференция, посвящённая литературам Дальнего Востока, своей результативностью послужила предтечей выхода на более широкий форум литературоведов, занимающихся разными литературами Востока. В 1966 г., в Москве, на базе Института востоковедения АН СССР состоялся I симпозиум учёных социалистических стран, посвящённый теоретическим и актуальным проблемам восточных литератур. Востоковеды из разных республик СССР, учёные из стран социалистического содружества собирались на эти симпозиумы один раз в четыре года, кроме II, который проходил в Кракове в 1972 г. Следующий – III, был в Веймаре (1976), IV – в Братиславе (1980), V – в Варне (1984) и VI – в Улан-Баторе (1988).

1988-й год стал годом и последней, XIII конференции «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока». На титульном листе издания тезисов и докладов, в скобках, она снова была обозначена как Алексеевские чтения. Обращение к имени В.М. Алексеева было знаменательным обещанием продолжать его традиции, продолжать работу над изданием его трудов. Сегодня с большим удовлетворением можно сказать, что совсем недавно в Посольстве КНР, в Москве, состоялась презентация ещё одной книги В.М. Алексеева. Как и предыдущие две, она была со-

ставлена дочерью академика М.В. Баньковской. Ответственный редактор издания – член-корреспондент Российской Академии наук Б.Л. Рифтин⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Эйдлин Л.З.* Алексеев и наука о Востоке // *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. Статьи и документы. – М., 1982. – С. 443.

² *Теоретические проблемы изучения литературы Дальнего Востока.* – Тезисы докладов III научной конференции. – Ленинград, 1968. – М., 1968. – С. 15, 37, 44.

³ *Алексеев В.М.* Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве // *Китайская литература.* – М., 1978. – С. 249–272.

⁴ *Там же.* – С. 273–292.

⁵ *Восток.* – Пг., 1922. – Кн. I. – С. 5–6.

⁶ *Эйдлин Л.З.* К теме Востока // *Теоретические проблемы изучения литературы Дальнего Востока.* – [VI научная конференция]. – М., 1977. – С. 3.

⁷ *Алексеев В.М.* Труды по китайской литературе. – М., 2002–2003.

М.Н. КОЖЕВНИКОВА

(Музей-квартира П.К. Козлова, г. Санкт-Петербург)

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ИНСТИТУТА БУДДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ИНБУК) АН СССР (1927–1930 гг.)

Значение научных экспедиций школы академика Ф.И. Щербатского

История изучения Тибета в России, отмеченная рядом научных экспедиций Императорского Русского Географического общества (ИРГО) в Тибет и регионы тибетской культуры, а также опытом изучения тибетского языка – возникновением традиции его университетского преподавания, составлением учебника и словаря тибетского языка Я.И. Шмидта – к первой декаде XX в. увенчалась возникновением и расцветом академической школы тибетологии и буддологии академика Фёдора Ипполитовича Щербатского (1866–1942). В этот период российская академическая наука заняла лидирующие позиции в области мировой тибетологии. Как это стало возможным и что это означало, можно понять, обратившись, в частности, к рассмотрению феномена Института буддийской культуры АН СССР (ИНБУК).

В 1927 г. ИНБУК возник концептуально и организационно – как скоординированный проект, предложенный академиком Ф.И. Щербатским совместно с М.И. Тубянским и академиком С.Ф. Ольденбургом. «4 апреля 1928 г. на VII заседании Отделения гуманитарных наук Академии наук СССР академик Ф.И. Щербатский доложил об утверждении Советом Народных Комиссаров в составе Академических учреждений Института по Изучению Буддийской Культуры (Постановление СНК СССР от 13 марта 1928 г. “О составе научных учреждений Академии Наук СССР”) и о желательности принять меры к началу организационных работ Института. При

обсуждении доклада было положено просить Ф.И. Щербатского взять на себя временно исполнение обязанностей директора Института»¹.

ПРЕДЫСТОРИЯ

К этому времени академик Ф.И. Щербатской в результате своей активной научной, педагогической и научно-организационной деятельности собрал вокруг себя группу учеников и сотрудников-востоковедов, которая и получила наименование «буддологической школы Ф.И. Щербатского», на основе которой сделалось возможным возникновение Института в содержательном плане. Только О.О. Розенберг (1888—1919) выбыл из школы Щербатского, не перенеся тягот послереволюционного времени. Остальные составили штат будущих сотрудников ИНБУКа: тибетолог А.И. Востриков, ставший учёным секретарём по секции Тибета, тибетолог Е.Е. Обермиллер, получивший должность учёного секретаря по секции Монголии, синолог Б.А. Васильев, занявший место учёного секретаря по секции Китая и Японии, тибетолог Б.В. Семичов, принявший на себя обязанности учёного секретаря по секции Индии. Индолог-тибетолог М.И. Тубьянский, представлявший одного из идеологов создания Института и неотъемлемое связующее звено ИНБУКа в Монголии, в штат не вошёл, находясь в Монголии и являясь там учёным секретарём Монгольского Учёного Комитета. Кроме того, в штате состояли: научный сотрудник II разряда Д. Мункуев, затем Ц.Ж. Жамцарано; технический сотрудник Л. Санчиков, затем Козеровский; служащий А.Ф. Елоина; временный консультант профессор Д. Косамби (Индия).

В научном плане деятельность сотрудников Щербатского, по сути, разворачивалась и до формального образования ИНБУКа в тех же направлениях и по тем же программам, что начала разворачиваться после его создания – и это были программы, определённые интеллектуальными интересами и научным опытом самого академика Щербатского:

1) Прежде всего – сфера буддийской теории познания и логики в контексте общеиндийской истории мысли²;

2) Учения Махаяны³ и история развития философских школ буддизма Махаяны⁴;

3) Абидхарма, теория дхарм – «элементов бытия»⁵.

В плане деятельности ИНБУКа значатся все эти направления. Как сложились эти направления у самого Щербатского?⁶

Изначально Фёдор Ипполитович двигался в своём изучении буддизма от академической европейской школы, опирающейся на письменное изучение санскритских текстов. Индийскую филологию он изучал у Г. Бюллера в Вене, а индийскую философию у Г. Якоби в Бонне, и именно Якоби исследовал логику, открыв для современных исследователей-индологов своей работой «Die Indische Logik» (Göttingen, 1901) целую область логических трактатов и диспутов древнеиндийских учёных разных школ, включая буддистов. В 1902 г. появились исследования Щербатского по логике⁷. В своей работе Щербатской направил интерес на ключевые в этой сфере буддийские тексты: прежде всего, на логические и эпистемологические работы Дигнаги, Дхармакирти и комментарии его учеников. Кроме того, сфера теории пра-

вильного познания (санскр.: *прамана*), столь важная для методологии самой буддийской традиции, была сферой, общей для философских систем разных традиций и культур – здесь отсутствовал религиозный эзотеризм, и присутствовала философия в чистом виде. Щербатской, занимавшийся ранее изучением западной философии, а затем философских текстов Древней Индии, тяготел к этой сфере особенно. Помимо логики, в ряду буддийских текстов также его внимание привлекли ставшие известными на Западе к этому времени махаянские сутры⁸.

Начав изучать тибетский язык примерно в 1902–1903 гг. в Петербурге, Щербатской соприкоснулся с живой буддийской традицией, точнее – тибето-монгольской системой монастырского образования, благодаря бурятскому тибетологу Б.Б. Барадийну. Как можно судить по переписке и рукописям тех лет, на этом этапе в круг ранее определённых Щербатским для изучения важнейших буддийских текстов попадают те индийские тексты, которые считались первостепенными по популярности в Тибете: «Бодхичарьяаватара» Шантидевы, «Абхисамаяаламкара» Асанги-Майтрейи. Тогда же в качестве основы для изучения истории буддизма Щербатской определил популярную в монастырской среде историческую работу Будона Ринпоче.

С этого времени Фёдор Ипполитович стремился к изучению буддийской философии по традиционной индо-тибето-монгольской системе. Здесь открывались перспективы задавать вопросы не прошлым векам, но живым учёным – и получать ответы, искать толкования на интересующие темы, а также находить неизвестные, не читанные ранее тексты. Тогда же, в 1903 г., через Барадийна из Агинского дацана Щербатской впервые получил тексты Дхармакирти на тибетском языке – «Праманавартику» («Ясное объяснение теории правильного познания»), «Ньяябинду» («Буддийский учебник логики»), автокомментарий Дхармакирти на первую главу «Праманавартики» и на «Ньяябинду», а в 1904 г. у него появился тибетский текст истории Будона – от Г.Ц. Цыбикова и из Агинского дацана от Барадийна, с добавлением текста жизнеописания («намтара») Будона – для включения в будущее издание.

Барадийн передал российскому востоковеду сведения о традиции изучения теории правильного познания («праманы»), идущей от Дигнаги и Дхармакирти через учеников, по сочинению тибетского учёного монастыря Гоман *Khu rin po che'i gsol debz 'grel pa*. Сам Барадийн в Аге занимался историей философии («сиддханта»), по его словам, «под руководством своего давнишнего Учителя»⁹, которого он по просьбе Щербатского хотел пригласить в Петербург. В 1904 г. стараниями Барадийна такие возможности возникли – бурятский лама Зурбайн приехал в столицу Российской империи. В тетрадях Щербатского в эти годы появляются краткие заметки, относящиеся к тибетским терминам, выражающим основные буддийские понятия – из сферы Абхидхармы (начиная с самого термина «дхарма») и из философии четырёх школ, а также из теории буддийского пути (начиная с термина «бодхичитта» и кончая термином «нирвана», с её различными видами и трактовками).

В 1905 г. Щербатской посетил монастыри Забайкалья и Ургу для встречи с Далай-Ламой. Последующие годы он продолжал стремиться к сотрудничеству с бурятскими ламами (судя по переписке с Барадийном), но подобных 1904-му году условий для обучения уже не возникнет¹⁰.

Потом мировая война. Потом революция. Потом гражданская война, разруха, проблемы физического выживания, стоявшие перед российской, и особенно – петроградской интеллигенцией. Процесс воссоздания Академии наук и определения заново места и статуса буддологии в науке СССР.

Все эти годы Щербатской жил мечтой о переводе и исследовании «Праманавартики» – главного текста по буддийской теории правильного познания, и других работ Дхармакирти. Он подступался к тексту «Праманавартики» с разных сторон, разбирал из него цитаты, содержащиеся на санскрите в работах других авторов Древней Индии (прежде всего, Вачаспатимишры), выяснял значение упоминаемых в других произведениях тем «Праманавартики». Однако перевод так и не был сделан, даже частично.

Главной проблемой для Щербатского, имевшего основным своим языком санскрит, было отсутствие санскритского текста «Праманавартики». Бадзар Барадийн передавал вопросы своего почтенного учителя санскрита бурятским ламам и отписывал обратно Щербатскому ответы, толкование структуры заветного текста, исходя из текста «Праманасамучая» и так далее, однако сам на подвиг перевода подобного текста с тибетского языка не был способен.

И, наконец, у Фёдора Ипполитовича выросли ученики, обученные в университете им самим, приступающие к переводам авторитетных текстов с тибетского. Этот период подготовил возможность появления ИНБУКА.

ИНБУК КАК ЗЕРКАЛО СВОЕГО ВРЕМЕНИ. СКОРЛУПА ЦИКАДЫ

Добившись создания ИНБУКа в 1928 г. (идея ИНБУКа была обнародована ещё в 1927 г., тогда же были предприняты первые организационные усилия), Щербатской неминуемо столкнулся со всеми теми бюрократическими прелестями жизни официального учреждения, которые были столь красноречиво описаны бессмертными авторами хроники деятельности «конторы по заготовлению рогов и копыт». Не успел Институт формально создаться, как на его голову посыпались циркуляры, запросы, распоряжения и требования отчётности. Документация приходила на имя академика Щербатского, ответственность за отписки и представительство была возложена на учёных секретарей – Вострикова и Семичова. Рассмотрим некоторые наиболее показательные письма ИНБУКа за начало 1930 г.¹¹

От 2 января: «Циркулярно. По имеющимся сведениям УД АН известно, что ряд служащих АН имеют у себя в руках огнестрельное оружие и боевые припасы к нему. Управление Делами АН просит в кратчайший срок путём опроса собрать сведения о таковых по прилагаемой при сём форме...».

Телефонограмма № 6: «Секретариат АН извещает, что 10, 11 и 12 с[его] м[есяца] Заведующий учёными и учебными учреждениями при ЦИК СССР А.В. Луначарский и его заместитель и секретарь совместно с Президиумом АН начнёт знакомиться с учреждениями АН, в том числе и с Вашим. Просьба не отказать во всестороннем содействии и скорее сообщить, кто будет уполномочен давать разъяснения по Вашему учреждению. Осмотр начнётся приблизительно в 13 ч[асов] 10/1, подробные сведения будут сообщены дополнительно. Заведующий секретариатом *Зеленко*».

От 21 февраля: «Циркуляр. Прошу Вас представить инструкцию по Вашему учреждению для представления её в Комиссию по выработке нового Устава АН СССР, заседание которой состоится 28 февраля с/г. Инструкция должна представлять собою перечень задач учреждения и работ, им обычно выполняемых в служебное время. Последний срок представления инструкции 25 февраля с/г. И. о. неперменного секретаря академик – *Комаров*».

От 2 марта (копия письма): «Неперменному секретарю АН. 11-го сего января отправлена была мною в БЮК для пересылки в Бенарес, Индия, рукопись, работа, исполненная по просьбе Benares Hindu University. 2-го сего марта я получаю телеграмму о том, что эта рукопись ещё не дошла. По справке оказалось, что она пролежала 40 дней у Непременного Секретаря. Я надеюсь, секретариат не откажет объяснить причину такого непонятного для меня явления. Директор *Ф. Щербатской*».

Телефонограмма от 2 марта: «Всем учреждениям АН СССР. Секретариат АН ставит Вас в известность, что 3.III в 7 ч. вечера в Б[ольшом] Конференц-зале состоится общее Собрание академиков и всех работников Академии для подписания договора по социалистическому соревнованию Украинской и Белорусской Ак[адемий] наук. Просьба оповестить всех сотрудников и обеспечить их присутствие на означенном собрании. Зав. секретариатом *Зеленко*».

Телефонограмма от 17 марта: «Учёному Секретарю ИНБУКа. Секретариат просит договор о соревновании между учреждениями раздать под расписку и лист с распиской возвратить. *Зеленко*».

Телефонограмма: «Срочно. Для Госплана представить в Секретариат АН СССР в самом срочном порядке и ни в коем случае не позже 25-го марта с. г. следующие данные <...>. Зав. Секретариатом – *Зеленко*».

От 21 марта: «Циркулярно. Согласно постановлению Правительственной Комиссии при СТО об упорядочении работы предприятий, Управление делами АН просит Вас ввести с 1-го апреля единый производственный табель-календарь и проводить таковые в УД АН. При составлении графиков необходимо иметь в виду, что год считается в 360 дней (5 революционных дней в расчёт не принимаются) и первым днём пятидневки устанавливается 1-е апреля».

От 29 апреля: «Циркулярно. Ввиду неоднократно имевших место случаев позднего сообщения учреждениями сведений о неявке сотрудников на работу по болезни и т. д., что крайне затрудняет работу Счётного стола, Управление делами АН СССР предлагает ежедневно давать в УД АН сведения о не явившихся в предыдущий день на работу сотрудников Вашего учреждения».

На фоне бюрократии контраст составляют содержательные документы, отражающие собственные интересы Института: докладная записка по поводу планов на пятилетие 1930–1934 гг., упоминающая в качестве специальной задачи ИНБУКа «изучение Абхидхармы (литературы по космологии и онтологии)» и предлагающая «организовать в 1934 г. Всесоюзный съезд учёных по вопросам буддийской культуры»; документы трудовых договоров со студентами ЛГУ Н.П. Ярославцевой и К.М. Черемисовым по разнесению на карточки тибето-монгольского словаря. Под слоем бюрократических запросов и отписок ИНБУКа как учреждения теплится и

просвечивает реальная научная, интеллектуальная жизнь, по содержанию, направлению развития и интенсивности не зависящая от внешней формы своего существования – власти, времени, порядков, как не зависит от скорлупы поющая цикада, сбрасывающая при необходимости потребную ей прежде защитную оболочку.

Особое место в переписке занимают письма, связанные с экспедициями ИНБУКа.

От 24 мая 1930 г.: «В Комиссию Экспедиционных Исследований. Препровождая при сём заявление учёного секретаря секции Монголии Е.Е. Обермиллера о предоставлении ему командировки в Бур-Монголию с выдачей необходимых при сём денежных средств, ИНБУК всемерно поддерживает означенное ходатайство. *Ф. Щербатской*».

От Академии Щербатскому по поводу экспедиций поступали политико-бюрократические требования советского образца, как, например, от 25 марта 1930 г.: «Руководителю Бурято-Монгольской экспедиции Щербатскому. Всем руководителям экспедиций. На основании циркуляра УД Академии наук СССР от 27/1-30 г. № 103, КЭИ¹² сообщает, что Ваши заявки по личному составу рассматриваться Президиумом КЭИ не будут без предоставления требуемых анкетой сведений (см. приложение). Кроме того, необходимо предоставление жизнеописания с указанием общественного опыта. Председатель академик *Бартольд. И. о. учёного секретаря Щербаков*».

Экспедиции ИНБУКа направлялись преимущественно в буддийские монастыри Забайкалья (исключение составила поездка Васильева в Киргизию для изучения дунган). Востриков работал в Агинском дацане, Обермиллер – в Ацагате. Для улучшения впечатления, чтобы эти экспедиции не казались начальственным органам избыточными, сидение Вострикова в Аге для КЭИ обозначались как «Археографо-этнографические экспедиции в Бурято-Монгольскую АССР под руководством Вострикова для исследования дацанов», а пребывание Обермиллера в Ацагате – «Научной поездкой в БМ АССР для собирания терминологических, исторических и медицинских материалов».

В действительности, экспедиции состояли в том, что Фёдор Ипполитович высылал учеников-сотрудников, представлявших для него как мозгового центра своего рода органы восприятия, к монахам-учёным для работы с их помощью над интересующими Щербатского текстами и вопросами.

ЭКСПЕДИЦИИ: РЕАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИНБУКА. ПРИЕЗД В МОНАСТЫРИ

О том, в какую ситуацию попадали сотрудники Щербатского, приезжая в Забайкалье, можно судить по первому письму Андрея Ивановича Вострикова к Щербатскому из Агинского дацана¹³ от 20 июня 1927 г.: «Дорогой Фёдор Ипполитович, прошло уже более недели с тех пор, как я приехал сюда, но я всё ещё не успел как следует здесь осмотреться. Мне сильно мешает то, что я совсем почти не знаю монгольского языка и мне приходится объясняться больше знаками. Знающих русский язык здесь – два-три человека, да и те знают его плохо. Добрался я сюда вполне благополучно. Только всю дорогу – почти до Читы – было очень холодно. Между Омском и Новониколаевском даже выпал снег. Вагон не топили, и потому пришлось

надеть все свои тёплые вещи, чтоб не мерзнуть. Здесь я устроился очень хорошо. Комнату мне дали в большом доме Ширетуя-ламы¹⁴ – комнату очень большую, в пять окон, светлую и чистую».

В другом письме Востриков писал: «Жить мне здесь почти ничего не стоит, потому что Ширетуй отказывается брать с меня деньги, и я покупаю здесь только кумыс да книги. Никак не придумаю только, что бы мне подарить Ширетуя-ламе в благодарность за его любезность и гостеприимство. А то так неловко. Я отдал ему и окружающим меня ламам кое-какие бывшие со мной пустяковые вещицы, которые ему почему-то понравились, но всё это ничтожно. Кроме того, я передал ему Ваш хадак¹⁵» (27 июля 1927 г.).

Ученики Щербатского, изучавшие в университете санскрит и тибетский, попадая в бурятские монастыри, где вождельные тексты и знания были так близки, оказывались в силу языкового барьера в положении крыловской лисы с виноградом. В письмах Вострикова эта проблема описывается красноречиво: «...Работа подвигается очень медленно, и мне думается плохо, постоянно я никак не могу сговориться с моим Габжу¹⁶ Жамцарановым. Потому что ни по-тибетски, ни по-монгольски говорить я не могу. Теперь поэтому я изо всех сил стараюсь научиться болтать по-монгольски, но пока толку очень мало – может быть, оттого, что мало времени ещё прошло. Но меня, всё же, убивает моя крайняя беспомощность в этом отношении и необходимость заниматься монгольским языком в ущерб работе над *Pramanavartika*. Но я думаю, что мне, всё же, надо работать над монгольским языком – разговорным, конечно, – и надо именно здесь, потому что здесь это будет легче для меня сделать» (письмо от 20 июня 1927 г.).

Своему пребыванию в буддийском монастыре Востриков старался создать какое-то оправдание и пытался быть полезным монахам тем способом, на который он был способен. Он предлагал им свою помощь в изучении санскрита, о чём писал Щербатскому: «Наполовину по-русски, наполовину по-монгольски, я стал заниматься с ламами санскритом. Желающих оказалось так много, что Ваших книг не хватило, и остальным я сам написал алфавит и проч. Между прочим, изъявили желание заниматься санскритом и такие лица, как Габжу Жамцарано и другие, да и вообще большинство “учеников моих” – либо кончают, либо начали изучать уже Дул-ва¹⁷. Так что народ всё значительный. Не знаю, как дальше будет, но пока они занимаются усердно: переводят мало-помалу санскритские упражнения Бюллера на тибетский язык».

ВСТРЕЧА АКАДЕМИЧЕСКИХ ПЛАНОВ С РЕАЛЬНОСТЬЮ ЛАМ

Каковы же были, насколько можно судить по архивным материалам, конкретно поставленные Щербатским перед учениками задачи?

Едва прибыв в Агинский дацан, Востриков отчитывался учителю: «...Был в здешней типографии и заказал для Вас и для себя Да-йиг¹⁸. Несколько дней назад я начал работу над *Pramanavartika*. <...> С грехом пополам читаю *nam 'grel*¹⁹ с тибетскими комментариями». И относительно «Праманавартики» (*nam 'grel*) Востриков ставил весьма далеко идущие цели. Он писал: «Относительно добычи санскритского *nam 'grel* – всё время здесь агитирую, но пока что ответы все получал пессими-

стические. Здешние ламы видят только две возможности: либо через Доржиева воздействовать на Далай-Ламу, чтобы тот распорядился выдать нам самую рукопись, которая, как уверяют монахи, есть и в Радэне, и в Самье, либо ехать в Тибет мне самому. <...> Меня, каюсь чистосердечно, такая перспектива очень соблазняет».

Сверх «Праманавартики» Востриков стремился изучать и другие фундаментальные тексты по теории правильного познания: базовый текст самого Дигнаги «Праманасамуччая» (на который и был написан комментарий – «Праманавартика»), сохранившийся на тибетском языке, – и заказал переписку этого текста сразу для себя и Фёдора Ипполитовича; а также «Pramana Viniscaya» – другой логический текст Дхармакирти, представляющий сравнительно с «Праманавартикой» сокращённое изложение идей Дхармакирти. По поводу этих текстов постоянное обсуждение с учителем – академиком Щербатским, который шёл в своих исследованиях от санскритского текста Вачаспатимишры, содержащего обильные обращения к буддийским текстам и цитаты из них. Востриков должен был производить сверку, выборку и зачастую перевод соответствующих цитат по тибетским текстам.

Евгений Евгеньевич Обермиллер готовился к поездке в Ацагатский дацан ещё в Ленинграде, рассчитывая силы на выполнение своей задачи, и сообщал потом Щербатскому в письме²⁰ из Забайкалья: «Перед своим отъездом я особенно налегал на Naribhadra²¹, почерпнув из него очень многое, что мне будет теперь же нужно при чтении Дигнаги <...>. До приезда Чойдага²² буду понемногу просматривать намтар Будона²³, чтобы сразу, не задерживаясь, выяснить с ним все трудные места» (письмо от 9 июня 1928 г.). Его задачами были те же давно определённые имена: Дигнага, основоположник буддийской логики, его классический текст – комментарий на махаянскую сутру Праджняпарамиты, то есть труды по буддийской философии; и Будон, его текст «Истории буддизма» и его биография.

Посланные академиком Щербатским ученики прибывали в Забайкалье с готовыми заданиями и академической школой за плечами. Бурятские ламы же, на которых теперь возлагалась надежда и ответственность за компетентное курирование воплощения научных буддологических планов Щербатского в жизнь, имели своё, зачастую совершенно иное представление о месте искомых текстов в контексте индо-тибетской философской литературы. Для них авторитетные тексты не пребывали в неосвоенном пространстве истории философии, высясь некими отдельными запредельными пиками, требующими подвига научного восхождения, но были неотъемлемой частью плотно сотканной ткани всей традиции буддийского индо-тибетского образования. По представлению бурятских лам, получавших знакомство с авторитетными текстами буддийской философии в процессе своего обучения в Тибете, эти тексты относились к определённому уровню, тому или иному курсу и изучались с опорой на те или иные тексты, с применением известной методики (выучивания наизусть формальных определений, дебатирования определённых положений и т. д.). Поэтому, в ответ на поступающий от западной буддологии запрос, они предлагали ученикам академика Щербатского лучшее, что могли: опробованную систему образования (хотя бы в сокращённом варианте), подводящую к необ-

ходимым уровням, на которых требуемые тексты должны были находиться, и методологически проработанные комментарии.

Учителем Вострикова в Агинском дацане был монах, о котором Андрей Иванович Щербатскому: «Я всё время здесь ищу такого ламу, который мог бы пригодиться нам в Питере по части *ram-'grel* и *tshad-ma*²⁴ вообще. Знаток здесь было много, но моё такое впечатление, что, хотя они и говорят, что знают *tshad-ma*, на самом деле они здорово позабыли и то, что читали-то, а ведь никто здесь не читал *Devendrabuddhi*. Поэтому мой выбор остановился пока на моём здешнем бакши²⁵ Галдане Габжи Жамцарано. Он здесь считается большим знатоком, хотя говорят, есть и ещё бакши, но у него есть то преимущество, что он, кажется, чуть ли ни единственный в дацане до сих пор читает литературу по *tshad-ma*. Не знаю, поедет ли он, потому что сейчас он изучает Жуд²⁶. На меня он произвёл прекрасное впечатление, впечатление со светлой головой, очень старательного и скромного. Было бы хорошо привезти его в Петербург. Впрочем, я буду искать ещё. Пока же это самый лучший».

Притом, что «ламы не читали Девендрабуддхи», то есть первого комментатора глав «Праманавартики», они (прежде всего, сам Габжи Жамцарано как главный авторитет для Вострикова) предлагали ему методологически освоенную в тибетской традиции альтернативу. Сам Востриков писал следующее: «Мне особенно рекомендуют здесь два комментария – один Жалцаба²⁷ *thar lam gsal byed* и другой Жамьяна Шадбы *mtha' dpyod*. Но они для меня сейчас очень трудны».

В Ацагате Обермиллера наставлял лама Чойдаг, о чём Евгений Евгеньевич писал Щербатскому: «Глубокоуважаемый и дорогой Фёдор Ипполитович, не сердитесь на меня, что я так долго не писал Вам, но у меня положительно не было возможности, ибо всё это время прошло у меня в самой напряжённой работе. Программа вышла гораздо больше, чем предполагали Вы, и я сейчас подробно расскажу, как и почему. Когда приехал мой драгоценнейший Чойдаг, он мне сразу сказал, что считает невозможным сразу же приступить к чтению такого текста, как *Pindartha*²⁸ Дигнаги. По его мнению, нужно пройти систематический курс Парчина, как его преподают в дацанах. Помня Ваши слова, что такой курс был бы весьма и весьма желателен, я, конечно, с радостью согласился. Программу Чойдаг первоначально наметил следующую: 1) Дуйра (*bsdus-grwa*) Лабранского Агван-Дашия (ученика Джамьяна Шадбы), 2) Лориг, 3) Даг-Риг (*rtags-rigs*), 4) Са-лам Лабранского Джигмед-Вангбо (*jig-med-dbang-po*) и, наконец, только *Pindartha*» (письмо от 10 августа 1928 г.).

Востриков же, со своей стороны, начав работу над «Праманавартикой», сам сформулировал проблемы следующим образом: «Особенно же меня печалит то обстоятельство, что я совершенно не знаю тибетских определений философских понятий. Без них можно было бы обойтись, если бы я знал хорошо тибетский язык, но я тибетский язык знаю плохо, а определения же не знаю совсем. А без этого я не в состоянии обсудить, как следует, не в состоянии добиться от моих лам настоящих объяснений. И я всё больше чувствую, что мне необходимо здесь последовать примеру лам и просто-напросто вы зубрить наизусть *bsdus grwa rtags rigs* и *blo rigs* и потом со здешними монахами хуvaraками устроить нечто наподобие *chos rgwa*. Иначе работа над *ram 'grel* будет зачастую сводиться к тому, что лама будет выписывать

на бумажку по-тибетски те же самые определения, которые находятся в *rtags rigs* – ничуть не больше. И в результате много времени будет потеряно зря. Поэтому я и хочу, помимо основной и главной работы над *nam 'grel*, которую я не брошу ни за что, заниматься ещё и такими текстами, которые, если бы мне удалось их выучить, очень помогли бы мне в моей работе над *nam 'grel*. <...> Каждый следующий день для меня здесь интереснее предшествующего, так как я с каждым днём, хотя понемногу, всё больше овладеваю средствами для главной работы, а от этого и главная цель начинает становиться всё менее запутанной и непонятной. А потом, я чувствую, что, возвратившись в Питер, я должен буду все свои силы сосредоточить на *Vacaspati*²⁹» (письмо от 27 июля 1927 г.).

Таким образом, вместо работы по намеченной программе (изучение «Праманавартики» в сопровождении других коренных логических текстов в соотнесении с санскритским текстом Вачаспатиширы) Востриков склонялся к тому, что предлагал ему бурятский учитель. В данном случае и Обермиллер, относительно своей программы обучения у ламы Чойдага, и Востриков, по опыту своих занятий у ламы Жамцарано, говорили о необходимости прохождения начальных курсов буддийской программы – *bsdus grwa* (Дуйра – краткий курс буддийских понятий), *rtags rigs* (Тариг – логика, основы диспута) и *blo rigs* (Лориг – основы психологии, теории сознания и эпистемологии – теории правильного познания) – и о необходимости опоры в дальнейшем на комментарии тибетской традиции.

Обермиллер взялся за изучение рекомендованных курсов и отозвался об этом так: «Относительно первого из этих сочинений [т. е. текста Дуйра Агван-Дашия. – М. К.] могу сказать, что оно мне принесло очень большую пользу, тем более что дало мне в чёткой ясной форме определения многих необходимых терминов и полные перечисления <...> понятий. После того, как мы посидели над Дуйра и всё время при этом упражнялись в тальчире [формулах логического вывода. – М. К.], мы приступили к Ло-Ригу. Здесь довольно много мне было уже известно по *Nyayabindu*³⁰, но очень многое я встретил впервые».

В Ацагате Обермиллер исписал две толстые общие тетради конспектами определений понятий по Дуйра и переводом текста Лорига³¹. В дальнейшем выписки из обермиллеровского перевода вошли в работу Щербатского по буддийской логике.

Востриков в следующем году писал: «Занимаюсь я сейчас ещё и по *bsdus grwa*, ибо чувю, что чем дальше, тем больше становится это мне необходимым для бесед с ламами – пожалуй, не меньше, чем монгольский язык. Пока что дело даётся не так быстро, как хочется, но если дальше пойдёт лучше, то из этой работы может выйти статья, если не целая книга и причём по вопросу новому и, в сущности, очень важному для чтения и проникновения в самую суть и строй тибетской комментаторской оригинальной литературы» (письмо от 21 августа 1928 г.).

НАУЧНЫЕ ПОДВИГИ В МОНАСТЫРЯХ

Что касается основных направлений работы, то Обермиллер от намеченного текста Пиндартхи Дигнаги сделал-таки шифт в сторону предложенных его ламой традиционных образовательных текстов. Он писал Щербатскому: «Вы говорили, что одной

из ближайших моих задач должна быть подготовка статьи (предварительной) по Парчину³². В связи с этим я думаю: было бы очень хорошо одновременно издать перевод Салама³³ и его тибетский текст, тем более, что он не длинный. <...> После этого, наконец, настал момент приступить к Pindartha. Но тут мы натолкнулись на непреодолимые препятствия. <...> Решили заполнить пробел тем, что взяли читать часть текста *gser-phreng* Дзонхавы, где разбирается понятие относительности и её 20 видов. Та выписка, которую я сделал весной из Naribhadra и о которой я писал Вам в своём первом письме, нам очень пригодились, ибо Дзонхава излагает совершенно так же и даже с теми же примерами; очевидно, у него прямо взято оттуда. Глубокоуважающий и благодарный Е. Обермиллер. Ацагат, Аршан» (письмо от 10 июля 1928 г.).

Евгений Евгеньевич не только высказал пожелание о возможном издании Салама, но и приступил к его изучению по тексту Джигмед-Вангбо, завершил курс и сделал перевод (остался неопубликованным). Трактат «Золотые чётки» *Legs bshad gser pyi phreng ba* ламы Цонкапы, о котором он писал Щербатскому, Обермиллер вскоре «приобрёл <...> и увидел, что, действительно, в нём содержится весь нужный материал» (из письма А.И. Вострикова к Ф.И. Щербатскому от 12 сентября 1928 г.). Далее, он строил свой следующий план – опять-таки, в полном соответствии с традицией: «На днях мне достанут ещё сочинение *don dun cu*³⁴, представляющее собой краткое изложение всех сюжетов Abhisamayaalamkara. Тогда у меня будет всё, что нужно. <...> Вы, может быть, будете сердиться на меня, что я вместо намтара³⁵ дал готовую статью по Парчину, но мне непременно хотелось это сделать под свежим впечатлением занятий с Чойдагом. Я надеюсь, что, возвратясь домой, я смогу в скором времени восполнить пробел». В этом же письме снова упомянута работа Цонкапы «Золотые чётки»: «По Джамьяну Шадбе лучшим из тибетских толкований [на «Абхисамаяаламкару». – М. К.] является *gser phreng* Дзонхавы». Позднее Обермиллер приобрёл ещё и собрания сочинений (сумбумы) учеников Цонкапы – Гьелцаба и Кэдуба. О них он упомянул в письме от 2 августа 1930 г.: «Просматриваю некоторые вещи из сумбумов. Вы ведь знаете, что я весной начал “Введение к анализу” по Парчину. Так как у меня до сих пор не было сочинений Жалцаба и Хайдуба на данную тему, то я боялся, что упущу или не замечу чего-нибудь важного».

Итак, перевод Пиндартхи, составлявший первоначальную задачу, сделан не был. Зато перевод Дондунчу и материал прослушанного у геше Чойдага курса и исследованных комментариев составили отдельную книгу Е.Е. Обермиллера³⁶.

Изучение трактатов Цонкапы не входило в намеченную в Петербурге программу. В 1928–1930 гг. Щербатской проявлял больше интереса к поиску материалов по истории философии Индии – он сам активно работал над переработкой своего базового труда, посвящённого буддийским учениям по логике и теории познания, в итоговое издание «Buddhist Logic»³⁷, и в плане историко-сравнительного анализа философских систем его надежды на Обермиллера связывались с переводом «Истории буддизма» Будона и дальнейшими исследованиями по истории философии, поэтому, со своей стороны, он выказывал настойчивую заинтересованность в работе Обермиллера над индийским сочинением «Таркаджвала»³⁸. В рамках обсуждения планов он писал: «Дорогой Евгений Евгеньевич, я и ожидал, что ламы Таркаджвала

не читали, поэтому они отлынивают³⁹. Я полагаю, что соответствующим материалом тибетским будет большая *Dub-mthah*⁴⁰ Жамьяна, а не *nam-bshad dgongs-pa-rab-gsal*. Но это только моё предположение, сам я сличаю Таркаджвала (но она очень повреждена) – и том материалов по истории брахманских философских систем Васильева. Делайте, как хотите, важно – прочтите сами, хотя бы и очень курсорно, Tarkajvala и отмечайте себе в тетради всё, что найдете там о Санкья, Ньяя, Вайшешика, Джайна⁴¹ и др. <...> А затем читайте, если хотите, Цонкапу, но тут, я думаю, в Мадхьямике⁴² вряд ли Цонкапа нам даст много нового» (письмо от 5 июля 1930 г.).

Щербатской настоятельно рекомендовал: «Пока изучайте текст Tarkajvala и *Dub-mthah* Жамьян Шадба, делайте rough translation [грубый перевод. – М. К.], отмечайте все неясные места. Так как это сочинение вроде истории философии Индии, то, несомненно, оно вызовет большой интерес на Западе, где ведь главным образом интересуются вопросами историческими и политической. Вы создадите себе солидную рекомендацию в должных кругах. <...> Вот главная линия работы – текст Таркаджвала, а остальное попутно, когда увидите, что необходимо» (письмо от 19 июня 1930 г.).

Однако Обермиллер следовал иной главной линии – читал трактаты Гьелцаба, Кэдуба и «Золотые чётки» Цонкапы. Что касается Таркаджвалы, в неопубликованных работах Щербатского остался перевод Таркаджвалы, сделанный, по-видимому, не без участия Е.Е. Обермиллера. Исследования по Таркаджвале Евгений Евгеньевич делать не стал. Однако исследования учений Праджняпарамиты по «Абхисамаяаламкаре» принесли его имени мировую тибетологическую, буддологическую известность. Кроме того, издание пионерского перевода трактатов Цонкапы, сделанного Обермиллером на английский и немецкий языки на 50 лет раньше, чем это произошло в США, многое бы добавило ещё к этой известности. Но переводы остались неопубликованными.

Андрей Иванович Востриков в Агинском дацане начал осуществление давней мечты Ф.И. Щербатского – он приступил к переводу «Праманавартики» Дхармакирти с тибетского языка. О темпах и состоянии работы он писал своему наставнику следующее: «Вчера просматривал свой перевод начала 1-го леу⁴³, который я сделал **ещё в прошлом году** [выделено мной. – М. К.], и теперь отделяю заново – я написал там все эти цитаты...» (из письма 27 мая 1928 г.). 21 июля 1928 г. Востриков сообщал: «Моё здоровье сейчас довольно сносное, и потому работать я стараюсь всюю. Но не могу сказать, чтобы дело двигалось быстро. Первое леу начерно сделано более или менее, но ещё много работы нужно будет уложить на его отделку. В сущности, это текст адской трудности. Некоторые места в *rang grel*⁴⁴ для меня до сих пор всё ещё остаются тёмными.

Работаю я, главным образом, над *thar lam gsal byed*’ом Жалцаба. Из тибетских комментариев на PV это, пожалуй, самый хороший, хотя в то же время и самый трудный. Работать над одним *rang 'grel*’ом для первого леу не было никакой возможности – потому что ламы его почти не читают, а разбираться одному трудно очень. Ведь этот текст такой же лаконичный, как и Mula⁴⁵. Для остальных леу я думаю положить в основу этот же *thar lam gsal byed*, читая, насколько позволят мне мои силы и способности, ещё и комментарий Devendrabuddhi. Но в сущности, этого

недостаточно, потому что все эти тексты, которые я читал и читаю, ни в малейшей степени не отражают всё то обилие споров, которые развернулись при комментировании PV. Уже сейчас удаётся установить 3 главных направления в споре. <...> Мне немислимо, конечно, сейчас браться за чтение всех комментариев на PV без исключения. Помимо трудностей текста, самого текста-то ведь почти 13 томов. <...> Но всё же я считаю (не знаю, согласитесь ли Вы с этим), что размах работы нужно несколько расширить, хотя бы включением комментариев Хайдуба *tika chen* и Жамьяна *mtha' dpyod*. <...> Хайдуб представляет как раз иную позицию в вопросе, чем Жалцаб – именно позицию Devendrabuddhi и Saakyabuddhi, об этом сообщает Лондол и с этим согласны и ламы. <...> Не знаю, согласитесь ли Вы с этим. Напишите мне, пожалуйста. Это, конечно, замедлит, и очень значительно, темп моей работы, но я считаю лучше выиграть качество. Ведь, в конце концов, здесь можно задержаться и подольше, если работа заставит». По поводу своих планов относительно распределения работы по времени он говорит в заключительной части того же письма: «Как было бы хорошо, если бы Вы приехали. Даже мои ламы все с ума посойдут от радости. Они знают Вас с моих слов и всё спрашивают, не собираетесь ли Вы сюда. <...> Для меня было бы большой радостью, если бы Вы сюда приехали. Потому что когда ещё я Вас увижу – во всяком случае, не раньше января, а вернее, позже, потому что мне по многим причинам лучше здесь поработать подольше».

Востриков продолжил свою работу над «текстами адской сложности» – «Праманавартикой» и комментариями – и в середине тридцатых годов, о чём можно судить по его письмам академику Щербатскому из Осташкова в 1934 г. К сожалению, во время репрессии подавляющая часть рукописей учёного тоже была репрессирована, и нам остаётся только догадываться по косвенным сведениям о его научных свершениях в этой, до сих не исследованной в российской тибетологии, области. Завораживающие масштабы его обзора тибетских философских текстов в единственной изданной после войны книге «Тибетская историческая литература»⁴⁶ позволяют представить достигнутый им высочайший уровень компетентности.

Сам Фёдор Ипполитович, несомненно, принимал в расчёт новые возможности, предоставленные ламами, и был готов включить и в своё рассмотрение новые для себя тексты, обращаясь к ученикам с многочисленными вопросами, адресованными ламам по философским вопросам, например: «Не можете ли добавить мне следующую справку – в первом леу “Праманавартике” упоминается много о *nges pa niscayo*⁴⁷. <...> Не можете ли Вы попросить **найти эти места** [выделено мной. – М. К.] в “Праманавартике” <...>, а также и из *Rgyal tgsab*'а комментария и из Жамьяна⁴⁸»; «Дебатировали ли Вы с моими вопросами о свободе воли и необходимости? <...> Это очень важный вопрос, продебатыруйте это со всеми ламами основательно и запишите их ответы и ссылки, нет ли по этому вопросу специального сочинения?».

Итак, переписка академика Щербатского с Востриковым и Обермиллером, а также материалы рукописей тех научных работ, которые были связаны с деятельностью сотрудников Щербатского в научных экспедициях, содержащиеся в архивах РАН и СПбФ ИВ РАН, позволяют воссоздать картину развития и преобразования научных планов ИНБУКа и самого Ф.И. Щербатского в результате контактов и

интенсивного сотрудничества с учёными ламами Забайкалья. Недаром Востриков писал Щербатскому про Агинский монастырь: «Моё такое впечатление, что здесь кладёшь тибетской премудрости, и я очень рад, что попал сюда и страшно благодарен Вам за то, что Вы дали мне возможность сюда поехать», а сам Щербатской в работе «Буддийская логика» отмечал монастырские университеты Тибета и Монголии как оазисы «сохранения в неприкосновенности лучших достижений индийской философии в золотой век индийской учёности».

В круг изучаемых материалов, вводимых в научный оборот, в добавление к намеченным классическим индийским текстам по теории познания и по философии махаяны, были включены:

1. Тибетские университетские пропедевтические тексты: по курсам Дуйра – «сводка философских определений и категорий», Лориг – «теория сознания и познания» (психология и эпистемология), Тариг (логика и диспут), Дубта (история мысли) тибетских учёных Чжамьяна Шэпа (из монастыря-университета Депунг), Агван Даши и Чжигмэ Вангпо (оба из монастыря-университета Лаврана);

2. Тибетская комментаторская литература к текстам Дхармакирти (в исследованиях Вострикова) – учёных Гьелцаба, Дарма Ринчена, Кэдуба Чже, ламы Цонкапы, Лондола, Чжамьян Шэпа и ряда других комментаторов – и к текстам по философии мадхьямики (в исследованиях Обермиллера) – Цонкапы, Гьелцаба, Кэдуба Чже.

Результатом этих научных экспедиций, как можно судить по рассмотренным архивным материалам, стали в дальнейшем все работы Вострикова, включая не получившие публикации его доклады в ИНБУКе и статьи и посмертно изданный труд «Тибетская историческая литература»; работы Обермиллера, включающие публикацию тибето-санскритских и санскрито-тибетских индексов к «Абхисамаяаламкаре», пионерскую работу по исследованию учений Праджняпарамиты на основе трактата «Абхисамаяаламкара», перевод «Истории буддизма» Будона, неопубликованные переводы ряда пропедевтических текстов, перевод трактатов ламы Цонкапы по философии Махаяны.

Результаты экспедиций для работы самого академика Ф.И. Щербатского сказались, прежде всего, в работе над «Буддийской логикой». Не говоря уже о том, что текст наполнен результатами выясненных Ф.И. Щербатским у лам-учёных философских тонкостей буддийской теории познания, в текст книги вошли материалы исследований А.И. Вострикова, лёгшие в основу значительной части историко-философского анализа этого фундаментального труда, составившие полностью разделы о порядке глав в «Праманавартике», о трёх школах комментаторов, о буддийской логике в Тибете и Монголии и обзор метода «следствия и основания» *thalphyir*. Также в состав книги вошла часть переводов Е.Е. Обермиллера⁴⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известия АН СССР. – 1928. – С. 515–519.

² Работы Ф.И. Щербатского «Логика в древней Индии» (1902); «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов» (1903–1909), издания тибетского и санскритских текстов «Нуау-

abindu», «Nyayabindutika», «Nyayabindutikappani» с введением и комментариями (1904–1909, 1916); Тибетский перевод сочинений «Samtannantarrasiddhi Dharmakirti» и «Samtanantarrasiddhitika Vinitadeva» вместе с тибетским толкованием, составленным Агваном Дандар-Лхарамбой (1916).

³ Махаяна – «северная» традиция буддизма – по классификации, исходящей из направлений распространения, и «поздняя» – по классификации периодов введения в обиход текстов этой традиции в самой Индии.

⁴ «Notes de litterature bouddhique. La litterature Yogacara d'apres Boustou» (1905); «О приписываемом Майтрейе сочинении Abhisamayalamkara» (1907); «Дхармакирти. Обоснование чужой одушевлённости» (1922); «The Conception of Buddhist Nirvana» (1927).

⁵ Публикация текста «Sphutartha Abhidharma-kocavyakhya, the work of Yacomitra» (1918); «The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the word “Dharma”» (1922)

⁶ Подробнее об истории научной деятельности академика Ф.И. Щербатского см. в статье Б.В. Семичова и А.Н. Зелинского в кн.: *Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму.* – М.: Наука, 1988. – С. 15–41.

⁷ *Щербатской Ф.И. Логика в древней Индии // ЗВОИРАО.* – Т. XIV. – Вып. 3. – СПб., 1902.

⁸ «Saddharma-Pundarika» – «Лотосовая сутра», в переводе Г. Керн (Oxford, 1884); «Buddhist Mahayana Texts» – сборник махаянских сутр, включающий, прежде всего, сутры Праджняпарамиты, в переводе Ф.М. Мюллера (Oxford, 1894).

⁹ *Барадийн Б.Б. Письма к Ф.И. Щербатскому // Архив РАН, ф. 725, оп. 3, № 34.*

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Кожевникова М.Н. Путь к Знанию пути // Буддизм России.* – 1998. – № 29–30.

¹¹ Документация ИНБУК цитируется по делу из архива СПбФ ИВ РАН, ф. 152, оп. 5, № 5.

¹² Комиссия экспедиционных исследований.

¹³ Переписка А.И. Вострикова и Ф.И. Щербатского цитируется по оригиналам в архиве РАН, ф. 725, оп. 3, № 67.

¹⁴ Начальник по дисциплине в монастыре.

¹⁵ Приветственный церемониальный шарф, подносимый в знак уважения в тибетском и монгольском обществе.

¹⁶ Габжу – бурятское произношение тибетского геше, то есть «доктор буддийских наук». Учитель Вострикова – доктор буддийских наук Галдан Жамцарано.

¹⁷ Последний курс в буддийской программе образования, занимающей 10–16 лет. Посвящён монашеской дисциплине.

¹⁸ Терминологический словарь (тиб.).

¹⁹ Тибетский перевод названия «Праманавартика» («Ясное объяснение»).

²⁰ Письма Е.Е. Обермиллера к Ф.И. Щербатскому цитируются по оригиналам в архиве РАН, ф. 725, оп. 3, № 160.

²¹ Индийский буддийский учёный конца VIII – начала IX в., известный комментатор «Абхисамая-аламкары».

²² Бурятский учёный-монах, учитель Обермиллера в Забайкалье.

²³ То жизнеописание Будона, которое ещё в 1904 г. добывал для Щербатского Барадийн.

²⁴ Философия (тиб.).

²⁵ Учитель (бурят.).

²⁶ Тантра (тиб.).

²⁷ Бурятское произношение имени ученика ламы Цонкапы – Гьелцаба Дарма Ринчена. Здесь и дальше в письмах употребляются бурятские варианты тибетских имён и названий. В авторском тексте эти же имена и названия приведены в современном варианте собственно тибетского лхасского произношения: вместо Жалцаб – Гьелцаб, вместо Хайдуб – Кэдуб, вместо Шадба – Шэпа, вместо Дзонхава – Цонкапа и т. п.

- ²⁸ «Праджняпарамита-пиндартха» – краткий комментарий на сутры Праджняпарамиты.
- ²⁹ Перевод с санскрита работы по истории индийской философии Вачаспатимишры.
- ³⁰ «Краткий учебник логики» Дхармакирти. Исследовался и переводился Ф.И. Щербатским.
- ³¹ Неопубликованный перевод на английский язык под названием «The Categories of Knowledge» сохранился в архиве СПбФ ИВ РАН, ф. 100, оп. 1, № 16.
- ³² Запредельное совершенство (тиб.). Санскр.: парамита. Имеется в виду Праджняпарамита – «Запредельное совершенство мудрости», то есть махаянская философия пустоты (по Щербатскому, относительности).
- ³³ *Sa lam* (тиб.) – буквально: «ступени и пути», жанр махаянских текстов, систематически излагающих материал Абхисамаяаламкары, то есть, в принципе, сводку учения Праджняпарамиты.
- ³⁴ «Семьдесят пунктов» (тиб.) – сводка по Абхисамаяаламкаре, то есть обзор материала, содержащегося в сутрах Праджняпарамиты.
- ³⁵ Жизнеописание (тиб.). Имеется в виду перевод жизнеописания Будона.
- ³⁶ *Obermiller E.E.* The Doctrine of Prajna-paramita as exposed in the Abhisamayalamkara of Maitreya. – [Исследование с примечанием и шестью указателями] // *Acta Orientalia*. – Vol. XI. – 1932. – P. 1–132. – Vol. XII. – 1933. – P. 334–354.
- ³⁷ *Stcherbatsky Th.* Buddhist Logic. – Vol. 1–2. – Leningrad, 1930, 1932. – Серия «Bibliotheca Buddhica». – Вып. XXVI.
- ³⁸ Философское сочинение Бхавьявивеки, освещающее историю индийской философии.
- ³⁹ По-видимому, ламы отказывались интерпретировать текст, по которому не получали учение и по которому им не известен комментарий.
- ⁴⁰ История философских воззрений (тиб.).
- ⁴¹ Традиции Древней Индии.
- ⁴² Философия срединности (санскр.) – философская школа, ведущая происхождение от Нагарджуны (II–III вв н. э.), отличающаяся своей диалектикой, базирующаяся на сутрах Праджняпарамиты.
- ⁴³ Глава (тиб.).
- ⁴⁴ Автокомментарий Дхармакирти, сделанный им только на первую главу (леу).
- ⁴⁵ Коренной текст, то есть сама Праманавартика.
- ⁴⁶ *Востриков А.И.* Тибетская историческая литература. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – 427 с. – Серия «Bibliotheca Buddhica». – Вып. XXXII. – В подготовке этого выпуска серии активное участие принимал Ю.Н. Рерих, по инициативе которого «Bibliotheca buddhica» была возрождена после десятилетий репрессий.
- ⁴⁷ Определённость, удостоверение (объекта).
- ⁴⁸ Тексты, рекомендованные ламами Вострикову.
- ⁴⁹ Из Лориг – «Категорий познания» Жамьян Шэпа, в «Buddhist Logic» во втором томе.

Б.Н. МЕЛЬНИЧЕНКО

(Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета)

ТИБЕТ В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕДИЦИИ Н.К. РЕРИХА 1927–1928 ГГ.

Экспедиция Рерихов в Тибет в 1927–1928 гг. являлась частью их большой Центрально-азиатской экспедиции 1923–1928 гг. по Индии, Китаю, Алтаю, Монголии и Тибету. Собственно тибетская экспедиция началась в марте 1927 г. в Урге. В составе экспедиции было 9 европейцев, в том числе Н.К. Рерих, Е.И. Рерих, Ю.Н. Рерих, начальник конвоя полковник Н.В. Кордашевский¹, врач, секретарь и казначей экс-

педиции К.Н. Рябинин², техник и начальник транспорта П.К. Портнягин³, заведующий хозяйством Голубин⁴ и его помощницы, сёстры Л.М. Богданова⁵ и И.М. Богданова (последняя в возрасте 13 лет)⁶.

О целях и задачах экспедиции её научный руководитель Ю.Н. Рерих в июне 1931 г. писал следующее: «Главной целью экспедиции было создание живописной панорамы земель и народов Внутренней Азии. Пятьсот полотен Н.К. Рериха, в настоящее время выставленные в Музее Рериха в Нью-Йорке, являются одним из самых больших её достижений. Вторая задача экспедиции состояла в проведении археологической разведки, с тем чтобы подготовить основу для дальнейших серьёзных исследований этих малоизученных районов Внутренней Азии. И, наконец, большое значение мы придавали сбору этнографического и лингвистического материала, характеризующего древние культуры региона»⁷. Кроме этого, Н.К. Рерих среди конкретных задач экспедиции указывал задачу «ознакомления с положением Учения Буддизма»⁸, для чего экспедиция в продолжение четырёх с половиной лет посетила целый ряд буддийских стран, а сам Н.К. Рерих планировал лично встретиться с XIII Далай-Ламой, чтобы обсудить с ним конкретные контакты со сторонниками буддизма и возможные совместные действия по распространению буддизма на Западе⁹.

В сентябре 1927 г. экспедиция вступила на территорию Тибета, но вскоре была задержана тибетским властями и вынуждена была простоять пять месяцев (с 6 октября 1927 г. до 4 марта 1928 г.) к северу от Нагчу и затем в Нагчу в условиях жесточайшей зимы при холоде -40° . Только в марте экспедиция получила разрешение идти в Сикким минуя Лхасу долгим обходным путем через Чантанг – малонаселённое плоскогорье Тибета. В апреле 1928 г. экспедиция Н.К. Рериха добралась до Сиккима.

О тибетской экспедиции 1927–1928 гг. её участниками написано несколько книг. Источником для настоящего сообщения послужили экспедиционные отчёты и дневники Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, К.Н. Рябинина, Николая Декроа (Н.В. Кордашевского) и П.К. Портнягина, а также письма Е.И. Рерих и дневниковые записи З.Г. Фосдик. Используются также письмо Н.К. Рериха Буддийскому центру в Нью-Йорке и его же заметки «Ещё несколько зарисовок Тибетской действительности».

Разумеется, невзгоды экспедиции, бесчеловечное отношение к её участникам со стороны тибетских властей не могли не оставить следа в воспоминаниях членов экспедиции. Однако подчеркнём, что речь идёт не о случайных туристах, оказавшихся в бедственном положении в незнакомой им стране, а об учёном-востоковеде с мировым именем Н.К. Рерихе и его спутниках, которые основательно подготовились к встрече с Тибетом и к его исследованию. Ю.Н. Рерих, в частности, великолепно знал тибетский язык; Голубин хорошо знал китайский. «Таким путём, не в случайной передаче, но в непосредственном общении мы знакомимся с непрекращенной жизнью Тибета», – подчёркивал Н.К. Рерих¹⁰.

Сам Н.К. Рерих указывал: «Нам всё равно, положительны или отрицательны эти материалы [т. е. впечатления и записи членов экспедиции. – Б. М.] для самих тибетцев. Для нас важна только достоверность фактов»¹¹.

Для нашего сообщения оставим в стороне негативные характеристики, данные Н.К.Рерихом тибетскому буддизму («вспомнитесь, где теперь буддизм и где шаманский ламаизм?!»¹²), не будем останавливаться на том, как морочили экспедицию и губернаторы, и простые тибетцы, не будем приводить острые реплики Н.К. Рериха в адрес самого Далай-Ламы. Остановимся только на двух вопросах: первое, – жизнь простых тибетцев, условия их существования, и второе – эффективность административной, управленческой системы в Тибете.

По первому вопросу, в условной фразе «В большом чистом двухэтажном каменном доме с застеклёнными окнами нас встретил местный губернатор, оказавшийся лживым, бездушным и жестоким человеком» нас будет интересовать только первая часть фразы.

Итак, что же видели участники экспедиции в разных районах Тибета в течение почти полугода? В каких условиях живёт большинство тибетцев, тибетский народ?

Грязь и антисанитарию как неотъемлемые «признаки» быта тибетцев отмечают все участники экспедиции. «Здесь царит нищета и грязь, а каменные хижины, находящиеся неподалёку от нас, напоминают жилища доисторических первобытных индейцев Новой Мексики и Аризоны», – писал К.Н. Рябинин¹³. «Грязь и чёрный цвет неразрывно связаны с тибетцем», – вторил ему Н.В. Кордашевский¹⁴.

О «поражающей нищете и грязи народа» упоминал Н.К. Рерих в письме Буддийскому центру в Нью-Йорке¹⁵. «Мы смотрим на необыкновенно грязные фигуры лам жёлтой секты, лица, плечи и руки которых покрыты как бы эмалированным, лоснящимся и несмываемым чёрным слоем грязи...», – продолжал он о том же в своих заметках¹⁶. И более развёрнуто, сравнивая Тибет с Ладакхом и Сиккимом: «Мы видели много монастырей. И мы также видели множество лам, угольно-чёрных от грязи. Когда вы смотрите на эти лица и руки, чёрные и блестящие, как если бы их отполировали, высовывающиеся из грозных красных лохмотьев, вы можете связать их с чем угодно, но никогда – с буддизмом. Кажется невозможным, что они могут утверждать, будто Будда и Цзон-Ка-Па завещали им эту невероятную грязь. Около святого менданга, наполовину покрытого плитами со священными надписями, лежит гниющий труп собаки, священные же надписи покрыты человеческими экскрементами. Никогда мы не видели такого осквернения ступ и мендангов. В Сиккиме или в Ладаке даже самые старинные памятники религии, давно неиспользуемые, никогда так не оскверняются»¹⁷.

«Как прекрасна наша страна!» – пел по утрам в Чунаргене молодой хор [хоры – одно из тибетских племён. – Б. М.] – записал К.Н. Рябинин. – И как ужасна она, голодная, холодная и невежественная, в действительности! Люди рады чуре и цампе, едят сырое мороженое мясо; яки не брезгают падалью...»¹⁸. Такова была обстановка в Нагчу, самом крупном поселении на пути из Тибета (из Лхасы) в Монголию и внутренние провинции Китая. Нагчу – центр области, небольшой город, где администрация представлена двумя губернаторами. «Санитарные условия в городе ужасны», – отметил в экспедиционном дневнике и Ю.Н. Рерих¹⁹. Эти условия, а также постоянная задымлённость местности от продуктов горения аргала, используемого для отопления, были причиной острой болезни Е.И. Рерих в Нагчу²⁰.

Вот конкретный пример из воспоминаний врача К.Н. Рябинина: «Насколько естественна и привычна в здешней жизни антигигиена, показывает сегодняшней случай, когда на соседнюю с нашей фанзой мусорную кучу выбросили павшую лошадь»²¹. «Если здесь [в Нагчу. – *Б. М.*] вам кажется грязно, – говорил К.Н. Рябинину тибетский чиновник, – то, чтобы вы стали делать в Лхасе, где потоки питьевой воды часто сливаются с потоками нечистот?»²².

«Всюду видна самая неприглядная нищета и убожество <...>, – записал в своём дневнике 31 января 1928 г. П.К. Портнягин, – нищета жизни тибетцев, живущих в грязных хлевах, питающихся подчас сырым мясом и носящих грязные бараньи шубы, одетые прямо на голое тело. <...> Оплата труда здесь нищенская, как и сама жизнь. Чёрнорабочий получает от 20 до 30 шо в день, т. е. около 20 центов мексиканского доллара. Никакого ограничения часов рабочего дня не существует»²³. «Само население, – записал несколько позже П.К. Портнягин, – стоит на очень низкой ступени культурного развития, имеет чрезвычайно ограниченные потребности, например, из одежды многие довольствуются одной только бараньей шубой и шерстяными сапогами, причём шуба служит им также и постелью (а иногда и палаткой), т. к. они спят не ложась, но становясь на колени, уткнувшись лицом в землю; пищей им служит часто сырое баранье мясо, сушёное молоко, цампа и чай; население крайне суеверно...»²⁴.

«Здешние жители уже настоящие тибетцы, но ничего похожего на национальный костюм не имеют и *ходят буквально в лохмотьях*»²⁵ [выделено нами. – *Б. М.*].

Нищета тибетцев поражала путешественников. «Тибет нищий, но это нищие из нищих! – восклицал К.Н. Рябинин, – Тут нищенство уже непритворно»²⁶. Далее он продолжал: «Никак не укладываются в сознании пышные наряды правительственных властей, украшенные драгоценными камнями, с омерзительными горами нечистот и нищетой народа. Бедность удерживаемого в невежестве народа, для которого правительство ничего не делает, очевидна и не подлежит никакому сомнению»²⁷. «Поражающее количество нищих», – заметил и П.К. Портнягин²⁸.

28 марта 1928 г., описывая в отчётном дневнике конкретное место – Шенца дзонг – «административный центр большой провинции, протянувшейся к северу от Трансгималаев и включающей большинство великих соляных озёр Тибетского нагорья», Ю.Н. Рерих зафиксировал: «Улицы деревни были, как обычно, чрезвычайно грязными, но благодаря сухому, холодному воздуху мусорные кучи всё ещё были смёрзшиеся. Население состояло приблизительно из пятидесяти жителей, многие из которых находились в состоянии полной нищеты»²⁹.

При дальнейшем движении экспедиции по плоскогорью Чантанг К.Н. Рябинин записывал в дневнике: «Поражает ещё бóльшая дикость и бедность встречающихся племён и полная их неосведомлённость о том, что находится в двух днях пути от них. <...> Одеты бесцветно и бедно...»³⁰. О землях Чантанга Н.В. Кордашевский писал: «Здесь нет пастбищ, а есть только сотни километров, усеянных галькой и камнями. Ни яков, ни овец, ни масла, ни молока... Дикое население влачит нищенское существование»³¹.

«При всём при этом тибетец совершенно не стесняется своего убожества, настолько он привык к такому порядку вещей, да и ничего лучшего для сравнения он никогда не видел. Крайнее невежество населения всегда влечёт за собой и крайнюю его бедность»³². Крайнюю примитивность существования тибетцев и других живущих в Тибете племён неоднократно подчёркивали и Н.К. Рерих³³, и Ю.Н. Рерих³⁴.

Словно подытоживает эти наблюдения руководитель экспедиции: «Среди подавленного сознания, среди поражающей нищеты и грязи народа, нередко питающегося падалью, ясно видна картина разложения Тибета»³⁵.

Итак, большинство тибетцев живёт в бедности, зачастую просто в нищете, в грязи, в условиях ужасной антисанитарии. Скучное питание, одежда, часто напоминающая лохмотья, примитивные жилища – вот то, что увидели участники экспедиции. Путешественники неоднократно отмечали «невероятное невежество» населения и лам, различные отрицательные черты характера местных жителей.

«Палатку окружает большая толпа, – записал Н.В. Кордашевский, – и Н.К. Р[ерих], смотря на неё, говорит: “Как печально видеть, что этому народу не дают даже намёка на просвещение, при наличии тысяч лам-монахов, которые должны были бы, следуя заветам Благословенного, просвещать народ истиной”»³⁶.

«Тибет дошёл до крайних пределов духовной тьмы и нищеты, – сетовал Н.К. Рерих, – Тибетец ленив и легкомыслен, подвержен пьянству, необычайной лживости, совершенно невежествен и неразвит»³⁷. «Эти люди производят впечатление не просто дикарей, – приводил П.К. Портнягин слова Н.К. Рериха, – дикари обладают своеобразной сметкой, у них часто встречаются замечательные таланты, они ловки, смелы и сообразительны, эти же люди находятся в состоянии какой-то прострации – это дикари-вырожденцы»³⁸.

Итак, тибетское население находилось в крайне бедственном положении, жило в исключительно тяжёлых условиях. «Было бы нелепо осуждать всё миллионное население Тибета», – замечал Н.К. Рерих³⁹. Одной из причин бедствий путешественники считали высокие налоги, жестокую эксплуатацию простых людей тибетской элитой.

В воспоминаниях участников экспедиции также неоднократно говорилось о настроениях тибетцев. Это очень важные факты.

«Местный старшина, невысокий человек с лукавым лицом и тихими манерами, – писал Ю.Н. Рерих, – зашёл ко мне в палатку и поведал обычные местные жалобы. Он сообщил, что область перешла на владение правительства Лхасы около 12 лет назад. “Под китайским господством мы жили намного счастливее, – убеждал старшина, – но теперь страдаем от непосильных налогов, установленных тибетцами, это довело наших людей до крайней бедности...”»⁴⁰.

Этот разговор состоялся в Нагчу. О нём упоминали также П.К. Портнягин⁴¹ и К.Н. Рябинин⁴². Последний ещё раз возвращался к этому разговору, записав в дневнике: «Что если бы “Океан Знаний” – Далай-Лама вместо сидения на цампе в Нурбулинге и сбора подаяний, когда-либо дал себе труд лично поинтересоваться и посмотреть, как живут его несчастные подданные, мечтающие о любой иноземной власти, но более заботливой, хотя бы даже власти китайцев»⁴³.

«Тот же народ тайком спрашивает о судьбе почитаемого им Таши-Ламы [Панчен-Ламы. – *Б. М.*], – читаем мы в письме Н.К. Рериха Буддийскому центру в Нью-Йорке, – и шепчет с надеждой, а не вернётся ли он с китайцами?»⁴⁴.

Перейдём теперь ко второму вопросу: тибетская администрация, организация управления Тибетом. У членов экспедиции было достаточно времени и возможностей хорошо познакомиться с этой проблемой. «Без сношений с губернаторами, – замечал Н.К. Рерих, – генералом, дзонг-пенами, офицерами, старшинами и ламами мы не могли бы составить убеждение о действительности Тибета»⁴⁵. Судя по их материалам, Рерихи отлично разбирались в тибетской ламаистской иерархии, знали тонкости этикета, подробности обычаев и т. п. сведения, которые они пополняли во время многочисленных встреч с религиозными и светскими властями страны⁴⁶.

«Администрация Тибета ужасна, – писал Н.В. Кордашевский, – Каждый большой или мелкий чиновник пользуется всеми возможностями своей должности, чтобы собрать как можно больше денег, и при этом не стесняется никакими видами поборов»⁴⁷.

Об этом же писал и П.К. Портнягин: «За этот большой промежуток времени [пять месяцев вынужденного стояния в Нагчу. – *Б. М.*] мы успели достаточно ознакомиться с бытом и нравами как местного населения, так и коренных тибетцев, занимающих здесь чиновные и военные должности самых разнообразных рангов и положений. В общем, надо признать полное моральное разложение местного военного и гражданского чиновничества, живущего взяточничеством и управляющего подвластным ему населением путём грубых насилий»⁴⁸.

Где чиновники не берут взяток, не занимаются мздоимством? Разве что в стране Шамбале. В Тибете путешественников поразили размах и беззастенчивость вымогательства. Нам же хочется подчеркнуть конец фразы Портнягина: чиновники **управляют** «подвластным... населением **путём грубых насилий**». Члены экспедиции отметили полную неэффективность системы управления в Тибете. Местные власти, писал К.Н. Рябинин, заявили экспедиции, что «полученный далай-ламский указ здесь не имеет значения...»⁴⁹.

Об этом упомянул и сам Н.К.Рерих в своём письме Буддийскому центру в Нью-Йорке о результатах экспедиции: «Если вы думаете, что указ Далай-Ламы многого стоит, то вы ошибаетесь. У нас был широковещательный паспорт далай-ламского правительства, и на наших глазах народ отказывался исполнять указы своего правителя. “Мы девашунга не знаем”, – говорит старшина»⁵⁰.

О неэффективности управления писал и полковник Н.В. Кордашевский: «Всеякие распоряжения центральной власти игнорируются как населением, так и старшинами. Можно себе представить, с каким театральным уважением отнеслись бы где-нибудь в Париже или другом месте Европы к бумаге с печатью самого Далай-Ламы, – а здесь такой даик-приказ просто пропадает на полдороги [так в тексте. – *Б. М.*], выброшенный гонцом, или бросается старшиной в угол палатки без исполнения. И это не наваждение – а самая реальная действительность»⁵¹.

Итак, на местах население **каждый раз** нужно **принуждать** исполнять указы Далай-Ламы.

Губернаторы также не могут рассчитывать на выполнение их распоряжений. «Местное население в лице старшин совсем не считается с губернаторами, – отметил Н.В. Кордашевский в Нагчу, – и, только инсценируя внешний ритуал робких поклонов и высовывания языков, – совсем не исполняет их требований. <...> Разложение Тибета идёт со всё увеличивающейся быстротой <...>. Теперь всё, что только есть в Тибете, гнило и вот-вот рухнет. Ещё момент, и здание его религиозно-правительственной системы будет объято пожаром конца»⁵².

«...В Нагчу “губернаторы” не имеют в своём распоряжении ни одной лошади, – вторил Н.В. Кордашевскому К.Н. Рябинин, – точно так же, как они не имеют власти приказать старшинам выделить хотя бы за плату кого-либо для этого поручения. Когда к наглости и самонительной невежественности прилагается ещё полное административное и военное бессилие, картина получается потрясающая»⁵³. Распоряжения старшин также далеко не всегда выполняются⁵⁴.

«...Здесь, за четыре перехода от Лхасы, крестьяне не только не слушают чиновников, – записал в дневнике К.Н. Рябинин, – но и грозятся убить их. Это уже полное разложение правительственной власти»⁵⁵. И, что особенно важно, крестьяне именей, принадлежащих монастырям, «не считают для себя обязательным подчиняться распоряжению других [т. е. правительственных. – Б. М.] властей»⁵⁶.

Ещё один факт слабости тибетской власти зафиксировали участники экспедиции: «Сами погонщики просят рассчитать их не тибетскими деньгами, а китайскими или индийскими. Разве эта просьба не свидетельствует об окончательном разложении тибетского государства, если его собственные граждане предпочитают его валюте – чужую»⁵⁷.

Общая оценка участниками экспедиции системы управления Тибетом негативная. «Управление страной является не более как карикатурой на средневековую государственность», – отмечал в разговоре с начальником конвоя Н.К. Рерих⁵⁸. Он же писал: «Послушайте рассказы о чрезмерных поборах. Всему приходят сроки. То, что ещё в недавнем прошлом могло под прикрытием таинственности просуществовать, в сегодняшнем восходе уже оказывается неприемлемым»⁵⁹. «Дела Тибета пришли в упадок, – делал вывод Н.К. Рерих, – **В подобном положении, как сейчас, Тибет существовать не может**»⁶⁰ [выделено нами. – Б. М.]. То же подчёркивала и его супруга: «...При таком положении, конечно, страна теряет своё прежнее значение»⁶¹.

П.К. Портнягин так подвёл итог всему увиденному: «Из всего, что нам пришлось увидеть и пережить в этой стране, можно вывести следующее заключение: Тибет – не более как одна из самых глухих провинций Китая, каковую он прежде и являлся»⁶².

Вместе с этим все участники экспедиции Н.К. Рериха подчёркивали, что Тибет необычайно богат природными ресурсами, «ископаемыми ценностями, лежащими без разработки»⁶³. Е.И. Рерих отмечала, что «геологически Гималаи... интересны», «пещеры их хранят не одну тайну для археологов, зоологов и антропологов», и даже указала на возможный бальнеологический потенциал многих мест. По её словам, сами тибетцы прекрасно осведомлены об этом, «количество горячих и других неис-

следованных источников велико, как и соленых озёр с различными свойствами, по указаниям местных жителей»⁶⁴. Об этом природном разнообразии свидетельствовали и материалы экспедиции Свена Гедина, проходившей примерно в то же самое время в регионе, на что обратил внимание в отдельной статье Ю.Н. Рерих⁶⁵. «Однако Тибет, как ни странно, беден, – писал К.Н. Рябинин, – Мы упоминали уже об этом, но невежество, суеверие и лень держат народ в цепких когтях нищеты. Для оздоровления страны необходимо прежде всего **просвещённое и деятельное правительство и внедрение в сознание народных масс Тибета здоровых идей труда**»⁶⁶ [выделено К.Н. Рябининым. – Б. М.].

Весьма резко и пессимистично о возможных перспективах будущего Тибета выразился полковник Н.В. Кордашевский: «Тибет нуждается в твёрдой и сильной власти, чтобы, с одной стороны, поднять благосостояние страны, а с другой – культурный уровень населения. **Сами тибетцы, во главе с Далай-Ламой, не могут справиться с задачей управления страной и попросту ведут её к политической смерти. <...> Не государственный организм, не духовный центр, а разлагающийся труп – вот истинный облик современного Тибета**»⁶⁷ [выделено нами. – Б. М.].

И далее: «На фоне общего разложения страны видно, что даже воля жёлтого папы здесь игнорируется, а его грамоты мало чего стоят. И как-то невольно думаешь, что только серьёзное и мудрое правительство взамен лхасских шарлатанов может дать гаснущему народу Тибета последние светлые дни, использовав одновременно и природные богатства страны в разумных и хозяйственных руках»⁶⁸. «Для народа, являющегося страдающим элементом, – записывал в дневник Н.В. Кордашевский, – необходимо, чтобы правление страной перешло в какие-то более опытные и более честные руки. И это будет не завоевание, а благотельное очищение страны от паразитов, свивших своё хищническое гнездо в несчастной тёмной стране...»⁶⁹.

Итак, Тибет богат природными ресурсами. Но в первой половине XX в. эти богатства лежали втуне, они не использовались. Невежество и суеверие были обычным явлением, тормозили развитие культуры и хозяйственной деятельности. Большинство тибетцев существовало в условиях нищеты и антисанитарии, в условиях «борьбы за выживание». Неэффективность системы управления поражала иностранных наблюдателей.

Все эти и некоторые другие негативные явления в жизни тибетского общества существовали во многом благодаря продолжавшейся экономической и культурной изоляции Тибета. В этих условиях, где уж тут было говорить о появлении в Тибете «серьёзного и мудрого», «просвещённого и деятельного» правительства и т. п.

Но вернёмся к фактам истории. Участники экспедиции 1927–1928 гг. нарисовали весьма негативную, но достаточно объективную картину жизни тибетцев, состояния тибетского общества, аморфности и неэффективности системы управления в Тибете. Экспедиция состоялась в то время, когда уже достаточно ясно выяснился провал попытки модернизации Тибета, предпринятой Далай-Ламой XIII. Под давлением высшего духовенства был отправлен в отставку с поста главнокомандующего армией Царон-шапэ, один из ближайших сподвижников Далай-Ламы. Ему предъявили обвинение в том, что он вводит в армии «большевистские порядки».

Был снят с поста начальник лхасской полиции сиккимец Сонам Легдэ-лаг, приглашённый на этот пост из Дарджилинга лично Далай-Ламой.

В 1926 г. была закрыта первая в истории Тибета светская школа в Гьянцэ (открыта в 1923 г.). Прекратилась посылка за границу тибетцев для обучения английскому языку, телефонному и телеграфному делу, горному делу и т. п. Вернувшиеся из Англии после обучения там студенты-тибетцы (за одним исключением) не смогли применить свои знания. Так, например, один из них Кэнраб Кунсан Мондон, горный инженер, начал разрабатывать к северу от Лхасы месторождение золота. Монахи местного монастыря потребовали прекратить разработки, которые, как они заявляли, могут вызвать гнев духов земли. И разработки были прекращены.

Постоянное сопротивление высшего духовенства и части аристократии, общее настроение в обществе против каких-либо «нововведений» не позволяли верховному лидеру Тибета продолжать политику реформ. XIII Далай-Лама был вынужден пойти на уступки. Как тут не вспомнить древнее пророчество, которое отметила Е.И. Рерих, единственная женщина в экспедиции, оставившая записи своих путевых впечатлений: «Проявим великодушие, не уподобимся мышинным сердцам, о которых ещё в тринадцатом столетии учитель Тибета Миларепа писал, что через тринадцать поколений люди не будут в состоянии понимать суровую дисциплину духа и Иерархическую Линию, ибо сердца их сморщатся и станут мышинными»⁷⁰.

Казалось, что импульсы к переменам заглохли и консервативное большинство тибетской элиты полностью воспрепятствовало каким-либо нововведениям. Таким и увидели Тибет участники экспедиции Рерихов 1927–1928 гг. Участница алтайского и монгольского этапов Центрально-азиатской экспедиции Н.К. Рериха З.Г. Фосдик, встретившая экспедицию на севере Индии сразу же после возвращения из Тибета, записала в своём дневнике 13 августа 1928 г.: «Их послали в Тибет сказать людям, что нужны перемены, и тогда наступит их великое будущее. Но они не слушали»⁷¹. Отметим, что из-за этого отношение к древней культуре Тибета у участников экспедиции не изменилось, скорее наоборот, с ещё большим рвением они собирали и изучали его культурные сокровища. Рерихи подготовили по итогам экспедиции несколько изданий о Тибете – о его искусстве, обычаях, лингвистической палитре, памятниках археологии⁷², – и организовали в 1929 г. в Нью-Йорке по итогам экспедиции большую тибетскую художественно-этнографическую выставку⁷³, выполнив, таким образом, главные задачи экспедиции. «Основное значение Тибетских Гималаев не может измениться от администрации в Лхасе. Вечное и пребудет вечным», – отмечала Е.И. Рерих⁷⁴.

Остается добавить, что с деятельностью XIII Далай-Ламы была связана единственная и последняя реальная **внутренняя** попытка модернизации Тибета (мы не берём в расчёт планы и неудавшиеся заговоры). **Следующий импульс модернизации пришёл извне.**

ЛИТЕРАТУРА

1. [Кордашевский Н.В.] Декроа Н. С экспедицией Н.К. Рериха по Центральной Азии / Отв. ред. В.А. Росов. – 1-е изд.: СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 344 с.; 2-е изд., доп.: СПб.: Аюрведа-Пресс, 2000. – 360 с., ил.
2. *Портнягин П.К.* Современный Тибет. Миссия Николая Рериха. Экспедиционный дневник (1927–1928) / Публ., предисл. В.А. Росова // *Ариаварта*. – 1998. – № 2. – С. 11–106.
3. *Рерих Е.И.* Письма: В 3 т. – Новосибирск, 1992–1993. – Т. I. – 512 с. – Т. III. – 512 с.
4. *Рерих Е.И.* Письма в Америку: В 3 т. – М.: Сфера, 1996. – Т. I. – 496 с.
5. *Рерих Е.И., Рерих Н.К., Асеев А.М.* Окультизм и Йога: Летопись сотрудничества: В 3 т. – М.: Сфера, 1996. – Т. II. – 352 с.
6. *Рерих Н.К.* Алтай – Гималаи / Предисл. акад. Б.Г. Гафурова и Б. Конлана; Послесл. акад. А.П. Окладникова и Ю.Н. Рериха; Примеч. С.И. Тюляева и др.; Графика Н.К. и С.Н. Рерихов. – Москва – Нью-Йорк, 1999. – 523 с., ил.
7. [Рерих Н.К.] Ещё несколько зарисовок тибетской действительности // *Рябинин К.Н.* Развенчанный Тибет: 1928. – Подлинные дневники экспедиции Н.К. Рериха. – Магнитогорск: Амрита-Урал, 1996. – С. 711–721.
8. *Рерих Н.К.* [О Центрально-азиатской экспедиции: Беседа / Записал Л. Любимов] // *Возрождение*. – 1929. – 18 июня.
9. *Рерих Н.К.* Письмо Буддийскому центру в Нью-Йорке // *Рябинин К.Н.* Развенчанный Тибет: 1928. – Подлинные дневники экспедиции Н.К. Рериха. – Магнитогорск: Амрита-Урал, 1996. – С. 689–702.
10. *Рерих Н.К.* Сердце Азии. – Southbury: Alatas, 1929. – 139 с.
11. *Рерих Н.К.* Шамбала / Предисл. и примеч. Л.В. Шапошниковой. – М.: МЦР и др., 1994. – 206 с., ил.
12. *Рерих Ю.Н.* Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. – Прага, 1930. – 30 с., ил.
13. *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. – Самара: Агни, 1994. – 480 с., ил.
14. *Рерих Ю.Н.* Сказание о Раме в Тибете. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 10 с.
15. *Рерих Ю.Н.* Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы / Науч. ред. М.И. Воробьева-Десятовская. – Самара: Агни, 1999. – 359 с., ил.
16. *Рерих Ю.Н.* Тибетская живопись. – Самара: Агни, 2000. – 142 с., ил. – М.: МЦР и др., 2001. – 214 с., ил.
17. *Рерих Ю.Н.* Тибетский язык. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – 154 с.
18. *Рерих Ю.Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / Под общ. ред. Ю. Парфионовича, В. Дылыковой. – М.: Наука, 1983–1993. – Вып. 1–11.
19. *Рерих Ю.Н.* Экспедиция академика Н.К.Рериха в глубинах Центральной Азии. – 1930 г. / Публ. Владимира Росова // *Вестник Ариаварты*. – 2002. – № 1 (2). – С. 31–37.
20. *Рериховская энциклопедия*. – Т. 1. – Новосибирск: ИЦ «Свет», 2003. – 768 с., ил.
21. *Рябинин К.Н.* Развенчанный Тибет: 1928. – Подлинные дневники экспедиции Н.К. Рериха. – Магнитогорск: Амрита-Урал, 1996. – 731 с., ил.
22. *Фосдик З.Г.* Мой Учитель: Встречи с Рерихами: По страницам дневника. – 1922–1934 / Предисл. Н.Е. Самохиной; Сост. Д.Н. Попов, Е.А. Логаева. – М.: Сфера, 1998. – 793 с.
23. *Exhibition of Tibet paintings, sculpture and art objects: Collected by the Roerich Central Asian expedition*. – New York: Earle Press, 1929. – 14 p., ill.
24. *Roerich G.* Sven Hedin // *Journal of Urusvati Himalayan Research Institute*. – 1933. – Vol. III. – P. 1–16.
25. *Roerich G.N.* Trails to Inmost Asia: Five Years of Exploration with Roerich Central Asian Expedition. – New Haven: Yale University Press, 1931. – 204 p.
26. *Roerich N.* Altai – Himalaya: A Travel Diary. – London: Jarrolds Publ., [1930]. – 407 p.
27. *Roerich N.* Shambhala. – New York: Stokes, 1930 – 316 p.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Николай Викторович Кордашевский** (1877—1945) – участник Центрально-азиатской экспедиции с 28 июля 1927 г. по 25 апреля 1928 г. Литовский помещик. Автор нескольких неопубликованных книг (мистический роман, повесть, биографии русских художников) и заметок в русских эмигрантских газетах. Писал под псевдонимом «Николай Декруа (Декроа)» – «Nicolas Descrois». В 1999 г. издан его дневник «С экспедицией Н.К. Рериха по Центральной Азии». После экспедиции написал также статью «Ашрамы Махатм», пьесу «Карма» и «Особую биографию Н.К. Рериха». В журнале «Москва» (Чикаго. – 1929. – № 1) был его отзыв на книгу Г.Д. Гребенщикова – «Русский гонец (Об одной настоящей книге)». Принадлежал к военной династии, учился в кадетском корпусе. Служил в царской армии. Был заместителем командира конной охраны императрицы. Будучи офицером связи, 15 мая 1917 г. был направлен военным атташе в Тегеран в англо-индийскую армию, куда потом поступил на службу. Попал в Британскую Сибирскую военную миссию, в октябре 1918 г. был переведен в Белую гвардию. С января 1919 г. жил в Пекине (возможно, также в Харбине и Шанхае). Увлёкся буддизмом, вынашивал планы поехать в Тибет; встретился с Хутухтой – буддийским священником высочайшего ранга, получил от него охранную грамоту и танку с изображением Зелёной Тары. В 1922 г. приехал в Литву (замок Раудонес под Каунасом). В августе 1923 г. в Париже познакомился с Н.К. Рерихом и вызвался с ним сотрудничать. В декабре 1924 г. ещё раз встретился с Н.К. Рерихом в Берлине. После этого вернулся в Литву и занялся работой в «World Service»: распространял первые книги Учения Живой Этики «Зов» и «Озарение», книги Н.К. Рериха, пытался торговать чаем, выращивал в своём имении табак и т. д. Создал религиозно-философский кружок. Переписывался с Музеем Николая Рериха в Нью-Йорке. Интересовался историей костюма, кинематографией. Учредил в Каунасе технический кооператив, объединивший литовских инженеров. Читал много на разных языках. Готовился к экспедиции: искал сведения о Тибете, изучал монгольский, прокладывал маршрут. 17 февраля 1927 г. отправился в Китай, чтобы организовать свой караван, и вскоре присоединился к основной экспедиции Н.К. Рериха, пройдя с ней всю тибетскую часть пути. Из Индии

Н.В. Кордашевский отправился в Ватикан, намереваясь заняться объединением религий. Жил в Тунине и Палестине. Читал проповеди и лекции по эзотерическому христианству. См.: *Рериховская энциклопедия*. – Т. 1. – Новосибирск: ИЦ «Свет», 2003. – С. 244–249.

² **Константин Николаевич Рябинин** (1877—1953) – участник Центрально-азиатской экспедиции в 1927–1928 гг. Терапевт и психиатр. Родился и умер в г. Муром Владимирской области. В 1897 г. переехал в Санкт-Петербург, где закончил зубоврачебную школу. Затем отправился с Д. Бадмаевым в Пятигорск. Там в 1901 г. лечил родителей Н.К. Рериха (а познакомился с ними ещё в 1898 г.). Сдал в Тифлисе экстерном курс гимназии, поступил в Военно-медицинскую академию, одновременно обучаясь тибетской медицине и гипнозу у Д. Бадмаева. Затем перешёл на медицинский факультет Харьковского университета, который закончил в 1909 г. с отличием. Имел успехи в изучении европейских языков. Осваивал нетрадиционные методы лечения. Прославился тем, что вылечил японского императора. В 1911–1915 гг. – председатель Городской губернской земской управы г. Могилёва, член Вологодской управы, работал в Управлении Главного врачебного инспектора. К 1915 г. имел чин действительного статского советника, был награждён орденами Анны и Станислава. После революции продолжил лечебную и организационную деятельность: борется с эпидемиями холеры, в 1918–1921 гг. заведовал госпитально-больничным отделом комиссариата Петрограда. С августа 1921 г., после репрессий против «буржуазных» специалистов, оказался врачом на пароходе, ходящем по европейским портам. В 1927 г. был врачом портовой лаборатории и карантинной службы в Ленинграде. Работал во врачебно-контрольной комиссии Ленинграда. После 1918 г. поддерживал связь с семьёй Рерихов, дружил с Б.К. Рерихом. В 1927 г. Н.К. Рерих добился от правительства СССР разрешения на его участие в экспедиции. 17 марта 1927 г. К.Н. Рябинин, вместе с Б.К. Рерихом, З.Г. Лихтман (урождённой Шафран) и М.М. Лихтманом, выехал в Улан-Батор, где занялся закупкой лекарств. В экспедиции Константин Николаевич наблюдал за состоянием всех членов экспедиции в

условиях высокогорья, опробовал медицинские средства Агни-Йоги, написал обо всем этом несколько книг. Его дневник экспедиции – «Развенчанный Тибет» – опубликован в 1996 г., а работа «О жизнедателях Востока» до сих пор не обнаружена, хотя рукописи этих книг он успел отправить в Нью-Йорк до возвращения в СССР. Н.К. Рерих приглашал его работать в Гималайский исследовательский институт «Урусвати» в Кулу на севере Индии, но он предпочёл другую судьбу. Вернувшись через Китай в СССР, работал в портовой больнице. За ним велась слежка. 21 марта 1930 г. К.Н. Рябинин был арестован ОГПУ, обвинен в создании «контрреволюционной организации, работающей под флагом изучения буддизма и масонства, фактически имеющей шпионские цели», 17 сентября 1930 г. приговорён к 5 годам концлагеря. Получили сроки и его «подчинённые», включая Б.К. Рериха. 27 сентября 1937 г. начались новые допросы, с целью сфабриковать дело «американского шпиона» Н.К. Рериха, но К.Н. Рябинин выдержал все допросы и никого не оговорил. Был обвинен «за организацию контрреволюционной группы». Пробыл в лагерях до 1947 г., причём, находясь в районе Улан-Удэ, продолжал изучение тибетской медицины по рукописям, изъятым в закрытых бурятских дацанах. Был сослан в родной город Муром, где работал педиатром до конца своих дней. См.: *Там же*. – С. 581–584.

³ **Павел Константинович Портнягин** (1903—1977) – участник монгольского и тибетского этапов Центрально-азиатской экспедиции. С юности увлекался йогой, восточной философией, теософией. В 1921 г. поступил в Политехнический институт во Владивостоке, но вскоре был призван в Красную армию. Попал в 1923 г. в Ургу, затем в 1924 г. в Харбин, где работал механиком в автомагазине. Осенью 1924 г. (в это время состоял в теософском кружке) прочитал книгу Н.К. Рериха «Пути Благоденствия». Потом вернулся в Ургу, где осенью 1926 г. встретил Н.К. Рериха. В экспедиции вёл дневник, который лишь недавно был найден в Кулу. После прощания с Рерихами (хотел остаться с ними, но получил отказ) вместе с К.Н. Рябининым поехал в Китай: Шанхай, Тяньцзинь, Харбин. С 1930 г. преподавал русский язык в католическом лицее Святого Николая в Харбине. В 1932 г. поехал в Рим учиться, затем продолжил образование в Чехословакии (Духовная Академия в Пряшево), был рукоположен в сан священника и направлен на Дальний Восток миссионером. Был прелатом монастыря Святой Урсулины в г. Модягоу (пригород Харбина). С декабря 1937 г. преподавал в том же харбинском лицее Закон Божий и русскую литературу, а с 1945 г. также диалектический материализм. Редактировал журнал «Католический вестник». В декабре 1948 г. был арестован как антисоветчик, увезён в Читу, 28 сентября 1949 г. осужден «за участие в белогвардейской организации». В ноябре 1956 г. был освобождён, 14 января 1960 г. – реабилитирован. В сентябре 1959 г. послал письмо Ю.Н. Рериху в Москву. Обосновался в Самарканде, где стал известным в городе переводчиком с английского, немецкого, французского, польского, чешского, китайского языков. См.: *Там же*. – С. 407–408.

⁴ Сведений о **Голубине** крайне мало. Известно, перед экспедицией он был служащим англо-китайской коммерческой фирмы в Тяньцзине и первоначально был нанят Н.В. Кордашевским как переводчик. «Бывалый» – эта характеристика Кордашевского справедлива.

⁵ **Людмила Михайловна Богданова** (1904—1961) была принята в состав Центрально-азиатской экспедиции в Урге (сентябрь 1926 или январь 1927 г.) чтобы готовить пищу и вести хозяйство. В Монголии оказалась вместе с сестрой Ираидой после смерти родителей. Из семьи сибирских казаков. С согласия Рерихов взяла с собой 13-летнюю сестру. В трудностях пути обе вели себя более достойно, чем многие взрослые мужчины. В Индии Л.М. Богданова осталась работать у Рерихов – руководила слугами и временными работниками, позировала С.Н. Рериху. В 1957 г. вернулась в СССР вместе с Ю.Н. Рерихом в качестве домработницы. См.: *Там же*. – С. 96.

⁶ **Ираида Михайловна Богданова** (1914—2004) – участница Центрально-азиатской экспедиции с Урги, помощница сестры Людмилы по хозяйству. Также выполняла машинописные работы для Е.И. Рерих уже в Кулу. Вместе с Ю.Н. Рерихом в 1957 г. вернулась в СССР в качестве домработницы. После его внезапной кончины и последовавшей вскоре кончины сестры унаследовала, с

помощью советских органов, квартиру Ю.Н. Рериха, где продолжали храниться картины, архив и личные вещи Рерихов. По мере способностей и сил, участвовала в публикации статей Н.К. Рериха. См.: *Там же*. – С. 95–96.

⁷ Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. – Самара: Агни, 1994. – С. 4.

⁸ Рерих Н.К. Письмо Буддийскому центру в Нью-Йорке // *Рябинин К.Н. Развенчанный Тибет: 1928.* – Подлинные дневники экспедиции Н.К. Рериха. – Магнитогорск: Амрита-Урал, 1996. – С. 689.

⁹ Росов В.А. Многоликий Чахембула // *[Кордашевский Н.В.] Декроа Н. С экспедицией Н.К. Рериха по Центральной Азии / Отв. ред. В.А. Росов. – 1-е изд.: СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 317.*

¹⁰ Рерих Н.К. Указ. соч. – С. 701.

¹¹ Цит. по: *[Кордашевский Н.В.] Декроа Н. Указ. соч. – С. 309.*

¹² Рерих Н.К. Указ. соч. – С. 690.

¹³ Рябинин К.Н. Указ. соч. – С. 624.

¹⁴ *[Кордашевский Н.В.] Декроа Н. Указ. соч. – С. 279.*

¹⁵ Рерих Н.К. Указ. соч. – С. 698.

¹⁶ *[Рерих Н.К.] Ещё несколько зарисовок тибетской действительности // Рябинин К.Н. Указ. соч. – С. 717.*

¹⁷ Рерих Н.К. Буддизм в Тибете. – Кампа Дзонг. – 1928 г. // Рерих Н.К. Шамбала / Предисл. и примеч. Л.В. Шапошниковой. – М.: МЦР и др., 1994. – С. 54.

¹⁸ Рябинин К.Н. Указ. соч. – С. 537.

¹⁹ Рерих Ю.Н. Указ. соч. – С. 359.

²⁰ Рерих Е.И. Письма. – Т. III. – Новосибирск, 1993. – С. 316–317. – Письмо 12 июля 1938 г.

²¹ Рябинин К.Н. Указ. соч. – С. 578.

²² *Там же*. – С. 557.

²³ *Портнягин П.К. Современный Тибет. Миссия Николая Рериха. Экспедиционный дневник (1927–1928) / Публ., предисл. В.А. Росова // Ариаварта. – 1998. – № 2. – С. 75–76.*

²⁴ *Там же*. – С. 86.

²⁵ *[Кордашевский Н.В.] Декроа Н. Указ. соч. – С. 308.*

²⁶ Рябинин К.Н. Указ. соч. – С. 569–570.

²⁷ *Там же*. – С. 578.

²⁸ *Портнягин П.К. Указ. соч. – С. 47.*

²⁹ Рерих Ю.Н. Указ. соч. – С. 390.

³⁰ Рябинин К.Н. Указ. соч. – С. 641.

³¹ *[Кордашевский Н.В.] Декроа Н. Указ. соч. – С. 273.*

³² Рябинин К.Н. Указ. соч. – С. 664–665.

³³ «С утра семь полунагих женщин и трое детей, помогающих им, мелют тремя ручными мельницами горох для животных. Мельница состоит из двух круглых мельничных камней около полуаршина в диаметре, наложенных один на другой; верхний вращается деревянной ручкой. Горох в Тибете снаружи имеет тёмно-синий цвет, несколько напоминая ягоду черники или гонобоб (голубику). Н[иколай] К[онстантинович], наблюдая за этой примитивной работой, вспомнил свою картину “Каменный век” и добавил: “Стоило ли земле существовать миллионы лет, стоило ли истекать двум тысячам нашей эры для того, чтобы мы видели эту абсолютную примитивность существования? Ведь то же самое и решительно теми же самыми способами производилось десятки тысяч лет тому назад. Конечно, эти люди в лучшем случае выше шаманства подняться не могут» (Рябинин К.Н. Указ. соч. – С. 581). «Если мы находим, что суеверные люди испытывают страх от примитивных проявлений, мы должны разъяснить это, потому что Высокое Учение не имеет ничего общего со страхом и предрассудками. Из того, о чём сами тибетцы свидетельствуют, вы понимаете, что Высокое Учение Будды, его просветлённых последователей, Махатм, находится вообще вне стен Лхасы» (Рерих Н.К. Указ. соч. – С. 51).

- ³⁴ «Единственное занятие страны [хорпов] – скотоводство. Налог, который районы выплачивают правительству Лхасы, начиная с 1912 года, состоит из масла, шерсти, шкур и другой продукции от скотоводства. Скотоводство всегда было национальным занятием хорпов. Но даже в настоящее время оно проводится очень примитивно во всех отношениях, в результате чего породы рогатого скота и лошадей быстро ухудшаются» (*Рерих Ю.Н.* Указ. соч. – С. 312).
- ³⁵ *Рерих Н.К.* Письмо Буддийскому центру в Нью-Йорке // *Рябинин К.Н.* Указ. соч. – С. 698.
- ³⁶ [*Кордашевский Н.В.*] *Декроа Н.* Указ. соч. – С. 266–267.
- ³⁷ [*Рерих Н.К.*] Ещё несколько зарисовок тибетской действительности // *Рябинин К.Н.* Указ. соч. – С. 718.
- ³⁸ *Портнягин П.К.* Указ. соч. – С. 96.
- ³⁹ *Рерих Н.К.* Алтай – Гималаи. – Москва – Нью-Йорк, 1999. – С. 430.
- ⁴⁰ *Рерих Ю.Н.* Указ. соч. – С. 349.
- ⁴¹ *Портнягин П.К.* Указ. соч. – С. 86.
- ⁴² *Рябинин К.Н.* Указ. соч. – С. 422, 563.
- ⁴³ *Там же.* – С. 630.
- ⁴⁴ *Рерих Н.К.* Письмо Буддийскому центру в Нью-Йорке // *Рябинин К.Н.* Указ. соч. – С. 699.
- ⁴⁵ *Рерих Н.К.* Алтай – Гималаи. – Москва – Нью-Йорк, 1999. – С. 409.
- ⁴⁶ Например, о наблюдениях Е.И. Рерих в этой сфере см.: *Рерих Е.И.* Письма. – Новосибирск, 1992. – Т. I. – С. 271, 314. – Письма 8 августа, 12 сентября 1934 г. – Новосибирск, 1993. – Т. III. – С. 401. – Письмо 26 апреля 1939 г.; *Фосдик З.Г.* Мои Учителя: Встречи с Рерихами: По страницам дневника. – 1922–1934. – М.: Сфера, 1998. – С. 97, 202. – Записи 7 августа 1922 г., 25 октября 1925 г.
- ⁴⁷ [*Кордашевский Н.В.*] *Декроа Н.* Указ. соч. – С. 207.
- ⁴⁸ *Портнягин П.К.* Указ. соч. – С. 86.
- ⁴⁹ *Рябинин К.Н.* Указ. соч. – С. 658, 661.
- ⁵⁰ *Рерих Н.К.* Письмо Буддийскому центру в Нью-Йорке // *Рябинин К.Н.* Указ. соч. – С. 696. Дева-шунг – правительство в Лхасе. См. о том же: *Там же.* – С. 657.
- ⁵¹ [*Кордашевский Н.В.*] *Декроа Н.* Указ. соч. – С. 300.
- ⁵² *Там же.* – С. 222.
- ⁵³ *Рябинин К.Н.* Указ. соч. – С. 560.
- ⁵⁴ *Там же.* – С. 621.
- ⁵⁵ *Там же.* – С. 617.
- ⁵⁶ *Там же.* – С. 609, 657.
- ⁵⁷ [*Кордашевский Н.В.*] *Декроа Н.* Указ. соч. – С. 261.
- ⁵⁸ Цит. по: *Там же.* – С. 204.
- ⁵⁹ *Рерих Н.К.* Письмо Буддийскому центру в Нью-Йорке // *Рябинин К.Н.* Указ. соч. – С. 698.
- ⁶⁰ *Там же.* – С. 697.
- ⁶¹ *Рерих Е.И.* Письмо А.М. Асееву. – 26 ноября 1938 г. // *Рерих Е.И., Рерих Н.К., Асеев А.М.* Оккультизм и Йога: Летопись сотрудничества. – М.: Сфера, 1996. – Т. II. – С. 97.
- ⁶² *Портнягин П.К.* Указ. соч. – С. 95.
- ⁶³ [*Кордашевский Н.В.*] *Декроа Н.* Указ. соч. – С. 234.
- ⁶⁴ *Рерих Е.И.* Письма. – Т. I. – Новосибирск, 1992. – С. 51–52. – Письмо 13 октября 1930 г.
- ⁶⁵ *Roerich G. Sven Hedin* // *Journal of Urusvati Himalayn Research Institute.* – 1933. – Vol. III. – P. 1–16.
- ⁶⁶ *Рябинин К.Н.* Указ. соч. – С. 667.
- ⁶⁷ [*Кордашевский Н.В.*] *Декроа Н.* Указ. соч. – С. 259.
- ⁶⁸ *Там же.* – С. 296–297.
- ⁶⁹ *Там же.* – С. 290.

⁷⁰ Рерих Е.И. Письма в Америку. – М.: Сфера, 1996. – Т. I. – С. 255.

⁷¹ Фосдик З.Г. Указ. соч. – С. 284.

⁷² См., например: Рерих Н.К. Сердце Азии. – Southbury: Alatas, 1929. – 139 с.; Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. – Прага, 1930. – 30 с., ил.; *Он же*. Экспедиция академика Н.К.Рериха в глубинах Центральной Азии. – 1930 г. / Публ. Владимира Росова // Вестник Ариаварты. – 2002. – № 1 (2). – С. 31–37; Roerich N. Altai – Himalaya: A Travel Diary. – London: Jarrolds Publ., [1930]. – 407 p.; Roerich N. Shambhala. – New York: Stokes, 1930 – 316 p.; Roerich G.N. Trails to Inmost Asia: Five Years of Exploration with Roerich Central Asian Expedition. – New Haven: Yale University Press, 1931. – 204 p.; Рерих Ю.Н. Сказание о Рапе в Тибете. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 10 с.; *Он же*. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы / Науч. ред. М.И. Воробьева-Десятовская. – Самара: Агни, 1999. – 359 с., ил.; *Он же*. Тибетская живопись. – Самара: Агни, 2000. – 142 с., ил. – М.: МЦР и др., 2001. – 214 с., ил.; *Он же*. Тибетский язык. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – 154 с.; *Он же*. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / Под общ. ред. Ю. Парфионова, В. Дыльковой. – М.: Наука, 1983–1993. – Вып. 1–11.

⁷³ *Exhibition of Tibet paintings, sculpture and art objects: Collected by the Roerich Central Asian expedition.* – New York: Earle Press, 1929. – 14 p., ill.

⁷⁴ Рерих Е.И. Письмо А.М. Асееву. – 26 ноября 1938 г. // Рерих Е.И., Рерих Н.К., Асеев А.М. Оккультизм и Йога: Летопись сотрудничества. – М.: Сфера, 1996. – Т. II. – С. 97.

А.А. БОНДАРЕНКО

(Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург)

ГИМАЛАЙСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ «УРУСВАТИ» И ПРОБЛЕМА «ВОСТОК – ЗАПАД»

Тема нынешней конференции «Восток – Запад на берегах Невы» не случайна не только сама по себе, она закономерна в год 300-летнего юбилея северной столицы России, города, чьё появление на карте мира знаменовало выход на мировую историческую арену новой великой евразийской державы. Стремление окинуть непредубеждённым взглядом этот период истории столь же естественно, сколь и жизненно необходимо в годы интенсивного поиска дальнейших путей и направлений развития и обновления жизни нашей страны, определения её законного места в современном мире. И Петербург в этом движении играет особую роль.

Позволим себе привести обширную цитату из последней книги выдающегося исследователя русской культуры, попечителя Музея-института семьи Рерихов, академика Владимира Николаевича Топорова «Петербургский текст русской литературы» (2003):

«На пороге 300-летнего юбилея города и третьего тысячелетия христианской эры мысль о промыслительной роли Петербурга, провиденциально обретшего своё, казалось бы, навсегда потерянное и забытое имя <...>, всё чаще посещает нас. Это не значит, что спасение надо искать только здесь и что оно придёт само собой. Петербург Петербургского текста ещё и учителен, и он как раз и учит, что распад, хлябь и тлен требуют от нас духа творческой инициативы, гения организации, но и откры-

тости, верности долгу и веры, надежды, любви, предчувствия или просто ясного и неуклонного сознания, что и сейчас в этом “анти-энтропическом” устремлении Петербург может оказаться нашим ближайшим и надёжнейшим ресурсом, если только мы окажемся достойными того и вечного и благого в нём, что было открыто нам Петербургским текстом и самим Петербургом»¹.

Без сомнения, Рериховское наследие является значимой частью Петербургского текста российской культуры в широком смысле, относится к тому самому «вечному и благому в нём», демонстрирует её открытость и всечеловечность. Рерих как явление петербургской культуры и его наследие как часть Петербургского текста в широком смысле, без сомнения, наследуют основные черты Петербурга. Среди них главная – «монолитность (единство и цельность) максимальной смысловой установки (идеи) – путь к нравственному спасению, к духовному возрождению в условиях, когда жизнь гибнет в царстве смерти, а ложь и зло торжествуют над истиной и добром»². Эти слова приобретают особый смысл, если вспомнить, что период расцвета многогранного творчества Николая Константиновича захватывает годы, трагические для Петербурга и России в целом. Более того, к Рериховскому наследию, творческим поискам и всей деятельности семьи Рерихов с полным правом приложимы слова, сказанные поэтом о Петербурге:

*Какой-то город, явный с первых строк,
Растёт и отдаётся в каждом слове³.*

Необычность и узнаваемость, определённая ясность, отзывчивость и безграничность, возвышенность и глубина – эти определения не исчерпывают списка характеристик рериховских произведений и устремлений. «Рериховское наследие» – именно так называется ставшая традиционной Международная конференция, которая уже третий год проводится в нашем городе. Она посвящена широкому кругу вопросов, связанных с научным, художественным, философским, литературным наследием членов замечательной петербургской семьи Рерихов, широким спектром их общественной, культуроохранной и миротворческой деятельности, проблематикой самоусовершенствования и творчества, – вообще, контекстом российской культуры второй половины XIX – первой половины XX в. Именно таким подходом определяется наше рассмотрение вынесенной в заголовок темы.

Проблема взаимодействия Востока и Запада, хрестоматийно выраженная Редьярдом Кипплингом:

*«О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут
Пока не предстанет Небо с Землёй на Страшный господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встаёт?»⁴ –*

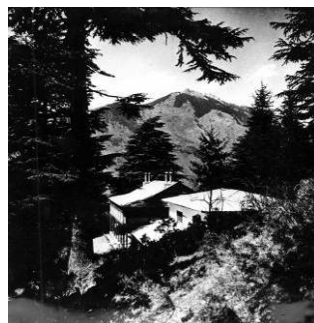
имеет давнюю историю и многочисленные измерения. Академик С.Ф. Ольденбург справедливо связывал её исток с возникновением более двух с половиной тысяч лет тому назад Греко-Римской цивилизации, основанной на новой математике и точных науках, новых чертах государственности, права, понятии «гражданства»: «Мы ясно

осознаём, – писал С.Ф. Ольденбург, – что создан какой-то новый мир, самой характерной чертой которого надо, по-видимому, признать интенсивность его культуры, соединённую с ярко выраженным представлением о человеческой личности»⁵. Как, может быть, никакая другая, проблема «Восток – Запад» затрагивает глубокие духовные вопросы, взятые одновременно и в личностном, и в социальном их аспектах. Вопросы самопознания, духовного совершенствования, творческого поиска с одной стороны, и вопросы общественной активности, солидарности, коллективизма, в конце концов, любви к ближнему и сострадания ко всему живому, по разному смыкаясь, знаменуют тот или иной тип мировосприятия и отношения к жизни. Сложившиеся за тысячелетия эти типы мировосприятия с известной долей условности, но всё же достаточно определённо мы привыкли относить к западному или восточному типам. Словно атомы в кристаллической решетке, наряду с другими смыслами и символами человеческой культуры, два культурных полюса – Восток и Запад – создают парадоксальный и нерасторжимый комплекс, загадку великого разнообразия и единства человеческой жизни.

И град Святого Петра даёт нам уникальный опыт онтологического решения поставленной проблемы – самим смыслом и историей своего существования. Это можно проследить на многих явлениях петербургской культуры и самой жизни от создания города до наших дней.

К числу таких явлений относится возникновение и деятельность комплекса рериховских организаций, созданных в первой половине XX в. в США, Европе и Индии. Эти организации стали воплощением идеи синтеза науки, искусства и общественной инициативы и замечательного опыта культурного строительства, перенесённого Рерихами из Петербурга, из России на новую почву⁶. Среди них центральное место занимал Музей Рериха в Нью-Йорке с его научным форпостом на Востоке – Гималайским исследовательским институтом «Урусвати» в Северной Индии.

Гималайский исследовательский институт «Урусвати» был основан Николаем Константиновичем Рерихом и Еленой Ивановной Рерих 12 (24) июля 1928 г. в Дарджилинге, а затем перенесён в Наггар (долина Кулу, индийский штат Пенджаб, Западные Гималаи). Институт «Урусвати» был создан как главный результат Центрально-азиатской экспедиции Н.К. Рериха 1923–1928 гг. Чтобы разобраться в истоках, целях, содержании и методах работы Гималайского института, прежде всего, обратимся к программной статье Ю.Н. Рериха «Расцвет ориентализма», написанной ещё в 1923 г. Говоря о востоковедении и его роли в соединении Востока и Запада, он пишет: «Некогда считавшаяся “абстрактной” наука приобретает сегодня практическую ценность. <...> Пробил час, и именно этой науке, занимавшейся воссозданием прошлого, выпало на долю указать людям новые пути, облегчающие взаимопонимание между двумя очагами мировой цивилизации». И далее: «Разница между Востоком и Западом заключается, конечно, не в отличии рас, но, скорее, в различных подходах к вещам, сложившихся на основе как несхожих условий жизни, так и множества предрассудков»⁷. В этой работе Юрий Николаевич, по сути дела, излагает научную программу восточных исследований, которая позднее вошла составной ча-

Виды усадьбы Рерихов в Кулу с постройками Гималайского исследовательского института «Урусвати». Съёмка начала 1930-х гг. Фотографии из архива П.Ф. Беликова (Эстония).

стью в общую программу института. Важной особенностью является её ярко выраженный этический характер.

Основным, исходным моментом в ней является требование практической ценности науки в целом и деятельности каждого учёного в частности, будь то западный исследователь или восточный отшельник. Учёный должен перестать «замыкаться в

Интерьеры главного дома усадьбы Рерихов в Кулу. Коллекции, собранные по время экспедиций по Центральной Азии. Произведения Н.К. Рериха и С.Н. Рериха. Съёмка начала 1930-х гг. Фотографии из архива П.Ф. Беликова (Эстония).

одиночестве собственного мира»; «чтобы видеть результаты своего труда, ему требуется участие науки в жизни всего человечества»⁵.

На фоне очевидных западных успехов в освоении Востока Ю.Н. Рерих отмечает многочисленные «превратные толкования» и тот факт, что и восточный поток пронизывает западную жизнь: «взаимопонимание растёт, а пропасть, ещё вчера ка-

Интерьеры главного дома усадьбы Рерихов и лабораторий института «Урусвати» в Кулу. Коллекции, собранные по время экспедиций по Центральной Азии. Оборудование. Съёмка начала 1930-х гг. Фотографии из архива П.Ф. Беликова (Эстония).

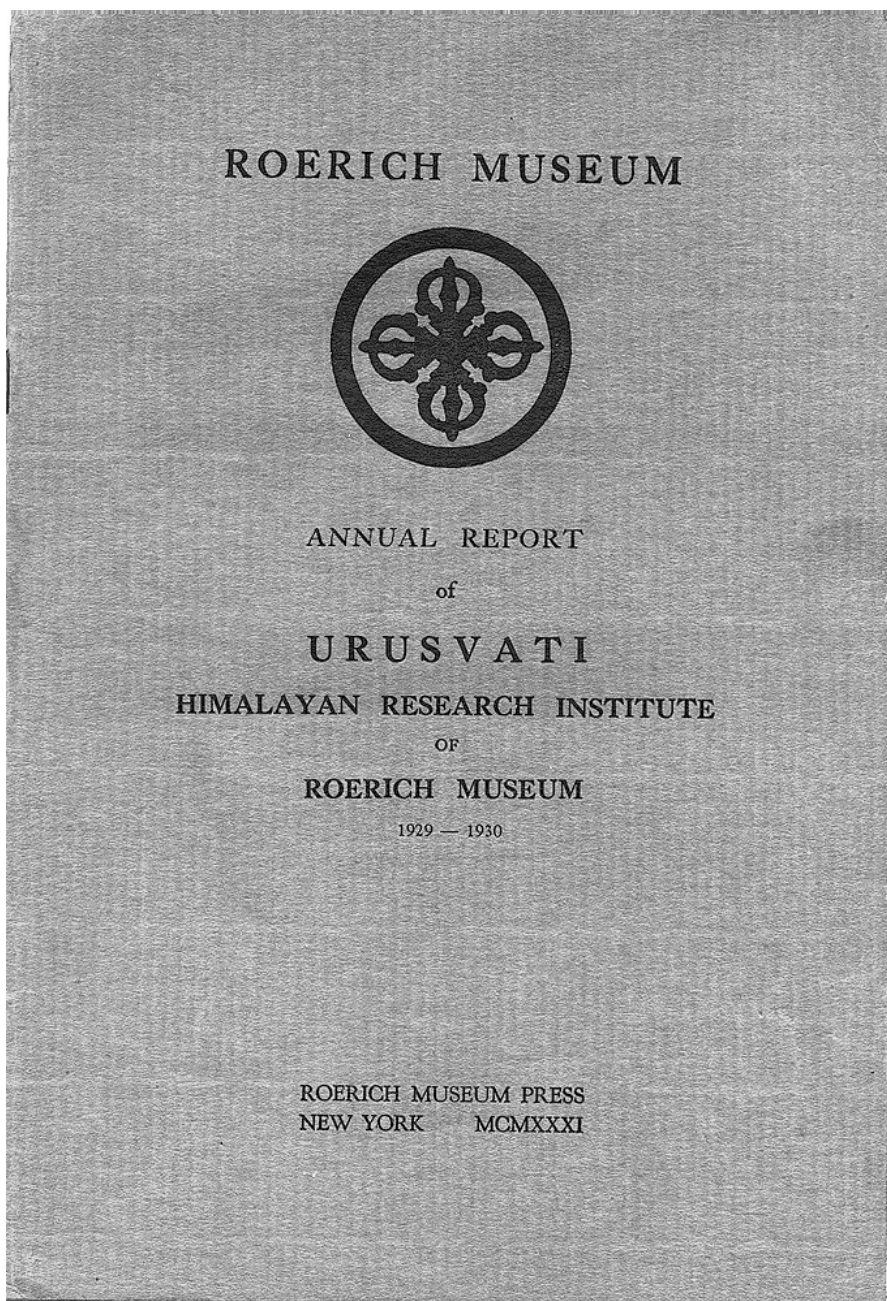
завшаяся непреодолимой, мало-помалу сужается»⁹. И сегодня, в период роста глобальных процессов, мы вполне можем согласиться с такой оценкой, несмотря на отчаянную борьбу за выбор типа пресловутой глобализации, а лучше сказать, нового объединения мира¹⁰.

С учётом данной оценки определяются и научные задачи, главной из которых оказывается составление «Общей истории Востока» от ближневосточного Средиземноморья до тихоокеанских берегов Китая. При этом особо выделяется изучение Центральной Азии и её кочевых народов, а также необходимость изучения психологии народов и факторов притяжения древних центров великих цивилизаций. По убеждению Ю.Н. Рериха, «новый этап в ориентализме – это всеобщий синтез, который, отвечая требованиям современной науки, открыл бы историческое развитие стран Востока в совокупности»¹¹. Поиск истоков цивилизации, определяющих «единство великой кочевой Центральной Азии» становится главным направлением в его работе¹². Практическим результатом такой работы должно было стать содействие пробуждению народов Азии к активной социальной жизни и созидательному строительству на основе возрождения лучших традиций собственной истории и культуры, которые являются неотъемлемой и далеко не последней частью истории и культуры всего мира.

Именно этой программе и были подчинены основные цели Центрально-азиатской экспедиции Н.К. Рериха. Эта выдающаяся по своим задачам и результатам экспедиция всё ещё недостаточно изучена и порою вызывает разноречивые оценки и толкования. За последнее время исследователями обнаружены и опубликованы многие документы и материалы, касающиеся её задач, хода и результатов. Ещё большее количество документов лишь анонсировано и по-прежнему недоступно широкому кругу научной общественности, которой остаётся довольствоваться знакомством с логическими построениями некоторых авторов, призывающих поверить им на том лишь основании, что они «держали в своих руках десятки тысяч листов архивных материалов»¹³. Так или иначе, основным источником знаний о Центрально-азиатской экспедиции 1923–1928 гг. и институте «Урусвати» являются опубликованные статьи, книги, письма и дневники Рерихов, их сотрудников и корреспондентов, научная периодика¹⁴. Из этого мы и исходим, помня старый завет иметь «глаз добрый».

Основными целями и задачами экспедиции, как их определил в своей лекции «Экспедиция академика Рериха в Центральную Азию» Ю.Н. Рерих, являются, во-первых, создание живописной панорамы Срединной Азии, её земель и народов, во-вторых, изучение возможностей новых археологических изысканий и подготовка путей для будущих экспедиций в этом регионе, в-третьих, изучение языков и диалектов Центральной Азии и собирание комплексной коллекции предметов, характеризующих и иллюстрирующих духовную культуру региона¹⁵. Среди задач экспедиции также – изучение современного состояния культуры и быта народов Центральной Азии, обнаружение следов экспедиций, ранее пересекавших намеченный маршрут (Лекок, Аурел Стейн, Пеллио, Свен Гедин и т. д.).

Думается, основным побудительным мотивом к проведению указанной экспедиции было сознание того, что «в горах скрыта забытая цивилизация, которая хранит древнюю мудрость и культуру» и именно там «зашедшая в тупик наука может найти своё обновление», ибо «древняя мудрость – это ключ, которым археолог и натуралист открывают секреты культуры Востока»¹⁶.

Обложка издания первого отчёта Гималайского исследовательского института «Урусвати» Музея Рериха, подготовленного его директором Ю.Н. Рерихом в 1931 г.

PUBLICATIONS OF URUSVATI HIMALAYAN RESEARCH INSTITUTE OF ROERICH MUSEUM

URUSVATI JOURNAL, Vol. I, July 1931 (half-annual), pp. 103, 24 ill. 75 cents—Rs. 3.
URUSVATI JOURNAL, Vol. II, Jan. 1932 (annual), pp. 186, 17 ill., 119 diagr. \$ 1.35—Rs. 5.
URUSVATI JOURNAL, Vol. III, Jan. 1933 (annual), pp. 234, 39 ill. \$ 1.35—Rs. 5.

1. U.H.R.I. ANNUAL REPORT, 1929-1930, 9 ill. 25 cents—15 Annas.
2. PROFESSOR LANMAN AND HIS WORK IN THE FIELD OF INDOLOGY. G. de Roerich, 1 ill. 15 cents—8 Annas.
3. ARCHEOLOGY AS A SCIENCE. Prof. R. V. D. Magoffin. 15 cents—5 Annas.
4. THE ART OF EXCAVATION. Count du Mesnil du Buisson. 15 ill. 25 cents—15 Annas.
5. PROBLEMS OF TIBETAN ARCHEOLOGY. G. de Roerich. 15 cents—8 Annas.
6. TECHNIQUE OF BODY AND MIND. Dr. C. C. Lozina. 20 cents—12 Annas.
7. LOMONOSOV AND HIS CONTRIBUTION TO NATURAL SCIENCE. V. A. Pertzoff. 20 cents—12 Annas.
8. THE INSTITUTE'S HIMALAYAN HEADQUARTERS. V. Shibaieff. 2 ill. 8 cents—5 Annas.
9. PROF. ALBERT A. MICHELSON AND HIS CONTRIBUTION TO SCIENCE. V. Shibaieff. 1 ill. 10 cents—6 Annas.
10. RECENT ARCHEOLOGICAL DISCOVERIES IN INDIA. Col. A. E. Mahon, D.S.O. 10 cents—6 Annas.
11. STUDIES IN THE KALACAKRA. I. G. de Roerich. 20 cents—12 Annas.
12. THE TIBETAN CEREMONY OF BREAKING THE STONE. (Pho-bar Rdo-gcog). G. de Roerich. 35 cents—Re. 1-4.
13. PANTABI PHONETICS. E. Shiramek. 119 diagr. 35 cents—Re. 1-4.
14. DIARY OF THE 1931 EXPEDITION TO LADAKH. Dr. W. N. Koels. 4 ill. 50 cents—Rs. 2.
15. ON LECETHIN. V. A. Pertzoff and M. Alsmar. 20 cents—12 Annas.
16. U.H.R.I. ANNUAL REPORT, 1931. 20 cents—12 Annas.
17. CHRONICLE OF CENTRAL ASIATIC EXPLORATIONS FOR 1931. G. de Roerich. 8 cents—5 Annas.
18. SVEN HEDIN. By G. de Roerich. 1 ill. 35 cents—Re. 1-4.
19. COSMIC RAY EXPEDITION TO SOUTH-EASTERN LADAKH. Prof. J. M. Benade. 10 cents—6 Annas.
20. AN ACCOUNT OF A JOURNEY TO THE GANGOTRI GLACIER. Prof. Shiv Ram Kashyap. 14 ill. 35 cents—Re. 1-4.
21. RECENT ARCHEOLOGICAL DISCOVERIES IN INDIA. Col. A. E. Mahon, D.S.O. 8 cents—5 Annas.
22. ARIADNE'S CLUE IN EXCAVATIONS. Count du Mesnil du Buisson. 16 ill. 40 cents—Re. 1-8.
23. THE RÔLE OF THE SKIN IN THE PRESERVATION OF HEALTH. Prof. S. Metelnikoff. 10 cents—6 Annas.
24. THE PRAJÑAPARÂMĪTĀHRDAYASŪTRA—AS AN INSCRIPTION. Prof. N. D. Mironoff. 10 cents—6 Annas.
25. THE POSSIBLE SIGNIFICANCE OF HEISENBERG'S PRINCIPLE OF INDETERMINACY TO THE CHEMISTRY OF LIVING MATTER. V. A. Pertzoff. 4 cents—4 Annas.
26. CHRONICLE OF CENTRAL ASIATIC EXPLORATIONS FOR 1932 AND THE CITROEN CENTRAL ASIATIC EXPEDITION. 15 cents—8 Annas.
27. U.H.R.I. ANNUAL REPORT FOR 1932. 4 ill. 25 cents—15 Annas.
28. THE INSTITUTE'S NEW BUILDING FOR MEDICAL RESEARCH AT NAGGAR. 8 ill. 15 cents—8 Annas.

SERIES TIBETICA

Vol. I. THE TIBETAN DIALECT OF LAHUL. By G. de Roerich, \$ 1—Rs. 3.

IN PREPARATION :

TIBETAN ENGLISH DICTIONARY. By G. de Roerich in collaboration with Lama Lobsang Mingyur Dorje. (ready in 1934). Subscription Price: \$ 30 or Rs. 100 (cash sent on application).
SERIES TIBETICA. Vol. II. Life of Mar-pa. Translation from Tibetan, by G. de Roerich.
SERIES TIBETICA. Vol. III. History of Buddhism, by Padma dkar-po. Translation by G. de Roerich.

URUSVATI HIMALAYAN RESEARCH INSTITUTE OF ROERICH MUSEUM

310, RIVERSIDE DRIVE, NEW-YORK CITY, U.S.A.

NAGGAR, KULU, PUNJAB, BR. INDIA.

Экспедиция Н.К. Рериха, организованная Музеем Рериха в Нью-Йорке и Международным центром «Корона Мунди», выехала из Нью-Йорка в мае 1923 г. и в декабре того же года прибыла в Дарджилинг. «Здесь мы провели весь 1924 год, готовясь к странствиям по Внутренней Азии, – писал научный руководитель экспедиции Ю.Н. Рерих, – Прежде чем выступить в путь, следовало хорошо изучить тибетский язык»¹⁷. Своё повествование о путешествии Н.К. Рерих начал посещения в 1923 г. Цейлона, а Ю.Н. Рерих – со дня выхода экспедиции из Дарджилинга, т. е. с 6 марта 1925 г. 24 мая 1928 г. экспедиция вернулась в Гангток, откуда 26 мая отправилась в конечный пункт Дарджилинг, где была официально распущена. Таким образом, экспедиция Н.К. Рериха дважды обошла вокруг земель, названных им Сердцем Азии. Её ход и основные результаты представлены в двух важнейших книгах «Алтай – Гималаи» Н.К. Рериха и «По тропам Срединной Азии» Ю.Н. Рериха, а также в последующих изданиях и публикациях, среди которых наибольший интерес представляют дневниковые записи и письма Н.К., Е.И. и Ю.Н. Рерихов, а также опубликованные дневники К.Н. Рябикина, Н.В. Кордашевского и П.К. Портнягина.

Весь комплекс источников ещё ждёт свободного и тщательного анализа, однако мы можем сказать, что обозначенные выше задачи были успешно решены. Собранные художественные коллекции тибетского искусства, а также написанные за время экспедиции картины Н.К. Рериха были размещены в Нью-Йоркском музее и в институте «Урусвати», небольшие ботанические коллекции были направлены в различные научные учреждения Европы и Америки, в том числе и в научные учреждения Ленинграда. Был собран богатый этнографический и лингвистический материал, лёгший в основу последующих работ Ю.Н. Рериха. Во время экспедиции велась интенсивная работа по подготовке книг Учения Живой Этики «Община» (1926–1927), «Агни Йога» (1929).

К результатам-последствиям экспедиции следует, по-видимому, отнести реорганизацию рериховских учреждений в Нью-Йорке в 1929 г., в результате которых Музей Н.К. Рериха стал центральным учреждением, и, конечно, дальнейшее становление института «Урусвати». Был разработан подробный план его научной деятельности. Такой ход дел вполне соответствовал логике рериховского учения о Культуре, в котором особая роль отводилась Музею как обители Культуры, узловому пункту многомерного соединения – в прошлом, настоящем и будущем – всех видов человеческого творчества, искусства, общественной инициативы и научного подхода¹⁸.

Разделяя взгляды отца на необходимость выяснения подлинной картины древней культуры Центральной Азии с помощью многообразных подходов и материалов – археологических раскопок, изучения летописей, литературы и фольклора, прикладного искусства и архитектуры¹⁹, именно Ю.Н. Рерих разработал научную программу Гималайского исследовательского института «Урусвати». Для Юрия Николаевича развитие науки неразрывно связано с историей человеческого самопознания и совершенствования, поэтому и деятельность Гималайского института он изначально соотносит «с новыми принципами развития науки и с новой главой в истории человеческого самопознания»²⁰. По его словам, здесь «рождается новый тип

научного исследования, основанный на археологическом поиске и погружении в естественные науки, который уникально продуктивен и практически не приносит напрасных издержек» и при котором «научные исследования Запада базируются на культуре Востока»²¹.

Чтобы проникнуть в суть концепции **продуктивного метода исследований**, принятого в «Урусвати», необходимо подробнее остановиться на структуре института, содержании его деятельности, взаимодействии с другими научными учреждениями, людьми, так или иначе сотрудничавших с ним. Интересна характеристика, данная институту «Урусвати» руководителем Пражского института имени Н.П. Кондакова А.П. Калитинским: «Вы не только стоите в непосредственном соприкосновении с объектом Вашего исследования, но и сами его добываете. На Вас лежит учёная обязанность проверки уже вошедших в научный обиход приёмов и изобретения новых, если старые методы оказываются бессильными при разрешении возникающих вопросов»²².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. – СПб., 2003. – С. 66.

² *Там же.* – С. 27.

³ Из стихотворного обращения московского поэта Бориса Пастернака к петербургскому поэту Анне Ахматовой.

⁴ Перевод Е.Г. Полонской.

⁵ *Ольденбург С.Ф.* Новая встреча Востока и Запада через тысячелетия // *Ариаварта.* – № 3. – СПб., 1999. – С. 5.

⁶ *Бондаренко А.А.* Музей-институт семьи Рерихов в Санкт-Петербурге как международный проект и задачи гражданского общества // *Рериховское наследие: Труды конференции.* – Т. II. – СПб. – Вышний Волочёк, 2005. – С. 658–664.

⁷ *Рерих Ю.Н.* Расцвет ориентализма. – 1923 г. // *Рерих Ю.Н.* Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы / Науч. ред. М.И. Воробьёва-Десятовская. – Самара: Агни, 1999. – С. 13–14.

⁸ *Там же.* – С. 13.

⁹ *Там же.* – С. 14.

¹⁰ Если в начале XX в. С.Ф. Ольденбург говорил о том, что молодому Западу приходится пересматривать основные положения своей культуры, и на первом месте стоит пересмотр отношения к старому Востоку, то и сейчас, когда наблюдается очередной рецидив западоцентризма, это остаётся актуальным. В то же время наблюдается попытка иных отрицать саму проблему «Восток – Запад». Напряжения, связанные с различиями духовного и культурного свойства, затухивают, подменяются различиями материально-бытового, имущественного свойства. Эта духовная невосприимчивость, а порою враждебность Востоку часто выражается в преуменьшении роли и, в конце концов, замене вертикали Запад – Восток горизонталью Север – Юг, где Север – развитый, богатый, а Юг – отсталый, бедный. Результаты такой подмены в общественном сознании Россия хорошо знает на трагическом опыте своей истории в XX в.

¹¹ *Рерих Ю.Н.* Указ. соч. – С. 18.

¹² *Воробьёва-Десятовская М.И.* Предисловие // *Рерих Ю.Н.* Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. – Самара: Агни, 1999. – С. 6.

¹³ *Росов В.А.* Маньчжурская экспедиция Н.К. Рериха: в поисках «Новой Страны» // *Ариаварта.* – 1999. – № 3. – С. 17–55.

¹⁴ Весь спектр литературы по данному вопросу см. в двух справочных изданиях, подготовленных Международным Центром Рерихов: *Николай Константинович Рерих*. Биобиблиографический указатель. – М.: МЦР, 1999. – 232 с.; *Юрий Николаевич Рерих*. Биобиблиографический указатель. – М.: МЦР и др., 2002. – 80 с.

¹⁵ *Рерих Ю.Н.* Указ. соч. – С. 237.

¹⁶ *Там же*. – С. 200.

¹⁷ *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. – Самара: Агни, 1994. – С. 4.

¹⁸ *Бондаренко А.А.* Указ. соч.

¹⁹ *Яцковская К.Н.* Живое наследие (К 100-летию со дня рождения Ю.Н. Рериха) // *Восток*. – 2002. – № 5. – С. 210.

²⁰ В статье «Вершина современной науки» (1930) Юрий Николаевич утверждает: «Постижение основных путей развития человечества – это шаг к пониманию собственной личности. Обращаясь к прошлому, мы раскрываем для себя настоящее. Поэтому археология и связанные с ней науки имеют огромное значение для современных исследований» (*Рерих Ю.Н.* Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. – Самара: Агни, 1999. – С. 200).

²¹ *Рерих Ю.Н.* Указ. соч. – С. 200–201.

²² *Калитинский А.П.* Письмо Ю.Н. Рериху. – 20 сентября 1931 г. // *Ариаварта*. – Начальный выпуск. – СПб., 1996. – С. 175.

Ю.Ю. БУДНИКОВА

(Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург)

ДЖУЗЕППЕ ТУЧЧИ И ЮРИЙ РЕРИХ

Джузеппе Туччи (1894–1984) – без сомнения, крупнейший итальянский востоковед XX в. Разносторонняя деятельность учёного, продолжавшаяся около 70 лет, поражает воображение: научные экспедиции в Иран, Пакистан, Афганистан, 14 экспедиций в разные районы Тибета и Непала, в ходе которых были собраны бесценные коллекции древних рукописей и памятников искусства; превосходное знание многих восточных языков; создание в Риме Института по Среднему и Дальнему Востоку (IsMEO), научная, преподавательская, общественная деятельность. Перу Туччи принадлежат фундаментальные труды, посвящённые индийской и тибетской религии, философии, искусству. Такие его книги, как «Тибетские рукописные свитки», «Теория и практика мандалы», «История индийской философии», «Религии Тибета»¹ стали общепризнанной классикой мировой востоковедческой мысли. Основной сферой интересов учёного был буддизм².

Главной чертой научного гения Туччи надо считать его духовное прозрение в сущность исследуемого материала. «Философская тонкость Индии и Китая, логические построения некоторых систем, – писал учёный в одной из своих книг, – привлекали меня как манифестации мира, казавшегося на первый взгляд весьма далёким от нашего, но открывавшегося чрезвычайно близким в своей духовной и человеческой ипостаси, как только были познаны символы, посредством которых он выражался»³.

Однако познание этих символов не было делом лёгким. Дежурным упрёком, звучавшим в адрес западных востоковедов со стороны просвещённой элиты Востока

(к этому мы можем присоединить и голос великого знатока тайных восточных доктрин Е.П. Блаватской) на протяжении XIX–XX вв., был европоцентристский подход к вещам, требовавшим совсем другого угла зрения для их осмысления. Туччи был одним из немногих европейских учёных, давших себе труд посмотреть на исследуемый материал не снаружи, а изнутри ситуации. Мысль и духовная наука Востока, формы её выражения постепенно формировали внутренние свойства и представления самого этого человека, становясь интегральной частью его личности. Хочется привести в пример замечательный эпизод, описанный итальянским учёным в книге «Научная экспедиция Туччи в Индию». Вспоминая о своих поездках по Ассаму, он писал: «В Гаухати <...> я решил посетить знаменитый храм Камакья, известный особыми тантрическими ритуалами. Беспольными оказались рекомендации, полученные от некоторых индийских друзей, и даже когда они решили лично проводить меня туда, врата храма не открылись передо мной. Я совершил ещё одну попытку, в одиночку, и, начав разговор на санскрите о религиозных и философских проблемах с *панда* – хранителями храма, после трёх часов самого настоящего экзамена был не только введён в Святая Святых, но и получил возможность осмотреть многочисленные манускрипты, которые ревниво сохраняются в храме как священнослужителями, так и мирянами. То же самое повторилось в Непале»⁴. Как тут не вспомнить о многочисленных подобных ситуациях, возникавших во время Центрально-азиатской экспедиции Рерихов, когда первоначальное недоверие обитателей монастырей к европейцам сменялось гостеприимством и искренней помощью, как только звучали заветные слова на родном языке, говорившие о понимании основ, о стремлении к бескорыстному знанию и о любви к Истине.

В предисловии к «Религиям Тибета» Туччи справедливо замечает, что при интерпретации восточных, в данном случае буддийских, текстов возможны два крайних подхода: буквальный перевод или применение терминологии западных философских систем, причём последний, по мнению учёного, опаснее. «Многие тибетские идеи и доктрины скрывают в себе внутренний и мистический опыт, перенос которого в рациональные понятия и выражения крайне проблематичен». Трудности простираются вплоть до того, что «определённые тибетские звуки являются символами, которые могут породить непосредственные переживания, которые слово не передаёт, но лишь вызывает к жизни». По мнению итальянского учёного, западным языкам пришлось сделать бы почти невозможное: «придумать технические эквиваленты для внутренних движений, которые могут коренным образом изменить душевную и духовную реальность». Конечно, занимаясь столь трудным делом, Туччи постоянно советовался с восточными специалистами. В результате, свой труд он скромно оценивал следующим образом: «Я не уверен, что мне всегда удавалось задуманное, но, думаю, я сделал всё, что мог, чтобы западному читателю стали доступны сложные спекулятивные структуры, составляющие основу тибетской религии»⁵.

Читателями и слушателями учёного оказывались в том числе и властители дум западных интеллектуалов. Знаковая ныне фигура в философии и культурологии, Мирча Элиаде, одну из своих книг – «Оккультизм, колдовство и моды в культуре»,

снабдил подзаголовком: «*Посвящается Джузеппе Туччи. В память о наших дискуссиях в Калькутте, 1929–1931*».

Джузеппе Туччи окончил Римский университет по специальности санскрит, китайский и древнеперсидский языки в 1919 г., а в Индию впервые попал в 1925 г. В течение пяти лет он преподавал китайский и итальянский языки в университетах Калькутты и Шантиникетана. Владевший многими восточными языками, человек кипучей энергии, Туччи завязал знакомства в различных слоях индийского общества. Он общался с Махатмой Ганди, М. Икбалом, Р. Тагором, Дж. Неру. По возвращении в Италию в 1931 г. Туччи писал: «Жить на Востоке должно означать <...> вступление в контакт со всеми формами жизни, со всеми многообразными способами мышления, со всеми традиционными верованиями – одним словом, быть в состоянии понять без преубеждения те многоликие, а временами и противоречивые проявления восточной цивилизации, слишком часто преувеличенно приукрашенные, в других случаях несправедливо презираемые, почти всегда неправильно понятые»⁶. Углублённое изучение буддизма направляет внимание востоковеда к труднодоступной для европейцев «Стране Снегов» – Тибету. Именно в тибетских монастырях хранятся навсегда утраченные в Индии санскритские рукописи. В 1928 г. Туччи переводит с китайского и тибетского языков обратно на санскрит некоторые из важнейших древних трактатов по буддийской логике, оригиналы которых были утрачены. В том же году он организует свою первую экспедицию в Тибет (Ладакх). За ней в 1929 г. последовала вторая – в закрытый тогда для иностранцев Непал. Учёный вынашивал планы и более обширного путешествия по Центральной Азии. Так, в 1929 г. он писал крупнейшему русскому буддологу Ф.И. Щербатскому: «Если бы не моё здоровье, то я вернулся бы в Италию “сухопутным путём”: через Симлу – Сатледж, Ладакх, Нубру, Кашгар и далее – туда, где у меня была бы возможность встретиться с вами»⁷. И снова интересное «совпадение»: мечты Туччи – это этапы Центрально-азиатской экспедиции Н.К. Рериха.

Важной для мировой культуры заслугой Туччи, принёсшей ему славу крупнейшего исследователя Страны Снегов, явилось детальное описание памятников материальной культуры Древнего и современного Тибета, в подавляющем большинстве своём теперь утраченных, фотографическое отображение которых, осуществлённое во время экспедиций, остаётся зачастую единственным документальным свидетельством о них. В своей статье «Тибетское искусство» востоковед Юрий Николаевич Рерих (1902–1960), рассказывая о развитии двух школ буддийской живописи, отмечает, что западная публика познакомилась с продолжением традиций одной из этих школ, восточной, в Тибете – *Гуге*⁸ – «благодаря работе профессора Дж. Туччи, выдающегося итальянского учёного»⁹. Помимо этого именно итальянский востоковед стоял у истоков страноведческого исследования Тибета. Часть научных результатов довоенных экспедиций в Тибет была отражена в фундаментальном труде «Индо-Тибетика». В 1948 г. Джузеппе Туччи отправляется из Сиккима в свою последнюю экспедицию в Тибет, в ходе которой достигает Лхасы. Слава Туччи в Тибете была столь велика, что, несмотря на полный запрет иностранцам появляться в столице, он получает персональное разрешение тибетского правительства. В

официальном ответе на запрос учёного о получении виз для участников экспедиции было сказано: «Вам разрешён въезд в Тибет на три месяца, так как вы являетесь буддистом». Действительно, итальянский востоковед пользовался исключительным для европейца уважением в Стране Снегов. Он получил в дар лично от Далай-Ламы XIV двадцатishеститомное каноническое собрание свода древнеиндийских сутр *Rbyng ma'i rgyud*, оригиналы которых были утрачены в Индии и сохранились лишь в переводах на тибетский язык. «Этот свод чрезвычайно редок. В Лхасе существует всего два экземпляра, в Потале, – писал учёный в книге «В Лхасу и далее». – <...> Ещё никогда не случилось того, чтобы книги религиозного содержания были подарены в столь значительной и торжественной обстановке одному из иностранцев. Это явилось для меня словно посвящением со стороны высших духовных властей Тибета, признанием трудов, осуществлённых мной в течение десятилетий, персональная благодарность исследователю буддизма, восемь раз перевалившему в благоговении Гималаи»¹⁰.

После двухмесячного пребывания в Лхасе и её окрестностях Туччи спустился по реке Гьичу до Брахмапутры, а затем вниз по Брахмапутре до Самье, откуда предпринял наземное путешествие в долину реки Ярлунг, где определил местонахождение и описал гробницы древних тибетских царей. Результаты этих исследований включены в монографию «The tombs of the Tibetan kings»¹¹, вышедшую в 1950 г.

После присоединения Тибета к Китаю направление поисков итальянского учёного развернулось в сторону Среднего Востока (начиная с 1955 г.), где тоже были достигнуты выдающиеся результаты, отражавшиеся в научной археологической серии «Reports and Memoirs» («Отчёты и Записки»).

Джузеппе Туччи руководил многими периодическими научными изданиями: «Alle Fonti delle Religioni» («К истокам религий», 1921–1924), «Asiatica» («Азиатика», 1935–1943), «Le scienze del mistero e il mistero delle scienze» («Науки тайного и тайна наук», 1946). В 1950 г. в Риме при решающем участии Туччи под эгидой IsMEO начинает издаваться «Serie Orientale Roma» («Восточная Римская серия»)¹², в рамках которой публикуются важнейшие, преимущественно философские, тексты на восточных языках, а также исследования по истории, искусству и литературе Востока. В том же году под руководством Туччи начинает выходить востоковедный журнал «Est and West» («Восток и Запад», 1950–1978), а также увидели свет первые тома задуманной учёным серии «Nuovo Ramusio» («Новый Рамузий», 1950–1973), названной так в честь знаменитого венецианского географа Эпохи Возрождения. Сам Туччи выпустил в этой серии моно-

Джузеппе Туччи в Тибете. Слева – брат жены губернатора Пуранга.

графию «Италия и Восток». Ещё один издательский проект, задуманный учёным и реализованный в 1956–1962 гг., – энциклопедия «Цивилизации Востока» с участием крупнейших европейских специалистов.

Вся жизнь Джузеппе Туччи была служением идее единения Евразии, которую он понимал как многогранное и взаимообогащающее сотрудничество Востока и Запада на ниве подлинной культуры. В траурном объявлении из всех академических титулов и многочисленных международных премий, полученных учёным, была упомянута, по его воле, лишь индийская премия имени Джавахарлала Неру «За развитие взаимопонимания между народами». Созданный им институт действует и поныне, сменив название на Итальянский институт Африки и Востока (IsIAO). Его библиотека обладает богатейшим собранием восточных рукописей, ядро которого составляет переданная институту в 1959 г. огромная личная коллекция Джузеппе Туччи (более 20.000 томов).

Деятельность Ю.Н. Рериха началась и протекала примерно в те же годы и в тех же научных областях, не говоря уже о параллельном исследовании одних и тех же регионов. В 1920 г., получив диплом об окончании второго курса индоиранского отделения Школы восточных языков Лондонского университета, Ю.Н. Рерих вместе с родителями переезжает в США и поступает в Гарвардский университет на отделение индийской филологии. Оканчивает его в 1922 г. со степенью бакалавра. После окончания Гарвардского университета Юрий Рерих год работает на среднеазиатском и монголо-тибетском отделениях Парижского университета, совмещая это с занятиями на военном и юридическо-экономическом отделениях. В 1923 г. он получает учёную степень магистра индийской словесности. С 1923 г. Юрий Николаевич начинает исследовательскую работу на Востоке (Цейлон, Сикким, Кашмир и другие районы Индии), продолжая свои занятия санскритом и тибетским языком. В 1923–1928 гг. он участвует в Центрально-азиатской экспедиции Н.К. Рериха (Ладакх, Синьцзян, Монголия, Алтай, Китай и Тибет). В результате экспедиции появились такие труды Ю.Н. Рериха, как «Тибетская живопись» (1925), «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» (1930), «По тропам Срединной Азии» (1931), «Тибетский диалект Лахула» (1933) и другие. С 1928 г. Юрий Николаевич – директор Гималайского исследовательского института «Урусвати» в Индии. Его специализация – тибетология в её различных аспектах: лингвистика, филология, искусствоведение, философия, археология. Возможно, к 1931 г., когда Рерихи впервые обратились к Туччи с предложением о сотрудничестве, эти два востоковеда были крупнейшими специалистами по Тибету во всей Европе, а потому их интерес друг к другу был совершенно не случаен. В настоящее время исследователям доступны несколько писем Ю.Н. Рериха светилу тогдашней тибетологии, которые автор данной публикации пользуется случаем процитировать. Для начала отметим, что у представителя книготорговой фирмы «Luzac & Co» 11 февраля 1931 г. русский востоковед заказал для своей научной работы книгу Джузеппе Туччи «The Nyamukha of Dignaga». В письме к немецкому востоковеду Р.А. Стейну (1911–1999) Рерих ссылается на Туччи как на источник сведений о тибетском авторе Соднам-дагпа¹³. 27 октября 1931 г. из Наггара (Кулу, штат Пенджаб) Ю.Н. Рерих сообщает итальянскому про-

Ю.Н. Рерих с гостями Гималайского исследовательского института «Урусвати». Кулу. Июнь 1933. Крайний справа – секретарь Н.К. Рериха В.А. Шибяев. Фотография из архива Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

фессору об избрании его членом-корреспондентом Гималайского исследовательского института «Урусвати», отмечая, что члены Совета «очень польщены этим выбором», и выражает надежду на то, что «наше сотрудничество приведёт к плодотворной деятельности в интересах науки. Наш журнал и другие публикации с настоящего момента будут регулярно Вам посылаться, и мы надеемся, что вы окажете нам честь Вашими статьями для публикации в нашем журнале»¹⁴.

Не только Рерихи давали высокую оценку знаниям Туччи и стремились к сотрудничеству; итальянский востоковед, со своей стороны, понимал, что в том, что касается этой семьи, речь идёт о высочайшем научном уровне. Крупный индийский учёный Рам Рахул¹⁵ вспоминал об этапах своего обучения: «Когда речь зашла о продолжении моего образования и необходимости, как мне тогда казалось, отправиться в Европу, профессор Туччи сказал: “Зачем вам куда-то ехать, у вас в Индии имеется лучший институт тибетских исследований”. Так я оказался в Гималайском исследовательском институте “Урусвати” в Кулу»¹⁶. Давая такую оценку, Туччи судил не только по тому, что присылалось ему из Кулу, он имел возможность ознакомиться с работой института «Урусвати» лично, о чём речь чуть ниже.

Надежды Юрия Николаевича на сотрудничество вполне оправдались, и завязался многолетний творческий диалог, а также обмен плодами научной деятельности. 30 января 1933 г. из Наггара Юрий Рерих отвечает на письмо Туччи:

«Уважаемый профессор Туччи!

Я был рад получить Ваше письмо, написанное в прошлом месяце, и с большим интересом и нетерпением жду первых томов Вашей «Indotibetica». Мы, конечно, заинтересованы в Вашем обзоре «*Deb-ther Snon-po*»¹⁷, и если Вы любезно сообщите мне объём рукописи и другие детали <...> я буду рад вынести этот вопрос на Совет. Делу будет способствовать, если Вы мне сообщите уже сейчас, сколько экземпляров, по Вашему мнению, можно продать в Италии и в Европе. Как Вы, без сомнения, знаете, подобно другим научным изданиям, мы не можем платить гонораров, но готовы предоставить Вам бесплатные пятнадцать экземпляров Вашей работы, если она будет опубликована в нашей Серии¹⁸.

Том III нашего журнала выйдет в марте и будет отправлен Вам сразу же. Тогда же будет готов и том I серии «Тибетика».

Прилагаю проспект готовящегося к печати тибетско-английского словаря, с надеждой, что в Италии можно найти несколько подписчиков. Я могу послать Вам несколько экземпляров проспекта, если хотите.

С наилучшими пожеланиями от профессора Рериха и меня лично. С уважением [Юрий Рерих]»¹⁹.

В 1933 г. Джузеппе Туччи прибыл в Индию с одной из своих экспедиций, о чём Рерихи были извещены. Следуя в Западный Тибет, он заехал на один день в Кулу. Из нижеприводимой записки можно сделать вывод, что визит состоялся 18 (воскресенье) или 20 (вторник) июня 1933 г.

ЮРИЙ РЕРИХ – ДЖУЗЕППЕ ТУЧЧИ. [НАГГАР]. 16 ИЮНЯ 1933 Г.

Уважаемый профессор Туччи,

Большое спасибо за Вашу сегодняшнюю телеграмму. Мы будем рады, если Вы приедете к ланчу в воскресенье, и если эта дата подходит, утром мы пошлём нашу машину в Дхаркбунгало Кулу, чтобы доставить Вас к мосту Катрайн, где Вас будет ждать лошадь. Известите меня, пожалуйста, завтра телеграммой, если воскресенье приемлемо, с тем чтобы мы могли сделать необходимые приготовления. Если Вы предпочитаете вторник, те же самые приготовления будут произведены во вторник, но только сообщите, пожалуйста, точную дату.

С наилучшими пожеланиями,
Искренне Ваш [Юрий Рерих].

21 июня 1933 г. в протоколе заседания членов института «Урусвати» третьим пунктом появляется запись: «Профессор Джузеппе Туччи из Рима, член-корреспондент института и член Итальянской Академии наук по пути в Западный Тибет провёл у нас день и дал высокую оценку работе, ведущейся институтом в области тибетологии и тибетской фармакопеи. Он сказал, что с радостью увидит свою важную работу по истории Тибета опубликованной в нашей серии ТИБЕТИКА. Его рукопись пока не готова, но он надеется завершить её в течение года»²⁰. Судя по всему, речь идёт об уже упоминавшейся в письме Юрия Николаевича от 30 января 1933 г. монографии, посвящённой «Голубым анналам». К сожалению, начавшиеся

вскоре серьёзные финансовые трудности института «Урусвати» заставили его отказаться от большинства своих научных программ.

Наверное, фрагмент предисловия, написанного Джузеппе Туччи в 1935 г. к «Хронике научной миссии Туччи в Западный Тибет (1933)», даст наилучшее представление о деятельности итальянского востоковеда в тот период и о том, насколько подобное вдумчивое отношение к культуре Востока, а также стремление сделать её достоянием культурного сообщества было созвучно работе Рерихов. Не случайно строки писем Юрия Николаевича дышат такой искренней человеческой симпатией. Интересно отметить тот факт, что в поле зрения Джузеппе Туччи и Ю.Н. Рериха часто оказывались одни и те же феномены индийской и тибетской культуры, и методологический подход к их изучению обнаруживает глубинное сродство, что свидетельствует в пользу общности двух учёных в расстановке приоритетов и в понимании значения тех или иных явлений для человеческой цивилизации.

Джузеппе Туччи:

«Я завершил предисловие к дневнику экспедиции, снаряжённой в 1933 г.²¹, желанием иметь возможность когда-нибудь вернуться в Западный Тибет, разведать области, ещё ждущие своего изучения, и пересечь по новым маршрутам края, являющиеся, без сомнения, одними из самых интересных во всей Азии.

Действительно, хотя в 1933 г. я и смог основательно изучить Голинг и Цапанг, тем не менее, я понимал, что вся область Гуге полна исчезающих остатков славного прошлого: храмы, часовни, кенотафы, частью уже полностью разрушенные, частью обречённые на ту же участь, тянутся пустынной массой вдоль заброшенных троп – безмолвные следы навсегда исчезнувших славы и могущества. Прежде, чем разрушительное действие времени и отречение людей сотрут память о культуре, приговорённой к смерти, я полагал бы своим долгом учёного вернуться в эти провинции, такие труднопроходимые, спасти от забвения с помощью памяти фотодокументов самые значительные памятники и отправиться в район Манасаровара и Кайласа, то есть в одну из самых священных земель на всём Востоке. Когда бы мне это стало возможно, я мог бы сказать, что пятым, окончательным путешествием я завершил изучение этих окраинных провинций ламаизма, которые, гранича с Индией, служили проводником в культурном обмене между землёй Будды и Страной Снегов и которые с 1928 г. я исходил вдоль и поперёк. <...>

Свен Гедин в монументальном труде²² показал, как медленно прогрессировали географические знания о стране, которая до последних двух-трёх десятков лет была ещё для большинства землёй загадок. Он сам – в своих знаменитых работах – описал нам речные системы, горные цепи и метеорологические условия, но ни он, ни другие не занимались творениями рук человеческих, которые, напротив, моё внимание одни только и привлекали; помимо созерцания неутешительного запустения настоящего я вызвал к жизни на этот раз следы былого и задумал вырвать их из забвения и заброшенности, вверяя памяти фотографии и научного исследования.

Мои единичные предшественники сделали едва ли больше, чем обозначили названия мест, которые они посетили: я о каждом населённом пункте, о каждом гомпа –

как называют тибетцы монастыри – и о каждой руине отмечал то, что могло ещё представлять интерес с точки зрения религиозной, исторической и художественной.

Надеюсь, что вскоре за дневником последуют и научные труды; таким образом, научные работники получают сведения о некоторых памятниках, затерянных в гималайских долинах, в которые были перенесены во всём великолепии их света и цвета художественные традиции Южной Индии. Никто, насколько мне известно, до сего дня не говорил о Мангнанге, который по своим фрескам XI в. вполне может быть сравним с храмами Аджанты или Эллары.

Мои исследования были тщательными и кропотливыми: но я не претендую на то, что мною сказано последнее слово о такой обширной, труднодоступной и такой богатой памятниками прошлого области. Вероятно, тот, у кого было бы в распоряжении больше времени, извлёк бы на свет новые сокровища в краях, которые вот-вот поглотит пустыня.

Над обломками былого, в стороне от неверного течения дел людских бдит в чистейшем сверкании своих ледников Кайлас, вечный символ Бога.

Если духовные ценности не будут попорны также и на Востоке, безлюдье священной горы будет и дальше принимать в свою бесконечную тишину аскетов и садху, паломников и верующих, жаждущих очиститься и вновь слиться со Всеединым»²³.

Предвоенная и военная пора заставили как «Урусвати», так и IsMEO, значительно сузить и поле деятельности, и количество контактов, однако семья Рерихов и Джузеппе Туччи не теряли друг друга из виду. С наступлением мирной жизни и научная работа постепенно стала возрастать. 1 января 1947 г. С.Н. Рерих пишет родителям и брату: «Очень радовались, что Юша получил приглашение от Туччи. Это хорошо»²⁴. В письме к Девике Рани Рерих от 8 января 1949 г. Юрий Николаевич удивляется, отчего итальянский учёный не сообщил о своём проезде через Бомбей, а через несколько дней сообщает Святославу Николаевичу и Девике: «Светику будет интересно узнать, что тибетской коллекции»²⁵ Туччи разрешили “транзит” через Индию»²⁶. Бесценные материалы, собранные в тибетских монастырях во время этой и предыдущих экспедиций, послужили основой для фундаментального труда Джузеппе Туччи «Тибетские рукописные свитки», с воодушевлением воспринятого Ю.Н. Рерихом. Это произведение синтезировало в себе огромный иконографический, исторический, литературный и философский материал, скреплённый впервые осуществлёнными переводами многих исторических и религиозных тибетских текстов. При исследовании древних манускриптов профессором Туччи среди прочего были выявлены сведения о древнем государстве Шамбала (Шанг-Шунг), в котором с незапамятных времён правила династия мудрых правителей небесного происхождения и откуда пошла *Калачакра* – мистическая наука эзотерического буддизма.

Переписка и обмен научными материалами между двумя востоковедами становились всё интенсивнее. С 1949 г. Ю.Н. Рерих, переселившийся с матерью в Калимпонг, руководил местным индо-тибетским семинарием для оставленных при университете для подготовки к профессорскому званию, а также заведовал курсами китайского и тибетского языков²⁷. Е.И. Рерих писала в этот период В.К. Рериху (сред-

нему брату её мужа): «Юрий много работает и говорит по-тибетски лучше многих самих тибетцев, продвинулся и в знании монгольского и не забывает свой санскрит. Практика ему здесь неплохая. Он пользуется большим авторитетом среди населения за свою учёность и замечательную мудрость». А сыну Святославу сообщила: «Юханчик становится центром знания и главным авторитетом по тибетологии и всему, связанному с этим. Всё время получает письма от профессоров из Европы, желающих познакомиться с ним для разъяснения многих трудных понятий и т. д. Так, сюда едет проф[ессор] Стейн из Парижа, приехал уже англ[ичанин] Снеллгров и хочет приехать проф[ессор] Хоффман из Мюнхена. Магнит знания действует»²⁸.

19 июля 1954 г. Юрий Николаевич пишет из Калимпонга профессору Туччи:

«С искренней благодарностью хочу подтвердить получение II, III и IV томов Вашей замечательной серии²⁹, каждый из которых является ценным вкладом в область изучения буддизма и Тибета. Я ожидаю выхода Вашего издания “*Deb-ther dmar-po*” (это первое или новое издание *gsar-ma*³⁰ Соднама-дагпы) и перевода Конзе “*Abhisamayā-Laṅkāra*”³¹. Азиатское Общество отправило Вам II том моих “Голубых анналов”. Я надеюсь, он дошёл до Вас, и буду благодарен, если получу подтверждение. Моя “Грамматика тибетского языка” находится в печати и будет опубликована. Также и мой “Диалект Амдо” с выдержками из “Сказания о Гесэре”. Сейчас я собираю материалы для издания “Жизнеописания Чаг-лоцзавы”.

До сих пор размышляю, что послать Вам в обмен на Ваши, незаменимые для меня “*Tibetan Painted Scrolls*”³². Вы передали лучшую коллекцию тибетских книг. У меня есть комплект “*Ārya Pandita i gSuñ-'bum*”³³ (монгольский ксилограф в 4-х томах), редкий. Есть ли в Вашей библиотеке экземпляр моей книги “Звериный стиль у кочевников Северного Тибета” (Прага, 1931)? Возможно, чтобы копия текста была временно доступна? Появление Вашей “*sprul-pa*”³⁴ в Дарджилинге и Гангтоке произвело сенсацию местного масштаба, и люди бросились приобретать снабжённые автографом экземпляры Вашей работы “*Tombs of Tibetan Kings*” в книжном магазине в Дарджилинге. Мой тибетский друг был в магазине, когда издания как раз подписывались, и увидел джентльмена в очках, хорошо владеющего санскритом и, видимо, прекрасно знакомого с тибетскими религиозными учениями.

Наилучшие пожелания и ещё раз большое спасибо за книги,

Искренне Ваш [Юрий Рерих]»³⁵.

ЮРИЙ РЕРИХ – ДЖУЗЕППЕ ТУЧЧИ.

КРУКЕТИ, КАЛИМПОНГ, ЗАПАДНАЯ БЕНГАЛИЯ. 24 ЯНВАРЯ 1955 Г.³⁶

Дорогой профессор Туччи,

Благодарю Вас за Ваше доброе письмо от 7-го числа сего месяца, переправленное сюда Азиатским Обществом Калькутты. Разрешите мне поздравить Вас с Вашей недавней успешной экспедицией в Непал. Я с большим интересом ожидаю увидеть её отчёт.

Я счастлив узнать из Вашего письма, что Вы хотите обменять «*Tibetan Painted Scrolls*». Пятитомник «*Ārya Pandita i gSuñ-'bum*» может быть отправлен сейчас же,

но словаря геше Чойдрага в наших местах нет в наличии и его нужно заказывать. Пожалуйста, дайте мне знать, как отправить книги.

Моя «Грамматика тибетского языка» сейчас в типографии, и я взял себе на заметку, чтобы отправить Вам экземпляр, как только он выйдет из печати в течение нескольких ближайших месяцев. Готовлю работу о Чаг-лоцзаве, которая тоже будет опубликована³⁷. Я понял, что сутра «*Abhisamayā-Laṅkāra*» в переводе Конзе появилась в Вашей серии. Как Вы думаете, можно ли получить экземпляр?

Желая Вам плодотворного года, я остаюсь

Искренне Ваш [Юрий Рерих].

Радостно откликаясь на письмо Джузеппе Туччи от 3 мая 1955 г., Ю.Н. Рерих, очевидно, в ответ на просьбу подыскать высокообразованных переводчиков со знанием тибетского языка для работы в Италии, в своём письме от 22 мая того же года даёт подробные характеристики двум кандидатам и скрупулёзно обговаривает множество связанных с возможной работой деталей, обещая продолжить поиски. Подобная готовность к кооперации, видимо, была вполне взаимной, потому что уже два месяца спустя, 18 июля Юрий Николаевич пишет:

«Мой дорогой профессор Туччи,

Огромное спасибо за письмо от 4 июля.

Для меня было бы большим счастьем и честью видеть мою книгу по диалекту Амдо изданной в Вашей серии. Я попросил моего друга, доктора Р. Стейна, послать Вам рукопись. Книга состоит из трёх частей: 1. Грамматики, 2. Текстов (выдержки из эпоса “Тесэр” на диалекте Амдо, песни, рассказы и т. д.), 3. Словаря (амдо-тибето-французского), а также некоторых лингвистических материалов голокского и панагарского диалектов (северо-восток). Карта (чёрно-белая) и три иллюстрации прилагаются к тексту».

Далее Юрий Николаевич продолжает обсуждение кандидатур специалистов для работы в Институте у Туччи, в частности, в качестве комментаторов философских текстов. А заканчивает своё письмо словами:

«Мы все с нетерпением ожидаем Вашего перевода «*Lho-brag chos- 'buiñ*». Оттиск очень часто неразборчив. Если бы Вы смогли выслать мне спорные места, я, вероятно, смог бы проверить их и спросить совета у компетентных лиц. Надеюсь, Вы получили моё письмо от 16 июля. Я хочу ещё раз высказать Вам своё восхищение Вашей книгой “Tibetan Painted Scrolls”. С самым дружеским приветом»³⁸.

Посредничество Ю.Н. Рериха в переговорах с кандидатами для работы в Институте Среднего и Дальнего Востока продолжалось ещё несколько месяцев, в переписку включился сотрудник Джузеппе Туччи профессор Антонио Джарджано. 26 мая 1956 г. Юрий Николаевич писал ему:

«Дорогой профессор Джарджано,

Благодарю за сердечное письмо от 18 числа сего месяца и за три великолепно набранные страницы образцов³⁹. <...>

Пожалуйста, передайте мою искреннюю благодарность профессору Туччи за отгиски его иллюстрированных статей «The Sacral Character of the Kings of Ancient Tibet» и «Symbolism of the Temples of *bSamyas*», которые я получил через Азиатское Общество в Калькутте. Закончил вычитку гранок моей «Грамматики тибетского языка», экземпляр книги будет отправлен профессору Туччи сразу после выхода книги в свет.

Благодарю Вас за интерес к моей работе и с наилучшими пожеланиями, Искренне Ваш [Юрий Рерих]».

Внимательное наблюдение за работой друг друга и обмен её результатами, конечно, стимулировали учёных на более детальную разработку тех или иных тем, чтобы, дополняя исследования коллег, дать максимально полную картину в том или ином научном вопросе. Так, например, в письме крупному индийскому деятелю науки А.С. Альтекару (1898–1959) Ю.Н. Рерих пишет:

«О жизни Чаг-лоцавы Чойжепала практически ничего не было известно до публикации моего перевода “Голубых Анналов”, или “*Deb-ther sñion-po*”, т. II. Об этом даже не упоминалось в великолепной работе Туччи “Tibetan Painted Scrolls”»⁴⁰.

Письмо С.Н. Рериха Ю.Н. Рериху даёт нам возможность убедиться, что Туччи также ориентировался на достижения коллеги в своей научной программе. В конце 1956 г. Туччи находился в Индии (по-видимому, в рамках очередной своей экспедиции, на этот раз направленной на археологические изыскания в долине реки Сват, протекающей в Предгималаях). Вот что пишет Святослав Николаевич:

«Когда здесь был Тусси, то мы ездили на его лекцию, и он очень высоко говорил о твоей работе и как важно было издать “The Blue Annals”⁴¹. Это он говорил во время лекции. Я его не спросил о твоей книге, ибо твоё письмо пришло после его отъезда. Он здесь был только полдня и ночь. Было удачно, что я прочёл его книжку, которую ты мне прислал»⁴².

Слова ближайшего помощника Джузеппе Туччи в IsMEO Антонио Джарджано, пославшего телеграмму С.Н. Рериху в связи с празднованием 60-летия со дня рождения Юрия Николаевича Рериха в Институте востоковедения АН СССР для зачисления 15 октября 1962 г., ещё раз убеждают нас в том, что два великих учёных чувствовали себя делающими одно дело:

«Я знаю, как высоко профессор Туччи ценил научные достижения Вашего покойного, чрезвычайно нами оплакиваемого брата – д-ра Юрия Рериха, с которым он переписывался. Осмелюсь добавить, что и я также всемерно уважаю его. Поэтому всем нам в Институте было очень приятно узнать, что его труды, обогатившие востоковедение, достойно почтены созывом специального заседания в Институте востоковедения и открытием мемориальной доски»⁴³.

Далее мы предлагаем вниманию читателей переводы двух программных в плане осмысления взаимодействия Востока и Запада выступлений: Джузеппе Туччи (*Приложение I*), а также Герардо Ньюли (*Приложение II*), занимавшего с 1979 г. до середины 1990-х гг. пост директора IsMEO и продолжавшего культурную политику

его основателя. Тексты предоставлены в распоряжение редакции В.А. Росовым, за что редакция приносит ему глубокую благодарность. Автор публикации выражает искреннюю признательность также А.А. Малыгину за возможность воспользоваться собранным им материалом. Хочется сказать, предваряя эти интересные, на наш взгляд, концептуальные тексты, что желание опубликовать их диктовалось не столько самим фактом обращения авторов к теме «Восток – Запад», сколько тем, что их взгляд обнаруживает родство с тем «глазом добрым» и одновременно проникающим в суть вещей, которым смотрели на мир Рерихи. Можно с одинаковым успехом применить и к русскому, и к итальянскому востоковеду очень верные слова, сказанные о Ю.Н. Рерихе его другом, послом Цейлона в СССР доктором Г.П. Малаласекерой:

«Он обладал замечательным умом, который давал ему возможность не только овладеть широкими областями знания, но и оценить, и истолковать их с симпатией и пониманием»⁴⁴.

И самое последнее, что хочется добавить: на наш взгляд не случайно именно итальянский учёный и Итальянский институт так много сделали для понимания Западом Востока. Сам Туччи, как явствует из нижеприводимого текста, видит **в Италии** мост между двумя мировыми ареалами культуры, ей он отводит ту роль, которую многие представители русской мысли без сомнений и альтернатив видят предназначением России. Не будем торопиться с заключениями. Надо познать и осмыслить действительность, с которой мы сталкиваемся. Отметим, что для Николая Константиновича Рериха, например, Италия была образцовым местом встречи Востока и Запада в Средние века и Эпоху Возрождения, её он чаще всего приводит как пример творческого усвоения «даров Востока» – так называлась одна из его статей. В «Листах дневника» упоминаются восточные ткани и гепарды с картин Беноццо Гоццолли, восточные элементы каменного убранства «царицы морей» Венеции, отмечается, что первый в Европе математический трактат с арабскими цифрами (которые сами арабы именовали индийскими) выпустил в 1202 г. итальянец Леонардо да Пиза. Художник не только называет имена всех итальянских путешественников, открывавших Западу восточные цивилизации – Марко Поло, д'Ансенино, Плано Карпини, францисканского монаха Одорико Порденоне – но и обнаруживает хорошее знание их работ: «Все говорят о Тибете особенно – и Плано Карпини, и Рубруквис, и Марко Поло, и Одорик Фриульский и многие другие путники отмечают что-то особенное в Тибете»⁴⁵. Но Италия – это не только интерпретация и усвоение достижений Востока, но и симметричная ему мощь мысли. В статье «Письмена Азии» встают как две вершины – **слова о мире с двух концов Земли**: с Востока и с Запада, из Гималаев (Веды) и из Италии (Данте). Титаны итальянского Возрождения (с которыми, на наш взгляд справедливо, исследователь А.А. Малыгин сравнивает фигуру Туччи) заложили основы новоевропейской цивилизации, гордящейся достижениями гуманизма. На этих ценностях возрастала и культура русского Серебряного века.

Возможно, правильнее будет говорить о том, что мостами, перекинутыми через пропасть непонимания, являлись и являются не географические регионы и не традиции, а люди, своими знаниями, доброй волей, вдохновением поднимающиеся до общечеловеческих высот и в своём сердце осуществляющие тот самый желанный синтез культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Единственный из перечисленных трудов Туччи, переведённый на русский язык: *Туччи Дж.* Религии Тибета. – СПб.: Евразия, 2005. – 416 с.

² Интересно отметить также перевод на итальянский язык с обширным предисловием и комментариями «Тибетской книги мёртвых». Ценный материал для исследователей дают монографии «Буддизм», «Буддийские тексты по логике до Дигнаги из китайских источников», «О некоторых аспектах доктрин Майтрейянахи и Асанги», «Малые буддийские тексты», эссе «Чортен и ца-ца в Индии, Тибете и на Западе» и многое другое.

³ Цит. по: *Малыгина А.* Предисловие // *Туччи Дж.* Святые и разбойники неизведанного Тибета / Пер. с итал. А. Малыгина. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 5.

⁴ Цит. по: *Там же.* – С. 7.

⁵ Пер. с итал. Ю.Ю. Будниковой по изд.: *Tucci G.* Le religioni del Tibet. – Milano: Arnoldo Mondadori editore, 2000. – P. 10.

⁶ Цит по: *Малыгина А.* Указ. соч. – С. 6.

⁷ *Там же.* – С. 8.

⁸ «Гуге – древнее королевство на территории Тибета. На месте столицы Гуге – охраняемый культурно-исторический памятник Китая. Городище находится в западной части Тибетского автономного района, в местечке Чжабужан (Цапаранг) уезда Дзанда. Гуге находится в относительной близости от священной горы Кайлас, места паломничества индуистов и буддистов. Столицей Гуге были города Тхолинг и Цапаранг. Примерно с 1930 г. царством Гуге заинтересовались археологи благодаря работам итальянского буддолога Джузеппе Туччи» (*Википедия* – свободная Интернет-энциклопедия).

⁹ *Рерих Ю.Н.* Буддизм и культурное единство Азии. – М.: МЦР, 2002. – С. 60.

¹⁰ *Туччи Дж.* Святые и разбойники неизведанного Тибета / Пер. с итал. А. Малыгина. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 10.

¹¹ «Могилы тибетских царей» (англ.).

¹² В настоящее время насчитывает более 80 томов.

¹³ *Рерих Ю.Н.* Письма: В 2 т. – Москва, 2002. – Т. II. – С. 229.

¹⁴ *Там же.* – Т. I. – С. 157–158.

¹⁵ Профессор, специалист по центрально-азиатским цивилизациям, многие годы возглавлял Департамент центрально-азиатских исследований Университета Джавахарлала Неру в Дели.

¹⁶ Цит. по: *Митрохин Л.В.* Юрий Рерих, великий исследователь Гималаев // *Воспоминания о Ю.Н. Рерихе*: Сборник: По материалам конференции в Новосибирске, посвящённой 90-летию со дня рождения Юрия Николаевича Рериха. – Новосибирск, СибРО, 1994. – С. 35–56. «Рам Рахул вспоминал, что первая встреча с семьёй Рерихов состоялась в 1946 г., хотя о существовании созданного ими научно-исследовательского Гималайского института в долине Кулу он узнал значительно раньше, ещё в 1943 г., будучи студентом, когда стал заниматься ламаизмом и Тибетом в целом. Во время путешествий в Гималаях ему не раз приходилось слышать: “А здесь останавливались русские!” Однако более подробно о Рерихах ему говорил известный учёный-тибетолог Гьяган Терчин. Гьяган Терчин знал Рерихов, был с ними связан научными интересами. Вторым человеком, говорившим Рам Рахулу с глубоким уважением о Рерихах, был его учитель, известный

итальянский востоковед, покойный профессор Туччи, удостоенный в преклонном возрасте звания лауреата Международной премии имени Джавахарлала Неру» (*Там же*. – С. 12).

¹⁷ «Синий дэбгер» («Голубые Анналы») – трактат в 15 томах, посвящённый разным школам тибетского буддизма. Переведён с тибетского на английский Ю.Н. Рерихом.

¹⁸ Имеется в виду «Series Tibetica», начатая институтом «Урусвати» книгой Ю.Н. Рериха «Тибетский диалект Лахула» (1933).

¹⁹ Рерих Ю.Н. Указ. соч. – Т. I. – С. 234–235.

²⁰ Возможность познакомиться с документами о пребывании Туччи в гостях у Рерихов в Кулу была предоставлена сотрудником Музея Николая Рериха в Нью-Йорке Гвидо Трепшей, которому, пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность. Два процитированных выше документа сохранились в архиве Нью-йоркского музея. Имя итальянского учёного появляется ещё раз в протоколе от 3 декабря 1933 г., где указывается, что по рекомендации профессора Туччи место в институте «Урусвати» хочет получить некий *Devi Chand Khynpa of Poo*, однако за неимением вакансий это не может быть осуществлено.

²¹ *Tucci G. Cronaca della Missione Scientifica Tucci nel Tibet Occidentale* (1933). – Roma: Reale Accademia d'Italia, 1934; *Secrets of Tibet*. – London: Blackie and Sons, 1935. – *Примеч. Дж. Туччи*.

²² *Hedin, Sven. Southern Tibet*. – Stockholm, 1896. – Vol. 1–10. – *Примеч. Дж. Туччи*.

²³ Перевод с итал. Ю.Ю. Будниковой. – *Примеч. ред.*

²⁴ Рерих С.Н. Письма: В 2 т. – М.: МЦР, 2005. – Т. I. – С. 301.

²⁵ Интересные подробности о составе этой коллекции можно найти в автобиографии Тенцинга Норгея, проводника и администратора Джузеппе Туччи в этой экспедиции:

«Иногда, будучи занят, он посылал меня одного в монастырь с письмом на тибетском языке, где было сказано, чего он хочет; если я находил нужный предмет, то должен был купить его и доставить профессору. Ламы стали меня называть “профессорский ньеба ла”, что значит “агент” или “управляющий”. Я узнал так много, что мог бы написать путеводитель по монастырям Тибета. Мало-помалу наши ящики и корзины стали заполняться коллекциями профессора. <...> Но самые замечательные находки для Туччи и для меня были сделаны уже под конец путешествия. В этот свой восьмой приезд в Тибет профессор особенно упорно разыскивал знаменитую санскритскую рукопись, написанную почти две тысячи лет назад на древесной коре. Учёные твердо верили в её существование, хотя до сих пор не удавалось найти её. Профессор Туччи считал, что она была написана в Туркестане, куда в то время пришёл буддизм, но, согласно его теории, основанной на длительных изысканиях, много лет назад рукопись привезли в Тибет, в монастырь Гхангар. Итак, мы отправились в Гхангар и приступили к поискам. Это было нелегко, потому что ламы, похоже, ничего не знали о ней, а в монастыре хранились тысячи древних пергаментов и рукописей, которые все надо было рассортировать и тщательно исследовать. День проходил за днём, мы рылись в пыли и паутине, и я уже стал падать духом. Я решил, что либо рукописи здесь нет, либо, если и есть, мы всё равно никогда не найдем её. Но Туччи был не из тех, кто сдаётся, и поиски продолжались. Сосредоточившись на своей работе, он не мог думать ни о чём другом, становился чрезвычайно рассеянным, и как-то утром я обнаружил, что он надел рубашку наизнанку.

– Это счастливая примета, – сказал я профессору. – Может быть, сегодня мы, наконец, найдём её.

Так оно и случилось. Нашел её я – пыльная, изорванная, она была погребена под горами других рукописей. Но профессор описал мне её настолько точно, что я сразу понял, что это и есть предмет наших поисков. Когда я пришёл к нему, он разволновался не меньше, чем обычный человек, найдя месторождение золота или алмазов. <...> Ламы не хотели брать денег и с профессора Туччи за свою драгоценную рукопись. Они настаивали на том, что знание не продаётся, а отдаётся ищущему его; они только просили профессора снять копию в Италии и выслать потом оригинал обратно. Всё же напоследок ему удалось убедить их принять пятьсот рупий в дар монастырю».

(Ульман Д. Тигр снегов: Автобиография Тенцинга Норгея, записанная с его слов Д. Ульманом / Пер. с англ. Л.Л. Жданова. – М.: Московский рабочий, 1982. – 256 с.)

²⁶ Рерих Ю.Н. Указ. соч. – Т. II – С. 202.

²⁷ В Калимпонге, Западный Бенгал, собрались тогда светила гималайских исследований. Сюда переехал из Массури крупнейший индийский учёный Рахул Санкритьяяна, который тесно сотрудничал с Ю.Н. Рерихом и очень любил его. Здесь же жил учёный-востоковед Принц Питер. В Калимпонге жил ещё один интересный человек – Марко Поллис, автор книги «Пики и Ламы».

²⁸ Цит. по: Орловская И.В. Страницы биографии Ю.Н. Рериха в документах Международного Центра Рерихов // *Воспоминания о Ю.Н. Рерихе*: Сборник: По материалам конференции в Новосибирске, посвящённой 90-летию со дня рождения Юрия Николаевича Рериха. – Новосибирск, СибРО, 1994. – С. 5–12.

²⁹ Имеется в виду «Serie Orientale Roma».

³⁰ Со времён (тиб.).

³¹ «Абхисамаяламкара» – одна из пяти Дхарм Майтрейи (пять трактатов по трансцендентальной философии буддизма), авторство которых в разных источниках приписывается Асанге, Майтрейе-Натху или обоим вместе.

³² «Тибетские рукописные свитки» (англ.).

³³ Собрание сочинений Пагпа-ламы, одного из наиболее известных иерархов Сакья (тиб.).

³⁴ «Эманации» (тиб.), здесь имеется в виду книга.

³⁵ Рерих Ю.Н. Указ. соч. – Т. II – С. 252.

³⁶ Там же. – С. 256.

³⁷ Речь идёт о переводе Ю.Н. Рерихом «Удивительного жизнеописания Чаг-лоцзавы, составленного Джуба Чойдаром».

³⁸ Там же. – С. 260–261.

³⁹ Далее обсуждается готовившаяся к печати монография Ю.Н. Рериха «Диалект Амдо», которая вышла в Риме на французском языке в серии «Roma Serie Orientale» в 1957 г.

⁴⁰ Там же. – С. 301.

⁴¹ «Голубые анналы» (англ.) вышли в двух томах в Калькутте в 1949 и 1953 гг.

⁴² Рерих С.Н. Письма: В 2 т. – М.: МЦР, 2005. – Т. II. – С. 90.

⁴³ Архив Санкт-Петербургского государственного Музея-института семьи Рерихов, фонд Павла Фёдоровича Беликова.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Рерих Н.К. Листы дневника: В 3 т. – 2-е изд. – Т. I. – М.: МЦР, 1999. – С. 273.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ДЖУЗЕППЕ ТУЧЧИ СОТРУДНИЧЕСТВО С ВОСТОКОМ

*Выступление на конференции,
проходившей в Итало-Швейцарской Ассоциации по культуре. 14 марта 1958 г.*

ПУБЛИКАЦИЯ Ю.Ю. БУДНИКОВОЙ

Не потому, что того требует обычай или подсказывает вежливость, но по велению сердца утверждаю, что для меня большая честь выступить перед членами Итало-Швейцарской Ассоциации, которая не столько поддерживает и развивает, сколько освящает вековую традицию дружеских соглашений. Мне чрезвычайно приятно

также беседовать с вами о другом сотрудничестве и о его формах и направлениях: я говорю об отношениях между Италией и Востоком, которым я посвятил тридцать лет своей деятельности, не потому, чтобы я получал от этого выгоду – даже наоборот, нередко беспокойство и неприятности – а подвигаемый к тому самыми взвешенными принципами и убеждениями.

Развивая выбранную тему, добавлю, что ни одно место не кажется мне столь подходящим для настоящей конференции, как ваша Ассоциация, где избранные умы ставят перед собой задачу укрепления точек соприкосновения между двумя странами, Италией и Швейцарией, при свободном и суверенном сосуществовании личностей, стимулируемых в своём развитии культурой, которая, по своей природе, должна возвышаться над политическими бурями и, по моему мнению, судить их. В этой связи позвольте мне сразу откровенно высказать свою мысль: превратности политики несут на себе печать времени. Ситуации, факты, различные толкования устройства мира, политические взгляды или религиозные убеждения – то, что мы в целом называем историей – возникает, утверждается, распространяется, расшатывается, разрушается, переходя от одной формы к другой, показываясь то в одном движении, то в другом; и одиноко на поверхности этого моря, как золотые блики, сверкают создания мысли и воображения, сообщающие видимость бессмертия непоправимой человеческой бренности. Я не буду, следовательно, говорить вам о политических отношениях между Италией и Востоком, потому что не имею ни полномочий, ни склонности к этому: если же я коснусь этого, то только в случае, когда мне кажется, что политика может содействовать этим отношениям или запутать их, благоприятствуя или препятствуя светлой встрече, которую силится осуществить культура. Очень подходящей для этой цели представляется подсказанная мне тема: культурное сотрудничество между Востоком и Италией и способы его достижения, как они представляются Итальянскому институту Среднего и Дальнего Востока, основанному и ныне возглавляемому мной – подходящей ещё и потому, что Швейцария и трудами своих учёных, и походами исследователей, и организацией соответствующих учреждений внесла ценный вклад в познание духовной реальности и физического облика Азии. Вспоминаю свою ещё юношескую переписку с великим мастером, Полем Ольтрамаром (Paul Oltramare), автором «Истории теософских идей в Индии», которой время, как иным вековым деревьям, кажется, только добавило свежести и мощи; и как чтение этой книги, в которой эрудиция затмевается остротой синтеза, учило меня, что в исследовании факты являются всего лишь инструментом, дающим толчок тонкой игре мысли, или схемой мудрого строения, в котором тысячелетняя традиция восстанавливается или получает завершённость в очевидности своего смысла. Если же мне надо говорить не как кабинетному учёному, а как первоисследователю, на ум сразу приходят встречи с Диренфуртом, Хаймом, Ганнзером, Бауэром, Ламбертом и всеми прочими, которые тревожили небесные жилища гималайских богов на протяжении от Канченджанги до Эвереста, будя в других дух соревнования, и которые покоряли одну за другой многочисленные вершины, упирающиеся в небо, такие высокие, что кажутся плывущими по бескрайней голубизне неба.

А сегодня, когда от научной работы не получишь отдачи, если она плохо организована и не поддерживается интенсивным сотрудничеством, Швейцария может гордиться коллективными начинаниями типа «Asiatische Studien» в Цюрихе или журналом «Artibus Asiae», который, за своё теперь уже долгое существование, много содействовал тому, чтобы сделать доступным нашему пониманию искусство Востока – благодаря этому его шедевры не чужды и безразличны нам, но способны озарить сокровенным светом наш дух и пополнить своей чистотой или своей тайной чашу нашего восхищения прекрасным.

И это ещё не все. Именно в Швейцарии, теперь уже в силу давней традиции, проходят ежегодные встречи «Эраноса» («Eranos»), по случаю которых учёные всего мира собираются для обсуждения мифов, вымыслов и сказок, архетипная потребность в которых, упорядочиваясь в религиозных симфониях, побуждала разнообразно работать воображение человека в иллюзии познания смиряющей или возвышающей его тайны, или для того, чтобы облегчить тот печальный путь от колыбели до гроба, который мы называем жизнью.

Собрания «Эраноса» имеют своей целью выявить различные формы, в которые облекались одинаковые чаяния и надежды, и обнаружить совпадения в духовной жизни, как на Западе, так и на Востоке, идя повсюду по следам одного и того же беспокойного, ищущего существа. Вы это знаете, и потому вам не покажется странным, если я скажу, что «Эранос» выполнил наиболее полезную задачу, медленно, но неизбежно восстанавливая единое сознание Европы и Азии, которые до сих пор многие ошибочно воображают двумя мирами, двумя континентами, в то время как они являются двумя неразрывными частями одного исторического целого; такого прочного, что никакие естественные препятствия никогда не являлись собой барьера, который человеческая отвага, или воля, или потребность не в силах были бы преодолеть – будь то Урал, Суэцкий перешеек, степь или расстояния.

Остановимся на мгновенье. Перенесёмся через тысячелетия истории. С межконтинентальных путей Севера веками устремлялись в Европу народы, заселяя или захватывая её, движимые или толкаемые неизбежными колебаниями, пертурбациями и событиями, происходившими на бескрайней шире степей или нараставшими на китайской границе. По дорогам центра, соединявшим Малую Азию и Китай, проходя через оазисы Средней Азии, путешествовали вместе с товарами идеи, философские системы, художественные мотивы, религиозные построения в направлении с Востока на Запад и наоборот: на Юге же, по морским путям, движение происходило в обратном направлении, я хочу сказать с Запада на Восток, с целью достичь источников несметных богатств Южной и Юго-Восточной Азии и привезти с собой драгоценные камни, слоновую кость, шёлк и специи; вещи не жизненно необходимые, но подобающие роскоши зажиточных и власть имущих классов, падких до ценных редкостей и дорогих товаров, приобретение которых истощало казну, порождая негодование умеренного до мелочности Плиния и запреты Веспасиана.

Это устремление с Запада на Восток по морю началось с Александра, желавшего скорым образом связать Индийский океан со Средиземным морем: оно усилилось на заре Римской империи, когда александрийские купцы снаряжали свои ко-

рабли, каждый год отчаливавшие под своды индийских рынков, где происходила встреча с мореплавателями Индии, распространившимися в ту пору по Юго-Восточной Азии, чтобы основать там, но не силой оружия, а убедительностью гуманной культуры и бойкой торговли широкую сеть процветающих колоний. Тогда, подвигая границы неизведанного и открывая новые пути для отваги и новые возможности для заработка, мореходы и купцы пробрались ещё дальше и достигли Меконга; а иные, память о коих сохранили китайские хроники, объявляя себя послами Ан-туна, то есть Марка Аврелия Антонина, причалили к берегам Китая. Именно захват или потеря господства над Востоком, установление или снятие контроля над проливами, портами и складами, откуда начинались эти пути, связующие далёкие народы посредством тончайших щупалец, протянутых над шаткостью бедствий, войн, набегов и пиратства, были причиной того, что морские республики, особенно Венеция, благоденствовали, приходили в упадок, плели умопомрачительные сети своей дипломатии, ссорились между собой, сопротивлялись, подавляли друг друга, чтобы дать свободную дорогу португальцам и народам побережья Атлантики, едва Васко да Гама, следуя примеру братьев Вивальди и обогнув мыс Доброй Надежды, открыл морской путь в Индию. Тогда португальцы, испанцы, голландцы, французы, датчане, англичане со смелостью, равной жажде наживы, герои и авантюристы, пионеры культуры и виновники истребления народов, пользуясь политическим упадком стран Востока и своей морской и военной техникой, захватывают рынки, враждуя одни с другими, и закладывают основы своих колониальных империй, быстро возникших в пылу алчности и треске преходящего могущества и быстро распавшихся, чтобы уступить место более пронизательному и коварному противнику. Не будем говорить ни об опиумной войне, вынудившей Китай открыть свои границы, ни о Коммодоре Перри, нарушившем японскую изоляцию, ни об англо-русском соперничестве за грубое вмешательство в дела Тибета и Афганистана. Перенесёмся через века; дойдём до последней войны. В то время как Европа была разъединена братоубийственной войной, многие азиатские народы завоевали себе свободу, а другие, которые ещё не добились её, тянутся к ней с фатальной неодолимостью природных сил. Переход свершился в течение жизни одного поколения: то, что казалось нерушимым, рухнуло. Европа была вынуждена покинуть многие страны, где её господство представлялось непоколебимым. Азия решительно отстаивала право быть хозяйкой своих судеб: более того, её богатые природные и людские ресурсы, творческий потенциал её народов, энергичность и интеллектуальность правящих классов убедительно доказывают, что она обладает такой политической зрелостью, на которую немногие в Европе считали её способной. Ничего, следовательно, нет странного, если многие ещё с этим не примирились, и это вызывает столкновение исторической реальности и некоторых уже отживших своё идей. Ничего странного, говорю я, нет в том, что всегда бывало так, что чем меньше идеи соответствовали фактам, то есть были мертвы, тем с большим упорством их отстаивали. Что же родилось между тем? Новые отношения в мировом балансе сил, который применительно к Европе можно было бы назвать дисбалансом.

Вы видите, стало быть, что когда я рассуждаю о спаянности в истории Евразии, я не говорю экстравагантных вещей: миграции народов и идей, расширение империй и торговли настолько связаны и соединены обоюдными отношениями в этой части света, что вся Евразия сливается в живой солидарности исторических событий, такой несомненной и непреложной, что, даже если не признавать значения закона периодичности исторических ситуаций, сформулированного Джузеппе Феррари, приходится всё же признать, что каждый выдающийся факт, всякое движение масс, успех какой-либо нации или превратности войны были воздействием или резонансом, тайным или явным, условий и обстоятельств в других частях того же континента. Нам сегодня не пристало говорить, что тот мир и наш находятся в оппозиции друг к другу, что их и наш образ мыслей, чувств и постижения вещей настолько несовместимы, что делают трудным какое-либо соглашение: как будто Запад и Восток всегда следовали и до сих пор следуют каким-то невыразимым традициям. Особо остережёмся под предлогом подобной несовместимости относиться с пренебрежением или легкомысленно к тем людям, которые с давних пор – как я читаю иногда в нашей прессе – называются цветными, как будто белый это не цвет. Некоторые обороты речи коренятся в том упрощенчестве, которое сильно отличается от упрощения: упрощение – это ясность, упрощенчество – это сведение совокупности аспектов какого-либо явления к одному и неопределённому – образ действия фанатиков, присущий именно тем, чей ум способен вместить одну единственную идею и кто не догадывается, что любое человеческое состояние – это соединение и совпадение многочисленных и разнообразных условий.

Когда мы говорим «Восток и Запад», якобы для различения двух разных духовных типов или двух культурных традиций, мы не говорим ничего, ибо противоположность и различие – повсюду. В любой стороне, любом месте, у любого народа будут разные традиции и своеобразный образ мышления и чувствования: католицизм и протестантизм, латинское воображение, английский прагматизм и немецкая метафизика, индийский мистицизм и китайский рационализм – столь же разные мировоззрения, в которых отражено разнообразие реакций человеческого духа, одновременно единого и многогранного. Мы должны поэтому говорить не об антитезе Европы и Азии, как мы не можем говорить об этом в отношении, например, Италии и Англии, или Франции и Германии, но, скорее, об одновременности, сосуществовании, взаимодополнении, об аналогии, которая не есть тождество, об особом акценте на каких-то вещах, который не есть различие, о разных формах, которые не есть противопоставление. Если мы будем когда-нибудь говорить о разных, преходящих, так сказать, ситуациях, поскольку в Азии оказались более живучими представления и мысли, уже побледневшие или угасшие в нашей душе, но которые нам всё же были ведомы и нас питали, этого будет достаточно, поскольку именно отсюда рождается впечатление или иллюзия, что мы стоим на разных уровнях. Степени и особенности этих уровней, а, может быть, лучше сказать их пределы, по-видимому, определяются в нашем сознании большей научно-технической зрелостью Запада. Но эта воображаемая зрелость или превосходство не являются кастовой привилегией: научные открытия или методы – как золотые монеты, которые ходят повсюду и любой может

их присвоить. Более того, так как наука не является ныне лишь вычислением и экспериментом, но почти магией, больше чем когда-либо она располагает к тем неожиданным и чудесным скачкам, которые превращают правду в ошибку, беспорядок в закон, неведомое в невысказанное прежде уверенность. Я спрашиваю себя, что если сыны Востока, одарённые самой богатой фантазией и пылким воображением, для нас недостижимыми, смогут опередить нас, как это уже случилось? Позвольте мне в связи с этим сделать чистосердечное признание.

Я, которого предмет моих исследований и работа заставляют поделить жизнь на две почти равные половины между Европой и Азией, наблюдая с одной стороны склочную, сомневающуюся, противоречивую и, несмотря на столько предпосылок, всё ещё не объединённую Европу с её искусными попытками обособления при всех разговорах об общем, идущую день за днём к тому, что её престиж падает, а богатства её духовного наследия расточаются, а с другой стороны бурно развивающийся Восток, терзаемый страшными проблемами, вынужденный сражаться с ужасающей нищетой, обуздывать природную стихию, побеждать голод, особенно когда за несколько лет надо наверстать многовековой путь, перейти из почти средневекового состояния ума и порядков, как это было ещё в 1925 г., когда я впервые с ним непосредственно познакомился, к современным и гуманным формам, я не могу не любоваться величайшим усилием, совершаемым там в условиях, которым по их тяжести и неотложности преобразования на Западе не только нет сравнения, но он и понятия о них не имеет. Пять веков подчинения и застоя или медленного развития не отвоёвываются за десятилетие.

Одна из самых больших человеческих ошибок или иллюзий заключается в желании оценивать настоящее, не возвышаясь над текущими силами или противоположными состояниями, а по тому, каким бы хотелось его видеть: оттого подобные оценки звучат исторически фальшиво и должны быть названы мечтами или иллюзиями. В них не было бы ничего дурного, оставайся они в бездействии, как другие мечты, которыми человек тешит для своего удовольствия или удобства. Между тем бывает так, что они становятся основой и руководством для целых наций, вызывая таким образом, утверждая и увеличивая ту неразбериху убеждений, которая, мне кажется, сегодня как никогда омрачила небо человеческого общежития.

В жизни всегда присутствуют противоречия или расхождение между двумя образами мышления: с одной стороны традиционным, общепринятым, утверждённым обычаем, которого придерживаются очень многие, ибо человек по своей природе слаб и склонен следовать по проторённой дороге и соглашаться с мнением большинства, что означает отказываться от собственного. С другой стороны – прозорливое предвосхищение новых направлений, умение улавливать первые признаки, повороты развития, которые возвещают будущее положение дел. Я задаюсь вопросом, не имеют ли многие суждения, высказываемые ныне теми, кто не ведаёт об их ужасных последствиях, того же значения, что и те, которыми беспокойная, тревожная Европа побуждала себя к французской революции: и французская революция действовала и изменила мир. В наши дни произошло другое грандиозное событие, может быть, более широкого масштаба и более выдающееся. Европейская солидар-

ность, о которой столько говорится – прекрасна, но будем осторожны, чтобы она в силу неизбежной реакции не усилила бы азиатскую солидарность, потому что азиатские народы, какова бы ни была их политическая направленность, очень чувствительны к своему фундаментальному единству, о котором мы говорили, и очень ревностны в этом отношении. Они ценят его больше, чем какую-либо оказываемую им помощь, особенно, если эта помощь не кажется им уважительной и бескорыстной или направлена на установление контроля. Тогда даже у самых облагодетельствованных возникает немедленная реакция, своего рода восстание азиатской гордости, которая чувствует себя обиженной, или униженной, или должным образом не уважаемой. Подозрение порождает подозрение: человеческие чувства задеваются и по очереди провоцируются. Другими словами, европейская солидарность не должна устанавливаться и утверждаться как антитеза азиатской, отрицать её, противостоять ей, пытаться сбить её с пути под предлогом руководства, а, скорее, должна поддерживать её, позволить идти ей своей дорогой, чтобы из теперешней оппозиции родился диалог, соглашение, встреча, основанная на обмене, доверии и понимании, способных сблизить в единстве радостного сосуществования народы, которые история объединила тысячелетней взаимозависимостью. Великие приключения человечества не ограничиваются пространством между Грецией и Римом и их наследниками. Напротив, во всех частях той полосы отмеченной Богом земли, которая тянется от Гибралтарского пролива через Средиземноморье, Малую Азию до Индии, затем до Китайского моря и имеет своим крайним пределом Японию, человеку ведомы были жажда совершенства, муки творчества, тайны работы духа, воображения и интеллекта, чудесным образом вышедшие из ничего, чтобы наполнить собой бесконечную длительность. Великие религии, утешающие каждая своим языком, но с одной целью тоску человека, возникли на этом отрезке земли: а с ними образы искусства и построения мысли, которыми человек в меру своих сил состязается с Богом, обогащая мир неожиданными вещами. Всё входит в эти области: астрономические достижения Ассирии, математические науки Египта, научная и философская мысль Греции и римское право, послания Заратустры и Евангелие Христа, демократическая сплочённость ислама и спекулятивная глубина Индии, Будды и Конфуция.

Теперь самое время рассмотреть ситуацию с итальянской точки зрения: что мы можем сделать, чтобы уничтожить это надуманное противоположение Востока и Запада, освободиться от общего распространённого убеждения, будто мы избранные и привилегированные, приблизиться с симпатией к этому нарождающемуся и формирующемуся в трудах и мучениях миру? Ответ проще, чем кажется, если обратить внимание на посредническую функцию, которую выполняла Италия в течение веков или к которой её принуждали обстоятельства – развитие нации, создающейся коллективной человеческой волей и событиями, общим сознанием на основе пережитого опыта и случайными действиями. Тот, кто исследует эту функцию, обнаружит основания к ней в самом положении Италии, протянувшейся вдоль моря, всегда бывшей воротами на Восток, как в смысле исторической традиции, которая от Древнего Рима до Венецианской республики обращала взоры Италии к Азии, так и в смысле того, чем наша страна обязана смешивавшимся на её земле культурам от

доисторических времён до ислама, обосновавшегося во многих местах и напитавшего в силу диалектики развития нашу мысль и обогатившего наше искусство. Вышло так, что итальянцы – миссионеры ли, купцы ли, гуманисты ли, от Бески до Нобили, от Маттео Риччи до Кастильоне – которых жажда приключений манила в далёкие земли, в огромной степени способствовали проникновению в Азию научных и художественных достижений Запада или же, по примеру Марко Поло, открытию для Запада живой действительности Азии. Их столько, что потребуется слишком долго говорить, чтобы вспомнить всех. Отказываться сегодня от посреднической функции, осуществляемой веками, было бы ошибкой, подобной той, которую совершил бы любой, кто не сумел воспользоваться таким удачным положением, как наше, не пошёл по следам ни одной из империй, ныне безвозвратно склонившихся к закату. Посредничество – это диалектический процесс, идущий между двумя положениями или позициями, которые, даже оставаясь неподвижными по своей природе, имеют тенденцию к сближению, к нахождению точки согласия, то есть, фактически, к раскрытию друг перед другом. Посредничество, на самом деле, заключается именно в том, чтобы проникнуть в тайну души отдельной личности ли, народа ли, понять её и уважать суть её индивидуальности, сравнивая со своей, и таким образом вместе служить идеалу высшего единства, которое есть не тождественность, но сосуществование, не идентичность, но сотрудничество. Такую обязанность духовного посредничества до сего дня брали на себя люди, действовавшие почти всегда по личному побуждению, по свободному выбору – от Марко Поло до Маттео Риччи, если вспомнить лучших среди древних; от Кастильоне, Сидотти, Фонтанези, Джерини и до тысяч других, сделавших азиатов роднее нашей мысли и нашему искусству, а затем от многих востоковедов, скромных, почти безвестных, от Горрезиио, Кербакера, Формики, Цоттоли, Пуини, Северини, Валле, Скьяпарелли, до Гуиди и Наллино, открывавших нам духовные или литературные богатства Востока; от исследователей, заполнявших белые пятна на картах сообщениями о загадочных открытиях или извлекавших на свет документы древней эпохи; от герцога Абрुццкого до Дайнелли, которым мир обязан знакомством с большей частью Каракорума и с Малым Тибетом; и если бы это не было нескромно, я должен был бы упомянуть и мои путешествия в Тибет – хотя бы их, потому что они показали индийцам, что Страна Снегов является прямым наследником их культуры, или вспомнить мои непальские экспедиции, открывшие, что значительная часть западного Тибета и Непала составляли некогда огромную империю, подчинявшуюся индийской династии, от которой даже воспоминания не осталось. Таковы и поныне действенные примеры благородного и успешного посредничества, почти исключительно индивидуального, на которое следует равняться и которое надо расширять.

Во всех этих представлениях я утвердился во время своего первого пребывания на Востоке, длившегося с перерывами около шести лет. Это была встреча, оставившая во мне глубокий след: я должен был не только познакомить все эти народы с Италией, но вникнуть в их дела, проанализировать философские и религиозные течения, переменчивые, и всё же устойчивые, исследовать, как на протяжении тысячелетий они переплетаются, распространяются и пронизывают затем своей вечной

жизненной сутью в непрерывном, просматривающемся колебании народную фантазию и мысль и отвердевают в той восхитительной реальности, чудесным образом и наличествующей, и неуловимой, которую мы называем их культурой.

В этой связи, если вы мне позволите откровенное признание, стоит рассказать о моём способе путешествовать. Ясно, что я общался в тех странах не с европейцами, потому что очень часто я еду в места, которых они не достигают или где их крайне мало, и потом, если поразмыслить, потому что я хочу избежать того согласия в мнениях и свидетельствах, которое естественным образом возникает у тех одиночек, которые находятся среди других им людей.

Суждение надо выносить с позиции отстранения: нельзя воздвигать между собой и вещами обманчивое заграждение из чувств.

С подобной установкой я пытался и до сей поры пытаюсь сблизиться с людьми всех классов и родов деятельности – от политика, без различия партий, до студента, от ремесленника до крестьянина; лучшие часы я провожу не в поисках гостиниц или клубов, но в окраинных кварталах, на базарах, в провинциальных городах и, особенно, в сёлах, останавливаясь в последних с особым предпочтением, среди мелкого люда, чтобы наблюдать, как он живёт и думает, каковы его чаяния и надежды, его радости и печали. Столицы, на мой взгляд, являются не тем, что страна из себя представляет, а тем, чем она хотела бы быть и, возможно, никогда не будет, давая о ней литературное и условное представление, потому что нет ничего более литературного и условного, чем разговоры на публику, которые никогда не отражают реального положения дел, побуждений, жизненных нужд, неотложных потребностей народа.

Итак, вернувшись из этой первой продолжительной командировки на Восток в 1931 г., я осознал необходимость немедленного создания Итальянского института Среднего и Дальнего Востока («IsMEO»), который органическим образом служил бы посредником между Италией и тем миром, который открылся мне в полной мере своей духовной и политической революции и эволюции. И этот замысел был вскоре осуществлён и признан полезным, потому что трудности сосуществования в сильной степени зависят от недостатка понимания между людьми; именно эта неполнота понимания поддерживает и поныне бытующее среди нас ложное, романтическое или подозрительное, принижающее или неразумно восторженное представление об Азии. С другой стороны, нельзя отрицать, что Италия, как и большинство европейских стран, была до сих пор знакома Азии через посредничество англосаксов.

И это их большая заслуга, за которую им следует воздать хвалу и честь. Но дело не кончено: теперь нужно, чтобы азиаты и мы, итальянцы, завязали прямой диалог для приобретения непосредственного знания друг о друге. Всё, что косвенно, включает чужое мнение, и это сильно отличается от личного контакта, который ставит две индивидуальности лицом к лицу, подчёркивая сродство и контраст, сходство и различия. Ясно, что все извлекут из этого большую пользу, и мы, и сами азиаты, которые смогут приобщиться к мировым достижениям, другими словами, сделаться ближе разнообразным интеллектуальным и духовным явлениям остального мира. В дальнейшем я подробнее ещё скажу о том, что, когда я говорю о знании Азии, я не подразумеваю лишь прошлое, напротив. Необходимо знать политику Чин Ши Ху-

ан-ди, потому что вместе с отказом хунну и построением китайской стены эта политика оказывается одной из отдалённых, но несомненных причин перемещения кочевых народов, которое подтолкнуло и ускорило наступление варваров на Римскую империю; и в той же мере нам интересно знать экономическую политику Рима, в намерения которого входило заполучить порты и рынки Индии. Но нас гораздо больше интересует, что и в Китае, и в Италии сегодня существует стремление к диалогу и важно то, как и до какой степени они могут пользоваться помощью и советами друг друга и сотрудничать в своём и в их общем будущем. Это намерение не может поддержать университет, ставящий перед собой другие задачи. Я не говорю уже о том, что ориенталистика в Италии не только не соответствует новому положению дел, в силу которого Индия, или Китай, или Япония должны бы быть изучены так, как изучено большинство европейских стран, но прямо-таки вместо продвижения вперёд сделала несколько шагов назад. Представьте себе, что в стране Марко Поло и Маттео Риччи, имевшей в прошлом веке, к примеру, четыре университетских кафедры китайского языка, сегодня нет ни одной и, по сравнению с имевшимися некогда четырьмя школами, у нас сейчас нет никакой официальной школы санскрита, в Риме более уместно названного индологией. Так получается, что политическая история, философия и искусство Азии расцениваются как вспомогательная или дополнительная отрасль, в то время как Восток, с большой выгодой для нашей собственной культуры, стольким ему обязанной, должен был бы войти в наше образование с парадного входа. Потому что человек в Азии страдал, выдумывал, мыслил, как и мы, и Азия тысячелетиями довлела над нами.

Не ждите от меня полного обзора деятельности IsMEO: это был бы скучный, да и бесполезный рассказ, потому что вы сами о ней знаете; лучше разрешите мне кратко охарактеризовать некоторые из тех работ, с помощью которых мы пытаемся построить между Италией и Востоком удобный мост, служащий для быстрой связи мыслей. Оставим в стороне стипендии, обмена преподавателями, журналистами, художниками, повседневные контакты с самыми характерными представителями той или иной нации, радиопередачи на китайском, бенгальском, индонезийском, урду, хинди и др., посредством которых каждый день до крупнейших азиатских стран доходит наш голос, освещающий самые значительные события, происходящие у нас дома, в сфере экономики или промышленности, искусства или науки. Остановимся на другом. Кто путешествует с толком, должно быть, заметил, насколько, в отличие, например, от немцев, итальянцы, попадающие в Азию по характеру работы, по службе, по коммерческим делам, бывают обычно неподготовлены. Надо исправить этот недостаток, предложить молодым способы получить надлежащие знания об Азии, о её учреждениях и языках, обеспечить при министерствах и фирмах, особо связанных с Азией, специальную подготовку персонала для предстоящей работы. Для этого мы открыли школы в Риме и секции в Венеции, Милане и Турине и организовали трёхгодичные курсы самых важных языков: китайского, японского, хинди, урду, персидского, индонезийского, бенгальского (а также двух европейских языков, имеющих сегодня наибольшее распространение в Азии: английского и русского). Это правда, что многие печатные органы в Азии выходят на английском языке,

но не все и не повсюду: например, в Китае почти исключительно на китайском. Газеты на местных языках богаче всего информацией, не говоря уже о том, что в каждой стране после достижения независимости утверждено, что языками обмена должны быть официальные языки данного места. И если, когда мы едем в Германию, подразумевается, что мы будем говорить по-немецки, то не вижу причин, почему отправляющийся в Персию не должен знать персидский. Наше предложение ясно: изучение Востока не должно больше расцениваться как мудрёность и роскошь или мания эрудитов и книжный интерес, но, скорее, как необходимое соответствие историческим требованиям момента, назревшему положению дел, в силу которого Китай, Индия, Иран, или Япония находятся на том же культурном и политическом уровне, как Англия или Германия, и являются такими же активными и необходимыми составляющими современного международного равновесия.

Другая вещь, на которой я хотел бы задержаться, это художественные выставки. Гегель писал, что философия есть душа народа, выраженная в понятиях, а я добавлю к этому, что искусство есть его образ, его духовный мир, его тайные чувства, выраженные с поразительной точностью условными знаками форм, в которых он отражается и узнаётся. Можно было неделями спорить об Иране и его истории, но, полагаю, многим хватило посещения выставки иранского искусства, которую IsMEO подготовил в 1956 г., чтобы за несколько минут как в спектроскопе увидеть иранскую душу: сейчас мы проводим эксперимент с выставкой индо-греческого искусства, которая лучше всяких учёных диссертаций покажет даже невеждам, как Запад передал буддийской духовности свой язык или как Будда принял формы Аполлона. В силу двусторонности своей деятельности, институт посылал выставки итальянского искусства в Токио и Дели и организовал большую выставку «Город Рим» в Токио, а сейчас готовит ещё одну, посвящённую жилищному строительству, которая пройдёт во всех крупнейших городах Азии от Ирана до Японии.

Я не раз говорил, что нужно всячески стимулировать и взращивать чувство исторической и культурной солидарности Азии и Европы, а в нашем случае, утверждать в азиатских народах убеждение в том, что мы не далеки друг от друга, что мы считаем их близкими себе, поскольку у нас много точек совпадения и в древности, и в современности. Так родились журнал «Восток и Запад» («East and West»), существующий уже восьмой год, в котором рассматриваются в их синтезе общие проблемы, миграции идей и символов, исторические перекрёстки, являющиеся фундаментом евразийского единства, и «Римская Восточная серия» («Serie Orientale Roma»), ныне уже шестнадцатитомная, в которой выдающиеся итальянские и иностранные учёные делают более доступными для европейского понимания самые значительные документы восточной мысли и комментируют литературные и научные памятники Азии.

Ещё об одной вещи я упоминал особо: сообщения наших путешественников по Азии – не пионеров империй, но просвещённых посредников культуры – остались почти недоступными в их старых изданиях или, хуже того, были опубликованы за границей неудовлетворительным образом. Надо было спасти от забвения этих отважных и наблюдательных, умных и понятливых мастеров и опубликовать их достойным

их величия образом, то есть восстановить в истинных размерах документы, несравненные по знанию Азии. У другого человека возник подобный замысел в XVI в. – у Рамузия. По его имени, поэтому, я назвал серию «Новый Рамузий»: за Якопо да Верона, за итальянскими миссионерами в Тибете, за Бальби и Федеричи последуют Пьетро делла Валле, Сассетти, Маннуччи, донесения венецианских послов и Идризи, арабский географ при дворе Руджеро Норманнского. Таким образом, вы видите, как намечается и осуществляется чёткий план работы, следующий вполне ясной идее, целиком основанной на необходимости активного сотрудничества между Италией и Азией, развитию которого должны будут способствовать итальянские центры на Востоке, которые станут продолжением или ответвлением того, что я называю Главным Домом. На основании соглашений, достигнутых с Министерством иностранных дел, институт делает значительный денежный вклад сначала в основание, а затем в работу Итало-Японского института в Токио, строительство которого уже началось, и скоро начнёт строиться другой институт в Индии. Эти институты мы видим не такими, как обычные итальянские общества. Их цель в другом: создать общность культурных и духовных интересов, наладить сотрудничество итальянских и азиатских писателей, художников, учёных в больших начинаниях, представляющих интерес для обеих сторон, где каждый вкладывается собственным опытом и своей работой, кооперируясь в научном поиске и исследованиях как гуманитарного, так и технического характера, которые укрепляют узы двух культур, принося пользу обеим. Я отметил также исследования технического характера и не случайно. Выше я сказал, что наше внимание не должно быть приковано лишь к изучению прошлого: над нашими странами, над Италией и над азиатскими, так довлеет слава былого, что совершенно отвлекает внимание от настоящего. В Азии вам очень много скажут о Колизее и о Помпеях, о мудрой политике Августа и о томительной нежности Рафаэля и гораздо меньше о судоверфях и заводах, о Фиате или Монтекатини. Каждый народ обязательно должен гордиться своим прошлым, но порой это прошлое бросает тень и дышит или давит на настоящее, почти затмевая его. Прошлое, несомненно, это земля, на которой выросла бессмертная традиция народа, но оно не может ни полностью заместить опыт настоящего, ни заставить забыть о каждодневной борьбе, которая противопоставляет бессмысленной разрушительной силе времени тонкие созвучия фантазии или принуждает природу к новой соразмерности, покорности своим силам, отказу от сопротивления в предвидении будущих свершений и удобств, борьбе, идущей повсюду: от искусства до техники, от науки до пятилетних планов.

Теперь вы не удивитесь, если я добавлю, что одним из основных видов деятельности института являются командировки, раскопки, научные экспедиции, подобные моим экспедициям в Тибет или Непал.

Кроме того, мы устанавливаем контакты с миром азиатской культуры, такие, как конференции, проведённые мною в японских университетах, на Цейлоне и в Индии, профессором Ломбарди в Индии, профессором Баузани в Пакистане и в Иране, или как представительство, посланное в прошлом году в Китайскую Народную Республику. В этой связи скажу вам, что, между тем, как все страны, даже те, которые разделяют нашу политическую линию, соревновались в отправки торговых

и экономических представительств в Китай, мы, стольким обязанные знанию о Китае, не видели причин откладывать далее культурную встречу двух народов, связанных старинной дружбой, которые не имеют особых поводов для разногласий, создателей и хранителей великих богатств искусства и мысли. Более того, в довершение дела, наряду с другими центрами, уже действующими в составе института, такими, как Итало-Пакистанский, Итало-Индийский, Итало-Японский, Итало-Иранский, а теперь ещё Итало-Цейлонский, мы учредили Комитет китаеведения, чтобы в молодых вновь зажгётся интерес к Китаю, Древнему и современному, в его многовековой традиции и текущем становлении, изученному с тем духом объективности и той научной серьёзностью, которые присущи всем начинаниям IsMEO.

Последними идут раскопки в Афганистане и Пакистане, за которыми, может быть, последуют раскопки в Иране. Таким компетентным, как вы, людям, не было бы надобности разъяснять их международное значение и резонанс, не будь Италия забавной страной, в которой у многих отсутствует осознание собственных пределов и не хватает чувства меры, удерживающего всякого воспитанного человека от разговора о вещах, которых он не знает. И так получается, что нужно снова и снова повторять, отвечая подобным людям, что эти раскопки проводятся не на луне: они ведутся в Афганистане и в Свате, то есть в странах, которые, несмотря на большое расстояние, всё же так близки, что даже Александр Македонский смог достичь их и основал там свои города и разместил гарнизоны, и там произошла встреча древнеримского искусства с буддизмом. По важности выбранных мест, по уже достигнутым результатам, по отклику, который они вызвали в Азии и в Европе, эти раскопки уже утверждаются как получившее наивысшую международную оценку и похвалу. Начинания итальянских учёных за рубежом освящают античную и современную культурную солидарность этих регионов и нашей страны.

А теперь скажем откровенно: вместо того, чтобы удивляться этим начинаниям, тот, кто обладает незаурядным умом, должен был бы поощрять их, кто печётся о национальном престиже, должен гордиться ими: в первый раз Италия соперничает с другими странами. Подумайте о Франции, например, которая уже более полувека ведёт раскопки в Иране, сорок лет в Афганистане, имеет археологические представительства в Индии, Научно-исследовательский институт в Пондишери, два «Франко-Японских дома» в Японии и «Франко-Китайский дом» в Пекине, «Франко-Иранский центр» в Тегеране помимо вышеупомянутой археологической миссии; не говоря уже о проделанных и текущих работах в Индокитае, Сирии и других местах. И никто во Франции не стал сокрушаться о подобных начинаниях, а скорее сожалеет, что на них не тратится ещё больше средств. Как никому, полагаю, в Германии не надоела достойная восхищения культурная деятельность, развёрнутая по всему Востоку, которая подготавливает, поддерживает, расширяет гигантское практическое, экономическое упрочение, более того, предоставляет для него необходимые условия и базу. Поэтому я настаиваю на утверждении, что неотложной и непрременной задачей Итальянского правительства должно стать проявление большей заботы о проблемах культуры: и не только в поощрении и содействии внутренним исследованиям, но и в обеспечении расширения нашего диалога с другими тради-

циями мысли; не столько с европейскими странами, повлиявшими на наш духовный и интеллектуальный строй и веками питаемыми его достижениями, но в особенности с восточными, быстро растущими, в силу случая оставшимися до сих пор чуждыми и безразличными нашей стране. Я думаю, все выиграют от этого и мы первые; огромную пользу извлекут и сами народы Азии, для которых пришло время открыться более широкому гуманизму и, самое главное, освободиться от определённой склонности к мессианству, в которой они любят порой замыкаться, как будто бы только на Востоке заложены изумительные глубины духа. Допускаю, что подобная позиция могла оправдываться, пока длилось политическое рабство, потому что, не имея другого способа утвердить собственное достоинство, его искали в обоготворении или превозношении собственной мысли в противовес нашей, как высшему знанию, которого они одни были хранителями. Но в действительности ни они более духовны, ни мы более подчинены практическим интересам. Человек и общество всегда и везде в своём сосуществовании демонстрируют перемены и противоречия, которые, своим разнообразием и определяемыми ими столкновениями, или вытекающими из них обменом и диалогом, содействуют оживлению духа и спасению его от той монотонности, бессознательно впадая в которую, он заснул бы.

Господа, все времена мимолётны, но особенно наше, чрезвычайно стремительное в своих изменениях. Расстояния сократились в пространстве и во времени: мировое сообщество с фатальной неизбежностью приходит к тому, чтобы жить в соседстве, которое техника превращает в родство, но этому физическому родству пока не соответствует духовное; более того, человек ещё никогда не казался столь не достойным своих изумляющих побед над природой, настолько лишённым понимания и терпимости, по-прежнему упорствующим в идеях господства или рабства, превосходства и зависимости, которые образуют и пролагают между людьми страшную пропасть.

Чтобы исправить такое положение дел, требуется работа, подобная той, какую проводит институт, о котором я вам рассказал, направленная на пробуждение и укрепление желания лучше узнать друг друга в атмосфере согласия и человеколюбия, чтобы перебросить над этой пропастью мост сотрудничества и доверия.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ГЕРАРДО НЬОЛИ

НАСЛЕДИЕ ДЖУЗЕППЕ ТУЧЧИ

Выступление на конференции IsMEO, приуроченной к столетию со дня рождения Джузеппе Туччи. Рим, 7–8 июня 1994 г.

Публикация Ю.Ю. Будниковой

Завершающееся сейчас собрание как нельзя лучше осветило ценность и актуальность наследия профессора Туччи. Коллеги Петеч, Ланчотти, Раньеро Ньюли,

Йеттмар, Фаченна, Шеррато, Този, Хайсиг, Знельгрове, Таддеи – все достойно содействовали тому, чтобы показать важность уроков Джузеппе Туччи для различных отраслей ориенталистики, и, шире, для современной культуры. Не раз звучало выражение – и в эти два дня, и в Кампидольо, и в декабре 1983 г. на встрече, посвящённой пятидесятилетию института: «Евразия: континент» – в связи с тем, что сущностное ядро этого наследия мы вполне можем определить как евразийскую идею. Профессор Туччи оставил нам задание: переписать нашу историю как историю Евразии. Речь, таким образом, идёт о нелёгкой задаче, которая, по своей природе, требует многих лет, десятилетий для поэтапного решения. Совершенно ясно, что дело не в издании какого-нибудь нового учебника для средней школы по древней, средневековой, или современной истории: здесь требуется гораздо большее, хотя, в перспективе, может быть, и это. Речь идёт о том, чтобы распространить евразийскую идею в нашей культуре: именно в этом, не в чём-либо другом, заключается задача IsMEO.

В то же время мы должны учитывать, что наследие профессора Туччи – это и сам IsMEO, то есть инструмент, с помощью которого задание должно выполняться. Окинув взором деятельность Туччи как инициатора и организатора исследовательского процесса, мы сразу заметим, что он придавал огромное значение именно этому институту, который никогда не покидал. У него не было слишком большого доверия к университету, в широком смысле, равно как и к академии: всю свою энергию он направил на IsMEO, научно-исследовательское и культурное учреждение, которое должно было осуществлять великую миссию в итальянском обществе, служа Италии и культуре нашего века.

В начале 1930-х гг. у Туччи и Джентиле родился оригинальнейший замысел гибкого небюрократического института, который одновременно с самостоятельной исследовательской деятельностью служил бы мостом, соединяющим не только итальянскую и азиатскую культуры, но и различные инстанции и учреждения Италии, так или иначе касающиеся Азии. IsMEO является – и всегда был – исследовательским институтом, но не только: он был также – и есть, и будет – культурным учреждением в самом широком смысле, которое служит всем (не только специалистам, следовательно), кто хочет жить более полной жизнью, в ногу с эпохой и соответственно планетарным масштабам нашей экономики и политики; то есть всем тем, кто несёт в сердце проблемы современного человечества.

И институт никогда не терял из виду эту обширную конечную цель, более того, он старался приводить свои структуры в соответствие с ней, предлагая, как в последние годы, изменения в уставе именно в этом направлении: расширение административного Совета и другие правила, делающие более чётким функционирование института и яснее очерченными политико-административные компетенции, отличающиеся от технико-научных. И я уверен, однажды введя в действие новый распорядок, институт сможет с полной отдачей сил вступить в следующую фазу своей, теперь уже шестидесятилетней, жизни.

Чтобы лучше понять, в какой точке пути мы находимся и как, исходя из этого, мы должны его продолжать, следует в общих чертах подытожить историю IsMEO,

делящуюся на различные фазы, попытавшись её периодизировать, что станет спорным для тех, кто мало с нами знаком. Первая фаза охватывает период с 1933 по 1947 г., когда в плане научных исследований центром тяжести института были Индия и Тибет, а в более общем культурном плане – Китай, Япония и опять же Индия, в соответствии с направлениями внешней политики тогдашнего Итальянского правительства (1944 и последующие годы, в сущности, были застоем). Вторая фаза – с 1947 по 1955 г. – отмечена возобновлением исследовательской деятельности в гималайском регионе, в Тибете (1948) и в Непале (1950–1954), и в то же время чисто научным и культурным преобразованием деятельности института, выпутавшегося из политических тупиков предшествующего периода. Третья фаза, с 1955 по 1978 г., даёт начало новой научной проекции института, которая закладывает основы итальянской археологии в Азии и ставит её в один ряд с другими крупными археологическими школами (Франции, Германии, Англии, России, Соединённых Штатов и др.) в Пакистане, Афганистане и Иране; а с археологическими изысканиями соседствуют исторические, филологические, эпиграфические; продолжается и изучение буддизма, индуизма, индийской философии; начинается изучение доисламского Ирана; даётся также новый импульс культурной деятельности широчайшего размаха, с новыми изданиями, конференциями, археологическими и художественными выставками и с созданием новых итало-азиатских культурных центров.

Четвертая фаза – та, в которой мы сейчас находимся, и началась она в конце 1978 г. добровольным уходом профессора Туччи с поста президента института, руководство которым на короткое время, с конца 1978 г. по начало 1979 г., перешло к профессору Москати, а затем к тому, кто сейчас выступает перед вами. Этот период характеризовался прежде всего:

- административной и структурной реорганизацией, которая заняла в основном первые три или четыре года и нашла также отражение в капитальной реформе устава;

- выбором новых направлений научно-исследовательской деятельности, касающихся доисторической эпохи. Эта работа была частично прекращена из-за нового политического сценария в Иране и в Афганистане – странах, в которых IsMEO вместе с другими был вынужден покинуть археологические лагеря – и перенесена затем в Пакистан (в Мохенджо Даро, вместе с аахенской миссией) и в Оман, где открыты новые фронты работ, в Венгрию (изучение культур евразийских степей), в Йемен (в соответствии с новыми интересами, в том числе государственными, включающими Аравийский полуостров и Ближний Восток) и позднее в Тайланд;

- активной международной деятельностью, которая способствовала созданию целой сети конвенций и соглашений с иностранными и интернациональными учреждениями как по узким вопросам, так и в плане широкого сотрудничества (на сегодняшний день число таких договоров превысило тридцать);

- решительными шагами, которые определили бы политику института по отношению к итальянской ориенталистике в целом и к крупнейшим исследовательским центрам нашей страны (Национальный Совет по исследованиям, университеты, такие как Восточный университет в Неаполе, Римский университет «Муд-

рость», Венецианский университет, Болонский университет и др.), не говоря уже о культурных учреждениях, особо заинтересованных в изучении Востока и в распространении знаний об азиатских странах в Италии и об Италии в азиатских странах (Итальянские институты культуры в Тегеране, Дели, Пекине, Токио и Киото, Институт «Венеция и Восток» фонда Чини, туринский ЧЕСМЕО и пр.).

Показательно, что именно в последний период этой четвёртой фазы IsMEO способствовал созданию итальянской ассоциации по усилению изучения Азии и Африки: Общество Ориенталистов возникло и начало работу несколько месяцев назад и находится пока на временном положении, которое в ближайшем будущем должно перейти в более устойчивое. И в качестве своего временного местопребывания Общество Ориенталистов, основанное в Риме 20 сентября 1993 г., выбрало наш институт.

Таким образом, я рассказал о четвёртой фазе (1978–1994), говоря, что она идёт к своему завершению. То, что эта фаза заканчивается – по моему мнению – вещь очевидная: новый уставной порядок IsMEO, который, можно с полным основанием полагать, войдёт в действие в ближайшее время (мы ожидаем отзыва Государственного Совета), положит конец настоящей форме управления, не только потому, что будут обновлены должности и руководящие органы, но и потому, что он даст начало новому типу управления институтом, который должен будет характеризоваться и большей открытостью в сторону чаяний и запросов итальянского общества, и более эффективным внедрением как в политическую и культурную жизнь, так и в научно-исследовательскую деятельность в самом широком смысле.

Вероятно, будет необходимым общее изменение обязанностей. Трудно представить, что теперешняя система руководства институтом останется неизменной и в будущей фазе: я сам склонен считать завершённым свой опыт руководства учреждением. С чисто личной точки зрения – простите мне эти рассуждения – я считал бы его завершённым с сегодняшнего дня: празднование столетия со дня рождения профессора Туччи я всегда воспринимал как задачу, значимую и необходимую, можно сказать, для меня самого, или, лучше выразиться, для того образа учителя, который я храню в сердце, и это не позволяло мне отказаться от обязанности, в своё время принятой на себя. Без сомнения, в любом случае 1995-й будет годом, в который начнётся новая, пятая фаза истории IsMEO.

Нужно будет иметь в виду, что институт всегда должен преследовать двойную цель, как это закреплено в его уставе (и в настоящем, и в будущем):

«[IsMEO] имеет целью [я зачитываю из статьи 1] провоздить в жизнь и развивать культурные связи между Италией и азиатскими странами и осуществлять программы научных исследований, касающихся означенных стран, в сфере дисциплин исторических, включая политическую и экономическую историю, филологических, лингвистических, археологических, художественных, философских, религиозных, антропологических, этнологических и географических. Его целью является также распространение в Италии знания восточных языков и культур».

Мы можем, таким образом, подытожить в общих чертах, что цель института в существе своём двойная: изучение и исследование восточных цивилизаций; культурные отношения и культурное взаимопроникновение (одинаково интенсивное: Азии в Италию и Италии в Азию). Для удобства мы можем одну цель назвать научной, а другую культурной.

Теперь, что касается научной цели, я полагаю, следует продолжать все текущие исследования от самых старых до более современных: Сват, который приближается к сороковой годовщине работ; Оман и Йемен, с начала восьмидесятых; Венгрия; Тайланд; Туркменистан; Непал, я бы даже сказал, прежде всего Непал (без какого-либо желания умалить значение других изысканий), с тех пор как, наконец-то, воплощается старый проект профессора Туччи: программа археологических поисков в колыбели буддизма, то есть в Тераи. Несомненно, недавнее разрешение, данное нам непальской стороной, на археологические работы в местах, откуда был родом Будда, – это повод испытывать глубокое удовлетворение: институт чувствует себя занятым в долгосрочном, по всей видимости, и многосоставном, со всей очевидностью, проекте, который потребует соединения сил разных специалистов, не только в области археологии, но и эпиграфики, филологии и истории. Если IsMEO сможет утвердиться в этом новом секторе, он обеспечит замыслам и идеям, которые были завещаны ему профессором Туччи, особо знаменательную преемственность: исследования в Тераи и в Свате поставят его на первое место в мире среди учреждений, занимающихся буддийской археологией.

Но к археологическому исследованию – которое надо рассматривать как существенную часть самого широкого исторического поиска – добавляются, естественно, другие исследования, эпиграфические, филологические, лингвистические, изучение философской и религиозной мысли, а теперь ещё и научной, не говоря уже о неисчерпаемой и притягательной области искусства. Конечно, с давних пор работа в этих секторах заметно продвинулась вперед, начиная от изысканий по буддизму и философской мысли Индии – от шиваизма и тантризма и до Калачакры сегодня (самая последняя, как вчера упоминал Раньеро Ньюли, это публикация «Секоддеш» (*Sekoddes`a*) в её тибетских версиях и санскритских фрагментах: труд, выполнение которого всегда было желанием Джузеппе Туччи) – и заканчивая никогда не прерывавшимся изучением истории Тибета, Непала, Центральной Азии, исследованиями по иконографии и искусству классической и средневековой Индии и др. Немало сделано за короткое время под руководством нашего института и в индийской эпиграфике, куда были направлены молодые многообещающие силы, и в эпиграфике Древней Аравии, и, особенно, в обширной области иранских исследований, в которой IsMEO утверждается как один из наиболее активных центров, и по способности координирования и организации мероприятий, в том числе международных, и по широкому подбору высококвалифицированных лингвистов и филологов, занимающихся древнеиранским языком (авестийский и древнеперсидский), среднеиранским (среднеперсидский и парфянский, согдийский, хотанский), этнолингвистикой и диалектологией современных иранских языков (персидский, белуджский и пр.), и, наконец, по историческим исследованиям (культурная и политическая ис-

тория, история религии). Памятуя о том, что профессор Туччи задумывал тридцать пять лет тому назад, вполне могу сказать, что и в этой области институт явился целеустремлённым восприимчиком его наследия.

Не осталась в тени и другая сфера исследований, которая была профессору особенно по сердцу: я обращаюсь к тому типу мысли и религиозного опыта, который он любил определять термином *гнозис*, и который в эллинистическую и позднеантичную эпоху сводил воедино в духовном плане широкий индо-средиземноморский (а также центрально-азиатский) пояс евразийского континента.

Примечательно, что в прошлом году определились предпосылки создания исследовательской группы, сочетающей компетенции в самых различных фундаментальных разделах филологии и истории (от классических до касающихся византийской, коптской, сирийской, армянской, эфиопской, иранской литератур с тенденцией расширения в сторону индийского и центрально-азиатского мира). Этим начинанием IsMEO намеревается заполнить пробел, который образовался мало-помалу после войны в области изучения так называемого христианского Востока – направлении, имевшем в Италии славную традицию, особенно в первой половине нашего столетия.

Выполнение исследовательских программ должно будет, однако, ориентироваться на одно безотлагательное требование: в тех из них, которые были начаты давно, как, например, в Свате, надо будет ускорить процесс синтезирования результатов, что послужит необходимым началом для исторической работы более широкого значения; это справедливо и для других программ, которые вдобавок ждут ещё кропотливой работы по анализу и оформлению результатов. Я имею в виду изыскания исламской археологии (в Пакистане, Йемене и др.) и иранской доисторической и исторической археологии (Шахр-е Сокте, Кал'я-йе Ноу и др.).

Наши исследовательские программы не должны также игнорировать актуальную реальность Азии. Это очень важно, так как кажется, что итальянская ориенталистика изучает, прежде всего, античность, или, если угодно, классику, и лишена современной перспективы, особенно в области истории и философской, религиозной, а также научной мысли. Необходимо будет освоить новые научные отрасли в применении к большим культурным пространствам, в которых мы давно уже проводим исследования и обосновались надолго. Потребуется дать новый импульс изучению истории Индийского субконтинента, хотя бы в объёме аналогичном тому, в каком происходит изучение истории Китая, Кореи и Японии в наших университетах. Мою мысль особенно занимает целая вереница южных стран, входивших некогда в состав СССР, от Кавказа до Центральной Азии, но я думаю и о других азиатских странах, и об арабском мире, в отношении которых итальянская ориенталистика ещё не выработала солидных основ для антропологических, политологических и исторических исследований в широком смысле.

Институт должен будет всегда иметь в виду, что в любом случае при осуществлении своей научной цели он не сможет обойти стороной международное сотрудничество. Исследование, в его современном понимании, это слишком комплексный процесс, который требует объединения усилий: ни одно учреждение той или иной

страны не сможет осуществить его в одиночку. Во многих областях необходима даже интеграция так называемых гуманитарных исследований с исследованиями в сфере естественных наук, математики и информатики. Поэтому громадные усилия, уже приложенные к достижению международного научного сотрудничества, должны делаться постоянно. Предстоит много работы с исследовательскими учреждениями Западной Европы, Японии, а также Соединенных Штатов и России. Американская ориенталистика может оказать нам большую помощь в изучении современного состояния многих азиатских стран, а русская, прежде всего, в лингвистических, археологических и этно-антропологических исследованиях.

Что касается культурной цели, разговор здесь проще (потому что он менее «научен» и менее «специален») и в то же время труднее (потому что в определённом смысле он менее «продвинут», особенно в последнее десятилетие, и более «политичен»). Это разговор многоаспектный и требует попунктного рассмотрения. Чтобы сэкономить время, я хотел бы приступить к нему с несколькими предложениями, имеющими прямое практическое применение.

Прежде всего, мы должны убедиться, что преследование культурной цели имеет очевидную политическую значимость, особенно сегодня, когда на всём Западе, хотя и в различных размерах, всё большее распространение получает феномен, который можно определить как вызывающее беспокойство культурное одичание, которое наносит повсеместный ущерб ориенталистике, по крайней мере, на университетском уровне. Европа, особенно та её часть, которая была больше вовлечена в колониальную политику, анахроническим образом замыкается сама на себе. Поэтому институту надо без промедления и непредубеждённо сообразовать свою деятельность с политически тонкой проблемой, выходящей за пределы нашей страны. Невозможно жить в отрыве от политической реальности, в эмпиреях науки, в своего рода нарциссическом палеоакадемизме, и социально, и культурно бесплодном.

* * *

Преследование культурной цели требует от Института точных действий в разных секторах, под которыми следует понимать специальные *рабочие группы* или *учебные и организационные комитеты*. Последние должны быть числом не меньше четырёх, по возможности включать и внешние полномочия и работать в сфере: 1) изобразительных искусств; 2) поэзии и прозы; 3) кино и театра; 4) музыки и танца. Такие комитеты должны обладать двузначными функциями и быть связанными с итальянскими институтами культуры в Азии, чтобы содействовать не только распространению культуры азиатских стран в Италии, но и итальянской культуры в Азии. Полагаю, что для всех очевидна важность подобного проекта в связи с социальной и политической проблемой, созданной возрастающей азиатской (и североафриканской) иммиграцией в Италию, потому что такая проблема неизбежно имеет и культурный аспект. Если бы IsMEO проводил такую культурную работу – и не только в Риме, но и в Милане, и в других местах – это благотворно отражалось бы на социальной действительности во всё более широком масштабе: она служила бы

тому, чтобы воспитать наше общество в духе подлинной терпимости и открытости по отношению к культуре других наций. Это проблема не только этическая или абстрактно политическая и идеологическая: это и культурная проблема тоже, потому что по преимуществу связана с сознанием. Политические идеологии или религии никогда не были в состоянии решить её, более того – это у всех перед глазами – они всегда обостряли её, давая пищу искусственным противоречиям, основанным на посылках, коренящихся в одних лишь этноцентрических предубеждениях, глубоко провинциальных и подчёркнуто необъяснимых с точки зрения рассудка. Культурное учреждение, воплощающее в жизнь евразийскую идею, может, таким образом, стать инструментом, стимулирующим рост нашего общества в сфере, которая будет решать его будущее. Только бескорыстная культура может способствовать утверждению идеалов терпимости и взаимоуважения.

К этому добавляется требование, ценное уже само по себе, – создать рабочую группу, которая занималась бы вопросами образования в азиатской и африканской средней школе и выработало бы предложения, нацеленные на подготовку школьных учебников, адекватно излагающих культурную и политическую историю Азии и арабского мира. В своё время, в октябре 1986 г., IsMEO поддержал начинание подобного рода, организованное университетом и властями провинции г. Павии, в союзе с Восточным университетом Неаполя. Оно, однако, не имело того продолжения, которого заслуживало: сейчас надо, чтобы институт выступил инициатором в этом деле с новым обязательством, привлекая напрямую Министерство народного образования.

В равной мере максимум усилий должен быть приложен к тому, чтобы институт использовал все потенциальные возможности своего лицензионного диплома восточных языков и культур, выданного ему, как известно, на основании закона № 517 от 1951 г., и чтобы он открыл – беря за пример опыт Милана – соответствующие курсы в тех регионах Италии, где он имел бы несомненный успех. Я имею в виду Эмилию-Романью и Сицилию.

Подобную программу культурного распространения будет не легко реализовать, если IsMEO не приложит значительных усилий к тому, чтобы о нём лучше узнали на средних культурном и информационном уровнях. Чрезвычайно полезным для этой цели было бы дальнейшее расширение института вовне, что достигается образованием Общества друзей Востока, в которое будут входить не члены IsMEO, а люди близкие задачам института, даже если они не в состоянии напрямую посвятить себя ориенталистике; чьи интересы общего интеллектуального и социального характера направлены на расширение нашей культуры именно в евразийском смысле.

Преследование той или иной цели – и «научной», и «культурной» – требует от института всё более решительно брать на себя обязанность по охране и развитию ориенталистики в Италии. Это область, в которой IsMEO должен постоянно и с максимальной энергией добиваться реализации различных начинаний и координировать действия разных учреждений.

Его цель – обеспечить будущее итальянской ориенталистики в университетах и других культурных и научно-исследовательских учреждениях. Современному кризису, вырисовывающемуся в тревожных размерах, следует противопоставить новые предложения, а не палеоакадемическое мышление, направленное на спасение какого-нибудь маленького научного сектора. Суть заключается в том, чтобы формировать и направлять в русло научной работы молодые силы, что означает также поиск новых областей профессионального применения. Но не только это: требуется противостоять бюрократизму, который всё сводит к борьбе за влиятельные посты или к интересам карьеры. Нужно сделать так, чтобы учреждения, стоящие во главе исследовательской работы, такие, как, например, Национальный Совет по исследованиям, содействовали новым формам деятельности, свободным и открытым, не заставляя их расплачиваться утяжелением структуры и штата. Нужно вводить новые критерии отбора, которые – обращусь к экономическому термину – соответствуют «продуктивности» исследований.

Но институт сможет добиться двойной цели, научной и культурной, если он будет учитывать свои национальные размеры, с одной стороны, и свою природу интернационального учреждения. Создание новых секций – сейчас мы планируем одну в провинции Эмилия-Романья, в союзе с Болонским университетом – и система договоров и соглашений с местными организациями позволят во много раз усилить национальный характер IsMEO, института не римского, но итальянского.

Более сложный процесс – усиление института как интернационального учреждения (между прочим, это его точное определение как организации, зарегистрированной в списке учреждений, находящихся в ведении Министерства иностранных дел). С одной стороны, более понятной, это учреждение общественного сектора, предназначенное для установления культурных связей между Италией и азиатскими странами; с другой, менее очевидной, но не менее важной стороны, это учреждение, которое для достижения своих целей заинтересовано в создании, так сказать, сети международных отношений, которая простирается за пределы азиатских стран, захватывая институты, университеты, академии других западных стран, готовые к сотрудничеству в научном и культурном плане. Защита и, насколько возможно, укрепление позиций – на что мы надеемся – ориенталистики в Европе – это и наша обязанность тоже. Несколько раз мы уже пробовали это делать: я имею в виду иранские исследования и исследования по Древней Аравии. И в тех и в других институт занял центральное место, единодушно за ним признанное. В других случаях международное научное сообщество не скупилось на похвалы и комплименты за тот вклад, который IsMEO внёс в инициативы международного масштаба. Дело в том, что кризис ориенталистики – феномен не итальянский, а, как уже было сказано, всеобщий. Многие страны проникаются бессмысленной идеей построения большой европейской крепости – логикой жалкой и слепой, кое-как обряжённой в несостоятельные аргументы рационализации и сокращения общественных затрат. К договорам с иностранными учреждениями должны, естественно, добавиться соглашения с международными организациями, такими, как ЮНЕСКО, Европейский Научный Фонд, Европейский союз в целом, Международный Академический Союз и др.

Много, очень много работы нам предстоит, но теперь IsMEO в состоянии её выполнить, находясь в привилегированном положении, благодаря тому кредиту доверия, которым он пользуется, и тому уважению, которым он окружён за рубежом и в международных организациях. Доверие и высокая оценка делают возможным то, что в ближайшем будущем IsMEO станет инициатором образования в Европе ассоциации вроде Азиатско-Европейского Общества, которая возьмёт на себя заботу о настоящем и будущем ориенталистических исследований в Европе и, одновременно, о культурных связях Европа – Азия. На деле, должно быть испробовано всё, что служит сближению двух частей Евразии. Речь, таким образом, идёт об обязанности преимущественно политическом и отчасти переходящем собственные границы культурной политики. Так или иначе, IsMEO не должен отступать перед политической задачей, осознавая, что только посредством энергичной политической деятельности ему удастся спасти своё будущее и реализовать заложенные в своей основе цели. В европейской ориенталистике поведение того, кто хочет с головой окунуться в науку, выпасть из социального и культурного контекста, создать себе рай, защищённый от разрушительного действия времён, попросту нереалистично и лишено будущего.

Сейчас мы должны уяснить себе одну вещь: подобная политическая деятельность не должна основываться на жалобах и заявлениях, хотя бы и в высшей степени справедливых (например, что знание и наука не могут следовать логике больших чисел, или, более того, что они подчас соотносятся с ней в обратной пропорции; или же, что у специализации по отношению к общим дисциплинам больше прав в отвлечённом смысле); но напротив, должна основываться на конкретной, непосредственной демонстрации преимуществ, которые – в широком смысле – получает наша страна (или, если угодно, Европа) от протекции и развития и востоковедческих исследований, и культурных отношений Италия (или Европа) – Азия. Преимущества разного рода; естественно, и коммерческие, и экономические; политические, конечно, тоже. Так – я думаю – институт должен понимать наследие, завещанное профессором Туччи: обеспечить рост учреждения, научная деятельность которого даёт содержание широкой культурной работе, сближающей Азию и Европу, и которое вносит конкретный динамический вклад в решение насущных проблем современного человечества; превратить знание в мощный фактор международного взаимопонимания, терпимости, моральной и социальной солидарности.

Е.А. ХАМАГАНОВА

(Издательство «Утпала», г. Санкт-Петербург)

МОТИВ ХОЖДЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТИБЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Мотив хождений в подземный мир получил широкое распространение в средневековой литературе как Запада, так и Востока. Повествования о том, «как некие люди, во сне или даже испустив дух, оказывались в загробном мире, а затем возвра-

щались к живым и сообщали о виденном и пережитом в раю и аду, необычайно привлекали средневекового человека»¹.

В средневековой тибетской литературе этот мотив встречается в сочинениях самых различных жанров, в том числе и в компилятивных религиозно-дидактических сборниках. Именно религиозно-дидактическая литература, созданная в средневековой традиции литературы примеров, внесла огромный вклад в сохранение, распространение и популяризацию сотен различных мотивов, в том числе и мотива хождений в подземный мир, оказав впоследствии определённое влияние на дальнейшее развитие литературного процесса не только в Тибете, но и среди монголоязычных народов².

В средневековом Тибете в школе Кадампа и позднее в Гелугпа (преемнице учения школы Кадампы) для простых мирян создавались религиозно-дидактические сочинения и комментарии к ним, призванные ввести их в курс буддийского учения Ламрим (тиб. *lam-rim*)³. В зависимости от уровня образованности и отношения к религии буддийские проповедники различали три разряда личностей. К низшему относились миряне, к среднему и высшему духовенство, каждому из уровней проповедовалась соответствующая форма учения. В этих сочинениях в качестве обрамления выступает буддийское учение Ламрим, в которое вставляются многочисленные эпизоды или примеры, подтверждающие тот или иной выдвинутый тезис. В качестве примеров использовались занимательные сюжеты, извлечённые из различных переводных и оригинальных сочинений, отрывки из буддийских сутр, записи местных легенд и преданий, а также пословицы, поговорки, близкие и понятные простым слушателям. Среди этих сочинений необходимо, прежде всего, назвать сочинение Потобы Ринчен Сала (1027–1105) «Книга примеров, собрание драгоценностей» (тиб. *dPe-chos rin-chen spungs-pa*) и комментарии к нему, созданные его учениками в более поздний период⁴. В Тибете Потоба считается непревзойдённым Мастером проповеди буддийского учения на примерах, уступая в этой славе одному лишь Будде.

Одна из ключевых тем Ламрима – это учение о карме, согласно которому жизнь рассматривается как цепь бесконечных рождений, обусловленных кармой, представляющей собой сумму всех поступков и помыслов живого существа в его предыдущих рождениях. Ответственность за будущие рождения целиком лежит на человеке: его лучшее или худшее рождение определяется добродетельными или греховными поступками человека. Истинное освобождение от сансары человек может обрести только вступлением на путь спасения с целью достижения состояния Будды.

В сборнике «Драгоценные чётки» Балдан Ешея (XIV в.) – его полное титульное название «Важнейшие предания, называемые “Красивые драгоценные чётки” из “*Be'u-bum*” и “*dPe-chos*”»⁵ – представлены различные сюжеты с мотивом посещения подземного мира. Эти предания иллюстрируют наставление Потобы «О карме, причинах и следствиях». Во всех этих повествованиях одна и та же сюжетная схема выполняет различные функции. В них показываются различные наказания, которые ждут грешников в аду или в мире претов за совершённые ими в прошлом греховные проступки, внушается страх перед дурными рождениями⁶, говорится о неизбежно-

сти воздаяния за добродетели и наказания за грехи. В предании о святом по имени Дошин Дже, оказавшемся волею случая в мире претов, раскрывается тема неизбежности возмездия для тех, кто неискренен в своём добродетельном образе жизни. В другом рассказе, о святом Гедунсрун, подвергаются осмеянию пороки лиц монашеского сословия. Во время посещения ада в сопровождении Будды Гедунсрун наблюдает страдания живых существ, которые в прошлом рождении были учениками Будды Касьяпы⁷, однако постоянно нарушали монашеские обеты, дрались, вели себя непристойно. Так, те монахи, что плевали на монастырские стены, родились в аду и стали похожими на эти стены, те, что пользовались без разрешения общинными деревьями, листьями и плодами, стали в новом рождении соответственно деревьями, листьями, цветами и плодами и т. д. В предании о Нанде также имеется вкрапление в сюжетную ось эпизода о посещении ада главным героем, попавшим туда с помощью Будды. Следует отметить, что этот эпизод о посещении ада главным героем отсутствует в его более ранней палийской версии истории об обращении Нанды⁸. Несмотря на все старания Будды, Нанда никак не может забыть свою любимую жену Сундарику. Даже чары прекрасных небожительниц бессильны перед его чувством. Тогда Будда решает на последний шаг и вместе с Нандой спускается в ад. В аду он уже самостоятельно знакомится с его различными отделениями, где видит, какие мучения его ждут в случае отказа от вступления в монашество. Потрясённый увиденным, осознав преходящесть всего существующего, Нанда решительно порывает с миром, вступает в монашество и достигает архатства. В сборнике также даётся краткое изложение истории о Маудгальяне, представляющей собой переработку известной буддийской сутры, под названием «Сутра о том, как святой Маудгальяна спасал из ада свою мать»⁹.

В данном исследовании мы ограничиваемся анализом структур двух преданий: предания о Дошин Дже и предания о Маудгальяне¹⁰.

Общую структурную модель этой группы преданий можно представить следующим образом: чудесное рождение, недостача, отлучка, посещение ада, возвращение на землю.

В композиции эти функции распределяются на двух уровнях следующим образом. В первом даётся краткая экспозиция, включающая в себя следующие составные элементы: чудесное рождение легендарного героя, приглашение оракула, объясняющего причину или признак чудесного рождения героя, наречение героя. Повествование разворачивается на земле, имея своё пространство и время. Так, в предании о Маудгальяне действие разворачивается в Раджагрихе, в предании о Дошин Дже – в Шравасте.

Повод к изменению места действия даётся в завязке. Она включает в себя намерение героя отправиться на поиски недостающего объекта.

Основное действие разворачивается уже на втором композиционном уровне, где даётся описание путешествия по аду главного персонажа. В силу ряда обстоятельств герой оказывается в подземном царстве Ямы¹¹, где он наблюдает различные картины страданий, которые претерпевают люди за свои прошлые прегрешения.

Каждая картина, содержащая описание страданий живых существ, – это самостоятельный сюжет, имеющий своё внутреннее строение. Все эти эпизоды нанизываются один на другой и скрепляются главным действующим лицом, выполняющим миссию «освобождения». Время пребывания в подземном мире сконцентрировано максимально. Если при возвращении героя на землю он пребывает всё в том же возрасте, что и до попадания в подземный мир, то многие его родственники на земле уже умерли, или родители достигли преклонного возраста.

Развязка, завершение повествования связываются с возвращением героя на землю. Так, действие и во времени, и в пространстве вновь входит в свои земные рамки. Композиционное построение на всех уровнях строго выдержано, перемещение героя происходит в определённой временной и пространственной последовательности. Рассмотрим, как варьируется эта основная композиционная модель в связи с конкретным содержанием материала. Вот какова структура **ПРЕДАНИЯ О ДОШИН ДЖЕ**.

I. Первоначально сообщаются сведения о рождении и жизни главного героя. У одного домохозяина долго не было детей. Он постоянно делал подношения всем земным божествам и просил сына. Однажды ночью, под звездой Юпитера, у его жены родился сын, в ушах которого были драгоценные серьги. Родители пригласили знатока драгоценностей, который оценил их в 10 млн. золотых монет; в этой связи мальчик получил имя Дошин Дже Наджебари (букв. Родившийся под Юпитером с драгоценными серьгами в ушах ценой в 10 млн.). В экспозиции сообщаются некоторые сведения о жизни главного героя до его совершеннолетия и о других действующих лицах (*исходная ситуация*).

II. Мотив «поиска драгоценностей».

1. Дошин Дже желает отправиться в море вместе с купцами за драгоценностями (*недостача*); **2.** Получив разрешение у отца с матерью, герой в сопровождении двух слуг и двух ослов отправляется на корабле в качестве капитана (*отправление*); **3.** В море они добывают много драгоценностей (*ликвидация недостачи*); **4.** Всю ночь напролёт Дошин Дже занимается просмотром драгоценностей. Только на рассвете он засыпает. По утру купцы начинают грузиться на корабль и снимаются с якоря. Вместе с ними отплывают и двое слуг Дошин Дже, которые, однако, не заметили отсутствия хозяина на корабле. Проснувшись, Дошин Дже обнаруживает, что остался один на берегу с двумя ослами (*недостача*); **5.** Тогда Дошин Дже, погоняя ослов, отправляется в путь. В этот момент поднимается сильный ветер, который заносит все следы, а животные сбиваются с пути (*беда*).

В этом месте действие достигает своей кульминационной точки, неожиданно прерывается, и начинается новое повествование уже в ином времени и пространстве. Герой оказывается в подземном мире (*пространственное перемещение*). Повествование распадается на пять эпизодов, содержащих описание аналогичного количества домов, которые посещает герой. Каждый эпизод обладает самостоятельным сюжетом. Эпизоды контрастны по описанию. Они последовательно демонстрируют, какое воздаяние следует за добродетельные и какое возмездие – за греховные дела, совершённые на земле. Каждый эпизод обладает сходным количеством функций.

Это – встреча с героем, иллюстрация сцен возмездия и воздаяния, сопровождаемых рассказом грешников об их прошлой жизни на земле как причине рождения в мире претов, просьба о посредничестве и отправление с поручением. Их реализация в повествовании следующая.

В каждом доме герой встречается с живыми существами, где наблюдает их страдания. Они объясняют ему причину их рождения претами. В заключительной части рассказа преты обращаются с просьбой к герою как к обладающему многочисленными добродетельными качествами сделать за них подношение святому Катаяяне на земле для искупления их грехов и обретения лучшего рождения в будущем. Герой соглашается выполнить их просьбу.

III. Мотив «посещения мира претов».

А). «Посещение первого дома».

1. Герой встречается с претами, которые из-за мучающей их жажды постоянно просят воды (*встреча с героем*); 2. Причина их страданий в том, что в прошлом, будучи жителями города Доджог, они не накапливали добродетелей, были грубыми, жадными, не подавали милостыню, в силу чего ныне родились в облике претов (*возмездие*); 3. Они обращаются к герою с просьбой при возвращении на землю посетить их родственников в городе Доджог, взять у них под очагом кувшин с золотом и преподнести его в качестве милостыни святому Катаяяне с упоминанием их имён, что должно помочь улучшить их карму и вырваться из мира претов (*просьба о посредничестве*); 4. Герой соглашается выполнить их просьбу (*отправление с поручением*).

Б). «Посещение второго дома».

1. В этом доме герой также встречается с претами, которые постоянно голодны и просят еды (*встреча с героем*); 2. Причина подобного состояния заключается в том, что в прошлом они предавались наслаждениям, были заносчивы, не делали подношений, поэтому обрели подобное рождение (*возмездие*); 3. Они обращаются к Дошин Дже с аналогичной просьбой (*просьба о посредничестве, отправление с поручением*).

В). «Посещение третьего дома».

1. Герой наблюдает следующую картину: четыре красивые женщины и один мужчина развлекают друг друга (*встреча с героем*); 2. С наступлением рассвета эти женщины превращаются в собак с железными клыками и разрывают мужчину. С приходом сумерек всё повторяется сначала. Причина происходящего заключается в том, что в прошлом этот мужчина был мясником в городе Доджог. Днём он занимался своим греховным ремеслом (*вредительство*), а ночью творил добродетели (*подвижничество*). Теперь же он пожинает плоды своих греховных и добродетельных деяний (*возмездие, воздаяние*); 3. Мужчина также просит Дошин Дже сделать подношение святому Катаяяне (*просьба о посредничестве, отправление с поручением*).

Г). «Посещение четвёртого дома».

1. В четвёртом доме герой сталкивается с двумя его обитателями – мужчиной и женщиной (*встреча с героем*); 2. В течение всего дня женщина оказывает почтение

мужчине. Ночью она превращается в собаку и терзает его. Всё это происходит по той причине, что в прошлом рождении этот мужчина соблюдал обеты, а ночью занимался прелюбодеянием (*возмездие, воздаяние*); **3.** Женщина и мужчина также обращаются к герою с просьбой о посредничестве (*отправление с поручением*).

Д). «Посещение пятого дома».

1. В доме Дошин Дже встречает красивую богатую женщину и четверых измождённых прет, привязанных к скамье (*встреча с героем*); **2.** Хозяйка дома обращается к герою с просьбой не давать им ни еды, ни питья (*запрет*); **3.** Женщина уходит (*отлучка*); **4.** Несчастные существа умоляют гостя дать им немного попить и поесть. Не выдержав, герой исполняет их желание (*нарушение запрета*); **5.** Тотчас у одного из них еда превращается в расплавленное железо, у другого в пепел, у третьего рот забивается соломой, у четвёртого пища превращается в раскаленные угли (*возмездие*); **6.** Вернувшись, женщина видит, что произошло, очень расстраивается и рассказывает о причине их страданий. В прошлом они жили одной дружной семьей. Однажды муж и трое детей работали в поле. Пришло время обеда, и женщина собралась отнести в поле приготовленную еду, как возле их дома появился святой и попросил милостыню. Женщина вынесла ему приготовленную еду в качестве подаяния, а затем заново принялась готовить. В связи с этим она с опозданием принесла обед в поле мужу и своим сыновьям. Узнав о причине её опоздания, её близкие ещё больше разгневались. Каждый из них прокричал: «Пусть эта еда превратится у святого в раскалённый железный ком, в пепел, солому, раскалённые угли». Возмущённая женщина вознесла следующую молитву: «Да увижу я ваши страдания». Так её муж и дети переродились претами, а сама женщина по причине своего благого поступка должна была родиться в раю, но из-за вознесённой ею молитвы родилась в мире претов вместе со своими родными, где теперь и наблюдает их страдания (*возмездие*); **7.** Она также обращается к Дошин Дже с аналогичной просьбой о посредничестве (*отправление с поручением*).

IV. Мотив «возвращения на землю».

1. После двенадцатилетнего пребывания в подземном мире Дошин Дже возвращается на землю с помощью Лхамо и четырёх прет (*посредничество волшебных помощников*); **2.** Под впечатлением увиденного в подземном мире герой понимает тщету сансарного бытия, решает покинуть его и вступить в монашество у святого Катааяна, даже не проведая своих родителей (*просьба о посредничестве*); **3.** Однако святой Катааяна настаивает на получении согласия его родителей на вступление в монашество (*условие*).

V. Мотив «ухода в монашество».

1. Родители Дошин Дже, страдая по любимому сыну, ослепли от слёз (*недостача*); **2.** Герой встречается со своими родителями, которые от радости прозревают (*ликвидация недостачи*); **3.** После смерти родителей Дошин Дже вступает в монашество и позднее получает разрешение на встречу с самим Буддой (*вознаграждение*).

Аналогичную сюжетную схему с мотивом кармического посмертного воздаяния имеет **ИСТОРИЯ О МАУДГАЛЬЯНЕ**, только в ней не представлен мотив «чудесного рождения героя», появление которого на свет ничем не мотивировано.

I. В начале даётся краткое сообщение о рождении сына у одного знатного и могущественного домохозяина и его жены, по имени Маудгальма, которые проживали в Раджагрихе. Когда мальчику исполнилось три года, умер отец. Далее даются краткие сведения о жизни героя до его совершеннолетия, достигнув которого он становится полноправным владельцем отцовского имущества. Главный герой подносит одну треть богатств «Трёх Драгоценностям»¹², одну треть раздаёт бедным, а оставшуюся часть имущества оставляет на хранение матери. Так, с ранних лет мальчика отличают благочестие и подвижничество (*исходная ситуация*).

II. Мотив «сыновней почительности».

1. Главный герой отправляется в учебные странствия (*отлучка*); **2.** Во время его отсутствия мать ведёт недобродетельный образ жизни, растрачивая всё своё домашнее имущество (*вредительство*); **3.** Вскоре она тяжело заболевает. Узнав о болезни матери, сын немедленно возвращается домой и ухаживает за матерью в течение восьми дней (*возвращение, подвижничество*); **4.** Однако болезнь неотвратима, и Маудгальма умирает (*беда*); **5.** В течение трёх лет он соблюдает траур, после у Будды он вступает в монашество и получает духовное имя *Me'u gal-gyi bu-chen-po rdzesh-phrul-chan* (букв. «Взрослый сын Маудгальмы, обладающий волшебством»). Постигнув у Будды учение о Четырёх благородных истинах, Маудгальяна достигает архатства¹³ (*подвижничество героя*). **6.** Маудгальяна желает узнать, где обрели новое рождение его родители, чтобы встретиться с ними (*недостача*); **7.** По совету Будды он занимается созерцанием на горе под названием Коршунья гора (*Yurkang*). Он узнаёт, что его отец благодаря добродетельному поведению, родился в раю Брахмы, а мать в результате греховного поведения – в аду (*узнавание*).

III. Мотив «посещениярая».

С помощью волшебства Маудгальяна оказывается в раю, где встречается с отцом (*пространственное перемещение, ликвидация недостачи*).

IV. Мотив «посещения ада».

1. Вновь с помощью волшебства Маудгальяна оказывается в аду. Перемещение героя в аду – это серия встреч с различными его обитателями: с охранителем ворот ада, имеющим тело в семь локтей, с самой владыкой ада, встреча с обитателями тёмного ада, очень грязного ада, с владыкой ракшасов¹⁴ (*пространственное перемещение*). Каждая встреча описывается по одной схеме и включает следующие функции: встреча, выведывание, выдача. Вначале Маудгальяна пытается узнать о месте пребывания матери (*выведывание*) и получает один ответ, что прошло уже три года, как его мать ушла из данного места (*выдача*). **2.** Только во время последней встречи с владыкой пяти дорог он узнаёт, что его мать находится в аду Авичи, где грешники испытывают самые страшные муки (*узнавание*); **3.** Однако ворота этого ада могут открыть только трое: Яма, Владыка пяти дорог, и Будда (*новая недостача*); **4.** Тогда Маудгальяна с помощью волшебства оказывается у Будды и просит его о помощи (*просьба о посредничестве*); **5.** Последний выполняет его просьбу. Герой встречается с матерью и видит страдания, которые ей приходится терпеть (*ликвидация недостачи*); **6.** Однако стражники ада вновь уведут мать: она должна полностью исчерпать свою карму (*вновь недостача*).

V. Мотив «возвращения на землю».

1. Будда, услышав стенания Маудгальяны, посылает за ним Ананду, и они вместе возвращаются на землю (*возвращение*); 2. Маудгальяна вновь просит Будду вызвать мать из плена ада (*просьба о посредничестве*); 3. Будда открывает дверь ада, Маудгальма рождается в мире претов, где вновь встречается со своим сыном (*ликвидация недостачи*); 4. Следующее рождение Маудгальмы – в облике злой собаки, охраняющей царский дворец. Вновь сын встречается со своей матерью и, желая вызвать её из такого дурного рождения, по совету Будды читает всё собрание сутр в течение 49 дней (*подвижничество*); 5. Благодаря этому его мать рождается в облике прекрасной дочери в семье богатого человека. Затем она вступает на путь Большой колесницы и достигает состояния Будды (*воздаяние*).

Таким образом, для этой группы преданий характерна двухуровневая композиционная схема, где каждый уровень, в свою очередь, представляет собой самостоятельное повествование, обладающее цепочным построением, и все эти эпизоды скрепляются главным действующим лицом. Причём более сложным построением отличается повествование, развёртываемое на втором уровне – в мире претов и в аду. В первом предании – это сцепление самостоятельных эпизодов, содержащих описание различных видов наказания грешников в мире претов, и историй, объясняющих причину их подобного рождения, и обращение грешников к герою за помощью. Во втором предании – это сцепление однотипных поступков главного героя, который в поисках матери преодолевает на своём пути различные препятствия в разных мирах.

Эту группу преданий отличает также религиозно-житийная трактовка сюжета. Предания сохраняют традиционную сюжетную схему агиографического повествования, реализуя многие его мотивы: чудесное рождение святого, вступление на путь духовного спасения, миссия освобождения, дар чудотворения и др.

Образ главного героя подчинён строгому религиозно-нравственному буддийскому нормативу. Он в известной степени идеализирован и наделён высокими морально-нравственными достоинствами. В центре внимания автора-составителя – эпизоды, которые в наиболее выгодном ракурсе демонстрируют добродетельные качества героя.

Исключительность героя уже задана изначально. Это – чудесное рождение, раннее благочестие, подчёркиваемое уходом героя в монашество. Согласно буддизму, наиболее действенным фактором спасения ещё при жизни человека считается выход за пределы мирского общества, то есть вступление в сангху, буддийскую общину.

Таким образом, доминирующей чертой в изображении героя является подчёркивание его исключительного религиозного рвения в постижении буддийского учения, сулящего ему действительное освобождение от уз сансарического бытия.

Однако самая главная черта этого житийного образа – миссия освобождения. В силу своих добродетельных качеств герою надлежит помочь несчастным грешникам вырваться из дурных рождений, а также помочь им встать на путь духовного спасения.

Особенно ярко проявляется мужество и сила духа героя в истории о Маудгальяне при спасении матери из ада. Герой преодолевает множество различных пре-

пятствий на своём пути, только чтобы встретиться с матерью. Далее, благодаря его исключительному подвижничеству, рвению в постижении на практике буддийского учения (МAUDГАЛЬЯНА в течение 49 суток читает всё собрание буддийских сутр) ему удаётся улучшить карму своей матери, помочь ей встать на путь Большой колесницы и достичь состояния Будды. Так, в повествовании о MAUDГАЛЬЯНЕ на первый план выдвигается специфический буддийский мотив «сыновней почитательности».

А.С. Мартынов отмечает колоссальную роль культа предков и сыновней почитательности в странах, где буддизм получил широкое распространение: «Согласно закону воздаяния всякое доброе дело на благо учения Будды оказывает благотворное воздействие на потустороннюю судьбу родителей. Перед почитательными детьми открываются безграничные возможности оказать помощь своим родителям, содействуя процветанию буддийского учения на этой земле»¹⁵.

Ещё при жизни матери MAUDГАЛЬЯНА проявляет трогательную заботу о ней, а после смерти соблюдает траур и осуществляет все необходимые предписания для поминания родителей. Ему не чуждо проявление простых человеческих чувств: глубоких душевных мук, терзаний по поводу несчастной судьбы своей матери. Так, например, узнав от стражников ворот ада, что, несмотря на все его старания, MAUDГАЛЬЯНА не может покинуть ад до тех пор, пока не познает до конца плодов своей греховной кармы, он, зарыдав, падает на землю. Будда, узнав причину его слёз, помогает ему открыть врата ада, поскольку MAUDГАЛЬЯНЕ самому не под силу этот подвиг.

Несколько иначе ведёт себя герой из предания о Дошин Дже. Он отправляется в море за драгоценностями с купцами наперекор воле отца. В мире претов – он всего лишь безучастный наблюдатель страданий живых существ, а по возвращении на землю он не спешит увидеть своих престарелых родителей, которые от тоски по сыну давно уже ослепли от слёз. Лишь только по настоянию святого Катаяяны он посещает их, чтобы получить разрешение на вступление в монашество. Следует отметить, что подобный мотив, когда герой испрашивает благословения у родителей, не желающих отпустить сына в опасную поездку, а потом оплакивающих его судьбу, также является весьма распространённым в агиографической литературе. Отличие буддийской агиографии состоит только в том, что сын в конце концов обязательно возвращается к своим родителям и воздаёт должное за всю заботу о нём, в то время как в византийской или древнерусской агиографии сын хотя и возвращается к своим близким, однако до конца своих дней не раскрывается своим родителям, жене, детям. Тайна раскрывается только после его смерти, что причиняет его близким новые страдания¹⁶.

В целом же образ Дошин Дже получился не таким выразительным, как образ MAUDГАЛЬЯНЫ. Это связано с тем, что в двух этих случаях Балдан Ешей преследовал совершенно разные цели. Так, главная задача автора-составителя в предании о Дошин Дже заключалась в том, чтобы показать, что ни один хороший поступок не может уничтожить поступка дурного, и наоборот, поэтому в центре внимания повествования – подробное описание сцен возмездия и воздаяния в аду, вследствие чего характер героя едва обозначен.

Во втором предании о Маудгальяне основной акцент делается на следующих идеях: с одной стороны, человек сам пожинает плоды своей греховной кармы, а с другой – он может улучшить карму родителей путём соборания заслуг перед Учением. Этим объясняется выдвигание в центр повествования сюжетной линии Маудгальяна – мать. Выделение этой сюжетной линии достигается за счёт сокращения других: в частности, в повествовании не реализована сюжетная линия Маудгальяна – отец. Балдан Ешей ограничивается только констатацией факта встречи сына с отцом в раю, а подробности их встречи (трогательный момент признания отцом сына, воспоминания об их прошлой жизни) опущены. В повествовании отсутствует эпизод пребывания Маудгальяны в промежуточной сфере и его беседы с грешниками.

В рассказе также опущены различные наставления, которые в большом количестве рассыпаны по всему повествованию, нет ярких, выразительных описаний мук грешников в различных адах.

В конечном итоге, предание о Маудгальяне характеризуется максимальными сокращениями, упрощением сюжетной схемы. В ней реализуются только те функции, мотивы, которые непосредственно связаны с главным героем – Маудгальяной и его матерью. Подобные сокращения придают особый драматизм развитию основного действия. В результате основная идея произведения становится отчётливее, острее. Повествование о Маудгальяне можно охарактеризовать как краткий рассказ, определяемый в сборнике «Драгоценные чётки» в жанровом отношении как *loggyus* (тиб. «история, предание»), что свидетельствует, несомненно, об устном характере переработки повествования.

Анализ структур данной группы преданий показал, что все они характеризуются ярко выраженной жанровой спецификой, сохраняя основные признаки жанра агиографической литературы – *‘das-log*. Вместе с тем, они претерпели изменения в своём поэтическом содержании: видоизменяется композиция, меняется функциональность отдельных компонентов и пр. Например, многие сказочные мотивы и функции получают буддийскую религиозную интерпретацию, подчиняясь основной дидактической установке данного цикла повествований – дать мирянам образец такого поведения, следуя которому они обеспечили бы себе освобождение от уз бытия и вступление на путь Махаяны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гуревич В.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М.: Искусство, 1981. – С. 46.

² См.: Дамдинсүрэн Ц., Серебряный С.Д. «Обрамлённые повести» в Индии и у монгольских народов // Литературные связи Монголии. – М.: Наука, 1981. – С. 130–150; Дашиев Д.Б. Фольклорные сюжеты в буддийской литературе Тибета // Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 103–132; Ендон Д. Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литератур. – М.: Наука, 1989; История Чойджид-дагини: Факсимиле рукописи / Транслитерация текста, пер. с монг., исследование и комм. А.Г. Сазыкина. – М.: Наука, 1990. – (Серия «Памятники письменности Востока». – Вып. ХС. – Серия «Bibliotheca Buddhica». – Вып. XXXVII); Сазыкин А.Г. Сюжет «видений ада» в монгольской литературе XVII – начала XX в. // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии: Информационный

бюллетень. – Вып. 8. – М.: Наука, 1985. – С. 62–69; *Монголын уран зохиолын тойм*. – Вып. II. – Улаанбаатар, 1976.

³ Lam-gim (букв. ступени пути) – универсальный путь нравственного совершенствования для достижения состояния Будды. Основные принципы этого учения были изложены Атишей (982—1054) в сочинении «Светильник пути просветления», позднее они были развиты в трудах его учеников и последователей: Бромдонбы (1014—1105), Потобы, Долбы Шейраб Джамцо (1059—1131) и других. Окончательное оформление учение Ламрим получило при Цонкапе (1357—1419) в сочинении «Большая ступень пути просветления» (*Byang-chub lam-gyi rim-pa chen-po*). Об этих сочинениях см.: *Ендон Д.* Монгольские и тибетские комментарии к Ламриму. – Автореферат диссертации... канд. филологических наук. – Улан-Батор, 1976; *Дашиев Д.Б.* Вероучение бурятского ламаизма // *Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в.* – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 80–115; *Хамаганова Е.А.* Тибетские дидактические сочинения // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*. XXIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: Доклады и сообщения. – Л., 1988. – Ч. I. – С. 86–92.

⁴ О сочинении Потобы и комментариях к нему см.: *Хамаганова Е.А.* «Dpe-chos» как памятник тибетской дидактической литературы // *Вестник Ленинградского университета*. – 1985. – № 23. – С. 42–47; *Ulrike Roesler.* Po-to-ba Rin-chen-gsal's dPe chos rin chen spungs pa and the genres of lam-rim and bstan rim // *Proceedings of the Eighth Seminar of the International Association for Tibetan Studies*. – Bloomington, 1998.

⁵ *Dpal-ldan Ye-she. Be'u-bum dang Dpe-chos gnyis-la mkho-ba'i gtam-rgyud rin-chen 'phreng mdzes zhes-bya-ba bzhu-gs-so.* – Ксилограф // СПБФ ИВ РАН, шифр В9471. – Vol. 3. Об этом сочинении см.: *Хамаганова Е.А.* Сборник «Драгоценные чётки» и его место в тибетской литературе. – Диссертация... канд. филологических наук. – Л., 1986.

⁶ Дурные рождения – это рождение животным, претой (санскр.: голодный дух) и адским существом. Вселенная, по определению буддизма, состоит из трёх миров, расположенных друг над другом, а именно: подземного мира, земного мира и небесного мира. Она является местом обитания шести видов живых существ: небожителей, асуров (титанические демоны) – небесный мир; людей, животных – земной мир; прет и адских существ – подземный мир. Первые три считаются благоприятными рождениями, а три последних – дурными (неблагоприятными).

⁷ Будда Касьяпа – имя мифического земного Будды, предшественника Будды Шакьямуни.

⁸ См.: *Вопросы Миллинды* / Пер. с пали, предисл., исследование и комм. А.В. Парибка. – М.: Наука, 1989. – (Серия «Памятники письменности Востока»). – Вып. LXXXVIII). – С. 470–471.

⁹ Маудгальяна (санскр.) – один из главных учеников Будды Гаутамы, наделённый магической силой. История о Маудгальяне получила широкое распространение в Китае, Японии и среди монгольских народов. Подробнее см.: *Molon Toyin's Journey into the Hell.* Altan Gerel's Translation. Introduction and transcription, facsimile by Laszlo Lorincz. – Vol. 1–2. – Budapest: Akademiai Kiado, 1982. – («Monumenta Linguae Mongolicae Collecta». – VIII. 1, 2). *Ойратская версия «истории о Молон-тойне»*: Факсимиле рукописи / Издание текста, введение, пер. с ойратского, транслитерация, комм. и приложение Н.С. Яхонтовой. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», – 1999. – «Памятники культуры Востока»: Санкт-Петербургская научная серия. – Вып. VI; *Teiser, Stephen F.* The Ghost Festival in Medieval China. – Princeton University Press, 1988. Перевод с тибетского краткой истории о Маудгальяне см.: *Буддийские сказания тибетской школы Кадампа* / Пер. с тибетского, сост., предисл. и комм. Е.А. Хамагановой. – СПб: Утпала, 1994. – С. 76–85.

¹⁰ При описании преданий мы использовали частично метод структурного анализа, применённый В.Я. Проппом к «волшебной сказке» (см.: *Пропп В.Я.* Морфология сказки. – М.: Наука, 1969); также мы основывались на терминологии и выводах, полученных Ю.М. Осиповым на материале известного памятника в литературах Индокитая «Панньяса джатакани» (см.: *Осинов Ю.М.* Литература Индокитая. Жанры, сюжеты, памятники. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1980).

¹¹ Яма (санскр.) – повелитель смерти, владыка подземного мира.

¹² Три Драгоценности – это Будда Шакьямуни, Учение Будды и монашеская Община Будды.

¹³ Архатство – качества архата (санскр.). В Буддизме архат – победитель внутренних врагов, то есть омрачений, достигший духовного совершенства при жизни.

¹⁴ Ракшас (санскр.) – злой дух, пожирающий трупы и живые существа.

¹⁵ Мартынов А.С. Буддизм и общество в странах Центральной и Восточной Азии // *Буддизм и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века*. – М.: Наука, 1982. – С. 5–15.

См. также: *Бьяньвэнь о воздаянии за милость* (рукопись из дунхуанского фонда Института востоковедения). – Ч. I. Факсимиле рукописи / Исследование, пер. с китайского, комм., и табл.

Л.Н. Меньшикова // *Памятники письменности Востока*. – Т. XXXIV. – М.: 1972.

¹⁶ Берман Б.И. Читатель жития (агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия) // *Художественный язык средневековья*. – М.: Наука, 1982.

О.С. ХИЖНЯК

(Государственный музей истории религии, г. Санкт-Петербург)

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ БУДДИЙСКИХ КУЛЬТОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

При изучении буддийских культовых сооружений Древней Индии исследователь сталкивается с разночтением понятий, обозначающих определённые виды сооружений, их структуру, типы, сложившиеся группы памятников. В наибольшей степени это относится к российским публикациям, что можно объяснить не столько отдалённостью объектов изучения, сколько ограниченным поступлением в научные библиотеки современных западных изданий. Характерно, что в отечественной литературе XIX – начала XX в. по рассматриваемому вопросу существовала большая ясность, чем в последующий советский период. К сожалению, неполноценное комплектование библиотек, продолжающееся в наше время по причинам уже не идеологического, но экономического характера, ведёт к отрыву российских исследований от зарубежных. Неправильное или неточное использование терминов приводит к искажению сути вопроса и истории изучаемой культуры. В устранении этих дефектов необходимо сочетание филологического анализа с культурологическим подходом, поскольку изменение названий культовых памятников являлось, как правило, результатом их генезиса – изменения функций, форм, технологии строительства, и т. п. В данной статье рассматриваются термины, связанные с историей развития ступ, пещерных и наземных монастырей и храмов, а именно, такие ключевые для истории буддийской архитектуры понятия, как: *ступа (тхупа)*, *чайтья (четийя)*; *сангхарама*, *вихара*, *паривена*, *уварака (оварака, уйарака)*; *чайтьягриха (четийягхара)*, *тхупагхара*, и другие.

Термины *ступа* и *чайтья (тхупа и четийя)*

Строительство буддийских ступ начинается сразу после паранирваны Будды, а по некоторым сведениям – ещё при его жизни¹. Определение ступы должно вклю-

чать в себя в сжатом виде её генезис и совокупность её основных характеристик. Предлагаем следующую формулировку. Буддийская ступа – *культовое сооружение*, выполняющее функции: (1) *реликвария* – в ней могут храниться останки просветлённых – одна или несколько косточек, зуб, волосы, обрезки ногтей; предметы, которыми они пользовались при жизни; (2) *мемориала*, отмечающего памятные события буддийской истории; (3) *символа Дхармы* – Учения Будды; (4) *вотива* – объекта, возводимого по обету, ради получения религиозной заслуги, блага своего, родственников, всех живых существ. В контексте мировой художественной культуры ступа выступает памятником архитектуры и скульптуры, но это не является её функцией как культового сооружения. Её эстетическая функция вторична и должна анализироваться в связи с основным назначением ступы.

Везде, где утверждался буддизм, появлялись многочисленные ступы. В буддийских странах они приобретали разные названия² и формы³, но их архитектоника, назначение, функции и основная символика сохранялись. Несмотря на внешние, подчас весьма существенные различия, термин *ступа* применим по отношению ко всем им, однако региональное название сразу указывает на их специфику в конкретной стране. В данной статье, употребляя этот термин, мы будем всегда иметь в виду буддийские ступы Индии.

Санскритское слово *ступа* на пали звучит *тхупа*. В индийских языках оно имеет мужской род, и в некоторых работах прошлых лет его склоняли именно таким образом⁴. Однако в отечественной литературе утвердилось употребление этого названия в женском роде соответственно правилам грамматики русского языка по отношению к словам, заканчивающимся на букву *а*. В данной работе оставлено устойчивее склонение этого термина, хотя в одном из последних изданий вновь предложено употреблять термин *ступа* в мужском роде⁵.

Ступа, или *тхупа*, может быть также названа *чайтьей*, на пали – *четтйей*. Этим термином обозначается любой священный объект, как буддийский, так и индуистский – дерево, источник, храм, ступа и др. Отсюда следует, что *чайтья* – это более широкое понятие, охватывающее целый круг явлений религиозной культуры, поэтому два понятия не являются равнозначными и взаимозаменяемыми. Ступа может быть названа чайтьей, но чайтья – это не только ступа.

На рельефах раннебуддийских ступ запечатлены культовые сооружения, которые, на наш взгляд, следует называть чайтьями. Они представляют собой открытые структуры, состоящие из опорных столбов, поддерживающих куполообразную крышу, украшенных рельефными арками и изображениями священных оград; в центре на алтаре расположен священный объект, вокруг которого изображены хранители, обычно якши с чаури, и поклоняющиеся. Подобные чайтьи не были только буддийскими. На одном из рельефов можно видеть аналогичное сооружение с разведённым внутри священным огнём – видимо, это святилище, в котором совершались ведийские ритуалы.

Зарубежные филологические исследования последних десятилетий расширили представление о значении рассматриваемых терминов. Б.Н. Госвами показал, что термин *ступа* встречается в *Ригведе*, в *Тайттирия Самхите*, *Панчавимшата Брах-*

мане, что существуют определения *ступы* как *кучи земли* или *кирпича* и как *пучка волос, верхней части головы, гребешка, макушки, вершины*⁶. Автор делает вывод, что значение корня *ступ* – *воздвигать, насыпать, нагромождать*. Слово *ступа* обозначает также реликварий, которым может служить шкатулка, сделанная из различных материалов, таких, как терракота, глина, резной камень. Иногда эта шкатулка бывает очень маленькой и портативной, в ней может храниться кусочек кости, прядь волос святого, или умершего родственника, или она может заключать написанную священную формулу. Такие маленькие реликварии носят с собой, их могут размещать в почитаемых местах, таких, например, как Бодх-Гая.

Слово *чайтья* (пали *четийя*) Б.Н. Говсами характеризует как более широкое по смыслу, оно обозначает любой священный объект. Если слово *чайтья* употребляется равнозначно слову *ступа*, то первое слово подчёркивает религиозный аспект, священный характер памятника, а второе – архитектурный аспект. Этимологию слова большинство исследователей выводят от корня *cita* – *погребальный костёр*; его связывают с погребальным сооружением над местом, где захоронены кремационные останки умершего человека, или с деревом, отмечающим это место.

Локеш Чандра трактует рассматриваемые термины ещё более широко⁷. К перечисленным значениям слова *ступа* он добавляет значения *колонна, верхняя часть головы, ствол дерева, вершина дерева, корона, вершина, апекс, хохолок, гребень*. В целом он склоняется к значению корня *ступ* – *нагромождать, насыпать, воздвигать, поднимать*, подкрепляя такую трактовку примерами из различных языков Индии⁸. Например, на пали *thupikata* означает *нагромождённый, поднимающийся над чашей для сбора подаяний*. Автор также приводит аналог из греческого и латинского языков: *stupos* (греч.) и *stups, stupe* (лат.) означают *ствол, пень, блок*. Он делает вывод, что слово *ступа* имеет три первоначальных значения: (1) узел или пучок волос; (2) ствол, дерево, колонна, столб; (3) груда, куча. Л. Чандра считает, что санскритское слово *chaitya* (пали *chetiya*) происходит от *citi* – ведийского огненного алтаря, не обязательно погребального костра. Чайтьи возводили вокруг ведийских огненных алтарей, они существовали задолго до буддизма. Во времена Будды большинство чайтий было посвящено якшам или дэвам, это могли быть священные деревья или залы собраний.

Слово *якши* Л. Чандра выводит от корня *yaj* – *осуществлять яджну, поклонение*. Якши были почитаемы царями. Чайтьи – четийи рассматривались как центр вселенной, где создатели империй совершали подношения, и где собиралось множество народа. Их часто называли именем якши, которому она была посвящена. Палийский канон сохранил немало примеров проповеди Будды в таких древних священных местах. Л. Чандра называет *Ананда-четийю, Сарандада-четийю* и др. Некоторые из них превращались буддистами в вихары, например, *Готамака-четийя, Аггалава-четийя, Аджакалана-четийя, Пасанака-четийя* и др. Четийи должны были быть освящены предметами, принадлежавшими Будде, текстами или формулами, образом или памятью о пребывании здесь Будды, а после его нирваны его реликвиями или останками его учеников и последующих учителей.

Чайтьи также означали священные деревья. *Caitya-taru* как дерево, стоящее на священном месте, *Caitya-dru*, *caitya-druma*, *caitya-vriksa* как священное фиговое дерево хорошо известны в санскритской литературе. Почитание *чайтъя-врикиши* было распространено с древнейших времён. Чайтьи якшам сооружали с помощью кирпичей, укладываемых вокруг ствола дерева. Под деревьями помещали образы. В Гималаях это делают до сих пор. Со временем над ними стали воздвигать святилища. *Чайтъя-врикиши* почитались в джайнской традиции⁹. Подобное святилище было сооружено императором Ашокой вокруг Древа Бодхи, под которым Будда достиг просветления. Оно окружало ствол дерева, при этом ветви оставались открытыми. Колонны были украшены лотосовыми капителями, на одной из них можно видеть фигуру слона. Верхняя часть имеет рельефные изображения окон с почётными зонтами в них, венчающих арок, женских фигур по обе стороны от них, священных оград.

А. Снодграсс считает, что слова *ступа* и *чайтъя* – синонимы: корень *ступ* означает *аккумулировать, собирать вместе*. Аналогично переводится корень *чи* – *нагромождать, аккумулировать*; первоначально он означал огненный алтарь или погребальный костёр, поэтому стал ассоциироваться с любым алтарём, священной скалой, деревом, источником, зданием. А. Снодграсс утверждает, что в буддизме он означает предмет, символизирующий Будду. В этом смысле *чайтъя* рассматривается как *символ, напоминание*. Автор считает, что в качестве символа *чайтъя* – это объект размышлений, фокус для концентрации разума, что в этом смысле есть другое этимологическое соответствие: корень *чит* означает *думать, знать, размышлять*. Следовательно, *ступа* есть *разум*, – делает вывод автор¹⁰.

С рассуждениями А. Снодграсса трудно согласиться. Как было показано выше, термины *ступа* и *чайтъя* не являются синонимами. Ступа может быть названа чайтйей, но чайтъя – это не обязательно ступа, это может быть священное дерево, источник, храм. Термин *чайтъя* применяется и в индуизме, это общеиндийское понятие, по своему содержанию более широкое, чем ступа. Из всего этого становится ясно, что *чайтъя* – это не только предмет, символизирующий Будду. Для большинства верующих *чайтъя* – это объект не созерцания, а почитания и поклонения. Общность корней не означает тождества понятий. Поэтому сведение значения *чайтьи* только к символу и отождествление её с разумом ограничивает поле значений данного понятия, поскольку смысл слов определяется их культурно-историческим контекстом.

В отечественном классическом востоковедении определённое внимание обсуждаемому вопросу уделили известные учёные И.П. Минаев и С.Ф. Ольденбург, а также профессор Петербургского университета С.К. Булич, поместивший ряд блестящих по своей точности и содержательности статей в знаменитом Энциклопедическом словаре, изданном Ф.А. Брокгаузом и И.А. Ефроном.

И.П. Минаев в дневниках путешествий по Индии, Бирме и Непалу дал описание многих памятников культуры¹¹. В них он часто употребляет понятие *чайтъя* как равнозначное понятию *ступа*, хотя первое – более широкое по своему содержанию. Это объясняется дневниковым характером текста. В другой работе – научной монографии, посвящённой истории буддизма, учёный чётко выявляет их различие:

«Cetiya (caitya) имеет двоякое значение в буддийских текстах: а) этим словом обозначается всякая святыня и древо махабодхи есть cetiya, б) тем же словом обозначается ступа»¹².

Несмотря на свободный характер дневниковых заметок, И.П. Минаев стремится как можно полнее выразить смысл главного буддийского памятника: «Ступа, или чайтья (четия на языке пали), есть могильный памятник, воздвигнутый над зарытым пеплом от сожжённого тела Будды, святого (архана) или миродержавного царя. Таково было первоначальное значение ступы. В современном буддизме ступа – есть предмет культа, и воздвигается, кроме того, над всякими святынями [святынями. – О. Х.], т. е. над вещами, принадлежавшими Будде или его святым, или в местах, освящённых их пребыванием. Ступы бывают различной величины и различной формы; основной тип, из которого развились эти формы, всегда почти ясен: ступа была первоначально могильною насыпью, обложенною кирпичами»¹³. В этом определении весьма тонко показано изменение значения понятия *ступа* в процессе генезиса самого феномена религиозной культуры. Выводя его из погребального холма, И.П. Минаев демонстрирует основные этапы его дальнейшего становления: появление новых, вещественных реликвий, установление связи с событиями буддийской истории, усиление культового характера памятника.

Принимая версию происхождения буддийской ступы от погребального сооружения, учёный видит её специфику в «непосредственной связи и соотношении с первоучителем»¹⁴, и отмечает, что культ священных останков Будды и воздвигаемых над ними ступ начался среди мирян¹⁵. Это соответствует современной точке зрения, но, к сожалению, при этом он неоднократно называет реликвии мощами, по аналогии с православием. В данном случае эта терминология неудачна, и об этом говорит соответствующая статья С.К. Булича: «Мощи – тела святых христианской церкви, оставшиеся после смерти нетленными»¹⁶. В отличие от христианской традиции, буддийские ступы воздвигали над *sarira* – телесными останками, *сохранившимися после кремации* и поделёнными на множество частей. Конечно, есть нечто общее и в том, и в другом религиозном явлении – это вера в особую силу, «мощь» телесных останков святых, причём каждой малейшей их частички, и отсюда схожее стремление к их разделению ради распространения и использования большим числом верующих. Но всё же различие двух явлений культуры весьма существенно, поэтому в настоящее время «шарира» называют «священными останками» или «реликвиями».

С.Ф. Ольденбургу в области истории материальной художественной культуры принадлежат несколько небольших по объёму, но весьма содержательных научных статей, в которых он определил неизвестные на тот момент сюжеты рельефов ступ¹⁷. Учёный также уделил много внимания просветительству и популяризации достижений науки своего времени. Он регулярно публиковал рецензии на издаваемые за рубежом работы, читал лекции по индийскому искусству. Черновики лекций «Введение в историю индийского искусства» и «Четыре периода истории индийского искусства» были подготовлены к печати после смерти С.Ф. Ольденбурга академиком И.Ю. Крачковским по предложению Ф.И. Щербатского, однако увидели свет в сборнике «Культура Индии»¹⁸ лишь в 1991 г., когда наука шагнула уже далеко впе-

рѐд. Анализируя этот труд, необходимо помнить, что он не предназначался автором для печати, но носил характер подготовительных материалов для учебного курса. Авторитетность имени учёного привлекает к этому изданию широкий круг читателей и даже специалистов, ссылающихся, к сожалению, на его рабочие наброски. Всё это объясняется отсутствием в отечественной литературе религиоведческого анализа истории буддийской архитектуры Древней Индии, при наличии весьма основательных искусствоведческих изданий. Поэтому необходимо указать на ряд неточностей и ошибок, содержащихся в аспектах учёного, не устранённых и не откомментированных при их публикации.

В лекциях С.Ф. Ольденбург ознакомил слушателей с типами буддийских памятников, относимых к III–II вв. до н. э. Он опирался на классификацию, данную Дж. Бергессом и Дж. Фергюссоном в фундаментальном труде «История индийской и восточной архитектуры»¹⁹, весьма неудачно изменив её. Надо сказать, что при анализе лекций С.Ф. Ольденбурга необходимо учитывать специфику жанра, не требующего ссылок и сносок, в результате чего возникает опасность приписывания автору тех заслуг, на которые он не претендовал. Более того, в представленной им схеме содержатся существенные ошибки, которых не было в использованной им работе и которые следует учитывать современному читателю.

Ступы небрежно названы «поминальными памятниками», хотя уже в начале века было известно, что не все ступы хранят в себе телесные останки, многие посвящались памятным событиям буддийской истории и могли содержать в себе священные предметы или книги, или вовсе не иметь никаких вложений. Неточно характеризуются содержащиеся в них реликвии, к ним относятся «предметы поминального и религиозного характера», на самом деле следует говорить о предметах, которыми пользовался при жизни Будда или кто-либо из последующих учителей, об этом писал, например, И.П. Минаев. Существенной неточностью в данном отрывке является неразличение понятий *ступа* и *чайтья*²⁰. Эта ошибка достаточно широко распространена и по настоящее время.

Можно было бы сказать, что С.Ф. Ольденбург разделял заблуждения своего времени, но это будет верно лишь отчасти, потому что уже в начале XX столетия существовало более адекватное представление о данном явлении. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона и посмотреть статьи, написанные профессором С.К. Буличем. В них совершенно точно даётся определение обоих терминов. Показано, что не все ступы заключали в себе священные останки, некоторые воздвигались как памятники на месте каких-нибудь замечательных событий, и что ступы могли хранить в себе священные книги и имели символическое значение²¹. Термин *чайтья* (санскр.), или *четийя* (пали) определён как имя прилагательное, применявшееся к святыне вообще: не только к строениям – памятникам, храмам, но и к священным деревьям, камням, святым местам, урочищам, изображениям, священным надписям и т. д.²²

В завершающей части лекций вновь даётся неверная информация относительно типов памятников буддийской архитектуры. Не вдаваясь в её детальный анализ, чтобы не повторять ранее сказанное по этому вопросу, укажем лишь на то, что зна-

чение символов также передано некорректно: если колесо действительно указывает на проповедь, то высказывания о том, что «...сосуд с водой означает сцену дарственной передачи, человек, пашущий на быках, указывает на сцену из жизни Будды»²³, требуют крайне критического отношения современного исследователя.

С.Ф. Ольденбург был выдающимся деятелем науки, культуры и просвещения. В исследовании буддийских памятников Древней Индии можно отметить определение содержания рельефов ступы Бхархута и описание нескольких гандхарских памятников. Остальные публикации в данной области, особенно черновые наброски лекций, следует оценить как образец просветительства и популяризации достижений мировой науки начала XX в., не обращаясь к ним на современном этапе как к источнику информации.

Ступа и буддийский монастырь

Термины *арама, сангхарамма, вихара, паривена, уваракка*

Согласно завещанию Будды, ступы должны были строиться «на перекрёстке четырёх дорог», т. е. в наиболее посещаемых местах, чтобы люди имели возможность почтить священные останки и тем самым улучшить своё духовное состояние и карму. О ступах следовало заботиться мирянам, в то время как монахи должны были стремиться только к главной цели – просветлению (Махапаринирвана сутра, V:24–31). Первые поселения монахов – *бхикшу*, нищенствующих, странствующих – носили временный характер, они создавались на сезон дождей и не представляли собой архитектурных комплексов. Никаких археологических следов этих жилищ не могло сохраниться, так как они создавались из непрочных материалов, но на рельефах ступ можно видеть располагавшиеся в рощах скромные хижины.

Первые стационарные монастыри никак не были связаны со ступой. Более того, в школах хинаяны монашеский устав специально оговаривал, что ступа должна находиться за пределами монастыря. В буддийских скальных комплексах Западных Гхат, известных со II–I вв. до н. э., жилые пещеры, являвшиеся собственно монастырём, и те, в которых имелся священный объект – ступа, были строго разграничены; они располагались на некотором расстоянии друг от друга и имели разные входы. И лишь в более поздних сооружениях происходит объединение помещений в единые комплексы, причём только в монастырях махасангхиков, в то время как тхеравадины всё ещё оставались верны первоначальным требованиям Винаи.

Изменение характера памятников с неизбежностью нашло отражение в терминологии. В буддийской литературе и эпиграфике существуют различные названия монастырей. М. Ньяммаш показал, что монастыри называются *вихара, арама, сангхарамма*. Слово *вихара* означает убежище для одного или нескольких бхикху. *Арама* когда-то обозначала лесок, рощу или парк. Так как буддийские общины обычно располагались в подобных местах, то их поселения стали называть *сангхараммы*, то есть рощи, в которых пребывали члены *сангхи*. Следует учитывать также временные и пространственные различия. В *Дипавамсе* – более ранней цейлонской хронике – для обозначения монастыря чаще используется понятие *арама*, а в более поздней,

Махавамсе – *вихара*. Китайские паломники, напротив, обычно употребляют иероглиф, который лучше всего передаётся термином *сангхарам*²⁴.

Итак, *арама*, или *сангхарам*, включала в себя *вихару*, представлявшую собой простейшие, временные жилища. В буддийских источниках сохранились сведения о преподнесении богатыми горожанами буддийской общине пригородных садов и возведении в них обителей для монахов. Ашвагхоша в *Буддхачарите* рассказывает о трёх подобных дарениях: царя Магадхи Бимбисары, куртизанки Амры, купца Анатхапиндаки совместно с царевичем Джетой²⁵.

Пещерные монастыри *ленавихара* первоначально также были весьма просты по своей структуре и оформлению. Их название происходит от двух санскритских слов: *layana* – пещера, жилая пещера, пещерный монастырь, и *vihara* – жилище монаха, монастырь. Термин *вихара* имел различное значение на протяжении истории. Потребовался определённый период исследований, прежде чем его значение было чётко обозначено. Дж. Фергюссон различал три типа *вихары*: отдельная келья как жилище для одного монаха; келья побольше с широкой верандой, которая могла отделяться деревянной перегородкой; зал, из которого монахи попадали в свои крошечные жилища. Название *вихара* относится и ко всему сооружению в целом. Кельи также назывались *паривенами*. М. Ньяммаш даёт ещё несколько названий кельи: *оварака*, *уварака*, *уйарака*²⁶. Дж. Фергюссон указывал, что многие пещерные монастыри не имели залов, а состояли только из келий, каждая из которых имела свой отдельный вход²⁷. Можно предположить, что в таких ленавихарах для проведения религиозных церемоний монахи собирались под открытым небом, в тени деревьев или скал. Однако сезон дождей вынуждал их искать убежища и для общих собраний. Очевидно, это привело к усложнению строения ленавихары.

Э. Ламотт подробно описал структуру многих пещерных монастырей. В развитой форме их центром служил зал, из которого дополнительные двери вели в кельи монахов, представлявшие собой крошечные комнатки на одного или двух человек, с каменными кроватями. В каждой двери делалось окно для поступления воздуха и света из зала, некоторые кельи имели веранды, выходившие в зал. Очевидно, зал использовался для простых церемоний, состоявших в чтении наизусть сутр и в общей исповеди, проводившейся в дни полнолуний и новолуний; монахи могли располагаться по периметру зала, сидениями им должны были служить коврики, как это можно видеть на рельефе «Поклонение Будде», где слушатели и почитатели, сидящие на специальных подстилках, со всех сторон окружают Древо Бодхи, представляющее Благословенного.

Следует особо подчеркнуть, что зал вихары не имел священного объекта, здесь не проводилось ритуалов поклонения или каких-либо других культовых действий. Совместное повторение Слова Будды было необходимо для сохранения устной традиции передачи Учения, поскольку вплоть до I в. до н. э. оно не было фиксировано письменно. Расположение келий с трёх сторон зала (кроме фасадной стены) повторяло структуру индийских селений, сформировавшуюся ещё в Индской цивилизации, когда три строения располагались таким образом, что огораживали двор, открытый с четвёртой стороны. С.И. Тюляев отмечал, что по этой схеме строились и

буддийские монастыри, и дворцы раджей: «Они имели вокруг двора веранду с выходящими в неё комнатами»²⁸. В другом варианте этой системы вокруг двора размещался комплекс отдельных построек; он изображается, например, в рельефах Бхархута²⁹.

Важно помнить, что многие ленавихары представляли собой только жилища монахов и вовсе не имели ступ. В ряде монастырей ступы возводились, но обязательно за пределами тех пещер, которые образовывали вихару: их строили либо под открытым небом, либо в специально создаваемом для этого зале, служившем храмом и имевшем отдельный вход. Тем самым соблюдалось предписание Винаи о возведении ступ за пределами монастырей. Создание специальных храмовых помещений для ступы, скорее всего, было связано с необходимостью обслуживания религиозных потребностей мирян, поскольку буддийские монастыри располагались, как правило, вдоль торговых путей и служили для караванщиков местами стоянок и отдыха, а также хранилищами товаров и казны³⁰. Укреплявшийся союз монахов и мирян требовал новых форм взаимодействия, способствовал развитию представлений о религиозной заслуге, приобретаемой путём материальных подношений сангхе, и совершенствованию культовой стороны буддизма, адресованной непосредственно мирским приверженцам Учения.

Пещерные храмы. Термины *чайтьягриха*, *четийягхара*, *тхупагхара*

Нам неизвестно, как выглядели первые наземные буддийские храмы, поскольку они не сохранились. Но в скальной архитектуре исследователи видят следы приёмов работы с деревом, из чего вытекает предположение о существовании внешнего сходства пещерных и наземных сооружений. Самые простые, вырубленные в скалах ступы имели вокруг себя небольшое пространство, обозначенное колоннами, которое как будто повторяло форму чайтьи – навеса над священным объектом. Это узкое пространство оставляло лишь возможность *прадакшины* – ритуала обхождения священного объекта посолонь. Вполне очевидно, что более сложные ритуалы в таких малых объёмах просто не могли проходить. Постепенно пространство для прихожан начинает увеличиваться и принимает форму зала, в котором ступа служит главным и долгое время единственным священным объектом и смысловой доминантой, располагаясь напротив входа. При этом ступа сохраняла вокруг себя *прадакшина патху*, обозначенную колоннами, но размыкавшимися по центру, так что была открыта взору входивших в храм; колонны разделили зал на три нефа – центральный, широкий, и два боковых, более узких. Стена за ступой сохранила полукруглую форму, образуя абсиду, а зал стал прямоугольным. Таким образом, абсида воспроизводила очертание ступы, а форма зала стала более удобной для большого скопления прихожан.

Зал, окруживший ступу – главную буддийскую святыню, получил своё название – *чайтьягриха* (санскр.), или *четийягхара* (пали). Оно происходит от санскритских слов *чайтья* – священный, и *гриха* – дом, и буквально означает «священный дом», что соответствует в русском языке понятию «храм». Термин также можно перевести буквально как «дом чайтьи», или «дом святыни». Поскольку *чайтьей* – святы-

ней – в буддизме выступает ступа, то возможна трактовка «дом ступы». Такое название существовало на пали: *тхупагхара* (пали) – «дом ступы», или «храм ступы»³¹. *Чайтьягрихой*, или *четийягхарой* называли не только пещерные храмы, но и наземные. Этот термин использовался не только по отношению к тем сооружениям, где святыней являлась ступа, но и к более поздним, где поклонялись образу Будды. Эти храмы имеют своё специальное название *pratimagriha* (санскр.), или *patimaghara* (пали) – «дом образа», но и образ Будды может быть назван чайтьей, святыней. Специфическим термином для пещерных храмов является *selaghara* – скальный храм³².

В отечественной искусствоведческой литературе названия священных сооружений буддистов указаны неточно. Особой путанице подверглось слово *чайтья*. Возможно, это произошло под влиянием англоязычной литературы. В классических трудах XIX в. этот термин использовался иногда в качестве сокращённого варианта полного перевода «чайтьягриха», передаваемого по-английски как «*chaitya hall*»³³ – «священный зал», или «зал чайтьи». Нежелание использовать понятие «храм» может быть объяснено двумя причинами, одна из них культурологическая, другая конфессиональная, но обе тесно связаны между собой. В христианском сознании храм ассоциируется с определёнными образами и символами, что, очевидно, не позволяло христианским исследователям переносить это понятие на культовое сооружение другого вероисповедания. К тому же, священным объектом этого сооружения были не образы, а размещавшееся в нём другое архитектурное сооружение. Привычная цепь ассоциаций препятствовала использованию понятия «храм» (*temple*) к недостаточно изученной на том этапе культуре. Всё же в трудах английских исследователей в общем контексте всегда понятно, какое значение придаётся термину *чайтья* в каждом конкретном случае.

В работах российских авторов путаница происходит из-за исторической полисемии понятия *чайтья*, в результате чего одним и тем же термином обозначают добуддийские святыни, пещерные храмы, ступы, и его же переводят как «святилище». Слово «святилище», широко используемое в отечественной литературе по отношению к ранним буддийским памятникам, следует признать неудачной попыткой обойти решение вопроса о переводе санскритских и палийских терминов путём употребления русского понятия со слишком широким значением. Его появление в литературе могло быть оправдано на ранних этапах изучения буддизма и его архитектуры, когда не был ещё достаточно ясен характер памятников. В настоящее время этот термин не работает, поскольку сам по себе может быть соотнесён с любым материальным культовым объектом, а не с конкретным, зримым образом. Если же такое соотнесение существует в голове исследователя, то он использует соответствующий адекватный термин.

Размытое понятие «святилище» может быть отнесено лишь к добуддийским, архаичным чайтьям, но не к мировой религии: мы не употребляем это слово по отношению к каким-либо христианским объектам, но только к «языческим», точно так же мы не можем применить его для обозначения сооружений другой мировой религии – буддизма. Употребление архаичной терминологии отражает позицию христианских миссионеров и ряда исследователей, смотревших на буддизм как на «языче-

ское верование», поскольку эта религия не является монотеистической³⁴. Наука отказалась от подобной оценки, осталось откорректировать соответствующим образом терминологию. Каждое буддийское сооружение имеет своё конкретное название, которое должно быть либо сохранено буквально, либо ему должен быть подобран соответствующий эквивалент в русском языке.

Выводы

Ступа, или *тхупа*, являясь главным культовым объектом буддистов Древней Индии, одновременно называлась *чайтья* – святыня. Ступа может быть названа чайтьей, но чайтья – это не только ступа. Слово «чайтья» означает «священный», оно является прилагательным и требует после себя существительного: священным может быть дерево, камень, роща, местность, добуддийское сооружение, посвящённое якшам, буддийская ступа, буддийский наземный или пещерный храм, солнечное окно в храме и др. Во всех этих случаях слово *чайтья* указывает на сакральный характер объекта, но не раскрывает его специфики ни по назначению, ни по внешней форме.

Ранние буддийские монастыри имели характер временных жилищ, располагавшихся в рощах, отсюда их название *сангхарамы* – роща сангхи. Стационарные монастыри получили название *вихара* от слова, обозначавшего первоначально келью монаха, а пещерные – *ленавихара*. За кельями закрепились названия *паривена*, *уварака* (*оварака*, *уйарака*). Монастыри представляли собой лишь жилища монахов и не имели внутри себя священного объекта.

Первые буддийские храмы, и наземные, и пещерные, назывались *чайтьягриха* (санскр.), *четийягхара* (пали), или *тхупагхара* (пали). Скальные имели специальное название *селагхара*. Первоначально все они возводились за пределами вихары, поэтому следует говорить не о «ступах пещерных монастырей», как пишут некоторые авторы, а о «ступах пещерных храмов». Святыней в ранних буддийских храмах являлась ступа, в более поздних – образ Будды. Любой из этих буддийских объектов – храм, ступа, образ – может быть назван *чайтьей*.

Кроме того, существовали ещё добуддийские *чайтьи* – объекты природы или созданные человеком простейшие архаичные сооружения, только по отношению к которым употребимо слово «святилище», ассоциирующееся всегда с «языческим культом», но не употребляющееся по отношению к мировым религиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Более подробно см.: Хижняк О.С. Ступы, построенные при жизни Будды // *Буддийская культура и мировая цивилизация на пороге III тысячелетия*: Материалы конференции. – СПб. – Элиста, 2000; Она же. Первые буддийские ступы: письменные и археологические свидетельства // *Буддийская культура и мировая цивилизация*: Материалы III российской научной конференции. СПб. – Элиста, 2003.

² В Индии *ступа* (санскр.), или *тхупа* (пали), называлась также *чайтья*, в Непале сохранились оба названия; на Цейлоне ступы стали называть *дагобами*, в Мьянме (Бирме) – *зеди* и *пато*, в Таиланде – *chedi* и *prani*, в Лаосе – *тхат*, в Китае – и Вьетнаме – *тха*, *бао тха*, *пагода*, в Тибете – *чортен*, в Монголии, Бурятии, Калмыкии – *субурган*.

- ³ Ступы в различных странах отличаются своей формой: полусферическая ступа сохранилась в Непале и Шри Ланке, колоколообразная форма представлена в Шри Ланке, Мьянме (Бирме), Таиланде, Камбодже, Индонезии, башнеобразные ступы можно видеть в Китае, Вьетнаме, Японии, в виде перевернутого сосуда – в Тибете, Монголии, Бурятии, Калмыкии, Туве.
- ⁴ Тюляев С.И. Архитектура Индии. – М., 1939.
- ⁵ Павлов Н.Л. Алтарь. Ступа. Храм. Архаическое мироздание в архитектуре индоевропейцев. – М., 2001.
- ⁶ Goswamy B.N. Introduction speech: the stupa – some uninformed questions about terminological equivalents // *The Stupa. Its Religious, Historical and Architectural Significance*. Wiesbaden, 1980. – P. 1–11.
- ⁷ Chandra L. Introduction // Tucci G. *Stupa: Art, Architectonics and Symbolism*. – Indo-Tibetica. I. – New Delhi, 1988. – P. V–XXIX.
- ⁸ Интересно было бы провести филологический анализ понятий с корнем «ступ» в русском языке. За отсутствием такового в настоящее время в российских изданиях, ограничимся лишь предположительным указанием на слова *ступени, стона, стонка* – возможно, и ряд других – и, наконец, *ступа* как предмет домашнего обихода или химической лаборатории, имеющий форму зеркальную по отношению к культовому сооружению – не перевернутой, но уже открытой чаши. Возможно, что филологический анализ раскрыл бы и некие новые для нас явления культурологического характера.
- ⁹ Chandra L. *Opus cit.* – P. XIV–XVI.
- ¹⁰ Snodgrass A. *The Symbolism of the Stupa*. – Ithaca, 1994. – P. 156–157.
- ¹¹ Минаев И.П. Дневники путешествия в Индию и Бирму. 1880 и 1885–1886 / Вступит. ст. акад. А.П. Баранникова. – М.: Изд-во АН СССР, 1955; Минаев И.П. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского. – Ч. I–II. – СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1878. В приводимых далее цитатах мы сохраняем авторское написание терминов, имён, географических названий.
- ¹² Минаев И.П. Буддизм. Исследования и материалы. – Т. I. – Вып. 1. – СПб., 1887. – С. 182. – Примеч. 3.
- ¹³ Минаев И.П. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского. – Ч. I–II. – СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1878. – С. 30.
- ¹⁴ Минаев И.П. Буддизм. Исследования и материалы. – Т. I. – Вып. 1. – СПб., 1887. – С. 183.
- ¹⁵ Там же. – С. 167.
- ¹⁶ Булич С.К. Мощи // *Энциклопедический словарь* / Ф.А. Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Ефрон (Санкт-Петербург). – СПб., 1897. – Т. XX.
- ¹⁷ Ольденбург С.Ф. Заметки о буддийском искусстве // *Восточные заметки*: Сб. факультета восточных языков. – СПб., 1895; *Он же*. Сцена из легенды царя Ашоки на гандхарском фризе // *ЗВОИРАО*. – Т. IX. – СПб., 1896. – С. 274–275; *Он же*. Три гандхарских барельефа с изображением Будды и пага Alalala // *ЗВОИРАО*. – Т. XIII. – СПб., 1901; Ольденбург С.Ф., Ольденбург Е.Г. Гандхарские скульптурные памятники Государственного Эрмитажа // *Записки Коллегии востоковедов*. – Л.: Изд-во АН СССР, 1931. – Т. V. – С. 145–186.
- ¹⁸ Ольденбург С.Ф. *Культура Индии*. – М.: Наука, 1991.
- ¹⁹ Fergusson J. *History of Indian and Eastern Architecture*, revised by J. Burgess. – London, 1910. – Vol. 1. – P. 54–55.
- ²⁰ Ольденбург С.Ф. Указ. соч. – С. 225–226.
- ²¹ Булич С.К. Ступа // *Энциклопедический словарь* / Ф.А. Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Ефрон (Санкт-Петербург). – СПб., 1901. – Т. XXXI-A.
- ²² Булич С.К. Чайтъя // *Там же*. – СПб., 1903. – Т. XXXVIII.
- ²³ Ольденбург С.Ф. Указ. соч. – С. 232.

²⁴ Ньяммаш М. Развитие буддийских ступ и вихар в Декане (в I–IV вв. н. э.) // *Вестник древней истории*. – № 4. – 1972. – С. 43–44.

²⁵ Аивагхоша *Буддхачарита*. – М., 1990. – С. 174–185, 208–209.

²⁶ Ньяммаш М. Указ. соч. – С. 48.

²⁷ Fergusson J. *Opus cit.* – P. 170.

²⁸ Тюляев С.И. Искусство Индии. III тысячелетие до н. э.– VII в. н. э. – М.: Искусство, 1988. – С. 36.

²⁹ Тюляев С.И. Указ. соч. – С. 330.

³⁰ Косамби Д. Культура и цивилизация Древней Индии. – М.: Прогресс, 1968. – С. 190.

³¹ Mitra D. *Buddhist monuments*. Archaeological Survey of India. – Calcutta, 1971. – P. 41.

³² Ньяммаш М. Ук. соч. С. 48.

³³ Fergusson J. *Opus cit.* – P. 140.

³⁴ Эта позиция всё ещё остаётся в сознании людей, не имеющих запаса знаний в области востоковедения и буддологии. Достаточно указать на то, что до недавнего времени даже интеллигентные люди называли Буддийский храм в Санкт-Петербурге «буддийской кумирней», что полностью воспроизводит отношение православных священнослужителей к возведению буддийского храма в начале XX в. в столице Российской империи.

Т.П. СЕЛИВАНОВА

(Кафедра индийской филологии Восточного факультета СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

АРМИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ КАШМИРЕ

Армия является важным элементом государственного аппарата. Это тот инструмент, с помощью которого решаются серьёзные внешнеполитические и внутренние проблемы страны. Причём действия армии не ограничиваются чисто военной областью, они неразрывно связаны со сферой социально-политических отношений. Авторитет древних трактатов освящает предназначение царя, его сакральную роль хранителя дхармы внутри страны и защитника страны от посягательств иноземцев. Армия – необходимый для этого инструмент. Открытое применение силы – война. Это последнее средство в политике, которое применяется крайне осмотрительно, когда все другие (переговоры, подкуп, интриги) уже использованы для поддержания порядка. Основные сведения по домусульманской армии в Кашмире содержатся в «Раджатарангини»¹ Калханы (XII в.), уникальной для Индии поэме-хронике, которая использует более ранние хроники и свидетельствует о существовании в Кашмире непрерывной историографической традиции. Назначение армии определяло её структуру, основными элементами которой были, судя по «Раджатарангини»: 1) постоянная царская дружина; 2) наёмники; 3) провинциальные войска, постоянно дислоцировавшиеся в крепостях и других стратегически важных пунктах (например, в горных проходах) и при военной надобности пополнявшиеся; 4) феодальные дружины, использовавшиеся царём в особых случаях; 5) ополченцы, которых набирали в крайних социально-политических обстоятельствах.

В обороне страны большую важность имели укрепления. Отличной естественной защитой служил уже сам горный рельеф. Очень выигрышным для защиты было то, что доступ в страну был только через узкие горные проходы, которые легко пе-

рекрывались при наличии военной угрозы. Недаром завоеватели обходили Кашмир стороной.

Географические условия страны определили существование пехоты как главной воинской силы. Совершенно понятно, что в условиях горного Кашмира не было места применению слонов и колесниц, которые составляли такую важную часть войска в равнинной Индии. Конница тоже могла использоваться лишь очень ограниченно. Но всё же, увлечение лошадьми привело к формированию кавалерийских отрядов. По крайней мере, в поэме упомянут командующий конницей (VII, 766). Первое время конница была привилегией царского войска, но вскоре царские соперники тоже обзавелись лошадьми.

Из вооружения и военной техники в поэме упомянуты мечи, палицы, луки и стрелы, катапульты (VIII, 762, 2527 и др.).

Большая часть сведений об армии содержится в 7-й и 8-й книгах «Раджатарангини». Дважды без пояснений упомянуты 18 подразделений или родов войска. В конце XI в. среди попавших в плен воинов царя Харши были в большом числе раджи, раджпуты, всадники, тантрины, саманты из 18 разрядов войска (VII, 1513, 1371). В Древней Индии войско состояло из четырёх частей (чатуранга): пехоты, колесниц, конницы и боевых слонов; иногда к этому добавлялось ещё два элемента: военачальник и мастерские из обозов (VII, 185)². А.Стейн предлагал сравнить упомянутые 18 разрядов с данными «Амаракоши» (VII, 1371, примеч.). Однако в этом словаре приведены не названия видов войска, а термины для войсковых формирований различных уровней (ср. отделение, взвод, рота и пр.), причём всего дано только одиннадцать названий³; остаётся непонятным, имеются ли в виду в «Раджатарангини» подобные же войсковые формирования, или войска различаются по социальному положению (раджпуты, саманты, ополченцы и пр.) и роду (пехота, конница и др.).

Долгое время основу войска составляли, по-видимому, феодальные дружины. В «Раджатарангини» постоянно упоминаются феодалы-саманты и мелкие правители со своими войсками. Саманты имели земельные владения на условиях поставки войска в случае надобности. В середине VIII в. в правление Джаяпиды, предпринимавшего крупные военные кампании за пределами Кашмира, в составе царской армии упоминаются войска многочисленных вассальных правителей. Вместе с царём эти правители (нрипа) отправились на завоевание чужих земель, но скоро их войска отказались следовать за «господином» (свамин). Царь распустил этих правителей (бхупати) по своим землям (бху) и «с небольшим личным войском двинулся дальше» (IV, 404–414). Как видим, само царское войско было лишь ядром, а основную силу составляли войска вассалов, поддерживавших сюзерена. За отсылкой этих войск проглядывает серьёзный конфликт между этими двумя сторонами. Известно, как непросто порой было царю уговорить вассалов на военные действия: цари специально устраивали для вассалов пиры, богато, не считаясь с расходами, одаривали их; помимо прочего, это должно было поддержать необходимый для них престиж сюзерена. Вассалы кашмирских правителей достаточно разнородны. Среди них есть такие цари, которые сами приходили на службу к царю Кашмира (IV, 492); правители (наранатха), отряды которых вливались в царскую армию в результате завое-

вания их территорий (V, 1–10); второстепенные племенные правители с окраин, стремившиеся получить покровительство. К последним можно отнести вождей трипа, которые вместе с подчинёнными им чандалами, приниженной социально-этнической группой, охраняют по ночам армию упомянутого выше царя Джаяпиды, по-видимому, не участвуя в военных действиях (IV, 516).

С начала X в. существенной силой в войске кашмирского правителя становятся выдвинувшиеся снизу землевладельцы-дамары, войска которых упоминаются вплоть до времени написания поэмы как решающая военная сила государства. Они поддерживают то правителя, то претендентов на престол и являются основной причиной нестабильности в стране. Закрепиться при дворе на высоких постах им мешает их низкое происхождение.

Хроническая смута в стране, когда вассалы то и дело меняют хозяина, приводит к тому, что с начала XI в. возрастает роль наёмников на службе кашмирских царей. Тем более, что набрать войско в Кашмире всегда было нелёгкой задачей. Касаясь характера кашмирцев, источники единодушно отмечают их талант к ремёслам и полное отсутствие воинского мужества, доходящее до открытой трусости в бою. Много примеров тому даёт «Раджатарангини». Автор не упускает случая высмеять неисправимую трусость и пустое бахвальство кашмирских солдат (VII, 57, 85, 118; VIII, 324, 340, 2251 и т. д.).

Не исключено, что наём войска или приглашение военных специалистов имели место и до XI в., во всяком случае, в имени министра Чанкуна можно видеть отражение китайского слова, означающего «генерал», а в его носителе подозревать тюрка (IV, 211, примеч). И всё же основной силой наёмники стали в XI в. при царе Харше. Раджпуты, которые упоминаются в царском войске, войсках самантов и царских соперников чаще других, были, по-видимому, в своём большинстве выходцами из Раджпутаны или Пенджаба.

Порой они до того усиливались, что «вели себя, как цари» (VII, 542). Калхана называет их бандами наёмников, которые разоряют страну (VII, 368, 555 и др.). Наёмники рекрутируются из самых разных областей: из долины Инда, Раджагрихи, Магадхи (VII, 1149, 1501, 1868), часто упоминаются кхашы (VII, 979, 1302; VIII, 2007 и т. д.), яваны (VIII, 2264), турушки (VII, 1149), к которым особенно благоволил Харша. Возможно, что турушки, которые упомянуты как капитаны сотен, под своим командованием имели местных жителей и выступали как специалисты военного дела – военачальники. Во многих случаях, однако, иноземцы нанимались на военную службу целыми отрядами. Это относится, прежде всего, к раджпутам, а также к тем принцам, которые уходят из Кашмира вместе со своей пехотой и конницей (VII, 639). Практика найма иноземцев на военную службу продолжалась и после написания «Раджатарангини». В XIV в. именно тибетские принцы, которые были на военной службе в Кашмире, совершили переворот и узурпировали трон с помощью тибетских солдат⁴.

Из кашмирских жителей в войске упоминаются этнические меньшинства и низкокастовые: кхашы, домбы, чандалы, швапаки и пр. Видимо, они были лучшими воинами, чем собственно кашмирцы.

Появление в X в. отрядов тантринов и экангов (подробнее о них см. ниже) можно расценить как создание отборных частей воинов-профессионалов из местных жителей.

О воинской повинности свободного крестьянства в поэме не упоминается. Крестьянское ополчение созывалось лишь в случаях крайней военной надобности. Например, царь Джаяпида изгнал узурпатора, прибегнув к помощи «деревенских жителей и лесных людей» (IV, 474). В числе их был отличившийся в битве деревенский чандала (IV, 475–478). Однажды в поэме упоминается деревенский воин (грамашастрабхрит), который впоследствии вышел в министры (VIII, 576). Но это скорее гарнизонный солдат, занятый на охране укрепленной деревни, ведь в поэме не раз заходит речь о сельских крепостях; говорится, например, о начальнике крепости (коттеша) в деревне Гандхарвана (VIII, 2194) и крепостном гарнизоне (VII, 965).

Если крестьяне и призывались в армию, то не для солдатской службы, а для хозяйственной надобности. Такие работы, выполняемые крестьянами, могли быть разновидностью трудовой повинности. В поэме рассказывается, как во время военной кампании царя Джаясимхи на берегу реки в лесной местности в короткий срок был срублен «плотниками и другими группами ремесленников» лагерь для большой армии (VIII, 2509). Надо думать, что число этих ремесленников было достаточно большим и среди них были сельские жители.

Транспортировка грузов для нужд армии тоже требовала в горных условиях множества рабочих-носильщиков. Автор говорит, что в армии Джаяпиды, выступившей на завоевание соседних стран, было 80 тысяч носилок. При всей завышенности этой цифры не вызывает сомнения то, что обеспечение армии носильщиками могло идти только за счёт принудительного труда сельского населения. Доставка фуража для конницы тоже порой бывала проблемой. Во всяком случае, в заслугу царю Суссале Калхана ставит то, что он семь месяцев обеспечивал конницу, стоявшую в соседней Раджапури, кашмирским фуражом благодаря хорошо организованной доставке (VIII, 629), которую также можно объяснить в свете вышесказанного не иначе как использованием крестьянского труда.

Набор городского ополчения, по-видимому, бывал нечасто: есть лишь одно свидетельство. Царь Суссала (XII в.) «повсюду показывает деньги, и даже ремесленники и возчики берутся за оружие» и тренируются на улицах города (VIII, 727).

Содержание войска, его оплата были весьма разорительной статьёй царских расходов. Например, тот же Суссала «тратил несметные суммы на войска, выдавая им походное жалованье, вознаграждение и снаббья» (VIII, 741). По-видимому, жалованье наёмникам выплачивалось из казны, как деньгами, так и натурой. Турушки получали жалованье деньгами: «деньги на пропитание» (пошайадхана: VII, 1149). Пехотинцы-тантрины разбогатели на продаже зерна, из чего можно предположительно вывести, что их жалованье составлялось в основном из натурального довольствия. Не исключено, что военачальники провинциальных гарнизонов получали право на сбор налогов с близлежащей округи. Существенной частью доходов воинов и военачальников было вымогательство походного жалованья (правасадхана, права-

савитта), хотя зачастую, получив его, войска не покидали пределов столицы и её окрестностей (VII, 1457; VIII, 757, 807–810).

При недостатке средств царю и министрам приходилось собирать займы (рина) с зажиточных кашмирцев, например, на формирование пехоты, причём, как отмечает автор, эти займы брали и у тех, «кто разбогател неправедными способами» (VII, 367). В трудных обстоятельствах цари векселями расплачивались с тантринами, отдавая налоги на откуп, чтобы расплатиться по этим векселям (V, 275).

Прежде всего, именно военные расходы приводили страну к таким тяжёлым экономическим кризисам, когда царям, чтобы удержаться у власти, приходилось конфисковывать храмовые богатства всех сортов: земли, храмовую утварь, деньги. В некоторых случаях такое изъятие считалось временным займом. В поэме сообщается, что после успешного военного похода царь Лалитадитья вернул храму Шивы в одиннадцать раз больше денег, чем брал, выступая на войну (IV, 189). Особенно отличился разорением храмов и приверженностью к наёмникам царь Харша (XI в.), который за это получил прозвище «турушка», то есть «неверный», «мусульманин» (VII, 1095).

В поэме нигде не говорится о налоге на содержание войска, который известен из «Артахаштры»⁵, зато упоминается «возмущение из-за расквартирования войск» на территории Ураши (V, 217). Здесь речь, конечно, идёт о малоимущем населении, которое страдало от постоя.

В некоторых случаях в поисках личной выгоды от захваченной у врага добычи и для поднятия собственного престижа в глазах окружающих министры собирали войско на свои собственные средства и предпринимали военные операции (VI, 596). «Министры со своими войсками» упоминаются неоднократно (например: VI, 125; VIII, 2015). В некоторых случаях в таком содержании «своего войска» можно видеть вассальную обязанность министра по отношению к царю. Следует упомянуть и о том, что министры участвуют в походах иногда вместе со своими родственниками (VI, 230), вместе с роднёй они держат высшие военные и прочие высокие должности, как род Кака, который длительное время сохраняет за собой должность главнокомандующего и другие посты (VII, 1311; VIII, 180). Таким образом, можно констатировать клановое участие таких родов в управлении.

Второй особенностью кашмирской армии было и то, что видную роль в ней играли брахманы. Автор не раз восхваляет их военное искусство и храбрость в битвах (VIII, 1345, 2319–2330, 3018). Поэма рассказывает о том, что «прославленный храбростью брахман Ракка» жил в доме дамары Санграхи, «царь заметил его храбрость в бою, когда он был простым пехотинцем» и даровал ему пост главного министра (V, 424–425).

Неправомерно считать, что из-за своих военных занятий брахманы «утратили святость» и перестали влиять на ход дел в стране. «Облечённые святостью» брахманы – члены храмовых корпораций, никогда не теряли влияния на политическую ситуацию. Однако, как выше отмечалось, экономические трудности вели к тому, что храмы в Кашмире подвергались притеснениям, как нигде в Индии.

В поэме названа должность главнокомандующего – кампана, кампанеша, кампанадхипа. Иногда он действительно возглавляет военные действия (VI, 230; VIII, 661).

Однако обращает на себя внимание тот факт, что этот термин употребляется и во множественном числе (VIII, 2201), т. е. обозначает просто «военные начальники». Кроме того, у такого должностного лица может быть сразу несколько высших должностей (VIII, 1982). Если царь не командует войском сам, он поручает руководство им зачастую вовсе не тому, кто является главнокомандующим к моменту войны, а вновь назначенному лицу из придворных. В поэме говорится, как в сложной обстановке никто из испуганных министров не принял от царя Харши должности главнокомандующего, только после многократных царских просьб нашёлся придворный, который согласился возглавить войско (VII, 1362–1363). Порой главнокомандующий оказывается в стороне от битвы, хотя и присутствует на поле боя (VIII, 752).

О дандаянке – главе полиции при Харше, сказано, что он «медлил собирать войско», и Харша послал с армией другого чиновника (VII, 1305). Видимо, в данном случае дандаянк был ответственен за военную кампанию. Высшие чиновники были обязаны следить за порядком во вверенных им областях. Градоначальник получает приказ подавить волнение в столице (VIII, 814), под его командованием находятся министры, которые явились с войском, а также саманты, всадники, тантрины, горожане (VIII, 837–838).

Начальник горных проходов, который одновременно является главой ведомства падагры, послан атаковать врага в сопровождении множества самантов (VIII, 1964). Кстати отметим, что этот же чиновник в других обстоятельствах собирал налоги (VIII, 2224). То есть обязанности такого чиновника не фиксированы, он действует по личному распоряжению царя в той сфере, которая в данный момент требует внимания.

Таким образом, в руках одного чиновника может быть сосредоточено военное, полицейское, финансовое и административное руководство. Большую роль играет здесь связь «начальник – подчинённый» с явной примесью личных, вассальных отношений. Такая нечёткость в компетенции должностных лиц вела к соперничеству: во главе армии был отправлен один из придворных, все люди готовы к тому, что другой дварапати примет это как унижение и покинет свой пост. Этого не произошло, и автор поэмы адресует свои похвалы этому человеку (VIII, 2501–2503).

Среди главных военных группировок в хронике выделяются дамары, раджпуты, тантрины и эканги. «Раджатарангини» даёт важные сведения о двух военных группировках, неизвестных по другим источникам. Это тантрины и эканги. Впервые они упоминаются в правление царицы Сугандхи примерно под 904 г.: «В это время группа пехоты-тантринов [тантрипадати] оформилась как объединение [самхати] достаточно сильное, чтобы смещать или поддерживать правителей. Затем Сугандха правила два года, опираясь на экангов, и при дружественном отношении тантринов» (V, 248–249). О тантринах часто упоминается в связи со следующими правлениями, но самой влиятельной группировкой они, как и эканги, были в течение всего трёх десятилетий.

Тантрины-воины, однако, это пехотинцы особого рода, так как помимо них действуют и просто пехотинцы, роль которых в политической жизни вовсе не отмечается. В тексте поэмы тантрины противопоставляются всадникам (VII, 1513; VIII, 932, 937) и называются среди самых влиятельных группировок: министров, феодалов-

самантов, мелких правителей (V, 431; VI, 132; VII, 1514; VIII, 838 и др.). На том основании, что тантрины упоминаются в качестве дворцовой охраны (VIII, 303), А. Стейн считал их гвардейцами (V, 248, примеч.). Вместе с тем, тантрины принимали участие и в военных действиях: в конце XI в. их посылали для подавления мятежа (VII, 1457). Численность тантринов должна была быть значительна. Так, упоминается, что в одном из сражений пало 4 или 5 тысяч из них (V, 334).

Нет оснований рассматривать тантринов как этническую группу. Сообщается, например, что у некоего Рады – узурпатора трона, «были два родственника-тантрина Батта и Патта» (VIII, 345). Остаётся считать, что сам Рада тантрином не был. Мнение Г. Вильсона о том, что тантрины и эканги – это татары и афганцы⁶ представляется неприемлемым. Оно основано на фонетической близости названий тантринов и татар и на априорном допущении проникновения татар и афганцев в это время в Кашмир. Однако имя тантринов сохранилось в названии современного крама (этно-кастовой группы) тантре. Можно считать, что в историческом прошлом имело место оформление тантринов в касту, причём начало формирования касты хронологически могло совпадать с периодом наивысшего расцвета тантринов.

Неоднородность социального состава тантринов очевидна. Некоторые из них относятся к знатым (вишру) семействам (V, 336), упоминаются важные (пра-мукхья) тантрины (VIII, 597). Напротив, судя по родственным связям, тантрины Ватта и Патта невысокого происхождения (VIII, 345).

Касаясь организации тантринов, Калхана с особой эмоциональностью подчёркивает проявление единодушия и сплочённости тантринов (V, 337).

В целом же, роль объединения тантринов и экангов в политической жизни страны в это время трудно преувеличить. Вместе с министрами и самантами тантрины и эканги входят в Совет, избирающий кандидата на трон (V, 250), в этом же составе они осуществляют опеку над малолетним правителем. Пользуясь своей силой, тантрины сажают на трон угодных им лиц или отвергают негодных (V, 287, 295 и др.). Калхана говорит, что их интересует лишь нажива, и добродетельный правитель не сможет добиться популярности у тантринов (V, 294). «Цари, работая перед тантринами и предлагая всё большие взятки, вытесняли друг друга, как деревенские чиновники» (V, 265). Добиться трона можно было, только дав тантринам большую взятку, чем соперник (V, 295, 297, 304), причём тантрины не гнушались кровавыми переворотами и заговорами (V, 431; VIII, 303). Цари не имели никакого авторитета, они «как черви» перед всемогущими тантринами.

Тантрины получали жалованье из казны. Ко времени их расцвета относится сообщение о том, что слабые правители «держались раздачей векселей [хундика] тантринам» (V, 266). Это приводило к тому, что, например, царь Партха «назначал министром того, кто продажей подданных собирал суммы, требуемые для оплаты векселей тантринам» (V, 275). Есть свидетельство, что во время голода 917 г. «царские министры и тантрины разбогатели на продаже запасов риса по высоким ценам» (V, 274). Если оставить в стороне версию о расхищении государственных запасов зерна, можно предположить, что хотя бы частично жалованье тантринам (как и министрам) выплачивалось натурой. Никаких свидетельств о наделении их землёй нет,

более того, оплата векселями должна исключать такую возможность. Уже упоминалось, что для проведения военных кампаний тантрины получали дополнительные средства (VII, 1457).

Безраздельному господству тантринов был положен конец, когда в противовес им на арену выступили эканги, «усилившись и сплотившись» в 914 г. (V, 259), и после неоднократных столкновений привели тантринов к поражению. Со свойственной автору непоследовательностью после обвинений тантринов в предательстве и корысти он заключает рассказ об их поражении хвалебным восклицанием: «Тантрины, объединившись, были вознесены [судьбой] и объединённые встретили свой конец. Кто не позавидовал бы им!» (V, 337). В 923 г. Чакраварман при помощи экангов разбил тантринов и занял престол (V, 338–341).

Сведения об экангах более скудны. В других источниках этот термин не встречается, а в «Раджатарангини» мы находим всего 19 упоминаний об экангах, по которым невозможно судить о них сколько-нибудь определённо. Слово эканга состоит из двух компонентов: ека – «один», анга – «часть, член тела». Термин этот, скорее всего, нужно рассматривать в сопоставлении с термином «чатуранга», которым в Индии обычно обозначали армию, состоящую из четырёх родов войск: пехота, конница, колесницы, боевые слоны. Таким образом, «эканга» можно понимать как особый род войска.

Эканги – это формирования особого назначения. Некоторые исследователи считают их телохранителями, судя по той роли, какую они играют при высокопоставленных особах⁷. В отличие от тантринов, эканги не совершают измен, сохраняют свою верность до конца, проявляют особую стойкость (VI, 244; VII, 94, 155). «Когда вся армия на стороне мятежника, только эканги и кавалерия верны царю» (VII, 155).

Есть два свидетельства о связи экангов с ведомством акшапатала: «Увидев израненных экангов, царь Ананта освободил их от неопределённой [неустойчивой] зависимости от акшапаталы, дав им фиксированное жалованье [вилабдхистхавара]. Так, там он даровал слугам в награду за службу 96 кроров динаров» (VII, 161–162). В другом месте сообщается, что царь Харша в критический момент идёт в акшапаталу, чтобы собрать экангов и всадников (VII, 1604). Само назначение ведомства акшапаталы не вполне ясно. Можно лишь предполагать, как делает А. Стейн, что оно связано со сбором налогов с земель (VII, 161, примеч.). Здесь, во всяком случае, происходит оформление дарственной грамоты на землю (V, 397–398). Тогда экангов можно сравнить с полком, который при поддержке сипаев из действующей армии собирал налоги в Кашмире в XIX в. Приведённое выше свидетельство содержит также сведения об изменении формы оплаты экангов: «вилабдхистхавара» может означать выплату из казны заранее установленных на содержание сумм, тогда как неопределённость, неустойчивость зависимости от акшапаталы могла происходить потому, что размеры доходов от налогообложения подвержены колебаниям.

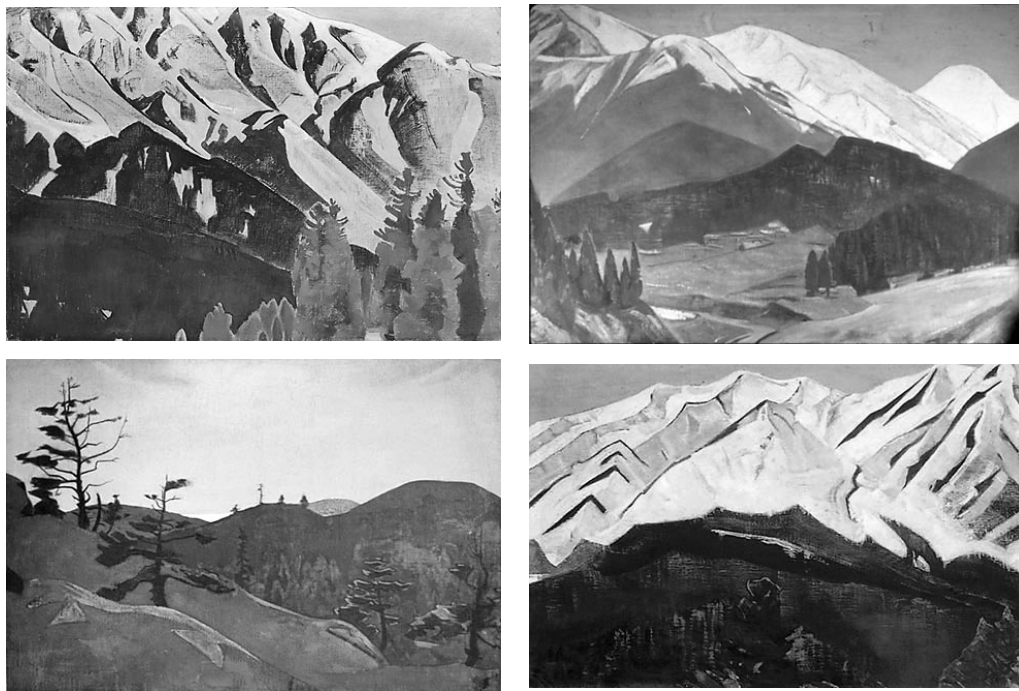
О численности экангов нет сведений, кроме единственного упоминания, что 30 из них погибли во время дворцового переворота. Тот факт, что в период соперничества тантринов и экангов верх, как правило, одерживают тантрины, может свидетельствовать о численном превосходстве последних.

Эканги вместе с тантринами принимают участие в Совете по выбору престолонаследника (V, 250). Можно считать, что министры, саманты, тантрины и эканги составляли своеобразный регентский Совет. Им поручали своих малолетних наследников умирающие цари (V, 446; VI, 90–91, 121). Соперничая друг с другом, эканги и тантрины возводили на трон несовершеннолетних детей (V, 255; VII, 135). В 904–906 гг. они совместно поддерживают царицу Сугандху, но затем начинается тридцатилетнее соперничество этих двух групп, приводящее к частым военным столкновениям. Для характеристики этого бурного времени можно указать, что за 30 лет на троне сменилось 10 правителей. Несмотря на явное преимущество тантринов, эканги целые 10 лет с 923 г. удерживали на троне своих ставленников. В это время без поддержки экангов претендент терял всякую надежду на власть.

Следует указать ещё на одно важное обстоятельство. Об одном из экангов в поэме говорится, что он был из рода Суйи, т. е. из рода чандалы, прославившегося осушением долины. Он провинился по неосторожности, царь избил его, сорвав с него одежды, оскорблённый, он обрил голову и стал аскетом (VI, 133–135). Как видно, низкое происхождение не помешало человеку стать экангом, войти в разряд людей, определявших положение в стране. Как тантринов, так и экангов следует отнести к военно-феодальным группировкам, которые составляли особые военные подразделения правителей, за свою службу получали долю совокупного государственного дохода. Эти группировки, обладая военной силой, оказываются способными действовать в корыстных интересах и, по сути, держать власть в стране до тех пор, пока на смену им не приходит вновь появившийся слой крупных феодалов-дамаров, разбивших объединённые силы экангов и тантринов в 936 г. (V, 328).

Так недолго просуществовавшие на вершине власти военные группировки экангов и тантринов можно рассматривать как военную элиту. Тантрины – это гвардия, особо приближённая к царю, которая изначально не подчинялась (или не вполне подчинялась) военному командованию. При слабых правителях тантрины быстро воспользовались своим положением в корыстных целях, став силой, опасной для царей, у которых появился небольшой новый отряд телохранителей. Эти две военные группировки вступили в кратковременное, но ожесточённое соперничество.

В связи с географическим положением Кашмира особо важную стратегическую роль играли сторожевые пункты – заставы у горных проходов. Чаще всего они называются дранга, что в переводе обозначает «горный проход». Такие заставы выполняли две главные функции: охрану горных проходов и сбор таможенных пошлин. В «Раджатарангини» они упоминаются постоянно, в редких случаях синонимом к «дранга» выступает «дхакка», и довольно часто – «двара». В эпиграфике «дранга» довольно часто обозначает денежную единицу – монету драма, от греческого «драхма». Быть может, название денежной единицы позже было перенесено в Кашмире и на название самого пункта сбора таможенных пошлин, что может служить косвенным свидетельством того, что пошлины часто собирали деньгами. Поскольку такие пункты находились в Кашмире у горных проходов, оба названия (дранга и двара) стали использоваться здесь синонимично.

Н.К. Рерих. Серия «Пир Панджал». 1925. Собрание Музея Николая Рериха (верхняя картина слева) и частная коллекция в Нью-Йорке (остальные полотна).

До сих пор эти слова сохранились в названиях населённых пунктов. Ещё Бируни упоминал «город – сторожевой пост Двар», расположенный у горного прохода по обеим сторонам реки Джелам, а также город Барамулу⁸. А. Стейн идентифицировал последний как древнюю Варахамулу, развалины двары у городка Варахамула местное население называет Дранга. Так же называется и современная деревня у Тошамайданского горного прохода, где А. Стейн нашёл две наблюдательные башни. Это, по его мнению, дранга Каркота в «Раджатарангини». Ещё одна нынешняя деревня Дранга с развалинами башен близ неё расположена у входа в долину реки Кишанганги (VIII, 2507, примеч.).

У перевала Пир Панджал находился богатый город Шурапура, который вырос на месте заставы, несомненно, благодаря оживлённой торговле, которая шла через этот пункт (V, 39). В хронике Шривары Шурапура несколько раз упоминается как таможня (шулкастхана), где султан Зайн-уль-Абидин поселил носильщиков из Абхисары⁹. Следовательно, этот город с течением веков не терял значения таможенного пункта и торгового центра, нужды которого и потребовали постоянного присутствия большого числа носильщиков для перемещения грузов.

Во главе таких дранг-таможен стоял начальник дрангадхипа или дрангеша. В поздних хрониках он называется маргеша. При Великих Моголах это наследственная должность маликов – владельцев окрестных земель. Возможно, что уже задолго до Моголов владение этими землями давало повод претендовать на командование дрангой. В XII в. мятежный дамара Коштхешвара захватил дрангу близ Лохары и стал собирать таможенный налог в свою пользу (VIII, 2010).

Не исключено, что дрангадхипа ведал в основном таможенными делами, а военная власть находилась в руках командующих горными проходами дварапати. Должности дварапати упоминаются среди самых важных государственных должностей. В их руках сосредотачивалась большая власть. Они отвечали за безопасность границ страны, по их приказу перекрывались горные проходы не только при опасности извне, но и при необходимости перекрыть пути отступления внутренним врагам (VII, 912). Дварапати особенно следили за безопасностью крепостей, отставляли их от врагов и изгоняли нежелательных владельцев укрепленных мест (VII, 966, 1172, 1177). Они осуществляли исполнительную власть, например, приводили в исполнение смертный приговор на приграничной территории (VII, 1172).

Вероятно, дварапати зачастую был полновластным управителем пограничной местности, осуществлял административный контроль и имел частичную судебную власть. Обычным было и злоупотребление такой большой властью. Дварапати – современник Калханы, «подавил страну штрафами» (VIII, 2193), правда, в его руках была и должность главы ведомства падагры, которая тоже давала возможность злоупотреблять властью. Честного дварапати Калхана хвалит за то, что тот не захватывал для себя различных чужих запасов (VIII, 1927). Ведая границами, дварапати мог быть лицом, которое из корысти потворствует врагам и получает жалованье с двух сторон. Таких двурушников Калхана считал особенно опасными на дорогах Кашмира (VIII, 2283). Иногда враги царя, в частности дамары, тоже назначали со своей стороны дварапати. Так, дамары дали эту должность перебежчику (VIII, 790). Может быть, именно из-за недоверия к соотечественникам царь Суссала поставил на эту должность чуждого местным распрям иноземца (VIII, 1042). Однако были и непреклонные дварапати, которых не соблазнили посулы врагов, деньги, почести и прочее (VIII, 1927–1929).

Дварапати выступал порою административным правителем данной местности и по существу оказывался вассалом своего правителя. Он снаряжал собственное войско и предпринимал военные кампании «на свои средства». Так, на собственные средства захватил неприступную крепость дварапати Кандарпа (VII, 596), а когда он оставил свой пост, то другой человек собрал наёмников на свои средства и получил этот пост для брата, т. е. таким образом купил этот пост (VII, 596–599). Как видно, определённый имущественный ценз был необходим для получения этого поста.

Дварапати был подчинён главнокомандующему армией, но иногда эти две должности соединялись в руках одного влиятельного чиновника: в XII в. махаттама Сахела был одновременно дварапати и главнокомандующим (VII, 1319). Видимо, в одно время было несколько дварапати, вероятно, по числу горных проходов, так как в VII таранге друг за другом упоминаются три дварапати, что не объяснить быстрой

их сменой, хотя должностное положение в Кашмире и было неустойчивым (VII, 966, 1172, 1177, 1319, 1361).

«Раджатарангини» не даёт нам сколько-нибудь подробного специального описания воинского этикета, о нём можно судить по мозаике различных его упоминаний, которая позволяет представить общую картину иерархического устройства общества. Например, из хроники не известно, как оформлялись отношения сюзерен – вассал, хотя большая её часть касается как раз войн с соседями, многократно упоминается расширение земель за счёт соседних территорий, отношения с мелкими и крупными землевладельцами и мелкими правителями кашмирских земель. Частым сюжетом является приём в царском дворце подчиненных правителей, некоторые живые детали его описания позволяют судить об отношениях присутствующих. В частности, упоминаются жесты, означающие подчинение: вассальных принцев вводят сановники, положив им на шею руку; для каждого из них есть место при царе, на которое они садятся в строгом соответствии с придворной иерархией. Желая подчеркнуть особую расположенность, царь оказывает милость, протягивая бетель придворному своей рукой или посылая бетель к нему на дом.

знаком подчинения является тюрбан, намотанный на шею и туфля, поставленная на голову. Так, сообщается, что в XI в. царь Ананта, вопреки воле министров, передал трон своему недостойному сыну Калаше. После коронации один из придворных, представляя принцев в царском собрании, исполненный сознания величия царского достоинства, грубовато положил свою руку на шею бывшего царя со словами «Ваше величество, вот это царевич Ананта». Когда бывший царь обернулся и гневно взглянул на него, он, не скрываясь, рассмеялся и резко сказал ему: «Уж коли так представляют правителей Каньякубджи и других [зависимых стран], почему надо с тобой обращаться иначе, ведь ты сам отказался от царской власти?» (VII, 234–237).

Другой пример относится к XII в. Придворный с таким же жестом – рука на шее – объявляет о прибытии командующего армией Суджи, который в своей гордыне решил соперничать с царём. Жест казался таким оскорбительным, что Суджи не только обругал придворного, но и швырнул в него камнем. Пока его противники думали, «как им защитить своего господина», царь, чтобы уладить ссору, усадил его подле себя и сказал: «Мне ничем не угрожает этот верный муж» (VIII, 2073–2075). Отсюда можно также заключить, что, как и в других странах, место вблизи царя указывало на особое уважение, такое же, какое царь оказывал, поднося бетель своей рукой (VIII, 2054).

Ещё одно свидетельство символического подчинения связано с головным убором и обувью: «Ему не удалось погасить гнев правителя, хотя он намотал тюрбан на шею и поставил туфлю на голову» (VIII, 273). Туфля на голове – это, безусловно, отражение повсеместно существовавшего обычая, когда победитель утверждал своё превосходство, поставив ногу на голову побеждённого.

Следующий обычай связан с признанием поражения в бою и самоуничтожительным обращением к врагу с просьбой сохранить жизнь. Это жалкое положение проигравшего, утратившего честь, сравнивается с положением скотины, ей и упо-

добляет себя проигравший. Знаком этого является трава, которую он берёт в рот. А. Стейн указывает на существование этого обычая в Древней Индии, когда, чтобы спасти жизнь, воины сдают на милость победителя, символически изображая скотину, которую нельзя убивать (VII, 85–86, примеч.). Однако трава недоступна повсеместно круглый год, потому происходит изменение жеста. Вместо травы в зубах используется другой знак – зубами зажимают палец своей руки. Этот обычай распространялся и на острые моменты мирной жизни, когда возникала опасность быть убитым. Например, во дворце в зале Совета в результате заговора был убит главный министр, двое его приближённых в испуге «отбросили своё оружие и, словно скоты [траву], сунули себе в рот пальцы, чтобы спасти себе жизнь» (VII, 86).

В некоторых случаях палец даже отрезали. Некто «отдал себя под покровительство царя, отрезав свой палец» (VIII, 1594). «Коштхака не побудил царя к примирению, даже отрезав свой палец» (VIII, 272). Брат царя взят в плен и «доставлен в столицу в паланкине, он разжалобил до слёз горожан тем, что держал в руках горшок со своим отрезанным пальцем» (VIII, 2308). Как видно, этот знак – отрезанный палец – становится знаком подчинения вообще, утратив очевидную связь с изображением травоядного животного (ср. якудза в Японии).

Следующая группа примеров этикетного поведения касается заключения союза, примирения, клятвы дружбы и взаимопомощи. Этот обычай многократно упоминается как «коша», «кошам кри» или «кошам па» – «приносить клятву», а тот, кто даёт клятву, назван «пьющим кошу» – «кошапитхин» или «питакоша» (V, 326; VII, 8, 459, 74; VIII, 2091 и т. д.). В смрити есть термин коша¹⁰, под ним подразумевается вид ордалии, когда священное изображение омывается в воде, а испытуемый выпивает эту воду. Если после этого ни с ним, ни с его родней не происходит несчастий, значит, испытуемый невиновен.

Считают, что коша в «Раджатарангини» – это несколько иной обычай, известный в остальной Индии как «дивья» – «священная клятва» при заключении союза дружбы и взаимопомощи. Это осознавали переписчики «Раджатарангини», которые иногда заменяли этим термином термин «коша» (V, 326, примеч.).

В XI в. «царица Дидда на пороге смерти заставила наследника престола, главного министра и других дать клятву, совершив священное возлияние коша, что они не причинят друг другу вреда» (VII, 8). Впоследствии, «помня об этой клятве», царь долго не мог решиться погубить главного министра. Отец и сын в междоусобной борьбе совершают возлияние коша «в знак примирения» (VII, 92). Заговор против царя, скреплённый этой клятвой, не утратил силы в течение нескольких лет, и тайна его не была раскрыта, хотя в нём участвовали многие (VIII, 280–281). Совершение этого обряда заговорщиками, которые собираются убить свою жертву, упоминается и в других случаях (VIII, 2237).

В 935 г. царь Чакраварман потерял трон в междоусобной борьбе и явился к сильному феодалу Самграме, у которого просил помощи. Самграма согласился после долгих колебаний и сомнений. «Разве есть дело, в котором я не должен быть готовым поддержать тебя? Но когда ты добьёшься власти, ты уничтожишь нас. Ведь

цари забывают своих помощников, как только добиваются своей цели» (V, 306–310). Наконец, Самграма соглашается выступить с войском, а царь говорит: «Я буду покровительствовать тебе, первому моему соратнику, пришедшему поддержать меня, как самому себе». «Затем царь и Самграма наступили ногами на шкуру овцы, окропленную кровью, и с мечом в руках дали священную клятву, совершив возлияние коша» (V, 308–326).

Для совершения возлияния, кроме овечьей шкуры, окропленной кровью (VIII, 3006), по-видимому, необходимо было и изображение божества. Прежде чем совершить сати, вдова-царица «заставила всех приближенных совершить священное возлияние коша перед изображением Шивы, чтобы обеспечить безопасность его внука» (VII, 459; см. также: VIII, 2222).

Среди всеобщего предательства и смуты, которыми изобилует хроника, именно эта священная клятва, судя по всему, была сильным сдерживающим средством. В XII в. во время дворцовых интриг министр Санджапала совершает возлияние коша по просьбе Суджи, который хотел его поддержки, несмотря на приказ царя убить этого Суджу. Клятва оказывается существенно важнее царского приказа (VIII, 2091).

Очевидно, что овечья шкура в этом обряде говорит о том, что он зародился в древности у пастухов. Известен факт, что в шаманских практиках кочевников Восточного Саяна был похожий обряд клятвы верности, когда участники выпивали воду, имевшую в тот момент отражение партнёра, с которым заключался союз, и (или) божества, которое призывалось в свидетели этого. Бога Шиву «берут в свидетели» и в «Раджатангини» (VII, 1515). В шаманских культурах «выпить отражение партнёра» означало как бы ввести его внутрь себя, чтобы он мог изнутри следить за соблюдением клятвы¹¹. Если считать, что сходное объяснение лежит в основе ордалии коша в Индии, когда выпивают воду, в которой омыто божество, то можно сделать вывод, что контаминация двух обычаев – дивья и коша – в Кашмире связана с наличием в обоих сходного магического действия. В этом обычае определённо отразилось свойственное многим народам мира верование в душу-тень, душу-отражение. Отражение в воде или зеркале, тень, портрет или фотография, по этому поверью, являются душой или частью души человека (объекта).

Теперь обратимся к способу, которым разрешались противоречия и споры в военно-феодальной среде, – это поединки. Яркий пример такого поединка относится ко времени написания хроники XII в., участниками его были феодалы-дамары, разбогатевшие тибетские пришельцы, «низкого» происхождения, но имеющие земли и войска и в результате получившие высокие должности в Кашмире. Царь Уччала, опасаясь интриг сильного дамары Джанакачандры, который был не прочь завладеть тронem, находит парадоксальный способ избавиться от него. «Он выказал готовность назначить Джанакачандру на пост командующего горными проходами, потому что он понимал, что-либо сам Джанакачандра умиротворится высокими почестями, либо на него разозлятся другие дамары, ведь ни один из них не потерпит возвышения равного себе. И вот после этого Бхимадева и другие дамары возревновали. И когда вражда между ними разгорелась, их сторонники вступили в спор за первен-

ство. Царь захотел увидеть, как они бьются на дамбе, и поднялся в беседку, хотя советники удерживали его. Лишь только начались поединки, дамары с обеих сторон так распалились, что тут же развязали жестокую битву» (VIII, 20–24). Царь едва спасся от града стрел. Чинный поединок превратился в избиение и закончился предательским убийством Джанакачандры (VIII, 32). В другом случае царь ради развлечения провоцирует окружающих на поединки (VIII, 168).

Не был ли обычай поединков чуждым «низкорождённым» дамарам? Такое завершение события можно объяснить тем, что кодекс феодальной чести, который они наблюдали у высокородных, прежде всего, у раджпутов, не стал ещё для дамаров непреложным.

И ещё один пример. В XII в. царь Джаясимха поручает своему приближённому убить царского соперника, но этот приближенный «был человеком чести» и потому решил ждать открытого поединка. Представление о чести воина было вполне определённым, и об этом в хронике говорится обычно, когда эта «честь утрачена». Например, из-за трусости воины бросают оружие на поле боя (VII, 96).

При постоянно повторяющихся междоусобных (феодальных) войнах в Кашмире часто появлялась необходимость прерывать их, заключая перемирие. Для этого нередко прибегали к помощи посредников – мадхьястхов.

В значении «посредник», «наблюдатель» в «Раджатарангини» употреблено слово авакалья. Речь идёт о перемирии двух враждующих сторон, при этом назначен авакалья «для исполнения договора по выдаче тех, кого следовало выдать, отводу армии и пр.» (VIII, 2605). По мнению А. Стейна, здесь авакалья употреблён как синоним мадхьястха или сакшин.

Претендент на трон Суссалла, чтобы вызвать доверие сдавшихся на его милость высших чиновников, даёт клятву перед изображением Шивы и таким образом «делает свидетелем Шиву» (VII, 1515). С той же целью Суссалла назначает посредника, гаранта безопасности чиновников: «дав гаранта» (VII, 1507). Это значение мадхьястха – «гарант», не известно по другим источникам и потому заслуживает особого внимания.

Отметим, однако, что в «Артхашастре» есть указание на существование такого рода поручительства в Индии: «Честное слово или клятва – ими одними не создаётся прочного мира. Таковой возможен только при наличии поручительства...».

По-видимому, в Кашмире обычной была ситуация, когда в качестве гарантов использовались влиятельные феодалы, один или несколько, имевшие собственное войско и обладавшие возможностью обеспечить с его помощью сохранение условий, гарантами которых они выступали. Например, царь Уткарша, вступив на трон, принял попытку подавить оппозицию. Своим единокровным братьям он назначил содержание и, «чтобы вызвать доверие, он сделал гарантами [мадхьястха] некоторых феодалов и министров» (VII, 732–733). Один из братьев – Виджаямалла – не получил обещанного и решил покинуть Кашмир. Он «для безопасности попросил всех мадхьястхов сопровождать его, они с готовностью согласились» (VII, 761). Далее упоминаются «воины из войск мадхьястхов, которые по дороге перебежали от своих

хозяев к изгнаннику» (VII, 762). Среди этих мадхьястхов был командующий конницей. Он отправил в свиту сопровождающих своего сына с несколькими всадниками (VII, 766–767). Таким образом, гарант не обязательно действовал сам, но был обязан обеспечить безопасность подопечному любым способом.

При примирении царя Калаша с сыном Харшей посредницей выступила царица Бхуванамати. Когда царь бросил сына в тюрьму, нарушив соглашение, «гордая царица Бхуванамати, которая была гарантом [мадхьястха], перерезала себе горло» (VII, 680). Можно считать, что она не просто была свидетелем и посредником в примирении, но и гарантировала его в данном случае ценою своей жизни.

И, наконец, ещё один пример, в котором гарантом выступала родственница царица. Мятежный принц Бходжа, желая заключить мир с царём, попросил посредничества [мадхьястха] царицы Калханики (VIII, 3069). Интерес вызывает объяснение этого выбора: она свободна от зависти, скромна, сохраняет спокойствие во всех обстоятельствах, слушает мудрые советы, добродетельная супруга и мать, единомышленница царя, хранит честь своего кшатрийского рода и потому не участвует в сомнительных начинаниях (VIII, 3063–3069). Несомненно, моральный облик поручителя, его добродетели являлись необходимым условием исполнения этой роли.

«Затем в полном соответствии с приглашением царица обильно снабдила продовольствием посредников [лагнака], чтобы [обеспечить] их благополучие, и послала на его [Бходжи. — Т. С.] дорожные расходы много золота и пр. из своей собственной казны: и, кроме того, для его защиты – восьмерых раджпутов особенно знатного рода» (VIII, 3070–3071). В качестве синонима к мадхьястха здесь употреблено слово лагнака, но судить о том, не означало ли это лагнака – поручители, подчинённые главной поручительнице-мадхьястха, не представляется возможным.

Обратим внимание на то, что финансовые расходы в этом соглашении несёт царица «из своей казны», к тому же восемь раджпутов в охране явно являются её наёмниками для гарантии безопасности договаривающихся сторон. Таким образом, ещё раз видим, что посреднику-гаранту необходимо иметь и определённый имущественный ценз.

Для заключения мира царица вместе с министрами сама поехала к Бходже. Прощаясь со своим царственным супругом, она неоднократно говорит о том, что готова пожертвовать своей жизнью, следуя дхарме добродетельной женщины, которая может идти вразрез с действиями царя, легко побуждаемого к гневу (т. е. к нарушению слова) окружающими его родственниками и советниками (VIII, 3097 и далее).

Отметим, что Бходжа особенно подчёркивал свои родственные отношения с царицей, объясняя причины, склонившие его миру: «Кто может держаться отдельно от семьи, когда женщины-родственницы становятся посредниками» (VIII, 3118).

Роль гаранта-родственника особенно сложна. Царица не может покарать виновного, если это будет её царственный супруг. Вся моральная ответственность за нарушение договора в таком случае ложится на царицу-гаранта, которой лишь ценой жизни можно «ранить свою репутацию и очистить себя от подозрений в сговоре и интригах».

Бходжа всё-таки не чувствовал себя в полной безопасности, даже несмотря на то, что после некоторых колебаний роль гарантов твёрдо приняли на себя и министры (VIII, 3187). По-видимому, случаи нарушения соглашения не были редкостью.

Во время очередной смуты XII в. неудачливый правитель Лохары Малларджуна предательски убил министра Удаяну. Тогда сильный дамара Коштхака, которого Малларджуна выбрал гарантом безопасности Удаяны, начал военные действия против нарушителя договора (VIII, 2004–2005). Ему быстро удалось осилить противника, но после короткой передышки он возобновил войну, так как Малларджуна «не дал того, что причиталось» (VIII, 2009). В результате Коштхака отобрал у противника лучшее оружие и дорогих лошадей (VIII, 2013).

Вышесказанное позволяет считать, что в случае нарушения договора мадхьястха предпринимал шаги для наказания виновного, договор, видимо, предусматривал это. Выплата «того, что причиталось» — это плата за моральный ущерб мадхьястхе, наказание, которое несёт виновный. В данном случае он едва не поплотился жизнью. По всей вероятности, было два стимула, которые заставляли гаранта прибегать к решительным действиям в случае нарушения стороннего договора. Прежде всего, это получение материальной компенсации со стороны нарушителя, как указывалось выше. Этот стимул при своей очевидности, однако, вряд ли являлся основным. Он подчинён и вытекает как следствие из предельно развитого и актуального понятия «феодалной чести». О степени развития этого понятия говорят примеры гарантов-цариц, которые, не получая никакой материальной выгоды, готовы заплатить и платят жизнью за нарушение условий. Калхана, безусловно, сочувствует таким поступкам, принявшую смерть царицу он называет «гордой», употребляя слово с очевидной положительной коннотацией.

Можно представить, что если такие договоры заключали лица, не обладающие материальными средствами и военной силой, договаривающиеся стороны клялись жизнью гаранта. Это, по-видимому, касается враждующих родственников, и в существовании такого обычая можно усмотреть наличие подобной практики задолго до указанного периода при родоплеменных разногласиях.

При более широком использовании этого обычая в феодальном обществе социально-психологической почвой для него стало понятие «феодалной чести». Добавим, что договор скреплялся и ритуально, при его заключении произносилась клятва и совершалось возлияние водой коша. Всё это происходило без участия жречества, в чём тоже можно усмотреть архаичность данного ритуала. Итак, в сложной обстановке затяжных гражданских войн в Кашмире выработался институт гарантов, не имеющий аналогов в других частях Индии. Гарантами выступали люди, своим добродетельным поведением заслуживающие уважения, имеющие определённый имущественный ценз, позволяющий нести финансовые расходы, главным образом, на войско, обеспечивая соблюдение условий соглашения и гарантируя безопасность договаривающихся сторон. В отдельных случаях гаранты передавали свои обязанности доверенным лицам. Сторона, нарушившая договор, несла наказание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kakhana's Rajatarangini* / Ed. by M.A. Stein. – Vol. 1 (Sanskrit text). – Bombay, 1892. – Vol. 2 (English translation). – Westminster, 1900. Ссылки на этот источник даны в тексте статьи в скобках: римская цифра означает книгу-гарангу, арабская – шлоку.

² См. также: *Артхашастра, или Наука политики* / Пер. с санскр.; Изд. подготовил В.И. Кальянов; Отв. ред. акад. В.В. Струве. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 793 с.

³ *Там же*. – С. 15. – Кн. II – Гл. 8. – Шл. 79–81.

⁴ *Parmi R.K. A History of Muslim Rule in Kashmir. 1320–1819.* – Delhi, 1969. – P. 17.

⁵ *Артхашастра, или Наука политики* / Пер. с санскр.; Изд. подготовил В.И. Кальянов; Отв. ред. акад. В.В. Струве. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Кн. II. – Гл. 24. – Шл. 6.

⁶ *Wilson H. An Essay on the Hindoo History of Cashmir // Asiatic Researches.* – Vol. 15. – 1825. – P. 17.

⁷ *Parmi R.K. Opus cit.* – P. 64.

⁸ *Аль-Бируни Абу-Рейхан-Мухаммед ибн-Ахмед. Избранные произведения.* – Т. 2. Индия / Пер. А.Б. Халидова и Ю.Н. Завадовского. – Ташкент, 1963.

⁹ *Kakhana's Rajatarangini* / Ed. by M.A. Stein. – Vol. 2. – Westminster, 1900. – P. 291.

¹⁰ *Самозванцев А.М. Книга мудреца Яджнавалкьи.* – М.: Восточная литература, 1994. – Гл. II. – Шл. 112; *Нарада-сморити.* – Гл. I–XI / Пер. и комм. А.М. Самозванцева // *Индия в литературных памятниках III–VII веков: Учебное пособие.* – М., 1984. – Гл. I. – Шл. 326 и др.

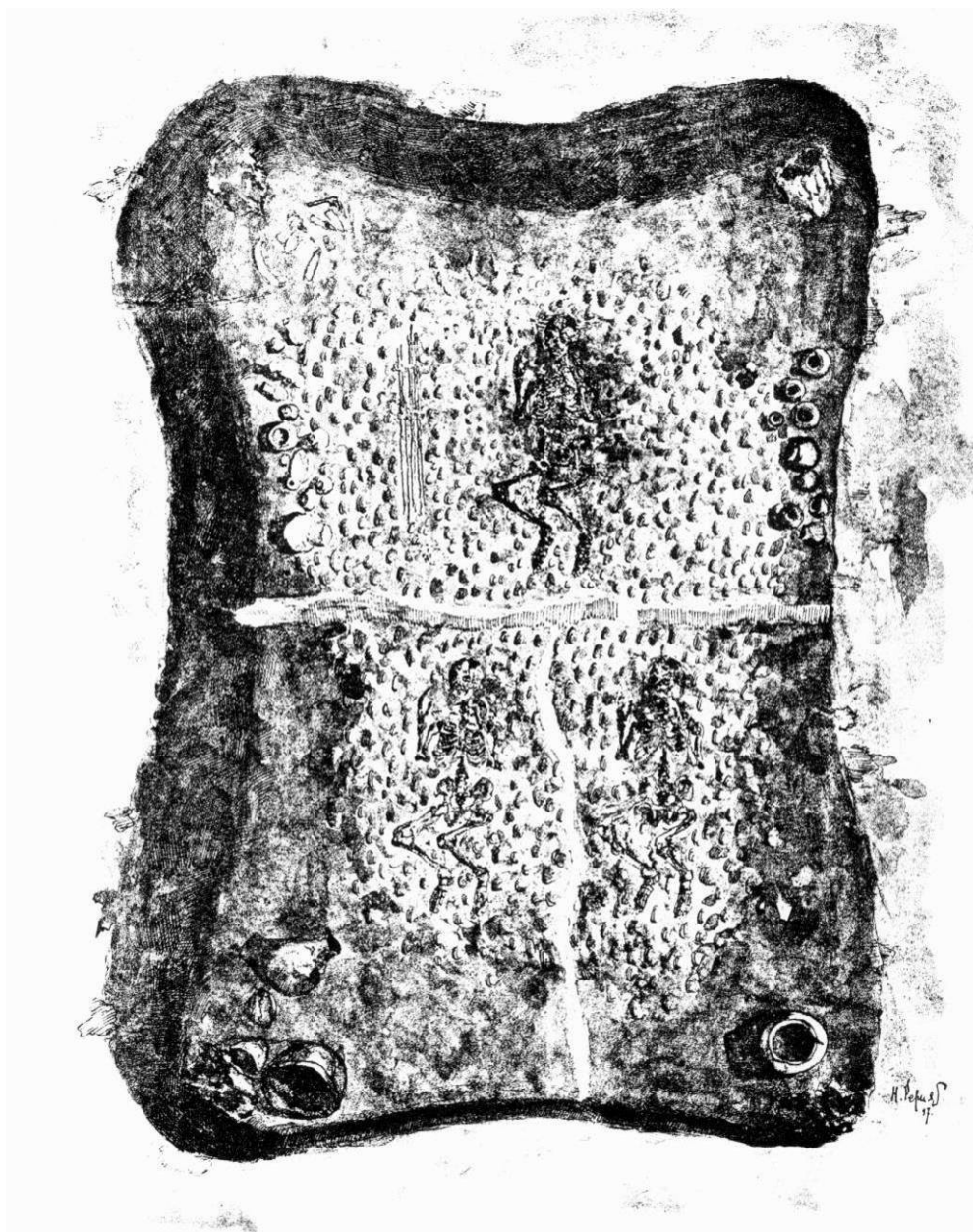
¹¹ Устное сообщение исследователя тофов В.Г. Сорина. См. также: *Катанов И.Ф. Путешествие по Карагасии.* – СПб., 1892. – С. 20; *Фрэзер Д. Золотая ветвь.* – М., 1980. – С. 217–221.

А.А. АЗИЗЯН

(Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург)

ЛЬВЫ И БЫКИ МАЙКОПА В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ В ТУРЕЦКОЙ МЕСОПОТАМИИ

Как известно, именно точный рисунок Н.К. Рериха, выполненный в конце XIX в. по указаниям автора раскопок Майкопского кургана Н.И. Веселовского (*ил. 1*), зафиксировал вид in situ этого уникального погребения. В рисунке совместились две из многих специальностей Николая Рериха – археолог и художник. Воспроизведённый позже в публикации доклада Б.В. Фармаковского «Архаический период в России»¹, рисунок Рериха, как и само его имя, связан, таким образом, с историей научного изучения этого памятника, когда бы ни происходили обращения к нему. Между тем последние сто лет показывают регулярные попытки анализа инвентаря Майкопского кургана². Он обладает удивительной особенностью: почти любые археологические раскопки в регионе между Балканами и Ираном, относящиеся к периоду до нашей эры, так или иначе проецируются на него. В этом смысле недавние открытия поселений докерамического неолита в юго-восточной Турции (Турецкой Месопотамии) немецкими археологами Х. Хауптманном, К. Шмидтом и др.³ поднимают существенно важные не только археологические, но и общеисторические вопросы, сфокусировать которые помогают – вновь! – художественные предметы Майкопского кургана.

Ил. 1. Н.К. Рерих. План-реконструкция Майкопского кургана. 1897. Оригинал в ГЭ.
Воспроизведено: Фармаковский Б.В. Архаический период в России // *Материалы по археологии России*. – № 34. – Пг., 1914. – Табл. XX.

Ил. 2. Первый серебряный сосуд из Майкопского кургана.
Воспроизведено: Фармаковский Б.В. Указ. соч.

Основные на данный момент суждения о происхождении и датировке Майкопского искусства суммируются следующим образом. Б.В. Фармаковский полагает, что курган даёт образцы художественного стиля времени сложения хеттского искусства, включавшего в себя в этот период значительный слой египетских мотивов⁴. (В свою очередь, «время сложения хеттского искусства» можно сейчас приблизительно оценить как конец III тыс. до н. э.). М.В. Андреева относит майкопские изделия к кругу северомесопотамских – северосирийских памятников второй половины IV тыс. до н. э.⁵, а В.А. Сафронов и Н.А. Николаева указывают на тот же географический ареал, но третьей четверти III тыс. до н. э.⁶

Первый серебряный сосуд и балдахин с золотыми и серебряными фигурами быков из Майкопа содержат несколько структурно-композиционных и иконографиче-

Ил. 3. Фигуры быков на колонках балдахина из Майкопского кургана.
 Воспроизведено: *Фармаковский Б.В.* Указ. соч.

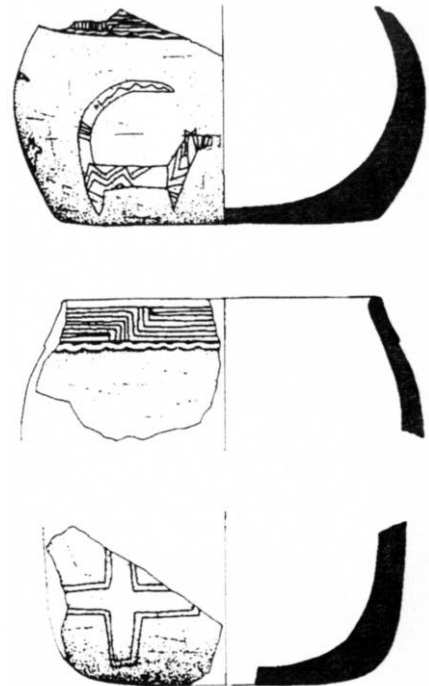
ских стереотипов, действительно широко распространённых и в Месопотамии, и в Египте, и в хеттском и хетто-хурритском искусстве IV–I тыс. до н. э. (*ил. 2, 3*). Это: **1)** регистровость как принцип заполнения поверхности изображени; **2)** ритмическое шествие фигур в одном направлении в пределах регистра («хоровод», по терминологии М.В. Андреевой⁷); **3)** геральдичность композиции (быки среднего регистра на первом сосуде); **4)** совмещение двух принципиально разнородных вариантов построения в одной и той же вещи: плоскостного / фасадного, предполагающего статичную точку зрения сбоку (два «фасада» первого сосуда, показанные вертикальными «реками»; две пары дублирующих друг друга «фасадов» балдахина) и объёмно-пространственного, предполагающего множественность динамических точек зрения (шарообразная форма сосуда и шествие фигур, верхний «пейзажный» регистр открываются только во вращении, при обходе; функция быков балдахина открывается лишь в сочетании с окружаемым ими человеком в рамках обрядового скульптурно-архитектурного предмета); **5)** вертикальная «схема воды», связанная в внешним дном сосуда; **6)** кошачий хищник с поднятым хвостом и оскаленной пастью, иногда «когтящий», т. е. поднимающий переднюю лапу; **7)** диагонально изображённое животное, стоящее на задних лапах и представляющее собой половину от мысленно реконструируемой геральдической композиции («медведь» в верхнем регистре первого сосуда). Возможно, что **6)** и **7)** являются вариантами друг друга.

Присущи ли все или некоторые из перечисленных стереотипов только египтянам, шумерам или хеттам IV–III тыс. до н. э.? Можно определённо ответить, что **они были уже готовы** к моменту появления древнейших цивилизаций. Поэтому имеет смысл не столько выяснять, «какая из них» (цивилизаций) ответственна за появление майкопских художественных предметов, сколько понять, где и когда «до них» могли эти стереотипы сложиться и отражали ли они в период сложения этническую или общечеловеческую специфику художественного мышления. Именно недавние раскопки в юго-восточной Турции заполняют пробел, решающий для попыток такого рода понимания.

Древнейшее в регионе поселение Халлан Чеми Тепеси, расположенное близ г. Батман и датированное периодами мезолита и докерамического неолита А, даёт

фрагменты каменной декорированной посуды⁸, которые ясно демонстрируют совмещение плоскостно-фасадного (движение взгляда по вертикали) и объёмно-пространственного (движение взгляда по окружности в горизонтальной плоскости) типов построения – см. пункт «4» выше. По верху сосуда часто проходила гравированная полоса, состоящая из меандридного орнамента и волны или других геометрических мотивов, – характерный признак реализации этими людьми объёмно-пространственного построения. Однако остальная поверхность сосуда понималась как изобразительная плоскость – фасад, несущий изображения или геометрические знаки, не согласованные с верхней полосой ни по масштабу, ни по технике (процарапывание, т. е. фактически спонтанный рисунок), ни по ритмической повторяемости. Здесь обращают внимание два больших фрагмента: на одном – кошачий хищник с поднятым хвостом, при том, что морды двух других, глядящих в том же направлении, видны слева от него (ил. 4), на другом – равносторонний крест с двойной обводкой. Оба мотива и именно в такой интерпретации не раз повторяются в Чатал Хююке (Конья, Турция) VII тыс. до н. э., в то время как кайма с меандридным и волнистым узором стабильно отличает самаррскую керамику (Ирак) VII–VI тыс. до н. э., однако среди известного автору на данный момент археологического материала именно на каменных сосудах Халлан Чеми Тепеси эти мотивы появляются впервые. Крайне провоцирующим является фрагмент с кошачьими. Целый сосуд мог содержать либо геральдически поставленное животное (и тем самым структурно повторить средний регистр первого майкопского сосуда – разомкнутый «хоровод», по М.В. Андреевой⁹) (ил. 2), либо ещё одно глядящее в ту же сторону животное (и тем самым усилить идею шествия как орнаментальный приём), либо вообще не иметь по этой горизонтали никакого кошачьего. Во всяком случае, строго фиксируется наличие стереотипов «4», «6» (возможно, частично и «2») в этом поселении юго-восточной Турции XI–X тыс. до н. э.

Вклад художественных памятников докерамического неолита А и Б поселений Невали Чори, Гюбекли Тепе и Гюрчу Тепе близ г. Санли-Урфа в юго-восточной Турции в историю культуры огромен. До их открытия мы мало представляли себе

Ил. 4. Фрагменты каменных сосудов из Халлан Чеми Тепеси. Воспроизведено: *Rosenberg M., Davis M.K. Hallan Çemi Tepesi, an early aceramic Neolithic site in Eastern Anatolia // Anatolica. – 1992. – Vol. XVIII. – P. 15. – Fig. 8-2.*

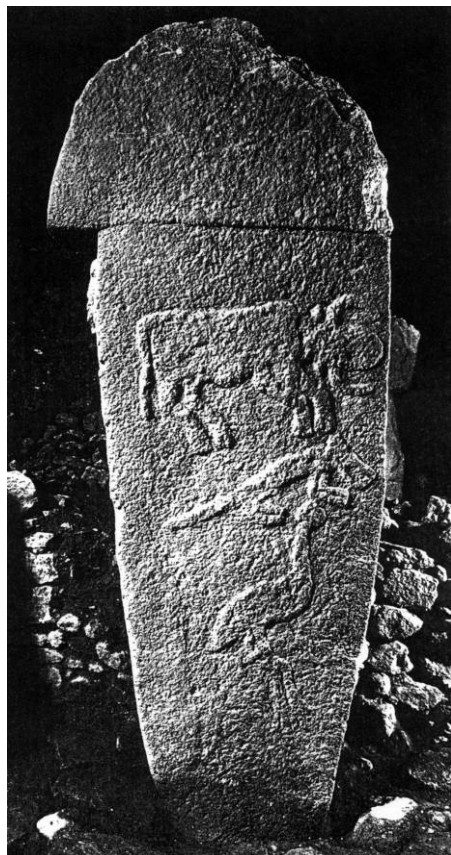
творческие и физические способности, уровень развития психики, мифологического и логического мышления человека IX–VIII тыс. до н. э.¹⁰ Некоторые из этих памятников (например, стела с лисой из Гюбекли, здание В, старая фаза) по любой шкале ценностей можно оценить как гениальные: их воздействие на современного

зрителя так же мощно, как и на древнего. Здесь мы находим почти весь репертуар перечисленных выше структурно-композиционных и иконографических стереотипов. За исключением двух, уже отмеченных в Халлан Чеми Тепеси, они являются самыми ранними из известных на сегодня.

Регистровый принцип построения (см. пункт «1» выше) с полной очевидностью демонстрирует рельеф каменной стелы (столб II) из «Здания со змеями» или здания А старой фазы Гюбекли: верхний регистр – бык, средний – лиса / собака, нижний – птица¹¹ (ил. 5). При этом композиция здесь не есть результат случайности (например, узкой лицевой поверхности стелы): все три фигуры обращены головами в одну и ту же сторону, каждая из них несёт явную смысловую нагрузку, и смыслы эти не должны быть «смешаны», они уже иерархически существовали в сознании исполнителя. Кроме того, формально аналогичный приём – два регистра – использован и в рельефе стелы со «змеями» и ягнёнком (столб I) из того же здания¹² (ил. 6, слева). Однако в этой композиции он как раз производит впечатление вынужденного, не нашедшего точную графему реализации, без сравнения с предыдущей «эталонной» композицией его едва ли можно было бы распознать как регистровость. Последнее, вероятно, допускает формирование регистровости около начала IX тыс. до н. э. – примерно времени создания рельефов.

Рассматриваемые столбы I и II дают возможность и других немаловажных сопоставлений.

Прежде всего, отметим так хорошо известный по памятникам классического искусства Двуречья, Египта и далее всего Ближнего Востока приём совмещения двух разных планов (точек зрения) в одной фигуре, когда, например, торс человека показывался анфас, а голова, ноги – в профиль. Собственно говоря, приём этот – равно как

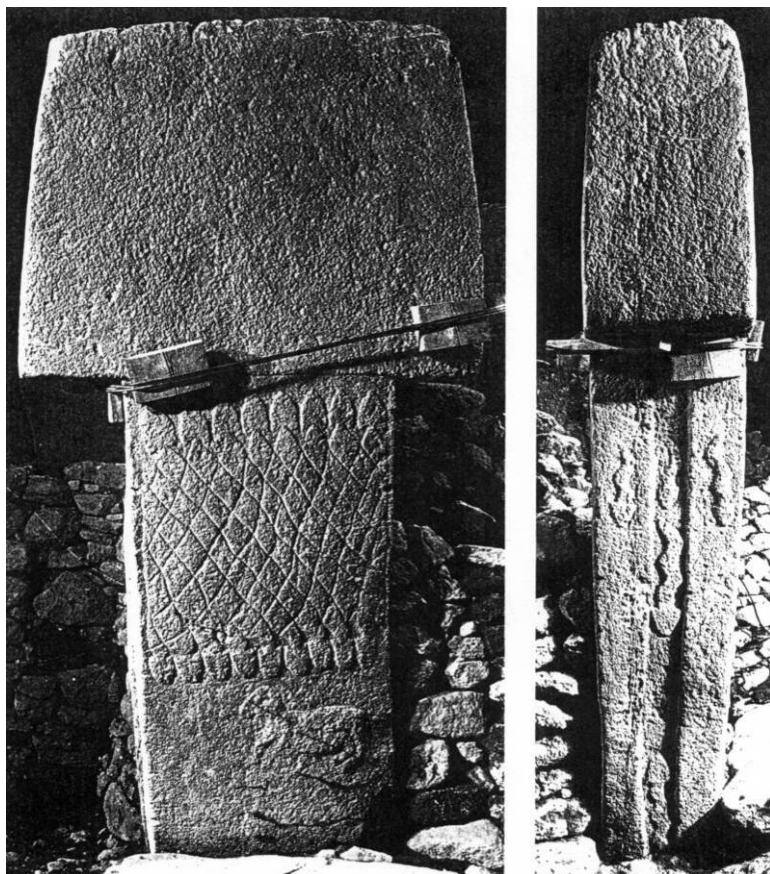
Ил. 5. Столб II из «Здания со змеями».

Гюбекли Тепе. Воспроизведено: Schmidt K. Frühe Tier- und Menschenbilder vom Göbekli Tepe – Kampagnen 1995–1998. Ein kommentierter Katalog der Großplastik und der Reliefs // *Istanbuler Mitteilungen*. – 1999. – Bd. 49. – Taf. 6.

и регистровость, и «равноголовые» шествия – давно вошёл в состав соответствующих канонов. Но именно бык верхнего регистра упомянутого столба II Гюбекли – первый пока на Ближнем Востоке образец такого совмещения: профильное изображение тела сочетается с изображением головы как вида сверху (совмещение боковой и верхней точек зрения). В Майкопе этого приёма нет, но на одном керамическом сосуде с напешной рельефной композицией из Кошк Хююка (Конья, Турция) первой половины VI тыс. до н. э. сохранились бредущие друг за другом коровы с точно так же вывернутыми головами¹³. Насколько можно судить по опубликованному материалу, это – хронологически второе изображение того же типа и одно из первых (наряду с халафскими) формализованных посредством строгой горизонтальности и «равноголовости» шествий – см. пункт «2» выше. Заметим вновь географическое отношение Турецкой Месопотамии и района Коньи. С другой стороны, «игра» с планами и точками зрения может быть квалифицирована как частный случай стереотипа «4». В самом деле, объёмный сосуд из Халлан Чеми Тепеси «уплощали» введением боковой точки зрения, а плоскую поверхность рельефного быка из Гюбекли, наоборот, делали «объёмной» введением верхней точки зрения на голову.

Так или иначе, мы сталкиваемся именно в юго-восточной Турции со стремлением к синтезу единого результата из нескольких частей. Поэтому, рассматривая те же стелы Гюбекли как реально объёмные, имеющие четыре фасада, справедливо было бы учитывать не только лицевые фасады, но и боковые, развернув их в единую умозрительную плоскость с лицевыми. На этих боковых фасадах имеются рельефно выполненные «змеи», стрелообразные «головы» которых чаще всего устремлены вниз (хотя есть и противоположное направление) (*ил. 6, справа*). Уходя от вопросов семантической интерпретации тех или иных изображений, можно во всяком случае констатировать, что это – вертикальные волнистые линии, то есть «схема воды». Последнее возвращает нас к майкопскому сосуду, на поверхности которого также дважды повторена вертикальная «схема воды» (аналог двух узких боковых фасадов стел) и пересекающие её горизонтальные регистры. Таким образом, общая структурная модель сосуда формально тождественна структурной модели, например, стелы со «змеями» и ягнёнком Гюбекли (столб I).

Наконец, колонки майкопского балдахина, перпендикулярно пересекаемые внизу скульптурными фигурами быков (*ил. 3*), представляют металлическую параллель каменным стелам Гюбекли, несущим на себе в том числе изображения львов и быка. Здесь имеются в виду прежде всего две парные стелы со львами из «Здания со львами» или здания D поздней фазы¹⁴ (*ил. 7*). Антропоморфность узких вертикальных стел, снабжённых перекладинами сверху, понятна, тем более что она расшифровывается собственно антропоморфными стелами Невали Чори и Гюбекли (*ил. 8*). Однако важна в данном случае не семантика, опора на которую рискованна даже во вполне очевидных ситуациях, а структура, которая, по крайней мере, именно «очевидна», видна. В предельном упрощении эта структурная формула здесь такова: горизонтальное изображение, перпендикулярное в несколько раз превышающей его по основному размеру вертикальной части. Вертикаль может быть решена изобразительно или только архитектурно-геометрически, горизонталь же всегда сохраняет изобразитель-

Ил. 6. Столб I из «Здания со змеями». Фронтальный и боковой фасады. Гюбекли Тепе. Воспроизведено: *Schmidt K. Opus cit. – Taf. 5.*

ное качество (лев, бык). Анализ колонки майкопского балдахина как одного из сохранившихся прообразов многочисленных позднейших хеттских и хетто-хурритских памятников, изображающих богов, стоящих на львах или быках, дал Б.В. Фармаковский¹⁵, что делает излишним какое-либо повторение. Однако обратим внимание на то, что в очередной раз сюжет, начавшийся в юго-восточной Турции, приводит в своём хронологическом развитии в центральную Турцию.

Пара композиционно связанных стел с изображениями атакующих львов из «Здания со львами» Гюбекли одновременно реализует стереотипы «3» (геральдичность), «6» (кошачий хищник с поднятым хвостом) и «7» (диагонально стоящая фигура – половина геральдической схемы). Последствия использования этих стереотипов дают многочисленные хрестоматийные образцы: сцена с двумя громоздящимися на человека львами (?) из «Гробницы вождя» в Иераконполе (Египет); ко-

Ил. 7. Парные стелы из «Здания со львами». Гюбекли Тепе.
Воспроизведено: Schmidt K. Opus cit. – Taf. 8-2, 9-1.

зёл из золота и лазурита, опирающийся на дерево, из Ура (Шумер); козлы богини Инаны и быки с «героем» шумерских цилиндрических печатей; львиноголовый Имдугуд, когтящий оленей, из Убайда (Шумер); «Львиные ворота» Хаттусы (Хеттское царство); и т. д. и т. п. Ближайшим же по времени и визуальному сходству с Гюбекли геральдическим пост-аналогом является композиция с двумя леопардами из «Леопардова храма» Чатал Хююка (Конья, Турция) VII тыс. до н. э.

Вертикальная «схема воды», связанная с внешним дном сосуда (см. пункт «5» выше), происходит из керамического Хаджилара (юго-западная Турция) конца VII – начала VI тыс. до н. э.¹⁶ (ил. 9). Причём именно «море», лежащее на внешнем дне / основании сосуда и выплёскиваемые им вертикально или диагонально «волны», написанные красным цветом, являются здесь ключевым, самым главным структурным признаком, сохраняемым местным населением непрерывно около

500 лет. Стихия воды, её постоянная изменчивость иногда передаётся в Хаджиларе вполне натуралистически, так, что хотя бы самый поверхностный семантический слой вполне ясен. В связи с этим нами не раз отмечалась роль хаджиларского «моря» как композиционного центра, источника любой орнаментальной или изобразительной графической конфигурации на стенках сосудов и, соответственно, роль главной точки зрения снизу¹⁷. Несмотря на то, что со временем керамические композиции Хаджилара начинают ориентироваться на дополнительные боковые точки зрения, нижняя точка зрения с её диктатом дна-«моря» остаётся доминирующей.

Интересно, что по поводу майкопских сосудов М.В. Андреева замечает то же самое: дно – не столько «низ», сколько центр, первоисточник¹⁸, однако не придаёт этому в своём анализе значения, принимая его за одно из «исключений». Между тем функция «моря» и «рек» в Майкопе такая же, как в Хаджиларе (хотя для майкопского сосуда главные точки зрения – боковые): в качестве связанной системы они объединяют поверхность шарообразного сосуда в цельную изобразительную сферу, фактически разворачивающуюся вертикально, а в идеале – с нижней точки зрения – должны лежать в единой плоскости, наподобие графической развёртки. При этом отдельно взятые «реки» одновременно разделяют эту изобразительную сферу на две полусферы / фасада, что не противоречит их первой функции. Таким образом, структурный стереотип «5» или имеет определённо хаджиларский генезис или «изобретён» непосредственно создателем первого майкопского сосуда, так как иные варианты просто отсутствуют. Учитывая обосновываемое нами частично хаджиларское происхождение орнаментальной системы куро-араксской керамики Южного Кавказа (ср.: её фасадность, статичность боковой точки зрения, сочетание зеркальной симметрии и асимметрии, наконец, большой набор в обеих археологических культурах почти тождественных характерных графем)¹⁹, опосредованное – через куро-аракс – и вполне ограниченное воздействие Хаджилара на майкопский сосуд возможно. Другое дело, что совершенно не ясен практический механизм упомянутого хаджиларского воздействия.

Обобщая всю изложенную картину – археологические факты и их сравнительный анализ – необходимо, по крайней мере, зафиксировать следующее. На протяжении конца XI – начала VIII тыс. до н. э. по калиброванной радиоуглеродной хронологии именно в регионе Турецкой Месопотамии (для большей корректности надо говорить об ареале Среднего Евфрата, включая Турецкую Месопотамию) вырабатывается весь основной репертуар художественных структурных и иконографических стереотипов, который затем входит полностью в состав канонической системы искусства Шумера и Египта и частично в искусство разных периодов и областей исторической Анатолии и Сирии (Чатал Хююк, Кошк Хююк, хеттские, хеттохурритские памятники). Именно к этому репертуару средств обратились авторы майкопских ювелирных предметов. Первый серебряный сосуд хорошо передаёт желание вместить как можно больше знакомого, виденного, являясь ярким примером вкусов талантливых провинциальных «нуворишей». Он включает не только весь этот репертуар, но даже типичную для древнейшей расписной керамики другого района – анатолийского юго-запада (Хаджилар) – «схему воды» и «моря» на внешнем дне сосуда. И, если представить себе реальное влияние художественно-

семантического образа более ранних керамических сосудов на вкусы создателей гораздо более поздних и отдалённых майкопских сосудов действительно трудно, то ситуация с влиянием скульптурно-архитектурных памятников значительно более понятна. Они просто могли быть непосредственно видимы и посещаемы людьми, связанными с майкопской культурой, независимо от того, было ли это IV или III тыс. до н. э., ведь даже сегодня, по прошествии 10–11 тысячелетий, по словам Х. Хауптманна, «Т-образные стелы прорастают как грибы» из-под земли на месте древнего памятника Эдесса-Урфа близ озера Баликли (Баликли Гёль). Кстати, именно этот пункт он считает возможным центром всего урфинского региона, бывшего средоточием культовых памятников²⁰. Д. Бишофф предполагает даже несколько более обширный регион, включая сюда Гюбекли Тепе, Гюрчу Тепе, Невали Чори, Чайёню Тепеси, Урфа-Йени Йол и Каракан Тепе, как «места встреч для отправления обрядов инициации и переходных во взрослый возраст ритуалов»²¹. Эти предположения, учитывая выдающееся художественное качество и характер многометровых монолитных каменных стел-рельефов, образующих цельные, сознательно организованные комплексы с не менее выдающимися архитектурными сооружениями, имеют все основания быть принятыми.

Однако в общеисторическом контексте художественные предметы Майкопского кургана и поднимаемые ими проблемы, какими бы интересными они ни были, менее значимы, чем проблемы происхождения и часто удивительного «схождения» древнейших культур и цивилизаций Египта, Шумера, Анатолии. По нашему мнению, роль археологических открытий в Турецкой Месопотамии состоит как раз в том, что впервые за почти столетнюю историю синхронных раскопок в этих странах появились объективные основания для серьёзной постановки названной проблемы. Работы лингвистов, прежде всего, московской лингвистической школы, таких, как С.А. Старостин, А.Ю. Милитарёв и других, позволяют дать археологическим открытиям непротиворечивые исторические толкования, чья ценность повышается фактом явной одновременности и независимости исследований в обеих дисциплинах. Напомним, что Старостин и Милитарёв выявили контактную культурную лексику между отдельными афразийскими и северокавказскими языками: ливийско-гуанчско – западнокавказ-

Ил. 8. Антропоморфная стела из «Здания со львами». Гюбекли Тепе. Воспроизведено: Schmidt K. Opus cit. – Taf. 9-2.

скую, семитско – восточнокавказскую, кушитско – восточнокавказскую, чадско – восточнокавказскую²²; Старостин обнаружил северокавказско – праиндоевропейские параллели²³; Милитарёв – неизвестный афразийский диалект X, из которого большой пласт культурной и основной лексики был заимствован в шумерский, вероятно, около VI тыс. до н. э.²⁴ Один из главных выводов лингвистов сводится к тому, что носители разных афразийских языков контактировали с носителями а) западнокавказского, б) восточнокавказского, в) шумерского языков ещё на территории Передней Азии, до своей миграции в Африку, т. е. приблизительно до V тыс. до н. э., а носители одного несемитского афразийского языка (диалекта X) растворились в шумерском населении после длительного тесного сосуществования.

Ил. 9. Типичный расписной сосуд. Хаджилар. Воспроизведено: *Mellaart J. Excavations at Haçilar. – Vol. II. – Edinburgh: University Press, 1970. – P. 317. – Pl. 6.*

Северокавказско – праиндоевропейские сходения также датируются временем до V тыс. до н. э. Временем самых ранних из перечисленных контактов может быть конец XI – X тыс. до н. э., то есть распад афразийского на диалекты. Но, как мы видели, это и есть период существования древнейшего поселения Турецкой Месопотамии Халлан Чами Тепеси с двойственной природой его археологического – в том числе художественного – инвентаря. Последовавшие здесь открытия дают все основания говорить, с одной стороны, об анатолийской, а с другой стороны, о классической ближневосточной (египетской и шумеро-вавилонской) художественных традициях, пересекающихся в одних и тех же вещах.

Таким образом, этот район был местом не только языковых и культурных контактов (видимо, упроченных сакральными причинами), но и, возможно, центром распада одних и кристаллизации других этносов. Как известно из самых разных областей исследования, именно пограничные ситуации инициируют возникновение и сохраняют необходимую стартовую динамику новых процессов. Иными словами, представляется, что изначально художественные структурные и иконографические стереотипы (как и речевые структуры и лексемы) имели определённо этнический характер, но с течением времени были усвоены разными этносами, потеряли идентифицирующее и приобрели универсализующее качество. Например, орнаментальная лента-пояс (регистр, фриз) некогда была вкладом какого-то этноса (по всей видимости, населяющего восточную половину Передней Азии), но, являясь одновременно и максимально функциональным приёмом декорирования сосуда, стала затем «общим средством». Поэтому только самые ранние и относительно «чистые» вари-

анты позволяют надеяться на более или менее корректные результаты. Безусловно, памятники юго-восточной Турции дают как раз подобный уникальный шанс.

На место бывших этнических маркеров, а позже универсалий, в каждом новом или эволюционирующем этносе приходят свои новые этнические маркеры, самым надёжным, хотя и трудно определяемым из которых является так называемый «стиль». Несмотря на стереотипичность структур и схем, использованных в золотых и серебряных вещах Майкопа, последние обладают очевидной «свежестью стиля», о которой неустанно писал Фармаковский²⁵. Этот стиль далёк от типичного египетского, шумерского или хеттского, что говорит, во-первых, скорее о IV тыс. до н. э., а во-вторых, о том, что «майкопцы» не видели этих вещей, но могли знать или видеть их общие первоисточники – круг памятников, связанных с ранним неолитическим искусством Турецкой Месопотамии²⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фармаковский Б.В. Арханчский период в России // *Материалы по археологии России*. – № 34. – Пг., 1914. – С. 15–78.

² См., например (в алфавитном порядке): Андреева М.В. К вопросу о южных связях майкопской культуры // *Советская археология*. – 1977. – № 1. – С. 39–56; Она же. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // *Советская археология*. – 1979. – № 1. – С. 22–84; Она же. К вопросу о знаковой роли посуды раннебронзовых памятников Кавказа (кон. IV – III тыс. до н. э.) // *Вестник древней истории*. – 1996. – № 1. – С. 85–102; Антонова Е.В., Раевский Д.С. О трактовке изображений на серебряных сосудах из Майкопского кургана // *Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье*: Тезисы докладов конференции. – М., 1981. – С. 10–11; Николаева Н.А. Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологической литературе // *Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа*: Межвузовский сборник статей. – Орджоникидзе, 1982. – С. 9–28; Николаева Н.А., Сафронов В.А. Хронология и происхождение майкопского искусства // *Там же*. – С. 28–62; Пиотровский Ю.Ю. Заметки о сосудах с изображениями из Майкопского кургана (Ошад) // *Проблемы археологии*. – Вып. 3. Памятники древнего и средневекового искусства. – СПб., 1994. – С. 85–92; Сафронов В.А. Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам // *Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа*: Межвузовский сборник статей. – Орджоникидзе, 1982. – С. 63–104.

³ Hauptmann H. The Urfa region // *Neolithic in Turkey. The cradle of civilization, new discoveries* / M. Özdoğan and N. Başgelen (eds.). – Istanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayinlari, 1999. – P. 65–86; Hauptmann H. Upper Mesopotamia in its regional context during the Early Neolithic // *The Neolithic of Central Anatolia. Internal developments and external relations during the 9th – 6th millennia cal. B. C.* / F. Gerard and L. Thissen (eds.). Istanbul: Yayinlari, 2002. – P. 263–271; Schmidt K., et al. Neolithische Forschungen in Obermesopotamien. Gürcütepe und Göbekli Tepe // *Istanbuler Mitteilungen*. – 1998. – Bd. 48. – S. 5–78; Schmidt K. Frühe Tier- und Menschenbilder vom Göbekli Tepe – Kampagnen 1995–1998. Ein kommentierter Katalog der Großplastik und der Peliefs // *Istanbuler Mitteilungen*. – 1999. – Bd. 49. – S. 5–21; Schmidt K. Zuerst kam der Tempel, dann die Stadt. Vorläufiger Bericht zu den Grabungen am Göbekli Tepe und Gürcütepe 1995–1999 // *Istanbuler Mitteilungen*. – 2000. – Bd. 50. – S. 5–40; Антонова Е.В., Литвинский Б.А. К вопросу об истоках древней культуры Переднего Востока. (Раскопки Неваля Чори) // *Вестник древней истории*. – 1998. – № 1. – С. 36–48; Корниенко Т.В.

«Храмы» Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // *Вестник древней истории*. – 2002. – № 2. – С. 92–114.

⁴ Фармаковский Б.В. Указ. соч. – С. 61.

⁵ Андреева М.В. К вопросу о знаковой роли посуды раннебронзовых памятников Кавказа (кон. IV – III тыс. до н. э.) // *Вестник древней истории*. – 1996. – № 1. – С. 87.

⁶ Николаева Н.А., Сафронов В.А. Указ. соч. – С. 32, 49; Сафронов В.А. Указ. соч. – С. 63, 70.

⁷ Андреева М.В. Указ. соч. – С. 91.

⁸ Rosenberg M., Davis M.K. Hallan Çemi Tepesi, an early aceramic Neolithic site in Eastern Anatolia // *Anatolica*. – 1992. – Vol. XVIII. – P. 1–18; Rosenberg M. Hallan Çemi // *Neolithic in Turkey. The cradle of civilization, new discoveries* / M. Özdoğan and N. Başgelen (eds.). – Istanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları, 1999. – P. 25–33; Rosenberg M., Redding R.W. Hallan Çemi and early village organization in Eastern Anatolia // *Life in Neolithic farming communities. Social organization, identity and differentiation* / I. Kuijt (ed.). – New York, Boston, Dordrecht, London, Moscow: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2000. – P. 39–61. Ил. см.: Rosenberg M., Davis M.K. Opus cit. – P. 15. – Fig. 8-2.

⁹ Андреева М.В. Указ. соч. – С. 91.

¹⁰ Все датировки даются в калиброванных радиоуглеродных значениях по изданию: *The Neolithic of Central Anatolia. Internal developments and external relations during the 9th – 6th millennia cal. B. C.* / F. Gerard and L. Thissen (eds.). Istanbul: Yayınları, 2002. – P. 328–331.

¹¹ См. ил. (прорисовки): Корниенко Т.В. Указ. соч. – С. 110. – Рис. 10.

¹² См. ил. (прорисовки): Там же. – Рис. 9.

¹³ Silistreli U. Köşk Höyük'te bulunan kabartma insan ve Hayvan figürleriyle bezeli vazolar // *Türk Tarih Kurumu*. – Belleten, 1989. – Cilt LIII. – Sayı 206. – S. 361–374. – Lev. I–XIII. См. ил. также: Silistreli U. 1984 Köşk Höyüğü // *Kazi Sonuçları Toplantısı*. – 1985. – VII. – S. 137, 138. – Res. 3, 6.

¹⁴ См. ил. (прорисовки): Корниенко Т.В. Указ. соч. – С. 108. – Рис. 7.

¹⁵ Фармаковский Б.В. Указ. соч. – С. 41–44.

¹⁶ Mellaart J. Excavations at Haçılar. – Vol. II. – Edinburgh: University Press, 1970. – Plates.

¹⁷ Азизян А.А. Непрехологический взгляд на древнейшие археологические материалы Юго-Восточной Европы в их связях с Древним Востоком // *Россия и Восток: археология и этническая история: Материалы IV Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия»*. – Омск, 1997. – С. 87–91; Azizyan A. Haçılar – Demircihüyük – Linear Band Ceramics: distinctions in terms of archaeology and similarities in terms of art // *Результаты и пути развития исследований выпускников программ, поддерживаемых Правительством США: Материалы I Казахстанской виртуальной конференции*. – Алматы, 2002. – С. 255–267; Azizyan A. Haçılar – Demircihüyük – Linear Band Ceramics: distinctions in terms of archaeology and similarities in terms of art // *Art for Archaeology's Sake. Material Cultural and Style across the Disciplines: Proceedings of the 33rd Annual Chacmool Conference of the Archaeological Association of the University of Calgary* / Edited by Andrea Waters-Rist, Christine Cluney, Calla McNamee and Larry Steinbrenner. – Calgary: The University of Calgary Archaeological Association, 2005. – P. 146–154.

¹⁸ Андреева М.В. Указ. соч. – С. 98.

¹⁹ Азизян А.А. Ностратические исследования на материале орнаментики: о локализации и предистории общекартвельского // *Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия: Доклады и тезисы международной конференции*. – М., 2000. – С. 232–234.

²⁰ Hauptmann H. Opus cit. – P. 265.

²¹ Bischoff D. Symbolic worlds of Central and Southeast Anatolia in the Neolithic // *The Neolithic of Central Anatolia. Internal developments and external relations during the 9th – 6th millennia cal. B. C.* / F. Gerard and L. Thissen (eds.). Istanbul: Yayınları, 2002. – P. 239.

²² Милитарёв А.Ю., Старостин С.А. Общая афразийско-северокавказская культурная лексика // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тезисы и материалы конференции*. – Ч. 3. – М., 1984. – С. 34–43.

²³ Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // *Древняя Анатолия*. – М., 1985. – С. 74–94; *Он же*. Индоевропейско-северокавказские лексические изоглоссы // *Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму*. – М., 1986. – С. 162–163; *Он же*. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // *Древний Восток: этнокультурные связи*. – Вып. LXXX. – М., 1988. – С. 112–163.

²⁴ Милитарёв А.Ю. Шумеры и афразийцы // *Вестник древней истории*. – 1995. – № 2. – С. 113–127.

²⁵ Фармаковский Б.В. Указ. соч. – С. 43–44, 47, 49.

²⁶ По причинам технического характера материал статьи не учитывает рельефы «здания С» старой фазы Гюбекли (с двумя концентрическими кругами стел), среди которых вновь имеется регистровый, изображающий нескольких птиц, кабана и лису: *Hauptmann H. Opus cit.* – P. 265.

Е.А. ТРОФИМОВА

(Факультет философии и политологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

ИЗУЧЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ АНТИКОВЕДЕНИИ (1917–1988)

*Притягивает великий магнит индийский сердца русские.
Н.К. Рерих. Русь – Индия. 1944 г.*

Значимость многих индологических исследований, осуществлённых нашими соотечественниками в период после 1917 г., далеко выходит за границы собственно научной сферы. Многие из отечественных востоковедов смогли вплотную подойти к осознанию глубинного родства культур Востока и Запада, и своей подвижнической жизнью и деятельностью выполнили важную гуманистическую миссию: показали не только необходимость, но и саму возможность встречи-диалога различных ментальных и духовных традиций Востока и Запада.

Огромный вклад русских исследователей в мировую сокровищницу человеческой мысли и культуры предстаёт перед нами в ещё более ярком свете при воспоминании о том, что трудоёмкая исследовательская работа проходила в условиях жесточайших массовых репрессий, направленных против интеллигенции.

В кратком обзоре отечественного философского антиковедения Индии после 1917 г. можно заострить внимание на тех именах и проблемах, которые приобрели особую значимость в контексте современной историко-философской ситуации. Вопрос о временных границах и периодизации истории Древней Индии нами сознательно не заострялся.

После 1917 г. продолжалась деятельность многих крупнейших индологов и востоковедов-философов, чьи взгляды сложились ещё до революции. Наши соотечест-

венники продолжали свою работу как у нас в стране, так и за рубежом¹. Обратим внимание на те работы, которые были подготовлены к печати ещё до революции.

В 1919 г. была опубликована работа *Гомбожаба Цэбековича Цыбикова* (1873–1930) «Буддист – паломник у святынь Тибета»².

Большим событием в отечественном антиковедении стал выход в свет двухтомного труда ученика Ф.И. Щербатского *Оттона Оттоновича Розенберга* (1889–1919) «Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам»³. Нахождение общего в многочисленных направлениях религиозно-философской мысли, называющей себя буддизмом и противопоставляющей себя другим учениям Индии, Китая и Японии, явилось той задачей, которую стремился разрешить Розенберг в своём трёхтомном труде. В третьем томе планировалось дать обзор литературных памятников, указать историю канона в связи с историей традиции и внешней историей восточного буддизма. Подготовленный к печати третий том сочинения не вышел по причине преждевременной смерти исследователя. Розенберг стремился сделать в своём труде «систематический обзор проблем», «дать характеристику буддийского мировоззрения в целом»⁴. Работа Розенберга представляет большую ценность ещё и потому, что она, как почти все работы учеников Ф.И. Щербатского, была обогащена знанием живой буддийской традиции (в 1912 г. Розенберг был командирован в Японию факультетом восточных языков университета). Это знание дало возможность учёному указать «на некоторые неясности в понимании самых элементарных терминов буддийской догматики»⁵. Исследователю удалось заполнить пробел в европейской индологии, связанный с недооценкой понятия «дхарма».

Исследовательская задача Розенберга заключалась в том, чтобы выявить значение буддизма как системы философского и религиозного мирозерцания, его своеобразии для уяснения места буддизма в ряду других систем. Розенберг полемизировал с представлением о буддизме как о таинственном, странном и непонятном для европейца учении, глубоко веря в то, что «индийская философия, когда она будет раскрыта во всех деталях, несомненно, дополнит и обогатит результаты европейского философского мышления»⁶. Розенберг выделил три больших периода в развитии буддийской философии: период хинаяны и её разветвлений, период возникновения махаяны и её борьбы с хинаяной, период победы и расцвета махаяны. Исследователь подчеркнул исключительное и центральное положение трактата Васубандху «Абхидхармакоша» в истории философской литературы буддизма, так как этот трактат способствует выяснению основных точек соприкосновения обоих течений. Васубандху повлиял на дальнейшее развитие систематического буддизма, так как из его школы вышли впоследствии Дигнага и Дхармакирти. В Китае буддизм укрепился под влиянием Сюаньцзана, глубоко изучившего индийские источники.

Рассматривая различие между буддийскими сутрами и шастрами, Розенберг сделал вывод о том, что то, «что доказано ссылкой “на слова” Будды в сутре, непременно ещё раз доказывается “по смыслу” логически»⁷. Розенберг предложил различать буддизм как эпизод индийской философии, и буддизм как народную религию. Он пытался найти сущность буддизма, ответив на вопрос «религия ли он, или этическая философия, или что-либо другое?»⁸.

Важность и актуальность работы Розенберга, на наш взгляд, заключается в том, что он показал влияние языка философии на её содержательное богатство, обратив внимание на ряд трудностей, связанных с переводом на европейские языки «непереводимых» терминов, которые в современной лингвистике мыслятся как «лакуны». Розенберг увидел ценность «систематической буддийской и вообще индийской философии» в том, что «здесь известные нам проблемы проанализированы иначе»⁹. В связи с этим исследователь показал важность сохранения оригинальности буддийской схемы. Розенберг поднялся до понимания несводимости буддийских систем к идеализму или реализму, показав, что детальность разработанности в буддизме практической этики не является доказательством отсутствия в нём метафизики: «При знакомстве со схоластическою литературою древнего буддизма утверждение, что он относился отрицательно к метафизическим вопросам, совершенно немислимо»¹⁰.

В поиске «исходной точки» буддийской философии, Розенберг обратился к брахманической ведической философии с её интересом к проблеме человеческой «телесности». Исследователь показал, что в философии буддизма человек из телесной, материальной оболочки превращается в нечто сознательное, переживающее объекты внешнего мира при помощи так называемых «органов»¹¹. «Орган» становится «способностью» видеть, слышать и т. д. Физиология обращается в психологию: «Анализу подвергается только человек, видящий “солнце”, а не человек и солнце отдельно»¹².

Розенберг также рассмотрел споры буддистов о метафизической сущности бытия, о вихре элементов, об их проявленности и непроявленности и т. д. Однако Розенберг пытался отыскать нечто общее у буддистов разных школ и нашёл общую для всех буддийских школ идею – таковой оказалась мысль о спасении, об «успокоении».

Работа крупнейших индологов и востоковедов в период после 1917 г. осуществлялась при поддержке знаменитого исследователя буддизма, его искусства, литературы и философии, академика *Сергея Фёдоровича Ольденбурга* (1863–1934). Продолжатель традиции своих учителей И.П. Минаева и В.П. Васильева, Ольденбург с 1916 г. был руководителем главного востоковедного центра страны – Азиатского музея, а затем созданного на базе Азиатского музея Института буддийской культуры и Туркологического кабинета – с 1930 г. Института востоковедения АН СССР. С 1919 г. Ольденбург заведовал восточным отделом издательства Всемирной литературы, основанного А.М. Горьким¹³. По инициативе Ольденбурга была основана в 1897 г. всемирно известная серия «*Bibliotheca Buddhica*», к работе над которой были привлечены крупнейшие востоковеды России и всего мира: Ф.И. Щербатской, О.О. Розенберг, А.И. Востриков, Е.Е. Обермиллер, Л. де ла Вале-Пуссен, Б. Нанцо, Г. Керн и др. Одиннадцать выпусков серии вышло при участии Ф.И. Щербатского. Серия была запрещена Президиумом АН СССР. Последний выпуск под руководством Фёдора Ипполитовича датируется 1936 г. (выпуск XXX). Затем усилиями Ю.Н. Рериха в 1960 и 1962 гг. вышли XXXI и XXXII выпуски серии. XXXIII выпуск удалось издать вновь после большого перерыва – лишь в 1985 г.¹⁴

В послереволюционные годы Ольденбург сочетал административную работу с исследованиями и организацией археологического изучения Индии, гандхарских

скульптурных памятников из коллекции Государственного Эрмитажа, изучением буддийских легенд, методов собирания, записи и издания сказок, исследованием и обобщением новых индологических работ по истории и экономике Индии. В своих многочисленных статьях Сергей Фёдорович отметил различие российских и западноевропейских ориенталистических исследований, наметил пути и планы развития отечественного востоковедения.

Большим событием в культурной жизни послереволюционного Петербурга стала Первая буддийская выставка (1919), которая сопровождалась лекциями С.Ф. Ольденбурга, Ф.И. Щербатского, О.О. Розенберга. Моментом, существенно роднящим лекции этих выдающихся исследователей было подчёркивание общечеловеческих начал буддизма, поиск глубинных связей Востока и Запада.

Ольденбург в брошюре, посвящённой этой выставке, писал: «...Не даром община буддистов носит название общины четырёх стран света»¹⁵. В своей лекции, прочитанной на этой выставке, он подчеркнул момент действительного существования Будды и на примере буддийских притч показал, что учителем жизни Будда был для людей не только учением своим, а и всей своей жизнью¹⁶.

В 1922 г. Ольденбург писал об исключительной глубине интуиции, обнаруживающейся в достижениях Востока, о справедливости старинного чувства очарования восточным миром, о нужности восточной мудрости и красоты для нашей жизни: «Чтобы свершилось, наконец, давно желанное, глубокое и настоящее единение Востока и Запада, необходимо полное понимание. К нему мы стремимся и хотим по мере сил ему помочь»¹⁷.

Деятельность Фёдора Ипполитовича Щербатского (1866–1942) получила заслуженно высокую оценку в нашей литературе, отмечен крупный вклад учёного в мировую индологию, буддологию и тибетологию (Н.П. Аникеев, Я.В. Васильков, Г.М. Бонгард-Левин, А.Н. Зелинский, Ю.Н. Рерих и другие русские и зарубежные исследователи). Основные работы Ф.И. Щербатского по философии написаны после 1917 г. Часть из крупных работ учёного была издана на русском языке в 1988 г. в переводах В.И. Рудого, Б.В. Семичова, А.Н. Зелинского. Издание снабжено предисловием Г.М. Бонгард-Левина, биографической статьёй Б.В. Семичова и А.Н. Зелинского, библиографией трудов Ф.И. Щербатского и интересными содержательными комментариями В.Н. Топорова¹⁸. Наличие богатой литературы о Ф.И. Щербатском даёт нам право остановиться лишь на некоторых аспектах его творческого наследия, в которых он прояснил важнейшие понятия и категории древнеиндийской этики и философии.

Обращение Щербатского к исследованию жертвенного ритуала в Индии, различных видов жертв, помогло ему углубить семантическое богатство понятия «карма»: «Одним из названий жертвы является то же самое слово, которое служит для обозначения действия вообще (карма). Таким образом, жертва представлялась как бы делом из дел, самым эффективным делом». Рассматривая понятие кармы, Щербатский подчёркивал два его основных значения – действия, ведущего за собой известные последствия, и космической силы, управляющей всем мирозданием¹⁹. Представляется весьма важным вывод учёного о наличии в промежутке между действием

и его результатом особой скрытой, дремлющей энергии, «которая может соединить действие с его отдалённым результатом»²⁰.

Ответ на вопрос о том, какая сила побуждает людей творить добро, и, в частности, совершать жертвы, разделяет брахманских богословов (мимансаков) на две школы. Учёный исследовал мораль двух соперничающих школ. Первая школа названа Щербатским школой проблематического императива, а вторая – школой категорического императива. Представители первой школы (бхатта-мимансака) видят в религиозных предписаниях средства, которые ведут к достижению желанной цели. Представители другой школы (пробхакара-миманса) признают идею безусловности религиозно-нравственного закона, т. е. следуют закону независимо от того, последует ли за его исполнением награда или нет. Взгляд школы бхатта Щербатской сопоставил с теми направлениями европейской этики, которые считают главным критерием нравственного действия его целесообразность в зависимости от его конкретного содержания. Точка зрения Пробхакара может быть сближаема, по мнению исследователя, с формализмом Иммануила Канта.

Основной пафос исследований Щербатского, по-видимому, состоял в том, чтобы выявить в индийском мышлении, «прикрытом туманом восточной фантазии», «стройные формы его последовательных, логических построений»²¹.

Важные проблемы логики и гносеологии рассмотрены Щербатским в связи с его переводом трактата Дармакирти (Дхармакирти) «Обоснование чужой одушевлённости» с толкованием Винитадевы²².

В 1923 г. в Лондоне была опубликована фундаментальная работа Щербатского «Центральная концепция буддизма и значение термина “дхарма”». В этой работе учёный рассматривал не только этический, как это принято в западноевропейской индологии, аспект понятия дхармы, но и метафизическое её понимание. Учение Будды в работах Щербатского раскрывает всё богатство своего содержания именно как философское учение. Заслуживает внимания понимание учёным недостаточности исследований учения Будды лишь «филологическими методами»²³. Основным источником для своей работы Щербатской выбрал не палийский канон, а «Абхидхармакошу» Васубандху. Последний, по мнению учёного, «воспроизвёл первоначальную доктрину очень верно»²⁴.

Щербатской рассмотрел буддийское учение об элементах бытия и их различных классификациях, усмотрев под покровом восточной терминологии «изображение в миниатюре материи и духа»²⁵. В ходе своего исследования учёный обнаружил, что в учении Будды главные чувственные элементы бытия «скорее силы, чем субстанции»²⁶, где подошёл, на наш взгляд, к важному различию западноевропейского и восточного стилей мышления. Щербатской подчеркнул анти-персонализм буддийского воззрения на мир, в котором «личности не существует, не имеется и воли в нашем смысле этого слова, т. е. личной воли. Имеется определённая упорядоченность элементов, имеется один элемент, или сила, или ещё более точно, простой факт, что элементы упорядочиваются определённым путём в соответствии с определёнными законами»²⁷.

Щербатской указал также на видную роль во всех индийских философских системах понятия *samskara*, которое обычно «подразумевает некую скрытую мистическую силу, которая позднее открывается (обнаруживается) в каком-то очевидном явлении». Этому термину придаётся важная роль ввиду понимания Щербатским того, что мы бы сейчас назвали изначальной метафизичностью философии, или же её инако-научностью. Щербатской писал: «Поскольку каждая философия есть не что иное, как искание скрытой реальности, противопоставляемой очевидной поверхности жизни, важность понятия *samskara* совершенно естественна»²⁸.

Щербатской убедительно показал, что учение об элементах в буддизме принципиально несубстанциально: «Элемент несубстанциален, он исчезает (мимолётен), он – в безначальном состоянии воления, и его конечное подавление – единственное успокоение»²⁹. Подобное понимание элементов проясняет взгляд буддизма на личность как на «поток» взаимосвязанных явлений. В связи с этим Щербатской обратил внимание на то, что буддизм никогда не отрицал существование личности или души в эмпирическом смысле.

Щербатской рассмотрел также проблему непостоянства в учении санхьи-йоги, различие между саутрантиками и сарвастивадами во взглядах на природу элементов и времени. Наряду с понятием о несубстанциальности и моментальном исчезновении дхармы Щербатской рассмотрел учение о волнении элементов и необходимости подавления этого волнения: «Этот призрак оборачивает теорию дхарм в учение о спасении – главную цель как теоретического, так и практического буддизма»³⁰. Щербатской убедительно показал, что развитие идеи дхармического угасания последовательно приводит к неодухотворённости абсолюта, что, однако, не является лишь чертой буддизма, а свойственно также ряду других школ индийской философии: «Абсолют одухотворяется лишь в тех системах, которые принимают учение о том, что сознание – от сущности абсолюта, т. е. учение о самоосвещаемости знания»³¹. Идея бессмертия души как «простой, несоставной, вечной, нематериальной субстанции» была принята в индийской философии джайнами, последователями санхьи, мимансы и позднее всеми философскими системами, за исключением материалистов и буддистов³². Истоки буддийской идеи множественности отдельных элементов Щербатской находит в Упанишадах. Буддизм характеризуется Щербатским как система радикального плюрализма. Нравственное учение Будды мыслится непосредственно связанным с его метафизическим учением.

В 1927 г. вышла в свет работа Щербатского, посвящённая исследованию буддийской нирваны. Основным источником для этой работы послужил трактат Нагарджуны «Мадхьямика-шастра» («Трактат об относительности»). В полемике с упрощёнными толкованиями учения Будды Щербатской стремился привлечь во внимание специфику индийского склада ума, «его идею успокоения как единственного реального блаженства, которое может дать жизнь»³³. Таким условием для достижения состояния успокоения служит сосредоточенная медитация. Не случайно уделено внимание проблеме мистической интуиции (просветления) в хиньяне и махаяне. Психология транса характеризовалась Щербатским как важный признак многих индийских систем в той их части, где рассматриваются средства перехода из феноменального мира в абсо-

лют. Однако Щербатской критиковал взгляд на древнеиндийскую философию как мистическую в своей основе: «...подобно тому как европейский дух не всегда и не полностью свободен от мистицизма, так и индийское сознание не всегда и не обязательно подчинено ему»³⁴. Подробно рассмотрев учения разных школ буддизма о нирване, Щербатской дал интерпретацию шуньяты не как пустоты, а как относительности, утвердившись в понимании нирваны как абсолюта.

В 1930–1932 гг. было опубликовано двухтомное сочинение Щербатского о буддийской логике, в котором он, стремясь найти место буддизма в истории индийской философии, дал развёрнутую характеристику основных школ философии Древней Индии (материализм, джайнизм, санкхья, йога, веданта, миманса, ньяя-вайшешика).

Фёдор Ипполитович Щербатской известен не только своими научными изысканиями, но и своей педагогической деятельностью – как создатель советской буддологической школы. Школа эта имела трагическую судьбу: «Если двое из его любимых учеников, О.О. Розенберг и Е.Е. Обермиллер, умерли молодыми, то остальные в 1937 году были репрессированы»³⁵.

Евгений Евгеньевич Обермиллер (1901–1935) занимался историей и философией буддизма, совершил экспедиции в бурятские монастыри, где обнаружил уникальные буддистские тексты. Всего за восемь лет научной деятельности создал около 30 работ: написал серию статей, посвящённых учению Праджняпарамиты, понятию нирвана и тибетской традиции, рассмотрел различные интерпретации термина шуньята, перевёл с тибетского труд Майтрейи «Уттаратантра», совместно с Ф.И. Щербатским опубликовал санскритский текст и тибетский перевод «Абхиса-маяаламкары».

Михаил Израилевич Губянский (1893–1943) занимался исследованиями санскрита, бенгальской литературы, индийской, тибетской и монгольской лингвистикой, изучением философии буддизма, тибетской медицины, исследовал мифологию и обрядность индуизма.

Андрей Иванович Востриков (1904–1942) – санскритолог, тибетолог, монголист, переводил сочинения по буддизму и системе ньяя, исследователь тибетской исторической литературы, философии Дхармакирти, логики Васубандху, Калачакры. Исследовал также индо-тибетскую медицину.

Судьба одного из учеников Щербатского сложилась несколько отлично от других – ему удалось выйти на свободу: *Борис Васильевич Семичов* (1900–1981) исследовал палийские источники по Абхидхарме, индо-тибетскую медицину, участвовал в составлении словарей, исследовал проблему элементов сознания и материи в палийской литературе.

Аспирант Ф.И. Щербатского – *Михаил Сергеевич Троицкий* (1901 – после 1937), подготовил кандидатскую диссертацию «Материализм в Древней Индии». Тезисы этой диссертации были опубликованы в 1936 г. Троицкий показал значение Индии для философии Востока в целом как ведущего центра, «идейного гегемона», уточнив автохтонный характер как греческой, так и древнеиндийской философии³⁶. Основными чертами древнеиндийской философии, по мнению исследователя, являются: связь с теологией, этический характер, пессимизм, склонность к умозрительным спекуля-

циям, т. е. господство принципа интеллектуальной субстанциальности (Гегель). Рационализм шести ортодоксальных философских школ Древней Индии, эмпиризм буддийской философии, приведший к субъективному идеализму берклианского типа, объективный идеализм веданты, трансцендентальный идеализм позднейших йогачар V–VII вв. – всё это доказывает, по мысли Троицкого, тот факт, что индийская философия повторила все основные линии философского развития Запада. При этом «...сходство между индийской и западноевропейской философией обнаруживается не только в отдельных готовых результатах мыслительной работы, но и в самом процессе исторического развития философских идей...»³⁷. Истоки индийского материализма автор исследования усматривал в гилозоизме Ригведы. В своей работе Троицкий касался не только учения чарваков, но нашёл материалистические элементы в целом ряде философских систем Индии. Первые упоминания об индийских материалистах встречаются в ранних Упанишадах, Махабхарате и Рамайяне. В качестве существенной, но не всегда обязательной части древнеиндийского материализма Троицкий справедливо называет учение о «великих первоэлементах».

Ф.И. Щербатской и его ученики глубоко продвинулись в поиске глубинных аналогий западной и древнеиндийской философии.

Очерк об исследовании духовных традиций Древней Индии будет не полон без упоминания о знаменитой семье Рерихов, ныне ставшей символом единения и дружбы России и Индии. Известного русского художника, археолога, историка, учёного и мыслителя *Николая Константиновича Рериха* (1874–1947) привели в Индию устремления к поиску «несказуемых, но ощутимых» связей народов, к «колыбели славянства», к доказательству «ещё мало оценённого родства народов России и Индии» («в языке русском столько санскритских корней»). Н.К. Рерих входил в комитет, осуществляющий строительство в Петербурге в 1910-е гг. Буддийского храма. В этот комитет входили такие известные исследователи Востока, как С.Ф. Ольденбург, А.Д. Руднев, Ф.И. Щербатской, а также архитектор Г.В. Барановский³⁸. Н.К. Рерих позднее вспоминал, как живо обсуждалась в Петербурге идея Ф.И. Щербатского «о перевозке в Питер древнего индусского храма». По свидетельству Н.К. Рериха, этому начинанию положила конец I мировая война³⁹.

На полотнах Рериха-художника мы встречаемся с попыткой оживотворить и показать нетленность древнеиндийской мудрости, изложенной в Ведах. Упанишадах, в буддийских сутрах и джайнских легендах. Об этом же напоминает Рерих в своих литературно-поэтических и публицистических произведениях: «Какие бы новые познания не входили в жизнь, всё же устои древней мудрости остаются незыблемы»⁴⁰.

С раннего детства крепла у Рериха мысль узнать и почувствовать «сердце Азии», стремление доказать, что связи России и Индии «были гораздо глубже, нежели западники стремились это представить»⁴¹. Благодаря поддержке и сотрудничеству всей семьи, Рериху удалось организовать в 1923–1928 гг. Центрально-азиатскую экспедицию, проходившую в невероятно сложных климатических условиях и напряжённой политической обстановке. «Тибетское стояние» Рериха продолжалось пять месяцев на высоте 4–4,5 тысяч метров над уровнем моря. Исследователь, прошедший путём Рерихов, Л.В. Шапошникова справедливо отметила: «В

жизни Рериха эта экспедиция сыграла огромную роль. Первая половина его жизни была подготовкой к этому длительному путешествию, вторая же прошла под его знаком⁴². После окончания Центрально-азиатской экспедиции Рерихи поселились в долине Кулу в Западных Гималаях, где ими был организован Гималайский исследовательский институт «Урусвати» для обработки ценных материалов экспедиции. Деятельность института позднее была законсервирована. В 1934–1935 гг. была проведена экспедиция в Манчжурию и Китай. Исследованию деятельности института «Урусвати» была посвящена Вторая Изварская научная конференция⁴³.

Гималайский исследовательский институт получил имя «Урусвати» в честь *Елены Ивановны Рерих* (1879–1955), давшей вторую жизнь древнеиндийской мудрости в многотомной «Агни Йоге», представляющей из себя «...синтез всех Йог»⁴⁴ и учений жизни: «Явям понимание Учений жизни. Как Моисей приносил достоинство человеческое, как Будда устремлял к расширению сознания, как Христос учил полезности отдачи, и как Новый Мир устремлён к мирам дальним»⁴⁵.

Е.И. Рерих была автором многих до конца 80-х гг. XX в. практически недоступных для широкого круга исследователей одухотворённых книг по философии Древней Индии, отличающихся глубиной интуитивно-целостного и художественно-поэтического проникновения в сам дух древних учений. Елена Ивановна не ставила своего имени на этих книгах, в редких случаях указывала свой псевдоним, стараясь подчеркнуть, что в них говорит не она, а сама мудрость Востока.

Загадочные сказания о великих учителях и мудрецах Востока, передающиеся в устной традиции, пересказаны Е.И. Рерих в работе «Криптограммы Востока»⁴⁶.

В 1926 г. в Улан-Баторе была опубликована работа Е.И. Рерих под псевдонимом Наталья Рокотова «Основы буддизма». В этой книге Будда предстаёт как великий Учитель жизни, как общинник, давший миру «учение знания законов великой материи и эволюции мира»⁴⁷. Е.И. Рерих заострила внимание на общечеловеческих моментах этического учения Будды, подчеркнув, что Будда боролся против изуверства каст и преимущества классов, утверждая закон бесстрашия, закон отказа от собственности, закон ценности труда, закон достоинства человеческой личности вне классов и внешних отличий, закон реального знания и закон любви⁴⁸. Елена Ивановна подчеркнула практичность и жизненность учения Будды, указывающего на необходимость соизмеримости и целесообразности⁴⁹. Она рассмотрела не только этический, но и общефилософский аспект учения Будды. В качестве основного Елена Ивановна рассматривает закон причинного зарождения, который устанавливает, что «все дхармы в одно и то же время являются причинами и последствиями»⁵⁰. В идее трансцендентальности дхармы любопытно смыкаются взгляды Е.И. Рерих и Ф.И. Щербатского. Идея «неуничтожимости» поступка исходит из того, что определённое сочетание дхарм, образующих «поток» человека, происходит именно в момент действия. Метафизике буддизма Елена Ивановна находит аналогии в ряде современных ей научных открытий, что было типично для теософского постижения древних культур.

В 1923 г. старший сын Н.К. Рериха и Е.И. Рерих *Юрий Николаевич Рерих* (1902–1960), изучавший с детства восточные языки, получил степень магистра ин-

дийской словесности в Парижском университете. Востоковед высочайшего класса, Юрий Николаевич принимал активное участие в экспедициях своего отца и деятельности института «Урусвати». Ю.Н. Рерих, автор известного многотомного «Тибетско-русско-английского словаря с санскритскими параллелями», исследовал важность учения Калачакры в религиозной жизни средневекового Тибета, исследовал и перевёл «Голубые анналы» – историю буддизма в Тибете, поведал западному читателю о жизнеописании странствующего монаха Дхармасвамина⁵¹. Исследуя сказание о Рапе в Тибете, Ю.Н. Рерих сделал вывод о том, что тибетская поэтика – «это наследница древнеиндийской *kaṣya*, и в ней используются определённые приёмы поэтики, заимствованные из Индии»⁵².

После смерти матери Ю.Н. Рерих в 1957 г. вернулся на Родину, куда привёз большую часть ценной коллекции своей семьи. В Советском Союзе Ю.Н. Рерих недолго возглавлял сектор философии и истории религии отдела Индии и Пакистана Института востоковедения АН СССР. В этот период он очень напряжённо работал над подготовкой к печати словаря, преподавал тибетский язык и санскрит, писал и редактировал статьи, организовывал и координировал исследования в области истории культурных и политических связей Монголии, Тибета, России и Китая. В 1960 г. по инициативе Ю.Н. Рериха вышел после большого перерыва XXXI том «Bibliotheca Buddhica» – «Дхаммапада» (перевод с пали, введение и комментарий В.Н. Топорова). Учёный скоропостижно скончался в расцвете творческих сил и начинаний 21 мая 1960 г.

Конец 50-х – начало 60-х гг. XX в. были ознаменованы выходом в свет ряда переводов на русский язык классических древнеиндийских текстов. Кроме упомянутой ранее «Дхаммапады», блестяще подготовленной *Владимиром Николаевичем Топоровым* (1928–2005), хотелось бы вспомнить о таких санскритских изданиях, как «Джатаки, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы» (1963) в переводе *Алексея Петровича Баранникова* (1890–1952) и *Октябрины Фёдоровны Волковой* (1926–1988); «Законы Ману» в переводе С.Д. Эльмановича, проверенном и исправленном *Григорием Фёдоровичем Ильным* (1914–1985) для издания в 1960 г.; «Артхашастра» Каутильи (1959) в переводе *Владимира Ивановича Кальянова* (1908–2001); «Брихадараньяка Упанишада» (1964) и «Чхандогья Упанишада» (1965) в переводе *Александра Яковлевича Сыркина* (род. 1930).

В этот период взгляды исследователей были прикованы к изучению отдельных философских школ и имён. Атомизму системы вайшешиков было посвящено диссертационное исследование (1959) *Евдокии Ивановны Гостеевой*, философии Наргарджуны – исследование *Ильфы Мазитовны Кутасовой* (1963).

Большую помощь в дальнейшем исследовании философии Индии оказал выход в свет «Библиографии Индии» (1959, 1965, 1976).

Среди наиболее обобщающих работ по древнеиндийской философии следует назвать труд *Николая Петровича Аникеева* (1925–2007) «О материалистических традициях в индийской философии. (Древность и раннее средневековье)» (1965). В своём исследовании автор затронул проблему «неисторичности» памятников духовной культуры Индии, рассмотрел основные этапы политического и социально-

экономического развития Индии и на этом фоне показал научные и культурные достижения народов Индии. Автор зафиксировал своеобразие ситуации изучения древнеиндийской философии. В работе показано влияние Упанишад на философскую мысль Индии вплоть до нашего времени. В качестве наиболее разработанных учений рабовладельческого общества Индии Н.П. Аникеев назвал санкхью и йогу. Несмотря на достаточно глубокий анализ древнеиндийских текстов в данной работе была ярко выражена тенденция к поиску социально-классового смысла историко-философских феноменов, что было в духе 1960-х – 1970-х гг., но заслоняло саму возможность видения общечеловеческого смысла и богатства древнеиндийской философии.

1970-е гг. прибавили русскоязычным исследователям философии Древней Индии ещё ряд первоисточников: в 1972 г. в серии «Философское наследие» выходит подготовленный *Василием Васильевичем Бродовым* сборник текстов по начальному периоду древнеиндийской философии, в этом же году выходят избранные гимны из Ригведы, в 1976-м – из Атхарваведы, подготовленные *Татьяной Яковлевной Елизаренковой* (1929–2007), с 1977 г. начинается публикация текстов Махабхараты. В переводе Татьяны Яковлевны в 1989 г. выходят первые четыре мандалы Ригведы, в 1995 г. – V, VI, VII и VIII мандалы; в 1992 г. – под её редакцией публикуются «Упанишады». Значение её трудов, посвящённых ведийскому языку, языку пали, древней индийской лирике, исследований по диахронической фонологии индоарийских языков трудно переоценить.

Среди наиболее фундаментальных теоретических работ тех лет хотелось бы отметить исследования академика *Григория Максимовича Бонгард-Левина* (род. 1933), особенно «Мудрецы и философы Древней Индии. Некоторые проблемы культурного наследия» (1975), книгу *Александра Яковлевича Сыркина* «Некоторые проблемы изучения упанишад» (1971) и его диссертацию, исследование *Эдуарда Наумовича Тёмкина* (род. 1928) о мировоззрении Бхамахи (1975), совместную работу *Владимира Гансовича Эрмана* (род. 1938) и Э.Н. Тёмкина о мифах Древней Индии (1975), диссертацию *Валентины Поликарповны Лучиной* по материалам «Сутта Нипаты» (1973), книгу В.Г. Эрмана о Калидасе (1976), сборник статей, посвящённый памяти академика Ф.И. Щербатского «Индийская культура и буддизм» (1972), и многие другие интересные исследования. В этот же исследовательский период предпринимались попытки сопоставить ведийскую философию со взглядами Платона (*Сесиль Яковлевна Шейнман-Топштейн*, 1978), мадхьявиков и элеатов (В.Н. Топоров)⁵³.

1980-е гг. можно, пожалуй, назвать взрывом в индологических исследованиях. В первой половине 1980-х гг. выходит несколько крупных обобщающих работ по древнеиндийской философии. К таким трудам можно отнести книгу Г.М. Бонгард-Левина «Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия» (1980), «Историю этики древнего мира» (1980) *Владимира Георгиевича Иванова* (род. 1922), курс лекций по древней философии (1981) *Арсения Николаевича Чанышева* (род. 1926), где философии древней Индии посвящены пятая, шестая и седьмая главы. В этот же период продолжают изучаться как историко-культурные связи Древней Индии, так и отдельные философские школы и учения: *Наталья Васильевна Исаева* рассмотрела полемику в древней и средневековой Индии на материалах коммента-

риев к «Брахма-сутре» Бадараяны (1981), *Владимир Кириллович Шохин* (род. 1951) исследовал источниковедческие проблемы изучения истории санхьи (1981), *Виктория Георгиевна Лысенко* (род. 1953) изучила атомизм школы вайшешика (1981).

В своей работе «Очерк истории ведийской литературы» (1980) В.Г. Эрман дал систематический обзор начального периода истории древнеиндийской литературы.

В философском антиковедении Индии особую роль занимают работы *Всеволода Сергеевича Семенцова* (1941—1986), рано ушедшего из жизни исследователя. Учёный подошёл к анализу брахманических текстов и текстов Бхагавадгиты с учётом их функции, предназначения в автохтонной культуре. Семенцов выявил черты специфического типа мышления авторов брахманических текстов. Особенность последних он обозначил как «ритуальный символизм» и как «ментальная полифония», показав, что понятие «содержания» не вполне адекватно в применении к ритуально-символическим процедурам. По мнению исследователя, брахманический ритуал, предполагающий полное единство действий, слова и акта сознания, заботится лишь о том, чтобы определённое действию (слову) соответствовало строго определённое усилие сознания, символически его «воспроизводившее», а также, чтобы слово и действие совершались синхронно. Специфический стиль мышления авторов брахманических текстов получил название «ритуальный символизм». Ритуальный символизм не знает причинно-следственного объяснения фактов, функционируя в пределах единого факта-архетипа. Символический ритуальный акт противостоит логическому мышлению и «нормальным» интеллектуальным привычкам. Ритуальный символизм требует, чтобы внимание, способность воображения, мысль совершенно реально участвовали во внеинтеллектуальной деятельности. Важен не результат ментальных операций и процедур, но сам факт работы мысли в некий строго определённый момент внутри ритуального события. Приступая к изучению ведических текстов, следует иметь в виду, что трудность понимания их заключается, по мнению В.С. Семенцова, в том, что между излагаемыми в них предпосылками и результатами стоит не умозаключение, а определённая деятельность, которую мы не в состоянии воспроизвести. С древней мифологией не следует обращаться как с понятийно-логической конструкцией. Согласно ведическому мировоззрению, человек может принимать участие в игре космических сил не сам по себе, а лишь как участник ритуального действия. Ритуально-символическое мышление существует рядом с обычным логическим мышлением, соприкасается с ним, передавая ему различные идеи и образы: «Ритуальный разум покоится в логическом, словно цветок в застывшем воске»⁵⁴. Семенцов рассмотрел структуру и основные черты символического ритуального акта и сформулировал основные принципы работы символического мышления. Сама постановка вопроса о возможности перехода от одного типа мышления к другому имеет большое значение для философских исследований современности, обогащая их новыми исследовательскими методиками и процедурами.

Работой, раскрывающей принципиально новые грани философского антиковедения Индии, является, на наш взгляд, совместная работа выдающегося философа *Мераба Константиновича Мамардашвили* (1930—1990) и не менее известного востоковеда, ученика Ю.Н. Рериха *Александра Моисеевича Пятигорского* (род. 1929)

«Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке», опубликованная в Иерусалиме в 1982 г., и не раз переиздававшаяся позднее в России. Из этой работы следуют важные выводы для всей практики философско-востоковедческих исследований при работе с символическими текстами культуры.

В любом случае хотелось бы предостеречь от двух основных ловушек «десимволизации»: сведение символа к банальной самоочевидности и научно-сциентистское истолкование символа. При работе с текстами древневосточной философии, текстами «архетипическими» следует, на наш взгляд, отказаться от традиционного для классической западной рационалистической философии метода подхода к самосознанию как «прозрачной» очевидности, целиком и полностью поддающейся рефлексивной процедуре. Сознание и самосознание предстаёт перед нами в восточной философии в разнообразных модусах и состояниях. Существуют различные способы описания мира. Тот, которым мы чаще всего пользуемся, иногда называют классическим. Этот способ, по мнению Мамардашвили и Пятигорского, содержит договорённость о том, что, если речь идёт об объекте, то он – не сознание, а если речь идет о сознании, то оно – не объект. Совершенно очевидно, что древние риши, как и другие создатели древних текстов, таких договорённостей не придерживались. Поэтому, и гимн Насадия, по-видимому, можно трактовать в разных модусах: и как пробуждение мира, и как пробуждение самосознания. А, может быть, как-то иначе?..

Из работ второй половины 1980-х гг. следовало бы отметить многочисленные выпуски по проблемам психологии, философии и источниковедению буддизма, изданные Институтом общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР, работу В.К. Шохина «Древняя Индия в культуре Руси (XI – середина XV в.)» (1988), Материалы II Всесоюзной буддологической конференции, проходившей в Москве в 1987 г.

Сосредоточенный, доброжелательный и открытый тон индологических исследований конца 1980-х гг., стремящихся избавиться от заслоняющих глаза шор вульгарного социологизма, ярлыков и догматов вселяет глубокую надежду и веру в грядущее понимание народов всего мира и заставляет ещё раз вспомнить слова Н.К. Рериха: «Красота заложена в индо-русском магните. Сердце сердцу весть подаёт»⁵⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обобщение опыта индологических исследований в России сделано в работах: *Аникеев Н.П.* О материалистических тенденциях в индийской философии (древность и раннее средневековье). – М., 1965. – 259 с.; *Бонгард-Левин Г.М.* Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. – М., 1980. – 333 с.; *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. – М., 1985. – 758 с.; *Иванов В.Г.* История этики древнего мира. – Л., 1984. – 224 с.; *Чанышев А.Н.* Курс лекций по древней философии. – М., 1981. – 374 с.; *Roerich G.N.* Indology in Russia // *The Journal of the Greater Indian society.* – Vol. 12. – № 2. – 1945. – July. – P. 69–98; и др.

² *Цыбиков Г.Ц.* Буддист – паломник у святынь Тибета. По дневникам, ведённым в 1899–1902 гг. / Под ред. А.В. Григорьева, С.Ф. Ольденбурга, Ф.И. Щербатского, К.И. Григорьевой. – Пг.: РГО, 1919. – X, 472 с., ил.

- ³ Розенберг О.О. Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам. – Ч. 1–2. – Токио; Факультет восточных языков Петроградского университета, 1916–1918. – Ч. 1: Свод лексикографического материала. – 1916. – 569 с. – Ч. 2: Проблемы буддийской философии. – Пг, 1918. – XVIII, 368 с.
- ⁴ Розенберг О.О. Указ. соч. – Ч. 2. – С. II, IV.
- ⁵ Там же. – С. VII.
- ⁶ Там же. – С. X.
- ⁷ Там же. – С. 47.
- ⁸ Там же. – С. 53.
- ⁹ Там же. – С. 55.
- ¹⁰ Там же. – С. 63.
- ¹¹ Там же. – С. 68–69.
- ¹² Там же. – С. 70.
- ¹³ Сергей Фёдорович Ольденбург. – М.: Наука, 1986. – 157 с.; Васильков Я.В. Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф.И. Щербатского // *Восток – Запад*. – Вып. 4. – М., 1989. – С. 203.
- ¹⁴ Васильков Я.В. Указ. соч. – С. 205–209, 221.
- ¹⁵ Ольденбург С.Ф. Первая буддийская выставка в Петербурге. – СПб.: издание Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины, 1919. – С. 41.
- ¹⁶ Ольденбург С.Ф. Жизнь Будды, индийского Учителя Жизни. [Лекция, читанная при открытии Первой буддийской выставки в Петербурге 24 августа 1919 г.] – СПб.: издание Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины, 1919. – С. 52.
- ¹⁷ Ольденбург С.Ф. Связи Запада с Востоком старинные... // *Восток – Запад*. – М., 1982. – С. 8.
- ¹⁸ Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму: [Пер. с англ.] / Отв. ред. акад. Н.И. Конрад, чл.-корр. АН СССР Г.М. Бонгард-Левин. – М.: Наука, 1988. – 425 с.
- ¹⁹ Щербатской Ф.И. Учение о категорическом императиве у брахманов. – Пг., 1918. – [Оттиск из 5 т. «Сборника Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук»]. – С. 360.
- ²⁰ Там же. – С. 301.
- ²¹ Там же. – С. 363.
- ²² Дармакирти. Обоснование чужой одушевлённости. С толкованием *Винитадева* / Пер. с тиб. Ф.И. Щербатского. – Пг., 1922. – С. IV.
- ²³ Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму: [Пер. с англ.] / Отв. ред. акад. Н.И. Конрад, чл.-корр. АН СССР Г.М. Бонгард-Левин. – М.: Наука, 1988. – С. 112.
- ²⁴ Там же. – С. 113.
- ²⁵ Там же. – С. 116.
- ²⁶ Там же. – С. 122.
- ²⁷ Там же. – С. 127.
- ²⁸ Там же. – С. 129.
- ²⁹ Там же. – С. 132.
- ³⁰ Там же. – С. 132.
- ³¹ Там же. – С. 155.
- ³² Там же. – С. 167.
- ³³ Там же. – С. 202.
- ³⁴ Там же. – С. 218.
- ³⁵ Васильков Я.В. Указ. соч. – С. 206.
- ³⁶ Троицкий М.С. Материализм в Древней Индии: Тезисы. – Л., 1936. – С. 1.
- ³⁷ Там же. – С. 37.
- ³⁸ Roerich G. Opus cit. – P. 65.

- ³⁹ Рерих Н.К. Индия. – 20 ноября 1945 г. // Рерих Н.К. Листы дневника: В 3 т. – 2-е изд. – М.: МЦР, 2002. – Т. III. – С. 319.
- ⁴⁰ Рерих Н.К. Врата в будущее. – Рига: Угунс, 1936. – С. 129.
- ⁴¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия / Под ред. М.Т. Кузьминой. – М., 1974. – С. 120.
- ⁴² Шапошникова Л.В. От Алтая до Гималаев. – М.: Планета, 1987. – С. 8.
- ⁴³ Вторая Изварская научная конференция, посвящённая 60-летию института «Урусвати». – Л., 1988. – 39 с.
- ⁴⁴ Рерих Е.И. Письма: 1929–1938: В 2 т. – Т. I. – Рига: Угунс, 1940. – С. 150.
- ⁴⁵ Учение Живой Этики (Агни Йога). Община. – Рига, 1926. – С. 55.
- ⁴⁶ [Рерих Е.И.] Сент-Илер Ж. Криптограммы Востока. – Париж: Русское книгоиздательство Я. Полоцкого и К^о, 1929. – 136 с.
- ⁴⁷ [Рерих Е.И.] Рокотова, Наталья. Основы буддизма. – 1-е изд. – Улан-Батор, [1927]. – С. 3.
- ⁴⁸ Там же. – С. 3–4.
- ⁴⁹ Там же. – С. 15–16, 42.
- ⁵⁰ Там же. – С. 47.
- ⁵¹ См.: Рерих Ю.Н. Избранные труды. – М.: Наука, 1967 – 574 с.
- ⁵² Рерих Ю.Н. Сказание о Рапе в Тибете. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – С. 2.
- ⁵³ Многие из упомянутых здесь первоисточников были знакомы Рерихам, о чём свидетельствует список источников в конце книги Е.И. Рерих «Основы буддизма». В настоящее время он тщательно проработан Г. Турановым: [Рерих Е.И.] Рокотова, Наталья. Основы буддизма. – 4-е изд., с изм. – Рига – М., 2002. – Приложение. – С. 176–186.
- ⁵⁴ Семенцов В.С. Проблемы интерпретации брахманической прозы: Ритуальный символизм. – М.: Наука, 1981. – Заключение.
- ⁵⁵ Рерих Н.К. Русь – Индия. – 1944 г. // Рерих Н.К. Из литературного наследия / Под редакцией М.Т. Кузьминой. – М., 1974. – С. 269.

С.Р. АБЛЕЕВ

(НИИ социальных проблем РАЕН, г. Тула)

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ МЕТАИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТОРА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Что такое «история», нам всем хорошо известно ещё со школьной скамьи. А вот что стоит за понятием **«метаистория»**, не всегда понятно даже специалистам. В советской науке его не использовали по причине созвучности, в прямом и переносном смысле, таким понятиям как «метафизика», «теология», «мистика», «эзотерика». Теология, мистика и эзотерика были развенчаны научным атеизмом и диалектическим материализмом, а метафизика, как «пережиток» теологии, была лишена своего предмета исследований. Закономерно, что и метаистории так же не нашлось места в пространстве «всеобъемлющей теории» исторического материализма.

Однако проблема вовсе не в терминах и понятиях, которые можно использовать или не использовать, или, заменить на другие, а в той реальности, что стоит за ними. Поэтому первый вопрос – это вопрос о существовании некой предметной реальности, которую некоторые мыслители обозначали понятием «метаистория».

Существует ли эта реальность сама по себе? Если да, то что она из себя представляет? Очевидно, что термин «метаистория» появился для обозначения определённых скрытых явлений, которые, как правило, не рассматривались в традиционной истории. Причём явлений, не просто ускользнувших от историков, а явлений, возникших из иной – не социальной, **не земной действительности**. Не случайно этот термин по конструкции напоминает понятие «метафизика» в смысле философского учения о неких высших, трансцендентных основах и принципах бытия. По аналогии мы можем предполагать, что метаистория есть учение о **трансцендентных основах** (факторах) земного исторического процесса. Учение о неких явлениях, происходящих «поверх» обычной, зримо наблюдаемой нами истории.

Посмотрим теперь, какой смысл в понятие «метаистория» вкладывали русские философы – С.Н. Булгаков, Д.Л. Андреев и Н.А. Бердяев. У отца Сергея Булгакова, чуть ли не единственного русского философа, по мнению Даниила Андреева, поставившего эту проблему ребром, метаистория понимается как *«ноуменальная сторона того универсального процесса, который одной из своих сторон открывается для нас как история»*.

Д.Л. Андреев в книге «Роза Мира» термин «метаистория» употребляет в двух значениях. Первое: находящаяся вне поля зрения и интересов современной науки *«совокупность процессов, протекающих в тех слоях инобытия, которые, будучи погружены в другие потоки времени и другие пространства, просвечивают иногда сквозь процесс, воспринимаемый нами как история»*. Второе значение: *«учение об этих процессах инобытия»*.

Философские представления Николая Бердяева о *«метаисторическом эоне»*, по всей видимости, довольно близки точке зрения Даниила Андреева. Метаисторический эон, согласно Бердяеву, не есть период будущей истории, так как он существует изначально в ином – *«эсхатологическом плане»*. А этот план может периодически или постоянно соприкасаться с планом земным («здесьним миром»).

Данному вопросу уделяли внимание не только указанные философы. И, конечно, Даниил Андреев не совсем точен, отмечая отца Сергея Булгакова как единственного «поставившего эту проблему ребром». Пребывая в условиях информационной блокады, возведённой советским режимом, он мог и не знать, что ещё в XIX в. Е.П. Блаватская, а в XX – Ф. Ла Дью и семья Рерихов занимались изучением этого вопроса. И хотя в их работах термин «метаистория» практически не использовался, сама проблематика метаистории находилась в центре их исследовательского интереса. В середине и во второй половине XX столетия этому вопросу уделяли внимание ученики и последователи Рерихов – А.И. Клизовский, Р.Я. Рудзитис, Б.Н. Абрамов, П.Ф. Беликов и другие. Именно работы авторов Учения Живой Этики – группы индийских философов (Махатм), Е.И. Рерих, Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, С.Н. Рериха и их учеников позволили расширить научное понимание метаисторического фактора, а точнее тех процессов, которые он обозначает.

Первый вывод, который можно сделать из анализа воззрений авторов Живой Этики на метаисторические процессы, заключается в том, что последние никоим образом не мистифицируются и не связываются с какими-либо сверхъестественны-

ми, внеприродными явлениями. С точки зрения философии Живой Этики, термин «метаисторический фактор» определяет спектр влияний на историю, которые выходят за рамки физического земного мира, то есть физической истории. Это влияние **энергетических миров** (внутреннего планетарного Космоса – как писал Д.Л. Андреев) и принадлежащих им **разумных сил**. Поэтому метаисторический фактор – это ещё в определённом смысле и над-исторический фактор, так как он не относится к каким-либо внутренним общественным силам. Это скорее **внешняя космическая сила**, которая принадлежит иному онтологическому уровню бытия, но, тем не менее, активно воздействует на земной исторический процесс.

Вместе с тем, метаисторию следует понимать и как более широкий взгляд на процесс развития земного разума. Это аспект, о котором писал отец Сергей Булгаков. Авторы Живой Этики вносят значительный вклад в разработку этого аспекта. В историческом анализе они рассматривают как Плотную сферу Земли, так и её **Тонкие составляющие** – так называемые энергетические миры иных измерений. Такой подход вытекает из эзотерической онтологии и антропологии, которые во многом повлияли на философское мировоззрение Живой Этики. Разумная жизнь, утверждают авторы Живой Этики, существует не только в Плотной, но и в Тонкой сферах космического бытия. Но традиционная история изучает лишь события Плотного Мира. Всё, что относится к Тонкому Миру, в таком случае ускользает из поля зрения и анализа. В итоге, изучается лишь часть процесса. При этом закономерно, что невнимание к целому ряду причинных факторов и явлений значительно осложняет понимание не только будущего, но и, казалось бы, хорошо изученного прошлого. Именно поэтому Николай Рерих, подразумевая участие в историческом процессе неизвестных современной науке сил, говорил об «истории помимо историков».

Постановка проблемы метаистории, а также её серьёзное научное изучение, на наш взгляд, возможны на базе нескольких теоретических **постулатов** или **предпосылок**.

– **Онтологическая предпосылка:** существование многомерного (в смысле метрики пространственно-временного континуума) Космоса и как следствие – существование планет в качестве многомерных космических систем (Плотная и Тонкие сферы).

– **Антропологическая предпосылка:** понимание человека как разумного существа, имеющего сложную био-энерго-информационную природу, которая объединяет так называемые земное и космическое (духовное) измерения микрокосма.

– **Эволюционная предпосылка:** непрерывность космической эволюции жизни и сознания и, как следствие, возможность существования более развитых форм сознания и разума, нежели человеческие.

Интеграция этих предпосылок теоретически обосновывает возможность существования высокоразвитых форм разума, связанных с космическим измерением или видом жизни. Если они, эти формы разума, каким-либо образом влияли или влияют на земное общество, то их можно рассматривать в качестве **метаисторического фактора** исторического процесса. При этом, разумеется, мы не предполагаем, что

этот разум непременно находится в сфере физического бытия, то есть в Плотном Мире. Это иной разум, сопряжённый с иной – тонкой космической реальностью. Что, впрочем, совершенно не исключает возможности его проявления и в реальности физической.

Философы, по духу близкие к эзотерической традиции познания, полагали, что разум, о котором здесь говорится, находится на более высокой ступени эволюции, нежели разум человеческий. Так, например, Е.И. Рерих, в своих записях не раз отмечала, что «Старшие Братья» человечества уже прошли этап настоящей человеческой эволюции в её земном, биологическом аспекте. Если жизнь обычного человека связана с активностью земного измерения микрокосма – физического тела и физического сознания, то жизнедеятельность высокоразвитых форм разума преимущественно связана с космическим измерением микрокосма, активность которого у среднего человека находится в латентном состоянии.

Конкретизируя этот аспект проблемы, можно добавить, что авторы философской системы Живой Этики, совершенно очевидно и недвусмысленно говорят о **духовной форме жизни** как альтернативе жизни биологической. Что является субстратом этой формы жизни? Можно утверждать, что это не белково-нуклеиновые образования. Можно предполагать, что это тонкие устойчивые полевые состояния материи, весьма слабо понимаемые и изученные современной наукой. В прошлом веке их существование обосновывали некоторые исследователи. Например, теоретически – неортодоксальный советский философ-космист А.К. Манеев, экспериментально – талантливый советский естествоиспытатель В.П. Казначеев.

Изучая проблему метаисторического фактора и связанного с ним высокоразвитого разума, мы не можем оставить без внимания вопрос о его локализации. Вопрос о том, где и когда существовал этот разум на Земле. В этой связи немалый интерес представляет изучение сакральных источников различных культурных традиций. Оказывается, что многие из них упоминают некую **особую страну** «сверхчеловеческих существ».

Этот вопрос подробно изучался в XX в. латвийским исследователем и общественным деятелем Р.Я. Рудзитисом. Он, как и Рерихи, приходит к выводу, что таинственная область пребывания **«полубогов-полулюдей»** располагалась где-то в Центрально-азиатском географическом регионе. Исследователи полагают, что множество полуполюгендарных и мифологических названий различных священных мест тесно связаны с этим регионом и этой областью. Так, например, индийские эпосы Махабхарата и Рамаяна упоминают **«Швета-Деву»** («Белый Остров»). В Пуранах, Канджуре, Тэптхэргонпо встречается таинственная страна **«Шамбала»** или **«Калана»**. Буддисты писали о некоем священном месте под названием **«Тушита»**. Китайские легенды свидетельствовали о **«Долине Бессмертных»** и **«Острове Ку-ши»**. Славянская мифология почитала некое загадочное **«Беловодье»**, которое располагалось на Востоке, а Св. Сергей Радонежский не раз упоминал священную **«Белую Гору»**. В мифологии Гесиода («Труды и дни») встречаются **«Острова Блаженных»**. В европейской культурной традиции почитались **«Братство Грааля»** и **«Невидимая Гора Мудрецов»** (ранние труды Евгения Филалета). Более того, существовали средневековые геогра-

фические карты неизвестной страны под названием «Царство Пресвитера Иоанна» – царства, о котором политическая история не знает практически ничего.

Мы полагаем, что в этом же проблемном ряду следует рассматривать и обстоятельства жизни великих духовных реформаторов – Будды, Христа, Мохаммеда и других. Буддийские эзотерические источники свидетельствуют о том, что принц Сидхартха (Гаутама Будда) провёл несколько лет среди Великих Мудрецов в их тайной Обители (Шамбала?) севернее древнего арийского княжества Капилавасту – то есть где-то в области Гималаев. Христианские апокрифы утверждают, что Иисус совершил путешествие в Центральную Азию, где получил своё духовное знание от неких Мудрецов Востока. А кто был тем ангелом Джебраилом, продиктовавшим пророку Мохаммеду суры Корана? Легко представить Джебраила порождением воспалённого, если не болезненного воображения пророка, физически и психически утомлённого аскезой. Но не легко объяснить, как это «болезненное воображение» породило целую книгу весьма мудрых наставлений от метафизики и теологии до права и религиозной практики.

Изучая проблему метаистории и метаисторического фактора в истории человечества, мы должны признать, что вопросов пока больше, чем ответов. Проблема эта всё ещё остаётся преимущественно в философской плоскости мышления и лишь ожидает своего дальнейшего изучения со стороны специальных наук – истории, психологии, религиоведения, физики, психо-физики и других.

Говоря же о философском аспекте проблемы, можно констатировать, что, по крайней мере, русские религиозные философы и последователи эзотерической философии убеждённо обосновывали реальность метаистории в истории общества. Конечно, с научной точки зрения оценивать, например, идеи Живой Этики непросто, так как они находятся как бы над плоскостью научного поиска, а, может быть, и эвристично опережают позитивизм современной науки. Так, в частности, тонкое влияние космических тел на социально-исторический процесс было доказано выдающимся русским учёным А.Л. Чижевским ещё в первой половине XX столетия. Тем не менее, проблема многомерного Космоса только начинает разрабатываться наукой. Исследования носят преимущественно теоретический характер. Поэтому делать однозначные выводы относительно характера воздействия тонких энергетических сфер или «внутреннего планетарного Космоса» на исторический процесс, вероятно, преждевременно.

В заключение необходимо отметить ещё одно обстоятельство. Используемое нами терминологическое разведение **исторических** и **метаисторических** факторов во многом условно, так же, как условна и относительна граница между Физикой и Метафизикой. Цель такого разведения – выявление совершенно неизученных сил внесоциального характера, влияющих на историю человечества. Сил не просто внешних, не просто космических, но сил, сопряжённых с разумной жизнью в недрах космического инобытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблеев С.Р.* Концепция космической эволюции человека и её философские основания // *Гуманитарные исследования*: Сб. научных трудов. – Тула – Москва: НИИ СП РАЕН, 2001. – Т. 1.
2. *Аблеев С.Р.* Тайна происхождения человека. Сокровенная Мудрость Востока и космо-эволюционная гипотеза происхождения человека. – Тула – Донецк, 2002.
3. *Абрамов Б.Н.* Грани Агни Йоги. – Новосибирск, 1997. – [Всего вышло 15 т.]
4. *Андреев Д.Л.* Роза Мира. – М.: Иной Мир, 1992. – 575 с.
5. *Беликов П.Ф.* Семья Рерихов. Опыт духовной биографии. – Новосибирск: ИЧП «Лазарев В.В. и О.», 1994.
6. *Бердяев Н.А.* Собрание сочинений: В 4 т. – 3-е изд. – Париж: У.М.С.А. Press, 1989–1991.
7. *Блатовская Е.П.* Тайная Доктрина: В 2 т. – М., 1992.
8. *Булгаков С.Н.* Два града. Исследование о природе общественных идеалов: В 2 т. – М.: Путь, 1911.
9. *Знамя Преподобного Сергия Радонежского*: Сб. / Сост. Н. Яровская [Е.И. Рерих]. – Рига: Алтаир, 1934.
10. *Казначеев В.П., Михайлова Л.П.* Биоинформационная функция естественных электромагнитных полей. – Новосибирск, 1985.
11. *Клизовский А.И.* Основы миропонимания новой эпохи: В 3 т. – 2-е изд. – Рига: Виеда, 1991.
12. *Ключников С.Ю., Силиванов С.Н.* Пророк священной истории // *Купер-Оукли И.* Граф Сен-Жермен. Тайны королей. – М., 1995.
13. *Манеев А.К.* Гипотеза биополевой формации человека // *Человек в социальном мире*. – Тула – Москва: НИИ СП РАЕН, 2002. – Вып. 1. – № 8.
14. *Письма Мастеров Мудрости (1870–1888)* / Пер. с англ. Л.Н. Орленко. – М.: Сфера, 1998.
15. *Письма Махатм (1880–1884)* / Пер. с англ. – Самара: ТГРО, 1993.
16. *Рерих Е.И.* У порога нового мира. – М.: МЦР, 2000. – 462 с.
17. *Рерих, Елена.* Письма. 1929–1939: В 2 т. – Минск: Лотаць, 1999.
18. *Рудзитис Р.Я.* Братство Грааля. – Рига, 1994.
19. *Учение Живой Этики (Агни Йога)*. 14 книг: В 3 т. – Самара: Агни, 1992. [Книги Агни Йоги представляют собой избранные беседы Великого Учителя (Махатмы) Востока с Еленой Ивановной Рерих (1879–1955) и Николаем Константиновичем Рерихом (1874–1947). Впервые они были опубликованы на русском языке в 1923–1937 гг. в Нью-Йорке, Париже и Риге].
20. *Учение Храма*: В 4 т. / Пер. с англ. Ю. Хатунцева. – М.: Сфера, 2004.
21. *Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. – М.: Высшая школа, 1974. – 95 с.

4. КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Е.В. БРАНСКАЯ

(Кафедра философии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, г. Санкт-Петербург)

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ЦИКЛИЗМ В КУЛЬТУРЕ

Естественнонаучная синергетика зародилась в 60-х гг. XX в., а социальная синергетика начала формироваться в 90-х гг. Естественнонаучная синергетика исследует общие закономерности самоорганизации в природе, а социальная синергетика рассматривает общие закономерности социальной самоорганизации. Центральной проблемой синергетики является проблема взаимоотношения социального порядка и социального хаоса. Поскольку самоорганизация представляет собой качественное изменение объективной реальности, постольку синергетика есть теория развития.

Чем же отличается традиционная теория развития Гегеля и Маркса от синергетики? Дело в том, что в диалектической концепции развитие рассматривалось как процесс перехода от одного порядка к другому. Роль хаоса при этом не учитывалась. Синергетика рассматривает процесс развития как закономерное и многократное чередование хаоса и порядка. А из этого следует, что хаос обладает творческой способностью рождать новый порядок. Чтобы произошло рождение нового порядка из хаоса не требуется внешняя сила, поэтому синергетика и является теорией самоорганизации.

Любое развитие предполагает смену ритмов и циклов. Если традиционный циклизм предполагает чередование определённых типов порядка, то синергетический циклизм – чередование порядка и хаоса. Социальная самоорганизация представляет собой чередование таких процессов, как иерархизация и деиерархизация. Иерархизация представляет собой последовательное объединение элементарных диссипативных структур (т. е. структур, которые могут существовать лишь при обмене со средой веществом, энергией и информацией) в диссипативные структуры более высокого порядка. Деиерархизация есть последовательный распад сложных диссипативных структур на более простые.

Говоря о закономерностях развития общества и культуры в целом, нельзя обойтись без таких понятий, как идеал и ценность. Одно из множества определений культуры непосредственно опирается на понятие ценность. Это аксиологическое определение, которое сводит культуру к системе духовных ценностей. Эволюция культуры должна быть связана с эволюцией ценностей, а те, в свою очередь, с эволюцией идеала, который является «душой культуры». Из этого следует, что эволюция культуры связана с подъёмом или упадком системы ценностей. А для того, чтобы разобраться в этом вопросе, надо рассмотреть закономерность эволюции социальных идеалов.

Само понятие идеала лишено противоречий. Но реализация идеала, устраняя одни противоречия, обязательно порождает другие. Неизбежно начинают возникать новые толкования одного и того же идеала с тем, чтобы избежать противоречий и пороков. Возникают «еретические» версии единого идеала, которые становятся со временем самостоятельными идеалами. А борьба между ними указывает на то, что общество пронизано противоречиями. Следовательно, неизбежно возникает потребность в создании нового идеала, который поможет преодолеть кризис в обществе.

Всё дело в том, что мы всё время сталкиваемся с законом дифференциации и интеграции идеалов. Все социальные изменения происходят в согласии с этим законом.

Согласно этому закону, идеологический монизм рано или поздно неизбежно сменяется идеологическим плюрализмом. Но этот процесс приводит чаще всего к кризисным явлениям в обществе. В такой обстановке от плюрализма общество вынуждено перейти вновь к монизму. Эти переходы от плюрализма к монизму и обратно означают переход от хаоса к порядку в обществе и от порядка к хаосу.

Почему так болезнен процесс смены идеала? Дело в том, что создание идеала есть результат жизненного опыта одного или нескольких поколений. Поэтому изменение идеала, его смена означает потерю смысла жизни целых поколений.

Перемена идеала является тяжёлым и жестоким испытанием. Некоторые люди остаются преданы своим идеалам и ценностям до конца, несмотря на изменение ситуации. Такая жёсткая и непреклонная позиция может привести к гибели приверженца идеала. Иногда отказ от смены идеала приводит к геноциду целых народов (евреи в Испании в XVI в. или армяне в Турции в 1915 г.). Однако общество не всегда благосклонно относится к тому человеку, который готов очень легко расстаться с одним идеалом и, недолго думая, принять другой идеал. Это часто значит, что у человека такого рода нет твёрдых убеждений и он конформист, для которого утилитарные ценности и привилегии важнее всего, и с ними он не хочет расставаться.

Человек, готовый пожертвовать всем, и даже своей жизнью, ради идеалов, вызывает большее уважение, чем конформист. Вспоминаются слова Долорес Ибаррури: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Древнегреческий философ Сократ считал, что жизнь, не регулируемая нравственными принципами, не достойна человека.

Со сменой идеалов в обществе возникают серьёзные трудности. Если один идеал уже ушёл с исторической сцены, а другой ещё не смог занять лидирующих позиций, то в обществе возникает состояние идеологического кризиса, а также идеологического вакуума. Люди неизбежно утрачивают вообще всякую веру в идеалы и ценности, их жизнь сводится к преодолению бытовых трудностей и к борьбе за выживание в этом бездуховном мире. В таком мире, как правило, нарастают и экономические трудности и проблемы, которые приводят к деградации общества, нищете и бедности. Голодные, нищие, отчаявшиеся люди начинают искать спасение. Это становится толчком, выводящим общество из кризиса. Люди начинают искать новый экономический идеал, а вследствие этого, и новый алтарь, новую религию, т. е. новые духовные ценности, на которые можно опереться.

Таким образом, хаос, возникающий в обществе, играет иногда и позитивную роль.

«Нетрудно заметить, что мы имеем здесь дело со своеобразным “кольцом возвращения” (Ницше) и новым пробуждением веры в некий грандиозный идеологический синтез, который должен избавить общество от всех бед и позволить ему достичь всеобщего безмятежного счастья»¹.

Есть ли какой-либо смысл в развитии культуры? Идёт ли общество к какой-либо цели? Есть ли предел у культурного развития человечества или развитие культуры будет бесконечным? Как было отмечено ещё Ильёй Пригожиным, наблюдаются две противоположные тенденции в развитии современного человечества: рост порядка (глобализация) и рост свободы (индивидуализация). Рост порядка выражается во всеобщей технизации человеческого общества. Имеется в виду, что космос превращается в абсолютное техническое произведение, т. е. ноосферу. Но параллельно с этим процессом идёт другой. Человечество старается подчинить все сферы жизни эстетическим требованиям. В результате, всё, к чему прикасается человек, должно превращаться в художественное произведение. Этот предел в культурном развитии человечества называется «эстетосферой». В эволюции человеческого общества происходит постепенный синтез ноосферы и эстетосферы. Этот процесс является следствием формирования и реализации абсолютного идеала в ходе дифференциации и интеграции относительных идеалов (т. е. вследствие действия закона дифференциации и интеграции идеалов). Но достижение этого абсолютного идеала не вписывается во временные рамки, оно бесконечно.

Но удивительнее всего то, что «картина глобального прогресса при рассмотрении её под определённым углом зрения выглядит как явление абсолютного человека в образе сверхчеловека. Под “абсолютным человеком” здесь подразумевается общность всех поколений, живших в прошлом, живущих в настоящем и тех, которые будут жить в потенциально возможном будущем. Н.К. Рерих символически представил эту общность в виде большой красной окружности, охватывающей три меньших круга. Эти круги символизируют духовную общность людей прошлого, настоящего и будущего»².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бранский В.П., Пожарский С.Д. Социальная синергетика и акмеология. – СПб., 2002. – С. 107.

² Там же. – С. 117.

Н.В. СЛЕПКОВА

(Зоологический институт РАН, г. Санкт-Петербург)

ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО УЧИЛИЩА ИМЕНИ Н.К. РЕРИХА В ЗДАНИИ У ДВОРЦОВОГО МОСТА (1840–1878 гг.)

В феврале 2001 г. Зоологический институт праздновал столетие переезда Императорского Зоологического музея в здание у Дворцового моста. В ходе подготов-

ки к юбилейной выставке выяснилось, что в этих стенах начала работу Рисовальная школа для вольноприходящих, которой обязано своим происхождением Санкт-Петербургское Художественное училище имени Н.К. Рериха. С этим зданием его история была связана почти 40 первых лет его существования (с 1840 по 1878 г.). Первая в России Рисовальная школа для вольноприходящих известна в истории искусства также и под более поздним названием – Рисовальная школа Императорского Общества поощрения художеств (ИОПХ). Н.К. Рерих был директором этой школы в 1906–1917 гг., когда она уже располагалась на Большой Морской ул., дом 38, однако традиции были, несомненно, заложены при первых учителях и директорах, работавших в здании у Дворцового моста. Поскольку место, где находилась знаменитая Рисовальная школа для вольноприходящих, на долгие годы было забыто, кажется важным на этом остановиться. Важность первого периода, как для школы, так и для истории русского искусства и художественного образования в целом, я надеюсь, будет ясна из дальнейшего изложения.

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ШКОЛЫ

Здание на Стрелке, где располагалась школа, входит в комплекс бывших портовых и таможенных сооружений Санкт-Петербургского порта. Оно было возведено под руководством архитектора И.Ф. Лукини в 1826–1828 гг. на месте разобранного бывшего дворца царицы Прасковьи, почти 100 лет принадлежавшего Академии наук. Интересно, что здание это помещало не только Конференц-зал, архив, типографию и другие подразделения Академии, но здесь же работала Рисовальная и Гравировальная палаты – прообраз будущей Академии художеств¹. Таким образом, для истории художественного образования в России место это имеет особое значение. Застраивается не только площадка, обращённая к Большой Неве, где стояло здание Академии, но и участок, обращённый к Бирже и Биржевой площади.

Построенное сооружение широко известно под именем «Южного таможенного пакгауза». Слово пакгауз в переводе обозначает склад. Однако назначение помещений было более разнообразным. В материалах «Комиссии для окончания строений на Биржевой площади», под руководством которой проходили работы по строительству, указанное сооружение сложной формы фигурирует под тремя разными названиями. Упоминаются трёхэтажный «Дом таможенных чиновников», вытянутый вдоль Большой Невы, «Экспозиционная зала» – корпус, обращённый длинной стороной к Ростральной колонне, и собственно складское таможенное помещение – «Пакгауз», расположенное вдоль здания Биржи и Биржевой площади.

Часть, обращённая к Большой Неве, была жилая, а в тех комнатах, где впоследствии работала школа, предполагалось иметь аукционные торги – эти большие комнаты проектировались также и как выставочные помещения. Какое-то время, пока строили специальное здание на Малой Неве (теперешний Пушкинский дом), здесь работало Присутствие таможи². Как выставочное помещение была спроектирована и Экспозиционная зала, которая стала первым в мире сооружением, специально построенным для выставочных целей. Первая Всероссийская промышленная выставка прошла здесь в 1829 г.³ Длинное двухэтажное здание Пакгауза использовалось для

хранения и таможенного досмотра товаров и тоже иногда становилось выставочным помещением.

Рисовальная школа занимала комнаты в Доме таможенных чиновников и иногда работала в Экспозиционной зале⁴. Это были те самые помещения, которые предназначались для выставок и аукционных торгов. Таможенное ведомство, испытывая неудобства с аукционными торгами, неоднократно пыталось вернуть себе арендованные Рисовальной школой площади. Н.И. Кайдановым⁵, писавшим историю таможенных сооружений Стрелки, под 1860 г. упомянута переписка между министром финансов и ИОПХ о возвращении помещений. Зала в здании Присутствия таможи, в которой велись торги, казалась таможенникам «недостаточно обширную и светлую, вследствие чего покупатели, в особенностям, когда их собиралось большое число, не были в состоянии по тесноте помещения и недостаточности освещения, хорошо ознакомиться с продаваемым товаром, а потому предлагали за него сравнительно низкие цены»⁶. Об этом же писал и Д.В. Григорович в 1870 г.: «Не говоря уже о том, что здание это, ни в каком случае, не отвечает назначению училища рисования, оно несколько лет кряду самым настоятельным образом требуется Министерством финансов. Эта часть здания биржи принадлежит департаменту таможенных сборов, который в нём нуждается»⁷. Несмотря на все жалобы Санкт-Петербургской Таможни, школа продолжала пользоваться этими помещениями в течение длительного времени.

Работа школы в помещениях, которые были с одной стороны нужны Таможне, а с другой – не вполне нравились художникам, была связана с отсутствием возможностей к переезду. Она базировалась на личном разрешении министра финансов. Об этом пишет Григорович: «Если она [школа. – Н. С.] и существует, то единственно благодаря просвещённому содействию лично господина министра финансов М.Х. Рейтерна и господина директора департамента таможенных сборов, князя Д.А. Оболенского, которые, сознавая пользу такого училища, соглашаются каждый раз оставлять его на прежнем месте»⁸.

ПОЛОЖЕНИЕ О РИСОВАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Рисовальная школа для вольноприходящих была основана 29 сентября 1839 г. Этим числом датировано Высочайше утверждённое Николаем I Положение о Рисовальной школе, открытой Министерством финансов. 31 октября того же года это Положение было опубликовано Правительствующим Сенатом. В Полном своде законов Российской империи Положение фигурирует под № 12726 – «от Сентября 29 дня» и называется «Высочайше утверждённое Положение об учреждении в С.-Петербурге особой рисовальной школы для вольноприходящих»⁹.

Некоторые выдержки из этого Положения очерчивают назначение школы и характер преподавания. Так, § 1 гласит: «Для распространения между фабрикантами и ремесленниками необходимого для них искусства рисования, черчения и лепления, учреждается в С.-Петербурге, сверх Воскресной школы при Технологическом Институте, особая рисовальная школа для вольноприходящих». § 2 определяет подчинение школы: «Школа сия состоит в заведывании Министерства Финансов по Департаменту Мануфактур и Внутренней Торговли». Далее указывается: «Преподава-

ние имеет быть три раза в неделю: по воскресеньям от часу до 3-х, по средам – в те же часы, и по пятницам: зимою от 6 до 8 часов вечера, а летом по усмотрению, и позже, напр[имер], от 8 до 10 часов» (§ 4). Ученики разделялись на проходящих по одним воскресеньям и на непременных, обязанных приходить все три раза в неделю (§ 5). Курс учения для непременных учеников был определён так, «чтобы каждый из них, по мере своих способностей мог сделать надлежащие успехи». Предметы в школе были следующие: «а) Черчение, б) Рисование, как человеческих фигур, так и особенно разных украшений и образцов для набивных материй, причём вечерние уроки должны быть употребляемы для рисования с гипсовых и других моделей, в) Рисование ситуационных планов, и г) Лепление из воску и других материалов». Подробности плана учения утверждались министром финансов (§ 6).

В школу принимали учеников «всякого звания, состояния и возраста, но не моложе 10-ти лет» (§ 10). Билеты на поступление в школу выдавались бесплатно от Департамента Мануфактур и Внутренней Торговли (§ 11). Отличившиеся постоянным посещением школы, прилежанием, успехами и благонравием награждались по окончании года рисовальными оригиналами и материалами, похвальными листами и медалями (§ 15). При школе состояли на первых порах четыре учителя, из коих один для черчения, двое для рисования и один для лепления; а сверх того надзиратель для внутреннего порядка (§ 17). Определение дальнейших подробностей о внутреннем устройстве рисовальной школы предоставлялось министру финансов. (§ 20). Первоначально преподавалось черчение, рисование и лепка. На третьем году существования школы добавились гальванический класс и женский рисовальный класс, о котором скажем чуть позже.

Учебное заведение предназначалось для поднятия художественного уровня отечественной промышленности. Заведение было весьма демократичным и, в силу бесплатности образования, доступным для малообеспеченных ремесленников. Финансирование школы первоначально осуществлялось за счёт «штрафного капитала с неисправных поставщиков сукон, предназначенного на разные полезные по мануфактурной части издержки»¹⁰.

ОСНОВАТЕЛИ

Как пишет Н.Е. Макаренко¹¹, опубликованное Положение и открытие школы явилось результатом энергичных ходатайств члена Мануфактурного совета, директора Военно-топографического депо, заведовавшего в то время Воскресными рисовальными классами при Технологическом институте, действительного статского советника Корнилия Христиановича Рейссига (1781–1860). Школа была открыта по его записке, поданной тогдашнему министру финансов графу Е.Ф. Канкрину. Действительный статский советник, доктор философии, член-корреспондент Академии наук с 17 августа 1814 г.¹² К.Х. Рейссиг был человеком разносторонне одарённым. Его перу принадлежат два учебника для Рисовальной школы¹³, а также и первый в России атлас созвездий. Он стал первым директором Рисовальной школы и по праву считается её основателем.

Рейссиг написал не только текст ходатайства об организации Рисовальной школы для вольноприходящих, но и проект её деятельности. Излагая свои взгляды на задачи школы в Предисловии к книге «Чертежи для употребления в чертёжных классах рисовальной школы», вышедшей в 1843 г., Корнилий Христианович писал: «Дабы сообразно с потребностью времени, доставить ремесленной промышленности способы к развитию изящного вкуса, особенно в ремёслах, наиболее требующих оного и для которых, при постоянной деятельности в отдельных отраслях, образование вкуса сделалось необходимым, побудило Господина Министра Финансов, учредить здесь в С. Петербурге, где это наиболее оказалось нужным, технические Рисовальные Школы...». По мысли Рейссига, школа должна была готовить учителей рисования: «Учреждённая Рисовальная Школа для вольноприходящих и Воскресная Школа <...> впоследствии будут образовывать таких учителей, кои по заведённой учебной методе, могут быть полезными преподавателями в Школах, предполагаемых к учреждению в Губернских и Мануфактурных городах»¹⁴.

Важно также отметить роль в создании школы министра финансов Егора Францевича Канкрин. Как явствует из Положения, школа возникла при Министерстве финансов. Н.П. Собко в своём «Кратком историческом очерке...» прямо называет Канкрин в качестве основателя школы (буквально: «основанная при Министерстве финансов по мысли бывшего министра графа Канкрин в 1839 г.»¹⁵). В таможенные здания у Дворцового моста Рисовальная школа попала, несомненно, благодаря Канкрину, в чьём ведении пребывало и Таможенное ведомство, входившее в департамент Внешней торговли и Департамент Мануфактур и Внутренней Торговли, при котором состояла школа. Ему отчитывалась школа в своей работе, ему по Положению принадлежало право определения дальнейших подробностей о внутреннем её устройстве.

Е.Ф. Канкрин оказывал школе деятельное покровительство. В её организации выражалась общая протекционистская политика Е.Ф. Канкрин в отношении отечественной промышленности¹⁶, обусловившая организацию Всероссийских мануфактурных выставок, проходивших здесь же, в таможенных зданиях. Именно он запросил у Александра I разрешение на постройку первой в России и в мире залы, специально предназначенной для промышленных выставок¹⁷. Он же поддержал прошение основателя и первого директора Рисовальной школы К.Х. Рейссига о размещении её в таможенных строениях и активно поддерживал её деятельность. Обе идеи находились в непосредственной связи друг с другом и с деятельностью Таможни. Канкрин стремился вывести на мировой рынок отечественные товары, обеспечив российским мануфактурным изделиям высокий художественный уровень, и обеспечить их конкурентоспособность на внутреннем рынке.

От министра зависело многое. Со сменой руководства Министерства финансов школа едва не прекратила своего существования. В 1857 г., когда при П.Ф. Брое «школа предназначалась к закрытию в видах сокращения государственных расходов»¹⁸, её взяло под свою опеку Императорское Общество поощрения художеств. По этому поводу Макаренко в своём очерке к 75-летию школы с обидой пишет: «Это достойное удивления решение Министерства финансов оказалось весьма простым

результатом перемены главы Министерства и только»¹⁹. Само сокращение государственных расходов после неудачной Крымской войны вряд ли было делом произвольным, однако за счёт чего сократить эти расходы – несомненно, зависело от министра. Всего за время пребывания школы в стенах здания у Дворцового моста сменилось 5 министров финансов: Е.Ф. Канкрин, Ф.П. Вронченко, П.Ф. Брок, А.М. Княжевич и М.Х. Рейтерн, которые либо финансировали школу, либо хотя бы мирились с пребыванием её в здании, принадлежавшем Министерству.

ИСТОРИЯ РИСОВАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ

Период пребывания школы в таможенных строениях у Дворцового моста распадается на два этапа, о чём уже мельком упоминалось. Первый этап охватывает годы от основания школы до её вхождения в состав ИОПХ (1840–1857), второй – связан с деятельностью школы в составе Общества до его переезда в собственное здание на Большой Морской, дом 38 (1857–1878), куда перебралась и школа. Работа начального периода существования школы отражена в двух юбилейных дореволюционных изданиях, вышедших к её 50-летию и 75-летию²⁰.

В издании 1914 г. сохранились два изображения интерьеров школы, исполненных в 1852 г. На первой картине представлена работа женского отделения школы, что было редкостью для России того времени, когда к появлению широкомасштабного женского образования вёл ещё трудный и долгий путь. Это картина ученицы, а впоследствии и преподавательницы школы Екатерины Николаевны Хилковой. Изображена анфилада комнат. Эти интерьеры в настоящее время занимает кабинет директора, конференц-зал и ихтиологическое хранилище Зоологического института РАН. Обе картины находятся в запасниках Русского музея, одна из них побывала на выставке 2001 г. Благодаря картинам Е.Н. Хилковой мы можем с уверенностью сказать, что эти интерьеры очень мало изменились за почти полторы сотни лет, прошедшие с тех пор²¹.

В первой комнате за специальными столами расположились ученицы Рисовальной школы. Положение дверей, большая, покрытая белой плиткой, печь в углу первой комнаты, лепной фриз на потолке – всё это сохранилось по сей день. Вторая комната из анфилады практически не видна, а в последней просматриваются копии античных скульптур. В юбилейном издании к 75-летию школы сохранилось также и описание помещений: «В незавидных комнатах, свободных от многочисленных департаментских канцелярий Министерства Финансов, помещались классы школы в первые годы своего существования. Эти помещения, предоставленные министром финансов графом Канкриним, по ходатайству К.Х. Рейссига, находились в таможенном здании на Васильевском острове у нынешнего здания Биржи. Скромные залы школы, окрашенные в зелёную краску, с развешенными по ним оригиналами и моделями, производили, несмотря на свою незавидность, уютное, приятное впечатление». То, что кажется нам сегодня парадным и вполне нарядным, в середине XIX в. воспринималось как скромное и незавидное, по всей видимости, в сравнении с роскошными интерьерами Академии художеств.

Первоначальное местопребывание знаменитой школы забылось, главным образом, потому, что учившиеся и преподававшие здесь художники кратко называли её

«школа на Бирже». Кроме того, что Биржа была ближайшей заметной точкой, на которую можно было сослаться, у Д.В. Григоровича в работе «Рисовальная школа и Художественно-промышленный музей в Петербурге» (1870) можно прочесть по поводу школы так сформулированную фразу: «Школа находится в одном из флигелей Биржи против Дворцового моста». Возможно, что в этот период Пакгаузы и Биржа воспринимались как единое целое. Так или иначе, это обозначение, встречающееся в литературе, привело к тому, что не удавалось найти здания, в котором работали художники.

Женское отделение школы с момента возникновения находилось под покровительством великой княгини Марии Николаевны (1819—1876), старшей дочери императора Николая I, бывшей глубоко вовлечённой в художественную жизнь города²². Супруга (с 1839 г.) герцога Максимилиана Лейхтенбергского (1817—1852), с 1843 по 1852 г. возглавлявшего Академию художеств, она после смерти мужа сама была президентом Академии художеств и возглавляла Императорское Общество поощрения художеств.

Связь её со школой установилась в самые первые годы её существования.

В последней комнате видны копии античных скульптур. Вторая иллюстрация в издании 1914 г., также датированная 1852 г., демонстрирует это помещение. Про эти статуи автору настоящей статьи известно следующее. В Российском государственном историческом архиве сохранился любопытный документ. Сами архивные материалы первых лет существования школы, по всей видимости, были уничтожены при передаче её в Общество. Однако при уничтожении этих документов была составлена опись. Эта опись уцелела, и в ней упоминаются скульптуры²³. Поскольку этот архивный материал представляет некоторый интерес, приведём свои выписки из него. В описи упомянуты следующие документы.

4 ноября 1839 г. Об учреждении Рисовальной школы.

1840 г. Об определении в Рисовальную школу надзирателей, учителей и сторожей и об увольнении их; о разных работах, производимых в школе, о принятии помещений для Рисовальной школы, отоплении и освещении.

1841 г. О предоставлении господину министру финансов отчётов Рисовальной школы за 1840 г.; о выписке из Копенгагена для Рисовальной школы гипсовых барельефов Торвальдсена; об изготовлении для Воскресной Рисовальной школы при Технологическом институте гипсовых голов.

1842 г. О заготовлении в Императорской Академии художеств для Рисовальной школы гипсовых фигур; об учреждении женского отделения Рисовальной школы; по изданию Г. Вернером руководства по гальваническому золочению и серебрению.

1849 г. По распоряжениям о передаче помещений школы под выставку промышленности.

1855 г. По распоряжениям о передаче школы в Таможенное ведомство.

1857 г. О закрытии Санкт-Петербургских Рисовальных школ.

16 декабря 1857 г. О сдаче Рисовальной школы для вольноприходящих Высочайше утверждённому Обществу поощрения художеств и об упразднении Воскресной Рисовальной школы, при Технологическом институте состоящей.

Кроме сведений о том, что гипсовые фигуры для Рисовальной школы были изготовлены в Академии художеств, обращает на себя внимание та тесная связь, которая, судя по документу, существует между двумя школами – Воскресной в Технологическом институте и Рисовальной для вольноприходящих. Возможно, Художественное училище имени Н.К. Рериха может прибавить к своей истории также и те годы, которые приходятся на эти Воскресные классы, т. е. считать свою историю с **1835 г.**, когда они были открыты.

Связь школы с Академией художеств также была довольно тесной и многообразной. Как пишет автор брошюры с программой школы на 1877 г., «в первые годы её целью было приготовление учеников для Императорской Академии художеств. С 1868 г. только возникают два отдела: обще-рисовальный и художественно-ремесленный»²⁴. У Н.П. Собко упоминается, что «с закрытием в Академии первых двух классов, по новому уставу 30 августа 1859 г. [в школу] перешло, между прочим, много учеников ея»²⁵. Из школы в Академию в какой-то момент принимали без экзаменов. В журнале «Художественные новости» за 1887 г. читаем: «Совет Академии художеств, ввиду основательной подготовки, получаемой молодыми людьми в Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств к прохождению курса в Академии, определил принимать в неё учеников этой школы, если они предъявят установленные от начальства школы свидетельства о своих успехах, с освобождением от общего вступительного экзамена, подвергая их, в течение сентября, лишь проверочному экзамену из рисования, совместно с учащимися в Академии, и затем включать их, сообразно с выказанными ими способностями, или в класс, соответствующий тому, в каком они состояли в школе, или в низший класс»²⁶.

Переход школы в ведение ИОПХ в 1857 г. был вызван финансовыми причинами²⁷. Финансирование школы первоначально, как сказано выше, осуществлялось за счёт штрафного капитала с неисправных поставщиков сукон. Новое финансовое управление «не находило возможным тратить средства на эту цель»²⁸. На помощь пришло, основанное в 1820 г. Императорское Общество поощрения художеств, которое в это время возглавляла великая княгиня Мария Николаевна. Школа была передана в ведение Общества с сохранением права пользования тем же помещением. Только во время промышленной выставки в 1861 г. ей было предложено на несколько месяцев перебраться в другое место. В составе ИОПХ Рисовальная школа стала платной, хотя обучение на первых порах стоило недорого.

При переходе школы в ведение Общества попечителем её был назначен секретарь Общества Ф.Ф. Львов²⁹. С 1861 по 1881 г. школу возглавлял М.В. Дьяконов. Самое деятельное участие в её делах принимал писатель Д.В. Григорович, бывший секретарём Общества с 1865 г. Он создал при школе библиотеку, Художественно-промышленный музей, постоянно действующую выставку, снискав себе заслуженную славу преобразователя. Имущество школы было разбросано по всему городу, музей и библиотека, в частности, помещались во дворце Марии Николаевны, а выставка – на Невском проспекте. Однако Григорович придавал школе первостепенное значение: «В общей программе музея, – писал он, – школа, приготовляющая рисовальщиков и учителей технического рисования, составляет центральную точку;

вокруг неё группируются коллекция образцов, библиотека, мастерские и постоянная художественная выставка»³⁰.

УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

Рисовальная школа ИОПХ была весьма популярным учебным заведением. Ежегодно её посещали 500–600 человек. За годы своего существования школа выпустила множество учеников, составивших славу отечественного искусства. Здесь преподавали П.К. Клодт, П.П. Чистяков, И.Н. Крамской.

Пётр Карлович Клодт (1805–1867) – педагог, счастливо сочетавший в себе мастерство скульптора и бронзолитейщика. В школе он преподавал с 1842 г. гальванопластику. Павел Петрович Чистяков (1832–1919) преподавал в Рисовальной школе ИОПХ в 1860–1864 гг. К числу его учеников принадлежат И.Е. Репин, М.А. Врубель, В.А. Серов, В.Д. Поленов и многие другие.

В классах Рисовальной школы для вольноприходящих с Иваном Николаевичем Крамским (1837–1887), который преподавал здесь с 1863 по 1870 г., познакомился И.Е. Репин. И.Н. Крамской – живописец, рисовальщик и художественный критик, идейный вождь демократического движения в русском искусстве 1860-х – 1880-х гг. В 1857–1863 гг. он учился в Петербургской Академии художеств и стал инициатором знаменитого «бунта четырнадцати», который завершился выходом из Академии художеств её выпускников, организовавших Артель художников. Вся эта известная история как раз происходила в то время, когда он начал преподавать в школе. Сюда он принёс дух нового русского демократического искусства³¹.

Бунтарь И.Н. Крамской пользовался огромным авторитетом у тогдашних художников. Вот как описывает И.Е. Репин свои первые впечатления от учителя: «Приехавши в Петербург поздней осенью 1863 г., я только к зиме поступил в Рисовальную школу. К концу зимы меня перевели в класс гипсовых голов, и здесь я узнал, что по воскресеньям в этом классе преподает учитель Крамской. Вот и воскресенье, двенадцать часов дня. В классе оживлённое волнение. Вдруг сделалась полнейшая тишина, и я увидел худощавого человека в чёрном сюртуке, входившего твёрдой походкой в класс. Я подумал, что это кто-нибудь другой: Крамского я себе представлял совершенно иначе. Вместо прекрасного бледного профиля у этого было худое скуластое лицо и чёрные гладкие волосы вместо каштановых кудрей до плеч, а такая трёпаная жидкая бородка бывает только у студентов и учителей. “Кто это?” – шепчу я товарищу. “Крамской! Разве не знаете?” – удивляется он. Так вот он какой!.. Какие глаза! Не спрячешься, даром что маленькие и сидят глубоко во впадных орбитах; серые, светятся. Вот он остановился перед работой одного ученика. Какое серьёзное лицо! Но голос приятный, задушевный, говорит с волнением... Ну и слушают же его! Даже работу побросали, стоят около, разинув рты, видно, что стараются запомнить каждое слово...»³².

Из известнейших учеников обсуждаемого периода работы школы можно назвать также Фёдора Алексеевича Васильева (1850–1873) – тончайшего пейзажиста, и Василия Васильевича Верещагина (1842–1904) – автора знаменитых батальных полотен. В стенах школы в 60-е гг. XIX столетия царил творческий дух, породив-

ший расцвет реалистического искусства, отличавшегося демократичностью и высокими нравственными идеалами. Это была одна из ярких страниц истории училища.

Такова была духовная атмосфера школы. Чтобы перенестись в бытовую атмосферу, на фоне которой разворачивались те замечательные события, о которых речь шла выше, можно воспроизвести статью из «Петербургского листка», отражающую порядки в школе в 1874 г. Статья имеет весьма критическую направленность:

«В Рисовальной школе обучающихся насчитывается до 500 человек обоего пола, с подразделением классов в течение недели в таком порядке, что женщины имеют дни для занятий отдельно от мужчин. На этот комплект полагается 3 сторожа, на обязанности которых лежит весь внутренний порядок школы, т. е. уборка классов, сохранение верхнего платья и, наконец, необходимые услуги в крайних случаях.

Сторожа, не имея за собой строгого надзора, позволяют себе относиться к своей прямой обязанности крайне не рачительно. Один из них открыл в школе что-то наподобие лавки, в которой можно добыть огрызок карандаша, кусок бумаги, папку, рисунок и, наконец, даже папирос, конечно, поштучно. Лавочка эта, положим, и не лишняя, так как многие из учащихся не досчитываются у себя собственных принадлежностей. Нередко вполне законченный рисунок исчезает, следов к отысканию его искать трудно, и само начальство предлагает в таком случае начать новый.

Прислуга школы о вежливости имеет очень патриархальное понятие и слишком фамильярно относится к ученикам, при всякой грошовой услуге нагло выпрашивает на водку. Занимаясь более коммерческими операциями, вероятно, вследствие близкого соседства Биржи, прислуга мало обращает внимания на порядок. Так, например, вешалка с платьем почти оставляется без надзора, и нередко случаются пропажи шапок, калош, кашне и пр. Вешалка не имеет номеров. Один из учителей предлагал на днях ученику, у которого пропала барашковая шапка, сделать себе, чтобы дойти до дома, шапку из бумаги. Оригинально, и в то же время такая святочная шапка может быть художественным произведением.

При школе не имеется тёплого необходимого места, и если есть, то где-то на задворках, так что многие из учеников-ремесленников, занимаясь в русских рубахах, поневоле должны бегать на холод и дрожать как в лихорадке. Конечно, не всякому такие прогулки сходят с рук, и многие страдают кашлем, зубными болями и проч.

В заключение следует заметить, что место, где находится школа, для многих слишком неудобно. Большинство учащихся должно путешествовать с одного конца столицы на другой. Дворцовый мост перед школою тоже большая помеха во время разводки. Нам кажется, что такое учреждение давно пора устроить ближе к центру города, вообще в месте более удобном»³³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все эти бытовые трудности, конечно же, не составляли содержания происходивших в школе событий. Ко времени своего переезда в здание на Большой Морской улице это было известнейшее художественное учебное заведение. Н.П. Собко к 50-летию школы писал: «Не много отыщется крупных художественно-промышленных мастерских: серебряных изделий, бронзовых, деревянных, гончар-

ных и проч., где бы не оказалось учеников нашей школы, – в числе или рисовальщиков, или производителей, или, наконец, управляющих»³⁴. Собко приводит, кроме уже указанных выше, имена ректора архитектуры Академии художеств Д.И. Грима, М.Е. Месмахера, возглавлявшего Центральное училище технического рисования барона А.Л. Штиглица, серебрянников Овчинникова и Хлебникова, бронзовщиков Шопена и Мельцера.

Рисовальная школа ИОПХ внесла немалую лепту в дело развития художественного образования в России и возрастания общей художественной культуры. За первые 50 лет своего существования школа выпустила 25.000 учащихся, многие из которых впоследствии составили славу отечественного искусства конца XIX – начала XX в. «История Рисовальной школы есть, смело можно сказать, история художественного и художественно-промышленного образования в России, а следовательно и история русского искусства за последнее столетие», – писал Н.П. Собко к 50-летию школы. Несомненно, это касается и первых 40 лет её существования, которые школа провела в здании у Дворцового моста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Палаты Санкт-Петербургской Академии наук: Альбом гравюр. – СПб., 1741. – 4 с., 13 л.

² Слепкова Н.В. На Васильевском острове у Дворцового моста. – СПб.: ЗИН РАН, 2001. – 84 с.

³ Никитин Ю.А. Первый выставочный зал России // Ленинградская панорама. – 1982. – № 1. – С. 36–38.

⁴ Никитин Ю.А. Первое выставочное здание в России (К 150-летию первой Всероссийской мануфактурной выставки) // Проблемы синтеза искусств и архитектуры. – Вып. VIII. – Л., 1978. – С. 37–43.

⁵ Кайданов Н.И. Сведения о постройке таможенных зданий в Санкт-Петербурге и Кронштадте. – СПб., 1892. – 64 с.

⁶ Там же.

⁷ Григорович Д.В. Рисовальная школа и Художественно-промышленный музей в Петербурге. – СПб.: тип. А.А. Краевского, 1870. – 29 с.

⁸ Там же.

⁹ Высочайше утвержденное Положение об учреждении в С. Петербурге особой рисовальной школы для вольноприходящих // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание второе. – Т. 14. – Отд. 1. – 1839. – От № 11909–13043. – СПб., 1840. – С. 208, 740–741.

¹⁰ Собко Н.П. Краткий исторический очерк Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств. 1839–1889. – СПб., 1889. – 12 с.

¹¹ Макаренко Н.Е. Школа Императорского Общества поощрения художеств. 1839–1914. – Пг., 1914. – 120 с.

¹² Академия наук СССР: Персональный состав. – Кн. 1. 1724–1917. – М.: Наука, 1974. – 480 с.

¹³ Рейссиг К.Х. Об изучении искусства рисования и применения оно к ремеслам. Для учителей и учеников Рисовальной школы для вольноприходящих в С.-Петербурге. – СПб.: тип. Департамента внешней торговли, 1840. – 28 с.; Он же. Чертежи для употребления в чертёжных классах Рисовальной школы для вольноприходящих и воскресных рисовальных школах, заключающиеся в 24 таблицах, с пояснительными текстами. – СПб.: тип. К. Крайя, 1843. – 35 с.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Собко Н.П. Указ. соч.

¹⁶ Сементковский Р.И. Е.Ф. Канкрин. Его жизнь и государственная деятельность. – СПб., 1893. – 94 с., портр.

¹⁷ Никитин Ю.А. Указ. соч.

- ¹⁸ *Собко Н.П.* Краткий исторический очерк Императорского Общества поощрения художеств. 1820–1890. – СПб.: тип. и фототип. В.И. Штейна, 1890. – С. 9.
- ¹⁹ *Макаренко Н.Е.* Указ. соч. – С. 15.
- ²⁰ *Собко Н.П.* Указ. соч. – СПб., 1889; *Макаренко Н.Е.* Школа Императорского Общества поощрения художеств. 1839–1914. – Пг., 1914. – 120 с. Вторая книга факсимильно воспроизведена в изд.: *Художественное училище имени Николая Рериха.* Страницы истории / Автор-составитель Э.М. Романовская. – СПб.: Лань, 2001. – 416 с. – (Библиотека Всемирного Клуба Петербуржцев).
- ²¹ *Слепкова Н.В.* Указ. соч.
- ²² *Собко Н.П.* Указ. соч. – СПб., 1890.
- ²³ РГИА, ф. 18, оп. 1, 1840 г., д. 322.
- ²⁴ *Художественно-промышленная Рисовальная школа для вольноприходящих, находящаяся под ведением Высочайше утвержденного Общества поощрения художеств.* – СПб., 1877. – 7 с.
- ²⁵ *Собко Н.П.* Указ. соч.
- ²⁶ [Правила приёма в Академию окончивших Рисовальную школу Общества поощрения художеств] // *Художественные новости.* – 1887. – № 21. – С. 557.
- ²⁷ *Макаренко Н.Е.* Указ. соч.
- ²⁸ *Там же.*
- ²⁹ *Собко Н.П.* Указ. соч. – СПб., 1889, 1890.
- ³⁰ *Григоревич Д.В.* Указ. соч. – С. 23.
- ³¹ Сама история «бунта» известна. И.Н. Крамскому надлежало участвовать в конкурсе на получение Большой золотой медали, и некоторые из художников подали в Совет Академии прошение о том, чтобы им было разрешено выбрать каждому по своим склонностям тему для картины. Академия неблагосклонно отнеслась к предложенному новшеству, вследствие чего 14 молодых художников, с И.Н. Крамским во главе, отказались в 1863 г. писать на заданную Академией тему – «Пир в Валгалле» – и вышли из Академии.
- ³² *Репин И.Е.* Далёкое близкое / Под ред. и со вступит. ст. К.И. Чуковского. – Изд. 6-е. – М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1961. – 510 с.
- ³³ *Т-ский Д.* Порядки в Рисовальной школе // *Петербургский листок.* 1874. – 27 января / 8 февраля. – № 19. – С. 3.
- ³⁴ *Собко Н.П.* Указ. соч. – СПб., 1889.

В.М. МЕЛЬНИКОВ

(Общественная организация «Союз хранителей Санкт-Петербурга», г. Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ АРХИТЕКТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Необходимость создания в Петербурге Музея архитектурного творчества диктуется разными соображениями.

Во-первых, Государственный научно-исследовательский Музей архитектуры имени А.В. Щусева в Москве – слишком камерный и не может охватить такое явление, как мегаполис в Невской дельте.

Во-вторых, для самых широких слоёв нарождающегося гражданского общества возникает насущная необходимость разобраться: что же такое архитектура и почему она служит (или не служит) престижу государства.

В-третьих, слово «архитектура» буквально означает «главное строительство», что само по себе предполагает наличие и «неглавного». Жилью как таковому не уделяли особого внимания ни первобытные люди, ни античные греки. Зато культовые сооружения, начиная от дольменов и менгиров и кончая, к примеру, Софией Константинопольской, создавались с напряжением всех сил и привлечением всех освоенных природных ресурсов. Сегодня жизнь на планете строится как откровенная философия греха с точки зрения жизни вечной. Но можно ли обойтись без «веры» в земном, прикладном, так сказать, варианте? Известный софизм «Ахилл никогда не догонит черепаху» абсолютно точно характеризует соотношение между наукой и верой в их значении для общества. Мы с неизбежностью опираемся на веру вне зависимости от того, что о ней утверждаем. Наука без веры, как и ум без воспитания, напоминает меч без рукоятки: самое большее, что с ним можно сделать – это не порезаться. Всё, что мы сегодня подразумеваем под понятием «архитектура», имеет своим первоисточником храмовое зодчество.

В-четвёртых, греки пытались постичь истину всеми формами своей деятельности. Это привело к пророческим откровениям, не столько выраженным словесно, сколько блестяще показанным. Несмотря на то, что различие между культовым и утилитарным зодчеством существовало во все времена и у всех народов, эталонное понятие архитектуры сформировалось в Древней Греции. Превращение стоечно-балочной системы в ордер и последующее превращение ордеров в христианское пророчество произошло как бы само собой. Древнегреческий языческий храм (в плане которого был заложен «звёздно-симметричный крест») – это изображение священной рощи, в центре которой спрятано святилище: сокровищница или жилище божества. Целла – пещера Али-Бабы. Колонны периптера – чаща. Стилобат – холм. Антаблемент с фронтонами (тимпанами) и крышей – переплетение крон. Дорический ордер стал символом Веры, а также стойкости и мужества, которые без веры невозможны. Ионический ордер – символ Надежды на то, что вера (стойкость и мужество) не напрасны. Символ «овец избранного стада». Коринфский ордер – символ «вербного воскресенья», исторически максимального событийного соответствия человека и Бога. Образ «входа Господня в Иерусалим». Салют в ответ на радугу. Эти ордера, которых, казалось бы, так много на городских улицах и в интерьерах дворцов (представляющих собой образ Эдема, «райского сада»), на самом деле не являются теми вырезанными из мрамора эталонами, ювелирно воспроизводимыми в космически «натуральную величину», какими они были в Древней Греции. Их необходимо воссоздавать для оригинального музейного экспонирования. Не древность обработки мрамора должна здесь иметь значение, а подлинность мессинского пророчества, без ошибок изображённого «неграмотными» творцами для тех, кто сумеет его в будущем прочитать. Любовь человека к Божественной мудрости – Софии – вот что означает коринфский ордер для нас с вами. Римское секулярное «развитие» или «продолжение» греческой архитектуры – это уже не поиск Божественной Истины, а попытка самообожествления, закончившаяся, как известно, христианским протестом. Гениальнейший из христианских храмов – византийский собор Софии Константинопольской, ковчег будущих христианских народов, напрооро-

чувствовал все архитектурные типы последующих церквей, подобно тому, как Рим напророчествовал своими многоэтажными инсулами будущее жилищное строительство. Таким образом, «христианами до Христа» правильно будет считать не только «праведников» – пророков и философов, но и греческих архитекторов.

В-пятых, православный храм, «белое облако», в котором Бог являлся выводимому из египетского рабства народу, сложился из всего предшествующего развития мировой архитектуры. Масса – Теснота – Простор – Воспарение. Паперть – Притвор – Главный Неф – Алтарь (или Средокрестие, пересечение с трансептом). Безусловная массивность целого – наследие вавилонских городов. Она символизирует неприступность, отгороженность «спрятанного в земле», но земле не принадлежащего. Паперть – это рассечённая от вершины до основания половинка египетской пирамиды, расставать с которой (а не заглубляться в неё) следует, только поднимаясь вперёд и вверх, «забывая» на ступеньках грехи. Вершина усечённой пирамиды, естественно, приводит к «узким вратам» в притвор. Собственно, любой христианский город, вот уже много веков, это «притвор», обращённый тремя вратами к главному нефу главного собора. Основной объём церкви – главный неф, или «корабль», образуется двумя равными по размеру крестами: лежащим (в плане) и поставленным в его средокрестии. «Горизонтальную» перекладину лежащего креста обрамляет поперечный неф – трансепт. Верх стоячего креста образует вокруг себя подкупольное пространство. В четырёхстолпном храме массивные колонны, «мачты», заканчиваются четырьмя парусами, на которых, подпираемое «барабаном», держится «небо» – свод. Алтарная часть (или «нос» корабля) продольных нефов представляет собой три экседры (потому что не менее, чем из трёх повторяющихся элементов возникает ритм), центральная из которых всегда служит «апсидой». Она крупнее, или выше боковых, или «глубже» – за счёт «вимы», арочки-радуги, образующей (или обрамляющей) проём входа в центральную экседру-апсиду. Сверху апсида, как и боковые экседры, заканчивается «конхой» – четвертью сферы того же радиуса, что и полуцилиндрические апсиды-экседры. Четверть конха символизирует равноконечный греческий крест, удлиняемый за счёт вертикали, обозначенной полуцилиндром апсиды-экседры. Получается, что алтарная часть храма – это и образ Голгофы: трёх крестов – Спасителя и разбойников (благоразумного и неразумного), обращённых к востоку. За ними, а не перед ними стоим мы – народ.

В-шестых, как и греческие ордерные колонны, крест (вертикальная планка которого должна быть длиннее горизонтальной) – это ещё и «декартовы координаты» идеального человека. В действительности человек представляет собой даже не равноконечный крест, а приплюснутый, где «икс» значительно протяжённее «игрека». Менять это соотношение величин – задача всей жизни...

Иными словами, получается, что строительство храма, проектирование или даже простое теоретизирование на эту тему оборачивается «строительством» или преобразованием самого себя. И это, конечно, не случайно!

В-седьмых, безусловно, откровения даются не тому, кто являет собой «лежащий камень». Откровениями формируется элита общества. А последняя, в свою очередь, является страховочным механизмом сохранности любого народа. Мы любим повто-

рять: «красота спасёт мир», но не утруждаемся постижением механизма этого спасения, не думаем о формировании и сохранении настоящей духовной элиты. Русские купцы, «старые богатые» России, жертвовали на храмы, театры и другие «общественные нужды», стараясь искупить свою вину перед народом, которая заключалась в служении «мамоне» (богатству). В жертве виделась не «заслуга» перед Отечеством, а умеренное покаяние. «Возрождающие» Россию так называемые «новые русские» даже не подозревают, что им надо в чём-то каяться. В своей принадлежности «мамоне» они видят доблесть достойную награды, а за «жертвы», они уверены, народ перед ними в неоплатном долгу. Сегодня у нас налицо такое общественное устройство, при котором богатство каждого отдельного физического лица обедняет страну в целом. И все «жертвы» – только крючок и наживка, а народ – «золотая рыбка», которая, «попавшись», обречена исполнять нуворишеские желания и прихоти. Необходимо хотя бы на теоретическом уровне, но совершенно наглядно расставить всё по своим местам! Кто справится с подобной задачей лучше Музея?!

В-осьмых, видели ли вы когда-нибудь лик Святого, имя которого носите? Даже если вы считаете себя неверующим человеком, вам, наверняка, небезынтересно узнать «исторические» черты потенциального небесного покровителя? На сегодняшний день увидеть своего святого трудно. Человеку, считающему себя неверующим, бывает неудобно зайти в церковь, а уж начать там расспросы, тем более. Казалось бы, так просто – через интерес к своему имени человек может обратиться к церкви, простереть свой интерес дальше...

Представьте, в свои именины вы входите в зал, с виду не отличимый от интерьера храма, посвящённого именно вашему святому и видите множество его иконописных изображений – от самых древних, мозаичных, фресковых, или новейших из дерева и бумаги, до финифтовых, предназначенных для погребального креста. У голограмм (грубо говоря, объёмных фотографий в натуральную величину передающих различные предметы) открылось своё, неожиданно чисто музейное предназначение. Трудно представить себе музей того, что не может быть музеем по определению, например, православный храм. Как разрешить эту проблему? Можно ли, скажем, создать макет (в натуральную величину) «действующей» церкви – чтобы это не рассматривалось как кощунство, а как учебное пособие? Оказывается – да! В этом, с одной стороны, религии (церкви), а с другой – науке (музею) может помочь голограмма. Она способна даже оклады с драгоценными камнями показать объёмно, в натуральную величину и при «законсервированном» освещении. «Ненастоящая» голограмма, являющейся на самом деле не самой точной копией, а скорее, дубликатом оригинала (вплоть до бликов от свечей) позволяет использовать её как музейный экспонат, не вызывая никаких нареканий со стороны церкви. Мы вправе построить некий образцовый, церковный по форме объём, наполнив его дубликатами оригиналов икон, которые будут ежедневно сменяться на стенах, согласно церковному календарю, что практически невозможно сделать ни в одном соборе. И каждый сможет самостоятельно разбираться, получая сведения о церковной иконики (на примере лучших образцов), о правилах размещения икон в храме, о последова-

тельности в церковных обрядах, о содержании службы, восходящем к представленным первоисточникам. «Храм»-музей. «Храм»-пособие. «Храм»-учебник. Путь к самостоятельной катехизации.

В-девятых, в христианстве дар рассуждения ставится выше дара чудотворения. Возможно, это объясняется тем, что увидеть чудо как «знамение» дано не всем, а «проследить» его как артефакт можно только с помощью рассуждающего «экскурсовода». «Невидимым» христианским чудом в Санкт-Петербурге на протяжении трёх столетий является Невский проспект. Это отнюдь не космополитический проспект «Веротерпимости», как охарактеризовал его Александр Дюма, а, можно сказать, действующая модель православного храма. Так называемый «прозападник» Пётр I мечтал перевести колею христианства с католического пути. Петербург Петра Великого долженствовал стать чем-то большим, нежели «русский Ватикан». Именно роскошному и нарядному Невскому проспекту досталась роль «интерьера» великого храмового замысла: служить главным нефом святому Верховному Первоапостолу. Первоначально почти голая ось «Запад – Восток» незаметно, но неуклонно прирастала «атрибутикой» от десятилетия к десятилетию, от столетия к столетию.

Самый главный «корабль» Российского флота, неф Невского, начинается, естественно, от Адмиралтейства.

Давайте сравним традиционный архитектурный план православного храма со структурой главного проспекта и посмотрим, не обнаружится ли некоторых удивительных совпадений.

Вот последовательность «вхождения» (в самом глубоком смысле этого слова!) в православный храм. К храму надо ещё уметь прийти. Церковная паперть – многоступенчатое крыльцо. «Заселено» нищими, которые живут «милостью Божией», оказываемой через ваши руки, и буквально «сдирают» с вас ваши грехи, собирая копейки и рублики. Если хотите, милостыня – это билет на право подняться по трапу на борт. Притвор – «нижняя палуба» для пассажиров. Главный неф – внешне прямая дорога к «капитанскому мостику», «каюте хозяина корабля». Алтарная преграда (иконостас) – переборка, отделяющая функциональные помещения от пассажирских. Возле неё дальнейшими ходатаями за ваши интересы становятся Богородица и Иоанн Предтеча. Это важнейшие иконы деисусного ряда, просящие за «мир». Вот, в двух словах, схема церковной архитектоники, предназначенная для богослужебной практики. Как она соотносится с Невским проспектом?

Украшенная языческими богами и героями центральная башня Адмиралтейства – апофеоз труда – здание промышленной архитектуры. Ось её триумфально-портальной арки обращена в сторону от начала Невского проспекта. Не нам через проём выходить в мир, а миру, постучавшись, приходиться к нам. Ему «добро пожаловать», нам – принимать гостей. Паперть Невского проспекта начинается от Мойки и Полицейского моста. Её наивысшая отметка – Казанский собор. Буквально – самая широкая и обнимающая паперть России. Над входом – икона Казанской Божьей Матери, такая же традиционная, как и изображение Спаса Нерукотворного.

На противоположной стороне Невского, как на ступенях паперти, – «заблудшая овца» христианства – Лютеранская церковь. В «притворе» другая «заблудшая овца» – католический собор Святой Екатерины. Армянская церковь (ближе к православной традиции) находится почти в середине «притвора», который тянется от Екатерининского канала (Грибоедова) до Знаменской площади (Восстания). «Притвор» освящается храмом Владимирской Божьей Матери в створе Владимирского проспекта. Классический переход из притвора в главный неф имеет, как и алтарная преграда, трое врат: Северные, Южные и центрально расположенные Царские. Когда-то Знаменская церковь венчала собой важнейший этап перехода от принятия тобой Бога к принятию Им тебя... Сегодня это «северные врата» – станция метро «Площадь Восстания», а «южные врата», Московский вокзал, как и прежде, направляют паломников со всей России прямо к цели. Главный неф (Старо-Невский проспект) встречает верующих храмом Феодоровской Божьей Матери, в честь самой любимой Александром Невским Богородичной иконы, которой благословил сына князь Ярослав Всеволодович. Алтарём, если не всей России, то, по крайней мере, её Северо-Западной части, безусловно, является Александро-Невская лавра. Надо ли повторять, что заслонённые ныне ворота в Лавру – это заслонённая «храмовая икона» стольного града святого апостола Петра, изображающая архитектурными средствами «вход в Царство Небесное».

Как объяснить не желающим понимать, что Санкт-Петербург, город Небесного Ключаря, отмечен особой печатью: открывать и дарить себя людям и миру, часто не оставляя «автографа». Но наша с вами задача не затаптывать в пыль эти едва уловимые следы, а выявлять их и закреплять. Главным нефом Невского собора, в этом нет никакого сомнения, прошли до революции крестным ходом все канонизированные недавно новомученики и страстотерпцы.

Богородичные храмы идут по правой стороне Невского проспекта один за другим, с одинаковым интервалом, присутствуя во всех «отсеках», аналогичных строению архитектурного плана церкви, очерёдно своей близости святому благоверному князю, и символически могут рассматриваться как деисусное моление Богородицы на алтарной преграде.

Иоанн Предтеча находится по другую сторону от Богородицы и «изображён» тремя не менее выразительными, чем церкви, архитектурными объёмами, отвечающими на вопросы «где?», «как?» и «от кого?» пал величайший святой. Петропавловская крепость с Иоанновским рavelином и Иоанновским мостом находится вроде бы как в отдалении от проспекта, но... выводит ко второму значимому месту. Между крепостью («затвором») и проспектом, ближе к последнему, выстроен Михайловский замок – место убиения Великого магистра Мальтийского ордена (чьим небесным покровителем является Иоанн Предтеча), российского императора Павла I. Наконец, Предтеча возникает возле самого Невского, почти напротив собора Казанской Божьей Матери – одной из четырёх главок Спаса-на-Крови, преимущественно видимых с проспекта, возведённой над местом убиения императора Александра II («Освободителя»), погибшего в результате покушения, организованного Софьей

Перовской, своего рода «Иродиадой XIX века». Именно в этом куполе на своде выписан лик Крестителя.

В-десятых, Петербург не первый и не последний город, основанный как город-храм. А если быть точным, то четвёртый в своём ряду, тянущемуся по 30° градусу восточной долготы с Юга на Север от скального египетского храма Абу-Симбел, построенного во времена исхода еврейских племён из египетского рабства.

12 декабря 332 г. до н. э. в 7 часов утра Александром Великим (Македонским) основан город Александрия, прославившийся через 300 лет тем, что, видимо, в него, насчитывавшего тогда 1 млн. жителей, бежало от преследователей Святое семейство. Александрийская православная церковь так и именуется до сей поры «Вселенской», что является, пожалуй, самым значительным прославлением города Александрии.

Через 300 лет после достигнутого Александрией апогея славы на девять с половиной градусов выше (севернее) по тому же 30-му меридиану император Константин Великий основывает Константинополь, родину и столицу православного вероисповедания.

Идут века и на девять с половиной градусов севернее Константинополя по тому же 30-му меридиану возникает основанный великим, т. е. старшим из братьев, Кием, город Киев – «матерь городов русских».

Место, где появился город Санкт-Петербург, на том же самом меридиане, на девять с половиной градусов севернее Киева, прославилось ещё за 500 лет до его основания – победой великого новгородского князя Александра Невского. А основатель Петербурга Пётр I вскоре тоже стал Великим, как его предшественники-основатели городов-храмов.

Возможно, следуя этому алгоритму, следующий подобный город возникнет в наше время на южном побережье Варангер-фьорда в Норвегии...

В заключение хотелось бы привести слова знаменитого американского фантаста Роберта Шекли, который на вопрос: «В чём, кроме нефти, нуждается Америка?», ответил: «Больше всего ей нужны древние руины. Цель каждой нации в создании культуры, объектов ностальгии. Нам нужны старинные замки и дворцы, нужен настоящий Стоунхендж вместо того, что построили у нас в Орегоне. Вещи дают нам реальную связь с прошлым. И если они сделаны из железобетона, то это железобетонное прошлое. А это не совсем то, чего хотелось бы».

Похоже, американцы поняли это давно, иначе не предлагали бы обменять решётку Летнего сада на сто паровозов... И обменяли бы, если бы не Горький с Луначарским. А сегодняшние крыловские «Васьки» готовы подменить один из прекраснейших на свете городов, но, увы, Горького и Луначарского давно с нами нет. Как отстаивать авторитет российской культуры в России же – непонятно!

Всё же есть нечто обнадеживающее, что можно прочесть о нашем Музее и о связанном с ним замысле «Университета прикладной византологии» в восьмом номере «Петровского курьера» за 2003 г. (3–9 марта).

С.Е. ИВЛЕВА

(Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург)

«КАРТИНЫ СВЕТА».

Страны и народы на страницах русских иллюстрированных журналов тридцатых – пятидесятых годов XIX в.

Дальние страны, неизвестные народы, путешествия, полные опасностей и приключений, подвиги героев прошлого и настоящего – эти темы всегда волновали русского читателя, однако ему хотелось не только знакомиться с текстом, но и получать *наглядное* представление о прочитанном.

Важная роль в этом отношении принадлежала иллюстрированным журналам «Картины Света», «Живописное Обозрение», «Иллюстрация», «Живописная русская библиотека», «Живописный сборник». Значительная часть объёма каждого из них посвящалась описанию и изображению стран, посещение которых оставалось труднодоступным для основной массы читателей. Журналы их просвещали и давали зримую картину многообразия мира.

Необходимо признать, что русские иллюстрированные журналы изучены всё ещё недостаточно. В процессе их исследования то и дело возникают вопросы, на которые не всегда удаётся найти ответы. Многое нуждается в уточнении и, в первую очередь, определение понятия «иллюстрированный журнал», подразумевающего общую систему художественно-графического построения периодического издания.

В число вопросов, требующих поисковой работы, входит выявление круга художников и гравёров, в разные годы работавших для иллюстрированных журналов. Требуется осмысления также роль иллюстрированного журнала как особого историко-культурного феномена, тесно связанного с проблемами развития литературы, публицистики, изобразительного искусства, а также полиграфии и экономики.

Специфику периодических иллюстрированных журналов во многом определяло то, что они являлись итогом коллективного творчества литераторов, художников, редакторов, издателей и полиграфистов. Иллюстрированные журналы как особая область печатной графики стали своеобразной художественной лабораторией, в которой апробировались и утверждались для последующего применения в книгах новые принципы художественно-графического оформления, внедрялись новые печатные техники, прежде всего, ксилография (гравюра на дереве), наиболее органично сочетающаяся с набором. Редакции иллюстрированных журналов привлекали для работы лучших русских ксилографов, способных на страницах этих изданий показать достоинства забытой техники гравирования и утвердить в глазах любителей-знатоков и широкого круга читателей художественную значимость гравюры на дереве. Кроме того, иллюстрированные журналы способствовали обмену профессиональным опытом гравёров разных стран. Так, деревянные гравюры (политипажи)¹, выполненные в Лондоне или Париже по специальному заказу русских издателей, пересылались в виде особых отливок (клише) в Россию, где находили место в рус-

ских журналах, сопровождая тот или иной текст. Уже само их присутствие на страницах журналов давало творческий импульс развитию отечественной журнальной и книжной ксилографии.

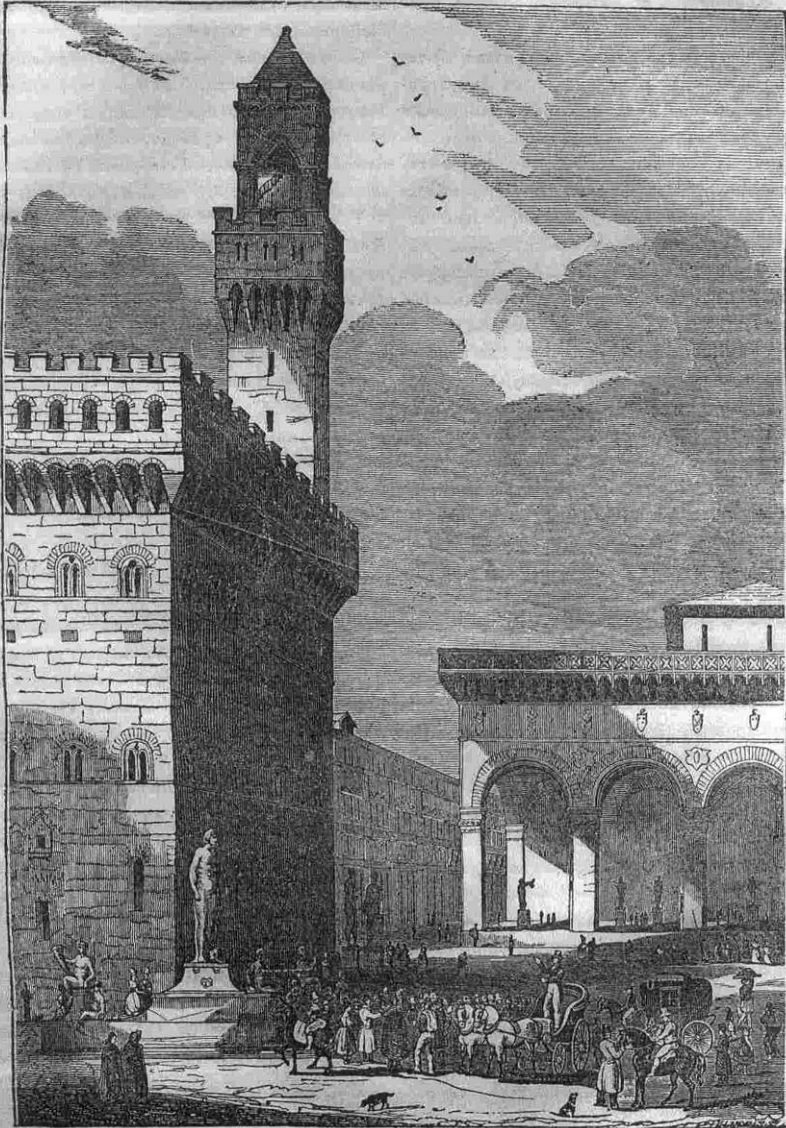
Важнейшей целью иллюстрированных журналов стало просвещение читателей, знакомство с многообразием мира в его историческом, этнографическом и географическом аспектах. Рассказы о памятниках Отечества, о дальних странах, народах, их истории, жизни и быте занимали солидную часть печатных страниц. Кроме того, в силу повышенного читательского интереса разделы о странах и народах позволяли издателям включать максимальное количество иллюстраций, вырабатывать характерные для каждого иллюстрированного журнала принципы художественно-графического оформления.

Появление новых иллюстрированных журналов, как правило, сопровождалось шумным успехом. Однако отсутствие постоянной и кредитоспособной читательской аудитории и большие расходы на издания делало эти предприятия недолговечными. В результате большинство журналов (независимо от их литературных и художественных достоинств) быстро прекращало существование. Сегодня иллюстрированные журналы 1830-х – 1850-х гг. перешли в разряд «редких», «забытых» и стали достоянием любителей-библиофилов. Между тем и теперь они представляют интерес для исследователей как изобразительная летопись прошлого и первый опыт создания художественно оформленного книжного пространства в изданиях энциклопедического характера, то есть страницу с продуманным сочетанием текста и изображения.

С 1830-х гг. в книжной культуре европейских стран иллюстрация (или «картинка», как называли её современники) стала играть всё большую роль. Она явилась не только украшением книжного листа, его стилистическим акцентом, но и важнейшей частью восприятия текста. Иллюстрация делала знакомым то, что читатель никогда не смог бы увидеть в действительности. Особенно актуальным это стало для описания стран и народов, рассказов о путешествиях, где зримые образы закрепляли прочитанное и играли образовательную, просветительскую роль.

В начале 1830-х гг. идея создания иллюстрированных энциклопедических журналов витала в воздухе. Почти одновременно её осуществлением занялись типографы и издатели Германии и Франции, но лидировала в этом процессе Англия – законодательница гравёрной моды первых десятилетий XIX в.

После успешных опытов в области торцовой гравюры², проведённых Томасом Бьюиком, и технических достижений в области полиграфии закономерным стало появление журнала, в котором использовались новые возможности ксилографии в применении к массовому периодическому изданию. Издававшийся с 1832 г. «Penny Magazine»³ стал иллюстрированным журналом, на художественную и литературную концепцию которого ориентировались появившиеся в 1833 г. французский «Magazin pittoresque» и немецкий «Pfenning Magazin». Идея организации такого рода издания захватила и русских издателей. Новаторами стали москвичи.

(Дворецъ Питти, въ Флоренціи).

Листъ 23

Дворецъ Питти во Флоренціи. Иллюстрація изъ альманаха «Картины Света»
(М., 1836. – Т. 1. – С. 353–354. – Листъ 23).

КАРТИНЫ СВѢТА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ОПИСАНІЯ.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь воздымаея въ величїи и славу новый столицный градъ Россїи, въ началѣ 1705 года была одичалая, безмолвная сирота-природа; Нева (Nuon), раздѣлившая Ингерманландїю отъ Корелїи, разтекалась при успѣхъ по болотистому берегу Финскаго залива, образовала множество небольшихъ острововъ, покрытыхъ густымъ еловымъ лѣсомъ и березнякомъ. Посреди этой унылой, грустной природы, разсыяно было нѣсколько бѣдныхъ рыбацкихъ и люцманскихъ хижинъ, сываемыхъ во время наводненїи. Это-то мѣсто избралъ Пётръ Великій для подножїи престола Русскаго. Съ незапамятныхъ временъ Нева была свѣрными вратами въ Скандїю. Когда въ 862 году образовалась сила Великаго Новгорода, Нева стала торговымъ путемъ Новгородцевъ; Ижора (Ингерманландїя) и Корелїя принадлежали имъ; въ Новгородской летописи, послѣ победы, одержанной Александромъ Ярославичемъ надъ Шведами, на Невѣ,

АРКА ГЛАВНАГО ШТАБА И ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ

упоминается, что въ томъ же годѣ онъ ходилъ воевать на *Колорвѣ* съ Новгородцами, Ладожанами, съ Корелюю и съ Ижерами, и взялъ городъ. Гуснавъ Адольфъ, пользуясь смутами Московскими, овладѣлъ Корелїею и Ингерманландїею и заперъ торговлю пороша Россїи съ свѣромъ, послѣ чего въпадени Охны при впадени Охны укрѣпленїе Nuenskanz (Неншанцъ); такимъ образомъ, до 1703 года, Нева была во владѣнїи Шведовъ. Только генїи Пётра Великаго могъ почувствовать всю тяжесть для Россїи Столбовскаго мира (заключенъ въ 1617 году), и понять, что Нева необходима для Россїи, что безъ Невы можетъ быть не процвѣло бы ея промышленное благосостоянїе. Море пужно было для Россїи, и Пётръ Великій добылъ море. Онъ объявилъ Шведамъ войну; неудачный походъ на Нарву не обезоружилъ его. 15-го Сентября, 1702 года Русскїе войска покорили крепость *Ноттебургъ* (древнїй Орѣшекъ Новгородцевъ), при истокахъ Невы изъ Ладожскаго озера, называ

«Картины Света» – московский энциклопедический иллюстрированный альманах, первая часть которого вышла в Москве в 1836 г. и выпущенный чуть раньше, тоже московский, иллюстрированный журнал «Живописное Обозрение»⁴ стали давно ожидаемыми изданиями нового типа. В них содержались разнообразные сведения, в том числе информация о разных странах, их истории и настоящем. На титульном листе московского альманаха значилось: «с политипажными рисунками», и это тоже было знаком времени. «По одному описанию трудно составить о чём-нибудь полную идею; описания недостаточно для удовлетворения любопытства читателя. Видеть и видеть – девиз любопытства, и вот от чего описание с изображением одарены таким всеобщим успехом»⁵. В приведённом высказывании отражено понимание главной особенности «Картин Света» и других, следующих за ним аналогичных иллюстрированных изданий – сочетания описания с изображением. Выход «Картин Света» и «Живописного Обозрения» открыл в России эпоху иллюстрированных журналов, превратив их в самостоятельный тип массового периодического издания, и обозначил принципы их художественно-графического оформления.

Издателем «Картин Света» был Александр Фомич Вельтман⁶ – известный в Москве литератор, автор «Странника», «Мартына Задеки», «Кошечья Бессмертного»⁷. К моменту издания альманаха он находился на пике литературной славы. Историки литературы писали, что «без имени Вельтмана не обходился ни один журнальный разбор»⁸. Тем не менее, в творческой биографии писателя работа над «Картинами Света» почти не упоминается. Причина, скорее всего, заключается в том, что альманах выходил всего два года⁹. Между тем издательский опыт Вельтмана сегодня заслуживает особого внимания, так как ему удалось осуществить востребованное на тот момент издание, популярное по литературной форме и передовое по художественно-графическому оформлению.

Уже во вступлении к первой части альманаха указывалось на познавательный характер издания и его ориентацию на отечественного читателя: «<...> вы охотнее, внимательнее слушаете рассказы путешественника соотечественника, нежели иностранца, ибо соотечественник рассказывает языком более для вас понятным, он берёт сравнения из родного окружающего вас мира»¹⁰.

Издание «Картины Света» называлось альманахом, потому что так было привычнее для литератора Вельтмана. Как и все альманахи, издание выходило один раз в год. Его художественное оформление принципиально отличалось от аналогичных, современных ему изданий. Как известно, оформление классических альманахов включало гравированный титульный лист, несколько иллюстраций-вклеек, редкие заставки и концовки. Альманах же «Картины Света» был насыщен иллюстрациями. Иллюстрации-политипажи сопровождали буквально каждую статью, визуальным знаком читателя с городами, странами и народами о которых велось повествование. Взяв за образец оформление английского журнала «Penny Magazine» и получив оттуда часть готовых политипажей, вельтмановский альманах англичан не копировал. Оформление «Картин Света» отличалось большим разнообразием и изысканностью. Размером в четвертую долю листа «Картины Света» печатались в две колонки текста с большими полями, что делало страницу более просторной и давало возможность

более эффектно размещать иллюстрации. Некоторые гравюры-иллюстрации помещались на отдельных страницах и могли рассматриваться как самостоятельные гравюрные листы. Сюжеты иллюстраций соответствовали названию альманаха. На его страницах представляли страны и народы, их праздники, обычаи: Луксорские обелиски и триумфальные ворота в Триполи, американские индейцы, эскимосы, воинственные курды, палаццо Дожей в Венеции и дворец Питти во Флоренции, королевский замок в Берлине, дом Жанны д'Арк в Домреми, львиный двор с фонтаном в Альгамбре и замки французского юга. Биографические статьи иллюстрировались портретами Сократа, Кортеса, Фридриха Великого, Тициана, Рубенса, Суворова, царя Алексея Михайловича, поэта Тредиаковского. Все иллюстрации сопровождали статьи, составленные или литературно обработанные самим Вельтманом.

Накануне выхода в свет новых частей альманаха на 1837 г. был издан лист-проспект, в котором, подводя итоги за минувший год, отмечалось, что «Картины Света» пользовались вниманием читателей и «редактор надеется сохранить те же достоинства и в продолжении»¹¹. «Относительно иллюстраций, – сообщалось далее, – в “Картинах Света” и в дальнейшем будут помещены политипажи, те же самые, какие помещаются во всех европейских изданиях»¹². Традиционно считалось, что иллюстрации альманаха состояли исключительно из готовых политипажей, которые Вельтман получал из Англии. Действительно, в том же проспекте сообщалось, что во второй части альманаха вновь будут использованы иллюстрации-политипажи «высокой английской работы», однако некоторые изображения, касающиеся России, исполнит художник Александров. Они «не уступают заграничным <...>, и это первый опыт политипажей в России, которым можно похвалиться»¹³.

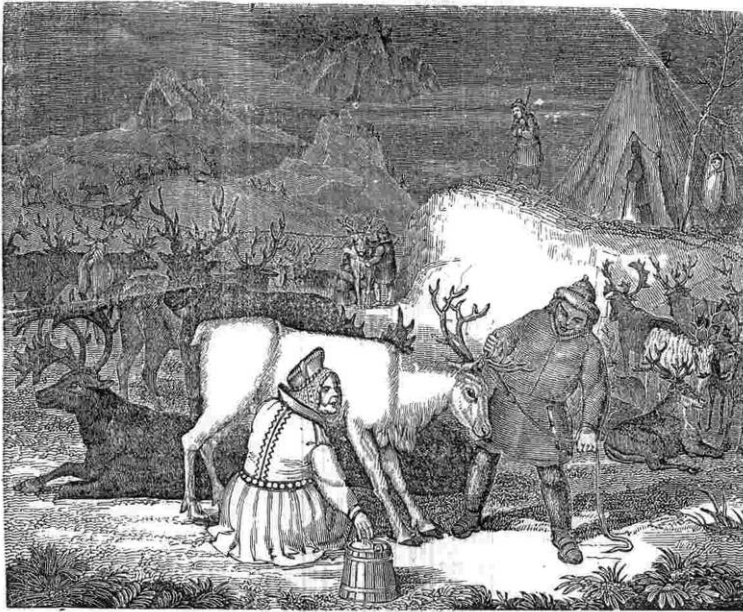
В 1836 и в 1837 гг. российские сюжеты в альманахе составляли незначительную часть. Это рассказ про Царь-пушку, сопровождаемый иллюстрацией, и две статьи о Москве. Раздел «Историческое описание» альманаха на 1837 г. открывала статья о Петербурге с иллюстрацией-политипажем «Арка Главного штаба и Зимней дворец»; она размещалась в середине страницы между колонками набора. В 1837 г. большую часть альманаха составляли разделы «Историческое описание стран», «Описание городов», «Описание замечательных зданий», «Обычаи и обряды»; каждый из них включал гравюры-иллюстрации.

В отличие от альманаха Вельтмана, просуществовавшего два года, московский журнал «Живописное Обозрение»¹⁴ выходил почти десять лет. Изначально он был задуман как первый в России научно-популярный иллюстрированный журнал энциклопедического характера. «Мы представляем для “Живописного Обозрения” всё, что только могут представить нам науки, знания, художества, ремёсла, быт человечества, мир древний и новый. <...> Рассказав о эскимосах, лапландцах, мы обратим внимание на жизнь и творения Бекона, Моцарта, <...> подвиги Петра Великого, на странствия Кука», – сообщала о своих планах редакция¹⁵. Предполагалось, что журнал будет иллюстрированным. «Содержание книги, которая ожидает благосклонного внимания читателя, по сущности своей можно назвать Живописной Энциклопедией, ибо около 300 изображений [в каждом томе. – С. И.] <...> представляет довольно разнообразия уму и воображению читателей», – отмечала редакция¹⁶.

мосы; издревле имѣя понятие о Богѣ, будущей жизни, хотя вѣра ихъ составляла грубое поклоненіе идоламъ, причѣмъ жрецами ихъ были колдуны, или шаманы, ловкіе хитрецы и фокусники. Теперь почти всѣ

Лапландцы обращены въ христіанскую вѣру, хотя и невольно понимаютъ ея таинства и вѣрчіе.

Обитая среди озеръ и тундръ сѣверныхъ, Лапландцы раздѣляются на горныхъ и при-

морскихъ. Последніе питаются рыболовствомъ, а зимою и весною занимаются звѣриною ловлею. Горные суть живущіе далѣе отъ морскихъ береговъ внутрь земли. У нихъ все богатство, всю промышленность составляютъ олени, какъ въ Азіатскихъ степяхъ табуны лошадей и стада овецъ. Олень, вообще въ сѣверъ Европы и Азіи, то-же что верблюдъ на Азіатскомъ югѣ. Лапландцы, Остяки, Чукчи имѣютъ, безчисленныя стада оленей, питаются ихъ молокомъ, одѣваются ихъ кожами, ѣздятъ на нихъ, составляютъ изъ нихъ предметъ обширной торговли. Ограниченный въ понятіяхъ, привыкшій къ нуждѣ, Лапландецъ незавидуетъ никому, ко-чу по тундрамъ съ своими стадами оленей, добывши себѣ отъ Европейцевъ вина, табаку, и потомъ лежа въ своемъ шалашѣ, заку-риваясь и напиваясь пьянъ. Волынка и барабанъ, пѣніе, пляска, скачки на оленяхъ увеселяютъ его. Трудъ его неотягощаетъ, и съ какимъ наслажденіемъ, беспрочно, лѣнливо

дремлетъ онъ среди семьи своей, если имѣ-етъ средства замѣнить свои руки лужими, и ничего недѣлать!

Хотите-ли видѣть картину жизни Ла-пландца? Взгляните на приложенную кар-тинку. Вотъ шалашъ Лапландскій; вотъ и эти сыны сѣвера и стада оленей ихъ. По-смотрите, какъ любитесь сѣверный краса-вецъ на своего рогатого корильца, пока его красивая ловкая подруга доитъ молоко. Лапландскій, или вообще сѣверный олень, составляетъ породу, известную подъ име-немъ *soxatago* (*Cervus Tarandus, Reine, Rein-Deer*). Онъ коротконогъ, съ разши-стыми вѣтвистыми, густыми рогами, темно-шерстный, чудесно переноситъ холодъ, го-лодь, и удивительно неутомимъ на ходу. Бы-вали примѣры, что на сохаточъ ѣзжали по 400 миль въ сутки, но обыкновенный ходъ его полагается въ часъ по 10 миль (Англій-скихъ).

ЧУХОНЦЫ, ИГРАЮЩИЕ ВЪ КАРТЫ.

Россія, богатая множествомъ различныхъ народовъ, представляетъ въ этомъ отношеніи удивительно любопытные предметы для изученія. Отъ крайнихъ, далекихъ предѣловъ Азіи, отъ полуострова Камчатки до границъ Польскаго царства, отъ Персіи до сѣвернаго океана, сколько народовъ, народцевъ, племенъ и поколѣній! Что за разнообразный маскарадъ! И какой богатый предметъ для историка, для этнографа. Надобно признаться, что мы не довольно обращаемъ вниманія на изученіе этого удивительнаго предмета нашего отечества. И вотъ, не далеко ходить, подъ самымъ Петербургомъ разсыяны прелестный и пресимпатный народъ, Чухны, или Чухонцы, особое поколѣніе великаго Финскаго племени; а много-ли найдемъ мы свѣ-

дтій о немъ? Кто они? откуда? отъ чего такъ сильна характерность этого поколѣнія, почти неизмѣннаго посреди одной изъ просвѣщеннѣйшихъ частей Русскаго государства? На такіе вопросы немного найдете отвѣтовъ въ Русскихъ книгахъ.

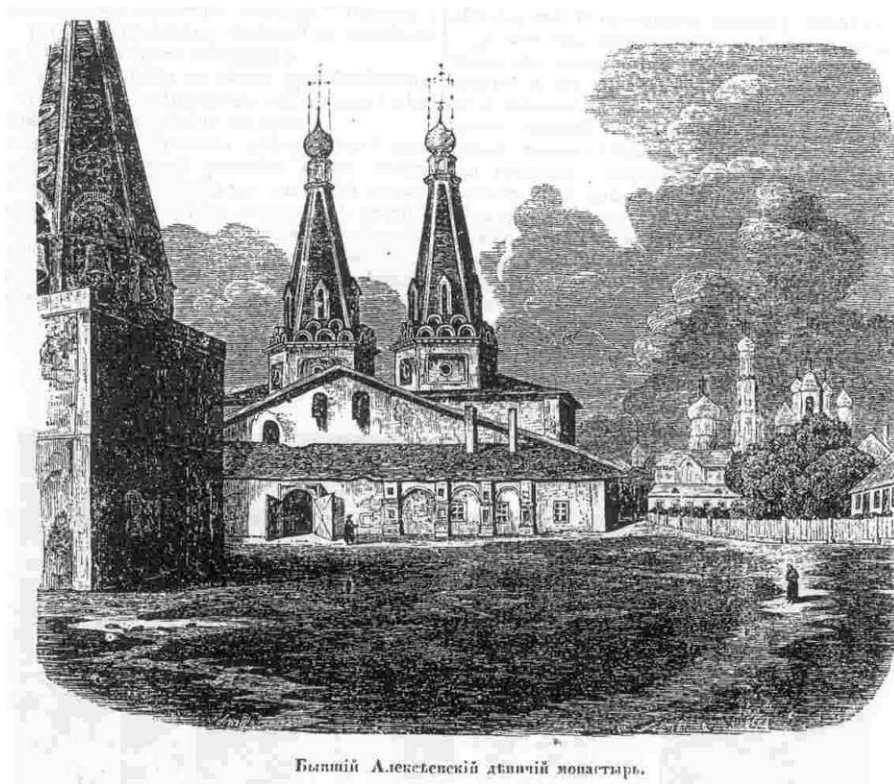
Вообще Финскій народъ не имѣетъ исторіи, потому что, какъ говоритъ нашъ исторіографъ, онъ никогда не славился побѣдами, не отнималъ чуждыхъ земель, но всегда уступалъ свои: въ Швеціи и Норвегіи Готамъ, а въ Россіи, можетъ быть, Славянамъ, и въ одной нищетѣ искалъ своей безопасности, «не имѣя (по словамъ Тацита) ни домовъ, ни коней, ни оружія; питаясь травами, одѣваясь кожами звѣринными, укрываясь отъ непогоды подъ сплетенными вѣтвями.» Любопытное событіе исторіи! На-

Чухонцы, играющие в карты. Иллюстрация с работы К.И. Рабуса из журнала «Живописное Обзорение» (М., 1838. – Т. 4. – С. 145. – Лист 19).

ИВАНЪ ВЕЛИКІЙ И БОЛЬШОЙ КОЛОКОЛЬ, ВЪ МОСКВѢ.

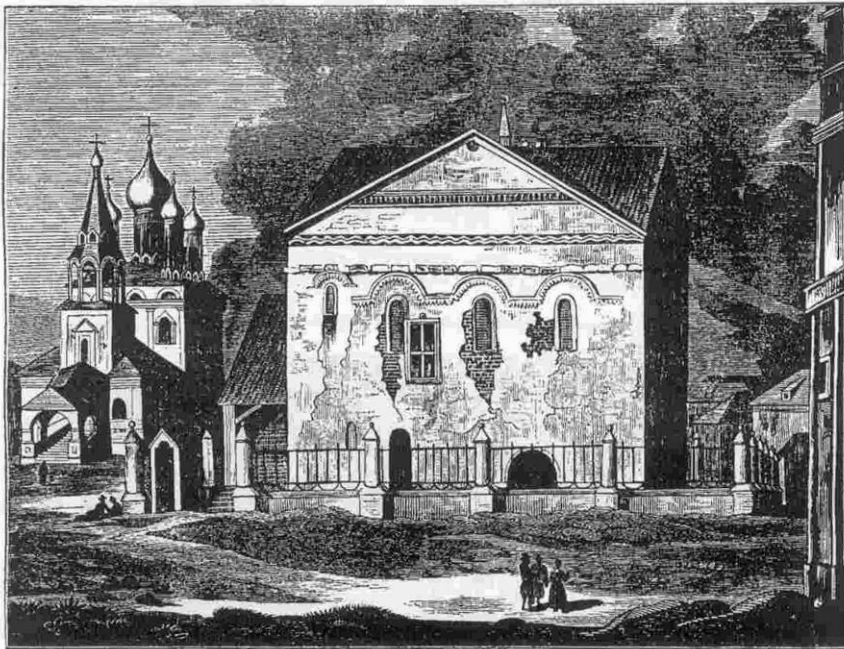
Иван Великий и Большой колокол в Москве. Иллюстрация с работы К.И. Рабуса из журнала «Живописное Обзорение» (М., 1838. – Т. 4. – С. 65. – Лист 9).

Бывший Алексеевский девичий монастырь. Иллюстрация с работы К.И. Рабуса из журнала «Живописное обозрение» (М., 1838. – Т. 4. – С. 180).

Официальным издателем «Живописного обозрения» значился опытнейший типограф, француз Август Иванович Рене-Семен (Август Семен¹⁷, как его обычно называли), но фактическим организатором журнала являлся известный литератор Николай Алексеевич Полевой¹⁸. Основываясь на зарубежном опыте, он разработал общую концепцию журнала и, кроме того, был негласным автором большинства статей¹⁹. В плане художественного оформления и в системе литературного построения «Живописное обозрение», как и «Картины Света», во многом ориентировалось на «Penny Magazine», о чём редакция сообщила читателям во вступлении. При этом она уточняла, что журнал намерен творчески переработать издательский опыт англичан: «Наше “Живописное обозрение” будет выбор всего лучшего и приспособленного к русской публике из Penny Magazine и других сего рода изданий <...>. Описания наши будут не переводимы, но составлены нами, сообразно понятиям и образованию русских читателей»²⁰.

Опытный типограф Август Семен, располагая широчайшими связями в кругах английских и французских полиграфистов, имел возможность приобретать гравю-

Дворец Царевича Димитрия, въ Угличѣ.

Дворец Царевича Димитрия в Угличе. Иллюстрация с работы К.И. Рабуса из журнала «Живописное Обозрение» (М., 1838. – Т. 4. – С. 48).

ры-иллюстрации в качестве готовых клише в гравировальных заведениях Лондона и Парижа. В России, в процессе издания очередного тома, гравюры-политипажи соединялись в наборном листе с текстом редакционной статьи. Как и вельтмановский альманах, «Живописное Обозрение» печаталось в четвёртую долю листа текстом в две колонки с большими полями. И хотя в графическом построении страниц чувствовалось влияние английского журнала, в расположении гравюр не было жёсткой схемы, присущей «Penny Magazine» и другим зарубежным иллюстрированным журналам. Гравюры на странице располагались динамично и разнообразно. Каждую редакционную статью сопровождала одна или несколько иллюстраций. Иллюстрации, не связанные с текстом, были чрезвычайно редки.

Изначально предполагалось, что журнал не будет ограничиваться описанием и изображением только иностранных красот. «Мы постараемся сделать “Живописное Обозрение” более национальным, более русским, будем иметь возможность заказать в Англии виды и изображения предметов нашей российской географии, истории, наших отечественных памятников», – уточняла свои задачи редакция²¹.

Выпуск 1.

1856.

№ 1.

ЖИВОПИСНАЯ РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Обложка журнала «Живописная русская библиотека» (СПб., 1856. – № 1).

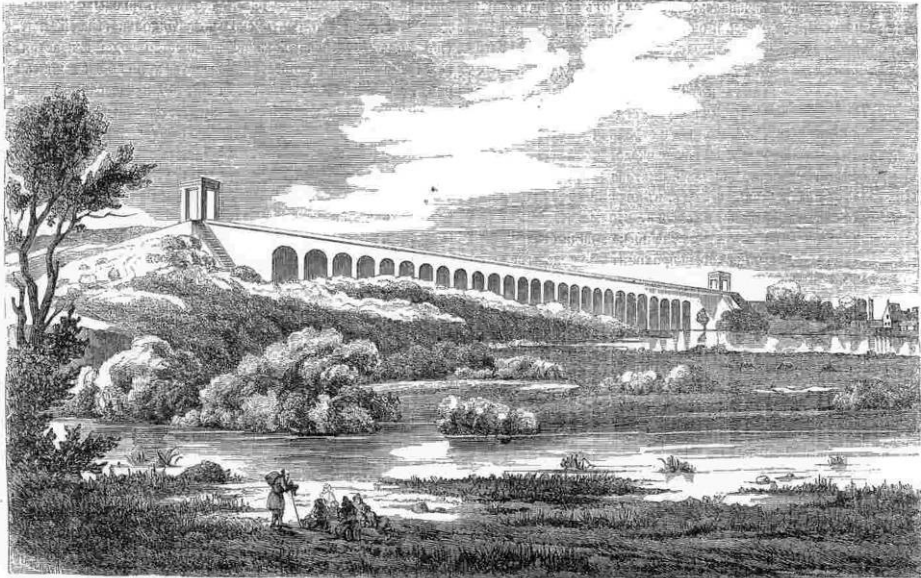
ЖИВОПИСНАЯ РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

МЫТИЩИНСКИЙ ВОДОПРОВОДЪ.

Проезжая изъ Москвы по Ярославской дорогѣ, которая ведетъ также и въ Троицко-Сергіеву Лавру, близъ деревни Ростокиной (перстахъ въ семи отъ заставы) взгляните вправо: вы увидите величественную, огромную постройку, достойную соперницу Рим-

скихъ построекъ такого рода. Она составляетъ часть *Мытищинскаго водопровода*, который въ этомъ мѣстѣ перебросенъ черезъ рѣчку Юзу.

Мытищинскій водопроводъ — памятникъ славнаго царствованія Екатерины Великой, которой имя соединено со всеми успѣхами образованности и настоящаго благоустройства Россіи. Давно знали,

Мытищинскій водопроводъ.

что близъ села: *Большія Мытищи*, перстахъ въ пятнадцати отъ Москвы по Ярославской дорогѣ, существуютъ обильные ключи воды, въ какой нуждалась наша древняя столица, возникшая безъ выбора выгодной мѣстности, единственно по ходу историческихъ событій, подлѣ такой рѣки, которая не могла довольствоватъ хорошею водою жителей многочислаго и обширнаго города. Ключи

мытищинскіе называются также *громовыми* и вода ихъ *громовою*, потому что народное преданіе говоритъ, будто ударъ грома, и молнія, упавшая при томъ на одинъ изъ ключей, открыли существованіе этого ключа. Впослѣдствіи, по близости перваго, открыты многіе другіе ключи, въ которыхъ вода одинаковаго качества: прозрачна, чиста, пріятна вкусу. Теперь насчитываютъ

Мытищинскій водопровод. Иллюстрація с гравюры Г.В. Гогенфельдена в журнале «Живописная русская библиотека» (СПб., 1856. — Т. 1. — № 15. — С. 113).

Главной и самой объёмной частью «Живописного Обозрения» стал раздел «география и история». В качестве подпунктов в него входили «страны, государства, области», «народы». Перед взором читателя на страницах «Живописного Обозрения» представляли знакомые и малоизвестные города и страны. Как в калейдоскопе на страницах журнала сменялись изображения, возникала романтическая Испания («Фонтан в Альгамбре», «Эскориала в Мадриде», «Соборная церковь в Толедо») и любимая многими Италия («Вид на Везувий», «Мост Святого Ангела в Риме»), мелькали виды Швеции, Норвегии, Германии, Франции, Англии. Многие читатели впервые на страницах этого журнала познакомились с загадочным Пекином и с далёким Кантоном. Для статей в подразделе «народы» редакция предпочитала выбирать народы «экзотические»: лапландцев, гренландцев, эскимосов, жителей острова Цейлон. Познавательные по содержанию и традиционно доброжелательные по тону изложения статьи сопровождалась гравюрами-иллюстрациями, в которых этнографическая достоверность неизменно сочеталась с занимательностью сюжета.

Значительное место на страницах «Живописного Обозрения» уделялось России. В иллюстрациях были представлены многочисленные виды обеих столиц и знаменитые места провинции: «Ипатьевский монастырь в Костроме», «Дворец царевича Дмитрия в Угличе», «Вид Юрьевского монастыря в Новгороде». Кроме того журнал знакомил читателей с малоизвестными местами и видами: «Древние развалины у Симферополя», «Успенский монастырь близ Бахчисарая», «Генуэзские развалины около Феодосии». Ряд рисунков для российских сюжетов журнала, по воспоминаниям современников, исполнил известный художник, академик живописи Карл Иванович Рабус – многолетний приятель Н.А. и К.А. Полевых²². С подписью «Rabus» и «С. R.» были представлены «Вид Измайлова», «Колокольня Ивана Великого», «Новодевичий монастырь» и другие московские достопримечательности. Украшением «Живописного Обозрения» стали выполненные Рабусом весёлые жанровые сценки из народной жизни. Так, статью, посвящённую финнам, живущим под Петербургом, дополняла забавная иллюстрация-политипаж «Чухонцы, играющие в карты» с примечанием, что оригиналом для иллюстрации послужил «снятый с натуры рисунок академика Карла Ивановича Рабуса»²³.

В начале 1840 г. издатель Август Семен и редактор Ксенофонт Полевой²⁴ подводили итог пятилетней деятельности журнала в деле просвещения читателей: «Живописные издания сделались теперь потребностью времени во всей Европе <...>, а у нас “Живописное Обозрение” имеет ещё и высшее назначение. У нас оно должно заменить и словари по разным наукам, и книги, наставительные для юношества»²⁵. Создатели журнала с гордостью констатировали, что «множество городов и разных замечательных мест описаны в “Живописном Обозрении” гораздо подробнее, нежели в какой-либо другой русской книге»²⁶. Анализируя графическое оформление журнала, редакция с удовлетворением отмечала его высокий художественный уровень: «Рисунки, наполняющие “Живописное Обозрение”, точно избранные и самые изящные из всех европейских потому, что имеем выгоду заимствовать лучшее из иностранных живописных изданий, прибавляя к тому ещё предметы русские, которые уже от нас заимствуют в иностранные издания»²⁷.

«Живописное Обозрение» прекратило существование в первой половине 1844 г. За без малого десятилетие журнал сумел сообщить читателям много полезного и нового о природе, народах и странах. Одним из главных итогов его деятельности стал опыт удачного сочетания литературного текста и иллюстраций на печатных страницах.

К середине 1840-х гг. бурная издательская жизнь переместилась из Москвы в Петербург. По воспоминаниям А.Д. Галахова, постоянного автора нескольких московских журналов, «за неимением запроса на литературный труд в Москве нужно было искать его в Петербурге, где стала развиваться журналистика, не боясь уже соперничества Полевого и Надеждина»²⁸.

Самым заметным из иллюстрированных изданий 1840-х гг. стал петербургский журнал «Иллюстрация»²⁹. Его редакторы – сначала Нестор Кукольник, потом Александр Башуцкий – создали журнал ни в чём не уступающий лучшим зарубежным изданиям. Еженедельные, размером во вторую долю листа субботние тетрадки «Иллюстрации» с эффектно размещённым в три колонки текстом заполняли иллюстрации-политипажи. Многие гравюры-иллюстрации заказывались для журнала в Париже, но большая часть всё же была исполнена в России отечественными ксилографами. В конце 1847 г. у «Иллюстрации» появилось собственное гравировальное заведение, в котором работали лучшие российские мастера ксилографии: К.К. Клодт, Г.В. Дерикер, Е.Е. Бернадский, Б.Б. Грейм, Г.В. Гогенфельден и Л.А. Серяков. Большое внимание журнал уделял описанию путешествий, рассказам о странах и народах. Художественно-графическое оформление «Иллюстрации» сделало его заметным явлением русской журнальной графики³⁰.

Когда в 1856 г. Ксенофонт Алексеевич Полевой решил создать новый иллюстрированный журнал, он уже слыл опытным издателем. По его замыслу, «Живописная русская библиотека» должна была отличаться от журналов, выходявших ранее, соединять в себе их лучшие черты и сочетать разнообразную тематику. Наибольшее внимание издатель собирался уделять темам, связанным с Россией, и «избирать для журнала предметы преимущественно русские»³¹. Цель своего издания он видел не только в просвещении читающей публики и «поучении юношества», что было уже традиционно. Полевой хотел создать новый художественный образ журнала, в котором синтез текста и иллюстраций достиг бы наибольшего единения. «Желаем, чтобы наша “Библиотека” была изданием <...>, в котором текст был бы нераздельною принадлежностью рисунков, а рисунки существенной частью каждой статьи»³². Близкие задачи ставили издатели иллюстрированных журналов и до Полевого, но, пожалуй, впервые именно он в иллюстрированном журнале поставил на первое место гармоничное единение текста и иллюстраций. Залог успеха своего предприятия издатель видел в привлечении русских гравёров-ксилографов, профессиональное мастерство которых достигло «такого же совершенства в резьбе на дереве, каким отличаются иностранные художники»³³.

В Париже, с середины 1840-х гг. ставшем европейским центром ксилографии, работало множество гравёрных мастерских. Они занимались массовым изготовлением готовых клише, предназначенных не только для Франции, но и для других

стран³⁴. Продукция этих мастерских могла полностью обеспечить гравюрами-политипажками почти все европейские иллюстрированные журналы. Желание Полевого как можно активнее вовлекать в процесс создания журнала русских гравёров доказывало, что он был намерен создать издание незаурядное, первое «такого рода в нашем Отечестве». И хотя Ксенофонт Алексеевич признавал, что в России ещё «невозможно издавать иллюстрированный журнал без пособия иностранных политипажей»³⁵, на протяжении всего существования «Живописной русской библиотеки» он старался отдавать приоритет работам русских мастеров. Журнал выходил в свет еженедельно. Его высокоого полиграфического качества восьмистраничные тетрадки печатались в две колонки на веленовой бумаге в типографии И. Фишона.

Задавая тон новому журналу, Полевой поместил на обложку первого номера вид недавно освящённой петербургской церкви лейб-гвардии Егерского полка, посчитав, что это событие – «приятное не для одних обитателей северной столицы, но и для всех русских»³⁶. Далее, чтобы познакомить читателей «Живописной русской библиотеки» с мировыми научными открытиями и дать им возможность совершить воображаемое путешествие, в двух первых номерах был помещён рассказ о Помпеях. Статью проиллюстрировали десять гравюр с видами Помпей. Они были выполнены с рисунков известного французского археолога Э. Бретона и живописно размещены в тексте. На страницах «Живописной русской библиотеки», следуя обещанию, «представлять достопамятные предметы целого мира», чередовались, сменяя друг друга, разнообразные уголки России: «Саввин монастырь близ Звенигорода», «Мытищинский водопровод», «Церковь в Екатеринбурге», «Панорама Тифлиса». Здесь же можно было встретить и изображение разных типов жителей империи: «Огнепоклонники в Баку», «Евреи белорусские», «Жители Воронежской губернии». Впервые на страницах журнала российский читатель мог видеть гравированные Гогенфельденом, «списанные с натуры господином Микешиним портреты покорившихся на Кавказе набов»³⁷ и «кавказских красавиц в народных костюмах»³⁸. В иностранных сюжетах издатель старался знакомить читателей с местами не только хорошо известными («Ницца», «Виндзорский замок», «Саксонская Швейцария»), но с народами и странами малознакомыми (жителями Сиамы, Алеутских островов, гренландцами и лопарями). Именно на страницах «Живописной русской библиотеки» отечественный читатель впервые познакомился с далекой Кубой – «единственным обломком от всех великолепных владений <...>, какие некогда принадлежали Испании в Америке»³⁹. Статью «Нравы и обычаи жителей Гаваны» сопровождали гравюры-иллюстрации с характерными типами обитателей кубинской столицы – испанцев, индейцев, чернокожих. Следуя постоянному стремлению «знакомить читателей со всем новым и любопытным»⁴⁰, Полевой оставался изобретательным и неутомимым в поисках новых материалов. В одном из номеров за 1858 г. он поместил просьбу к «сибирским читателям» доставить в редакцию несколько амурских видов, так как «несмотря на все старания наши, мы не можем получить ни каких очерков и эскизов с Амура»⁴¹.

Издателя Ксенофонта Полевого постоянно волновал вопрос улучшения художественного и литературного качества журнала. «По красоте издания, – утверждал

К.А. Полевой, – ни один из русских журналов не может быть поставлен в ряд с «Живописной русской библиотекой». <...> Издатель не щадил издержек не только для придания красоты своему изданию, но и для расширения объёма его»⁴². Однако выпуск такого журнала был чрезмерно дорогим предприятием. 1859-й год стал для «Живописной русской библиотеки» последним. Журнал прекратил существование, но его художественные поиски, в том числе продуманная система описания и изображения стран и народов, оказались полезными для последующих русских иллюстрированных журналов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Политипаж – термин полиграфический. Так называли отливку, точно повторяющую выпуклую печатную форму (обычно гравюру на дереве), позволяющую получать большое количество отпечатков. В работах по истории гравюры общим термином «политипаж» называют иллюстрации в технике торцовой гравюры на дереве.

² Торцовая гравюра – гравюра на торце – дереве твёрдых пород (пальма, самшит) поперечного распила.

³ «Penny Magazine» печатался на изобретённой в 1810 г. скоропечатной машине Кенига. Гравюры для журнала в основном изготавливались в мастерской известного гравёра Дж. Джексона.

⁴ Журнал «Живописное обозрение» начал выходить в Москве в июне 1835 г.

⁵ Цит. по: Вступление // *Картины Света*. – М., 1836. – Т. 1.

⁶ Александр Фомич Вельтман (1800—1870) – прозаик, поэт, автор многочисленных трудов по истории, археологии, фольклору.

⁷ «Странник» (М., 1831–1832), «МММCDXLVIII год, рукопись Мартына Задеки» (М., 1831), «Кощей Бессмертный» (М., 1833).

⁸ *Бухитаб Б.* Первые романы Вельтмана // *Русская проза*: Сб. ст. / Под ред. Б.М. Эйхенбаума, Ю.Н. Тынянова. – Л., 1926. – С. 192.

⁹ Вышли две части: на 1836 и 1837 год. Зачастую владельцы соединяли обе части вместе, переплетая их в один том.

¹⁰ Цит. по: Вступление // *Картины Света*. – М., 1836. – Т. 1.

¹¹ Лист-проспект альманаха на 1837 г. Лист-проспект, вpletённый перед томом за 1837 г., автору настоящей статьи удалось увидеть только в экземпляре из Российской Национальной библиотеки.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Полное название журнала: «Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития с присовокуплением живописного путешествия по земному шару и жизнеописаний знаменитых людей». Выходил с июня 1835 до начала 1844 г.

¹⁵ Цит. по: Вступление // *Живописное обозрение*. – М., 1835. – Т. 1.

¹⁶ Там же.

¹⁷ От фр. *Semén*.

¹⁸ Николай Алексеевич Полевой (1796—1846) – писатель, публицист, историк, издатель. С 1825 по 1834 г. издавал популярный журнал «Московский телеграф». Из-за сложностей с цензурой, после закрытия в 1834 г. «Московского телеграфа», не мог самостоятельно заниматься издательской деятельностью. Поэтому в первые годы выхода «Живописного обозрения» издателем значится только Рене-Семен. В 1837 г. Н.А. Полевой переехал в Петербург, оставив дела по журналу своему брату Ксенофонту Алексеевичу Полевому.

¹⁹ В воспоминаниях К.А. Полевого («Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого», СПб., 1888) содержатся интересные подробности об организации «Живописного обозрения».

- ²⁰ Цит. по: Вступление // *Живописное Обозрение*. – М., 1835. – Т. 1. – Ч. 1.
- ²¹ Там же.
- ²² Из воспоминаний И.Я. Тучкина // *Развлечение*. – 1859. – № 13. – С. 154. **Карл Иванович Рабус** (1799—1857) – выпускник Императорской Академии художеств, профессор пейзажной живописи Московского училища живописи и ваяния и Строгановского училища.
- ²³ *Живописное Обозрение*. – М., 1838. – Т. 4. – С. 145.
- ²⁴ **Ксенофонт Алексеевич Полевой** (1801—1867) – писатель, критик, издатель, брат Н.А. Полевого. После отъезда Н.А. Полевого в Петербург – редактор «Живописного Обозрения».
- ²⁵ Вступление // *Живописное Обозрение*. – М., 1840. – Т. 6.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Галахов А.Д.* Записки человека. – М., 1999. – С. 143.
- ²⁹ Журнал выходил с марта 1845 г. до № 3 за 1849 г.
- ³⁰ Подробнее о журнале «Иллюстрация» см.: *Ивлева С.Е.* «Путешествие по всей России» на страницах журнала «Иллюстрация» (1845 – 1847 год) // *Культурное наследие Российского государства*. – Вып. IV. – СПб., 2003. – С. 67–74.
- ³¹ *Живописная русская библиотека*. – 1856. – Т. 1. – №1. – С. 6.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Так работала мастерская известных французских ксилографов Беста и Лелуара, обслуживающих самый популярный французский иллюстрированный журнал «L'Illustration».
- ³⁵ *Живописная русская библиотека*. – 1858. – Т. 3. – № 48. – С. 380.
- ³⁶ Там же. – 1856. – Т. 1. – № 1. – С. 2.
- ³⁷ Там же. – 1859. – Т. 4. – № 1. – С. 1.
- ³⁸ Там же. – 1859. – Т. 4. – № 5. – С. 33.
- ³⁹ Там же. – 1857. – Т. 2. – № 22. – С. 172.
- ⁴⁰ Там же. – 1858. – Т. 3. – № 28. – С. 216.
- ⁴¹ Там же. Амурский край незадолго до этого вошёл в состав России, чем был обусловлен интерес к нему в обществе.
- ⁴² Там же. – 1858. – Т. 3. – № 48. – С. 381.

В.В. ГРИГОРЬЕВА

(Санкт-Петербургский государственный университет)

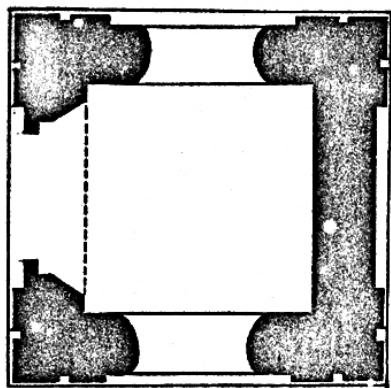
НЕОБХОДИМОСТЬ СПАСЕНИЯ ЧАСОВНИ СЯТОЙ АНАСТАСИИ В ПСКОВЕ

Искания Николая Константиновича Рериха в начале XX в. развивались через символическое осмысление мира, стремление к синтезирующему мышлению. В многогранном творчестве Рериха представлены различные виды живописи. При безусловном преобладании станковой, по праву составившей славу замечательного художника, немалое место среди его творческих исканий занимала также монументальная живопись (стенопись). Причём именно в ней Н.К. Рерих с особой смелостью шёл на эксперимент, на апробирование новых художественных, и, что крайне важно, новых технологических приёмов в попытке достичь наивысшей выразительности образа.

Архитектор А.В. Щусев. Часовня Святой Анастасии Римлянки в Пскове. 1911. Фрески по эскизам Н.К. Рериха выполнены в 1913 г. Снимок М.А. Мельниковой 30 декабря 2007 г.

Работа над спасением произведений монументальной живописи Н.К. Рериха приобретает особо важное значение ещё и потому, что их осталось совсем немного. Хорошо известны церковь Святого Духа, сохранившаяся под Смоленском во Флёново (Талашкино), и Анастасьевская часовенка в Пскове. Время оказалось безжалостно к памятникам монументальной живописи Н.К. Рериха. Мало внимания им уделяла широкая художественная общественность, критики и искусствоведы, увлечённые шедеврами станковой живописи Рериха. Монументальная живопись Рериха, сравнительно труднодоступная из-за удалённости расписанных художником памятников от центра и главных магистралей, осталась в тени. Тем острее необходимость снять покров забвения и предоставить ей надлежащее место в кругу художественного наследия Н.К. Рериха.

План Анастасьевской часовни в Пскове.

Часовня Святой Анастасии в Пскове, размером 3,7×3,7 м, была построена на подъёме к Ольгинскому мосту в 1911 г. на месте более ранней часовни (1711 г.) по проекту знаменитого русского архитектора Алексея Викторовича Щусева (1873–1949). Об этом зодчем Н.К. Рерих отзывался неизменно высоко: «...Щусев – один из самых замечательных архитектурных творцов. С ним делали мозаику для Почаева, часовню для Пскова...» («Друзья», 1937). Анастасьевская часовня решена в стилизованных формах древнепсковской архитектуры. Квадратная в плане, она не имеет апсиды и покрыта сомкнутым сводом. Входная дверь и два оконных проёма с решётками, угловые пары пилястр да мемориальная доска – вот и все архитектурные формы памятника. Четверик завершён барабаном с главкой, декорирован угловыми лопатками и бегунцом. Храмозданная керамида заложена в восточную стену. Заказчиком часовни являлось Управление внутренних водных путей и шоссейных дорог. Материал стен – псковская лещадная известковая плита в сочетании с кирпичом. Стены были оштукатурены и побелены. Интерьер расписан клеевыми красителями по эскизам Н.К. Рериха. Э.М. Петухова предположила, что возможно, фрески выполнены самим художником. Л.В. Короткина сообщила, что по оригиналам мастера храм росписывал реставратор Г.О. Чириков.

Проектируя часовенку, А.В. Щусев внимательно изучал древнюю архитектуру Пскова. Памятник представляет собой особое явление. Вход в часовню был с севера непосредственно с моста. Белые чистые стены почти лишены декора, используется лишь мотив типично псковского орнамента-бегунца, паребрика и кокошников. Объём здания устремлён ввысь, что подчёркивается узким и высоким барабаном, и этим ча-

совня выделяется на фоне древне-псковской архитектуры, которой свойственна некоторая приземлённость. Лёгкому внешнему облику памятника соответствует светлая гамма и возвышенная духовность образов росписи его интерьера. Расписаны три стены (западная, северная и южная) и свод. Для часовни Н.К. Рерих создал четыре эскиза в 1913 г. Два находятся в Государственном Русском музее («Плафон». Картон, темпера. 47,0 47,5. № Ж-1972; «Спас». Картон, темпера. 64,0 47,5. № Ж-1971). Местонахождение двух других – «*Коленопреклонённые воины*» – неизвестно.

Идею фресок часовни Н.К. Рерих связывал с героической историей Пскова. Главные сюжеты росписи: Спас на убресе, четыре архангела, Богоматерь и Никола в крепостных стенах. На западной стене по сторонам входа художник поместил фигуры воинов на фоне архитектурных сооружений. Это псковские князья Всеволод-

Современное состояние часовни Святой Анастасии Римлянки в Пскове.
Снимок В.Л. Мельникова 30 декабря 2007 г.

Гавриил (XII век) и Довмонт-Тимофей (XIII век). Воины представлены коленопреклонёнными, с мечами в руках. Над аркой входа – композиция «Спас и Ангелы». В люнетах над окнами изображены святые (над северным окном Святая Анастасия). Ниже – холмы, облака, овечки; стены покрывает орнамент в виде стеблей и цветов, с характерными для модерна волнообразными линиями и формами. Плафон представляет собой изображение неба с луной, солнцем, звёздами и Святым Духом в виде голубя, от которого исходят лучи света и херувимы. Используя символические образы средневековой живописи, художник стремился наполнить стенопись часовни глубоким возвышенным содержанием: он показал Единство Вселенной – земная природа, жизнь небесных светил, герои исторических событий и скромные полевые цветы – всё включено в неразрывный, вечный круговорот жизни.

С 1911 по 1914 г. Н.К. Рерих работал над росписями двух храмов: церкви Святого Духа в Талашкине и часовни Святой Анастасии в Пскове. Росписям этих храмов предшествовала серьёзная подготовка. Как и его друг А.В. Щусев, Н.К. Рерих тщательно изучал технику старых мастеров. Он собирал материалы по иконописному мастерству и древней стенописи, по технологии подготовки стен под живопись, интересовался приёмами зарубежных мастеров. Н.К. Рерих хорошо понимал, что символическая по своему характеру архитектура церкви должна украшаться росписями символического содержания. К такому выводу пришли и современные ему искусствоведы, «открывшие» для российского общества многие памятники древнехристианского искусства. Так, в 1910 г. искусствовед А.П. Иванов (автор неизданной монографии о Н.К. Рерихе) писал: «Внутренность Византийского храма есть символ души человеческой, населённой священными чувствами. Поэтому храму приличествует живопись орнаментальная: только она может срастаться в одно целое с его внутренней архитектурой. В орнаментальности стиля кроется преобладание музыкального начала над ликами и образами, столь явное в византийском искусстве. Мистическая музыка линий форм и красок полностью заливает недра базилик...».

Созданные Н.К. Рерихом в часовне Святой Анастасии в Пскове и церкви Святого Духа в Талашкине росписи можно сравнить с живописными узорными коврами. Особенно это верно в отношении часовни Святой Анастасии в Пскове, росписи которой без преувеличения можно назвать декоративной тканью, покрывающей сплошным ковром свод и стены церкви.

Несколько слов о святой, в честь которой освящена часовня. Память святой преподобной мученицы Анастасии Римлянки по новому стилю. Будущая святая жила в Риме, и римские вельможи много раз пытались убедить прекрасную девушку оставить монастырь, где её, сироту, с детства воспитывала игуменья, вступить в брак и жить в бездумном довольстве. В это время начались гонения на христиан, и правитель убеждал красавицу поклониться языческим идолам и сберечь свою земную жизнь для развлечений. Но испытавшая духовную радость жизни в христианской вере Анастасия ответила: «Жених мой, богатство и счастье мои – есть Христос, Господь мой. Я желала бы не один раз, а сто, если возможно, принять смерть за Христа». Мощи святой Анастасии Римлянки покоятся в Греции, на святой горе Афон в монастыре святого Григория. Считается, что молитва, обращённая к ней, помогает излечить самые неизлечимые болезни, кроме этого на Руси издавна к ней обращаются с молитвой об охране овечьих стад от волков.

В 1920-е гг. бесценные росписи часовни были забелены. Помещение использовалось в хозяйственных целях. Было устроено печное отопление, проведена электропроводка. Вопрос о реставрации возник в связи с постройкой нового Ольгинского моста через реку Великую в 1970–1971 гг. Лишь благодаря усилиям псковских архитекторов и краеведов во главе с Э.М. Петуховой часовня была спасена, её сняли с высокого фундамента и переместили к береговому устою нового моста. Реставрационные работы были проведены в 1970–1973 гг. по проекту архитектора Н.С. Рахманиной. В связи с переносом часовни была изменена её ориентация – она поставлена алтарём на Восток, как и положено христианским храмам. Барабан, гла-

ва, цоколь, входная дверь – эти части были воссозданы в 1971 г. в процессе реставрации. Фрески были очищены под руководством Г.Г. Донского.

Современное состояние уникальной часовенки вызывает серьёзные опасения. Больно видеть её постепенное разрушение и расположение в непосредственной близости от городского долгостроя, комплекса для интуристов. С трудом верится надписи «Охраняется государством». И в то, что «охранная зона и зона регулирования входит в общую систему охраняемых территорий центра Пскова, утверждённых в составе проекта Генплана Советом Министров РСФСР 1 марта 1973 г.». И в то, что перед вами – «памятник местного значения» по Постановлению Псковского областного собрания депутатов № 542 от 30 января 1998 г. По данным информационной системы «Памятники истории и культуры Пскова и Псковского края», собственник и ответственный орган охраны памятника – Псковский государственный объединённый историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Именно поэтому в официальных документах часовня называется ещё и как «музей фресковой живописи Н.К. Рериха». Этот же источник сообщает о том, что последний «косметический ремонт и вычинка пьедестала» выполнены в 2000 г.

Сегодня часовня Святой Анастасии по-прежнему нуждается в действенной защите и ждёт углублённого искусствоведческого анализа. Хочется верить, что, объединив усилия специалистов и общественности, в конце концов творение выдающихся мастеров, известных всему миру, обретёт новую жизнь.

Храм есть символ души человеческой – в каком состоянии наши души, если мы допускаем столь плачевное существование уникальных творений, построенных во славу Божию?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алмаев М.* Возрождённые фрески // *Псковская правда*. – 1974. – 19 декабря.
2. *Володин О.* Псков и Индия на полотнах Рериха // *Молодой ленинец*. – 1960. – 20 октября.
3. *Воронова О.П.* Куинджи в Петербурге. – Л.: Лениздат, 1986. – 240 с., ил. – (Выдающиеся деятели науки и культуры в Петербурге – Петрограде – Ленинграде).
4. *Донской Г.Г.* Реставрация монументальной живописи Рериха во Пскове // *Монументальная живопись Н.К. Рериха: Исследования и реставрация: К 100-летию со дня рождения Н.К. Рериха / Сост. Л.А. Лелеков.* – М.: Изобразительное искусство, 1974. – С. 31–39.
5. *Зинатулин, Игорь.* Бульдозером по Рериху? – [Интервью с Э.М. Петуховой] // *Псковская губерния*. – 2001. – 23–29 сентября. – № 33 (53).
6. *Знамя Мира Рериха на Валааме / Авт.-сост. Т.Л. Шевелёва.* – Петрозаводск: РИО Госкомиздата КАССР, 1991. – 13 с.
7. *Иванов А.П.* М.А. Врубель. Опыт биографии. Академия и киевский период. – Киев: журнал «Искусство», 1912. – 87 с. – (Отгиски из журнала «Искусство» за 1910 и 1911 гг.).
8. *Иванов А.П.* Черновые подготовительные материалы к монографии о Н.К. Рерихе (Отдел рукописей Государственного Русского музея, ф. 143) // *Дельфис*. – 1998. – № 3 (16). – С. 48.
9. *Изюмов Е.А.* Николай Рерих и Псковщина // *Печорская правда*. – 1986. – 24 мая.
10. *Изюмов Е.А.* Псковские картины Рериха // *Ленинская искра*. – 1987. – 22 ноября.
11. *Короткина Л.В.* Монументально декоративное искусство Н.К. Рериха // *Культура и время*. – М.: МЦР, 2002. – № 1/2.

12. *Короткина Л.В.* Работа Н.К. Рериха с архитекторами А.В. Щусевым и В.А. Покровским. Эскизы к монументальным росписям и мозаики // *Музей-10. Художественные собрания СССР.* – М.: Советский художник, 1989. – С. 156–161.
13. *Курбатов В.* Колыбель его дара // *Молодой ленинец.* – 1974. – 3–10 сентября.
14. *Маточкин Е.П.* Николай Рерих: мозаики, иконы, росписи, проекты церквей. – Самара: Агни, 2005. – 200 с.
15. *Мионов С.* Загадка старой часовни // *Физкультура и спорт.* – 1975. – 8 января.
16. *Петрова О.Ф., Островская Е.П.* Николай Рерих. – Л., 1990. – 32 с.
17. *Петухова Э.М.* Анастасиевская часовня: история возрождения // *Новости Пскова.* – 1992. – 15 октября.
18. *Пихо М.* Рерих и Печорский край // *Печорская правда.* – 1984. – 9 октября.
19. *Постников Б.* Знать и помнить. История одной росписи // *Молодой ленинец.* – 1974. – 8 октября.
20. *Псковские этюды Н.К. Рериха // Псковская правда.* – 1980. – 3 декабря.
21. *Рерих Н.К.* Из литературного наследия / Под ред. М.Т. Кузьминой. – М., 1974.
22. *Сойни Е.Г.* Николай Рерих и Север. – Петрозаводск: Карелия, 1987. – 164 с.
23. *Соколова Н. Н.* Рерих // *Октябрь.* – 1958. – № 10. – С. 202–211.
24. *Старостин Б.С.* В чём тайна Рериха? – М.: Знание, 1991. – 63 с. – (Новое в жизни, науке и технике).
25. *Степанов Н.* Мусоргский и Рерих. Неизвестные страницы биографии // *Псковская правда.* – 1987. – 22 марта.
26. *Эрнст С.Р.* Н.К. Рерих. – Пг., 1918. – 127 с., 32 л. ил. – (Русские художники).

Н.Е. ПОРОЖНЯКОВА

(Одесское государственное художественное училище им. М.Б. Грекова, г. Одесса)

СКАЗОЧНЫЙ ОБРАЗ КОВРА-САМОЛЁТА В ЖИВОПИСНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.К. РЕРИХА

Тема сказки присутствует в творчестве ведущих художников конца XIX – начала XX в.: В.М. Васнецова, М.В. Нестерова, М.А. Врубеля, Н.К. Рериха, И.Я. Билибина, Е.Д. Поленовой, Г.И. Нарбута, В.В. Кандинского, М.И. Жука, А.Г. Петрицкого и др. Сказка принадлежит устной народной традиции, что предполагает свободное изменение не только словесной ткани рассказа, но и самого сюжета. Например, в сборнике А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки» представлены варианты одних и тех же сказок. Таким образом, рассказчик становится сотворцом сказки. Этот момент был особенно привлекательным для художников рубежа веков, обратившихся к фольклорному жанру. В культуре той эпохи вырабатывалось особое отношение к мифологическим и сказочным образам, воспринимаемым символически. Художники стремились не столько иллюстрировать классические образцы, сколько создавать новые «мифы» и сказки, источником которых становилась, как правило, определённая культурная традиция, постоянно соотносимая с современной действительностью.

Рассуждая о сказочном образе ковра-самолёта в живописи Н.К. Рериха, следует отметить, что одним из первооткрывателей собственно сказочной тематики в русской и украинской станковой живописи является В.М. Васнецов. Первыми известными его

произведениями на эту тему стали картины, заказанные С.И. Мамонтовым для украшения центрального вокзала Донецкой каменноугольной железной дороги. Одна из них называлась «Ковёр-самолёт» (1880, Нижегородский государственный художественный музей) и выражала идею сказочного способа передвижения¹.

В произведениях Васнецова и Рериха проявилась тенденция времени конца XIX – начала XX в. в сближении и взаимопроникновении станкового и монументального. По выражению В.Н. Прокофьева, «строгие границы искусства монументального и станкового заколебались. Станковое начало тяготеть к монументальному, а оно в свою очередь стало проникаться некими очень личными, даже индивидуалистическими интонациями»². Заказ Мамонтова ставил перед Васнецовым монументальные задачи. Они нашли отражение в размерах полотен, в трактовке фигуры и фона, в решении проблемы пространства и времени (само сказочное пространство и время стоит вне обыденных пространственно-временных характеристик, выводя человека из круга обычных понятий, что характерно для категории монументального). Тем не менее, это произведение осталось самостоятельной картиной. Со станковой живописью его сближает техника исполнения (холст, масло) и выбор сюжета конкретной сказки; также Васнецов уделяет внимание деталям картины, которые, скорее, выражают переживание художником сюжета самой сказки, чем служат идее отражения сказочного способа передвижения. Перед Рерихом не стояла задача создания монументального произведения, но художественный язык и размеры картины «Ковёр-самолёт» (1916, Горловский художественный музей) приближают её к монументальному. Таким образом, указанные полотна Васнецова и Рериха являются картинами-панно, в которых монументальное и станковое сливаются воедино, что характерно для модерна.

Интересные трансформации сказочная тема ковра-самолёта претерпевает в творчестве Рериха. Картины с таким названием были написаны в разные периоды жизни художника. Одно из первых и наиболее известных произведений, нашедшее отклик у современников – «Ковёр-самолёт» 1916 г. Эта картина интерпретирована и описана в «Каталоге произведений Н.К. Рериха из собрания Горловского художественного музея»³.

В «Ковре-самолёте» 1916 г. прослеживается ряд мотивов, встречающихся у Рериха в его театрально-декорационных работах. Холмистый пейзаж с убегающей вдаль рекой и юртами на переднем плане присутствует в декорациях к «Князю Игорю» А.П. Бородина «Половецкий стан» (1909, Государственный Русский музей), «Половецкий стан» (1914, Государственный музей Востока), «Половецкий стан» (1915, Государственный музей искусств им. А. Кастеева, Казахстан), «Половецкий стан» (1919, Институт искусств, Детройт). В рассматриваемом полотне лагерь-стан не половецкий, а, вероятнее всего, русский. Орнамент летящего ковра близок орнаменту шатра Иоанна Грозного в декорации к опере Н.А. Римского-Корсакова «Псковитянка» («Шатёр Грозного», 1909, местонахождение неизвестно), из открытого полога которого виднеется тот же холмистый пейзаж с рекой. Подобный пейзаж в сапфировом колорите открывается в проёме шатра на ещё одной картине Рериха – «Властитель ночи» (1918, Музей Николая Рериха в Нью-Йорке). Компози-

ция этой картины почти повторяет композицию *«Шатёр Грозного»*, а колорит близок к *«Ковру-самолёту»*. Фигура и костюм летящего на ковре человека напоминают *«Половца»* (1909, местонахождение неизвестно), костюм которого был разработан Рерихом к *«Князю Игорю»*. На всех этих картинах тесно переплетаются друг с другом русские и половецкие мотивы.

Мотив реки, ясно прочитывающийся в *«Ковре-самолёте»* – один из распространённых и устойчивых в творчестве Рериха. Это отмечает историк, писатель, исследователь творчества художника Всеволод Никанорович Иванов: «Отметим, что вообще характерен этот мотив реки в творчестве Рериха, это некий лейтмотив движения, ухождения времени... По реке плыл и “Гонец”. Не та ли это самая река всюду в творениях Рериха и позднейшего времени?»⁴. Мотив реки ярко выражен в таких произведениях художника, как *«Рассказ о Боге»* (1901, местонахождение неизвестно), *«Царица Небесная над рекою жизни»* (1910–1912, внутренняя роспись церкви в Талашкино, не сохранилась), *«Проктопий Праведный за неведомых плавающих молится»* (1914, Государственный Русский музей). Река символизирует «мировой поток явлений, течение жизни». Но она является символом амбивалентным: «Река жизни – это царство божества, макрокосм. Река смерти – явное существование, мир изменений, микрокосм»⁵.

Интересна связь мотива реки с орнаментом персидского ковра XII–XIII вв. Возможно, что узоры именно персидского ковра легли в основу орнаментики ковра-самолёта Рериха, тем более, что мотив персидского ковра часто использовали современники художника для создания своих произведений, например, М.А. Врубель: *«Девочка на фоне персидского ковра»* и *«Восточная сказка»* (оба: 1886, Киевский музей русского искусства). Известно аналогичное произведение и самого Рериха: *«Персидское панно»* (1916, собрание Л.И. Бродской, Москва).

Амбивалентность символа реки подводит нас к диалектическому пониманию жизни и смерти: «Взаимное проникновение полярных противоположностей и превращение их друг в друга, когда они доведены до крайности, – развитие путём противоречия»⁶. Именно такое диалектическое понимание жизни вообще, жизни государства и его развития было у Рериха. Ещё в 1908 г. он писал: «О татарщине остались воспоминания только как о каких-то мрачных погромах. Забывается, что таинственная колыбель Азии вскормила этих диковинных людей и повела их богатыми дарами Китая, Тибета, всего Индостана. В блеске татарских мечей Русь вновь слушала сказку о чудесах, которые когда-то знали хитрые арабские гости Великого Пути и греки»⁷. Художник пишет также о взаимопроникновении и о взаимообогащении культур: «Если татары, наконец, научили князей упорству, стойкости и объединённости, то они же оставили им татарские признаки власти – шапки и пояса, и внесли в обиход Руси сокровища ковров, вышивок и всяких украшений. Не замечая, взяли татары древнейшие культуры Азии и также невольно, полные презрения ко всему побеждённому, разнесли их по русской равнине»⁸. Поэтому неудивительно, что в *«Шатре Грозного»* появляются мотивы восточного орнамента, а в *«Половецких станах»* – северный пейзаж. И навряд ли, можно однозначно связывать ковер-самолёт «с символикой колдовского зла»⁹.

Н.К. Рерих. Ковёр-самолёт. Три варианта.
1916 (сверху), 1939 (в центре) и 1930-х гг. (снизу).
Воспроизведено по изд.: 1. *Эрист С.Р.* Н.К. Рерих. – Пг., 1918;
2. *Шанина Н.Ф.* Сказка в творчестве русских художников. – М., 1969;
3. *Н.К. Рерих.* Гималаи: Альбом репродукций. – М., 1992.

«Ковёр-самолёт» Рериха, как и «Ковёр-самолёт» Васнецова (первый вариант), можно отнести к картинам «потусторонним». Та же символика ночи, та же отстранённость героев картины от зрителя. Но такое отчуждение у Рериха носит несколько иной характер, чем у Васнецова. Рериху присущ особый колорит, о котором писали его современники и благодаря которому создавался такой эффект. «Благодаря своему общему колориту всё, что изображает Рерих, почти без исключения, кажется происходящим на каком-то огромном расстоянии, отодвинутым в те дали, где все предметы утратили свои внешние признаки, чтобы тем определённое раскрыться лишь в образе своей внутренней сущности. Отсюда – весь необычный простор его произведений, само построение которых в большинстве случаев разрешается в бесконечность»¹⁰. Такой простор изображён в «Ковре-самолёте», который «разрешается в бесконечность» на картине «Властитель ночи»: там стирается граница между небом и водным пространством, представляя из себя единую бесконечность. В отличие от васнецовских полотен в произведениях Рериха пейзаж так же активен, как и человек. Часто пейзаж имеет своё очеловеченное лицо, что отмечает Э. Голлербах, исследуя искусство Рериха: «О рериховских камнях, облаках и закатах можно было бы написать целое исследование <...>. У него есть камни мрачные и грустные, гордые и заносчивые, скромные и приниженные, облака лёгкие, невинные и радостные, и облака грозные, зловещие, торжественные»¹¹.

И если Васнецов близок к иллюстрированию, то Рерих создаёт сказку собственную. Сказочные мотивы служат своеобразными декорациями, на фоне которых разыгрывается мистерия его внутренней жизни. На эту особенность его творчества указывают многие современники художника: «На северных тех горах, над бесконечным озером разыгрывается чётко выявленная мистерия человеческого духа. Художник сам сознаёт себя, свои цели в образах, которые вздымаются из глубины его самого... Образы, вставшие из глубины творческого “Я” художника, явились ступенями к осознанию Духа», – пишет Всеволод Иванов¹². То же прослеживает и Юргис Балтрушайтис, писавший ещё в 1916 г. о «внутренних приметах творчества Рериха»: «Внутренний опыт Рериха как художника, и сама сущность его дарования таковы, что его творческий долг велит его искусству служить одному лишь видению жизни, безотносительному и беспримерному, и там, где человеческая душа познаёт себя в воспоминании, и там, где она прислушивается к дыханию часа текущего, и там, где она предчувствует себя»¹³.

Интерпретируя картину Рериха «Ковёр-самолёт» 1916 г., Н.П. Писаренко пишет о том, что «ключом к раскрытию содержания многих картин Н.К. Рериха служит год их создания»¹⁴. Попробуем воспользоваться этим ключом. В 1916 г. художник по причине болезни отправляется в Сортавалу – край озёрный и тихий. Здесь Рерих соприкасается с духовно-философским наследием Индии. Об этом пишет исследовательница Е.Г. Сойни: «Именно в тишине Сортавалы книга об индийском религиозном реформаторе, представителе неоиндуизма Шри Рамакришне (1834–1886) и другие “очень нужные книги” по истории индийской культуры были глубоко восприняты Н.К. Рерихом и открыли ему возможности для новых философских и художественных исканий». Она же приводит письмо художника к А.Н. Бенуа, в 512

котором Рерих пишет о взволновавших его книгах: «Удалось прочесть и несколько очень нужных книг. Когда будешь в тишине – советую тебе их прочесть. Особенно нужно “Провозвестие Рамакришны”. Очень серьёзное, а главное, близкое человечеству учение»¹⁵. В этот же период времени Рерих читает Бхагавадгиту, Упанишады, «Гитанджали» Рабиндраната Тагора¹⁶. Это может быть одной из причин, по которой образ восточного ковра появился на фоне северного пейзажа.

Вариант «*Ковра-самолёта*» 1939 г. (Государственный Русский музей) можно отнести к предвоенной или «пророческой» серии. Это полотно связано с двумя вариантами картины «*Армагеддон*» (1935–1936, Государственный музей Востока; 1940, Галерея «Шри Читралайам», г. Тируванантапурам, Керала, Индия). Во всех произведениях пророчиваются одни и те же мотивы зданий, которые во всех случаях даны силуэтом и изображены в левом углу картин. Колорит «*Ковра-самолёта*» близок к варианту «*Армагеддон*» 1940 г.: то же пламенеющее всеми оттенками красного и фиолетового цветов небо с грозными облаками. Везде изображаются силуэты зданий и крепостей, обьятых пламенем.

Сам ковёр, как и в варианте 1916 г., расположен в верхнем правом углу картины. Но если в первом случае он больше похож на корабль, скользящий по волнам облаков, то здесь он напоминает летящую птицу (подобно ковру-самолёту Васнецова). У ковра-птицы – человеческое лицо восточного типа с суровым и даже грозным выражением. Нельзя говорить с уверенностью о ковре-самолёте как символе зла. Скорее наоборот, этот образ представлен в виде гневного идама, а идам в буддийской мифологии ваджраяны – божество-охранитель¹⁷. Гневные идамы уничтожают тупость и негативные эмоции. Известно, что Рерих в своих произведениях после 1920-х – 1940-х гг. широко использовал буддийскую символику, а некоторые картины выполнены в стиле тибетской танки, например, полотно «*Великий Всадник*» (1927, Национальный музей изобразительных искусств, г. Улан-Батор). Будда будущего – Майтрея изображён в виде гневного идама. То есть положительный герой надевает устрашающую маску.

На положительный характер антропоморфного ковра указывает изображённый в центре орнамент в виде ромба с квадратом внутри, углы которого выступают за пределы ромба. То есть получается фигура восьмиугольника. Символизм восьмиугольника обусловлен символикой числа восемь: «символизирует промежуточный мир между Небом и Землёй, воплощая целостность, или полноту космического проявления. Эта целостность есть конечное равновесие, результат эволюционного процесса, то есть этапы преодоления фатальных последствий каких-либо действий (сансара), что обуславливает значение этого числа в буддизме и восточных традициях»¹⁸. В христианской традиции используется восьмиугольная форма купели: «Число восемь объединяет, таким образом, необходимые условия для рождения новой жизни»¹⁹. В храмовой архитектуре встречается восьмиугольное основание купола, образующее переход от квадрата к кругу²⁰, иначе: от земного к небесному. В православной иконописи также встречается образ восьмиугольника в иконах «Спас в силах». Таким образом, как в буддийской, так и в христианской традициях симво-

лика восьмиугольника имеет положительную окраску. Символы квадрата и ромба, взятых по отдельности, также не имеют в себе ничего негативного.

Ещё один вариант «*Ковра-самолёта*» написан Рерихом в 1930-е гг. (Международный Центр Рерихов, г. Москва). Это произведение отличается от вышеописанных и по композиции, и по сюжету. На фоне покрытых туманом Гималайских гор парит ковёр-самолёт, на котором сидит старец в белых одеждах. Колорит картины близок одноименному полотну Васнецова 1880 г. Так же, как и у Васнецова, ковёр смотрится ярким пятном, привлекающим внимание, и располагается близко к центру полотна. Но в отличие от полотна Васнецова, картина Рериха лишена тех подробностей, которые присущи академической живописи масляными красками. Сюжет «*Ковра-самолёта*» Рериха так же, как и рассмотренные выше варианты, выходит за рамки просто сказочного. Сюжетной основой картины является легенда о полётах Соломона на ковре-самолёте, которая описана самим художником в книге «Алтай – Гималаи»: «Ни в одной песне не сказывается, отчего гора “Трон Соломона” носит это имя. Ведь это место очень древнее. <...> Имя Соломона гора получила от легенды, что Соломон, желая скрываться от условностей царской жизни и тяготей двора, на ковре-самолёте с любимой женою переносился на эту гору»²¹. В изображении ковра и сидящей фигуры использовано несколько локальных цветов: белый, красный и чёрный. Сочетание этих цветов означает три ступени инициации²². Старец сидит в центре геометрического орнамента, который представляет собой шестиугольник или иначе Печать Соломона²³.

Есть своя последовательность и закономерность в тех переменах, которые претерпели живописные приёмы Н.К. Рериха в своём движении от «*Ковра-самолёта*» 1916 г. до «*Ковра-самолёта*» 1939 г., хотя эти явления отделены друг от друга огромной дистанцией. Смысл этих перемен заключался в преодолении принципа непосредственного изображения окружающего мира, присущего реализму. Рерих, как и многие живописцы его времени, искал новый метод, с помощью которого возможно было бы преобразить видимый мир и, в конце концов, прийти к воссозданию новой реальности. Художник стремился проникнуть сквозь внешнюю оболочку явлений, раскрыть их внутреннюю сущность. Таким образом, художественный образ для него становился местом пересечения феноменального и ноуменального, многогранным и многозначным, не сводимым к какому-то определённом понятию. Всё это можно видеть на примерах вариантов картин Н.К. Рериха «*Ковёр-самолёт*»²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лобанов В. Виктор Васнецов в Москве. – М., 1961. – С. 86–87.

² Прокофьев В.Н. Монументальное и станковое. К вопросу о содержательной основе понятий // Прокофьев В.Н. Об искусстве и искусствознании. Статьи разных лет. – М., 1985. – С. 259.

³ Н.П. Писаренко сравнивает «*Ковёр-самолёт*» с картинами предвоенной или иначе «пророческой» серии: «К <...> большой группе работ – так называемой предвоенной серии 1912–1914 гг. – примыкает исполненная несколько позже картина “Ковёр-самолёт” (1916). Возможно, “Ковёр-самолёт” имеет косвенное отношение к этой серии картин, но не принадлежит ей. Во-первых, названия картин, которые причисляются к “пророческой серии”, символически выражают предчув-

ствия военных событий: “Ангел последний” (1912, США), “Меч мужества” (1912, М., собр. Л.А. Руслановой), “Крик змия” (1913, Псковский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник), “Град обреченный” (1914, Омский областной музей изобразительных искусств), “Пречистый град – врагам озлобление” (1914, МРН), “Дела человеческие” (1914, Местонахождение неизвестно), “Вестник” (1914, ГРМ). В названии “Ковёр-самолёт” нет намёка на какие-либо грозные события. Во-вторых, картины военной серии имеют сходный изобразительный язык: напряжённые линии, экспрессивность. Во многих произведениях этого ряда присутствует красный цвет самых разнообразных оттенков, звучащий очень эмоционально и тревожно. Для своих аллегорических композиций Рерих использует легко узнаваемые, в большинстве своём христианские символы. Картины “Ангел последний”, “Дела человеческие”, “Град обреченный” стилизованы под древнерусскую икону. На полотнах “Крик змия”, “Враг рода человеческого” (1914, местонахождение неизвестно), “Пречистый град – врагам озлобление”, “Град обреченный” присутствует образ сатаны, который, как в православной иконе, так и у Рериха, изображён либо в виде чёрта, либо в виде змия. Произведения “Ангел последний” и “Меч мужества” связаны образом Ангела-вестника, известного в христианской символике. На картине «Вестник» изображены облака в виде скандинавских дев-воительниц – Валькирий. В произведении “Ковёр-самолёт” нет эмоциональной напряжённости, нет экспрессии, нет ничего, что близко отвечало бы вышеперечисленной символике» (*Писаренко Н.П.* Каталог произведений Н.К. Рериха из собрания Горловского музея. – Горловка, 1990).

⁴ *Иванов В.* Рерих – художник-мыслитель. – 1935 г. // *Держава Рериха* / Сост. Д.Н. Попов. – М.: Изобразительное искусство, 1994. – С. 220.

⁵ *Купер Дж.* Энциклопедия символов. – М., 1995. – С. 272.

⁶ *Философский энциклопедический словарь* / Ред. кол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Арап-Оглы, Л.Ф. Ильичёв и др. – М., 1989. – С. 165.

⁷ *Рерих Н.К.* Радость искусству // *Рерих Н.К.* Глаз добрый. – М., 1991. – С. 94.

⁸ *Там же.*

⁹ *Писаренко Н.П.* Указ. соч. – С. 28.

¹⁰ *Балтрушайтис Ю.* Внутренние приметы творчества Рериха // *Держава Рериха* / Сост. Д.Н. Попов. – М.: Изобразительное искусство, 1994. – С. 49–50.

¹¹ *Голлербах Э.* Искусство Рериха // *Держава Рериха* / Сост. Д.Н. Попов. – М.: Изобразительное искусство, 1994. – С. 361.

¹² *Иванов В.* Указ. соч. – С. 226.

¹³ *Балтрушайтис Ю.* Указ. соч. – С. 52.

¹⁴ *Писаренко Н.П.* Указ. соч. – С. 29.

¹⁵ *Сойни Е.* Северный лик Николая Рериха. – Самара: Агни, 2001. – С. 59.

¹⁶ *Рудзите Г.* Вступительная статья // *Рерих Н.К.* Цветы Мории. – Минск, 1997. – С. IV.

¹⁷ *Мифы народов мира:* Энциклопедия в 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1991. – Т. I. – С. 479.

¹⁸ *Жюльен Н.* Словарь символов / Пер. с фр. С. Каюмов, И. Устьянцева; Гл. ред. Н.Ф. Болдырев. – Челябинск: Урал LTD, 1999. – С. 61–62.

¹⁹ *Там же.*

²⁰ *Купер Дж.* Энциклопедия символов / Пер. И.В. Комаров. – М.: АДЕ «Золотой Век», 1995. – С. 47. – (Серия «Символы»). – Кн. 4).

²¹ *Рерих Н.К.* Алтай – Гималаи. – Рига: Виеда, 1992. – С. 69.

²² *Купер Дж.* Указ. соч. – С. 360.

²³ *Там же.* – С. 97.

²⁴ Подытожим сведения о произведениях Н.К. Рериха на эту тему: **1. Ковёр-самолёт.** 1907. Темпера, пастель. Местонахождение неизвестно. Первоначально в собрании А.М. Хорват в Женеве; **2. Ковёр-самолёт.** 1915. Картон, карандаш. 12,7×15,9. Два наброска композиции. Государствен-

ный Русский музей, № Р-50517; **3. Ковёр-самолёт.** 1915. Набросок композиции. Бумага на картоне, тушь. 20,0×26,5. Там же, № Р-50512; **4. Ковёр-самолёт.** 1915. Набросок. Бумага, карандаш. 26,8×23,8 (в свету); размер листа 30,8×23,8. Музей Николая Рериха в Нью-Йорке; **5. Ковёр-самолёт.** 1915. Набросок. Бумага, карандаш. 20,0×30,8 (в свету); размер листа: 23,6×30,8. Там же; **6. Ковёр-самолет.** 1916. Холст, масло. 130×145. Горловский художественный музей, № ж-331. Первоначально в собрании О.Д. Кейзера; **7. Ковёр-самолёт.** 1939. Холст, темпера. 46×79. Государственный Русский музей, № Ж-7069. Слева внизу монограмма: *РХ*. На подрамнике авторский номер: 43. Поступила в 1960 г. от Ю.Н. Рериха (по завещанию автора); **8. Ковёр-самолёт.** 1930-е. Картон, темпера. Международный Центр Рерихов в Москве. – *Примеч. ред.*

Е.Г. ПЕТРЕНКО

(Дом-Музей имени Н.К. Рериха, г. Одесса)

КАРТИНА Н.К. РЕРИХА «ВЕСТНИК»

Н.К. Рерих посвятил картину «*Вестник*» Елене Петровне Блаватской (1831–1891) — основательнице Теософского общества. Существует несколько вариантов этого полотна. Произведение, которое положило начало Музею Е.П. Блаватской, было написано в 1924 г. Известны также варианты 1922-го (названный автором в письме к Анне Безант из Дарджилинга 31 марта 1924 г. «эскизом») и 1946-го гг. В 1925 г. Н.К. Рерих привёз картину «*Вестник*» в Адьяр, вблизи города Мадрас, в штаб-квартиру Теософского общества в Индии. Об этом событии сохранилось несколько сообщений в американской и индийской прессе.

РЕРИХ ПРЕДЛАГАЕТ СОЗДАТЬ МУЗЕЙ ИМЕНИ БЛАВАТСКОЙ
(*New-York City. – 1924. – 31 May*)

Николай Рерих, который пишет картины и путешествует по Индии, недавно обратился с письмом к руководству Теософского общества в Адьяре. Он предложил открыть Музей в честь основательницы общества мадам Блаватской. Предложение было принято. Первым вкладом станет картина Николая Рериха, названная «*Вестник*» и написанная в Сиккиме перед ликом Гималаев.

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ХУДОЖНИК. ОДНА ИНТЕРЕСНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ
(*The Madras Mail. – 1925. – 19 January*)

Интересная церемония состоялась в воскресенье утром в Адьяре, в штаб-квартире Теософского общества, где профессор Рерих подарил обществу свою картину, названную «*Вестник*». Он посвятил её своей замечательной соотечественнице мадам Блаватской, одному из основателей Теософского общества. На церемонию собралось множество народу, включая многих местных членов Теософского центра. Доктор Казне представил профессора Рериха как художника, который является не только создателем картин, но и великим посланником, утверждающим истинное искусство, который широко известен в мире как мастер цвета.

Затем Рерих вручил картину, на которой изображена фигура человека, входящего в Гималайский храм в ранний утренний час. Эта фигура выражает идею божественного вестника, несущего в мир свет. Картина Рериха может служить предме-

том изучения его изобразительного метода, для которого характерен один основной цвет, и в данном случае таким цветом является фиолетовый. Полотно имеет размеры 3,5×3,0 фута, холст, темпера.

Вице-президент Теософского общества К. Джинараджадаса, принимая картину от имени отсутствующей в настоящее время президента доктора Безант, отметил, что [профессор] Рерих проделал в Америке огромную работу по организации Центра искусств. В этом Центре воплощён его замысел: помочь миру обрести истинную красоту и придать искусству по-настоящему духовную основу.

Вечером профессор Рерих прочёл лекцию с демонстрацией слайдов и рассказал о картинах, написанных им в России, Швеции, Финляндии и других странах, так же, как и о некоторых картинах с видами Гималаев. Лекция была принята с живым интересом. Слайды дали яркую и реалистичную картину разнообразной деятельности профессора Рериха на поприще искусства.

ПРОФЕССОР РЕРИХ В АДЬЯРЕ. ДАР КАРТИНЫ
(*New India. – 1925. – 19 January*)

18 января, в воскресенье утром, профессор Николай Рерих подарил Музею в Адьяре свою картину «Вестник» как дань памяти мадам Блаватской. Доктор Я.Х. Казне представил профессора Рериха собравшимся на церемонию. Он сказал, что имя Рериха стало известно с тех пор, как художник открыл миру своё возвышенное видение Прекрасного.

Затем профессор Рерих снял покрывало с картины и сказал: «В этом доме Света позвольте мне вручить картину, посвящённую Елене Петровне Блаватской. Пусть она явится завязью будущего Музея имени Блаватской, который примет девиз: “Красота есть одеяние Истины”».

Картина размером 42×36 дюймов – поразительной красоты работа, выполненная в технике темперы, с преобладающим фиолетовым цветом. На ней изображена женщина в буддийском храме, которая ранним утром открывает дверь, чтобы встретить Вестника.

Принимая картину от лица президента Теософского общества, отсутствующей в настоящий момент в Адьяре, господин К. Джинараджадаса сказал, что профессор Рерих проделал значительную работу по синтезу искусств. Он основал в Америке Институт, где стало возможным объединение всех видов искусств. Такой синтез ставит задачу дать людям то, чего не дали великие достижения религии, философии или науки. Люди недостаточно постигли в себе чудо воскрешения Господа, в разные времена так явно отражённое в искусстве. Они склонны воспринимать искусство просто как эстетическое удовольствие.

Что касается техники живописи, здесь профессор Рерих владеет цветом, присущим только ему одному. В его живописи всегда присутствовал элемент символизма, сильно будоражащий воображение. Обе эти особенности характерны и для последней подаренной им картины. Они позволяют дать высокую оценку этой работе великого художника-теософа, и последующие поколения смогут увидеть в ней больше смысла, чем нынешние, потому что мысль художника всегда выше, чем его полотно.

* * *

Н.К. Рерих, представляя картину «Вестник», предложил девиз «Красота есть одеяние Истины», созвучный девизу Теософского общества – «Нет религии выше Истины». Всемирно известный художник, признанный учёный и путешественник писал Борису Циркову, редактору 15-томного «Собрания сочинений Е.П. Блаватской»: «Чрезвычайно приятно видеть, что <...> имя Елены Петровны Блаватской, нашей великой соотечественницы, почитается так высоко, как истинной основоположницы провозвестия. Частенько русские забывали о своих великих деятелях, и пора нам научиться ценить истинные сокровища <...>. Будет время, когда её имя достойно и почитаемо прозвучит по всей Руси».

Супруга Н.К. Рериха, писательница, переводчица основного научно-философского труда Е.П. Блаватской «Тайная Доктрина», русский философ Елена Ивановна Рерих (1879–1955) неоднократно обращала внимание своих учеников на высокую Миссию Е.П. Блаватской, раскрывала её духовную, сокровенную суть. Напомним эти значительные высказывания.

В письме от 6 июня 1934 г. Е.И. Рерих писала: «Сказано Великим Учителем – «одна Блаватская знала», – и наша задача в будущем поставить на должную высоту почитание этой великой женщины-мученицы. Если бы Вы знали всю литературу о Блаватской и все поступки и предательства, её окружавшие, Вы ужаснулись бы бездне неблагодарности, мерзости и невежества, конечно, именно из последнего вытекают все гнусности».

Действительно, о Е.П. Блаватской написано огромное количество статей, воспоминаний учеников. Спустя сто лет после обвинения Е.П. Блаватской в фальсификации психических опытов, в 1986 г. ей было принесено публичное, но уже посмертное, извинение доктором Верноном Харрисоном, руководителем лаборатории по исследованию психических явлений в Англии. В опубликованном Харрисоном коммюнике перечислялись заслуги Е.П. Блаватской перед человечеством.

Воистину, как «одна Блаватская знала», так и одна Е.И. Рерих знала всю глубину жизненной трагедии Е.П. Блаватской, принимая всем сердцем её подвиг во имя Истины.

В письме от 8 сентября 1934 г. Е.И. Рерих делилась своими знаниями: «Скажу, именно Е.П. Бл[аватская] была огненной посланницей Белого Братства. Именно она была носителем доверенного ей знания. Именно, из всех теософов лишь Е.П. Бл[аватская] имела счастье получить Учение непосредственно от Великих Учителей в одном из Их Ашрамов в Тибете. Именно она была великим духом, принявшим на себя тяжкое поручение дать сдвиг сознанию человечества, запутавшемуся в мёртвых тенетах догм и устремлявшемуся в тупик атеизма. Именно, только через Е.П. Бл[аватскую] можно было приблизиться к Б[елому] Бр[атству], ибо она была звеном в Иерархической Цепи. Но некоторые окружавшие её настолько были ниже этого огненного духа и сердца, что в великом самомнении и самообольщении своём полагали достичь Высот, пренебрегая её началом, и в зависти своей осуждали, клеветали и поносили её, всё им давшую, всё им открывшую. Конечно, все эти само-

обольщённые гордецы ничего не достигли. Ибо закон Иерархии непреложен. Для пользы дел Махатмы переписывались с некоторыми из её сотрудников, но ни одно не допускали до ученичества. В писаниях Е.П. Бл[аватской] и в “Письмах Махатм” Вы можете найти это утверждение. Е.П. Бл[аватская] была тем иерархическим звеном, обойти и пренебречь которым означало осудить себя на полную неудачу. И теперь, когда самообольщённые пребывают в слоях Тонкого мира, окружённые своими почитателями, но м[ожет] б[ыть], ещё дальше от Твердыни Б[елого] Бр[атства], нежели раньше, наша Великая соотечественница в своём огненном устремлении, почти сейчас же после смерти воплотившаяся в Венгрии, уже десять лет как прибыла в физическом теле в Главную Твердыню и сейчас под именем Брата Х. работает на спасение мира. Так действует Космическая Справедливость. Е.П. Бл[аватская] была великой мученицей, в полном значении этого слова. Зависть, клевета и преследования невежества убили её, и труд её остался незаконченным. Последний заключительный том “Тайной Доктрины” не состоялся. Так люди лишают себя самого высшего. Я преклоняюсь перед великим духом и огненным сердцем нашей соотечественницы и знаю, что в будущей России имя её будет поставлено на должную высоту почитания. Е.П. Бл[аватская], истинно, наша национальная гордость. Великая мученица за Свет и Истину. Вечная слава ей!».

Е.И. Рерих вновь и вновь в своих письмах подчёркивала качества духа этой женщины, её преданность Учителю, Высокий Источник посольства, полное забвение себя и бесконечное благородство и терпение при выполнении своей Миссии.

15 ноября 1934 г., отвечая своему корреспонденту, Е.И. Рерих писала о Е.П. Блаватской: «Как Вы знаете, Е.П. Блаватская была послана в мир дать Великий труд “Тайная Доктрина” для сдвига сознания человечества, зашедшего в тупик, а также сказать правду о спиритизме и тем предотвратить многие губительные последствия этого увлечения при полном незнании лиц, прилежащих к нему, всех опасностей, сопряжённых с прикасанием к этой области потусторонних общений. В те дни спиритизм быстро распространялся, особенно в Америке, и уже принимал безобразные и опасные формы <...>. Учение, принесённое Е.П. Бл[аватской], сделало своё великое дело, именно, по всему миру оно пробудило и сдвинуло с мёртвой точки многочисленные единицы сознания <...>. Конечно, если бы не человеческая тяжкая природа, результаты могли быть во много раз больше. Всё же, утверждение о неудаче идёт от тёмных сил. Как сказано — “ступени сознания сложились прочно”. Должна добавить, что в Америке движение связано, главным образом, с именем Е.П. Бл[аватской], и оно очень распространяется и входит в жизнь».

В письмах к Е.И. Рерих ученики, по всей видимости, спрашивали, не воплощение ли она Е.П. Блаватской. На это Елена Ивановна отвечала: «...Уверю Вас, что я не воплощение Е.П. Бл[аватской]. И ожидаемая ими Е.П. Бл[аватская] около сорока лет тому назад воплотилась, и в 1924 году благополучно прибыла в физическом теле в Главную Твердыню».

В другом письме Е.И. Рерих также пишет о воплощении Е.П. Бл[аватской] и, что очень важно, упоминает 1924-й год: «...В самой же Твердыне Белого Братства число учеников в физическом теле невероятно ничтожно; кроме того, все они уже

- Н.К. Рерих. Вестник. Три варианта. **1.** 1922 (слева). **2.** 1924 (в центре). **3.** 1946 (справа).
1. Холст, темпера. Собрание Международного Центра Рерихов. Воспроизведено по изд.: *Князева В.П. Николай Рерих: Летопись жизни и творчества: Альбом.* – СПб., 1994.
 2. Холст, темпера. 106,6×91,4. Собрание Собрание Музея Е.П. Блаватской, Теософское общество, Адьяр, Ченнаи (Мадрас), Тамилнаду, Индия. Воспроизведено по изд.: *The Messenger (Roerich's Paintings): Seven articles by F. Adney, L. Andreyev, Prof. A. Kaun, J. Finger, N. Jarentzov, I. de Manziarly, S. Whitman.* – Adyar: The Vasanta Press, 1925.
 3. Холст, темпера. 125×95. Авторский номер: 11. Собрание Государственного Музея Востока. Воспроизведено по изд.: *Князева В.П. Указ. соч.*

Адепты. В столетие может быть один или два присоединяются к Бел[ому] Бр[атству] в физическом теле. Так в 1924 году присоединилась к Ним наша соотечественница Е.П. Бл[аватская], в мужском теле венгерской национальности.

Осмеянная, оклеветанная, опозоренная и гонимая, она заняла своё место среди Спасителей Человечества. Так повторяется история, и так творит Космическая Справедливость».

Процитированные выше письма Е.И. Рерих со словами о Е.П. Блаватской вошли в двухтомник её писем, изданный в 1940 г. в Риге. Елена Ивановна сама отбирала эти письма для издания. В своей творческой работе Е.И. Рерих неизменно следовала Указам своего Учителя, а потому мы почти наверняка можем утверждать, что сокровенные знания о последующей судьбе Е.П. Блаватской были включены в эту прижизненную публикацию по Его рекомендации. И это при том, что Елена Ивановна не поощряла у своих корреспондентов вопросов, связанных с воплощениями, считая, что такие вопросы и ответы на них не способствуют расширению сознания и являются праздным любопытством. Другое важное сообщение – это год прибытия в Твердьню Белого Братства Е.П. Блаватской в новом воплощении «в физическом теле мужчины венгерской национальности». Указанный год совпадает с годом написания Н.К. Рерихом второго варианта картины «Вестник», предназна-

ченного для основания Музея Е.П. Блаватской. Вариант 1946 г. повторяет сюжет 1922 и 1924 гг. с некоторыми изменениями.

* * *

Трактуя картину, можно предположить, что молодой человек, стоящий перед открывшейся дверью, и есть тот «мужчина венгерской национальности», прибывший в Главную Твердыню Белого Братства. Удивительно, но нам позволено через Н.К. Рериха – «дух кристальной чистоты», как писала о нём Елена Ивановна, – заглянуть в Святая Святых – Ашрам, порог которого может переступить редкий избранник или избранница. Таким образом, в нашей трактовке, на рериховской картине мы видим молодого мужчину, которого Е.И. Рерих называла «Братом Х.» и который, по её словам, «работает на спасение мира».

Молодой мужчина стоит на фоне неба и отдалённой вершины горы, силуэт которой узнаваем на картинах Н.К. Рериха, где изображается Сокровенная Обитель – Твердыня Белого Братства: «*Fiat Rex*» (1931), «*Гуру Гури Дхар*» (1931), «*Держательница Мира*» (1933), «*Чаша Христа*» (1925–1926), «*Огни Победы*» (1940) и др.

Правая рука молодого человека поднята на уровне плеча и согнута, ладонь повернута от себя и пальцы выпрямлены. Это символическое положение руки в буддизме носит название *абхая-мудры* (мудра – санскр. मुद्रा, mudrā, «печатя, знак»; абхая – санскр. अभय, abhaya, букв. «без страха») – жест защиты или благословение бесстрашия.

В левой руке молодого человека – открытый сосуд (на вариантах 1922 и 1924 гг.) или книга (на варианте 1946 г.).

Образ сосуда – сердечной Чаши – напоминает о картине Н.К. Рериха «*Сосуд нерасплёсканный*» (1927). Его значение в данном контексте раскрывают многозначные тексты Учения Живой Этики (Агни Йоги). «Снимите одежды очага: Владыко приходит, сокровище чаши Он претворил, и сосуд Он возвращает зажжённым» (Зов. § 21). «На пути вашем может встретиться духовности полный сосуд. Сумейте распознать его» (Зов. § 322). «И приму Я стучащегося и скажу ему: Я сохранил твою радость, бери свой сосуд и трудись» (Зов. § 338). «Чудо идёт! Унаследуйте, ждущие! Сосуд древних времён вернулся!» (Озарение. § 51). «Храните сердце, ибо когда оно вмещает весь мир, надо бережно нести сосуд» (Озарение. § 68). «Чудо с сосудом духа, рассказанное вам ламой, имеет научное основание. В момент ухода духа эманация нервов особенно сильна и может быть собрана в закрытый сосуд» (Озарение. § 96). «Желая благо, принимаем наследие Великих Благоносителей. Оставляем сосуд духовный открытым для приятия благих пособлений» (Озарение. § 114). «Для сроков космических применяются сосуды явленные, и они несут цепь сотрудников, и потому замена сотрудников производится по заявлению избранных» (Озарение. § 207). «Носители звука и цвета должны принести в общину сосуд нерасплёсканный. Знание и творчество будут Амритой Общины» (Община. § 224). «Духовности полный сосуд – так называем людей, которые, на основании прошлых жизней, в решимости подвига расширяют сознание и тем входят в понимание основ

эволюции» (Агни Йога. § 144). «Героем не будет, кто дорожит жизнью. Героем не будет, кто бесплодно бросает жизнь. Герой несёт бережно сосуд, готовый отдать его на созидание мира» (Агни Йога. § 261). «Наши Водители поручили Нам сосуд для залития злобы, и Мы передаём поручение по ряду предстоящих, доверяя им дальнейшую передачу» (Агни Йога. § 431). «“Чаша подвига” – называется часть древней мистерии. Сосуд четырёхгранный наполнялся гранатовым соком. Внутренность сосуда покрыта серебром и внешность красной медью. Утверждение подвига сопровождалось возношением чаши. После сок выливался на четыре стороны, как готовность служить благу без ограничений» (Агни Йога. § 462). «Когда сосуд наполнен чистым огнём, тогда можно творить только высшим измерением» (Беспредельность. Ч. II, § 12). «Дух, заменивший добровольно свои накопления, будет сосудом для Огня» (Беспредельность. Ч. II, § 39). «Как явленный сосуд, сердце принимает токи всех тончайших энергий» (Беспредельность. Ч. II, § 141). «Расширение сознания – Наше устремление, и когда Наши сотрудники несут этот сосуд, то утверждается полная кооперация» (Беспредельность. Ч. II, § 296). «Молитва сердца есть выражение любви и преданности. Будем питать наш сосуд опыта, ибо к нему неминуемо придём» (Иерархия. § 60). «Наполненный сосуд несут бережно» (Иерархия. § 102). «Когда в руках Несущего Наш сосуд, значит, явить нужно достоинство, чтобы сосуд чудесный остался при крыльях» (Иерархия. § 341). «Нельзя доверить не испытанному посланцу донести драгоценный сосуд» (Братство. § 15).

Что касается образа книги, появившегося только на последнем варианте 1946 г., можно отметить следующее. Е.П. Блаватская описывает в прологе к «Тайной Доктрине», как выглядит рукопись Станцы Дзиан: «Архаический манускрипт, коллекция пальмовых листов, приведённых особым, не известным науке, способом в состоянии непроницаемости для воды, огня и воздуха, лежит перед глазами пишущей эти строки». В индуизме книга, сделанная из продолговатых пальмовых листьев, или рукопись, которая также имеет продолговатую форму, носит название *пустака*. Индуистский бог Брахма в одной руке держит священный манускрипт – Веды, символ мудрости. В буддизме книга представляет Праджняпарамиту, писание о трансцендентной мудрости. Именно такой Источник имела перед собой Е.П. Блаватская, когда писала книгу «Тайная Доктрина» (синтез науки, религии и философии). Таким образом, книга в руках Вестника это напоминание о том Первоисточнике, который принесла человечеству эта великая женщина, – неиссякаемый сосуд мудрости.

Вестника в Сокровенной Обители встречает женщина в фиолетовом одеянии. Преобладающий цвет картины – также фиолетовый, в данном контексте – цвет духовного страдания и эзотерического познания. Фиолетовый цвет также символизирует сдержанность, умеренность, духовность и раскаяние. Образованный при смешении синего и красного фиолетовый цвет символически связывает между собой огонь и воду, землю и небо.

Можно предположить, что в образе встречающей женщины также представлена Е.П. Блаватская и здесь происходит встреча прошлого и настоящего воплощений: Елены Петровны – в предыдущей жизни, а в настоящей – «Брата Х.». Е.И. Рерих

писала, что перед тем, как дать миру книгу «Тайная Доктрина», Е.П. Блаватская провела несколько лет в одном из Ашрамов Трансгималайской Твердыни Белого Братства.

В двадцатые – сороковые годы Н.К. Рерих часто обращался к буддийской символике, широко используя её во многих своих картинах, например, «Матерь Мира» (1924), «Будда-победитель» (1925–1926), «Будда дающий» («Две чаши», 1932), «Грядущее» («Великий Всадник», 1927) и др. Так и во всех вариантах картины «Вестник» мы видим присутствие буддийских образов.

В центре росписи над входом в Обитель в вариантах 1924 и 1946 гг. помещено изображение самого Будды Просветлённого в окружении шести его ближайших учеников, а в варианте 1922 г. – Дхармачакра (санскр. धर्मचक्र, dharmacakra), Колесо Дхармы, Колесо Закона – символ непрекращающегося круга рождений и смертей (сансары) в дхармических религиях (индуизм, джайнизм, буддизм). В данном случае Дхармачакра может также символизировать Будду.

Слева и справа от входной двери на фресках изображены божества буддийского пантеона. В вариантах 1922 и 1924 гг. буддийское божество слева от входа держит в левой руке кадильную лампу (*дхупадина*), в которой курится ладан – приношение буддийским богам. Хотя по форме она больше напоминает *пурна калашу* – священную вазу для воды, которая наполнена добрыми качествами. На голове у божества – корона. В варианте 1946 г. буддийское божество тоже стоит – на лотосовом троне. На голове – корона из уложенных волос (*джатамукута*). Длинные волосы означают духовную силу. Руки сложены вместе в приветственном жесте *намаскара-мудра*, означающем преданность.

Юрий Николаевич Рерих (1902–1960) в книге «Тибетская живопись» (1925) в разделе «Бодхисаттвы» писал об Авалокитешваре: «...Мы можем выделить Милосердного Владыку из изображений царственных принцев (санскр. rajakumara), держащего цветок лотоса, четки и иногда сосуд с амритой. Эта двурукая форма бодхисаттвы очень редко встречается на позднейших изображениях». И далее о нём же: «Бодхисаттва появился на земле из цветка лотоса ради освобождения человечества».

В вариантах 1922 и 1924 гг. буддийское божество слева от входа держит в левой руке курящийся сосуд. В варианте 1946 г. бодхисаттва стоит на цветке лотоса. Эти данные позволяют предположить, что данное божество – бодхисаттва сострадания Авалокитешвара, покровитель Тибета.

Однако изучение книги Галины Анатольевны Пугаченковой (1915–2007) «Искусство Гандхары» (1982) наталкивает на мысль о возможном соотношении этого образа с другим бодхисаттвой – бодхисаттвой Майтрейей – будущим Буддой, рождение которого среди людей ознаменует начало нового Золотого века. «Особая роль придавалась буддизмом бодхисаттве Майтрейе», – справедливо отмечает Галина Анатольевна. Образы обоих божеств обнаруживаются в пластическом искусстве скульптур Гандхары.

В главе «Будда и бодхисаттвы» Г.А. Пугаченкова описывает канонические образы бодхисаттв, которые вырабатывались одновременно с образом Будды в пла-

стической форме: «Идея бодхисаттв, составляющая одну из главных черт в доктрине махаяны (согласно которой бодхисаттвой может стать каждый ревностно идущий по пути Будды), несла в себе глубоко гуманистические начала». И далее: «Позы бодхисаттв также каноничны: сидящего с жестом абхайя-мудра (жест увещевания) или стоящего – чаще фронтально, со слегка выдвинутой вперёд ногой. Им придан либо жест вара-мудры (знак милосердия) – простёртая правая рука, в то время как в левой имеется какой-нибудь атрибут, либо витарка-мудра (жест доказательства)». Распознать бодхисаттву бывает нелегко, по этому поводу Г.А. Пугаченкова пишет, что «иногда этому помогает атрибут – например, лотос у Авалокитешвары, иногда причёски. Так, у Авалокитешвары локоны изящно подняты повязкой с ювелирными украшениями, а у Майтрейи ниспадающие до плеч длинные кудри подхвачены сверху двойным узлом». Так и в картине «Вестник» Н.К. Рериха мы можем только предполагать, какой именно бодхисаттва изображён – Авалокитешвара или Майтрейя.

В буддийском изобразительном искусстве бодхисаттва Майтрейя часто изображается стоящим, что означает его грядущий Приход. Это Будда грядущего мирового порядка, единственный бодхисаттва, почитаемый всеми основными направлениями буддизма. Его также сравнивают с Калки – десятой и последней аватарой Вишну («Всадник на Белом Коне»). Н.К. Рерих писал о том, что благословенный Майтрейя – Мессия всегда изображается в венце, в большом образе, его иконографическое изображение – фигура, убранная различными украшениями, с цветком лотоса в правой руке, сидящая в позе падмасана, или стоящая, что означает, что бодхисаттва Майтрейя уже пришёл в мир и правит им. В уже упомянутой книге Ю.Н. Рериха имеется отдельная глава «Майтрейя. Будда Грядущего», в которой Юрий Николаевич ссылаясь на французского учёного-востоковеда, профессора Фуше, изучавшего скульптуру Гандхары и описавшего Майтрейю в диадеме, облачённым в царские одеяния и держащим сосуд (санскр. kamandalu). «В иконографии встречаются несколько форм бодхисаттвы, – писал Ю.Н. Рерих в 1925-м году – в год, когда состоялась передача «Вестника» Теософскому обществу в Адьяре. – В одной из них бодхисаттва Майтрейя изображается стоящим, облачённым в одеяния бодхисаттвы. Правой рукой он делает знак аргументации или иногда знак щедрости, левая рука держит сосуд с амритой. Старый гандхарский тип изображается с руками, делающими наставление».

Во время Центрально-азиатской экспедиции 1923–1928 гг., исследовавшей памятники древних культур Индии, Тибета, Китая, Монголии и Алтая, Н.К. Рерих встречал огромные статуи Майтрейи, высеченные в скалах, хорошо изучил иконографию этого буддийского божества. Видел он и канонические изображения Авалокитешвары. Не исключено, что в варианте 1946 г. эти его знания нашли отражение, поскольку налицо изменения в трактовке образа бодхисаттвы. Буддийское божество, изображённое на фреске слева от входа, во всех трёх вариантах картины может быть как бодхисаттвой Майтрейей, так и бодхисаттвой Авалокитешварой, хотя в первых двух вариантах изображённый бодхисаттва скорее Авалокитешвара, а в последнем варианте – скорее Майтрейя.

Известно, что перед сложнейшей во всех отношениях Центрально-азиатской экспедицией семья Рерихов встречалась в Сиккиме (одно из индийских княжеств в Восточных Гималаях) в храме Дарджилинга со своим Духовным Наставником, которого сопровождал Учитель Джул Кул. Известно также, что Рерихи по приезде в Индию направились сразу в княжество Сикким, где прожили около девяти месяцев, хотя первоначально планировали посетить Адыар – штаб-квартиру Теософского общества. В Учении Живой Этики по поводу этой встречи написано: «Мы не уходили от жизни. Когда Мы проявлялись, Мы не отличались от остальных обывателей. Вы сами можете свидетельствовать, что Дж[ул] К[ул], когда появился встретить вас, не отличался от лам» (Надземное. Т. I, § 40). В книге «Алтай – Гималаи» Н.К. Рерих также оставил свидетельство об этом: «Складывается серия “Его страна” и начинается серия “Знамена Востока”». И далее: «“Его страна”. В самом Сиккиме находился один из Ашрамов Махатм. В Сиккиме Махатмы приезжали на горных конях. Их физическое присутствие сообщает торжественную значительность этим местам...».

Подобно Е.П. Блаватской, проведшей около трёх лет в одном из Ашрамов Тибета перед тем как дать миру основной труд своей жизни – «Тайную Доктрину», семья Рерихов перед Центрально-азиатской экспедицией не только встречалась со своим Духовным Наставником, но и, предположительно, находилась определённое время в одном из Ашрамов Твердыни, где получила наставления о своей Миссии.

Известный биограф семьи Рерихов Павел Фёдорович Беликов (1911–1982) в книге «Семья Рерихов. Опыт духовной биографии» (1970-е) писал: «Если встречи с Посланниками Белого Братства в Лондоне, Нью-Йорке и Чикаго были неожиданными и кратковременными, то эта встреча была продолжительной и запланированной. При встрече в Дарджилинге были получены инструкции о том, что надлежит сделать в ближайшие годы по Плану Владык».

Таким образом, можно предположить, что изменения в изображении интерьера на картине «Вестник» – от варианта 1922 г., выполненного как эскиз «по наитию» перед сокровенной встречей с Духовным Наставником в Сиккиме, до финального варианта 1946 г., – а именно изменения в представлении росписей на стенах, в убранстве помещения, на пороге которого стоит Вестник, и другие отличия в деталях, – отразили виденное художником во время его пребывания в Обители. Возможно ещё более смелое, но само собой напрашивающееся предположение: Николай Константинович и Елена Ивановна стали свидетелями прихода «Брата Х.» в Твердыню Белого Братства, т. е. они встретились с Е.П. Блаватской в её новом воплощении. На эту мысль наводит осведомлённость Е.И. Рерих, описание ею последующего воплощения Е.П. Блаватской и её Миссии (см. выше). Очень важно, что эти сведения были опубликованы в прижизненно изданных письмах Е.И. Рерих (1940 г.).

Итак, второй вариант картины «Вестник» написан в 1924 г. в Сиккиме – в год прихода Е.П. Блаватской в новое воплощение в Обитель Махатм. В 1925 г. Н.К. Рерих вручил её в Адыаре Теософскому обществу как «закладной камень» в основание Музея Е.П. Блаватской.

Третий и последний вариант картины «Вестник» был написан в 1946-м году – за год до ухода мастера с физического плана. Возникает вопрос: не является ли этот

вариант картины своего рода прозрением художника относительно своего последнего воплощения и прихода в физическом теле в Твердыню Белого Братства? Возможно, что и Н.К. Рерих в силу Закона Космической Справедливости сейчас находится в Твердыне Белого Братства и трудится на спасение человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Американская и индийская печать о передаче Рерихом картины «Вестник» Теософскому обществу в Адьяре* / Пер. с англ. В.А. Росова // *Рериховский вестник*: Публикации. Сообщения. Исследования: Бюллетень. – Л.; Извара, 1991. – [Вып. 2]. – 1989, июль – декабрь. – С. 53–54.
2. *Беликов П.Ф.* Семья Рерихов. Опыт духовной биографии. – Новосибирск: ИЧП «Лазарев В.В. и О.», 1994.
3. *Блаватская Е.П.* Тайная Доктрина: Синтез науки, религии и философии: В 2 т. / Пер. Е.И. Рерих. – Рига: Угунс, 1937.
4. *Князева В.П.* Николай Рерих: Летопись жизни и творчества: Альбом. – СПб., 1994.
5. *Крэнстон, Сильвия.* Е.П. Блаватская: Жизнь и творчество основательницы современного Теософского движения / Пер. с англ.; Сильвия Крэнстон при участии Кэри Уильямс. – 2-е изд. – Рига: Лигатма; М.: Сирин, 1999.
6. *Маточкин Е.П.* К столетию «Гонца» // *Петербургский Рериховский сборник*. – СПб.: Издательство Буковского, 1998. – Вып. I. – С. 191–204.
7. *Пугаченкова Г.А.* Искусство Гандхары. – М.: Искусство, 1982.
8. *Рерих Е.И.* Письма: В 3 т. – Новосибирск, 1992–1993.
9. *Рерих Н.К.* Алтай – Гималаи / Предисл. акад. Б.Г. Гафурова и Б. Конлана; Послел. акад. А.П. Окладникова и Ю.Н. Рериха; Примеч. С.И. Тюляева и др.; Графика Н.К. и С.Н. Рерихов. – Москва – Нью-Йорк, 1999.
10. *Рерих Ю.Н.* Тибетская живопись / Пер. с англ. А.Л. Барковой. – М.: МЦР и др., 2002.
11. *Символы буддизма, индуизма, тантризма* / Сост. Г.И. Царёва. – М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1999. – (Серия «Символы»). – Кн. XII).
12. *A Letter from Nicholas Roerich [to A. Besant]* // *Roerich-Forum*. – 1996. – № 3. – P. 26.
13. *The Messenger (Roerich's Paintings): Seven articles* by F. Adney, L. Andreyev, Prof. A. Kaun, J. Finger, N. Jarentzov, I. de Manziarly, S. Whitman. – Adyar: The Vasanta Press, 1925.

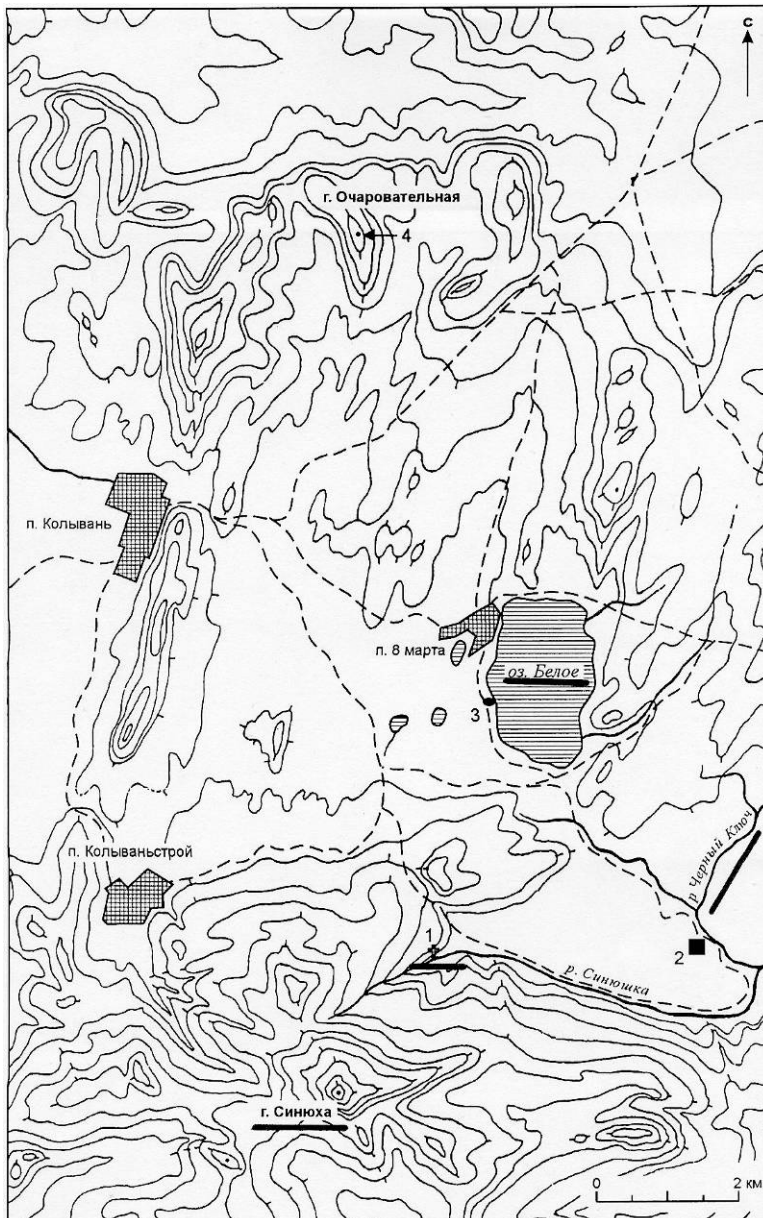
Л.С. МАРСАДОЛОВ

(Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург)

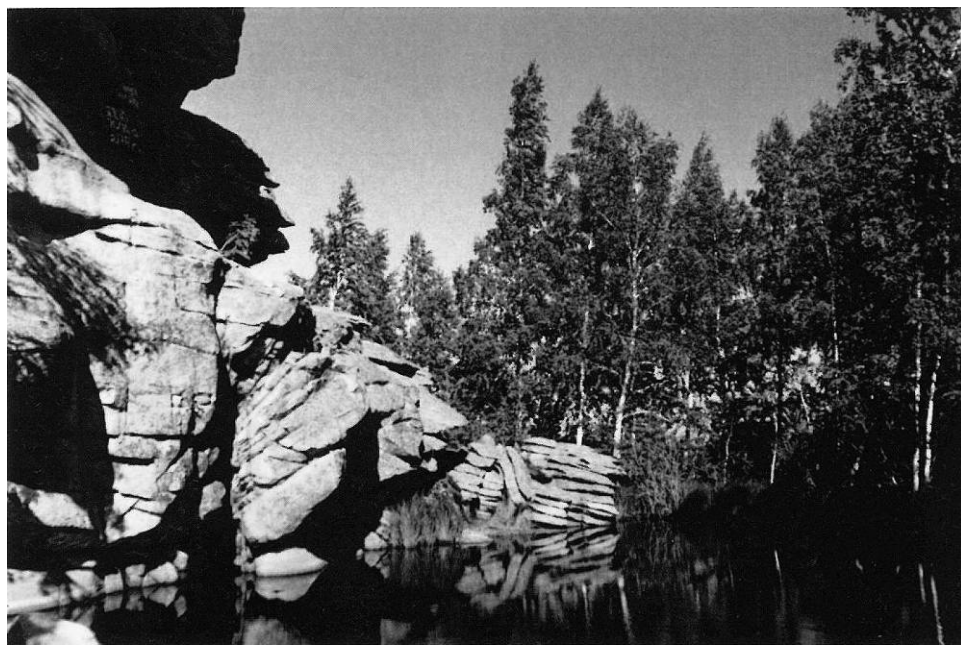
ОДИН ИЗ РАЙОНОВ БЕЛОВОДЬЯ НА ЗАПАДНОМ АЛТАЕ

Тема «Беловодья» – одна из самых любимых в художественном, научном и литературном творчестве Николая Константиновича Рериха. В разные периоды своей жизни, по разным поводам он неоднократно обращался к легендарным и реальным свидетельствам о Беловодье на Алтае. Во время экспедиционного исследования в 1926 г. Н.К. Рерих собирал сведения о Беловодье около посёлка Верхний Уймон на Юго-Западном Алтае, в районе горы Белухи.

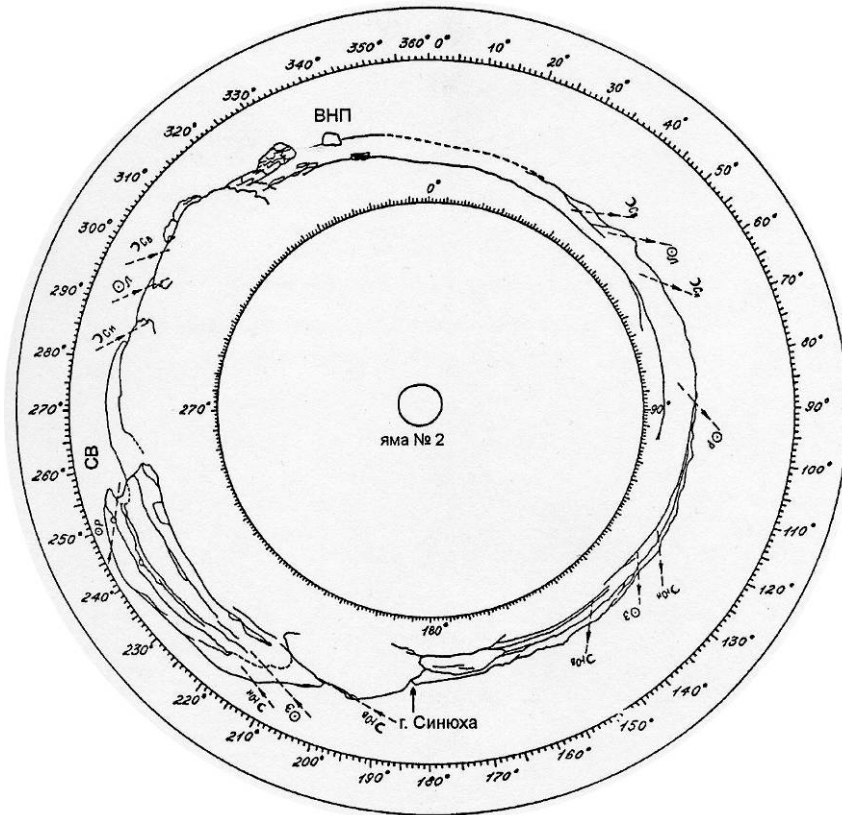
Проблема соответствия устных и письменных легенд конкретным материальным памятникам может быть рассмотрена на примере изучения двух реальных объектов в другом не менее интересном районе – около посёлка Кольвань на Западном Алтае.

Ил. 1. Западный Алтай. Топографический план в районе посёлка Кольвань и озера Белого. Археологические памятники: **1** – местонахождение женского монастыря; **2** – поселение Подсинюшка; **3** – группа курганов на берегу озера Белого; **4** – древнее святилище на горе Очаровательной.

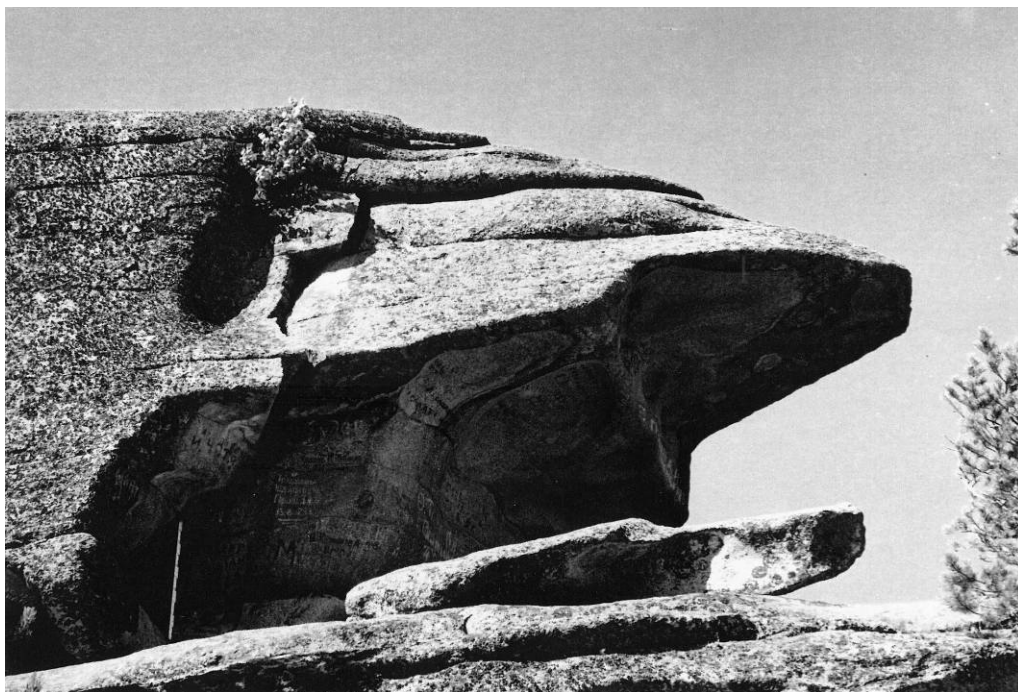
Ил. 2. Западный Алтай. Гора Очаровательная.
Виды северо-восточной (сверху) и северо-западной (снизу) частей озера.

Ил. 3. Гора Очаровательная. Круговая развёртка панорамы из центра ямы № 2 нижнего наблюдательного пункта. Условные обозначения: *ВНП* – верхний наблюдательный пункт; ★ – восход; ★ – заход; ☉ – Солнце; З – зимнее солнцестояние, Л – летнее солнцестояние, Р – равноденствие (весеннее и осеннее); ☾ – Луна; С – северная, Ю – южная, в – высокая, н – низкая. Пример: ☾Сн – Луна северная, низкая.

Окрестности Колывани славятся не только своей природной красотой, но и богатыми рудными запасами, месторождениями поделочного камня. Именно из этого района, со знаменитого Колыванского камнерезного завода, в Императорский Эрмитаж было прислано более 90 первоклассных каменных изделий. В 1843 г. завершилась грандиозная эпопея обработки, доставки и установки в Новом Эрмитаже Санкт-Петербурга уникальной, самой большой в мире, Колыванской «Царицы ваз» из ревнёвской яшмы, для чего даже пришлось частично разобрать одну из стен дворца. Ровно через 150 лет в 1993 г. состоялась первая эрмитажная археологическая экспедиция в район посёлка Колывань.

У коренных жителей Колывани сохранилось много легенд, связанных с горой Очаровательной, находящейся в 5 км к ССВ от посёлка (ил. 1). По одной легенде назва-

Ил. 4. Западный Алтай. Гора Очаровательная. Главное святилище. «Голова зверя-птицы-рыбы».

ние было дано в середине XVIII в. «кабинетским начальством», которое было «очаровано» природной красотой этой горы. Само название горы «Очаровательная» свидетельствует о красоте и, возможно, о культовом действии – «чары», «очаровывать».

Согласно другой легенде, на северной окраине поселка Колывань в XVIII – начале XX в. стояла высокая «пожарная вышка» для наблюдений. На закате солнца вершина горы (Очаровательной), противолежащей вышке, казалась «необычайно красивой», «очаровывала».

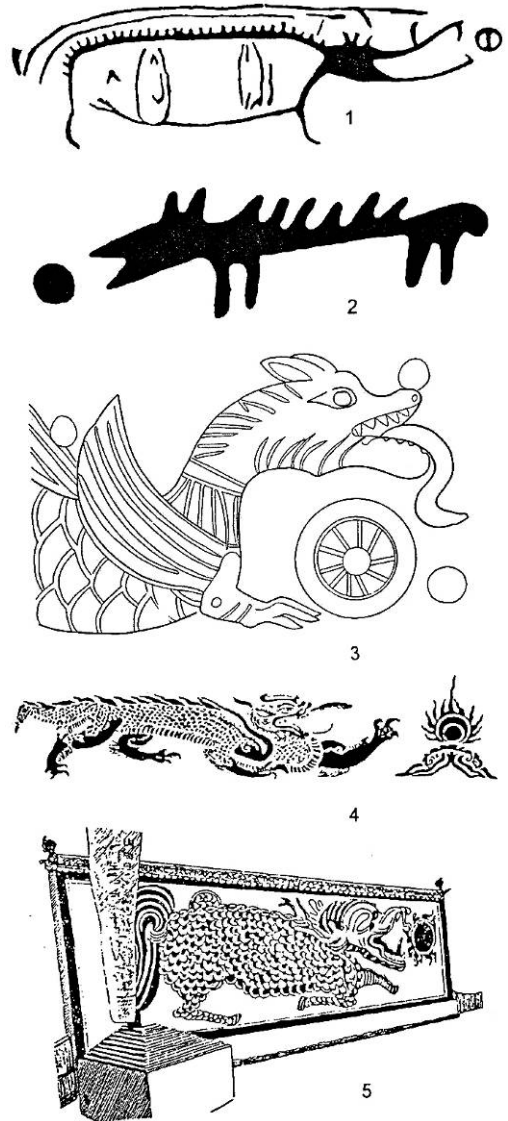
Если первая версия почти не вызывает вопросов, то вторая – с «закатом солнца» – нуждалась в более тщательной проверке и доказательствах. На вершине горы Очаровательной находится довольно обширное озеро, образованное путём скопления дождевой и талой воды, с заросшим берёзками южным берегом (ил. 2). Рядом с водой, на уплощённом скальном выходе выбита неглубокая подовальная ямка-лунка, размером до 30 см, которая могла использоваться при жертвоприношениях духам воды, живущим в озере.

К северу от озера находится самый массивный и высокий скальный выход на вершине горы Очаровательной, напоминающий, если смотреть с восточной стороны, выползающую из воды рыбу (или зверя) с раскрытым «ртом-пастью» и даже выделенным «глазом»-выступом (ил. 4). «Пасть зверя», высотой более 5 м, широко раскрыта, с гладкими внутренними стенками. Внутри неё находятся два огромных

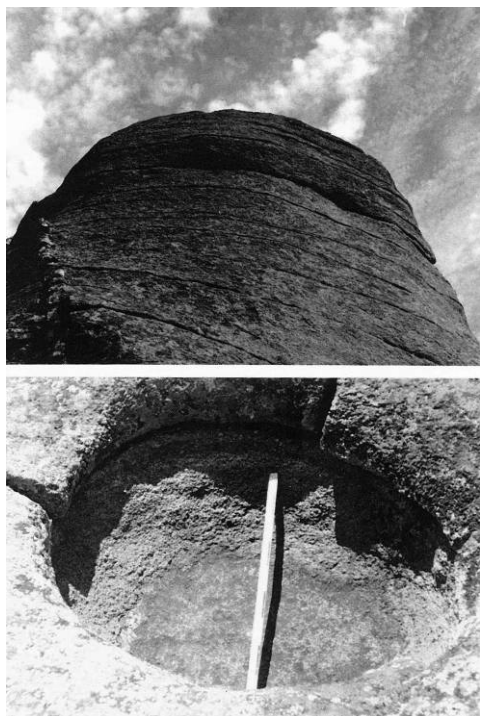
камня, размерами более 1 м. Как один из камней, с окатанными боковыми стенками, попал внутрь «пасти» – остаётся пока неясным. Возможно, он был специально поднят древними людьми на верхнюю площадку и служил своеобразным «алтарём-языком зверя». В передней части нижней плоскости «пасти» находится округлая неглубокая ямка-лунка искусственного происхождения. Вероятно, эта скала в виде головы зверя, птицы или рыбы являлась культовым центром святилища.

К северу от этого центра были обнаружены два наблюдательных пункта – верхний и нижний. Вероятно, каждый из пунктов имел специализированные функции. Из верхнего пункта удобнее наблюдать восходы-заходы солнца и луны (ил. 6), а из нижнего пункта – не только наблюдать, но и увязывать заходы солнца с главным ритуальным моментом: заглатыванием светила «пастью зверя». Самая нижняя точка захода зимнего солнца находилась на «крупе зверя». В день весеннего и осеннего равноденствия (22 марта и 22 сентября) солнце проходило через «пасть зверя» (ил. 3 и 4). «Рыба или зверь» глотало солнце и, после этого постепенно наступала темнота. В устной, письменной и изобразительной традициях многих народов Евразии, начиная с эпохи бронзы и заканчивая этнографической современностью, был широко распространён образ глотающего солнце зверя, рыбы или мифологического животного, вплоть до современных сказок о крокодиле, проглотившем солнце (ил. 5).

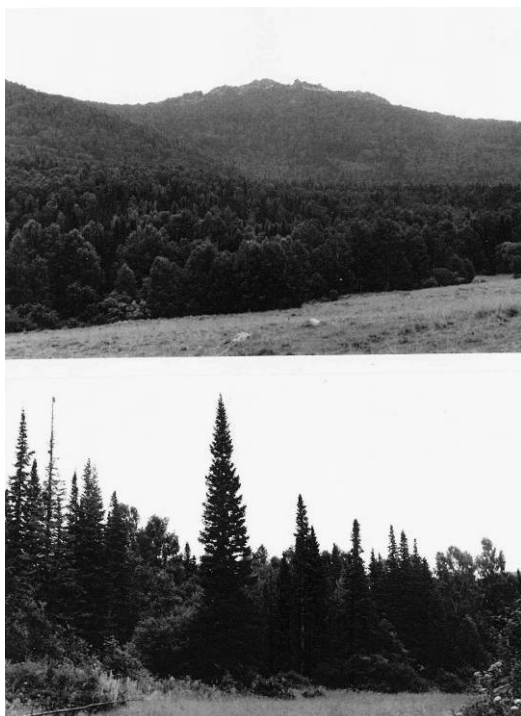
Необходимо особо подчеркнуть несколько фактов. Из посёлка Колывань не видна вершина горы Очаровательной, а видна она только с вершины к северу

Ил. 5. Образ глотающего Солнце зверя или мифологического животного: 1 – Шишкино (р. Олёкма, Якутия), 2 – Арби (верховья р. Лены), 3 – Великий Новгород, 4, 5 – Китай (по материалам Л.С. Марсадолова, А.П. Окладников, А.И. Мазина, В. Даркевича, Г.Е. Грум-Гржимайло)

Ил. 6. Западный Алтай. Гора Очаровательная.
Верхний наблюдательный пункт.
Вид на вершину скального выхода
с юго-западной стороны (сверху). Вид ямы
№ 1 на верхней площадке скалы (снизу).

Ил. 7. Западный Алтай. Гора Синюха.
Вид на гору Синюху с северо-восточной
стороны (сверху). Вид части лесной поляны,
занятой ранее женским монастырём, в районе
бывших построек В–Д (снизу).

лежащей горы. Солнце заходит с западной стороны от посёлка, а гора Очаровательная расположена на СВ. Поэтому с наблюдательной вышки невозможно увидеть закат солнца над вершиной горы Очаровательной (лишь изредка можно видеть отблески заката). Не исключено, что сохранившаяся легенда о «закате солнца» отражает ныне забытые ритуалы на горе Очаровательной, которые можно объяснить с правильной астрономической точки зрения.

К югу от горы Очаровательной на расстоянии около 12 км расположена вершина горы Синюхи, которая ранее называлась сопка Синяя (ил. 7). Местные жители неоднократно рассказывали нам, что на вершине Синюхи ещё в первой четверти XX в. стоял деревянный крест и находились «купели» для крещения. Отдельные люди даже говорили, что крест был золотой или обложенный золотым листом.

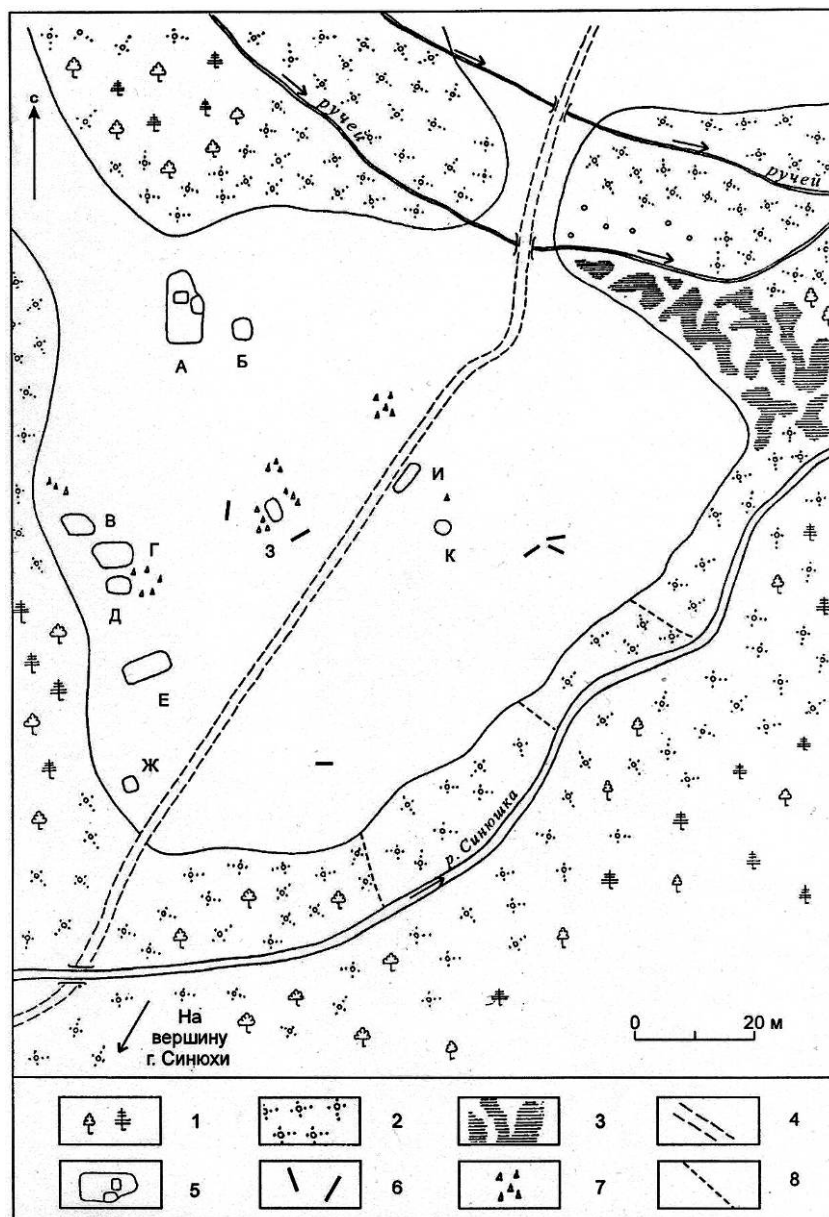
Для проверки этих сведений участники эрмитажной экспедиции по северному склону поднялись на гору Синюху. Креста или его остатков на вершине нам найти не удалось. Французский путешественник Е. Патрен, который посетил окрестности Ко-

лывани в 1781 г., описал деревянный крест, установленный на небольшой площадке самой высокой точки-«шпиля» сопки Синеи. Вероятно, крест простоял более полутора веков, а затем был снят или сброшен вниз в 1920-е – 1930-е гг. Ряд западин на больших камнях вполне мог использоваться в качестве «купели» при крещении. Скальные выходы на вершине Синюхи весьма своеобразны и красивы (ил. 9). С вершины горы открывается окутанная синеватой дымкой панорама окружающей местности, которая в хорошую погоду просматривается на десятки километров. От жителей посёлков Колывань и «8 Марта» мы знали, что в районе горы Синюхи ранее находился женский монастырь. Но найти его оказалось не так просто. Первый раз, идя по дороге на вершину горы Синюхи, мы быстрым шагом миновали его. Летом 1993 г. нам удалось найти местную жительницу, которая в детстве бывала в этом монастыре. Она показала место расположения монастыря и рассказала, что женщины-монахини жили там довольно долго. В 1930-х гг. монастырь был закрыт, часть монахинь поселилась в близлежащих посёлках, о других же ничего не известно.

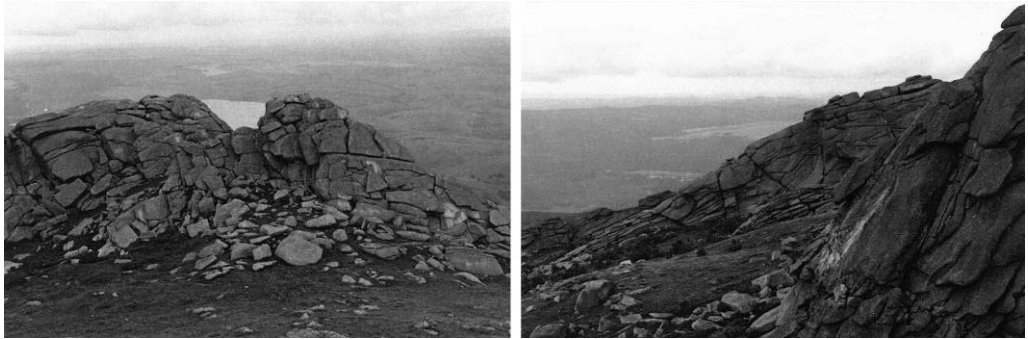
Остатки монастыря находятся с северной стороны от горы Синюхи, в 2 км от её вершины, на расстоянии около 5 км к югу от посёлка «8 Марта» (ил. 7 и 8). Монастырь был сооружён на лесной поляне, почти со всех сторон окружённой кустарником, берёзами и хвойными деревьями, особенно в юго-западной части. На СВ расположен заболоченный участок. Через площадку по линии СВ–ЮЗ проходит просёлочная дорога, переходящая на ЮЗ в тропу, ведущую к вершине горы Синюхи. Монастырь размещался на ровной подтреугольной площадке, обращённой вершиной на гору Синюху. Длина поляны в северной части более 90 м (по линии ВЗ), а вдоль дороги, идущей с СВ на ЮЗ – около 120 м. С южной и восточной стороны эту площадку огибает речка Синюшка, а с северной – два небольших ручья. Среди густого кустарника в восточной части участка прослеживаются заросшие «сходы-тропинки» к речке.

Поражает масштаб и скорость разрушения построек монастыря за последние 50–60 лет. На поверхности почти не осталось следов былых строений. В густой траве на площадке с большим трудом были выявлены остатки построек, ямы, кучи камней и кирпича, отдельно лежащие брёвна (ил. 8). Самое большое сооружение, размером 12×6 м, вытянутое с севера на юг, расположено в северо-западном углу поляны (ил. 8-А). Возможно, монастырю принадлежала и часть построек, находящихся в посёлке Подсинюшка. Среди них особенно выделяется погреб с подсферическим потолком, с каменными ступеньками и полом, стенки которого сложены из тщательно подобранных небольших плиток камня. Судя по кладке, погреб был сооружён в XVIII–XIX вв.

Легенды о «Стране Белых Вод и Высоких Синих Гор» – далёкой, свободной и богатой земле, нашли своё духовное и материальное отражение в топонимических названиях ландшафта. Топонимы этого района – озеро Белое, сопка Синяя, ручей Чёрный ключ и другие, свидетельствуют о переселении сюда выходцев из России, которые дошли до пограничья с Казахстаном – Монголией – Китаем и нашли в этом удалённом уголке один из центров реального воплощения многовековой народной мечты о Беловодье и Синегорье.

Ил. 8. План местности около монастыря под горой Синохой (разведка 1993 г.).
Условные обозначения: 1 – деревья (лиственные и хвойные), 2 – кустарник, 3 – болото,
4 – просёлочная дорога, 5 – остатки построек и ям (обозначены буквами А–К),
6 – брёвна, 7 – камни, 8 – проходы к реке.

Ил. 9. Западный Алтай. Гора Синюха. Скальные выходы на вершине.

Фольклорные сюжеты о глотающем солнце звере, борьбе с ним, с одной стороны, и о мирной счастливой жизни в Беловодье, с другой, противоположны по своему содержанию и направленности. Время и пространство разделяют эти сюжеты, так же, как и реальные объекты на вершинах гор Очаровательной и Синей. Высокое положение над окружающим ландшафтом, чистый воздух на вершинах, красивые скальные выходы разнообразной формы, лесные массивы на горных склонах и многие другие факторы, вероятно, способствовали выбору мест для святилищ на вершинах гор Очаровательной и Синюхи. Если высота Очаровательной составляет 670 м, то сопки Синей – 1210 м над уровнем моря. Сопка Синяя является самой высокой и привлекательной в окрестностях посёлка Колывань – верхней точкой Колыванского хребта и расположена с точностью до 1 градуса на одной линии к югу от горы Очаровательной.

Скорее закономерно, чем случайно, что языческое святилище со «зверем» на северной горе Очаровательной расположено почти в два раза ниже по высоте, чем противолежащий ей христианский крест на вершине южной горы Синей. Более тёплый юг в христианской традиции пользуется гораздо большим почитанием, чем холодный север. На многих старых географических картах Руси юг даже находился в верхней части. В целом, расположение культовых объектов на вершинах противолежащих гор около посёлка Колывань символизирует победу христианства над язычеством в этом районе Алтая в XVIII в.

ДАШНЯМЫН ГАНГАА

(Бюро переводчиков «Nemekh-Prague», г. Прага)

КАРТИНА Н.К. РЕРИХА «ВЕЛИКИЙ КРАСНЫЙ БОГАТЫРЬ» И ЕЁ СВЯЗЬ С МОНГОЛЬСКОЙ ЖИВОПИСЬЮ

Среди созданных Николаем Константиновичем Рерихом порядка семи тысяч работ преобладает восточная тематика. Монгольская тема или работы, рождённые на монгольской почве, занимают не последнее место. В Музее изобразительных ис-

кусств Монголии находится большое полотно «*Великий Красный Богатырь*»* (165 125, холст, темпера) – картина, написанная Николаем Константиновичем в 1927 г., во время Центрально-азиатской экспедиции (1923–1928).

Она интересна тем, что была создана по мотивам буддийской мифологии в стиле, напоминающем традиционную монгольскую живопись. Главную тему монгольской добуддийской живописи составляли богатыри из героических эпосов, сцены охоты аристократов, а также повседневная жизнь кочевников-скотоводов. Н.К. Рерих, обращаясь к истокам монгольской живописи, центральной фигурой картины сделал всадника. Но это не герой или богатырь монгольских легенд и сказок, а религиозный персонаж – Владыка страны Шамбалы грозный царь Рэгдэндагва.

Н.К. Рерих. Великий Всадник. 1927.
Собрание Музея изобразительных искусств Монголии имени Дзанабадзара, г. Улан-Батор.

Это было время после народной революции 1921 г., когда страна выбрала путь социализма и люди надеялись и верили в светлое будущее, одержимые идеей преобразования общества. В то же время основная масса населения была чрезвычайно религиозна или неграмотна. Естественно, теория марксизма-ленинизма была ей чужда и непонятна. Николай Константинович проникся интересом к тем общественно-политическим изменениям, которые происходили в Монголии, показав себя одновременно знатоком восточной истории и культуры. По буддийской мифологии, Шамбала – легендарная страна «чистых земель» и «просветлённых душ», в народном сознании отождествлялась с символом счастья. Н.К. Рерих проявил себя не только как художник, но и как чуткий человек и тонкий психолог. Чтобы картина была понятна простому народу, Н.К. Рерих выбрал Владыку Шамбалы центральной фигурой картины. На обратной стороне картины на тибетском языке имеется надпись, сделанная самим Николаем Константиновичем «Грозный царь Рэгдэндагва Владыка Шамбалы». Картина была подарена художником Великому Народному Хуралу Монголии – высшей законодательной власти страны.

Внизу всадника вид столицы Монголии – Улан-Батора. Название картины означает «*Великий Красный Богатырь*». Название города Улан-Батор в дословном переводе означает «Красный Богатырь». Картина написана в стиле *мартан*, где

* Данное произведение чаще упоминается под названием «*Великий Всадник*» (1927). В ромбике на орнаменте, украшающем сайдак (налучье) у Шамбалынхана, монограмма и дата: *PX. 1927*. Другие названия картины: «*Ригден-Джапо – Владыка Шамбалы*» – в книге Н.К. Рериха «Сердце Азии» (1929) и «*Грядущее*» – в каталоге В.В. Соколовского (1978). – *Примеч. ред.*

красный цвет доминирует. На ярко голубом небе высоко парит «Красный Всадник» на огненно-гнедом коне. В монгольском языке существует несколько сотен терминов, определяющих масть лошадей. Так как конь озарён светом пламени, трудно подобрать точное название цвета коня на этой картине. Даже облака розоватые. Впереди летающие птицы по виду напоминают голубей или ласточек, они тоже окрашены красным цветом.

Научное изучение этого шедевра великого художника будет неполным без обращения к следующим темам:

- Особенности добуддийской монгольской живописи реалистического типа;
- Возникновение и распространение буддизма в Монголии;
- Влияние буддизма на культуру и живопись Монголии, особенно XVI–XVIII вв. – «Ренессанс» монгольского искусства;
- Монгольская школа живописи в начале XX в.;
- Развитие изобразительного искусства в наше время.

Ю.И. ЕЛИХИНА

(Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург)

ЗОЛОТЫЕ И СЕРЕБРЯНЫЕ НАХОДКИ ИЗ НОИН-УЛЫ, ХРАНЯЩИЕСЯ В ЭРМИТАЖЕ

Ювелирные произведения гуннов из золота и серебра представляют собой особый интерес для специалистов. Применительно к Ноин-Уле, они происходят из различных курганов: Кондратьевского, Баллодовского, курганов № 1, 6, 23, 24, 25 и 49. В Андреевском кургане золотых и серебряных памятников найдено не было. Незначительное число предметов было передано в монгольские музеи. В инвентарных книгах Государственного Эрмитажа под шифром «МР» (Монгольская Республика) золотых и серебряных предметов насчитывается 53 номера. Нужно отметить, что под одним инвентарным номером может насчитываться от 1 до 51 фрагмента золотой ленты. Среди них много обломков золотых лент (22 инвентарных номера), которые украшали гробы гуннской знати. В коллекции находятся золотые розетки, полурозетки, накладки и бляшки. Некоторые из них служили украшением гробов, другие нашивались на одежду. Среди памятников из Ноин-улинских погребений встречаются деревянные и бронзовые розетки, аналогичные по форме золотым. Из золотых предметов именно обломки лент и розетки нашла монголо-французская экспедиция, работавшая в местности Гол Мод в 2000–2001 гг., изучавшая гуннские погребения¹.

Несомненно, большое значение при возведении кургана имел социальный статус умершего. Вождей хоронили особенно пышно, совершая обильные жертвоприношения и сопровождая последний путь многочисленными предметами, согласно древним верованиям, необходимыми в загробном мире. После похорон такие курганы продолжали посещать для выполнения поминальных тризн и других ритуалов. К сожалению, именно такие курганы более всего привлекали к себе внимание граби-

Предметы из Ноин-Улы. Серебряные бляхи. Курган № 6. Собрание ГЭ.

телей. Ещё С.А. Теплоухов высказал предположение, что гуннские курганы были разграблены ухуанями между 74 и 77 гг.²

Пристрастие гуннской знати к роскоши, отмеченное китайскими историками, могло удовлетворяться не только сбором ясака с подвластных племён, но и брачными связями с более или менее удалёнными народами. Отсюда понятно исключительное многообразие предметов искусства, сохранившихся в Ноин-улинских курганах. Кроме того, при ставках гуннских шаньюев могли быть мастера различных национальностей, которые в своих произведениях сочетали привычную для них технику с мотивами гуннского искусства, в частности, в тех произведениях, которые обнаружены в Ноин-улинских курганах.

На некоторых памятниках представлены изображения различных животных. Гуннское изобразительное искусство по сюжетам (борющиеся животные, крылатые грифоны и кони) является реминисценцией скифо-сибирского звериного стиля, но оно более позднее по времени. В памятниках гуннского искусства присутствуют те же сюжеты, набор образов, способы моделировки тел, характерные позы, которые обязательны для скифо-сибирского звериного стиля. По мнению большинства исследователей, эти памятники являются произведениями именно гуннского искусства.

В гуннском искусстве встречаются также изображения быков. Одна золотая бляшка с изображением головы быка происходит из кургана № 23. По технике она представляет собой сочетание литья, зерни и имеет следы инкрустации. Сзади к ней припаяна обоюдоострая булавка³.

Особое положение занимают найденные в Ноин-улинском кургане № 6 три штампованные из тонкого листового серебра бляхи с изображениями яков и оленя. Одна из них круглая и две грушевидной формы с перехватом посередине. Круг является символом Земли, голова животного находится в центре, а ноги символизируют четыре стороны света. Грушевидная форма, вероятнее всего, моделирует все-

ленную, где Небо выражается дугой, а Солнце отмечается или животным с солнечной символикой, или головой животного, вписанной в дугу, что подтверждает архетипичность этого иконографического образа. Имеются два изображения яков на серебряных бляхах. На большой круглой серебряной пластине изображён як в горной и лесистой местности. Двумя рядами конусообразных вершин показаны горные цепи, на одной из которых и стоит як. Два дерева – сосна или кедр изображены по обе стороны от этого животного. Горы и деревья представлены в условной манере, то же можно сказать и о яке. Он воспроизведён в три четверти с неестественно закинутой назад головой и повернутой к зрителю. Поэтому кажется, что его голова находится в середине композиции. Подбрюшные волосы и на конце хвоста показаны особыми завитками. В той же условной манере в виде «ёлочки» показана и шерсть на шее. Хорошо передана форма рогов яка и подчеркнуты копыта. По контуру пластину окружает орнамент в виде скрученного шнура.

На серебряной пластине грушевидной формы с перехватом посередине представлено изображение другого яка также в горной и лесистой местности. Горный ландшафт на ней показан группой конических вершин, лес – одним большим деревом (кедром) на заднем плане. У яка та же поза, что и на круглой бляхе, с головой посередине пластины. Манера воспроизведения животного и ландшафта та же, но значительно грубее.

Также представлен на серебряной бляхе и олень – один из символов искусства «звериного стиля». На третьей малой пластине такой же грушевидной формы с перехватом посередине показано рельефное изображение оленя в той же позе, что и яков на двух предыдущих. Олень воспроизведён также в три четверти, с высоко закинутой назад головой и повернутой к зрителю. Хорошо переданы формы тела, характерные для благородного оленя рога и большие уши⁴. Олень мог почитаться как тотемное и солярное животное. В Ноин-улинской коллекции имеется деревянное изображение оленя.

И, конечно, главное животное кочевников – лошадь. Золотая накладка с изображением лежащего крылатого коня происходит из Баллодовского кургана. В гуннских памятниках (Ильмовая падь, Дырестуйский могильник и др.) представлены четыре типа композиций с изображениями коня: крылатый, бегущий, стоящий и сцена борь-

Золотые предметы из Ноин-Улы. Слева: Бляшка с изображением крылатой лошади. Баллодовский курган. Справа: Голова волка. Курган № 23. Собрание ГЭ.

бы этих животных. Семантический анализ предмета подтреугольной формы, как и утробная поза коня, позволяет предположить, что в ней превалирует идея культа всепорождающей Земли. Конь может рассматриваться и как тотемное животное, «небесный» конь помогает добиться победы. Полёты коня в небо связаны у тюркских и монгольских народов с шаманскими легендами и целительской практикой.

Из Баллодовского кургана происходит круглая бляшка в виде розетки. Она является символическим изображением Солнца и выполнена в технике литья в жёст-

Серебряная пряжка.
Курган № 6.

Серебряная пряжка.
Курган № 6.

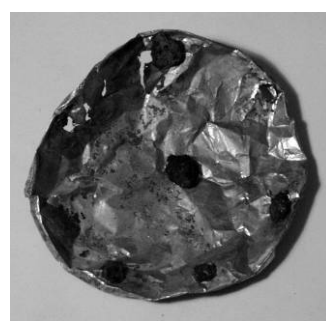
Золотая булавка в виде
головы быка. Курган № 23.

Золотая полусферическая
бляшка с чёрными камнями.
Курган № 25.

Золотая прорезная бляшка,
символизирующая Солнце.
Баллодовский курган.

Золотая круглая бляха
из раскопок Г.И. Боровки.
Курган № 49.

Предметы из Ноин-Улы. Собрание ГЭ.

кую форму. Очень интересна накладка в виде головы волка. Она происходит из кургана № 23. В искусстве гуннов встречается изображение крылатого волка, происходящее из Суджинского могильника⁵. В Ноин-улинской коллекции имеется шёлковая вышивка с изображением крылатого волка (курган № 6) и бронзовое навершие в виде головы волка (курган № 1). Вероятно, у гуннов, как у монгольских и тюркских народов, волк считался одним из тотемных животных.

Стиль, в котором выполнены эти пластины, характерен для гуннских произведений изобразительного искусства. Типична и поза животных на всех этих пластинах. Обращает на себя внимание трафаретность, характерная как для формы предмета, в которую вложен данный сюжет, так и для манеры его воспроизведения. С другой стороны, привлекает внимание и контур всех пластин в виде скрученного шнура. Таким шнуром гунны оконтуривали вышитые на их коврах различные фигуры, в том числе и животных. Из Ноин-улинского кургана № 23 имеются несколько украшений из золотой фольги листовидной формы с верёвочным кантом. Из кургана № 6 происходят и серебряные пряжки на роговой основе. Они овальные по форме и также украшены верёвочным кантом.

Примечательно, что среди изображений зверей, кроме дракона, нет фантастических животных. У остальных зверей есть реальные прототипы в природе. Это характерно для искусства «звериного стиля», и свидетельствует о том, что традиции этого искусства переняли гунны. Конечно, в искусстве гуннов можно выделить и китайское влияние (изображение дракона), но можно также проследить и обратное влияние. Изображения грифонов, вероятно, связаны с влиянием западной культуры.

Понимание технологических приёмов очень важно для определения роли, которую играл Центрально-азиатский регион в формировании автохтонного искусства и всей культуры эпохи ранних кочевников в целом. Таким образом, вопрос о способах и месте производства ювелирных изделий выходит на первый план. С этой точки зрения всю коллекцию можно разделить на две части, выделив из массы золотой фольги предметы, выполненные с использованием сложной пайки, литья в жёсткую форму, зерни и инкрустации. К таковым относятся бляшка с изображением головы быка, цилиндрическая пронизка, бляшка с изображением головы быка из кургана № 23 и полусферическая бляшка из кургана № 25. Полусферическая бляшка выполнена в технике литья в жёсткую форму. Она инкрустирована чёрными камнями, из которых частично сохранилось только шесть. Зернь может выступать как в качестве основного декора, так и закрывать места пайки. Находки свидетельствуют о высоком уровне ювелирного мастерства, которого достигли к этому времени гунны.

Таким образом, для изготовления предметов из золота и серебра обычно применяли технику выколотки, реже литья в жёсткую форму, пайку, зернь и инкрустацию. Все памятники этого времени из коллекции Эрмитажа связаны или с солярными культами, с тотемами или имеют чисто декоративный прикладной характер. Шедевры древних мастеров являются достоянием мировой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Magail J.* Gol Mod: Nouvelles decouvertes en Mongolie 2000–2001. – Paris, 2002. – P. 26–27.

² *Теплоухов С.А.* Раскопки курганов в горах Ноин-Улы // *Краткие отчёты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П.К. Козлова.* – Л., 1925. – С. 22.

³ *Trever C.* Excavation in Northern Mongolia. – London, 1932. – P. 42.

⁴ *Руденко С.И.* Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. – М.-Л., 1962. – С. 81–82; *Trever C.* *Opus cit.* – P. 44.

⁵ *Руденко С.И.* Указ. соч. – С. 201.

А.А. ГЕЛИЧ, А.В. РОМАНОВА

(Санкт-Петербургская государственная Художественно-промышленная академия
имени барона А.Л. Штиглица, г. Санкт-Петербург)

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКИХ ПЕРЕГОРОДЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ XV – НАЧАЛА XVI В.

Китайские перегородчатые эмали в нашей стране стали изучаться совсем недавно, несмотря на то, что в собраниях российских музеев находятся ценные коллекции. Сегодня китайские перегородчатые эмали популярны на антикварном и художественном рынках из-за возросшего интереса в мире к культуре Востока. Всё чаще встречается оформление интерьеров и экстерьеров в характерном восточном стиле, где широко используются предметы декоративно-прикладного искусства, в частности, перегородчатые эмали.

В этой статье рассмотрены композиционные особенности предметов начального периода развития эмальерного дела в Китае. Произведения XV–XVI вв. отличаются высоким качеством работы, становлением определённых композиционных приёмов, повлиявших на последующее развитие этого искусства.

В терминологии эмалей существуют особенности, на которых хотелось бы заострить внимание. В Китае изделия из перегородчатой эмали называются *цзин тай лань* (кит. *jing tai lan*), где «лань» означает «голубой». Действительно, именно этот цвет доминирует в эмалях династий Мин и Цин. Перегородчатые эмали в европейской литературе часто называют *клуазонне* (фр. *cloisonné*), от французского слова «cloison» – «перегородка». Именно во Франции долгое время процветала эта техника, отсюда экспортировалась в другие страны Запада и Востока, в том числе и в Китай. Французский термин *клуазонне* вполне отражает суть производственного процесса – при изготовлении вещей разноцветные порошковые эмали сплавлялись во время обжига в ячейках рисунка, образованного линиями металлических проволочкоограничителей¹.

На китайских перегородчатых эмалях часто можно встретить литые, рисованные или гравированные марки правления, которые помогают в атрибуции. Так, в зарубежных коллекциях сохранилось некоторое число не вызывающих сомнения вещей, маркированных девизом правления Сюаньдэ (1426–1435). Достоверные марки этого правления состоят из шести иероглифов, расположенных горизонтально справа налево в один ряд, или из двух горизонтальных рядов по три иероглифа в каждом, написанных стандартным шрифтом и читающихся: *Да Мин Сюаньдэ нянь чжи* – «Сделано в годы Сюаньдэ династии Великой Мин»².

Перегородчатые эмали являются древнейшей техникой мирового эмальерного дела, освоенной ещё мастерами Древнего Египта и Античного мира, откуда она затем проникла через Византию на Ближний Восток. Первые перегородчатые эмали попали в Китай именно благодаря торговле со средневековой Византией и странами

Ближнего Востока. Они и подготовили появление производства перегородчатых эмалей в Китае.

Эмальное дело возникло в Китае ориентировочно при монгольской династии Юань (1271–1368). Пекинские дворцовые мастерские по изготовлению эмалей, очевидно, были основаны монголами, которые привлекали к работе мастеров из Центральной Азии и Ближнего Востока. Однако исследователи вопрос о существовании эмалей в период этой династии оставляют открытым, так как о начальном этапе их развития известно лишь по литературным описаниям изделий, приводимым в записках путешественников и миссионеров.

Первый из эволюционных этапов китайских перегородчатых эмалей соотносят с династией Мин (1368–1644), самые ранние опубликованные произведения датируются XV в., поэтому и рассматривать перегородчатые эмали принято с Минской эпохи. Первый расцвет приходится на период Сюаньде (1426–1436) – период «Обширной добродетели» (кит. *Xuan-de*). Изделия в технике перегородчатой эмали на начальном этапе своего развития производились только для определённого круга, так называемой китайской элиты, а также в качестве храмовой утвари различных религиозных институтов Китая – буддизма, даосизма, конфуцианства³. Так как этот вид искусства в Китае находился под патронажем Императорского двора, то, соответственно, этот фактор влиял на развитие формы, декора, цвета и техники производства, делая их каноничными и с трудом поддающимися различным инновациям и экспериментам. Эти обстоятельства косвенно повлияли на то, что долгое время изделия из перегородчатой эмали воспринимались как часть утвари, предназначенной для императорских и храмовых нужд, но не как объекты эстетического наслаждения.

Техника перегородчатой эмали обладает рядом особенностей. В ячейки, ограниченные плоскими металлическими перегородками, наплавляют эмаль, заполняя всё пространство, вплоть до верхнего края перегородок. Поверхность изделия шлифуется так, чтобы перегородки и эмаль лежали в одной плоскости. Только при соблюдении этих условий можно говорить о перегородчатой эмали⁴. Металл, из которого делается форма под перегородчатую эмаль, – главным образом, медь и сплавы на основе меди. Именно из этого материала выполнены основы подавляющего большинства вещей в различных собраниях. Для периода Сюаньдэ характерно использование литой бронзовой основы и бронзовой проволоки. Тела изделий этого периода достаточно тяжелы. Толщина, способы изготовления и крепления перегородок в разные периоды неодинаковы.

С начала XVI в. от литой бронзовой основы переходят к основе, выполненной посредством медной чеканки и к медной проволоке для перегородок.

По своему химическому составу, эмали – это соли кремниевой кислоты, то есть свинцово-силикатное стекло. Первоначально паста бесцветна и состоит из кварцевого песка, свинца, соды, каолина, полевого шпата, буры, селитры, натрия и магния. В неё добавляют, в качестве «глушителей», различные металлы или их оксиды (оксид мышьяка, олова, каолина и др.) и получают, таким образом, различные цвета и оттенки, а также непрозрачность.

В эмалях XV в. цвета представлены каждый в отдельной клетке, скажем, жёлтый, красный и синий чётко разделены по ячейкам⁵. Раннеминские эмали отличаются относительно лаконичной цветовой гаммой. Использовались эмали семи цветов: бирюзового, ярко-лазоревого (с пурпурными вкраплениями), красного, жёлтого, белого и тёмно-зелёного, который порой приближался к чёрному. Со второй половины XV в. цветовая палитра эмалей становится более разнообразной. Стали получать комбинированные цвета. Эксперименты с цветом продолжались на протяжении всего периода производства перегородчатых эмалей. Перегородчатые эмали, к примеру, XVII в. представляют чрезвычайно сложную цветовую палитру; в одной ячейке могло сочетаться до четырёх различных цветов.

Важное место в изобразительной традиции китайских перегородчатых эмалей заняла буддийская символика. В Китай буддизм проник ещё в I в. В эпоху Шести династий буддизм превратился в одну из нормативных для китайской культуры идеологических систем и достиг своего наивысшего расцвета в первой половине Танской эпохи (VII–VIII вв.). Он обрёл свою почву, своих последователей и, наряду с конфуцианством и даосизмом, определял синкретические воззрения китайцев. Надо отметить, что в силу многих причин буддизм в Китае отличался от эталонного (индийского) буддизма. Тем не менее, испытав на себе значительное влияние китайской культуры, буддизм привнёс в неё множество новаций, в том числе и в художественную образность. В частности, на китайской перегородчатой эмали XV–XVI вв. широко распространён элемент буддийской иконографии *лотос* (кит. *lian he hua*). Надо оговориться, что лотос вообще является любимым цветком восточного мира, он появился на керамических изделиях уже в V в. Лотос является символом внутренней чистоты и совершенства – прекрасный цветок, произрастающий из затанутой ряской мутной воды. В литературе встречаются варианты египетского космогонического мифа, согласно которому солнечное дитя, «осветившее землю, пребывавшую во мраке», выходит из распустившегося цветка лотоса, росшего на холме, возникшего среди изначального хаоса⁶. Одновременно, являясь летним цветком, он олицетворяет плодородие, плодоносность природы и духовных усилий личности. Не случайно именно лотосы считаются главными цветами, украшающими райские земли. Лотос также входит в состав буддийской образной системы *Восьми драгоценностей* (кит. *bajixiang*), изображение атрибутов которой нередко встречается на перегородчатых эмалях XV–XVI вв. Помимо стилизованного цветка *лотоса* среди Восьми драгоценностей *зонт*, *две золотые рыбки*, *ваза с амритой*, *раковина*, «*бесконечный*» *узел* или *узел счастья*, *штандарт (зонт)* и *чакра*.

Этот набор, использовавшийся в ранней буддийской иконографии, перекочевал и в китайское светское декоративно-прикладное искусство. Надо отметить, что система Восьми драгоценностей существовала не только в буддийской, но и в конфуцианской и даосской иконографиях, где была представлена другими символами.

К зооморфным образам эмалей прежде всего следует отнести фантастических существ, так как именно они чаще других встречаются на китайских перегородчатых эмалях XV–XVI вв.: *дракон*, *феникс*, *цилин* и *макара*.

В китайской культуре *драконы* связывались с институтом верховной власти и с государственностью. Дракон был олицетворением творческой силы и мужского принципа *Ян*, восточного неба, рассвета и весны. Он появился как символ императора Китая во всех сферах изобразительного и прикладного искусства. В официальном художественном творчестве Минской эпохи дракон применялся в качестве орнамента императорского костюма, предметов быта, церемониально-ритуальной утвари, в том числе и на перегородчатых эмалях.

Образ дракона в китайском искусстве имеет разветвлённую классификацию и богатую терминологию. Предполагается, что образ дракона объединяет образы двух противоположных миров – верхнего (птица) и нижнего (змея или другое пресмыкающееся). В древнекитайской мифологии дракон помогает культурному герою основывать династию. Его изображают в самых причудливых формах. Глаза дракона часто похожи на кроличьи, уши – на коровьи, у него растут длинные усы, туловище является телом змеи, покрытым чешуёй, тигровые лапы имеют орлиные когти. Облик дракона, как правило, остаётся величественным, суровым и воинственным.

Если дракон является символом императора, то символом императрицы является птица *феникс*, изображение которой также встречается на перегородчатых эмалях XV–XVI вв. Этот образ известен в китайском искусстве с глубокой древности. Эта птица была самой почитаемой, и как следствие изображалась самой красивой среди пернатого племени. В Минскую династию её образ стал особенно популярен, поскольку, согласно легенде, птица феникс пропела на могиле отца Чжу Юань-Чжана, после чего тот основал национальную династию Мин. Именно поэтому в раннюю династию Мин изображение на перегородчатых эмалях этой птицы стало столь символичным и распространённым. Перья у феникса часто пяти цветов – жёлтые, белые, красные, синие и чёрные. Они символизируют пять добродетелей: человеколюбие, долг, пристойность, знание обрядов и верность. Волшебная птица феникс добра и милосердна. Она не питается насекомыми, и пищей для неё служат семена бамбука. Происхождение птицы феникс связывают с Солнцем и огнём. Как только фениксы появляются, в империи воцаряется мир. Поэтому с древних времён феникс, олицетворяющий в Китае также Южное Небо, символизирует хорошее правительство мудрого правителя. Они предвещают людям и государству выгодную жизнь и процветание⁷. Феникс имеет переднюю часть туловища (грудь) как у лебедя, заднюю часть туловища как у цилиня, спину как у черепахи, шею как у змеи, клюв как у ласточки, а также петушиный гребень и пятицветное оперение⁸. В литературных образах феникс также выступает царём мира пернатых, олицетворением благородной личности, идеального правления. Но помимо этого, наряду с драконом, она выполняет функцию проводника человека в загробный мир. И.С. Лисевич, рассуждая о поэме древнего китайского поэта Цюй Юаня «Лисао», говорит, что данная поэма может представлять собой ритуальное путешествие шамана в потусторонний мир. Шаман в ней передвигается с помощью феникса и дракона:

*«На феникса сажусь, дракон в упряжке,
Над бранным миром я взмываю ввысь»⁹.*

На перегородчатых эмалях птица *феникс* и *дракон* часто изображаются вместе.

Фантастический зверь *цилинь* имеет самую сложную из рассматриваемых существ символику. Образ цилиня обычно определяется в европейской литературе как «единорог» и имеет очень древнее происхождение. Мифологический зверь-единорог цилинь считается в Китае наряду с драконом, фениксом и черепахой одним из наиболее почитаемых и важных среди животных. Современный термин *цилинь* состоит из двух слов: *ци* – самец и *линь* – самка. Он не похож, как отмечалось, ни на одно реально существующее животное: у него тело оленя, голова барана, хвост коровы, шея волка, ноги и копыта лошади, тело, по одной версии, покрыто волосами как у коровы, или чешуёй как у рыбы или дракона. На голове его обязательно присутствует шишка или мягкий неострый рог, который вследствие этого не может причинить людям никакого вреда. Наличие одного рога у цилиня, по представлениям китайцев, является символом единого государства или единовластия правителя¹⁰.

Ещё одним мифологическим зверем с не менее сложной символикой, который также появляется на перегородчатых эмалях XVI в., является *макара*, с мордой, вытянутой в хобот и ртом, оснащённым острыми зубами. Наиболее же любопытная часть этого зверя – хвост, образующий орнаментальные завитки. Из рта макары растут нитки жемчуга или ростки цветов лотоса. В некоторых источниках оно названо «драконом с листообразным хвостом». Изначально этот орнаментальный мотив использовался в буддийском искусстве и напоминал крокодила с рыбьим хвостом и хоботом слона.

Помимо часто употребляемых лotosовых мотивов, о символике которых было уже сказано, в китайских перегородчатых эмалях XV–XVI вв. присутствуют такие растения, как *хризантемы*, *камелии*, *виноградные лозы*.

В изделиях рассматриваемого периода распространён так называемый «облачный» узор (юнь-вень). В китайской религиозно-мифологической традиции «облако» рассматривается как принадлежность высшего мира, а также средство передвижения божественных персонажей. В даосской философии облако является, с одной стороны, символом быстротечной жизни человека и эфемерности его деяний, а с другой – воплощением небесной пневмы – *ци*. Но в живописной образности значение «облака» шире. Оно символизирует также одиночество человека, оторванного от дома и безмерно тоскующего по родным и друзьям.

Изучение символики основных изображений, встречающихся на изделиях китайской перегородчатой эмали XV – начала XVI в. – буддийских атрибутов, зооморфных и растительных образов, – позволяет увидеть не только истоки возникновения тех или иных мотивов в оформлении китайских эмалей, но и понять специфику сюжетов, их отличительные черты, связанные с особенностями китайской традиции. Характерно, что сакральные буддийские символы в Китае изображались на предметах утилитарного назначения и стали частью светского искусства. Однако связь с религией всё же осталась, так как предметы с данной символикой часто делались по заказу буддийских монастырей.

Анализируя композицию одного из самых ранних предметов коллекции Улдри – диска, который предположительно мог использоваться в ритуальных целях¹¹,

можно отметить, что структура всего узора поделена на три части и расположена по кругу, каждый круг повторяет форму предыдущего. Внутренний круг и средний напоминают стилизованный распутившийся цветок лотоса при взгляде на него сверху. Жёлтые маленькие кружки – стилизованное изображение семян. Надо отметить строгость и геометрический характер композиции в целом, предельную стилизацию всех изобразительных элементов.

На вазе из того же собрания с яйцевидным, сужающимся книзу туловом, цилиндрическим горлом и широким нависающим краем (бортиком), по тулову изображены цветы лотоса, обрамлённые стилизованными виноградными лозами. Виноградные лозы окружают каждый цветок. Центральный лотосовый мотив повторяется, образуя орнамент, который окаймляет тулово. Цветы лотоса состоят из множества лепестков. Орнаментальные мотивы в целом подчинены единому композиционному замыслу и соответствуют архитектонике вазы. На горле изображены атрибуты Восьми буддийских драгоценностей. *Узел счастья* решён строго симметрично и лаконично, форма его предельно упрощена. Бортик украшен цветочным орнаментом. Сердцевина этих цветов включает в себя дополнительные изобразительные элементы.

Особого внимания заслуживает монументальный кувшин также из собрания Улдри. Он принадлежит к периоду Сюаньдэ (1426–1436). Парный к этому кувшину хранится в Британском музее. Кувшины значительны по размеру, их высота – 63,3 см. Пары извивающихся в облаках драконов составляют главный декоративный мотив на тулове и крышке сосуда. Нижний край заполнен орнаментом из копьевидных листьев. Горло украшено «облачным» узором. Сферический колпачок покрыт стилизованными лепестками лотоса, которые полностью соответствуют его архитектонике. Драконы пластично извиваются, их жёлтые змеевидные тела покрыты чешуёй, образованной с помощью тонких перегородок. Два белых рога направлены в одну сторону. Зелёная грива развивается, глаза выпучены, пасть широко раскрыта, из неё торчат устрашающие острые клыки и красный, напоминающий ленту «облачного» узора язык, на растопыренных лапах по пять острых когтей. Красные завитки облаков (пламени) сменяются бирюзовыми, синими и фиолетовыми. Мелкие детали, такие как рога, глаза, зубы, когти дракона и завитки облаков акцентируются белым. Композиция очень выразительна и хорошо соответствует монументальному характеру кувшина и его назначению как предмета, исполненного для Императорского двора.

В центре следующего круглого бронзового блюда (таза) из коллекции Улдри (диаметр 43,5 см), относящегося к первой половине XV в., изображены два парящих в «облачном» узоре феникса с расправленными крыльями. Фестончатый картуш окружает цепь из шестнадцати разноцветных бутонов лотоса, которые создают изысканный орнамент. На внутренней стороне борта изображены четыре феникса, так же парящих в «облачном» узоре. Но на внешней стороне мы видим пару длиннохвостых фениксов, которых сменяет пара драконов.

В коллекции Эрмитажа находится редкий образец китайской перегородчатой эмали – ваза, выполненная в конце XV в. в период ранней династии Мин. Она имеет бронзовое шаровидное тулово, высокое цилиндрическое горло и конусовидную нож-

ку. Эта ваза предназначалась для китайской игры – метания стрел в горлышко. На тулове вазы – шесть цветов лотоса, они образуют единый орнамент, который опоясывает тулово вазы. Каждый цветок состоит из сердцевины в виде бутона, к основанию которого присоединено пять лепестков. Стройные по своей форме цветы лотоса окружают виноградные побеги, которые тракуются весьма свободно. Они оплетают каждый цветок и переходят в плоскость горла вазы, меняя при этом свой характер. На длинном горле изображены цветы камелий, красных – с одной стороны и белых – с другой. Камелии нанизаны на тонкие стебли, образованные с помощью позолочённых перегородок. Всё пространство вазы заполнено такими же завитками. Зелёные листья украшают стебли и дополняют бирюзовый фон. На конусовидной ножке изображены белые и красные хризантемы, которые чередуются по цвету.

Ваза перегородчатой эмали. Китай. Конец XV в. Собрание ГЭ

На другом предмете из собрания Эрмитажа – небольшой вазочке высотой 10,2 см – изображена пара цилиней среди стилизованных облаков. В данном случае эти мифические существа почти что растворяются в завитках облаков, повторяя их причудливые изгибы, они становятся частью окружающего их пространства. В композиции тулова чувствуется динамика, само художественное решение стало более свободным по сравнению с предыдущими рассмотренными нами предметами. Мы сталкиваемся с тем, что декорируются внутренние стенки широкого горла и видим, что художественное решение не разрушает форму, а целиком следует её архитектонике. Очень выразительными и пластичными становятся линии перегородок, которые теперь уже свободно окутывают вазу, придавая ей особую живописность и шарм. Горло и ножка украшены цветами хризантем, которые создают такой же живописный орнамент.

На крышке круглой коробки из собрания Эрмитажа, относящейся к началу XVI в., изображены два феникса в цветах и листьях лотоса. Формы хвоста и крыльев подчёркивают линию круга. Изгиб шеи продолжает изгиб крыла. Растительные завитки и цветы лотоса стремятся к форме круга.

Композиция равновесна и полностью заполняет поле крышки. Все линии плавно закруглены. В том числе и острые переходы имеют плавное окончание.

Итак, символика изображений, используемых в композициях, основана на верованиях и традициях китайцев, как своих собственных (*дракон, феникс, цилинь*), так и заимствованных из других культур, в частности из индийской (*Восемь буддийских драгоценностей, лотос, макара*). Появление индийской (буддийской) символики связано с развитием буддизма в Китае, с производством перегородчатых эмалей для буддийских монастырей. Образы дракона и феникса на эмалях рассматриваемого периода объясняются тем, что китайцы отождествляли с ними императора и его двор; но они также связаны с богатыми мифологическими и литературными традициями, где чудо-птица и мифологическое существо отвечают за связь человека с

потусторонним миром, наделяющим его силой, знанием и божественной энергией, способной облагодетельствовать всю Поднебесную. Также можно встретить совместное изображение драконов и фениксов, которые воспринимались в качестве помощников шамана при путешествии в загробный мир. Наибольшее распространение в декоре перегородчатых эмалей этого периода получают цветы и лепестки лотоса, также весьма почитаемого. В декоративных композициях перегородчатых эмалей лотос представлен всегда стилизованно и может являться центральным мотивом всей композиции. Образы макары и цилиня встречаются значительно реже. Популярными мотивами являются виноградные лозы с цветами гроздьев, стилизованные цветы хризантемы и «облачный» узор. Характерными орнаментами, изображаемыми на перегородчатых эмалях XV–XVI вв., являются стилизованные лепестки лотоса и стилизованные листья копьевидной формы. Что касается композиции, то нужно отметить, что она всегда подчёркивает форму предмета, часто симметрична и имеет парные изображения. Цветовое решение предельно локально и строится на резком контрасте, что делает декор эмали крайне напряжённым, нет тонких нюансов и переходов, как, к примеру, в перегородчатых эмалях более позднего периода и в расписных китайских эмалях. Но в то же время подобная цветовая насыщенность и контраст делают эмали яркими, броскими, радующими глаз.

Основываясь на анализе изделий, стоит сказать, что по характеру художественного решения эмали XV в. отличаются от эмалей XVI в. прежде всего тем, что наблюдается отход от геометризации изобразительных элементов в сторону более живописного и пластичного решения. Чувствуется стремление заполнить всю плоскость предмета, подчеркнуть декором его формы, придать линиям, которые в данном случае заменяют позолоченные перегородки, наибольшую живописность и гибкость. Учитывая эти особенности, можно с большей точностью датировать изделия, что позволит свободнее ориентироваться на антикварном и художественном рынках.

Эта статья является лишь небольшим вкладом в изучение сложной системы декоративно-прикладного искусства Востока, которое стремительно заполняет среду обитания современного человека, обращая его к глубокой символике и продуманной композиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Неглинская М. Китайские перегородчатые эмали // *Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования*. – 2005. – № 4 (26). – С. 104.

² Там же. – С. 113.

³ Brinker H., Lutz Al. Chinese Cloisonne. The Pierre Uldry Collection / Tr. by S. Swoboda. – New York, 1989. – P. 23

⁴ Бреполь, Эрхард. Художественное эмалирование / Пер. с нем. И.В. Кузнецовой. – Л., 1986.

⁵ Watson, William. The Arts of China: 900–1620. – London: Yale University Press, 2003. – P. 251.

⁶ Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1982. – Т. II. – С. 71.

⁷ Brinker H., Lutz Al. Opus cit. – P. 86.

⁸ Крацова М. История Искусства Китая. – Краснодар; М.: СПб., 2004. – С. 391.

⁹ Лисевич И.С. Литературная мысль Китая // Цюй Юань. Лисао / Пер. с кит.: А.И. Гитович, акад. В.М. Алексеев, Л.З. Эйдлин, А.А. Ахматова, А.Е. Адалис, А.И. Балин, Г.О. Днепров. – СПб.: Кристалл, 2000. – С. 238.

¹⁰ Решетов А.М. Мифологический зверь цилинь в китайской культурной традиции // Мифология и религия в системе культуры этноса: Материалы II Санкт-Петербургских Этнографических чтений. – СПб., 2003. – С. 153–155.

¹¹ Brinker H., Lutz Al. Opus cit.

П.И. КРЫЛОВ

(Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург)

БЕАС КУНД, МЕСТО ИСПОЛНЕНИЯ ЖЕЛАНИЙ

Где начинается река, особенно горная? Ясно, что любая горная река образуется от слияния текущих с ледников ручейков, пробивающих скалы родников, и так далее. Начало какого ручья следует считать её истоком? Самого длинного? Самого полноводного? Того, что традиционно считают «главным» местные жители? Вопрос этот, конечно, можно считать чисто географическим. Есть специалисты, пусть они и решают. Народ он волнует только тогда, когда река становится символом или святыней – как Волга, Иордан, Ганга. (Хотя в русской традиции название реки Ганг мужского рода, для любого индийца – это река-богиня Ганга, спустившаяся с небес на землю. «Ганг» для них должен звучать примерно также, как если бы Волгу назвали «Волгом»).

Река Беас (или Биас), текущая по долине Кулу в Западных Гималаях, конечно, не Ганга и даже не Джамна (Ямуна). Просто крупный приток Сатледжа, а тот в свою очередь – Инда. Но, во-первых, Беас – рубеж: именно до него, согласно легендам, дошёл Александр Македонский. Дошёл, постоял и повернул назад, домой, оставив Индию индийцам¹... Во-вторых, сюда, в долину Кулу, к берегам Беаса под Рождество в 1928 г. приехали Рерихи. Приехали, купили дом в Наггаре и – остались². В-третьих...

«В таких древних местах, как Наггар и Манали, собраны все великие имена. Законодатель Ману дал своё имя Манали. Великий Арджуна чудесным образом проложил проход от Арджунагуфа до Маникарана, куда он ходил к горячим источникам. После великой войны, описанной в “Махабхарате”, Пандавы пришли в Наггар и выше храма Тхавы построили свой замок, остатки которого видны до сих пор. Здесь, в долине Кулу, жил также **Виаса**, составитель Махабхараты. Здесь находится **Виасакунд, священное место исполнения всех желаний...**»³ (выделено мной – П. К.), – писал Н.К. Рерих после того, как обосновался в долине Беаса.

Значит, Беас (Биас) назван по имени Вясы (или Виасы), легендарного риши? Сына брахмана и простой рыбачки, отца героев «Махабхараты» Дхритараштры, Панду, Видуры? А исток реки – Беас Кунд или Виасакунд – место исполнения желаний? Согласитесь, характеристика места звучит заманчиво, независимо от того, верите вы в гималайские чудеса или нет.

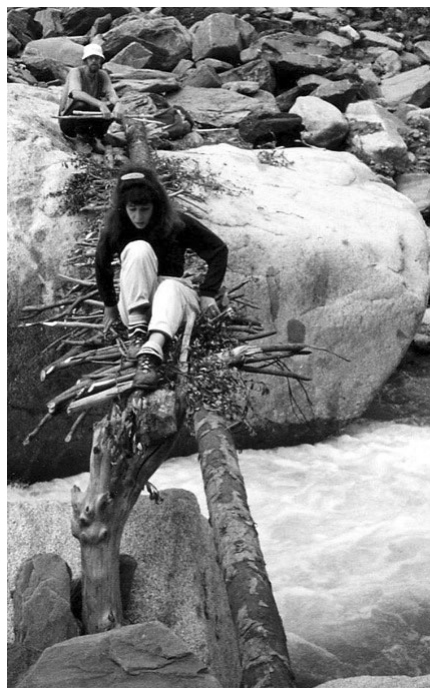
Впервые попав в долину Кулу весной 1995 г., я пытался использовать очерки Рериха в качестве путеводителя. Карандашом в них были подчеркнуты все топонимы: Наггар, Манали, Маникаран, Виасакунд и т. д. Оставалось сориентироваться на месте. С Наггаром, Манали, Маникараном никаких проблем не возникло – туда ходили рейсовые автобусы. «Места исполнения желаний» в расписании не было, что, в общем-то, было не удивительно. (Кстати, к упомянутой Рерихом легендарной пещере Арджуны, Арджунагуфе, нам с самарцем Сергеем Головиным удалось забраться только летом 1998 г. Увы, вход в неё за год до этого был завален огромным каменным блоком).

Пришлось взяться за карты и справочники. Выяснилось, что Беас Кунд – не миф, не легенда, а место, которое есть на картах. Но дальше начались странности. Вообще, индийские путеводители по умению запутать читателя могут сравниться только с нашими, российскими. Избытком точной информации ни те, ни другие, как правило, не страдают. Но путаница с Беас Кундом, казалось, превышает разумные пределы. От издания к изданию Беас Кунд превращался из «очаровательного альпийского плато» в «маленькое священное озеро», из озера – в родник, вытекающий из скалы. Его высота над уровнем моря, сообщал один справочник, составляет 3690 м. «Примерно 4100 м», – предполагал другой. «Ровно 3540», – утверждал третий.

Но высота – это ещё полбеды. В конце концов, 3540 или 4100 м – не такая уж большая разница. Особенно, когда читаешь в книге, а не идёшь в гору с рюкзаком. Но и точку на карте, обозначающую это таинственное плато (озеро? родник?), поставить не удавалось. Одни помещали его на перевале Ротанг, другие – неподалёку от перевала, третьи – в верховьях реки Соланг, четвертые вообще о его местоположении умалчивали.

Казалось, налицо определённый умысел. И это было понятно. Если бы до места исполнения желаний можно было добраться, прочитав первый попавшийся туристский буклет... Хотя, впрочем, о волшебной способности Беас Кунда делать мечты явью ни один путеводитель не упоминал.

Тут-то самое время вспомнить о том, с чего начиналась эта статья. Ибо если допустить, что вопрос об истоке реки Беас спорен, что версий существует несколько, то всё сразу становилось на свои места. Получалось, что Беас Кунд номер один – это озеро и (или) плато в верховьях реки Соланг, правого притока Беаса. Беас Кунд но-

Ил. 1. Неприятный мостик.
Река Соланг. 1995. Фото автора.

Ил. 2. Озеро Беас Кунд в верховьях долины Соланг. 1995. Фото автора.

мер два – это родник под перевалом Ротанг. Беас Кунд номер три – озеро где-то около Ротанга (которое разные авторы называли то Саркунд, то Дашор, то Шела Сар, то озером Акбара).

Расставив номера на карте, я покинул Кулу и вернулся в Петербург. Впечатлений от первой встречи с Гималаями было и без того предостаточно. А добраться до Ротанга или плато в верховьях Соланга всё равно было невозможно – в мае там ещё лежал глубокий снег.

Позднее я нашёл подтверждение тому, что споры о том, что считать истоком Беаса, шли давно. В Наггаре жил в своё время один англичанин, отставной полковник, большой любитель и знаток охоты. Среди изданий, принадлежавших Ю.Н. Рериху, сохранилась написанная им и напечатанная в 1927 г. небольшая книга «Наставление по спортивной охоте в Кулу, Лахуле и Ладаке до озера Цо Морари с заметками об охоте в Спити, Бара Багахале, Чамбе и Кашмире». Помимо разнообразных охотничьих сведений в ней встречались интересные географические и этнографические заметки. В частности, он писал: «Перевал Ротанг. <...> Около него находится так называемый исток реки Беас, а в полумиле слева – озеро, также около половины мили в диаметре. Оно считается священным и раз в год посещается многочисленными верующими индусами для совершения омовения. Что касается истока реки Беас, то у меня сложилось впечатление, что её истинный источник – не крошечный родничок у перевала Ротанг, а питаемое ледником озеро в верховьях

рукава Соланг Налла, называемого Беас Кунд. Объём воды, вытекающей из озера, много больше того, что стекает с перевала Ротанг»⁴.

Однако даже после принятия гипотезы «трёх Беас Кундов», всё равно оставался вопрос о том, какой из них имел в виду Рерих, что он называл «местом исполнения желаний». Готовясь к следующему путешествию в Гималаи, я внимательно изучал каталог В.В. Соколовского⁵. Надо сказать, в то время я и его использовал, прежде всего, как путеводитель. Я выписывал очередной топоним из названий картин Рериха, находил его на карте и таким образом постепенно прокладывал маршрут будущего путешествия. Какова же была моя радость, когда обнаружилось, что в 1932 г. Рерих написал картину «Виасакунд», которая – по Соколовскому – находилась в Аллахабадском муниципальном музее в Индии. Оставалось найти её фотографию или репродукцию – и ответ на вопрос, казалось, будет получен.

Дэниэл Энтин, директор Музея Рериха в Нью-Йорке, посоветовал мне обратиться к Майклу Брину, написав, что тот много снимал картины Рериха в Индии и, возможно, в Аллахабаде тоже. Электронной почты у Брина тогда не было, я написал ему письмо в Австралию, опустил конверт в почтовый ящик и сел на самолёт вместе с двумя спутницами, Олей и Юлей. Вскоре мы уже пили яблочный сок на лужайке перед «Холл Эстейт» («Hall Estate») в Наггаре со смотрительницей рериховского имения Урсулой Айнштадт и приехавшими к ней в гости из Германии двумя дамами. Оказалось, что одну из дам зовут Анжела Фремонт, она редактор немецкого журнала «Рерих-Форум».

Стоп, стоп. Выражение «вскоре пили яблочный сок» нужно понимать как метафору. Ибо наш путь от Дели до Наггара в сентябре 1995 г. разительно отличался от проделанного мною весной, причём в печальную сторону. И быстрым его назвать было трудно. О муссоне 1995 г. я немного рассказал в очерке «Белые кони, красные кони». Приведу из него одну цитату.

«В начале сентября огромные пространства на севере страны оказались залиты водой. Из-за наводнений прервалось движение на дорогах. Мы стремились скорей уехать из Дели дальше на север, в Гималаи. 12 сентября нам удалось выехать на автобусе в город Кулу. Дальше проехать было нельзя: шоссе от Кулу до Манали было разрушено во многих местах. Рано утром в Биласпуре я купил у продавца газет свежий номер “The Tribune”. “Под оползнем в Кулу погибло сто человек”, – сообщал крупный заголовок на первой странице. Разрушений такого масштаба долина не помнила с 1947 г.

Дальше добираться стало намного труднее. Частью пешком, оглябая по скользким глинистым тропам разрушенные оползнями участки шоссе, переходя реку Беас по чудом уцелевшим мостам. Частью на машинах, оказавшихся запертыми на сохранившихся участках дороги. Ещё весной за Манали был небольшой парк аттракционов, вход в который охраняла огромная чёрная фигура то ли обезьяны, то ли йети. Теперь о нём напоминало только косо выброшенное на берег реки железное колесо карусели с застрявшими в нем ветками, тряпками и всяким речным мусором. От многих домов вдоль дороги осталось по одной-двум стенам. Возникало впечатление жутковатой киностудии под открытым небом»⁶.

Ил. 3. Памятные камни на пути к озеру Дашор.

Так что путь до Наггара оказался сложным. Нам с рюкзаками было попроще, а вот дамам из Германии с их чемоданами пришлось действительно нелегко.

Не буду подробно описывать наши дальнейшие странствия по Кулу и Лахулу. Но от рассказа об отдельных запомнившихся эпизодах удержаться не могу.

Деревушка Соланг Налла – последний «оплот цивилизации» на пути к плато Беас Кунд в верховьях реки Соланг. Мы остановились в небольшом «гестхаузе», решив погулять, отдохнуть, а завтра рано утром начинать подъём в горы. Возвращаясь в номер, мы заметили бородатого европейского парня, бегущего к нам и размахивавшего руками. Его первыми словами, обращёнными к Оле с Юлей, были: «Господи, как же я обрадовался, увидев европейских девушек! У вас, конечно, есть иголка?».

Оказалось, что у него порвался парашют, а местные иголки при попытках прошить толстые швы капронового «крыла» гнулись и ломались одна за другой. Мы выдали ему иголки и пригласили вечером зайти в гости. За несколько часов до этого в последней деревушке, где был магазин, мы подкупили еды и, заодно, бутылку бутанского рома. (Кстати, это был первый и пока последний попавшийся мне в руки продукт, на котором было написано «Сделано в Бутане»). И вот вечером мы сидели в нашей комнате со Стивом (так звали парня), попивали кока-колу с ромом и слушали его историю.

Стив вырос в рабочей семье в Ньюкасле в Англии. Отсидев год в тюрьме за какое-то хулиганство, он решил поехать с друзьями в Индию, в Кулу. Как и многих других молодых европейцев, главным, что влекло их сюда, был дешёвый «чарас» – гашиш. К «чарасу» Стив не пристрастился, а вот долину Кулу сильно полюбил. К

моменту нашей встречи он жил тут уже четыре года. Каждый год он на пару месяцев ездил в Англию, работал на заводе. Заработанных денег хватало на десять месяцев жизни в Гималаях. У него появился друг и «духовный брат» – местный юноша из семьи «благородной, но бедной». И Стив решил помочь ему завести собственное дело – открыть школу обучения полётам на параплане. Мы вспомнили, что по дороге видели в небе два ярких крыла-парашюта, широкими кругами спускавшихся из заоблачных высей. Это были Стив с его другом.

Не знаю, сказалось ли действие рома, но Стив предложил отложить на день выход в горы, обещав «научить нас летать». Оля сразу благоразумно отказалась. Но соблазн был так велик... и мы с Юлей решились. На следующее утро все собрались на длинном пологом склоне, где должны были проходить уроки. Оказалось, что подняться в воздух на параплане совсем не так просто, как кажется, когда смотришь по телевизору. Только, наверное, с десятой попытки я почувствовал, как мои ноги оторвались от земли, и ярко-розовое с жёлтыми краями крыло, выгнувшись упругой, наполненной потоком воздуха дугой, решительно повлекло меня в небо. Это было сильное и весёлое ощущение! Но внизу Стив уже отчаянно махал руками, видимо, считая, что для первого раза хватит, нужно посмотреть, умею ли я приземляться... Пришлось послушно спланировать на землю. Я пишу эти строки десять с лишним лет спустя, больше мне никогда не доводилось летать на параплане, но мгновения того полёта – да и вообще весь тот день – остались в памяти одним из самых ярких воспоминаний.

Ил. 4. Вид на озеро Дашор с перевала.

От Соланг Налла начинался затяжной подъём, последние деодары уступили место берёзовым рощицам, сменившимся альпийскими лугами. К середине дня мы вышли к небольшому мостику, переброшенному через ревущий поток – реку Соланг. Он представлял собой два качающихся бревнышка, концы которых были весьма условно закреплены на противоположных берегах. Поперёк бревнышек лежали прутья потолще, привязанные к бревнам прутьями потоньше. Возможно, в момент создания этой конструкции в ней была какая-то надёжность, но теперь, когда прутья высохли и, свободно перемещаясь по прогибавшимся бревнам, выпадали и скрывались в бурлящей воде, она явно исчезла (ил. 1). Позже мы встретили двух американок с местным гидом, которые, дойдя до этого мостика, проявили благогра-

Ил. 5. Ступа над родником на перевале Ротанг. 1995

зумие и повернули назад. А мы – нет, хотя Оля с Юлей пытались сопротивляться. И ничего – остались целы, даже ни одного рюкзака не утопили.

На следующий день, уже приближаясь к подножию плато Беас Кунд, мы встретили пастуха, изрядно нас удивившего. На прекрасном английском языке он поинтересовался, нет ли у нас чего-нибудь почитать. Показал только что дочитанную книгу – это были «Кумаонские людоеды» Джима Корбетта⁷. Оказалось, что он служил в армии, был ранен, демобилизовался и – выбрал свободу. Так и кочует теперь со своими стадами по склонам Гималаев... И, по его словам, вполне счастлив.

Наконец, после тяжёлого кругого подъёма во второй половине дня мы вышли на плато, где и заночевали, а утром были вознаграждены видом одного из самых

эффектных горных озёр этих мест (*ил. 2*). Оно невелико по размеру, но из-за большой глубины прозрачная вода кажется изумрудно-зелёной. Окружённое заснеженными вершинами, оно непередаваемо прекрасно. Кстати, я склонен согласиться с английским полковником, что это озеро – наиболее реальный претендент на звание Беас Кунда; по фотографии видно, что левый край озера представляет собой своеобразную воронку, через которую вниз устремляется ручей, дающий начало реке Соланг и далее – Беасу.

После похода по Солангу состоялось наше путешествие по Лахулу, но это тема отдельного рассказа. А на обратном пути, возвращаясь из Кейлонга (центра Лахула) в долину Кулу, мы остановились на перевале Ротанг. Оттуда мы собирались совершить небольшой трек к озеру Дашор (или озеру Акбара, поскольку воды его, по преданию, исцелили от паралича дочь императора) – «Беас Кунду № 3» по моей схеме.

Путь к озеру Дашор очень живописен, а менгиры, памятные каменные пирамиды и флажки, повешенные палочниками, придают ему дополнительное очарование живой связи с гималайской историей (*ил. 3, 4*). Я уже писал об этом походе в очерке «Белые кони, красные кони...» и не буду повторяться. Однако на роль начала Беаса озеро Дашор вряд ли может претендовать: какого-либо стока из него в направлении реки мы не заметили.

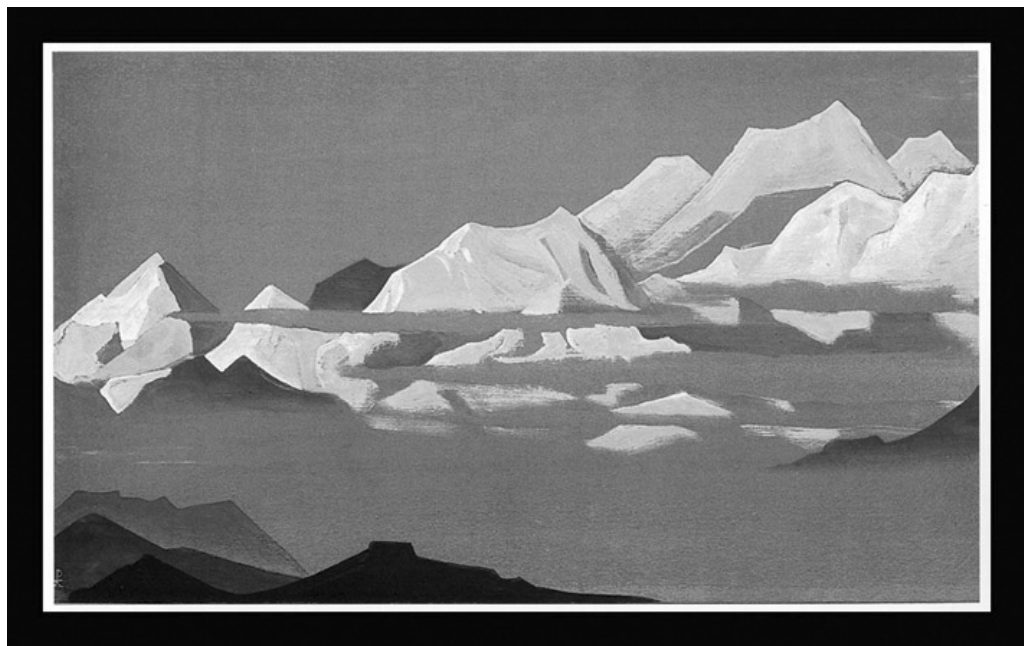
Удивительно, что хотя перевал Ротанг лежит на пути практически всех путешествующих по этим местам, об озере Дашор мало кто знает. Когда я рассказывал, что в каких-то полутора часах спокойной ходьбы от перевала есть такое красивое и интересное место, многие мои знакомые, даже не раз бывавшие в Кулу, были сильно удивлены.

Родник, пробивающийся сквозь толщу скал на перевале Ротанг, не производит сильного впечатления. Но, видимо, именно здесь медитировал риши Вьяса. Теперь это место «узаконено» – над родником установлена небольшая памятная ступа (*ил. 5*). Надпись на ней гласит: «Священный Беас Риши. Легендарная река Беас берёт начало из этого вечного источника. Пожалуйста, не подходите к священному роднику в обуви». И подпись: «Ротари-клуб», Кулу. Мы разулись, вошли в ступу, постояли у небольшого сделанного в полу бассейна и бросили в воду по монетке.

На перевале, где все обычно останавливаются, чтобы оглядеться, передохнуть самим и дать остыть двигателю машины, процветала «придорожная торговля». «Дабы» – местные киоски – это палатки, сделанные из старого брезента, кусков полиэтилена и других подручных материалов. Перед входом – прилавок, в глубине – очаг и нары, где ночует продавец. В одной из таких «даб» мы решили заночевать, вернувшись с берегов озера Дашор.

Ночью Оле стало плохо с сердцем. Валидол не помогал, других лекарств не было, идущих вниз машин – тоже. Спускаться пешком она не могла. С трудом дождавшись утра (всю ночь дул сильный холодный ветер), мы остановили первый же грузовик, идущий вниз, в Кулу.

Мы с Юлей и рюкзаками устроились в кузове, а Олю посадили в кабину к двум молодым весёлым индусам – шоферу и его сменщику. Сели и поехали. Тот, кто ездил по горным серпантинам (не обязательно в Гималаях), когда справа каменная

Ил. 6. Н.К. Рерих. Священные Гималаи. 1933. Холст, темпера. 46,6×79,5.
Слева внизу монограмма: Рх. Аллахабадский муниципальный музей. Фото Майкла Брина.

стена, слева обрыв, а крутизна поворота с трудом позволяет машине вписаться в дорогу, представляет ощущения от такого спуска. Правда, нам с Юлей из высокого железного кузова было ничего не видно, а потому не страшно. Меня только удивляло, что несколько раз грузовик резко останавливался, отползал назад и заходил на вираж снова – обычно индийские шофёры ездят с ювелирной точностью.

Внизу бледная Оля всё нам объяснила. По дороге индусы по очереди прикладывались к некой плоской бутылки (и ей предлагали). Поэтому чем дальше, тем сложнее им было вписать машину в поворот. Когда передние колеса, казалось, вращались над обрывом, шофер ударял по тормозам, давал задний ход и делал новую попытку.

Но сердце у Оли прошло, как только высота стала ниже трёх километров над уровнем моря. А может быть, страх помог забыть о болезни – кажется, в физиологии это называется «доминантой Ухтомского».

А что же с «*Виасакундом*» Рериха? Дома, в Петербурге, меня ждал ответ Майкла Брина. Он писал, что да, он был в Аллахабате, там есть такая картина. К письму прилагалась копия слайда (ил. 6). Никаких конкретных ассоциаций с тремя увиденными Беас Кундами картина не вызвала, напоминая только известное полотно «*Гималаи. Розовые горы*» (1933) из собрания Музея Рериха в Нью-Йорке. Я подумал, что либо Рерих имел в виду некий обобщённо-мистический образ (что было

Ил. 7. Н.К. Рерих. Виасакунд. 1932. Холст, темпера. 46,5×79,0. Слева внизу монограмма: Рх. Холст повреждён (тёмные пятна на фоне гор и неба). Аллахабадский муниципальный музей. Фото Венцислава Симеонова.

странно – в своих «географических» полотнах Рерих обычно точен и реалистичен), либо Майкл Брин что-то спутал.

И только попав через три года, в 1998-м, в Аллахабадский музей, я понял, в чём дело. С подписями к картинам дело там обстояло, мягко говоря, неважно. И не только в «рериховском» зале. Так, одно современное полотно, подаренное музею местным консульством США, изображало Джавахарлала Неру и президента США Рузвельта, едущих в открытом лимузине по улице на фоне небоскребов. Подпись к картине гласила: «Дж. Неру и русский премьер-министр Никита Хрущёв». Когда я сказал сопровождавшему меня сотруднику музея, что это не Хрущёв, он искренне удивился: «Откуда ты знаешь?». Я объяснил. «Понятно, – сказал сотрудник, – Тогда исправь». «Как, прямо так, ручкой?» – спросил я. «Ну да», – ответил он. Подпись под картиной была ламинирована, шариковая ручка по пластику не писала; подозреваю, что и сейчас всё там осталось, как прежде.

В отдельном зале музея выставлены 19 картин Николая Рериха и две – Святослава Рериха. Картина «Майтрейя» там называется «Дхьяни-мудра», «Древний Новгород» – «Русской церковью» и т. д. Подпись «Майтрейя» была помещена под картиной «На гималайских вершинах», изображающей милосердную бодхисаттву Гуань Инь. Под картиной, снимок которой прислал мне Майкл Брин, действительно было написано «Виасакунд». Брин просто стал жертвой веры в «музейную точность» –

настоящее название картины «*Священные Гималаи*». А «*Виасакунд*»? Я узнал его – перевал Ротанг, скала, из-под которой вытекает «священный родник» (ил. 7). В музее она носит название «*Горы и скалы*». Это небольшой штрих на тему «о пользе путешествий для искусствоведения».

А как же с исполнением желаний? За Олю с Юлей отвечать не берусь, что же до автора этих строк... Нет у меня уверенности, что сам знал тогда, чего хочу. Безусловно, хотелось ещё приехать в Индию. И это получилось, причём у всех троих. Но вполне вероятно, что «святой источник» вытащил из глубин сознания и более существенные идеи, определившие (и продолжающие определять) всю мою дальнейшую «индийскую деятельность». Если так – спасибо тебе, риши Вьяса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. – М.: Наука, 1985. – С. 200. См. также сноски 2 и 3.

² *Рерих Н.К.* Из литературного наследия / Под ред. М.Т. Кузьминой. – М.: Изобразительное искусство, 1974. – С. 122–123.

³ *Рерих Н.К.* Урусвати. – М.: МЦР, 1993. – С. 44–45.

⁴ *Tyacke R.H.* In Quest of Game: A Sportsman's Manual for Game Shooting in Kulu, Lahoul and Ladak to the Tso Morari Lake. – Calcutta & Simla: Thacker, Spink & Co., 1927. – P. 114.

⁵ *Соколовский В.* Каталог художественных произведений Николая Константиновича Рериха с 1885 по 1947 г. – Новосибирск, 1996. – 44, [2] с.

⁶ *Крылов П.* Белые кони, красные кони... // *Хранитель*. – СПб., 1998. – Вып. 2. – С. 84–90.

⁷ Эта увлекательная книга есть и в русском переводе: *Корбетт Дж.* Кумаонские людоеды. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1959. – 176 с. Есть и более поздние переиздания.

В.Л. ФОМИН*

(*Санкт-Петербургское Общество библиофилов, г. Санкт-Петербург*)

ФРИЦ АЙХЕНБЕРГ – АМЕРИКАНСКИЙ ХУДОЖНИК, ВЛЮБЛЁННЫЙ В РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Всё началось весной 1997 г. Я оказался в Бостоне, США, в букинистическом магазине на улице West, 9. Это в самом центре города, рядом с парком. Особенность этого магазина состоит в том, что кроме обычного торгового зала он имеет дворик,

* **Владимир Леонидович Фомин** (1933—2006) – страстный собиратель произведений изобразительного искусства и редких книг. Несомненной удачей в истории его собирательства стала покупка эскизов костюмов Н.К. Рериха для постановки «Пер Гюнт» – «*Отец Сольвейг*» и «*Парень Гегстад*» (1912). До выхода на пенсию работал в области механики твёрдых тел. Кандидат физико-математических наук. Член Санкт-Петербургского Общества библиофилов. Автор более 30 научных работ, в т. ч. трёх монографий. Участник четвёртого и пятого выпусков альманаха «Невский библиофил»: статьи «Художник кино, свидетель блокады, иллюстратор Пушкина» (1999) и «Книга и мечта о книге» (2000). Участвовал в пополнении фондов Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге с момента его основания. – *Примеч. ред.*

заставленный ящиками на колёсах, полными книг. Там же, у стен, стоят шкафы с книгами, причём стоимость одной книги на дворе колеблется от одного доллара до пяти в отличие от более дорогих книг в торговом зале. Там я и обнаружил роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» с замечательными иллюстрациями художника, имя которого мне было незнакомо. Я купил эту книгу и внимательно просмотрел рисунки. Особенно меня поразило изображение сцены избияния лошади, которая произвела такое сильное впечатление на Родиона Раскольниково. Я стал понемногу собирать сведения об авторе иллюстрации и вот что узнал.

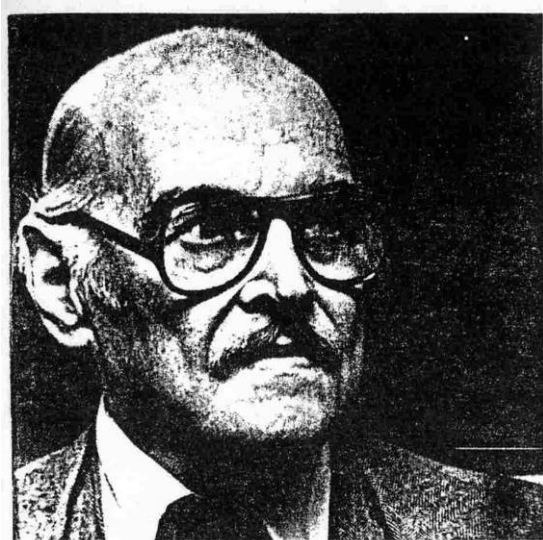
Фриц Айхенберг (Fritz Eichenberg) родился в 1901 г. в Кёльне (Германия) и первые восемнадцать лет прожил там же. Затем он уехал в Лейпциг, где учился в Академии графического искусства до 1921 г. Потом последовал переезд в Берлин, где он жил с 1926 по 1933 г.¹

Сначала он работал в универмаге и писал там объявления и афиши; был учеником в литографской мастерской; учился делать собственные эстампы. Его кумирами были Дюрер, Гойя, Домье, Кете Кольвиц. Первая книга, которую он начал иллюстрировать, ещё будучи студентом, был роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». С этого началась его неистощимая любовь к русской литературе.

Его пригласили работать в издательскую сеть «Ultstein», которая, помимо книг, издавала, по крайней мере, 6 газет и 4 журнала. Сделавшись штатным сотрудником журнала «УНУ», он стал ездить в Париж, Вену для освещения тех или иных событий, писал и иллюстрировал, начал много зарабатывать и неплохо обеспечивал семью. В 1926 г. он женился на девушке, с которой вместе учился, тоже художнице; у них родилась дочь.

В марте 1933 г. Фриц Айхенберг выехал на три месяца в Мексику и Гватемалу, где он давно хотел побывать. Для поездки ему выдали паспорт с двенадцатимесячной визой. Возвращался он через США, откуда по поручению редакции он должен был посылать репортажи со Всемирной выставки в Чикаго. Перед этой поездкой он принимал активное участие в избирательной компании в Германии на стороне антигитлеровских сил (в частности, был автором карикатур на Гитлера). Поэтому в США ему не советовали возвращаться домой, но он всё-таки вернулся, за три-четыре недели собрал вещи, с трудом уговорил жену, которая не хотела уезжать. Один из доводов «против» был в том, что «в США депрессия», но он уже пережил это в Германии в 1921 г., а доводы «за» отъезд перевешивали. И так, в роковом для Германии тридцать третьем году художник, пользуясь наличием действующей визы, выехал в эмиграцию в Америку.

В США пришлось всё начинать с нуля. Там не нужны были политические рисунки, не требовалось ничего из того, что одобрили бы Домье и Гойя. Ему советовали работать над объявлениями в витринах магазинов, но это его не интересовало. В течение года он рисовал карикатуры для журнала «Nation», затем пять лет давал уроки книжной иллюстрации и ксилографии, выпустил несколько детских книг, но зарабатывал мало – меньше сотни долларов в месяц. Успех пришёл бы быстрее, если бы он согласился рисовать полуголых девушек, но ему это было чуждо.

I would like to think that through my work as an artist and through my personal relations I have been able to make friends all over the world.

I am grateful for the fact that I was given the talents of an image maker, enabling me to interpret the great classics as well as expressing my own thoughts, and that I was allowed to pass on my experiences to generations of young artists.

It is my hope that in a small way I have been able to contribute to peace through compassion and also to the recognition, as George Fox has said three centuries ago, "that there is that of God in everyone", a conception of the sanctity of human life which precludes all wars & violence.

— Fritz Koenig

Портрет и автограф Фрица Айхенберга в одном из американских изданий, посвящённых его творчеству. Архив Йельского университета, США².

Фриц Айхенберг. Портрет М.И. Голенищева-Кутузова.
Заставка в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» (Т. II, гл. 15).

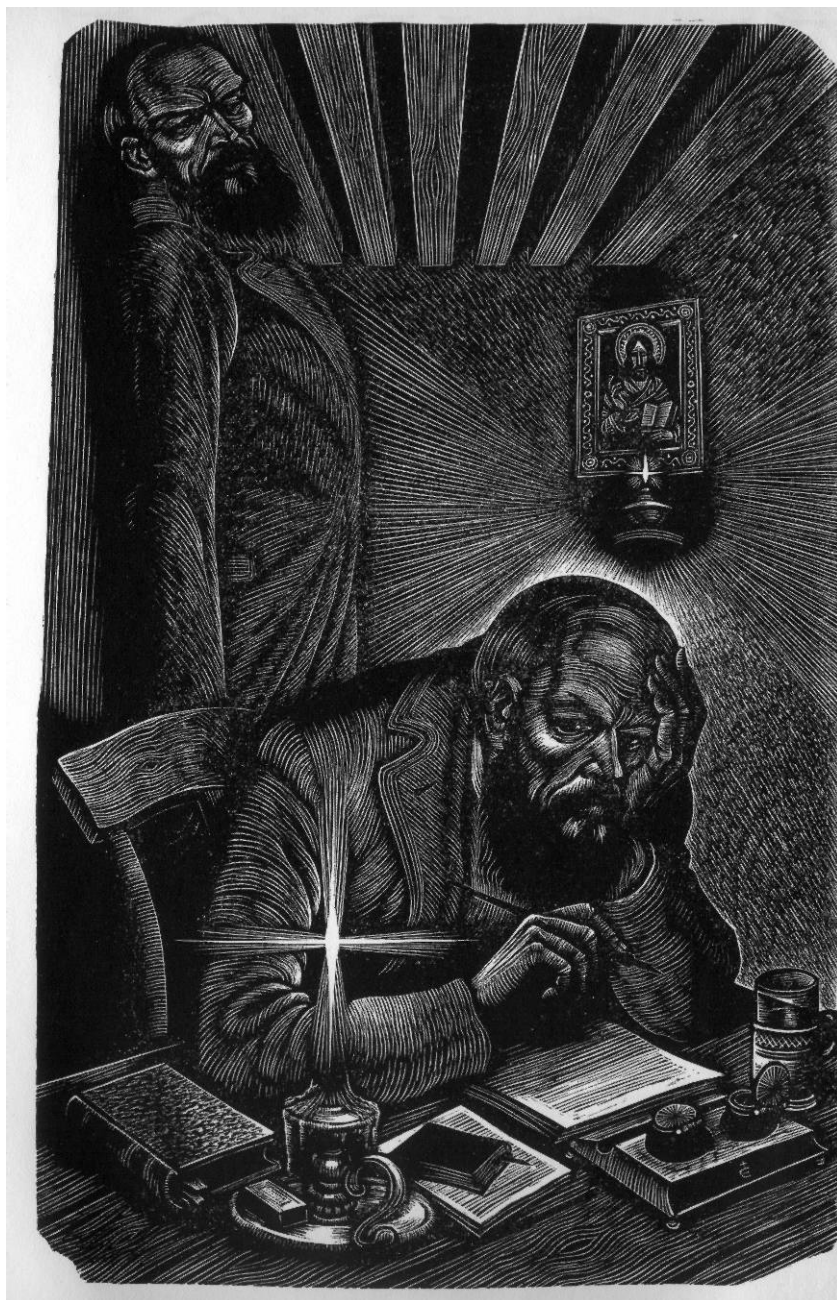
Фриц Айхенберг. Святочное катание на тройках.
Иллюстрация в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» (Т. I).

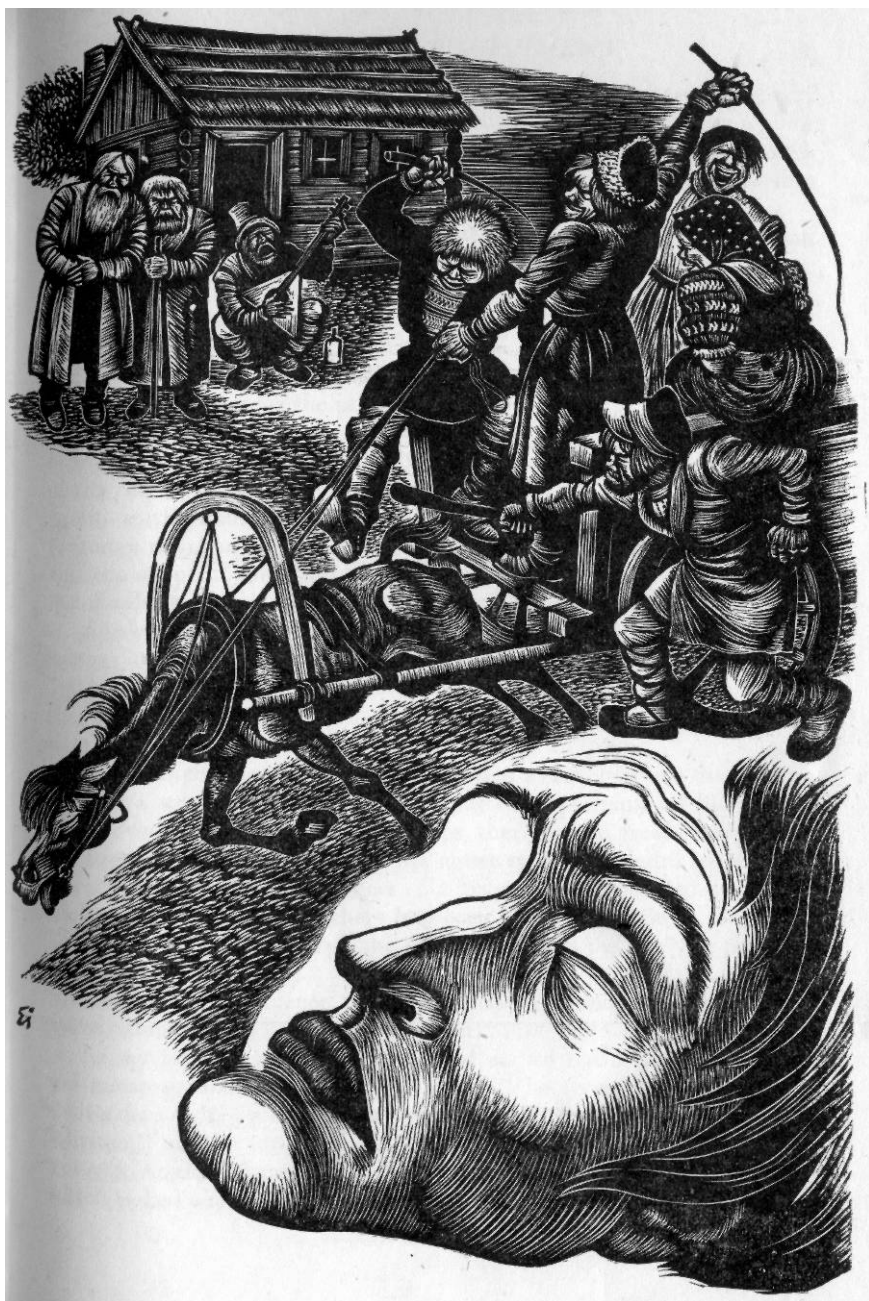
Фриц Айхенберг. Заставка в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. VII). 1943.

Фриц Айхенберг. Портрет Л.Н. Толстого в американском издании романа «Воскресение».

Фриц Айхенберг. Портрет Ф.М. Достоевского
в американском издании романа «Идиот», помещённый на шмуцтитule.

Фриц Айхенберг. Сцена избиения лошади. Иллюстрация в американском издании романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

Постепенно Фриц Айхенберг завоёвывает авторитет в издательском мире, приобретает славу выдающегося рисовальщика и гравёра. Главными его достижениями становятся иллюстрации к русским романам. Когда книги русских авторов иллюстрируют иностранцы, часто можно столкнуться с несуразницей, «развесистой клюквой». Ничего подобного не встречается в книгах, украшенных рисунками и гравюрами Фрица Айхенберга. Всего он проиллюстрировал восемь русских романов (и каких!): четыре произведения Ф.М. Достоевского («Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот», «Братья Карамазовы»), два – Л.Н. Толстого («Война и мир», «Воскресенье»), «Отцы и дети» И.С. Тургенева, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. Это, безусловно, огромный и яркий вклад в искусство книги, в укрепление связей русской литературы с культурой Запада.

Приведём пример. Издатели, задумав напечатать роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», обратились к Фрицу Айхенбергу со следующим посланием: «Вы один из полудюжины ныне живущих великих иллюстраторов. Сейчас Вы находитесь на вершине своих возможностей и могли бы создать свой шедевр (magnum opus). Мы были бы рады разделить с Вами этот успех и делаем Вам особое предложение: мы оплатим Вам целый год работы, чтобы Вы делали всё, что хотите, и целиком посвятили себя созданию серии прекрасных иллюстраций для этого великого романа». Он действительно работал целый год, результатом чего явились около полусотни замечательных литографий.

Кроме русских романов, Фриц Айхенберг иллюстрировал многие другие книги: «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта, «Ричард III» Уильяма Шекспира, «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте, «Грозовой перевал» её сестры Эмили Бронте, «Похвала глупости» Эразма Роттердамского и т. д.

Фриц Айхенберг был очень порядочным и доброжелательным человеком. Вот, например, симпатичная деталь из его жизни: на Рождество он посылал всем своим друзьям и ученикам оригинальные рисунки, темы которых варьировались от древних преданий до басен собственного сочинения, от изречений Лао-Цзы до библейских притч. Он всегда разоблачал несправедливость войны. В газете «Католический рабочий», издаваемой Дороти Дэй (Dorothy Day), он писал: «В нашей борьбе против войны и насилия искусство должно занять достойное место...». Он стремился также к объединению различных течений в искусстве. Некоторые авторы воспоминаний о нём сравнивают этого выдающегося художника и гуманиста с Эразмом Роттердамским, Махатмой Ганди, Мартином Лютером Кингом.

В 1960 г. Фриц Айхенберг участвовал в известной встрече с Н.С. Хрущёвым в США, что привело к открытию выставки американской графики в СССР в 1963 г. Он поехал в Советский Союз и участвовал в этой выставке в качестве представителя Государственного департамента США. Он совершил также профессиональные поездки в Индию, в Юго-Восточную Азию и Японию.

Фриц Айхенберг уделял много сил и внимания преподаванию графического искусства. Ещё в тридцатые годы он преподавал в Новой школе для социального развития (New School for Social Research). С 1947 г. он был преподавателем департамента графического искусства и иллюстрации в Институте Пратта, а с 1956 г. стал

руководителем этого департамента. Он же основал Центр современной печати Пратта. По его инициативе стал выходить издаваемый студентами Центра Пратта журнал «АВЛИВ», а также журнал графических искусств «Artist's Proof». В 1966 г. он возглавил департамент искусств в Университете Род-Айленда в Кингстоне и работал там вплоть до отставки, последовавшей в 1971 г.

Фриц Айхенберг является автором прекрасных руководств и учебных пособий, неоднократно переиздававшихся в США и рекомендуемых для студентов, изучающих искусство и графику³.

Говоря о Фрице Айхенберге, следует прежде всего подчеркнуть, что это превосходный рисовальщик. Во-вторых, это эксперт, специалист, знаток графического искусства, чувствующий себя в этой области, «как дома». Он замечательный гравёр, знающий, как резать дерево, металл, как рисовать на литографском камне. Наконец, это художник с пылким воображением и литературной фантазией. Его серии иллюстраций всегда украшают и обогащают книгу, драматизируя и ярко освещая её содержание.

Прожив долгую, полную творческих успехов и непрерывной работы жизнь, Фриц Айхенберг скончался в 1990 г. Его художественный архив, содержащий свыше 400 досок и более 6000 работ на бумаге, переписку с другими художниками и иллюстраторами, дизайнерами и ксилографами, записные книжки для зарисовок и рисунков, приобрёл Йельский университет. В 1999 г. в библиотеке университета была организована выставка, посвящённая этому замечательному художнику. Мы же, россияне, должны быть благодарны Фрицу Айхенбергу за постоянную, плодотворную и трогательную любовь к великим творениям нашей литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Айхенберг Ф.* Интервью, проведённое 3 декабря 1964 г. Харланом Филлипсом // Архив Фрица Айхенберга в Йельском университете; Объявление о выставке работ из архива Ф. Айхенберга в Йельском университете (28 января – 16 апреля 1999) // Там же; Ф. Айхенберг: [Некролог] // *Нью-Йорк Таймс*. – 1990. – 4 декабря.

² Данный автограф в переводе М.А. Мельниковой:

«Мне хотелось бы думать, что через мои художественные работы и личные отношения я смог найти друзей по всему миру.

Я благодарен судьбе за то, что она наградила меня талантом художника, даровав способность интерпретировать великих классиков и выражать собственные мысли, а также за то, что я могу передавать свой опыт поколениям молодых художников.

Надеюсь, что за свой недолгий путь я смог привнести через сострадание мир, а также сознание того, о чём три века назад сказал Джордж Фокс: “Бог есть в каждом”, или иначе – идею святости человеческой жизни, противодействующую всем войнам и насилию». – *Примеч. ред.*

³ *Eichenberg F.* The Art of the Print. Masterpieces. History. Techniques. New York: Publishers Harry N. Abrams, Inc., 1976; *Eichenberg F.* Yours in Peace Fellowship Publications. – New York, 1977; *Eichenberg F.* The Wood and Graver. – New York: Clarkson N. Potter, 1977; *Eichenberg F.* Lithography and Silkscreen. – New York: Publishers Harry N. Abrams, Inc., 1978.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	5
Приветствия.	
Х.К. Кеджривал. <i>Индия.</i>	7
В.М. Филиппов, Б.В. Вершинин. <i>Россия.</i>	8
Ирена Залецкене, Неринга Даргите. <i>Литва.</i>	10
Фиоренца Бортоллотти. <i>Италия.</i>	10
Даниил Энтин. <i>США.</i>	10
И.Е. Иванченко. <i>Эстония.</i>	11
Е.Г. Петренко. <i>Украина.</i>	11
Санжаа Баяр. <i>Монголия.</i>	11
Организационный комитет конференции.	13
Программный комитет конференции.	14
1. РЕРИХИ И ИХ СОВРЕМЕННОКИ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ	
К.И. Новосельский (Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург). «Голубиная книга» как ключ к истории рода Рерихов.	16
С.В. Иванов, В.К. Румянцев, В.К. Румянцева (г. Санкт-Петербург). Статистический учёт погоста Грызово в Изварском имении Рерихов, проводимый духовенством в конце XIX в.	24
Н.С. Новиков (Член Союза писателей России, г. Великие Луки, Псковская обл.). Исконно русское звучит.	32
Л.М. Золотницкая (Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Санкт-Петербургский музыкально-педагогический колледж). «Русская Патти» и итальянский театр в Санкт-Петербурге.	37
И.С. Аникина (Музей-институт семьи Рерихов, г. Псков). «Муличка», урождённая Голенищева-Кутузова.	46
<i>Приложения.</i> Документы Екатерины Васильевны Голенищевой-Кутузовой: Свидетельство о рождении. Свидетельство от Императорского Воспитательного общества благородных девиц. Свидетельство о браке.	63
Н.Ю. Серебрякова (Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург). О несостоявшемся даре Музею русского искусства.	68
П.И. Мягков (Академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, г. Санкт-Петербург). Собрание западноевропейской живописи Николая Константиновича Рериха.	75

- Здесь же.* Каталог западноевропейской живописи из собрания Н.К. Рериха (опыт реконструкции). 91
- В.Л. Мельников** (Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург). О восточных коллекциях Н.К. Рериха (к постановке вопроса). 111
- Ю.И. Елихина** (Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург). Две тханги с изображением Авалокитешвары из коллекции Ю.Н. Рериха, хранящейся в Эрмитаже. 117
- К.В. Гилевич** (Дом-Музей имени Н.К. Рериха, г. Одесса). «Цветы Мории» Николая Рериха и «Гитанджали» Рабиндраната Тагора: сравнительный анализ некоторых аспектов. 123
- Ю.Ю. Будникова** (Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург). О поэзии С.С. Митусова. (По материалам Мемориального собрания С.С. Митусова в Санкт-Петербурге. К 125-летию со дня рождения). 129
- Здесь же и в Приложении. Поэтические произведения С.С. Митусова:*
- «Не спи с занозой...». 132
- «Сей боб натри иначе ты, Ревекка...». 132
- Стихотворные отрывки из «Петрушиной Горы». 133
- «Снова, как прежде, один”...». 141
- «Вот в саду на зелёной скамеечке в позе мечтательной...». 142
- Биль и Бин. (И.Я. Билибину). 144
- «Ты соткана из вдохновенья...». (Р.Р. О’Коннель). 144
- Октавы. 145
- «И тридцать пятый, и Торгсин...». (Т.С. Митусовой). 145
- Дикая роза (из И.В. Гёте). 146
- Орешина (из Р. Шумана). 147
- В.Л. Мельников** (Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург). Н.К. Рерих и В.Д. Замирайло: неслучайные пересечения. 147
- Приложение. Е.Г. Михайлова.* Воспоминания о художнике Викторе Дмитриевиче Замирайло (1868–1939). Публикация **Б.Н. Васильева**. 151
- И.Н. Егорова** (Академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, г. Санкт-Петербург). Сергей Маковский: материал к лекциям по Всеобщей истории искусства в Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств (1906–1907 гг.). 157
- Э.М. Романовская** (Санкт-Петербургское Художественное училище имени Н.К. Рериха). Будем творить и верить. 162
- А.Л. Митрохина** (Студия документального кино «LALvideo», издательство «АСТ», г. Москва). Возвращение в Татагунни. Паломничество 30 лет спустя. 169
- Здесь же. Л.В. Митрохин.* [Из неоконченного сценария]. 170

- В.Л. Мельников** (Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург). «Всё хранится и делается, как при отце» 177
Приложение. К.П. Беликов. Черновые записи о приездах С.Н. Рериха в СССР. Публикация **А.П. Беликовой** и **Г.К. Беликовой**. 182

2. ВОСТОК – ЗАПАД НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

- А.В. Гнездилов** (Научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, г. Санкт-Петербург). Башенное братство в культурной истории Петербурга. 191
- С.В. Кривонденченков** (Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург). Тема Востока в творчестве забытого художника Н.Н. Гриценко (1856–1900). ... 193
- А.Г. Ханевская** (Филологический факультет Кемеровского государственного университета, г. Кемерово). Православное и восточное в метафорическом мире И.А. Бунина. 197
- В.А. Богданов** (Факультет психологии Санкт-Петербургского государственного университета). Бог Агни и «прометеи» русской поэзии. 199
- О.Ю. Шилина** (Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), г. Санкт-Петербург). К вопросу о западной традиции в русской звучащей поэзии XX в. 204
- О.А. Жарковская, В.П. Тюкин** (г. Санкт-Петербург). Первый русский конный монумент: от культуры Востока к восприятию западных форм искусства. 211
- А.И. Оразбаева** (Евразийский университет имени Л.Н. Гумилёва, г. Астана, Казахстан). Категория «цивилизация» как метод сравнительного анализа общественных систем. 221
- М.А. Усманов** (Казанский государственный университет). Ахмад Дониш (1827–1897) как просветитель. 231
- Е.И. Кычанов** (Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН). Азиатский музей Академии наук – мост между Востоком и Западом. 243
- Е.П. Маточкин** (Международная Славянская академия, Республиканский Алтайский краеведческий музей им. А.В. Анохина, г. Новосибирск). Санкт-Петербург и искусство народов Сибири. 250
- Н.Г. Краснодембская** (Отдел Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург). Об опыте популяризации индологических знаний (петербургские традиции) 262
- В.Н. Мазурина** (Государственный музей истории религии, г. Санкт-Петербург). Зримые образы непальской культуры в Санкт-Петербурге. 269
- О.В. Горовая** (Государственный музей истории религии, г. Санкт-Петербург). Антология буддийских философских текстов мадхьямика и йогачара. 274

- Е.П. Яковлева, Нин Бо** (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург). Ли Тяньсян – выпускник Ленинградского института имени И.Е. Репина (к вопросу о советско-китайских художественных связях). 276

3. ИСТОРИЯ НАУКИ

- И.Ф. Попова** (Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской Академии наук). Российские исследования в Центральной Азии. 284
- А.М. Решетов** (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург). Русская Православная Духовная миссия и её роль в развитии культурных связей между Россией и Китаем. 291
- Ю.И. Елихина** (Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург). Коллекция находок из Ноин-Улы, хранящаяся в Государственном Эрмитаже. 304
- К.Н. Яцковская** (Институт востоковедения Российской Академии наук, г. Москва). Алексеевские чтения. 310
- М.Н. Кожевникова** (Музей-квартира П.К. Козлова, г. Санкт-Петербург). К истории создания Института буддийской культуры (ИНБУК) АН СССР (1927–1930 гг.). Значение научных экспедиций школы академика Ф.И. Щербатского. 314
- Б.Н. Мельниченко** (Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета). Тибет в воспоминаниях участников экспедиции Н.К. Рериха 1927–1928 гг. 329
- А.А. Бондаренко** (Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург). Гималайский исследовательский институт «Урусвати» и проблема «Восток – Запад». . 343
- Ю.Ю. Будникова** (Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург). Джузеппе Туччи и Юрий Рерих. 354
Приложение I. Джузеппе Туччи. Сотрудничество с Востоком. Выступление на конференции, проходившей в Итало-Швейцарской Ассоциации по культуре. 14 марта 1958 г. Публикация **Ю.Ю. Будниковой**. 369
Приложение II. Герардо Ньюли. Наследие Джузеппе Туччи. Выступление на конференции IsMEO, приуроченной к столетию со дня рождения Джузеппе Туччи. Рим, 7–8 июня 1994 г. Публикация **Ю.Ю. Будниковой**. 382
- Е.А. Хамаганова** (Издательство «Утпала», г. Санкт-Петербург). Мотив хождений в средневековой тибетской литературе. 391
- О.С. Хижняк** (Государственный музей истории религии, г. Санкт-Петербург). Вопросы терминологии в зарубежных и отечественных исследованиях буддийских культовых памятников Древней Индии. 402
- Т.П. Селиванова** (Кафедра индийской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета). Армия в средневековом Кашмире. 414

- А.А. Азизян** (Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург). Львы и быки Майкопа в контексте новых археологических открытий в Турецкой Месопотамии. 431
- Е.А. Трофимова** (Факультет философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета). Изучение философии Древней Индии в отечественном антиковедении (1917–1988). 445
- С.Р. Аблеев** (НИИ социальных проблем РАЕН, г. Тула). К вопросу об исследованиях метаисторического фактора исторического процесса. 459

4. КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

- Е.В. Бранская** (Кафедра философии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета). Синергетический циклизм в культуре. 465
- Н.В. Слепкова** (Зоологический институт РАН, г. Санкт-Петербург). Первые страницы истории Художественного училища имени Н.К. Рериха в здании у Дворцового моста (1840–1878 гг.). 467
- В.М. Мельников** (Общественная организация «Союз хранителей Санкт-Петербурга», г. Санкт-Петербург). К вопросу создания Музея архитектурного творчества в Санкт-Петербурге. 478
- С.Е. Ивлева** (Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург). «Картины света». Страны и народы на страницах русских иллюстрированных журналов тридцатых – пятидесятых годов XIX в. 485
- В.В. Григорьева** (Санкт-Петербургский государственный университет). Необходимость спасения часовни Святой Анастасии в Пскове. 502
- Н.Е. Порожнякова** (Южноукраинский педагогический университет имени К.Д. Ушинского, г. Одесса). Сказочный образ ковра-самолёта в живописных произведениях Н.К. Рериха. 508
- Е.Г. Петренко** (Дом-Музей имени Н.К. Рериха, г. Одесса). Картина Н.К. Рериха «Вестник». 516
- Л.С. Марсадоллов** (Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург). Один из районов Беловодья на Западном Алтае. 526
- Дашнямын Гангаа** (Бюро переводчиков «Nemekh-Prague», г. Прага). Картина Н.К. Рериха «Великий Красный Богатырь» и её связь с монгольской живописью. 535
- Ю.И. Елихина** (Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург). Золотые и серебряные находки из Ноин-Улы, хранящиеся в Эрмитаже. 537
- А.А. Гелич, А.В. Романова** (Санкт-Петербургская государственная Художественно-промышленная академия имени барона А.Л. Штиглица, г. Санкт-Петербург).

Композиционные особенности китайских перегородчатых эмалей XV – начала XVI в.	542
П.И. Крылов (Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург). Беас Кунд, место исполнения желаний.	550
В.Л. Фомин (Санкт-Петербургское Общество библиофилов). Фриц Айхенберг – американский художник, влюблённый в русскую литературу.	560
Содержание.	570

*Издано при поддержке Комитета по культуре Правительства Санкт-Петербурга и
Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие»
для распространения на VIII Международной конференции «Рериховское наследие».*

Иллюстрированное
научно-художественное издание

«Рериховское наследие»

Труды конференции

Том III

Часть 1

В оформлении издания использованы концовки из журнала
«Искусство и художественная промышленность» (1898–1899 гг.).

Руководитель Рериховского центра СПбГУ *А.А. Бондаренко*
Научный редактор и автор макета *В.Л. Мельников*
Литературный редактор *Ю.Ю. Будникова*
Выпускающий редактор *С.В. Медведев*
Корректор *М.А. Мельникова*
Художник *Т.А. Обатнина*

Подписано в печать 12.04.2007. Формат 70 100¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 72. Тираж 500 экз. Заказ 376.

Отпечатано в типографии
ООО НТП «Фактор», г. Тверь, 170100, а/я 0605.